

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Крымский научный центр

СВОД ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ, АРХИТЕКТУРЫ И КУЛЬТУРЫ КРЫМСКИХ ТАТАР

Том III
г. Симферополь

Казань — Симферополь, 2018

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. Ш. МАРДЖАНИ АН РТ
КРЫМСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР

ГБОУ ВО РК «КРЫМСКИЙ ИНЖЕНЕРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ
ФИЛОЛОГИИ, ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ЭТНОСОВ КРЫМА

**СВОД ПАМЯТНИКОВ
ИСТОРИИ, АРХИТЕКТУРЫ
И КУЛЬТУРЫ
КРЫМСКИХ ТАТАР**

**Том III
г. Симферополь**

Белгород
«КОНСТАНТА»
2018

УДК 719.5(477.75)
ББК 63.3 (2Рос.Кры=632.94)
С 25

*Подготовка и издание книги осуществлены в соответствии
с Распоряжением Кабинета министров Республики Татарстан
№ 659-р от 7 апреля 2017 г.*

Главный редактор
Хакимов Р. С.

Составитель тома
Абдульвапов Н. Р.

Научный редактор тома
Салихов Р. Р.

Координатор тома
Сейдаметов Э. Х.

Редакционная коллегия:

Непомнящий А. А., Кондратюк Г. Н., Заатов И. А., Миргалеев И. М., Сейдаметов Э. Х.,
Сейдалиев Э. И.

Авторы статей:

Н. Абдульвапов, Д. Абибуллаева, Р. Аирчинская, С. Бекиров, И. Заатов, И. Керимов,
Г. Кондратюк, Р. Саранаев, Г. Сейтваниева, Э. Черкезова

Архитектор-консультант
Саранаев Р. В.

С 25 **Свод памятников истории, архитектуры и культуры крымских татар. Том III.**
г. Симферополь. – Белгород: «КОНСТАНТА», 2018.– 392 с.: илл.

ISBN 978-5-906952-68-4

ББК 63.3 (2Рос.Кры=632.94)

В настоящем томе представлены материалы, касающиеся крымскотатарских историко-культурных памятников г. Симферополя периода конца XV – первой пол. XX в. В книгу вошли описания объектов как непосредственно относящихся к крымскотатарской культуре, так и тех, которые, не будучи таковыми по происхождению, оказались тесно связанными с жизнью крымскотатарской общины города, деятельностью многочисленных представителей крымскотатарской государственной и культурной элиты указанного периода. Памятники истории, архитектуры и культуры крымских татар столицы Крыма впервые стали предметом отдельного крупного исследовательского проекта, в результате чего в научный и читательский оборот вводится значительное число новых исторических данных. История функционирования того или иного объекта в книге показана на широком общественно-политическом и культурном фоне, что позволяет более подробно представить общую картину развития города на протяжении последних пяти столетий его существования.

Книга предназначена для историков, искусствоведов, краеведов и экскурсоводов, а также широкого круга рядовых читателей, интересующихся богатой историей Крыма и, в частности, его административного и культурного центра – города Симферополя.

ISBN 978-5-906952-68-4

© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Крымский научный центр, 2018
© Издательство «КОНСТАНТА», 2018

О КРЫМСКОТАТАРСКИХ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ПАМЯТНИКАХ СИМФЕРОПОЛЯ

В настоящем «Своде» представлены материалы, касающиеся крымскотатарских историко-культурных памятников г. Симферополя периода конца XV – первой пол. XX в. Труд не претендует на роль завершеного исследования, поскольку является первым опытом комплексного описания соответствующего наследия и создавался в относительно сжатые сроки.

Основной проблемой при составлении «Свода» явилось практически полное отсутствие исследований по крымскотатарской части истории значительного числа объектов. За исключением ряда сохранившихся исторических мечетей, сведения по многочисленным другим крымскотатарским историко-культурным памятникам города отсутствуют в информационном пространстве полуострова, эти объекты никак не отмечены по месту нахождения и не включены в соответствующие реестры историко-культурного наследия. Это, во-многом, объясняется тем, что «крымскотатарская» история Акмесджита-Симферополя до сих пор остается весьма малоизученной темой, ханский же ее период (кон. XV – 1783) и вообще представляет собой «terra incognita».

Ниже предложены некоторые сведения, позволяющие проследить эволюцию, условно говоря, «крымскотатарской» части инфраструктуры города на протяжении последних пяти столетий его развития.

В период Крымского ханства Акмесджит¹, несмотря на присутствие здесь ставки второго лица государственной иерархии – калги-султана, оставался небольшим городом. Как правило, он упоминается во всех трудах крымскотатарских историографов ханского времени, а также трудах турецких, русских и европейских путешественников, историков

и дипломатов, посвященных истории Крымского ханства. Одно из наиболее интересных и относительно подробных подобных описаний города присутствует в знаменитой «Книге путешествия» османского путешественника XVII в. Эвлия Челеби. Есть смысл привести его максимально полностью:

«Описание столицы калга-султана – древнего города Акмесджит, заселенного и обустроенного.

Этот город – столица всех *калга-султанов*, и, по законам рода Чингизидов, благородное *каза* с доходом в 300 *акче*. Тут есть триста шестьдесят окрестных селений с десятью *наибами* в *нахие*. Управители здесь – *калга*, *кадий*, *субаши* и *мухтесиб*. Других управителей нет.

Описание вида города. Этот город находится на краю красивой широкой долины, украшенной лугами, которая тянется на три часа [езды] и оканчивается в стороне *кыблы* Чатыр-дагом, вершина которого касается небес. [Чатыр-даг] – купол Крымской страны. Его вершину видно со всех сторон с расстояния в пять переходов, такая это высокая гора. <...>.

Восточная часть этого города расположена на голых скалах с вырубленными пещерами. Это благоустроенный город с домами, крытыми рубиново-красной черепицей, двухэтажными, с выложенными из камня стенами. Все дома просторные. Имеется двести лавок. Там есть особые лавки с дверями с двух сторон, подобные *безестану*, а рядом с ними – торговый дом иноземных купцов. А садов в этом городе нет. Впрочем, есть сад Ирема у дворца Сефер Гази-аги, при восхвалении которого языки слабеют, а слова рассыпаются.

Имеется три постоянных двора для купцов. Лучший из них – подобный крепости постоянный двор Айше-хатун, родственницы Сефер Гази-аги, построенный для торговцев. Все торговцы, путешествующие по суше и по морю, и сказочно богатые купцы гостят здесь.

Здесь есть пять *михрабов*. Самый лучший – посреди дворца *калга-султанов* – соборная

¹ В настоящем «Своде» крымскотатарское название города используется в его более правильной, литературной форме – Акмесджит.

Крымский хан Менгли-Гирей I (в центре) в присутствии османского султана Баязида II во время похода на Молдавию в 1484 г. Фрагмент османской миниатюры. 1585–1588 гг.

мечеть Менгли Герай-хана. Это маленькая мечеть, крытая черепицей, с одним каменным минаретом старой конструкции. Затем, во внешнем пригороде, соборная мечеть Абд ар-Рахман-бея. И это древнее место молитвы, крытое черепицей, с каменным минаретом. Над ее дверью написан следующий *тарих*: «Построил эту благословенную мечеть в дни правления *султана* Менгли Герай-хана слабейший из рабов Абд ар-Рахман, сын Али-бея, да простит Бог его и его семью. Месяц *мухаррем* девятьсот четырнадцатого года»². Не считая названных соборных мечетей, есть еще три квартальные мечети. И всего два *медресе*.

Имеется три *текке* [братства] *хальвети*, *колечли* и *чюнджили*³. В *текке* Мухаммеда-

² 914 г. Х. = 1508/09 г. (*примечание Е. Бахревского*)

³ Хальвети – суфийское братство, сложившееся в конце XIV в. в Иране. Входит в число 12 материнских братств. Расцвета достигло в XVI в. в Османской империи.

Колечли – братство последователей Ахмеда-эфенди из селения Колеч близ Кафы (о нем см. ниже). Вероятно, одно из ответвлений братства накшбандийя.

Чюнджили – братство последователей Мехмеда-эфенди из селения Чюнджи (описание его см. ниже). Слова “колечли” и “чюнджили” в тексте – без диакретических точек (*примечание Е. Бахревского*).

эфенди есть суфии с *мисваками*, свисающими с колпаков, и с бритыми усами. <...>.

Есть там также три школы для мальчиков, учащихся азбуку. И четыре источника живой воды. И одна маленькая баня с двумя отдельными помещениями, с центральным возвышением, с окнами и фонтаном.

Описание дворца калга-султана. К югу от вышеописанного города есть еще один маленький городок. Это дворец всех *калга-султанов*. Здесь двести построек, двухэтажных, сложенных из камня, с *кёрюнюшами*, со светлыми и роскошными комнатами. Но все это устроено и украшено не столь великолепно, как в ханском дворце в Бахчисарае. Рядом находятся комнаты *сегбанов* и кей-кавусова кухня. На широкой площади этого дворца находится вышеупомянутая мечеть с одним минаретом.

Этот городок представляет собой пригород в 370 зданий, крытых черепицей, с выложенными из камня стенами. Все дома расположены на берегу речки Салкыр со стороны Ак Месджита. Там есть несколько лавок, один *хан* и одна соборная мечеть. Река Салкыр берет начало с яйлы Чатыр-дага, с огромных лугов и садов, мест для прогулок, где из-за тени высоких деревьев солнечный

свет не достигает земли. Все *падишахи* и *калга-султаны* приезжают в это место прогулок, ставят шатры и палатки на берегах журчащей воды, и по одному и по двое веселятся, наслаждаются и охотятся в горах. И мы три дня отдыхали и радовались в тех местах.

Источники, берущие начало на северном склоне этой высокой горы, все текут на север, и в стороне [Полярной] звезды впадают в Азовское море. А реки, стекающие с восточной и южной стороны этой высокой горы, обращаются в сторону Татского *иля* и впадают в Черное море.

В этом городе Ак Месджите действительно совсем нет садов и виноградников. Все сады и виноградники находятся на противоположной стороне реки Салкыр, протекающей посреди города. Потому что та сторона – плодородная, с хорошей травой, водой и почвой. Но, по правде говоря, Ак Месджит построен на каменистом месте. Выделяется райский сад *везира* Сефер Гази, он находится во дворце на той стороне.

Садов и виноградников более тысячи, в каждом текут источники, они украшены живыми водами, плодовыми деревьями и другими высокими деревьями. Каждый из них подобен райскому саду. Из плодов там растут айва, груша, яблоко, слива, другие плоды. Это столь сочные плоды, что других таких в Крымской стране нет. Потому что это город с прекрасной водой, воздухом и постройками, и так как этот город расположен у подножия яйлы Чатыр-дага.

Этот Ак Месджит находится в центре треугольника, который составляет Крымская страна. Это превосходное место татарской страны, [здесь живут] чистые татары» [26, с. 136–141].

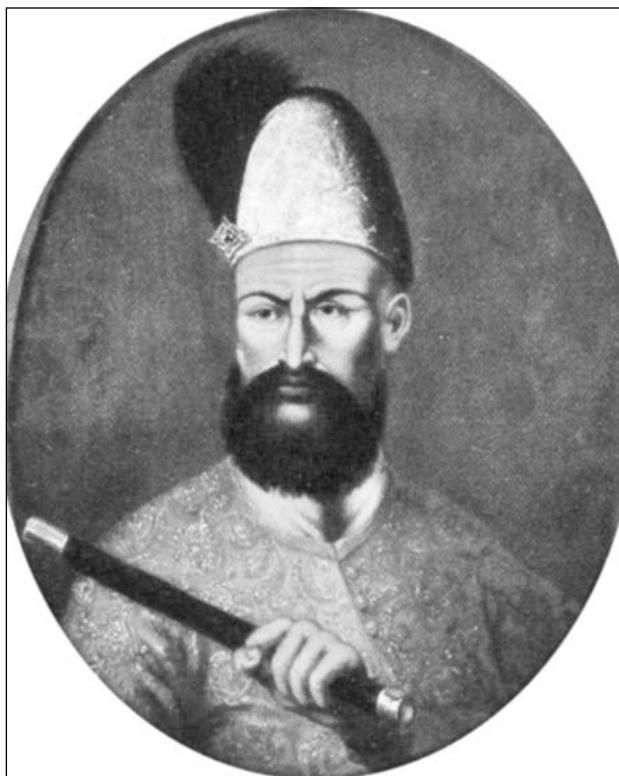
В этом описании обращает внимание целый ряд различных архитектурных объектов, находившихся в городе в середине XVII в.: соборные и квартал-

ные мечети, дворец калга-султана, дворец Сефер-Гази Ага, постоянные дворы, многочисленные торговые лавки и торговый дом, суфийские обители, медресе, школы, баня, источники и т. д. Нельзя не отметить, что ряд из этих объектов принадлежал довольно известным личностям крымской истории. Так, устроителем мечети на территории дворца калга-султана Эвлия Челеби называет прославленного крымского хана Менгли Герая I (ум. 1515), сына основателя Крымского ханства – Хаджи Герая (1441–1466). Опять же, «в дни правления султана Менгли Герая-хана», а именно в месяце мухаррем 914 г. по Хиджре (т. е. в мае 1508 г.) была построена еще одна историческая мечеть Акмесджита – «соборная мечеть Абд-ар-Рахман-бея, сына Али-бея». Данная мечеть сохранилась до настоящего времени (Кебир-Джами) и ныне является главным мусульманским храмом как столицы, так и всего Крыма в целом.

В связи с личностью Менгли I, необходи-

Крымский хан Ислям Герай III (1644–1654 гг., калга в 1637–1641 гг.). Французская гравюра XVII в.

Ханский визирь (баш ага, хан агасы) Сефер-Гази Ага. Картина неизвестного художника. 1670 г. Краеведческий музей, г. Птуй, Словения.

мо заметить также, что именно с его именем связывается факт возникновения института второго лица в государстве – калгайства (см. ниже), вследствие чего с большой долей уверенности можно утверждать, что именно Менгли Герая придал Акмесджиту статус городского населенного пункта и в его лице мы имеем дело с подлинным основателем города.

В описании Эвлия Челеби привлекают внимание также постройки, связанные с именем прославленного ханского визиря XVII в. – Сефер-Гази Ага (ум. в 1664 г.). Известно, что в 1637–1641 гг., в бытность калга-султана Ислам Герая (в будущем – крымский хан в 1644–1654 гг. Ислам Герая III), визирем при нем был именно Сефер-Гази Ага (до этого он же был и *мирахуром* (главным конюшим) при калге Хусам Герае в 1635–1637 гг.) [24, с. 221]. Можно предположить, что дворец с «райским садом» был возведен Сефер-Гази именно в те годы. Это же касается и хана – «подобного крепости» постоянного двора «родственницы» Сефер-Гази – Айше-хатун (в турецких изданиях «Книги путешествия» эта высоко-

достойная дама указана как «жена» Сефер-Гази Ага).

Как видим, Акмесджит, город «древний, заселенный и обустроенный», уже в середине XVII в. располагал многими элементами достаточно развитой городской инфраструктуры, более того, в нем располагался дворцовый комплекс второго лица в государстве – калга-султана. Обращают внимание соответствующие формулировки самого Эвлия Челеби. Так, дворец калга-султана, будучи по сути мини-городком и включавшим 200(!) каменных двухэтажных построек, находился в «пригороде» Акмесджита, состоявшем, в свою очередь, из 370 зданий, опять же каменных. Этот пригород, в свою очередь, был лишь «маленьким городком» по сравнению с находившимся чуть севернее самим «городом» – Акмесджитом, который путешественник характеризует как «благоустроенный город с домами, крытыми рубиново-красной черепицей, двухэтажными, с выложенными из камня стенами». Количество домов в этом городе Эвлия Челеби не указывает, однако отмечает, что одних лавок здесь было 200 единиц. Все эти параметры очень важны для исследования дальнейшей эволюции инфраструктуры города.

Описание Эвлия Челеби является наиболее интересным и информативным описанием Акмесджита среди известных в настоящее время. Помимо этого, отдельные сведения о городе встречаются на страницах различных историографических произведений крымских авторов XVI–XIX вв., в частности, «Истории хана Сахиб Герая» Реммал Ходжи (XVI в.), «Истории хана Ислям Герая» Мехмеда Сенаи (XVII в.), «Семи планетах» Сейид Мухаммеда Ризы (XVIII в.), «Опоре известий» Абдильгаффара Кырыми (XVIII в.), «Розовом кусте ханов» Халим Герая (нач. XIX в.) и др. К сожалению, подробному описанию инфраструктуры крымских городов авторы подобных трудов особого внимания, как правило, не уделяли. Однако, в связи с именами отдельных исторических личностей, в том числе, представителей ханской семьи, интересующие нас сведения о тех или иных архитектурных памятниках Акмесджита в этих трудах все-таки присутствуют.

Так, автор одного из наиболее популярных трудов по истории ханской династии Халим Герай отмечает, что крымский хан Гази Герай II (1588–1608), выдающийся правитель, талантливый поэт, музыкант и композитор, построил в Акмесджите одну из городских мечетей [там же, с. 47]. К сожалению, локализовать данный памятник в настоящее время представляется весьма затруднительным. Еще один факт связан с биографией хана Арслан Герая (1748–1756, 1767), занимавшегося активной деятельностью по восстановлению Крыма после походов Миниха и Ласси в 1736 и 1737 гг. В том же источнике отмечается, что хан «построил множество водоразборных фонтанов и отремонтировал фонтаны, существовавшие до этого в Акмесджите, Гёзлеве и в деревне Отаркой» [там же, с. 125].

Очень перспективным источником для изучения историко-культурных памятников города в период Ханства являются т. н. «кадыаскерские тетради» – свод юридических документов, ценнейший фрагмент архива ханских времен, сохранившийся до наших дней. Как известно, оригиналы данных документов в количестве 121 тетради (до 100 тысяч юридических «дел» – *сиджилей*) хранятся в Российской национальной библиотеке (СПб.). Фотокопии половины из них

(61 тетрадь) присутствуют также в фондах Республиканской крымскотатарской республиканской библиотеке им. И. Гаспринского в Симферополе. Данные документы в настоящее время стали объектом активной исследовательской работы, проводимой, прежде всего, в Турции, а также в Крыму. Результатом этой работы уже стали четыре монографии, увидевшие свет в период 2010–2017 гг. В этих исследованиях встречаются сведения и об Акмесджите.

Так, согласно материалам одной из работ – монографии О. Быйыка «Административная и социально-экономическая история Крыма (1600–1774)» – в ханский период в городе Акмесджите было, по меньшей мере, 5 кварталов (*маалле*): квартал «Большой (судя по всему, соборной. – Н. А.) мечети» («Буюк Джами мааллеси»), присутствует в документе, датированном 1676 г., квартал Мехмеда Деде («Мехмед Деде мааллеси», 1700 г.), «цыганский» квартал («Чингене мааллеси», также 1700 г.), квартал Каяасты («Каяасты мааллеси», 1726 г.), квартал Болюкбашы Баки («Баки Болюкбашы мааллеси», также 1726 г.) [27, с. 147].

В этом перечне хорошо угадывается приход мечети Кебир-Джами, также с большой долей уверенности можно представить местонахождение кварталов Каяасты и Чинге-

«Симферополь и Акмечеть в 1803 году». Худ. А. де Палдо. Из книги П. И. Сумарокова «Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. Ч. 1». СПб., 1803.

не (эти топонимы сохранились до сих пор). Особый интерес вызывают кварталы Мехмеда Деде и Болюкбашы Баки. Можно предположить, что они носили имена устроителей мечетей, вокруг которых формировались соответствующие кварталы. Увы, в настоящее время данные культовые сооружения трудно локализовать, однако дальнейшее изучение вышеуказанных юридических документов, возможно, прольет свет как на историю этих мечетей, так и на биографии их устроителей.

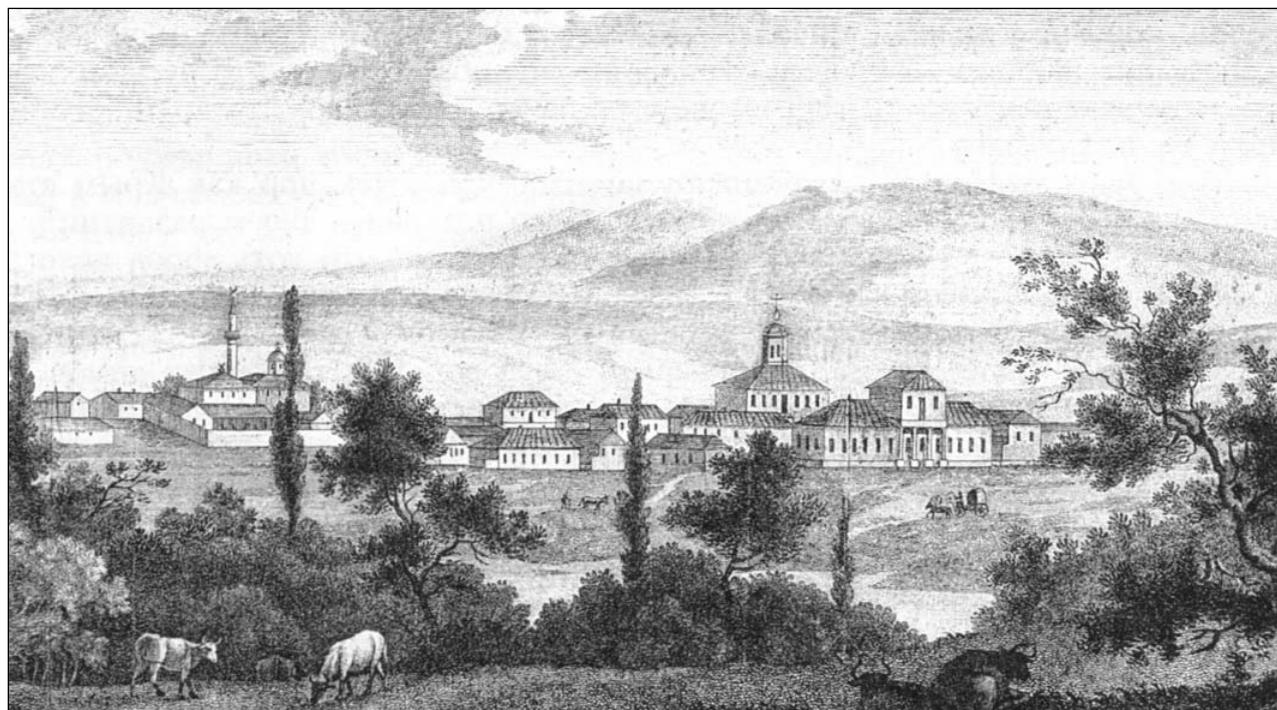
Еще об одном документе из кадиаскерских тетрадей, касающемся благотворительной деятельности крымского хана Арслан Герая (XVIII в.), речь пойдет чуть ниже.

Историко-культурные памятники Акмеджита не минули стороной драматические события 1736 года, когда город, наряду с Бахчисараем, Кезлевым и Кефе, был сожжен в результате похода русской армии под командованием российского фельдмаршала Б. К. Миниха. Прусский офицер на русской службе, один из активных участников этой военной кампании, капитан Кристоф Манштейн в «Записках о России» в связи с Акмечетью отмечал: «3-го июля фельдмаршал (Миних. — Н. А.) отрядил генерал-поручика Измайлова и

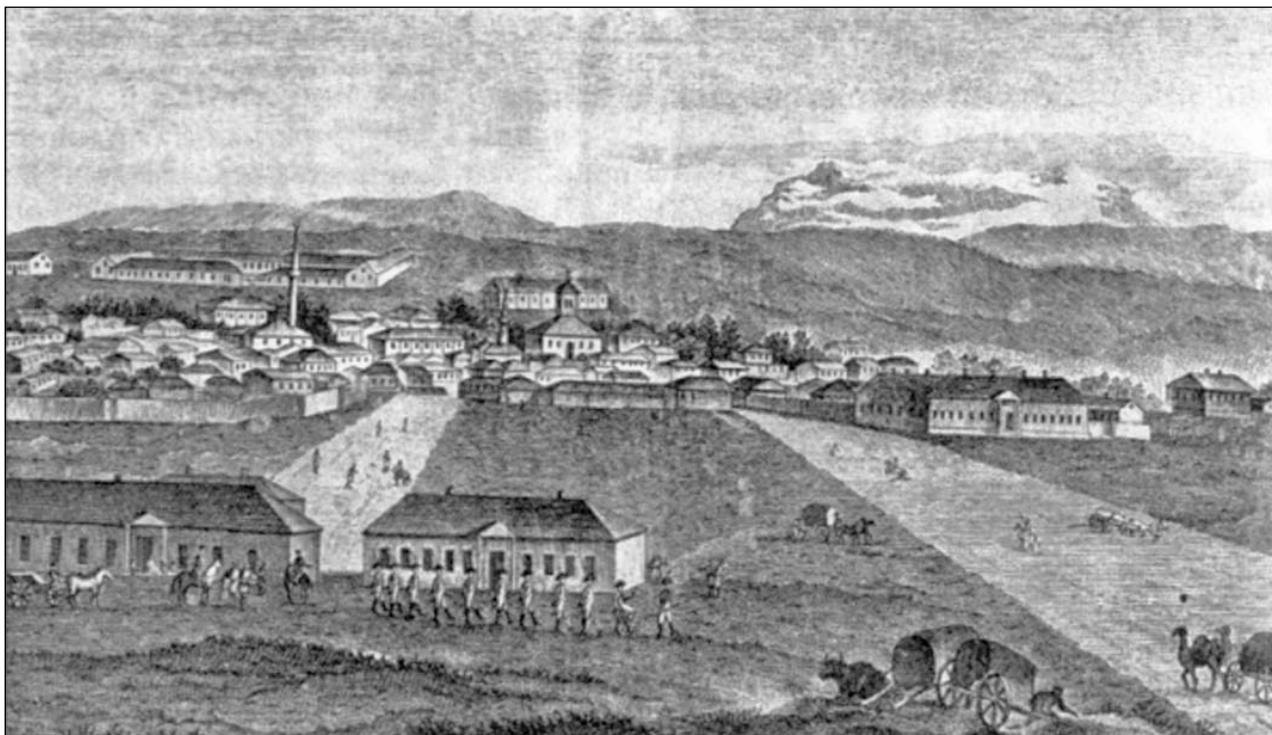
генерал-майора Магнуса Бирона с регулярным войском в 8 т. человек, 2 т. казаков и 10 орудиями для атаки города Акмечети, или Султан-Сарая («значит дворец султана». — автор), местопребывания калги-султана и знатнейших мурз. Они не нашли там почти никого, потому что за два дня перед тем жители бежали. Найденные припасы свезены в лагерь, а город с его домами, числом до 1800, большею частью деревянными, предан пламени» [3, с. 84–85].

О масштабе потерь в общей инфраструктуре города в результате событий 1736 г. в настоящее время говорить сложно — по причине абсолютной неисследованности вопроса. Неизвестно, в частности, какая судьба постигла дворец калга-султана. Практически единственным известным ныне артефактом, связанным с теми событиями, является каменная плита, датированная 1153 (1740/41) годом и указывающая на факт сожжения и последующего восстановления главного мусульманского храма города — соборной мечети Кебир-Джами. Эта плита в настоящее время находится на территории данной мечети. К слову, пережила пожар и закладная плита Кебир-Джами 1508 года.

Также практически ничего не известно о

Вид Симферополя и Акмечети. Худ. А. де Палдо. Из книги П. И. Сумарокова «Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. Ч. 1». СПб., 1803.

«Симферополь и Акмечеть в 1803 году». Худ. А. де Палдо. Из книги П. И. Сумарокова «Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. Ч. 1». СПб., 1803.

ходе восстановительных работ в городе. Возможно, свет на это прольют материалы вышеуказанных кадиаскерских тетрадей – некоторые уже известные факты позволяют на это надеяться.

Так, в одной из тетрадей присутствует документ начала 1753 г., указывающий на факт строительства крымским ханом Арслан Герая восьми(!) фонтанов в Акмесджите и еще одного – в селении Бор-Чокрак, ныне в черте города. Более того, согласно документу, хан в присутствии бахчисарайского кадия Ибрахима-эфенди и ряда высокопоставленных лиц из крымской столицы дает распоряжение об учреждении вакуфа – для последующего наблюдения за указанными фонтанами, их ремонта и т. п. По документу, на соответствующие цели выделялась часть прибыли от одной хлебной лавки (*экмекчи дюккяны*) и одного свечного предприятия (*мумхане*), располагавшихся в Бахчисарае [27, с. 170–171].

Данный факт дает основание вписать имя Арслан Герая в историю Акмесджита, тем более, что в свое время он был и непосредственным его управителем – калга-султаном Крыма. Добавим также, что, помимо фонта-

нов Акмесджита, известны и другие, довольно многочисленные примеры его благотворительности. Это, к слову, не прошло незамеченным для современников. Один из них, известный историк и поэт Хурреми Челеби (выходец из селения Хуррем в окрестностях Акмесджита), даже посвятил этому аспекту биографии Арслан Герая стихотворную поэму. Упоминаются в ней и акмесджитские фонтаны.

О том, что город после 1736 г. был в значительной степени восстановлен, свидетельствует упоминание о нем в известной книге немецкого историка Г. Э. Тунманна «Крымское ханство». Несмотря на то что первое издание труда датируется 1784 г., речь в нем идет о ханском времени. Тунманн отмечает: «Акмесджит с прозвищем Солтан-Сарай, на верхнем Салгире у подножия гор, простирающихся отсюда до Каффы, имеет необыкновенно прекрасное местоположение. Этот город состоит приблизительно из 1800 домов и является резиденцией калга-султана. В 1736 и 1771 гг. он завоевывался русскими» [23, с. 36–37].

После падения Крымского ханства в

1783 г. начинается российская история города. Его статус повышается до столичного, изменяется и название – на «Симферополь» (с греческого: «город-собираатель» или «город пользы»). Впрочем, крымские татары продолжали и продолжают до настоящего времени называть город его более древним, крымскотатарским именем – Акмесджит.

Ниже предлагаются фрагменты ряда описаний города с конца XVIII по начало XX вв., принадлежащих русским и европейским авторам, в которых присутствуют сведения о различных крымскотатарских архитектурных объектах города.

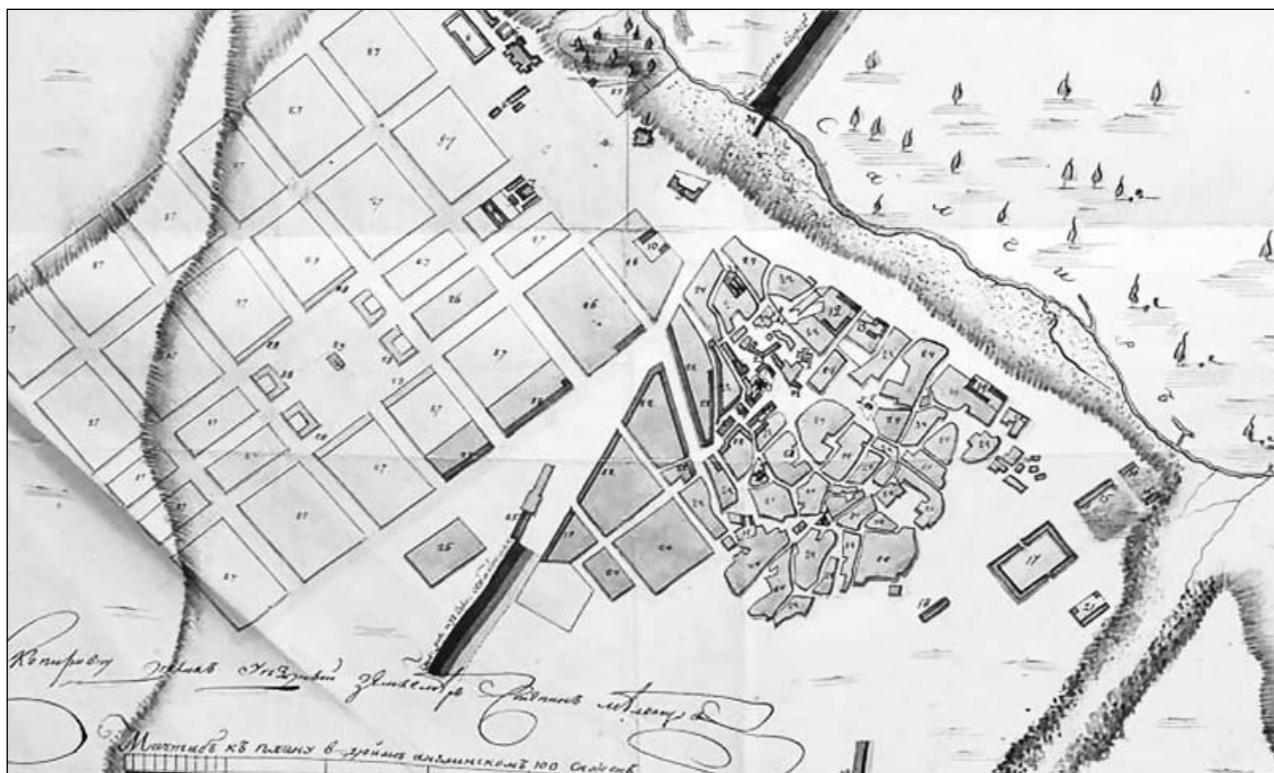
В 1784 г. по приказу фаворита императрицы Екатерины II – Григория Потемкина временным правителем Крыма генерал-лейтенантом бароном О. А. Игельстромом было составлено известное «Камеральное описание Крыма». Согласно документу, Ак-Мечеть на тот год выглядела небольшим городком, в котором насчитывалось 308 «татарских» домов (224 «целых» и 84 «разваленных»), а также 23 дома (из них 18 «целых», в том числе 14 – «проданных татарам»), ранее принадлежавших немногочисленному христианскому населению города [10, с. 25, 30]. В городе было 7 мечетей, одно медресе и три мектеба (начальные школы) [там же, с. 38].

В конце тех же 1780-х гг. одним из русских чиновников было составлено следующее описание города: «Ак-Мечеть занимала площадь от цыганских таборов до Джума-Джами, от Токал-Джами до татарских кладбищ и составит, наверное, квадратную версту. Замечательностей в городе не оказалось никаких. Большой дворец Калги-Султана сам по себе невелик и занят нашими солдатами, которые успели уже разрушить некоторые из фонтанов, украшавших его дворец, и вырубить деревья. За оградой дворца красовался фонтан, вытекающий из сплошной каменной стены, а подальше шли убогие клетушки татар. За дворцом Калги, невдали от Салгира, расположено кладбище, среди которого торчит белая ограда, а в ней навес с зеленым значком, под которым в течение целого дня сидит мулла и нашептывает молитвы в честь и славу похороненного здесь какого-то святого» [22, с. 45].

Через несколько лет Крым посетил извест-

ный российский академик немецкого происхождения Петр Симон Паллас. В своей книге «Путешествие в Крым. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам русского государства в 1793–1794 гг.» в отношении Акмесджита он отметил, в частности, следующее: «Из общественных зданий, кроме упомянутого губернаторского дома с хорошим садом, теперь обращенного в казармы, здесь имеется три татарские мечети или молитвенные дома с их башнями <...>; затем есть русская православная церковь, очень простая, считающаяся собором и значительная на базарной площади, построенная живущей здесь с 1797 года общиной греков; неподалеку – армянский молитвенный дом; татарская баня, переделанная в публичную тюрьму, и несколько казарм в юго-восточной, самой высокой части города. На левом берегу Салгира находятся в городе четыре мельницы – для их работы проведен из Салгира канал – и две другие, построенные ниже. <...> Город Ак-Мечеть был прежде местопребыванием калги-султана, знатнейшего лица после крымского хана, всегда бывшего из ханского семейства рода Гиреев. Выше города, на левом берегу Салгира, у него был обширный дворец, совершенно разрушенный вскоре после занятия Крыма; только обширный залив Салгира, имеющий обильный источник у подножия известковых скал, служивший Калге-султану для забавы и плавания на лодках, указывает место бывшего дворца; теперь здесь устроены пивоварни» [15, с. 26].

А вот фрагмент из книги известного русского чиновника П. Сумарокова «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году»: «Акмечеть прежде был старинный торговый у татар городок, которого название значит на их языке «белая мечеть». По взятии Россиею Крыма в нем учредился областной город всей Тавриды, под именем Симферополя, и тогда прибавлена к старой Акмечети еще новая часть города. Итак, в одной половине усматриваются прямые улицы, площади, несколько хороших домов и употребление европейских обрядов; в другой, оставшейся без перемены, встречаешь узкие, излучистые и похожие на лабиринт улицы; видишь низкие, не пространные, из белого неотесанного

План города Акмесджита. 1811 г. ГАРК, ф. 27, оп. 13, д. 141, л. 6.

каменя сделанные дома, которые покрыты или черепицей, или дерном, и во всем точное наблюдение татарских поведений. Обитатели города есть также собрание разноверных, и главное из них число составляют татары, а прочие суть россияне, греки и армяне. В нём 4 мечети; при том каждый из этих народов имеет свою церковь, и отделенные на базаре для торгу своего ряды, где лавок хотя и много, но хороших в них товаров мало отыскать можно» [20, с. 74–75].

Весьма интересное и содержательное описание города Симферополя присутствует в книге английского автора Роберта Лайелла «Путешествие по России, Крыму, Кавказу и Грузии», увидевшей свет в Лондоне в 1825 году. Автор уделил городу отдельную главу – «Симферополь и его окрестности», значительную часть которой составило описание именно старой, крымскотатарской части города. Есть смысл привести этот фрагмент максимально полно:

«Симферополь получил свое название от греков*. Татары называли и продолжают звать его Ак-Мечеть, что значит «белая ме-

четь», потому что Ибрагим-бей, совершивший удачный набег на россиян, получил имения по соседству и велел построить такое сооружение. Это не составило большого труда, так как город окружен горами белого известняка. После покорения Крыма греческое название было возвращено, дабы уничтожить всякую связь между Ак-Мечетью и татарами. Попытка эта до сих пор не увенчалась успехом, чего может не произойти и в будущем. Хотя все татарские летописи были уничтожены, однако же они изустно передадут свою былую историю потомкам, а те, возможно, донесут ее до далекого будущего.

Симферополь был прежде местопребыванием Калги-султана, знатнейшего лица после хана на полуострове. Сейчас это столица Крыма и резиденция гражданского губернатора. Он лежит в прелестной долине Салгира у подножья Таврических гор. <...> Он составлен из двух частей: европейской, построенной русскими после покорения Крыма в 1783 году, и татарской, или азиатской части, которая до последнего времени состояла из строений всецело в азиатском вкусе. <...>

В татарском квартале находится *Гостиный Двор*, или торговые лавки, которые содержат

* Утверждение некорректное. – Н. А.

татары, наряду с греками, армянами и русскими. Они снабжены многими предметами необходимости и роскоши, европейскими и азиатскими. Посещение татарских лавок повеселило нас на славу. Мы приобрели там несколько пар расшитых сапог, всех цветов радуги и для всех возрастов и полов, кожаных ремней, мячей и игрушек для дарения туземцам во время нашего путешествия. <...>

В 1808 и 1813 годах, если руководствоваться сведениями Щекатова⁴ и Всеволожского⁵ в Симферополе было домов 339, пекарней 30, лавок 197, кофейных домов 12, ханов, или магазинов, 13, трактиров 2, питейных домов 5. Число жителей доходило до 2000 душ, из них одна половина была татар, в то время как другую составляли греки, молдаване, армяне, турки и евреи. Не вызывает сомнений, что за последние несколько лет этот город вернул себе прежнее преуспеяние и торговлю. Из верных источников мы узнали, что число до-

⁴ *Афанасий Щекатов – писатель и переводчик, автор «Географического словаря Российского государства» в 7 частях (М., 1807-1809) (Переводчик)*

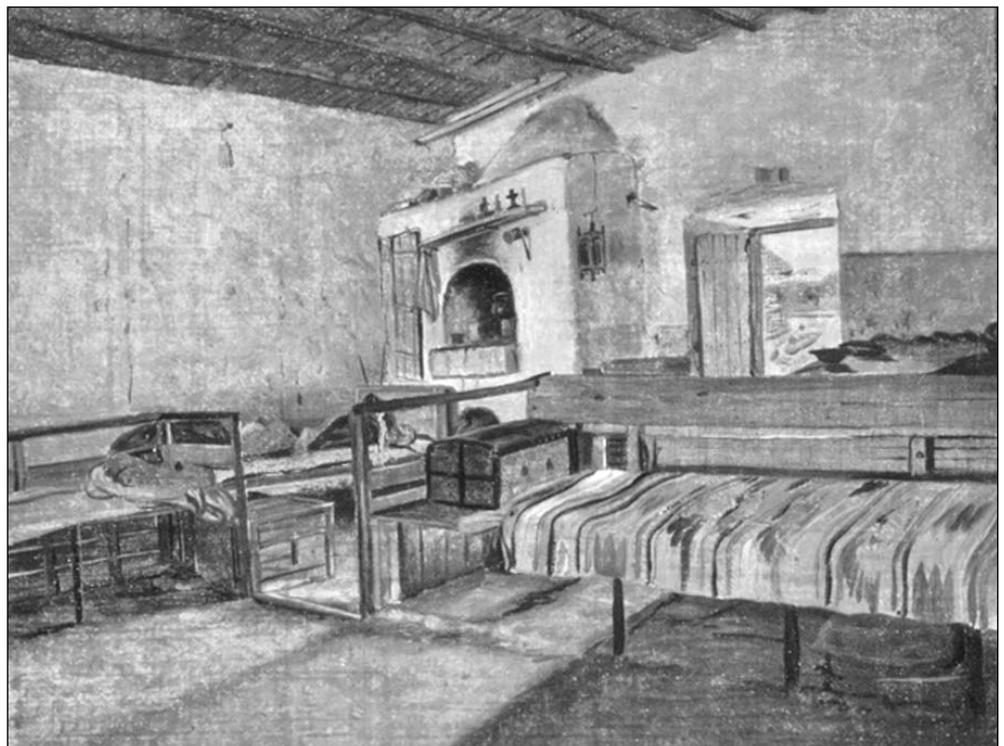
⁵ *Всеволожский – владелец одной из лучших московских типографий, в 1813 г. издал «Историко-географический словарь российского государства» на фр. яз. (Переводчик)*

мов и жителей в городе с каждым днем растет. В самом деле, это подтверждают факты: цены на землю непомерно возросли, и, по последней статистической карте, в Симферополе сейчас 468 домов. <...>

Кроме четырех мечетей с их возвышающимися минаретами, в Ак-Мечети также находятся греческая церковь, римско-католическая церковь и синагога.

Татарская кофейня. Однажды вечером, во время прогулки по улицам татарской части Ак-Мечети, звучные, но грубые звуки музыки, доносившиеся из татарской кофейни, побудили нас подняться по узкой лестнице и войти внутрь. Явившаяся сцена была для нас в новинку. Внутренность кофейни представляла обширную залу, поделенную низкими деревянными перегородками на четыре небольших отделения, расположенные на эстрадах. Внутри этих отделений на низких столах были поставлены огромные подносы с горящими углями, вокруг которых располагались группы татар и греков в своих туземных костюмах. Они сидели на полу, поджав ноги, пили кофе и курили трубки с обычной для них степенностью и молчаливостью. К гремющей музыке они проявляли полное равнодушие, и казалось, что каждый из них пребывает где-то далеко.

*Кизеветтер В.
Внутренний интерьер крымско-татарской кофейни в Симферополе.
1845–1847 гг.*

*В кофейне
Симферополя.
Европейская
гравюра 1855 г.*

Все они были обуты в просторные красные и желтые сапоги в восточном вкусе, а туфли были оставлены у входа. Они их используют с той же целью, с какой дамы в Британии носят галоши. На них на всех были маленькие шапочки. Только на головах *Хаджиев*, или тех, кто совершил паломничество в Мекку или Медину, возвышались белые тюрбаны как знаки почета. После того, как мы огляделись по сторонам и выдержали обращенные на нас удивленные взгляды, мы завладели одним из маленьких отделений, расселись на своих местах в татарской манере, стали пить кофе и курить трубки. Мы все попробовали *кальян*, который оказался для нас чрезвычайно трудным в употреблении, скорей всего, за недостатком опыта, потому что татары и греки выпускали из него облака дыма с такой явной легкостью, как если бы это была обычная курительная трубка. Частично изъясняясь по-русски, частично посредством Султана Кати-Гирея Крым-Гирея мы вдоволь наговорились с посетителями кофейни. Несмотря на свою чинность, нам они показались вежливыми и образованными. Всё это время нас потчевали самой нестройной музыкой две скрипки, державшиеся наподобие виолончели, и тамбурин. Хотя татары и

греки выказывали к увеселениям полное безразличие, должно быть, они приходятся им по вкусу, раз владельцу выгодно постоянно держать музыку» [9].

В описании еще одного англичанина – путешественника, юриста и искусствоведа Джеймса Уэбстера (1802–1828), посетившего Крым в 1827 г. и оставившего весьма ценные наблюдения об Акмесджите-Симферополе в своей книге «Путешествие через Крым, Турцию и Египет...», особое внимание обращает описание старинного городского мусульманского кладбища на окраине города (здесь же помещена и гравюра с его изображением). Данный фрагмент в настоящее время является наиболее ранним описанием главного городского крымскотатарского кладбища в юго-западной части города, существовавшего вплоть до середины XX века. Уэбстер, в частности, отмечает: «Симферополь, называемый татарами Ак-Мечеть, лежит в прекрасной долине возле цепи гор Южного побережья Крыма, на маленькой речке, называемой Салгир. Город состоит из двух частей – той, что была возведена русскими после их завоевания Крыма, и той, что осталась от старинного города татар. <...> Здесь построены новая церковь и несколько небольших мечетей с башнями. В конце города виднеется клад-

бище с множеством памятников и могил на древних курганах» [7, с. 106].

В начале 1830-х гг. Крым посетили еще два известных исследователя. Одним из них был Шарль Монтадон (швейцарец по происхождению, живший в эти годы в Одессе), путеводитель которого («Путеводитель путешественника по Крыму»), опубликованный в 1834 г. в Одессе, приобрел большую популярность. Согласно данному изданию, в период пребывания автора в Симферополе в городе было 935 домов и проживало 8000 жителей, из которых 5000 – татар, приблизительно 1700 русских, 900 цыган и 400 иностранцев [14, с. 230]. Из городских объектов, связанных с крымскотатарской культурой, он отмечает наличие пяти мечетей, «татарского педагогического училища» (судя по всему, татарского отделения при Симферопольской мужской гимназии), нескольких кофеен, одной бани, гостиницы – «желтого караван-сарая» и т. п. Особо автор отмечает наличие в городе конных заводов и ежегодное проведение 15 октября конных бегов. Наградами в них служили: за первое место – серебряная ваза стоимостью 1500 руб., за второе – 500 руб. ассигнациями. Монтадон замечает: «Почти все мурзы полуострова и множество других татар присутствуют на этих бегах, которые, благодаря большому разнообразию костюмов, представляют собой любопытное зрелище. Амфитеатр, где сидят элегантные дамы, одетые по-европейски, образует контраст, который не может не нравиться иностранцам» [там же, с. 232].

Интересны также свидетельства Монтадона об акмесджитских фонтанах и, в целом, старинной системе водоснабжения города: «Выезжая из города, на Алуштинской дороге можно увидеть новый общественный фонтан с четырьмя струями воды – простой, выполненный в хорошем вкусе; пользу от него нельзя недооценить. Поставлен также вопрос о восстановлении старых трубопроводов, по которым вода поступала в город, что весьма поспособствует его привлекательности и будет выгодно жителям» [там же, с. 230–231].

В этом описании речь идет, видимо, о т. н.

«Петровском фонтане» – одном из фонтанов, украшавших еще дворец калга-султана. Под «старыми трубопроводами» же, надо полагать, подразумевается система водоснабжения, обустроенная крымским ханом Арсланом Гераем (см. выше).

Еще один интересный факт из путеводителя Монтадона касается, судя по всему, фабрики по пошиву крымскотатарских женских головных уборов – *фесок*. Согласно автору, спускаясь с Неаполя Скифского, можно было «посетить маленькую фабрику шапочек (маленькие красные суконные тюбетейки, какие носят некоторые татарки и девушки этой национальности), принадлежащую г-ну Юранеку, – единственное предприятие такого рода в этих местах» [там же, с. 234]. К сожалению, судьба этой фабрики нам неизвестна.

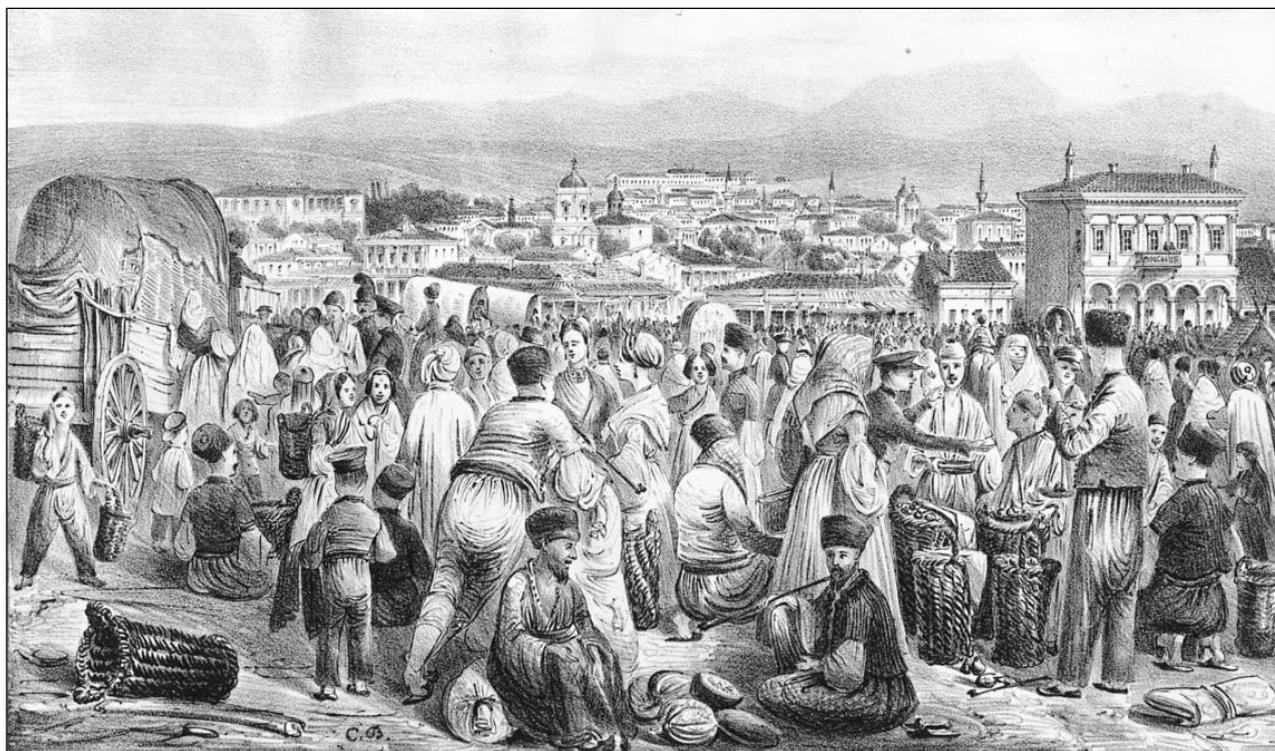
Практически одновременно с Монтадоном, в 1831–1834 гг. в Крыму находился и известный швейцарский археолог и путешественник Дюбуа де Монпере. Его «Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым» в шести томах увидело свет в 1843 г. Париже. В нем автор очень подробно останавливается на особенностях географического расположения Акмечети-Симферополя, его геологии, климата, различных достопримечательностях и известных жителях. Что касается непосредственно крымскотатарских памятников, де Монпере достаточно подробно пишет о бывшем дворце калга-султана (частично, ссылаясь на Ш. де Пейссонеля, см. соответствующий очерк данного «Свода»), дает краткое описание известного городского места паломничества (судя по всему, «азиза» Салгир-Баба), отмечает несколько «не примечательных» городских мечетей, располагающихся среди «узких и кривых улочек с побеленными известью стенами» и т. п. Особо интересны наблюдения автора, касающиеся городского рынка. Автор, в частности, отмечает: «Единственная вещь могла бы послужить обоснованию смысла названия Симферополь (город пользы), предложенному архиепископом Евгением, – это его рынок, который происходит каждую пятницу на огромной площади, окруженной бузнями (торговля бузой, напитком

из проса), куда татары приходят поразвлечься и поплясать под звуки скрипок и барабанов цыганского оркестра. Этот рынок приобрел большое значение, поскольку крымское побережье получило возможность через алуштинское шоссе пополнять всевозможные съестные припасы. Пусть любой путешественник, прибывающий из западной или северной Европы по равнинам России, не преминет посетить подобные рынки, если он ищет живописных и интересных наблюдений за нравами, нарядом, чертами этнографических типов, братски общающихся здесь; степные татары – ногаи и горские татары, представляющие собой смесь тавров, скифов, греков, готов и татар; немцы из Нейзаца, Фриденцля и Розенталя теснятся рядом друг с другом, выставляя свои товары длинными рядами; каждый из них старается говорить на ломаном языке покупателя: татарском, русском, немецком; только русский, затесавшийся в ряды этих инородцев со своими товарами с Севера, остается русским» [2, с. 124].

В 1836 г. Акмесджит-Симферополь посетил молодой одесский историк и археолог Н. Н. Мурзакевич. В его крымских воспоминаниях, увидевших свет в 1836 и 1837 гг. (сначала в виде путевых записок, а затем – боль-

шой статьи «Поездка в Крым в 1836 году»), среди прочего обращает внимание татарское отделение при Симферопольской мужской гимназии, открытое в 1827 году. Вот фрагмент этих воспоминаний: «Симферополь, известный у татар под именем Акмечети, расположен у холмистой подошвы Таврических гор. <...> Самый город в некоторых частях представляет смешение азиатского города с европейским, и это смешение, несмотря на свою разнородность, довольно приятно для глаз. В Симферополе считается жителей обо-его пола 6987 душ. В нем находятся: четыре церкви греко-российские, одна армянская, одна еврейская синагога и четыре татарские мечети. Из учебных заведений: гимназия (с 64 учениками) и при ней татарское отделение, уездное и приходское училища (со 125 учениками) и один девичий пансион. Домов в городе насчитывается 1014, из коих шесть казенных. Впрочем, нынешним летом число домов умножилось, и город застраивается гораздо красивее и правильнее [16, с. 25–26].

Практически одновременно с Н. Н. Мурзакевичем Крым посетил еще один известный российский путешественник и исследователь – А. Н. Демидов, автор ставшей довольно популярной книги под названием «Путешествие

Боссоли К. Базар в Симферополе. 1840–1842 гг.

Боссоли К. Симферополь в 1840–1842 гг. Литография.

в Южную Россию и Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году» (впервые издана в 1838 г.). Автора в путешествии сопровождал известный французский художник Огюст Раффе, создавший серию прекрасных изображений Крыма, в том числе касающихся жизни и быта коренных жителей полуострова. Особый интерес в книге А. Н. Демидова вызывают сведения о традиционных скачках в Симферополе, собиравших «всю лучшую часть татарского населения» Крыма. Вот небольшой фрагмент из данного труда:

«Это собственно двойной город; можно даже сказать, что он состоит из двух городов, тесно между собой соединенных. Построение нового Симферополя не нанесло ущерба старому Ак-Метшету, то есть «белой мечети», как его и теперь еще называют татары. Вот почему оба города живут в добром согласии; каждый по-братски избрал себе свою долю. <...>

В Симферополе восемь тысяч жителей, между тем как в самых лучших географиях их показано в половину менее. В числе означенных восьми тысяч находятся три тысячи татар, 1700 русских, 400 человек разных ино-

странцев и 900 цыган, привлекаемых сюда здешними многочисленными базарами. <...> Остальная часть населения состоит из евреев <...>, армян <...> и греков <...>.

В городе содержится более 900 домов; в нем есть два госпиталя: гражданский и военный; это здания обширные, состоящие из длинных корпусов в один этаж. Кроме того, в Симферополе существуют три греческие церкви, католическая капелла, армянская церковь и пять мечетей. <...> Ак-Метшет, как татарский город, не мог иметь недостатка в фонтанах; жаль только, что большая часть существующих здесь фонтанов очень запущена и многие даже развалились, так что правительство вынуждено было само заняться их возобновлением. В верхней части города есть бассейн с четырьмя водометами; он даёт достаточное количество воды для всех тамошних жителей. <...>

В Симферополе есть гимназия, зависящая от Одесского учебного округа. В 1828 г. (точнее, в 1827 г. – Н. А.) здесь основана нормальная татарская школа, имеющая целью образование учителей для первоначальных школ и преподавателей восточных языков.

<...> Здесь происходят также скачки, но мы не могли их дожидаться, потому что они бывают в половине октября. На этих скачках выигравшим раздаются два приза – один в 1500 рублей, а другой – в 500. Нам сказывали, что скачки эти представляют зрелище весьма любопытное: на них съезжается вся лучшая часть татарского населения, а татары, как известно, всегда были отличными наездниками, и потому подобное празднество необходимо должно было им понравиться» [там же, с. 195–198].

В трудах Н. Н. Мурзакевича и А. Н. Демидова не может не обратить внимания указанное ими количество домов в Акмесджите-Симферополе – соответственно 1014 и «более 900». Как видим, это значительно меньше, нежели было столетием ранее, однако же речь идет именно о городе, более того – столице Таврической губернии!..

Значительный отток крымскотатарского населения Акмесджита-Симферополя, отразившийся, в том числе, на демографическом будущем города и, как следствие, количественном и качественном состоянии крымскотатарских историко-культурных памятников, имел место в период и после Крымской войны (1853–1856 гг.). Как известно, в период очередной большой эмиграционной волны (с 1854 по 1870 г.) родину вынуждены были покинуть более 190000 крымских татар – из 295357 человек по состоянию на 1854 г. [8, с. 110]. Исследований по данной проблематике специально по Симферополю, по нашим сведениям, не проводилось, однако можно сделать некоторые расчеты.

Как отмечал А. Н. Демидов (см. выше), в 1837 г. население города составляло 8 тысяч человек, из которых три тысячи были крымскими татарами. Можно с уверенностью предположить, что через пятнадцать лет, к моменту начала войны, население города, в том числе крымскотатарское, увеличилось. Попытка исследования масштабов крымскотатарской эмиграции за 1860–1862 гг., – по фамильно, – была предпринята известным крымскотатарским филологом и этнографом Э. Озенбашлы [28]. На основе данных Крымского государственного архива и сведений ряда газет того времени, прежде всего «Тав-

рических губернских ведомостей», им был составлен список эмигрантов по регионам Крымского полуострова, Бердянского, Днепровского и Мелитопольского уездов, причем лишь тех, что получили паспорта для выезда. Непосредственно по городу Симферополю в этом списке присутствует чуть более 700 имен, главным образом представителей мужского пола. Принимая во внимание, что паспорта выдавались лишь главам семейств, можно предположить, что за три года Симферополь покинуло около 700 семей, общим количеством – от 3 до 4 тысяч человек. При этом, как было отмечено выше, за двадцать лет до этого *все* крымскотатарское население города насчитывало 3 тысячи человек.

Таким образом, с большой долей уверенности можно говорить о том, что город пережил поистине катастрофический исход. Причем речь идет лишь о минимальных цифрах и лишь за 1860–1862 гг.

Указанные реалии – эмиграция и ее последствия для «крымскотатарской» истории города – нашли свое отражение и в краеведческой литературе того времени. Для примера можно привести фрагмент из довольно популярного в свое время «Путеводителя» М. Сосногоровой (увидел свет в 1874 г.). Автор, описывая старую часть города, особо останавливается на проблеме крымскотатарской эмиграции:

«Не менее любопытно для вновь приехавшего в Крым взглянуть и на «старую» или «татарскую» часть Симферополя, называвшегося прежде, как он и теперь называется татарами, Ак-мечеть (белая мечеть).

От татарского города Ак-мечети теперь остались лишь несколько узеньких улиц, вдоль которых тянутся каменные стены с калитками. Самые же жилища мусульман скрыты за этими стенами, из-за которых часто свешиваются на узкие улицы ветви какого-нибудь фруктового дерева, заслоняющего замкнутый дворик. Если случайно отворится калитка одного из этих двориков, то вы можете заметить низкие окна домика, открытую галерею и на ней молоденькую татарку в красной феске, с длинными косами по плечам, в пестром кафтане и в шароварах, с маленькими ручками и окрашенными жел-

той краской пальцами и также с маленькими ножками в желтой обуви; или же увидите некрасивую старуху, за какой-нибудь домашней работой . <...>

До 1862 г. Ак-мечеть, или, как теперь его называют, «татарский город», был довольно густо населен татарами; он имел свои лавки, где продавались восточные материи, татарская обувь и проч. Но в 1862 г. татары, особенно степные, к которым принадлежат и жители Ак-мечети, массами выселились, как известно, из Крыма в Турцию; и татарский город почти опустел с тех пор. <...>

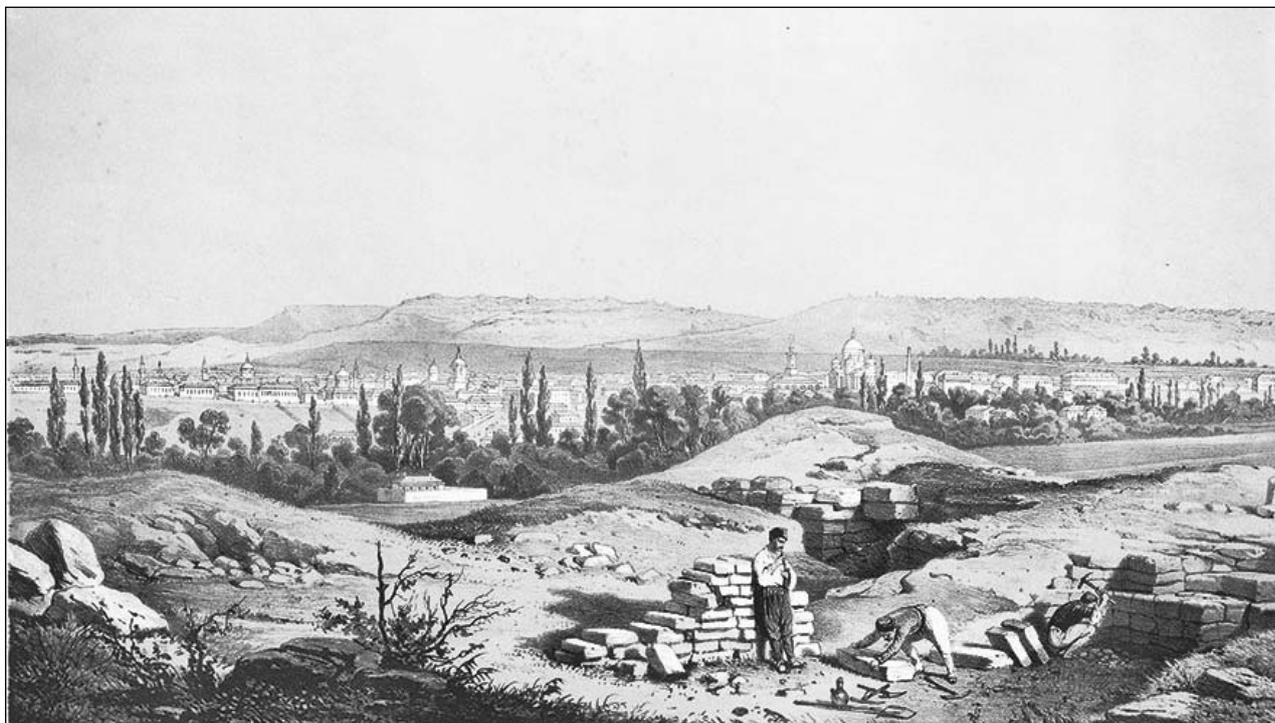
Татары выходили отсюда и покидали Крым весьма неохотно, им тяжело было покидать родной край, могилы отцов. Но тем не менее они шли неудержимо один за другим. Ногайцы выселились все; татары степных уездов также почти все, оставив свои деревни совершенно опустелыми. Только из прибрежных деревень вышло сравнительно очень немного.

Кроме узких улиц и нескольких невзрачных татарских мечетей в Акмечети теперь осматривать нечего» [19, с. 17–19].

В «Путеводителе» М. Сосногоровой приведены и некоторые статистические данные. Согласно им, общее количество населения

города на тот момент составляло 18 тысяч человек (количество крымских татар отдельно не указано), в городе насчитывалось 9 мечетей, 9 православных церквей, 1 католическая, 1 лютеранская, 1 армяно-григорианская, 1 армяно-католическая церкви и 1 еврейская синагога [там же, с. 22].

Той же второй половиной XIX в. датируется еще одно интересное описание Симферополя, принадлежащее известному крымскому краеведу В. Х. Кондараки. В 14 части «Универсального описания Крыма» автор посвящает городу отдельную главу, привлекающую внимание рядом интересных описаний, ссылок на местные предания (несущих, судя по всему, отзвуки реальных событий), а также любопытных авторских умозаключений. В. Х. Кондараки, в частности, отмечает: «Симферополь получил это название только после присоединения Крыма к России; но до этого он известен был под татарским названием. Симферополь в переводе с греческого означает: выгодный город. Почему ему присвоено это имя – мы не знаем. По народному преданию он основан после вступления турков в Крымский полуостров, что согласуется отчасти с мнением Сумарокова, что он построен после 1500 года каким-то Ибрагим-

Тимм В. Ф. Вид города Симферополя. 1856 г. Литография

беком, которому крымский хан подарил эту местность за счастливый поход против России. По другим же преданиям, на местности Симферополя поселился какой-то начальник племени с дозволения брата крымского султана, которому принадлежал весь округ, начиная от теперешней деревни Мамут-султан (ныне с. Доброе. – Н. А.).

Симферополь, во время татарского владычества, назывался Ахмечетом (Белая мечеть) – от мечети, покрашенной известью, что составляло в то время особенную редкость по городам и селениям Крыма. Мечеть эта, по мнению старожилов, существует и до настоящего времени под именем джума-джами в восточной части города <...>. При ней и поныне, несмотря на множество выселившихся из окрестностей Симферополя татар, остается высшее духовное училище (медресе), для образования людей, способных к занятию должностей имамов, хатипов и т. п. Кроме этой мечети в описываемое нами время, т. е. после обращения Симферополя графом Минихом в груды камней и пепла, в городе находилось еще две мечети, которые сохраняются и по настоящее время, именно: *Базар-джами* и *Тохал-джами*. Число этих молитвенных домов, по словам одних, простиралось в Ахмечети до 1736 года до 11, но после нашествия русских их осталось только три. Их было достаточно для 200 дворов, составлявших город, исключительно обитаемый мусульманами. Впоследствии же, после присоединения Крыма к России, когда число татар увеличилось в Симферополе, число мечетей постепенно возрастало и дошло до 6-ти. Если возможно по числу молитвенных домов делать вычисления о населении города в различные его эпохи, то, принимая в расчет, что в последнее время при 6 мечетях состояло в Симферополе более 2500 душ мужского пола, мы увидим, что до нашествия графа Миниха число жителей магометанского вероисповедания в Ахмечети простиралось с женским полом до 10 тысяч, а во времена последних ханов едва ли доходило до трех.

Симферополь всегда считался в Крыму вторым городом после Бахчисарая. Он был резиденцией Калги-султана, главнейшего сановника в царстве, и местопребыванием

беев и мурз. По преданиям, дошедшим до нашего времени, этот город расположен был на пространстве от нынешнего Старого собора до Цыганской улицы, идущей от базарной площади на востоке. Отсюда он поднимался на возвышенность и спускался к местности, занимаемой ныне пивоварнею. На северо-восточной и юго-западной сторонах его, где ныне казармы и прочие постройки, а также образовавшаяся ныне цыганская улица, существовали кладбища. На одном из них, именно прилегающем к Салгиру, преимущественно хоронились лица знатного происхождения, обитавшие по соседству с Калги-султаном, проживавшим в сарае, на месте, занимаемом ныне пивоварнею. Кладбища эти давно уже перерыты, и на местах их воздвигнуты постройки, но следы их еще сохранились на некоторых местах на протяжении цыганской улицы. На северо-восточной же части города до настоящего времени остается нетронутой одна могила, где покоится, по убеждению мусульман, святой человек под именем азис Салгир-баба, т. е. отец Салгира. Могила эта ограждена со всех сторон высокою каменною стеною и покрыта зеленым досчатым навесом. При нем постоянно находится афуз, посвятивший себя исключительно службе в мечетях и над могилами мусульманских праведников. <...>

Последний ахмечетский калга-султан Тохтамыш-Гирей (*сведения требуют уточнения.* – Н. А.) так, как и предместники его, жил во дворце, расположенном в прекрасной местности, ныне занимаемой пивоварнею и изобилующей водяными источниками. По преданиям, дворец его был так красив снаружи, что народ проходил мимо него с благоговением. Он был окружен со всех сторон громадными тополями, раинами, липами и т. п., между которыми высоко поднимались к небу минареты двухкупольной побеленной мечети. <...>

Симферополь, кроме Ахмечети, именовался в Крыму и Султан-сараям, вероятно, по имени дворца Калги-султана. По преданиям, в этом городе на каждый квартал приходилось по два фонтана. Даже и теперь очень многие старожилы помнят, что за 50 лет (*50 годами ранее?* – Н. А.) в Симферополе было

четыре фонтана, именно: первый – немного выше старой почтовой конторы, второй – против старого собора, где впоследствии воздвигнуто было здание духовного правления; третий – на старом базаре, а четвертый – недалеко от дома д.с.с. Жуковской. <...>

После присоединения Крыма к России Симферополь, по выгодному местоположению в административном отношении с 1784 года, сделался губернским городом. В это время в нем насчитывалось до 300 дворов татарских и несколько христианских. Восемь же лет спустя число народонаселения его достигло в городе до 815 душ, а в уезде 65 тысяч, в том числе до 5 тысяч христиан. <...> В 1805 году воздвигнут был Петропавловский собор на краю лучшей в то время улицы, находящейся между мечетями Токал и Джумаджами и примыкавшей к известному кварталу Тотай-маале, где были гаремы богатых мурз, на месте, где воздвигнут был Суворовский редут. В настоящее время, как известно, за собором этим образовался новый город, а число всего народонаселения достигает до 20 тыс. душ» [5, с. 36–45].

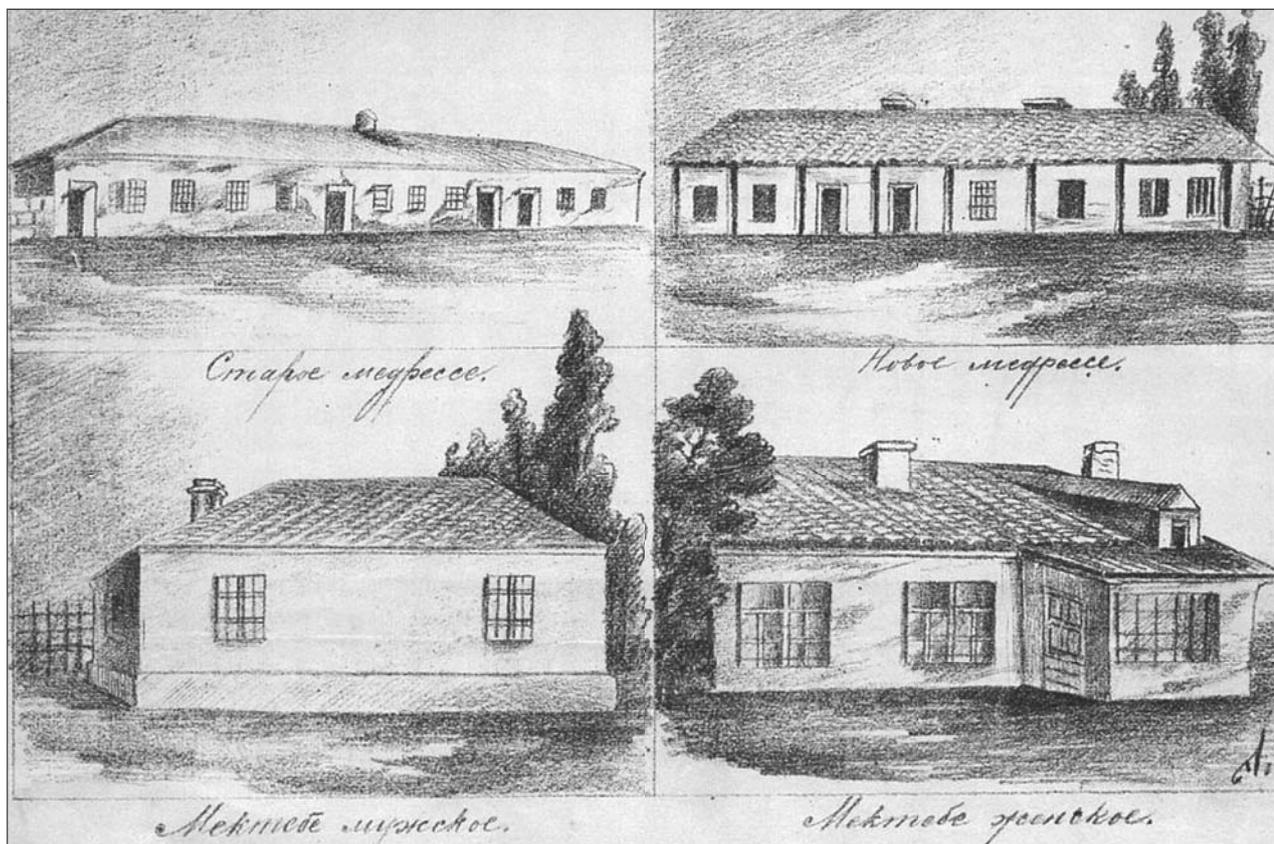
Данное описание В. Х. Кондараки, повторимся, привлекает внимание целым рядом интересных сведений, к сожалению, до сих пор не ставших предметом серьезных комментариев. При этом, несмотря на фольклорный характер многих фактов, их возможная ценность не позволяет, – вследствие слабой изученности истории средневекового города в целом, – отнестись к ним поверхностно.

Особое место в истории изучения Симферополя занимают материалы (отчет) Третьей учебной экскурсии Симферопольской мужской гимназии, увидевшие свет в 1890 году. Будучи по сути первым комплексным описанием истории, географического расположения, климатических условий, современного состояния и историко-культурных памятников города, материалы содержат весьма ценные сведения и непосредственно по крымскотатарской тематике. Последней в отчете посвящены несколько специальных «сообщений», в частности, «Азисы у татар» Х. А. Монастырлы, «Мечети, текэ (монастыри), духовные лица и праздники у татар» того же автора, «О расположении татарского горо-

да вообще, и в частности Акмечети, в связи с бытом татар» Ф. Ф. Лашкова. Помимо этого, интересующие нас сведения присутствуют и в целом ряде других «сообщений». Так, в отчете кратко описана ситуация в крымскотатарском образовании, в частности, даны сведения о крымскотатарских традиционных учебных заведениях (мектебах и медресе), Татарском отделении при Симферопольской мужской гимназии и Симферопольской татарской учительской школе. Очень интересны сведения, касающиеся системы водоснабжения в старой части города. Определенный интерес представляют также рисунки ряда указанных объектов (мечетей, мектебов и медресе, «святого» места («азиза») Салгир-Баба, здания СТУШ), выполненные участником экскурсии – художником А. Архиповым, к слову, бывшим в свое время преподавателем рисования в Симферопольской татарской учительской школе.

Ниже предлагается ряд фрагментов из указанных материалов. Первый из них взят из сообщения Х. А. Монастырлы «Мечети, текэ (монастыри), духовные лица и праздники у татар» и содержит ценный общий список мечетей Симферополя на 1889 год:

«Мечетей в 1783 г., по камеральному описанию, было в Симферополе 7, медресе – 1, мектебов – 3. Вероятно, что во время пребывания в древней Акмечети Калги-султана, по крайней мере до сожжения этого города в 1736 году, число мечетей в нем было больше. В настоящее время их одиннадцать. 1) Старейшая из всех мечетей симферопольских – это Кебир-Джума-Джами, на нынешней Петропавловской улице. Она основана в 914 году по магометанскому летосчислению (т. е. в 1508 по нашему); эта мечеть пережила, очевидно, пожар 1736 года; при ней есть медресе и тэксэ (монастырь), ныне уже запущенный; 2) Базар-Джами, на Греческой улице, ныне уже закрытая; богослужения в ней не совершается; 3) Тохал-Джами, основанная в 1242 г. (1827 г.) Абдул-Септаром-Челеби-Умер-Оглу и Аметом-Адильша-Оглу; 4) Джума-Джами, на Мечетной улице, построена Осман-Иса-Оглу в 1245 г. (1829 г.). Она называется мечетью «Сеид-Мемет-Эфендия», так как Сеид-Мемет-Эфенди при ней муллою; 5) Мечеть на

Здания некоторых крымскотатарских учебных заведений в конце XIX в. Вверху: старое и новое медресе; внизу: мужской и женский мектеб (школа). Худ. А. Архипов. Из книги «Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Симферополь». Симферополь, 1890.

Кладбищенской улице построена в 1254 году (т. е. 1848 г.); 6) Ак-Мечеть или белая мечеть построена в 1255 году (1849 г.) Сейт-Септаром, тогдашним городским головой, в Кантарной части; тут хатибом состоит преподаватель Корана в нашей гимназии Г. Наиров; 7) Цыганская мечеть построена в 1257 г. (1851 г.) Карик-Асаном и находится в Цыганской части; 8) Тохал-Джами построена в 1276 г. (1860 г.) Хаджи-Сеид-Халиль-Эфендием и находится на Кладбищенской улице; 9) Новая мечеть построена в 1304 г. (1886 г.) Хаджи-Сеид-Нафе (Ени-Джума-Джами); 10) Аджи-Куртий-Джами и 11) один молитвенный дом» [12, с. 70].

В этом списке обращает внимание то, что подавляющее большинство мечетей (7 из 10) были построены в XIX в. Однако можно предположить, что, по крайней мере, в ряде случаев речь может идти не о полностью новом строительстве (на новом месте), а об основательном ремонте или даже реставрации мечетей, существовавших на том или ином месте ранее (см. выше материалы Кондараки).

Добавим также, что из этого списка до последнего времени сохранились (в том или ином виде) лишь пять мечетей: Кебир-Джами (в 1990-е гг. была практически полностью перестроена), Ени-Джами («Джума-Джами на Мечетной улице», ныне пребывает в развалинах), мечеть Сеид-Нафе Челеби (отреставрирована, открыта для служб), мечеть Сейт-Септар Челеби (в 2014 г. на ее месте построено здание новой мечети) и мечеть Сеит-Халиль Челеби (ныне продолжает использоваться под частное жилье).

О городских крымскотатарских школах и медресе в материалах экскурсии («сообщение» А. И. Маркевича) приведены следующие сведения: «В Симферополе имеется два татарских медресе (высшие татарские училища, в роде семинарий). В медресе при старой соборной мечети (Джума-джами) учащихся более 60 человек, в новом медресе 40 учеников. Кроме того, есть более десяти мектебе (низшие частные школы), число учащихся в которых неизвестно» [11, с. 98–99]. Из этого

описания остается неясным, где располагалось новое медресе, что же касается частных начальных школ, их число коррелируется с количеством городских мечетей, в связи с чем, можно предположить, что это были школы при мечетях (как известно, при каждой мечети, как правило, существовала своя отдельная школа).

Чрезвычайно интересными представляются сведения из еще одного «сообщения» Х. А. Монастырлы под названием «Топография, климат, водоснабжение и санитарное значение города Симферополя», посвященные одному из безусловно важнейших элементов историко-культурного наследия города, а именно гидротехнической системе. Эти сведения во многом перекликаются с данными Кондараки (см. выше), однако, помимо этого, содержат результаты весьма подробного, глубокого исследования указанной проблематики на конец XIX века. Поскольку в соответствующем фрагменте присутствуют многочисленные количественные показатели, а также весьма интересные выводы автора, представляется полезным привести его максимально полно. Итак, в связи с системой старинного водоснабжения города Х. А. Монастырлы отмечает следующее:

«Прежние обитатели нынешнего Симферополя пользовались водой, во-первых, из Салгира, во-вторых, из колодцев весьма значительной глубины, в-третьих, из фонтанов, которых было достаточное число. Салгирная вода и в ту пору, как и теперь, служила для хозяйственных надобностей в домашнем обиходе. Для питья же служила вода пресных родниковых колодцев и фонтанов. Что действительно в древности колодцы доставляли воду для питья, доказывается существованием глубоких пресноводных родниковых колодцев и в настоящее время в той именно части нынешнего Симферополя, которая расположена на месте старого Акмечетя и примыкает к древнему предполагаемому Неаполису. Иные из этих колодцев достигают и теперь до 24 саж. глубины (*1 сажень – 2,13 м. – Н. А.*). Старожилы рассказывают, что они помнят существование колодцев не меньшей глу-

бины вдоль той же балки, под Неаполисом (*которая ведет, как известно, к территории, где располагался дворец калга-султана. – Н. А.*), но эти колодцы запущены и засорены. Кажется, что многие из нынешних глубоких колодцев суть те же, что были и в древности; они не запущены потому, что нужда в воде заставляла всякого жителя этой местности заботиться о том, чтобы поддержать, а не запускать их. Но самыми обильными источниками пресной родниковой воды служили фонтаны, в которые вода была проведена по трубам на значительное расстояние. По рассказам нынешних старожил, фонтанов было много; самые же достоверные указания на существование нескольких городских фонтанов, не говоря уже о существовании фонтанов, принадлежавших частным лицам, заключаются в обширном деле, хранящемся в городской управе.

Дело это представляет собой процесс, возбужденный в начале нынешнего столетия городскою управою против самовольного захвата откупщиком дворянином Зеленковым городского фонтана, что под Петровской скалой. Процесс этот тянулся до 40-х годов; он доходил до сената, и город наконец выиграл процесс у наследницы Зеленкова, княгини Шаховской. Из этого дела видно, что город, доказывая свое исконное право на владение Петровским фонтаном, представлял в суд расчетные листы, из которых явствует, что специальный мастер, по найму от города, в продолжение многих лет ремонтировал все городские фонтаны; отсюда ясно, что городских фонтанов было несколько и что они в конце прошлого столетия и до 30-х годов настоящего столетия ремонтировались. При ведении упомянутого процесса были опрошены на следствии тогдашние старожилы, которые показали, что Петровский фонтан существует с незапамятных времен (их собственные слова: «уже несколько столетий»); и что вода проведена по трубам вдоль балки из дальнего расстояния. Нынешние старожилы рассказывают, что из ставка, при имени Пушкина, откуда питается водой нынешний базарный фонтан, проведена была вода в другие

фонтаны (число их доходило до 9); некоторые из этих фонтанов находились на той же площади, где теперь фонтан на базаре. Но все эти фонтаны с течением времени были запущены.

Следы водопроводов и фонтанов видны и в нынешнем саду Воронцова. Эти фонтаны, очевидно, снабжали водой жителей бывшего здесь поселения, о существовании которого можно судить по встречающимся тут остаткам кладбища и развалинам домов.

Старожилы татары также рассказывают, что на их памяти еще были и действовали два фонтана: один у Кебир-Джами (старейшая мечеть, основанная в 914 г. по магометанскому летоисчислению, т. е. в 1508 году), а другой – на площади Петропавловского собора; оба они тоже запущены. Несколько лет тому назад, при производстве ремонта дома г-на Кулакова, при рытье канавы наткнулись на трубы очевидно упомянутых двух фонтанов. Вода, по рассказам старожил, была проведена из того же родника, из которого она доставляется и в нынешний Петровский фонтан.

Ныне жители Симферополя пользуются водой из Салгира для всех домашних надобностей, кроме питья; а для питья пользуются водой того же древнего благодатного Петровского фонтана и водой новейшего фонтана, на базаре, построенного после Крымской войны. Вода в базарный фонтан проведена из ставка около имения Пушкина, откуда, по рассказам старожил, вода была проведена и в древности. Но не меньшее количество воды доставляется нынешним жителям колодцами, число которых в 1885 году доходило до 700. Если восполнить это количество числом колодцев, вырытых вновь за последние 4 года в новой части города, за Феодосийским мостом, а также в других частях города, то число их будет больше 750. <...>

г. Симферополь. Крымскотатарская девочка у колодца. Открытка нач. XX в.

Итак, колодцев в Симферополе, притом пресноводных, в настоящее время – большое число, и обилие таких колодцев находится в татарской и цыганской частях города – именно в тех, которые примыкают к древнему предполагаемому Неаполису. Не восстановленные ли это древние колодцы?

Во 2-й части города по Салгиру – 14 глубоких пресноводных колодцев, по предположению санитарной комиссии, родниковых, в верхней части второго участка 181 колодец, из которых пресноводных 26, остальные 145 – соленые. Соленые колодцы не глубоки – от 6–8 саж., а пресноводные – от 9 до 24 саженой глубины. <...> Итак, всех колодцев во 2 части – 195.

В 3-й части – 419 колодцев, из которых 231 – весьма глубоки (14–16 саженой) и содержат пресную воду. Остальные 188 содержат воду, негодную для питья по ее солоноватому и горьковатому вкусу; последние колодцы очевидно питаются подпочвенной водой.

Относительно родниковых колодцев, в обилии вырытых в татарской и цыганской частях, я должен сделать еще одно замечание. Эти колодцы большею частью весьма глубоки (меньше 13 саж. почти нет, а доходит и до 24); вырыты они в твердом каменном грунте. Между тем, число таких колодцев доходит до 260. Мы удивлялись энергии и умению, с каким были вырыты в скалах

Тепе- и Эски-Кермена виденные нами там колодцы весьма большой, как нам казалось, глубины, достигающей до 6–7 саженей; однако наши симферопольские цыгане и татары, которые и поднесь в каменном грунте роют колодцы, глубина которых, как мы заметили, далеко превосходит глубину виденных нами эски-керменских колодцев, ничуть не уступают древним копателям, а, пожалуй, и превосходят их сноровкой и умением. Конечно, в распоряжении нынешних татар и цыган есть такие орудия для рытья, которыми не располагали, быть может, пещерный и эски-керменский обитатель; но факт тот, что и при таком совершенстве в настоящее время железных орудий, единственными мастерами в рытье глубоких колодцев в скалистом грунте оказываются только татары и цыгане; рабочие из русских не берутся за это дело, не обладая очевидно умением и сноровкой, которую татары и цыгане приобрели уже искони» [13, с. 20–24].

В этом описании представляется ценным каждый факт. В частности, обращает внимание количество фонтанов – 9. Можно с большой долей вероятности предположить, что ими являются именно фонтаны, обустроенные (или же построенные) крымским ханом Арслан Гераем (см. выше). Во-вторых, неоднократно отмечается важность т. н. Петровского фонтана, который, опять же, возвращает нас к личности крымского калга-султана: надо полагать, что фонтан при дворе калга-султана должен был быть наиболее обустроенным. Как видим, спустя несколько столетий он продолжал быть главным источником питьевой воды для жителей города. Наконец, очень важной является мысль о возможной связи средневековых коммуникаций с еще более древними, возникшими в период Неаполя Скифского. В этой связи, можно лишь предположить, что их использование могло не прекращаться и в послескифское время – вплоть до времен Крымского ханства.

Ко всему этому остается добавить, что с конца XIX в. по данной проблематике специальных исследований, судя по всему, не проводилось, вследствие чего, тема прак-

тически не нашла своего отражения и в нынешнем «Своде». Остается надеяться, что в ближайшее время проблема все же найдет своих исследователей.

В начале XX в. Симферополь обогатился рядом весьма интересных архитектурных памятников, связанных с крымскотатарской историей и культурой. Среди них особо можно выделить здание школы-рушдие, построенное усилиями Крымскотатарского благотворительного общества в 1905 г., а также комплекс различных построек на территории военного городка Крымского конного полка, в первую очередь мечеть (т. н. «Валиде-шериф», 1909 г.) и здание полкового Дворянского собрания (также 1909 г.). К счастью, многие из указанных объектов сохранились и поныне.

Завершая краткий обзор историко-культурных памятников крымских татар дореволюционного периода, вынуждены еще раз отметить практическое отсутствие серьезных монографических исследований как по, условно говоря, «крымскотатарской» инфраструктуре города в целом, так и по отдельным ее элементам в частности.

Взять, к примеру, неперемный атрибут восточного города – постоялый (гостиный) двор, по-крымскотатарски – *хан*. Симферопольские постоялые дворы несколько раз упоминались выше. В конце XIX – нач XX вв. в городе были хорошо известны, по меньшей мере, три хана – в краеведческой литературе они проходят под названиями Белый, Маленький и Желтый хан. Располагались они в самом центре столицы, на месте и в непосредственной близости от нынешнего супермаркета «Сельпо» на проспекте Кирова. Впоследствии один из них («Белый хан») стал известен как гостиница «Крымская», другой («Маленький хан») – «Ялта» [25, с. 135]. Гостиница «Ялта» упоминается и в газете И. Гаспринского «Терджиман», так, в одном из материалов газеты за 1912 г. присутствует имя ее хозяина – некоего Аджи Османа Аджиева [1].

В распоряжении исследователей ныне имеется фотография одного из симферопольских «гостиных дворов», выполненная в 1907 г. Н. И. Репниковым [6, с. 233]. На ней изображен, судя по всему, хозяин постоялого

двора у входа в своё заведение, возможно, – один из *ханов*, упомянутых выше.

Согласно краеведческой литературе начала века, указанные выше постоянные дворы находились в окружении целого ряда других гостиниц («Гранд-Отель», «Большая Московская», «Пассаж» и др.) и торговых заведений. Все данные объекты были снесены при переустройстве соответствующей территории в послевоенные годы.

Еще одним неизменным элементом архитектурной инфраструктуры восточного города были кофейни – *къавехане* (или же просто *къаве*). Крымскотатарские кофейни Симферополя часто упоминаются в краеведческой и художественной литературе, а также в воспоминаниях жителей и гостей города. Так, чуть выше, одна из кофеен упоминалась в описании Роберта Лайелла. Добавим к этому еще один фрагмент – из путеводителя по Крыму за 1885 г. уже на раз упоминавшегося В. Х. Кондараки: «Для приезжего в Симферополь, без сомнения всего интереснее взглянуть на быт и развлечения татар, которых он найдет в их национальных кофейнях, расположенных вокруг базарной площади. В кофейни эти каждый любопытный может войти и потребовать чашку кофе, стоящую 5 копеек. Из местных приготовлений считаются лакомствами: султанские пирожки и шашлыки, которые приготавливаются некоторыми туземцами для продажи и не дороже 3–4 копеек за штуку» [25, с. 134].

Судя по-всему, крымскотатарские кофейни постигла та же участь, что и постоянные дворы, а если здания некоторых из них и сохранились до наших дней, то локализовать их в настоящее время представляется весьма затруднительным.

То же касается и многочисленных мастеровских ремесленников (*эснаф; устахане*), без которых невозможно представить ни один традиционный восточный (да и не только восточный) город.

Многие вышеуказанные элементы инфраструктуры города можно было долгое время наблюдать в пределах еще одного,

*Старый гостинный двор в Симферополе.
Фото Н. И. Репникова, 1907 г.*

весьма значимого историко-культурного пространства-«памятника» – городского базара. По многочисленным описаниям, симферопольский базар был одним из наиболее живописных мест города, привлекавшим внимание своим восточным колоритом вплоть до депортации немцев, крымских татар, греков, болгар и армян в годы Великой Отечественной войны.

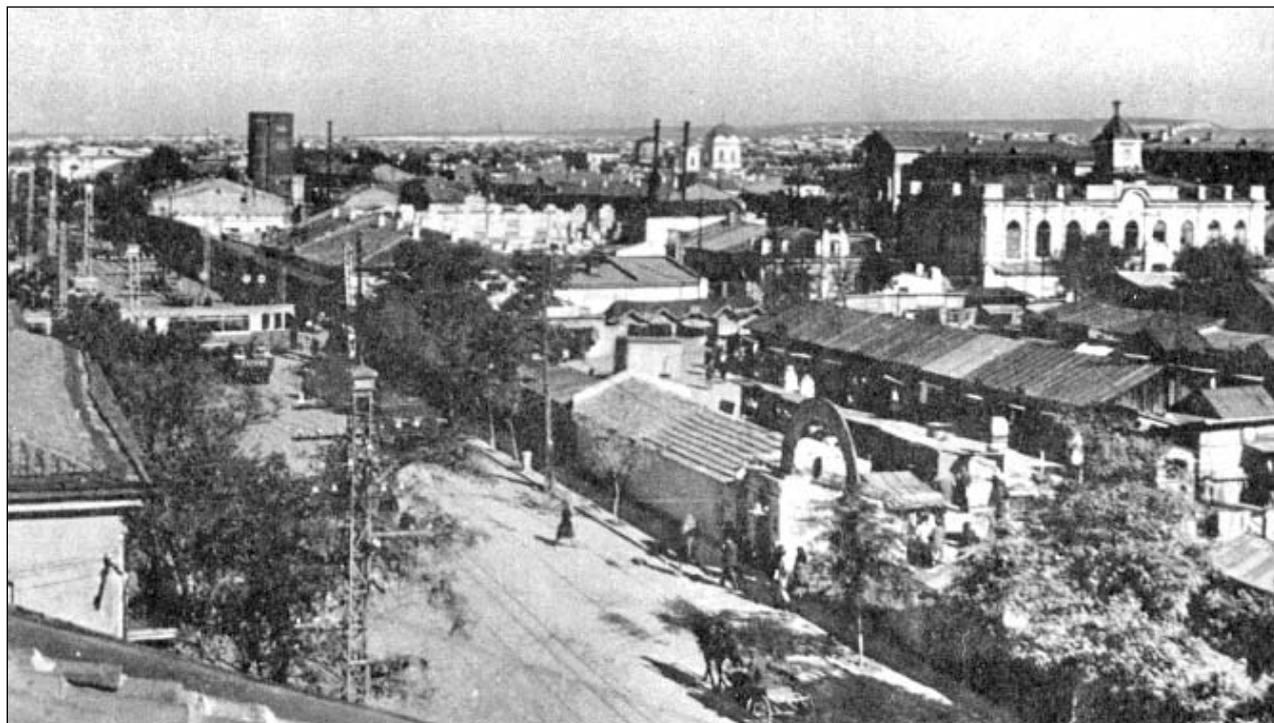
Еще одной весьма актуальной проблемой изучения историко-культурного наследия Симферополя является вопрос исследования границ и структуры исторических кварталов города – *маалле*. Средневековые городские кварталы, как известно, формировались вокруг городских мечетей и во многом представляли собой своего рода автономные образования с достаточно однотипной инфраструктурой. Элементами последней были: сама мечеть (соборная – *джа-*

ми, квартальная – *месджит*, включая их собственность в виде различных построек и домовладений – *вакуф*), школа (*мектеп*), фонтан (*чешме*), кофейня (*къавехане*), непосредственно объекты частной жилой застройки и т. д. К сожалению, исследования в этом направлении также практически не проводились, и в настоящее время этот вопрос также ждет своих исследователей.

События 1917 года (Февральская революция, октябрьский большевистский переворот, I Курултай крымскотатарского народа и т. д.) способствовали появлению в городе многочисленных новых памятников истории и культуры крымских татар, а также заметному обогащению истории уже известных. Так, в этот период особую известность приобретает здание Магометанского духовного правления (*Махкеме-йи шерийе*), в котором с начала апреля 1917 г. размещался офис Председателя Временного Крымского Мусульманского Исполнительного комитета Н. Челебиджихана (он же – первый всенародно избранный Таврический муфтий) и который стал главным очагом общественно-политической и культурной жизни крымских татар в масштабах всего полуострова.

Данный процесс значительного роста количества различных объектов Симферополя, связанных с историей и культурой крымских татар, получил мощную динамику в период Крымской ССР (1921–1923 гг.) и Крымской АССР (с 1923 по 1944 гг.). В эти годы значительная часть общественно-политической и культурной элиты крымскотатарского народа так или иначе была сосредоточена в Симферополе – столице автономии. Именно здесь располагались здания главных представительских и правительственных органов (КрымЦИКа, Совнаркома, отдельных наркоматов), культурных учреждений, учебных заведений, издательств газет и журналов и т. д. Росту количества подобных заведений, имевших к крымским татарам непосредственное отношение, а также, собственно, самих крымскотатарских кадров способствовал курс на т. н. «коренизацию», или «татаризацию», ставивший целью максимально полное привлечение к политической и культурной жизни представителей коренного этноса полуострова.

К сожалению, далеко не все из указанных зданий сохранились до наших дней. Так, является утраченным главное прави-

Территория довоенного городского рынка (ныне парк им. К. А. Тренева). Фото 50-х гг. XX в.

2. Симферополь. ул. Кантарная (ныне Чехова). Слева – здание «весовой» (не сохранилось). Открытка нач. XX в.

тельство здание автономии – т. н. «Дом Правительства», в котором размещались КрымЦИК и Совнарком Крымской АССР (указанный «Дом Правительства», в свою очередь, располагался в бывшей гостинице «Европейская»; ныне это территория Сквера 200-летия Симферополя). Впрочем, сохранились здания, в которых размещались отдельные наркоматы, в частности, Наркомат земледелия, Наркомат просвещения, Наркомат финансов и др.

Помимо государственных административных и общественных зданий периода Крымской АССР, огромный интерес представляют и многочисленные объекты жилой архитектуры, связанные с биографиями тех или иные известных государственных и культурных деятелей. Некоторые из подобных зданий получили особую известность, например, Жилой дом для членов Правительства, располагавшийся по ул. Жуковского, 5, или же т. н. «Дом специалистов» – по ул. Жуковского, 20 (оба сохранились до настоящего времени). Ныне известны адреса проживания целого ряда высокопоставленных чиновников, наиболее известных представителей научной интеллигенции, деятелей культуры, литературы и искусства из числа крымских татар (и многие из соответствующих зданий сохранились),

однако не меньшее количество адресов продолжают оставаться неизвестными.

Необходимо также отметить, что наряду с появлением многочисленных новых памятников крымскотатарской истории, в результате целого ряда драматических событий 20–30-х гг. XX века прекратили существование многие памятники предыдущих эпох, прежде всего – культовые сооружения. Так, на основании ряда указов 20-х гг. XX в. были за-

крыты все культовые здания города, более того, некоторые из них в ближайшие же годы были разрушены. Примером этому может служить мечеть Крымского конного полка, разрушенная в начале 1930-х годов.

Огромный ущерб архитектуре города, и в том числе памятникам крымскотатарской истории и культуры, был нанесен в годы Великой Отечественной войны. Одной из «жертв» военного времени, в частности, стал вышеупомянутый «Дом Правительства» Крымской АССР (бывшая гостиница «Европейская»).

К сожалению, события, последовавшие за выселением крымских татар с их исторической родины, еще более усугубили эту

Симферопольский базар. Фото нач. XX в.

Бывшая гостиница «Европейская» – «Дом Правительства» Крымской АССР в 20-40-х гг. XX в.

ситуацию. В период пребывания крымских татар в ссылке сотни объектов их историко-культурного наследия перестали существовать полностью.

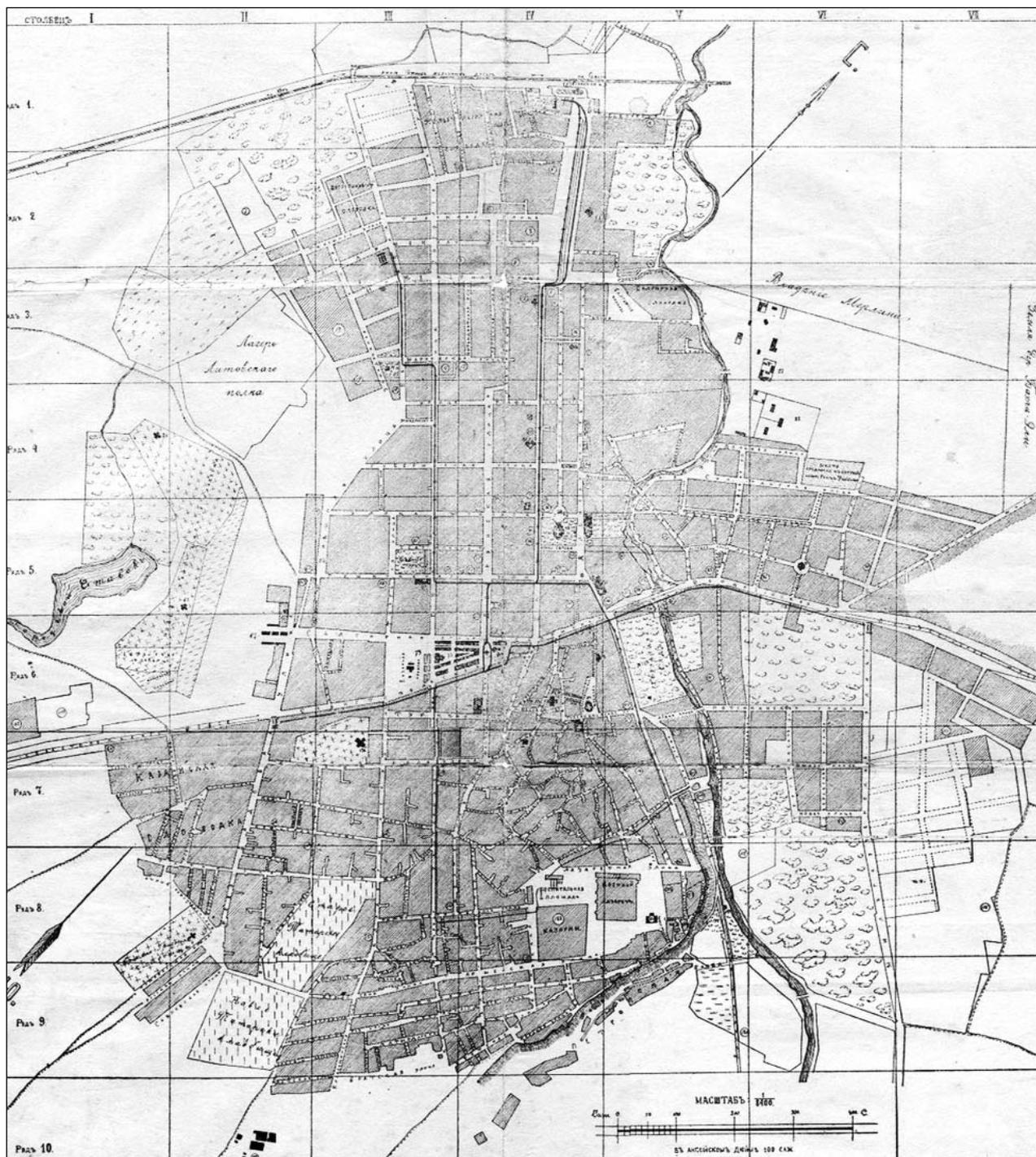
Одним из наиболее значительных аспектов этого культурного этноцида явилось, в частности, полное изменение городской топонимики Симферополя. Как известно, согласно указам Президиума Верховного Совета РСФСР, в 1944–1948 гг. были изменены названия практически всех населенных пунктов в Крыму (около 1400 названий). Процесс переименований коснулся и городской топонимики, в частности, в Симферополе были изменены названия всех улиц и переулков, носивших специфическую «крымскотатарскую» окраску.

Справедливости ради надо сказать, что указанный процесс начался еще до выселения крымских татар в 1944 г. В довоенный период переименование городских улиц и переулков носило прежде всего классовый и антирелигиозный характер. Так, уже в 1924 г. переулок Ханский получил название Ангарского, бульвар Крым Гирея – Ноябрьского, ул. Мечетная стала Восточной,

ул. Султанская – Максима Горького [17, с. 42–43]. Позже, в 1930 г., переулок Минаретный стал переулком Безбожников, пер. Вакуфный – Чехова [там же, с. 44]. В 1938 г. было изменено название одной из наиболее оживленных симферопольских улиц – Кадди-Эскерской – на Краснознаменную [18, с. 128].

Как было указано, данные изменения не носили национального характера. Более того, в период 1920–1930-х гг. в городе появились улицы и учреждения, названные в честь крымских татар – участников революционных событий и Гражданской войны 1917–1922 гг. Примером этого могут служить появившиеся в 1930 г. улица Сакаева, переулок Урманера, детдом им. М. Рефатова, названные в честь жертв Гражданской войны 1917–1922 гг. и т. д.

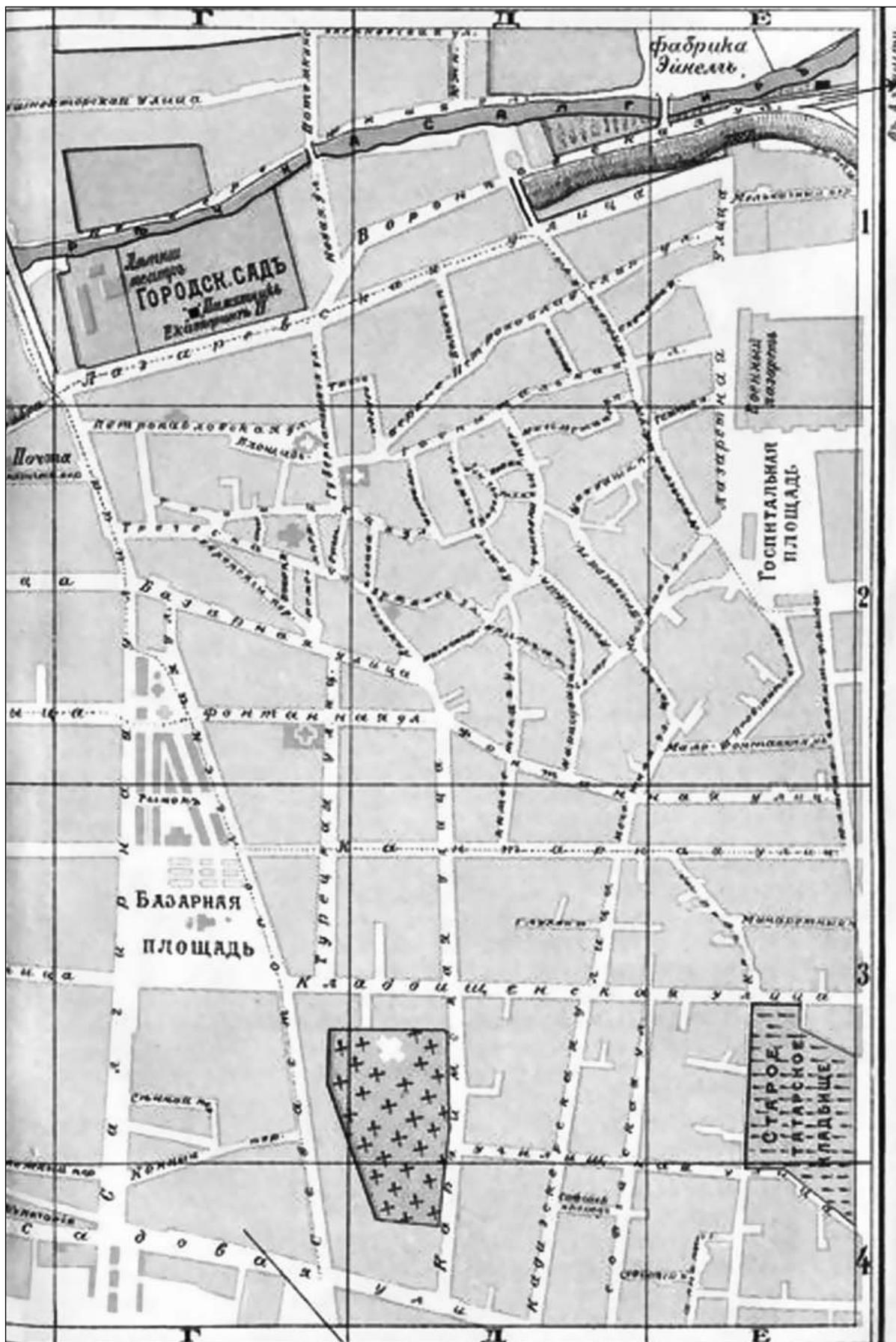
После насильственного выселения крымских татар 18 мая 1944 г. процесс переименований городской топонимики приобрел откровенно антикрымскотатарский характер: за короткий срок были изменены все названия, которые так или иначе могли напоминать о коренном народе Крыма. Так, в 1944 г.

План г. Симферополя. Конец XIX в.

ул. Кантарная была изменена на Чехова, ул. Субхи (в память турецкого революционера Мустафы Субхи) – Крылова [17, с. 45]. В 1946 г. перестали существовать улицы: Акмечетская – изменена на Таврическую, Битакская – на Мичурина, Карасубазарская – на Белогорскую, Турецкая – на Танкистов, Татарская – на Красную (с 1948 г. – ул. Футболистов) [там же]. Переименования продолжились в 1948

г.: ул. Сабловская стала ул. Черноморской, Мамакская – Зуйской, Чумакарская – Зенитной, Ишуньская – Воинской, Чокурчинская – Малореченской, Чатырдагская – Перевальной; переулок Каябашный стал переулком Подгорным, Казанлыкский – Известковым, Аянский – Водопроводным, Богурчинский – Феодосийским, Битакский – Клиническим, Сабловский – Черноморским, Мамакский

План Симферополя. Нач. XX в.

– Зуйским, Альминский – Белогорским, Абдальский – Донским [там же, с. 45–46]. В 1956 г. переулочек Бахчиэльский получил название Садового [там же, с. 47]. В этих переименованиях, к слову, отразились изменения и в топонимике населенных пунктов, окружавших Симферополь, включая тех, что со временем вошли в черту города.

Однако проблема, разумеется, не только в формальном изменении исторической топонимики города (из всех названий, появившихся в результате депортации крымских татар в 1944 г., в 1991 г. было возвращено лишь название ул. Битакской). Она – значительно глубже. Вместе с появлением новых названий улиц и переулочков объявлялось негласное (а зачастую – и вполне официальное) табу на всю их предыдущую историю: предавались забвению имена известных людей, живших на них, и весь, скажем так, «фольклор», связанный с богатой историей длительного функционирования этих улиц. В результате безвозвратно терялся богатейший пласт истории города.

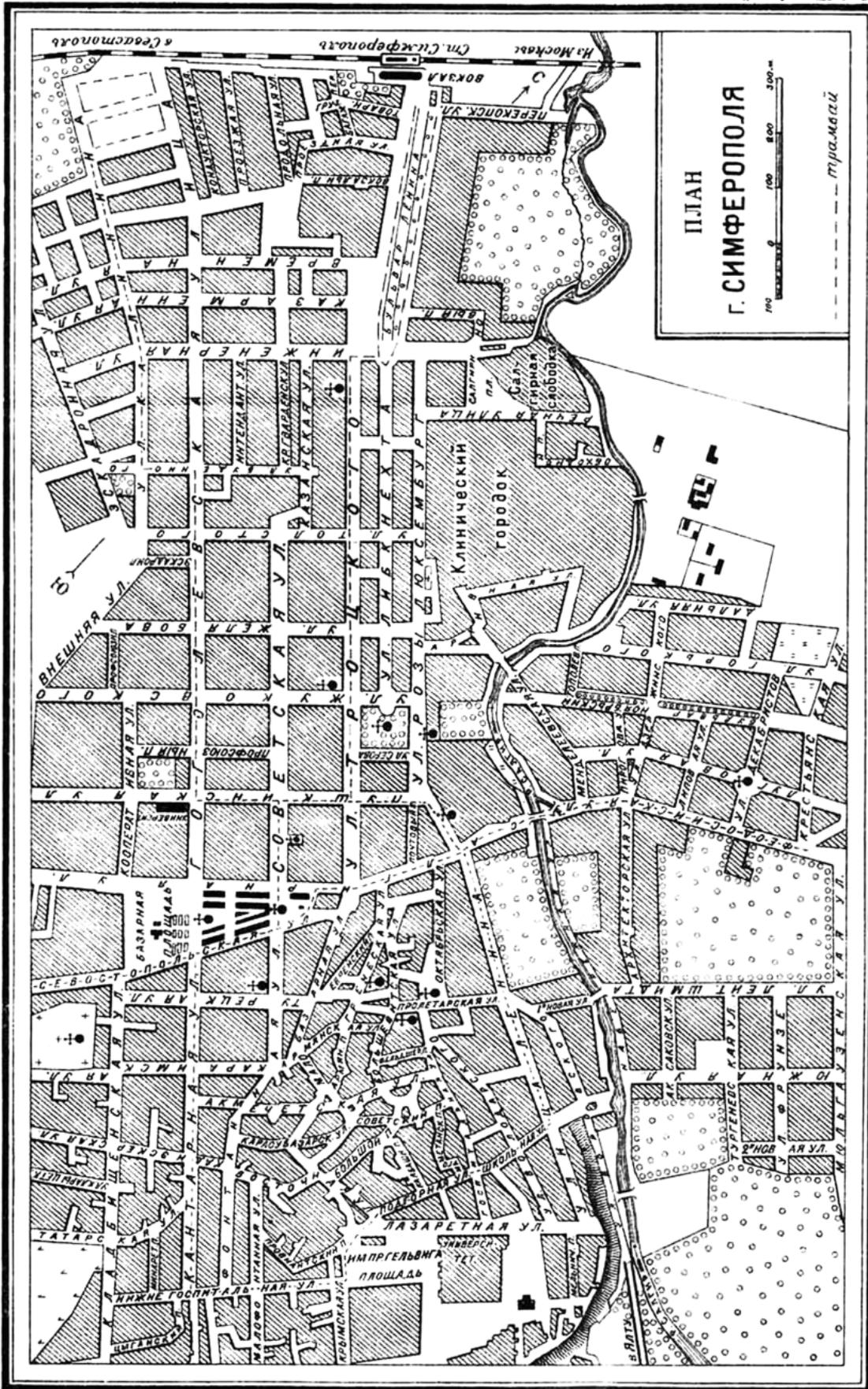
Масштаб подобных утрат, большей частью именно «неестественных», можно представить на примере одной из улиц старого города – Кладбищенской (с 1839 г.) – Субхи (с 1927 г.) – Крылова (с 1944 г.), пересекавшей один из наиболее оживленных, условно говоря, «крымскотатарских» кварталов города. Как известно, именно на этой улице (дом № 29) располагался дом (усадебный дом) известного крымскотатарского мурзы, общественно-политического деятеля и мецената, депутата Государственной Думы полковника И. Муфтизаде (1841–1917, здание сохранилось, однако никак не отмечено, более того, не присутствует ни в одном из реестров памятников культурно-исторического наследия города). Опять же на Кладбищенской (дом № 60) с 1897 г. функционировало первое Крымскотатарское благотворительное общество («Общество пособия бедным мусульманам Крыма»), сыгравшее значительную роль в общественной и культурной жизни крымских татар в конце XIX в. – нач. XX в. На этой же улице в 1913, 1915, 1917 и 1918 гг. был открыт целый ряд самобытных образовательных заведений: новометодная школа, профессиональная школа для девушек, крымскотатарская гимназия для девочек (инициатива А. Исхаковой), первый крымскотатарский детский сад (также инициатива А. Исхаковой) и др., каждое из которых было первым опытом в своей области в истории крымскотатарского национального образования. Среди этих заведений необходимо особо выделить первое крымскотатарское женское педучилище – дарульмуаллимат им. И. Гаспринского, открытое

Почтовый штемпель Симферополя-Акмесджита. 1933 г. Из собрания Н. Ибраимова.

в 1918 г. по инициативе известных деятельниц крымскотатарского женского движения И. Тохтаровой и Ш. Гаспринской в доме под № 66 (предоставленном местным благотворителем Аювкулак Абдураманом Мемет-оглу, владевшим рядом домовладений по той же улице). В 1921 г. практически напротив дома И. Муфтизаде была открыта первая специализированная больница для женщин-мусульманок. В начале 1920-х гг. в доме № 56 открылось представительство Народного управления по делам религии Крымской АССР, здесь же с 1 ноября 1923 г. начал издаваться печатный орган этого управления – газета «Асрий мусульманлык» («Современное мусульманство») – передовое просветительское издание своего времени.

Помимо этого, в середине 1920-х гг. в бывшем здании Крымскотатарского благотворительного общества открывается одна из двух образцовых крымскотатарских школ города, со временем получившая известность как «12-я крымскотатарская образцовая школа-интернат». В 1927 г. на территории бывшей усадьбы И. Муфтизаде главным образом

Изданье Транслечати НКПС. Москва.

Главит № 58491 Тираж 5000.

Ответственный редактор Э. С. Баленин.

План г. Симферополя. 1920-е гг.

для местного крымскотатарского зрителя открывается кинотеатр им. Субхи (его помещения и сцена использовались также для многочисленных других культурных и просветительских мероприятий – концертов, собраний, лекций и т. д.). В доме под № 76 в 1920-е гг. жил известный поэт, писатель и педагог А. Одабаш, здесь же располагалась редакция издававшегося им журнала – «Ешил ада» (Зеленый остров). Наконец, именно вдоль улицы Кладбищенской-Субхи (от нынешней ул. Футболистов и выше) находилось и главное мусульманское кладбище города, состоявшее из двух частей, фигурировавших на додепортационных планах города под названиями «Старое» и «Новое» татарские кладбища.

Необходимо также добавить, что на Кладбищенской-Субхи родились или же жили многочисленные другие представители крымскотатарской интеллигенции: А. Тайганская, М. и О. Османовы, К. Барамыков, Р. Куртиев, Р. Военный и др. События, происходившие на этой улице, очень часто становились предметом репортажей в периодических изданиях того времени. Улица проходит в воспоминаниях известных писателей, ученых, деятелей культуры: Дж. Дагджи, Р. Аппазова, Я. Бекирова, О. Османова, С. Эреджеповой и др.

Нельзя не сказать и о том, что непосредственно к улице Кладбищенской-Субхи примыкали ул. Кадиаскерская (ныне ул. Краснознаменная), Караимская, Татарская (ныне ул. Футболистов) и др., дополнявшие своими сюжетами оживленную жизнь этой, безусловно, наиболее знаменитой крымскотатарской улицы города.

Все это, вполне разумеется, стало «неактуальным» после того, как крымскотатарские (а чуть позже и ряда других национальностей) жители улицы Субхи в 1944 г. были насильственно выселены из своих домов. В результате были преданы забвению абсолютно все памятные места, речь о которых шла выше, более того, многие из них (в частности, кладбища) со временем полностью прекратили свое существование.

Подобную ситуацию, хоть и не столь яркую, можно наблюдать на примере и дру-

гих улиц и кварталов города, как, впрочем, и всего Симферополя в целом.

В настоящем «Своде» сделана попытка обратить внимание общественности и профильных органов на состояние памятников истории, культуры и архитектуры крымских татар г. Симферополя. Несмотря на весьма драматическую судьбу этого народа, отразившуюся и на судьбе его историко-культурного наследия, большое количество памятников в рамках города все же сохранилось до настоящего времени, однако требует по отношению к себе соответствующего их статусу бережного отношения. Остается фактом, что значительное число даже известных на сегодня крымскотатарских историко-культурных памятников города не включено в реестры историко-культурного наследия Крыма. Помимо этого, многие памятники продолжают оставаться неисследованными.

Особо необходимо сказать об архитектурных памятниках, которые, не являясь собственно «крымскотатарскими», стали в свое время одними из наиболее ярких очагов крымскотатарской общественно-политической жизни, науки, образования и культуры. Среди подобных объектов отметили бы здание бывшего Дома губернатора, Крымский государственный драматический театр, бывшее здание Окружного суда, гостиницу «Европейская», здание гимназии В. А. Станишевской (позже – Крымского пединститута им. М. В. Фрунзе), бывшего Дома Дувана и др. К сожалению, условно говоря, «крымскотатарская» часть истории функционирования этих зданий долгое время замалчивалась, да и ныне продолжает оставаться практически неисследованной. Необходимо активизировать системную работу по более глубокому изучению уже известных памятников, всемерному выявлению «забытых» объектов, постановке и тех и других на государственный охранный учет, проведению необходимых ремонтно-реставрационных работ, а также всемерной популяризации сведений об этих объектах.

В завершение отметим, что крымско-

татарское историко-культурное наследие г. Симферополя впервые стало предметом отдельного серьезного исследовательского проекта, в котором приняла участие довольно представительная группа специалистов. Хочется надеяться, что издание «Свода» поспособствует активизации системной работы, упомянутой выше, в результате чего будет выявлено и поставлено на учет значительно большее количество памятников.

Авторский коллектив выражает особую благодарность и признательность Президен-

ту Республики Татарстан Р. Н. Минниханову, при поддержке которого данная работа увидела свет.

Авторы также искренне благодарны за оказанную помощь в работе над «Сводом» руководству и преподавателям Крымского инженерно-педагогического университета (г. Симферополь), администрации и сотрудникам Крымскотатарского музея культурно-исторического наследия (г. Симферополь) и Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского (г. Симферополь).

Список использованных источников и литературы

1. **Абдураманова С. Н.** Социальная жизнь Крыма на страницах газеты «Терджиман» // Гасырлар авазы-Эхо веков. – 2015. – № 3/4. – С. 219–227.
2. **Дюбуа де Монпере Ф.** Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. Т. 5–6. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. – 328 с., цв. вкл.
3. **Записки** Манштейна о России, 1727–1744 / пер. с франц. – СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1875. – 399 с.
4. **Кондраки В. Х.** Новый обстоятельный путеводитель по Крыму. – М.: Тип. М. М. Борисенко и К°, 1885. – 160 с.
5. **Кондраки В. Х.** Универсальное описание Крыма. Ч. 1. – Николаев, 1873.
6. **Крым в прошлом.** В старых фотографиях / сост.: Д. Д. Васильев, Г. В. Длужневская, Х. Кырымлы. – Анкара, 2006. – 254 с.
7. **Крымские путешествия:** Джеймс Уэбстер и его вояж по Крыму в 1827 г. / вступ. статья Т. А. Прохоровой; пер. с англ., комм. Т. А. Прохоровой, О. Широкова; предисл. Э. Б. Петровой; под ред. Э. Б. Петровой. – Симферополь, 2016. – 224 с.
8. **Куртиев Р.** Восточная война и крымские татары / «Амет Озенбашлы – видный общественно-политический деятель Крыма, писатель-публицист. Годы, люди, судьбы». Материалы Международной научной конференции. 24–25 апреля 1998 г., г. Симферополь. – Симферополь, 1999. – С. 104–111.
9. **Лайелл Р.** Симферополь и его окрестности: Из «Путешествия по России, Крыму, Кавказу и Грузии» / пер. и прим. О. Корчевской // Крымский альбом, 2002. – М.; Феодосия: Коктебель, 2003. – С. 17–33.
10. **Лашков Ф. Ф.** Камеральное описание Крыма 1784 г. [Ч. 4] // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – 1889. – Вып. 7. – С. 25–45.
11. **Маркевич А. И.** Краткий очерк развития учебных заведений в г. Симферополе // Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Симферополь / Отчет, составленный по поручению педагогического совета Ф. Лашковым; приложения рисовал А. Архипов. – Симферополь, 1890. – С. 86–99.
12. **Монастырлы Х. А.** Мечети, текэ (монастыри), духовные лица и праздники у татар // Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Симферополь: Отчет, составленный по поручению педагогического совета Ф. Лашковым. Приложения рисовал А. Архипов. – Симферополь, 1890. – С. 68–73.
13. **Монастырлы Х. А.** Топография, климат, водоснабжение и санитарное значение города Симферополя // Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Симферополь:

Отчет, составленный по поручению педагогического совета Ф. Лашковым. Приложения рисовал А. Архипов. – Симферополь, 1890. – С. 4–34.

14. Монтадон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым / пер. с франц. – Киев: «Издательский дом «Стилос»», 2011. – 416 с.

15. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / пер. с нем. – М.: Наука, 1999. – 246 с.

16. Петрова Э. Б., Прохорова Т. А. Крымские путешествия: Н. Н. Мурзакевич, А. Н. Демидов (К 200-летию юбилею Н. В. Гоголя). – Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. – 328 с., цв. илл.

17. Поляков В. Е. Историческая эволюция городской топонимии Симферополя. – Симферополь, 2001. – 224 с.

18. Поляков В. Е. Улицами Симферополя. – Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 2005. – 320 с.

19. Сосногорова М. Путеводитель по Крыму для путешественников: с приложением статьи «Берег Крыма от Феодосии до Евпатории как климато-лечебная местность». – Одесса, 1874. – 362 с.

20. Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году / *предисл. и комм. Т. М. Фадеевой.* – Симферополь: Бизнес-Информ, 2012. – 208 с., цв. илл.

21. Сумароков П. И. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. Ч. 1. – СПб., 1803. – [14], 226 с., 22 л. илл.

22. Тимошевский Г. И. Краткий очерк истории Симферополя // Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Симферополь: Отчет, составленный по поручению педагогического совета Ф. Лашковым. Приложения рисовал А. Архипов. – Симферополь, 1890. – С. 34–59.

23. Тунмани [Г. Э.] Крымское ханство / пер. с нем. Н. Л. Эрнста, С. Л. Белявской; предисл., прим. Н. Л. Эрнста. – Симферополь: Госиздат Крым. АССР, 1936. – 104 с.

24. Халим Гирай султан. Розовый куст ханов, или История Крыма / Перевод переложения А. Ильми 1909 г. и пояснения К. Усеинова 2004 г. – Симферополь, 2004. – 288 с.

25. Широков В. А., Доля А. И. Симферополь: Улицы и дома рассказывают... – Симферополь, 2008. – 276 с.

26. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века / пер. и комм. Е. В. Бахревского. – Симферополь, 2008. – 172 с.

27. Büyük Ö. Kırim'ın İdarî ve Sosyo-Ekonomik Tarihi (1600–1774). – İstanbul: Ötüken Neşriyat, 2014. – 300 s.

28. Özenbaşlı E. M. Qırım muacirleri (1860–1862). – Aqmescit, 2007. – 152 s.

ТЕРРИТОРИЯ ДВОРЦА КАЛГИ-СУЛТАНА КРЫМА И МЕЧЕТИ МЕНГЛИ I ГЕРАЯ *ул. Воровского, 19–23*

Дворец калги-султана Крыма и входившая в состав дворцового комплекса мечеть Менгли I Герая располагались в юго-западной части нынешнего Симферополя, по адресу ул. Воровского, 19–23. Дворец и, судя по всему, мечеть были разрушены в конце XVIII века. В эти же годы на части территории было обустроено пивоваренное предприятие, позже – городской пивзавод (в советское время – Симферопольский пивной завод). С начала 1980-х гг., после переезда предприятия на новое место, территория оставалась незастроенной.

В 2013 г. городскими властями Симферополя территория бывшего дворцового комплекса калги-султана была отведена под муниципальное и индивидуальное строительство – с условием предварительного проведения археологических исследований. После этого решения дважды, весной 2015 г. и летом 2017 г., без выполнения указанного

условия, на данной территории начинались различные строительные работы, оба раза приостановленные после протестов общественности и ученых. В результате осенью 2017 г. было принято окончательное решение об археологической разведке местности и выделены для этого необходимые средства. В ноябре того же года на территории были проведены первые предварительные археологические работы, выявившие остатки различных сооружений и предметы материальной культуры населения Акмечети и Симферополя XVI–XIX вв. Данные находки поставили вопрос необходимости постановки территории бывшего дворца калга-султана и мечети Менгли I Герая на учет как объекта культурного наследия – с последующим проведением здесь полномасштабных археологических работ.

Калга-султан (*qalğa, qalğay*) был вторым по значению лицом после хана в госу-

г. Симферополь, ул. Воровского, 19–23. Место, где в XV–XVIII вв. располагались дворец калги-султана Крыма и мечеть Менгли I Герая. Фото 2014 г.

дарственной иерархии Крымского ханства. Калгаями избирались, как правило, младшие родственники новоизбранного хана – из числа его братьев, сыновей или племянников. Поскольку должность калги занимали только принцы из ханского рода Гераев, именовавшиеся в Крыму султанами, по отношению к калгам часто использовалось название «калга-султан». Резиденцией калги был город Акмесджит (ныне Симферополь) [12].

В источниках, в частности, в ханских ярлыках, термин *калгай* проходит в ряде вариантов: *кагалгай* (*кагылгай*), *калгай*, *калга*. Среди них наиболее ранней принято считать форму *кагалгай*. С точки зрения этимологии, предположительно слово происходит от монгольского «кагалха» в значении «большие двери» (данное слово в монгольском языке существует и поныне) [30]. Подробный анализ других возможных значений термина присутствует в работе В. Бушакова «О происхождении титула калга в Крымском ханстве» [2].

Должность калги существовала не только в Крымском ханстве. Исследователями отмечается ее присутствие и в других регионах постзолотоордынского пространства, в частности, при хане Большой Орды Шейх-Ахмеди (1481–1502), астраханском хане Дервише Али (1537–1539, 1554–1556), возможно, в Казанском ханстве, при хане Сахибе Герае (1521–1524) [26].

Данные примеры относятся ко времени не ранее правления крымского хана Менгли Герая I (1467, 1469–75, 1478–1515), с именем которого связывается история появления сана. Существование его в других государствах ранее остается дискуссионным. Во всяком случае известный российский историк, автор фундаментального исследования по истории Крымского ханства В. Д. Смирнов считал учреждение сана Менгли Гераем в значительной степени его нововведением. Целью учреждения новой должности, по В. Д. Смирнову, было желание изменить «ненадежный» коренной тюркский порядок престолонаследия по старшинству в роде в целом на таковой, при котором власть пере-

ходила бы к старшему сыну правящего хана. Для этого, по мнению историка, у Менгли Герая было по меньшей мере две причины: «опасение новых смут, которые могли быть произведены претендентами на власть и расшатать едва только сформировавшееся Крымское ханство», и желание «несколько ослабить вассальную зависимость ханства от Османской Порты [24, с. 357–358].

Относительно времени возникновения должности и личности первого калгая существуют различные версии. Крымский историк (и поэт) конца XVIII – нач. XIX в., представитель династии Гераев Халим Герай-султан в известном труде «Розовый куст ханов», в главе, посвященной правлению хана Мухаммеда (Мехмеда) Герая I (1515–1523), так объясняет обстоятельства появления должности калгая: «Хан Мухаммед Герай – старший сын хана Менгли Герая. Однажды, когда Менгли Герай уходил в поход на христианские страны, у него спросили: «Кому оставляете Крым?» На это Менгли Герай ответил: «Буюк огьлум кьалгъай» («Старший сын останется»). Когда же хан благополучно вернулся с богатой добычей, он, чтобы утешить Мухаммеда, привыкшего в его отсутствие к роли первого лица в Крыму, выделил ему ежегодную долю доходов от продажи соли и долю от таможенных сборов, а также отдал во владение города Акмесджид и Карасубазар. Затем, получив для сына султанскую грамоту-берат на новоизбранную должность калгай-султана, официально признал его престолонаследником. В качестве калгая Мухаммед Герай имел свою ставку, своё войско и свою резиденцию в Акмесджиде» [27, с. 22, 24].

Эта версия была поддержана рядом историков, в том числе В. Д. Смирновым [22, с. 360]. Однако есть указания и на то, что первым калгаем был не сын Менгли Герая Мехмед, а брат Менгли – Ямгурчи (еще один вариант использования имени в источниках: Ягмурчи). А. М. Некрасов в статье «Возникновение и эволюция Крымского государства в XV–XVI веках» отмечает: «Русские источники (известные, кстати, и В. Д. Смир-

Крымский хан Менгли Герай I с сыном, ханзаде (принцем) Мехмед Гераем. Османская миниатюра XVI в.

нову) однозначно свидетельствуют, что по крайней мере с 1486 г. калгой был Ямгурчи, и только после смерти дяди перешел к Мухаммед-Гирею (вероятно, около 1510 г.). Таким образом, изначально при выборе калги действовал древний принцип родового старшинства» [20, с. 52].

При этом год назначения Ямгурчи остается неизвестным. В. Черненко и А. Белоусов в исследовании «Крымские Гиреи: состав и статус «забытой» династии» отмечают, что назначение Ямгурчи могло произойти и ранее 1486 года: «Вполне возможно, что это событие произошло несколько раньше (1486 года. – Н. А.). Например, в 1478 году, когда в Крыму завершилась длительная усобица среди сыновей первого хана из династии Гиреев. Старшие братья, Нур-Девлет и Айдер, проиграв борьбу за власть, бежали в Литву, а затем в Россию, где и закончили свои дни. А младшие, Менгли Гирей и Ямгурчи, раз-

граничили «полномочия»: одному досталась ханская власть, другому статус официально наследника» [28].

В связи с именем Ямгурчи (Ягмурчи) не может не обратить на себя внимание тот факт, что в окрестностях Акмесджита существовала деревня Ягмурцы (ныне городской микрорайон Фонтаны). Можно предположить, что речь идет о землях, некогда принадлежавших брату Менгли I Герая – первому калга-султану Крыма Ямгурчи беку.

Говоря о статусе и полномочиях крымского калга-султана, В. Черненко и А. Белоусов отмечают: «Калга-султан – первое лицо после хана, наместник государства. В случае смерти хана бразды правления по праву переходили к нему до прибытия преемника. Если хан не хотел или не мог принять участие в походе, то калга брал на себя командование войсками. Резиденция калги была в городе Акмесджит, располагавшемся недалеко от Бахчисарая. У него были свой визирь, свой Диван-эфенди, свой кади, его двор состоял из количества чиновников, равного двору хана. Дивану калги подведомственны были все решения о преступлениях его округа, но право смертного приговора принадлежало хану. Калга являлся участником заседаний ханского Дивана» [там же].

Выдающийся турецкий историк-османист крымскотатарского происхождения Халиль Иналджик в статье для энциклопедии «Ислам» отмечает еще целый ряд весьма важных моментов. В частности, калга являлся главой всех султанов – принцев из рода Гераев. Он имел право от своего имени издавать ярлыки (приказы и распоряжения, см. ниже), а также вести переписку с правителями других государств. Русскими царями, польскими королями и черкесскими беями калгаю и его близким направлялись отдельные дары и выплачивалась дань (*болек*) и др. Особо останавливается ученый на штате при дворе калга-султана. Последний напоминал ханский и состоял, в частности, из следующих чинов: *капы агасы* (*эшик агасы*, наивысший по рангу чиновник при дворе калга-султана, глава дворцовой службы),

аталык агасы (воспитатель при детях калга-султана, иногда пользовался чрезвычайно большими полномочиями), *хадым агасы* (начальник евнухов), *хазинедар баши* (старший казначей личной, «внутренней» казны калга-султана), *дефтердар эфенди* (главный казначей), *султан кадысы* (личный судья калга-султана), *капыджы баши* (начальник внутренней охраны дворца), *актаджы-бей* (главный придворный конюший), *балджы баши* (распорядитель пиршествами), *куллар агасы* (начальник над придворными нижними чинами), *хазине кятиби* (секретарь казначейства), *капыджылар кетхудасы* (второй по рангу начальник внутренней дворцовой охраны, привлекался также для выполнения различных важных поручений), *сарач баши* (начальник службы освещения дворца), *чашигир баши* (начальник службы обеспечения приготовления пищи, доставления приготовленных блюд в личные покои султана, а также подношения блюд членам дивана во время обеда, который давался в дни, когда проходили заседания дивана) (*пояснения в скобках – наши. – Н. А.*) [30].

Исторические источники, содержащие сведения о калга-султанах, довольно многочисленны. Собственно, в каждом источнике по истории Крымского ханства, как правило, присутствуют упоминания о втором по рангу чине в государстве. Среди них особый интерес представляют свидетельства авторов, непосредственно бывших в Крыму и наблюдавших функционирование этого института воочию. В качестве подобных примеров можно привести свидетельства Эвлия Челеби и Шарля де Пейссонеля.

Турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби в своей широкоизвестной «Книге путешествия», в пространном фрагменте, посвященном Крыму, неоднократно упоминает об институте калга-султанства. В частности, в главе о ханском дворце в Бахчисарае, при описании заседаний государственного совета при крымском хане – диване, он отмечает: «<...> если достославные ханы решают провести [диван] на троне любого из кёрюншей (место заседания дивана. –

Н. А.), все капы-кулу (надо полагать, здесь – все высшие военные чины. – Н. А.) и карачи (представители наиболее влиятельных дворянских родов. – Н. А.) собираются там. По обычаю и правилам каждый занимает свое место. С правой стороны от могущественного хана сидит калга-султан, столицей которого в этой Крымской стране является город Ак-Месджит. Кроме того, он управляет восточной частью Крыма до крепости Керш (Керчь. – Н. А.) и до области деревень Колеч (селение в районе г. Кефе. – Пер.), всего 300 деревень» [29, с. 96]. Помимо этого, Эвлия Челеби дает весьма ценные сведения о дворце калга-султана в Акмесджите (*см. ниже*).

Значительно более подробное описание статуса и полномочий калги-султана встречается в трактате «Записка о Малой Татари» французского консула в Крыму в 1750-х гг. Шарля де Пейссонеля. В главе «О высших чинах (санах) царства (ханства)» автор отмечает:

Калга-султан Крыма. Европейская гравюра. Вена, 1670 г.

«Шесть высших чинов государства – это саны калга, нурадина, Ор-бея, и трех сераскиров, или генералов, ногайцев. Калга и нурадин должны быть непременно султанами, остальные четыре сана жалуются обыкновенно принцам, но случается иногда, что они поручаются и простым мирзам.

Калга-султан – первое лицо после хана, он собственно начальник (викарий) государства. Когда хан умирает, бразды правления по праву переходят к нему, до прибытия преемника, но это только в случае смерти, в случае отсутствия есть всегда каймакам. Если хан не хочет или не может принять участия в походе, то калга берет на себя командование войсками, а в случае его отсутствия – нурадин.

Резиденция калги-султана – в городе, находящемся в пяти лье от Бахчисарая, называемом Акмесджит; у него есть свой визирь, свой дефтердар, свой диван-эфенди, свой кади, и, в общем, его двор составлен из тех же чиновников, что и ханский; у него, как и у хана, есть ана-бей (см. ниже) и улу-хани, чины, жалуемые им его женам и наиболее близким родственникам, которым присвоены те же привилегии. <...>. Калга-султан заседает каждый день в своем «диване», в который можно, как и в большом диване, апеллировать все приговоры, вынесенные «кади» или судьями, заместителями кази-аскера, в областях, подвластных калге. Этому дивану подведомственны, таким образом, все преступления его округа, даже если идет дело о смертном приговоре; но калга не имеет права дать окончательный приговор, он только разбирает процесс и посылает «илам», или протокол, своего кади в большой диван, где хан произносит смертный приговор, следуя приговору муфтия и кази-аскера. Можно не признать, отвергнуть приговор дивана калги и попросить, чтобы дело было направлено в большой диван. Начальство калги-султана простирается исключительно от Акмесджита до Кафы.

Приказания, отдаваемые им для привлечения кого-либо к суду, его военные приказы, его пропуска и все повеления имеют ту

же силу, что и ханские. Его доходы состоят из 10 000 пиастров из таможи Карасу, ему принадлежащей, 5000 – из солончаков Ора, 3000 – из таможи Кафы, 2500 – «балакчеси» – медовые деньги от князя Молдавии и 1000 – от князя Валахии, дань, выплачиваемая этими князьями ему отдельно, независимо от того, что они отдают султану. Кроме того, он имеет подушную подать от христиан некоторых городов, которую отдает офицерам своего двора. Он наследует, как и хан, от всех мирз, умирающих в его округе без наследника до восьмой ступени родства; но он также уступает наследства ниже 2000 крымских пиастров своей улу-хани, своей ана-бей и своему дефтердару.

Когда калга отправляется в поход, он не имеет права требовать от своих кадилик или уездов своей вотчины тех же податей и оброков, как хан, но только христианские подданные, которые зависят от него, обязаны доставить ему известное число лошадей, повозок и продуктов» [23, с. 20–21].

В описании Шарля де Пейссонеля обращает внимание целый ряд моментов. В частности, он отмечает высокий, аналогичный ханскому, статус женщин семьи калга-султана, а именно его матери и сестер (*ана-бей*), а также жен (*улу-хани*). Весьма интересны в описании консула подробности осуществления правосудия при дворе калги, а также весьма подробное описание доходов его казны.

Говоря о доходах калга-султана, необходимо добавить и доходы с земель, непосредственно принадлежавших калгаю и составлявших отдельную разновидность крымского землевладения – *калгалык*. Этой теме в свое время коснулся Ф. Ф. Лашков в известном исследовании по истории крымскотатарского землевладения. В отдельной главе, посвященной калгалыку, он, в частности, отмечает:

«Кроме хана, и наследник престола (калга) имел свой удел, который назывался калгалыком. Имея свой особый двор (в Акмечети), свою администрацию, калга имел и свой удел, особый от ханского домена. Мы думаем, что калгалык образовался из корон-

ных земель, простиравшихся по течению реки Альмы вверх до горы Чатырдаг, а также по северному подножию Чатырдага. Судя по имеющимся в нашем распоряжении документам, калгалык занимал в означенных пределах местность, где находились и ныне находятся деревни: Буюк-Янкой, Кучюк-Янкой, Тавель и Аян. <...>

Наконец, когда бывший при последнем хане казнадаром Абдуль-Хамит-ага и русский чиновник Караценов описывали в 1784 г., по поручению областного правительства, земли, которые должны были поступить в казну как принадлежащие ханскому правительству, то земли при дер. Кучук-Янкой, Биюк-Янкой и Тавеле были описаны в казну как «калга-султанские земли». По измерению, произведенному в 1787 г., оказалось в Тавельской долине 505 дес. одной пахотной земли, принадлежавшей калге султану и отведенной затем д. т. с. Попову.

Кроме этих земель, калге принадлежала также вся округа дер. Камтунь-Кара (*Калму-Кара*. – Н. А.) Зуйского кадылыка Акмечетского каймаканства, как это можно заключить, судя по тому же «Описанию» крымских земель, поступивших после присоединения Крыма в казну. Далее, можно думать, что большой луг у разоренной дер. Битак под Акмечетью, называемый султан-тогай, также принадлежал калге. Наконец, в числе земель, взятых в 1787 г. в казну, мы находим в Дин-Керчинском (вернее Дип-Керченском. – Н. А.) кадылыке Кефинского каймаканства – «Мамай-еры» (*возможно, ныне известно как село Мама*. – Н. А.), половина которого, по словам описания, составляла прежде владение калги-султана. Без сомнения, калги посредством брака на дочерях или сестрах знатнейших беев, и главным образом ширинов, а также путем купли-продажи могли, подобно ханам, приобретать земельные владения и угодья на праве частной собственности: быть может, половина владения «Мамай-еры» и составляла такую собственность калги» [17, с. 67–68].

Данные материалы позволяют осветить еще один весьма важный аспект статуса

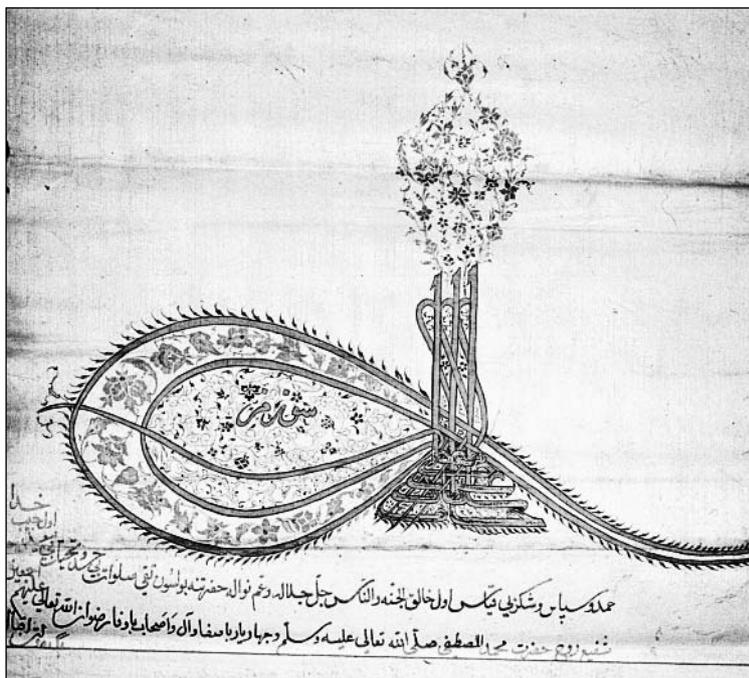
и полномочий калга-султанов. А именно представить те значительные территории, которые находились под его управлением. Как видим, в них входил прежде всего центр *калгалыка* – город Акмесджит с прилегающей округой, в которой было, по сведениям Эвлия Челеби, 360 деревень (*см. ниже*). Надо полагать, именно к последней относились и вышеупомянутые земли в южном направлении, вплоть до Чатырдага.

Далее следует город Карасу (Белогорск) с окрестностями, отмеченный во всех источниках. Известно, что в городе располагался дворец калги-султана – «Султан Сарайы», в котором гостил калга при посещении города. Рядом с дворцом, как свидетельствуют архивные материалы ханского времени, находилось относившееся к нему кладбище [33, с. 19]. В тех же архивных документах упоминается и один из крупных торговых рынков города, имевших отношение к калгаю, – «Калгай Чаршысы» [там же, с. 135].

Под управлением калга-султана находился и город Эски Кырым (Старый Крым). Так, Эвлия Челеби пишет о том, что Эски Кырым «находится под властью хана (т. е. на территории, относившейся к Крымскому ханству, в отличие от, например, Кефе и Судака. – Н. А.) и управляется *эмином* (*доверенным чиновником, управляющим*. – Н. А.) калга-султана [29, с. 162].

Далее территории, подконтрольные калга-султану, следовали по направлению к Керчи. Тот же Эвлия говорит, что калга-султан «управляет восточной частью Крыма» до «области деревень *Колеч*» и далее, до крепости Керчь [там же, с. 96].

Селение Колеч располагалось (и располагается ныне под именем Новопокровка) между Старым Крымом и Феодосией (несколько севернее от центральной дороги) и было одним из т. н. «четырёх очагов» – известных религиозно-суфийских центров Крыма. Что же касается Керчи, эти данные подтверждаются вышеприведенными сведениями Ф. Лашкова: Дип-Керченский кадылык охватывал практически весь Керченский полуостров (сама Керчь, как из-

Муhabбет-наме (письмо) калга-султана Хусам Герая в адрес русского царя Михаила Федоровича. 1635 г. Фрагмент. Тугра. Из альбома: Фаизов С. Тугра и Вселенная: моhabбат-наме и шерт-наме крымских ханов и принцев в орнаментальном, сакральном и дипломатическом контекстах. Бахчисарай – Москва, 2002.

вестно, находилась под османской юрисдикцией).

Таким образом, под непосредственным управлением калги-султана находилась широкая полоса земель по линии Акмесджит – Карасу – Эски-Кырым – Керчь. Калга-султан контролировал значительные территории, на которых располагалось несколько сот деревень, центром же этого пространства был город Акмесджит.

Калга-султаны в лицах. В. Черненко и А. Белоусов в приложении к своему вышеупомянутому исследованию приводят список всех крымских калга-султанов с 1486 по 1792 г. Авторы, в частности, отмечают: «Всего 79 ханзаде носили этот высокий, уступающий только ханскому, титул. Из них 32 султана стали ханами. Среди них Ислям I Герай (калга в 1532–1536 гг. – Н. А.), побывавший ханом в Астрахани и Крыму, Девлет I Герай (калга в 1530–1532 гг. – Н. А.), огнем уничтоживший столицу России, Ислям III Герай (калга в 1637–1641 гг. – Н. А.),

поставивший на колени знать Речи Посполитой в Зборовской битве, Девлет II Герай (калга в 1683–1691, 1692–1699 гг. – Н. А.), один из главных творцов победы османов над армией Петра Великого (в 1711 г., под Прутом. – Н. А.) и другие. Некоторые из султанов занимали пост калги более одного-двух раз. Всего таких назначений было 97. В 44 случаях назначения производились по принципу родового старшинства» [28].

Список крымских калгаев, отмеченных В. Черненко и А. Белоусовым, можно дополнить весьма продолжительным рядом имен. Так, Сахиб Герай (ум. 1551), сын Менгли Герая-хана I, калга в 1525–1526 и 1528–1530 гг., до этого, в 1521–1524 гг. был ханом в Казани; позже, став крымским ханом (1532–1551 гг.), основал Бахчисарай, перенеся в него столицу из Кырк-Ера (ныне Чуфут-Кале – Салачик); осуществил целый ряд важнейших для

укрепления государства мероприятий, заслуженно считается одним из наиболее выдающихся крымских правителей. Адиль Герай, сын Девлета I, калга в 1577–1578 гг., – получил легендарную известность в период османо-иранской войны 1570-х гг., был пленен и погиб в иранском плену, стал героем народной эпической поэмы [31]. Мехмед Герай, еще один сын Девлета I, калга в 1555–1577 гг., – был крымским ханом в 1577–1588 гг., прославился воинской доблестью, его величественный мавзолей до настоящего времени сохраняется в Бахчисарае, в квартале «Азиз». Собственно, упоминания достойны практически все калга-султаны, ставшие ханами, – в силу значимости статуса правителя Крымского государства (см. Приложение), а также многочисленные калга-султаны, получившие известность лишь в качестве ханских наместников.

Среди калга-султанов обращает внимание ряд имен, оставивших заметный след

в культурной жизни как Акмесджита, так и государства в целом. Отметим, в частности, несколько имен поэтов: Сахиб Герай (см. выше, сын также хана-поэта Менгли Герая I), Хусам Герай (калга в 1635–1637 гг., также сын выдающегося поэта – хана Гази Герая II (ум. 1608)), Джанибек Герай (калга в 1608–1610 гг., впоследствии крымский хан в 1610–1623, 1624, 1627–1635 гг.), Мехмед Герай (калга в 1632–1635 гг., впоследствии крымский хан Мехмед Герай IV (1641–1644, 1654–1666), Тохтамыш Герай (калга в 1678–1682 гг., отец, в свою очередь, еще одного талантливого поэта – нуреддина Шахина Герая (ум. 1717)), Менгли Герай (калга в 1707–1709, 1713–1716 гг., впоследствии крымский хан Менгли Герай II (1724–1730, 1737–1740), также сын поэта – хана Хаджи Селима Герая I (ум. 1704), Творчество ряда из них сохранилось и неоднократно публиковалось, в том числе в переводах на русский и украинский языки [6].

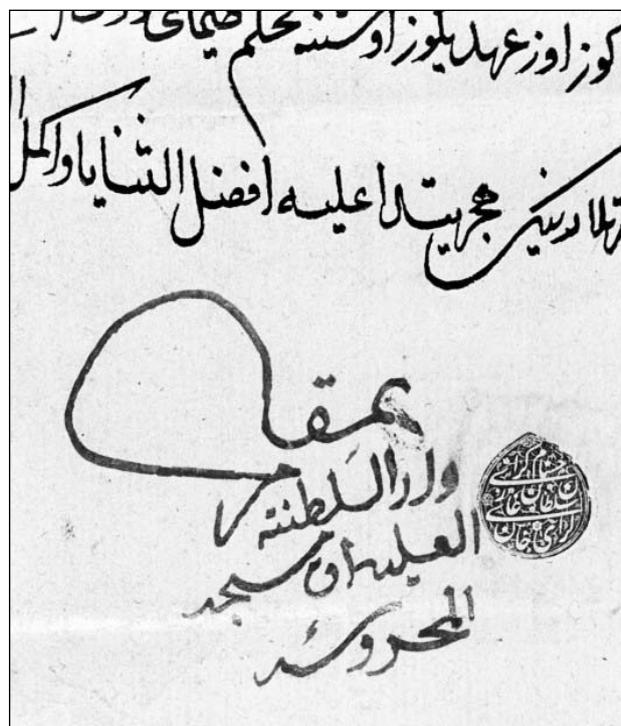
Некоторые сведения позволяют предположить, что в акмесджитском дворце имела развитие и крымскотатарская классическая музыка того времени. Известно, что калга-поэт Хусам Герай-султан (калга в 1635–1637 гг.) был сыном выдающегося композитора (поэта, каллиграфа и мецената) хана Гази Герая II (см. выше). Отцом калги Фетиха Герая (калга в 1641–1644 гг., из ветви Чобан-Гераяев) был еще один крымский композитор – нуреддин Девлет (Чобан Мустафа) Герай (ум. 1629). Калга-поэт Менгли Герай (1707–1709, 1713–1716) был сыном прославленного поэта, композитора и крупного мецената – крымского хана Хаджи Селима Герая I (ум. 1704). Музыка всех упомянутых личностей сохранилась, отдельные произведения Гази Герая II и Девлета (Чобана Мустафы) Герая были изданы в 2007 г. в Бахчисарае [16]. Особо необходимо сказать о Девлете (Чобане Мустафе) Герае, детские годы которого (а возможно, и вся жизнь) прошли именно в Акмесджите [27, с. 210].

Данные примеры свидетельствуют о том, что дворец калги-султана в Акмесджите был, как и ханский дворец в Бахчисарае, од-

ним из очагов развития крымскотатарской поэзии и других искусств того времени. Исследования в этом направлении необходимо продолжить, поскольку известно, что около 30 представителей правящей династии Гераев вошли в историю как поэты, историки, композиторы и меценаты [6].

Добавим, что ряд калга-султанов стали известны и своими суфийскими пристрастиями, в частности, калга-поэт Мехмед Герай (впоследствии крымский хан Мехмед Герай IV), бывший членом ордена т. н. «вращающихся дервишей» – *мевлеви* – суфийского братства творческой элиты того времени [27, с. 219].

Для изучения биографий и полномочий калга-султанов весьма интересным является знакомство с содержанием их переписки с правителями различных государств:

Конечный протокол мухаббат-наме (письма) калги Хусаму Герая (1635 г., см. выше) с указанием места написания документа: «Акмесджит богохранимый» («Aqmescid el-mahruse»). Из альбома: Фаузов С. Тугра и Вселенная: мохаббат-наме и шерт-наме крымских ханов и принцев в орнаментальном, сакральном и дипломатическом контекстах. Бахчисарай – Москва, 2002.

России, Польши, Швеции, Дании, Австрии, Пруссии и т. д. В настоящее время известны сотни подобных документов, находящихся в многочисленных отечественных и зарубежных архивах. Некоторая часть из них была опубликована, в частности, в известном труде В. В. Вельяминова-Зернова и Х. Фаизханова «Материалы для истории Крымского ханства» (СПб., 1864 г.) [3].

Предварительное исследование этого издания показало, что среди 378 ярлыков и писем правителей и других государственных деятелей ханства, датированных XVI–XVIII вв. и направленных, главным образом, русским царям и королям Речи Посполитой, по меньшей мере 64 принадлежат калгаям. Среди них можно отметить письма Селямета Герай-султана, сына Девлета Герай-хана (письмо датируется периодом между 1596–1601 гг.), Тохтамыша, сына Гази Герай-хана II (между 1601–1608 гг.), Девлета, сына Мубарека Герай-султана (1630 г.), Мехмеда, сына Селямета Герай-хана (1632 и 1634 гг.), Хюсама, сына Гази Герая II (1635 и 1636 гг.), Ислама, сына Селямета Герай-хана I (1639, 1640, 1641 гг.), Фетиха, сына Девлета Герай-султана (1642, 1643, 1644 гг.), Кырыма, сына Селямета Герай-хана I (1646, 1649, 1650, 1651 гг.), Гази, сына Мубарека Герай-султана (1652, 1653, 1654, 1655, 1656, 1657, 1658, 1662 гг.), Кырыма, сына Девлета Герай-султана (1665, 1667, 1668, 1669, 1770, 1771 гг.), Тохтамыша, сына Сафа Герай-султана (1679, 1680, 1681, 1682, 1683 гг.), Девлета, сына Хаджи Селима Герай-хана I (1684, 1685, 1686 гг.) и др.

Судя по документам, абсолютное большинство писем было написано в акмесджитском дворце. При этом место написания в различных посланиях указывается по-разному: «Акмесджит», «Акмесджит богохранимый» («Акмесджит эль-махрус»), «Акмесджит-Сарай» (по аналогии с Бахчисараем), «Акмесджитский дворец богохранимый» («Акмесджит-Сарай эль-махрус»), «Дворец кагалгая» («Кагалгай-Сарай»), Ак-Сарай (использована пер-

вая часть названия города Ак-Месджита) и даже «Салгир-дон-Сарай» (слово «дон» означает реку).

Адресатами писем являются русские цари: Михаил Федорович (Романов, 1613–1645), Алексей Михайлович (1645–1676), Федор III Алексеевич (1676–1682), Иван V Алексеевич (1682–1696) и Петр I (1682–1721). А также короли Речи Посполитой: Сигизмунд (Зигмунт) III (1587–1632), Владислав IV (1632–1648) и Ян II Казимир (1648–1668).

Калга-султаны не только отправляли письма, но и получали их. Так, в издании присутствует письмо от русского царя Алексея Михайловича в адрес калги Гази Герай-султана (№ 163) и другие подобные послания.

Помимо писем самих калгаев, в издании В. В. Вельяминова-Зернова мы встречаем послания их визирей (*баши-ага, эшик агасы*). Среди них – два письма Сефер-Гази Аги, визиря калги Исляма Герай-султана (будущего хана Исляма III), в адрес царя Михайло Федоровича (1638 и 1639 гг.), два письма Али Гази-Аги, визиря Фетха Герая, в адрес царя Михаила Федоровича I (1643 и 1644 гг.), четыре письма Ислям-Аги, визиря калги Кырыма Герая, с посланиями в адрес царей Михайло Федоровича (1644 г., еще одно без даты) и Алексея Михайловича (1649 г., еще одно без даты) и т. д.

Помимо издания В. В. Вельяминова-Зернова, несколько десятков писем, подписанных калгаями, в настоящее время хранится и в Государственном императорском архиве Шведской Республики (г. Стокгольм). Среди них – послания Кырым Герая, сына Селямета Герай-хана I, Гази Герая, сына Селямета Герай-хана I (подписано 11 ноября 1654 г.), Кырым Герая, сына Девлета Герая (11 июля 1668 г.), Селямета Герая, сына Бахадыра Герая (2 июля 1677 г.), Тохтамыша Герая, сына Сафа Герай-султана (1681 г.), Гази Герая, сына Мубарека Герай-султана (XVII в.) и др. [13, с. 24–25].

Присутствуют такие документы и в венских архивах. Как известно, с 1598 по 1682 г. в Вене, а также в императорских резиденциях

в Праге и летней в Лаксенбурге побывало 32 татарских посольства. Каждое посольство доставляло императору и его супруге письма от целого ряда крымских сановников, в том числе от калгая [10, с. 231].

Есть подобные документы и в Госархиве Крымской АР, в частности, ярлыки калгаев Фетха Герая (1594/95 г.) и Джихана Герая (1690 г.).

Все эти документы свидетельствуют о довольно активной работе акмесджитской администрации и являются интересными образцами политико-административного делопроизводства, имевшего место на территории нынешнего Симферополя в XVI–XVIII вв.

Говоря о калга-султанах в лицах, отметим также, что на территории ханского кладбища в Бахчисарае до настоящего времени сохраняются могилы целого ряда калга-султанов, в том числе, ставших крымскими ханами. В частности, Мехмеда Герая IV (ум. в 1674 г., калга в 1632–1635 гг., хан в 1641–1644 и 1654–1666 гг.), Менгли Герая II (ум. в 1740, калга в 1707–1709 и 1713–1716 гг., хан в 1724–1730 и 1737–1740 гг.), Селима Герая II (ум. в 1748 г., калга в 1740–1743 гг., хан в 1743–1748 гг.), Арслана Герая (ум. в 1767 г., калга в 1736–1737 гг., хан в 1748–1756 и 1767 гг.), Саадета Герай-султана, сына Бахта Герай-султана (ум. 1762/63, калга в 1758–1762 гг.), Адиля Герая-султана, сына эль-Хадж Селима Герая I (ум. 1734/35, калга в 1725–1727 гг.), Селима Герай-султана, сына Арслана Герая I (ум. 1759/60, калга в 1758 г.), Девлета Герай-султана, сына Мубарека Герай-султана (ум. 1631/32, калга в 1610–1623 гг.), Бахта Герай-султана, сына Девлета Герая II (ум. 1729, калга в 1709–1713 гг.) [5].

На некоторых надмогильных памятниках присутствуют поэтические эпитафии с хронограммами (т. е. с зашифрованной датой смерти) – интересные образцы крымскотатарской эпитафийной лирики ханского периода.

Можно предположить также, что захоронения калгаев производились и на территории кладбища, существовавшего в свое время в непосредственной близости от дворца калга-султана в Акмесджите. Фрагментом этого кладбища, как известно, является могила известного мусульманского праведника Акмесджита – «азиза» Салгир-Баба (см. ниже).

Крымский хан Ислям Герай III (1644–1654 гг., калга Крыма в 1637–1641 гг.). Европейская гравюра XVII в.

Наконец, в настоящее время в распоряжении исследователей имеется изображение одного из калга-султанов Крыма (имя не установлено) на венской гравюре 1670 года.

Итак, калга-султаны, будучи всегда представителями правящей семьи Гераев, являлись чиновником наивысшего уровня и обладали значительными полномочиями. Они были наследниками престола и главой крымского войска, обладали штатом, аналогичным ханскому, имели переписку с иностранными государями. В управлении калга-султанов находились значительные территории от Акмесджита до Старого Крыма (и, частично, на Керченском п-ве), включавшие три города и несколько сот деревень. На должности калга-султана, в общей сложности, находилось 79 человек. Среди них – длинный ряд лиц, оставивших значительный след не только

Ханский визирь (баш ага, хан агасы) Сефер-Гази Ага. Гравюра. Вена, 1670 г.

в истории Крыма, но и всей Восточной Европы. Помимо талантов политических, административных и военных, многие калга-султаны получили известность своей любовью к искусству. Так, по меньшей мере шестеро из них были поэтами, что позволяет говорить о дворце в Акмесджите как одном из центров развития крымско-татарской поэзии.

Дворец калги-султана в Акмесджите. Несмотря на то, что резиденция калги-султана в Акмесджите упоминается практически в каждом источнике по истории Крымского ханства, подробных описаний собственно дворца в настоящее время известно немного. Особый интерес среди подобных описаний вызывают те, что были сделаны лицами, бывшими непосредственными гостями калга-султана.

Одно из наиболее ранних упоминаний дворца калги-султана Крыма, датируемое первой половиной XVII в., принадлежит монаху Доминиканского ордена Жану де Люку,

посетившему Крым в 1625 (по другим сведениям, в 1633) году. В своем «Описании перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин» (первое издание 1663–1672 гг.), говоря о дворцах, принадлежавших Гераям, автор отмечает: «У хана пять дворцов, у султана (т. е. калги-султана. – Пер.) – два. <...> Дворцы султана (т. е. калги-султана) находятся в Ак-Мечети» [21, с. 483].

Обращает внимание то, что Жан де Люк упоминает о двух дворцах калги-султана. В настоящее время известен, главным образом, основной дворец, речь о котором пойдет ниже. Сведения, касающиеся второго дворца, нуждаются в дополнительных исследованиях.

Весьма ценное описание дворца калги-султана Крыма присутствует и в известном османском источнике XVII в. – «Книге путешествия» Эвлия Челеби. Автор посвящает дворцу отдельную главу при описании города Акмесджита, который Эвлия Челеби называет «столицей всех калга-султанов»:

«Описание дворца калги-султана. К югу от вышеописанного города есть еще один **маленький городок**. Это дворец всех калга-султанов. Здесь 200 построек, двухэтажных, сложенных из камня, с кёрюнюшами (помещениями для проведения заседаний дивана. – Н. А.), со светлыми и роскошными комнатами. Но все это устроено и украшено не столь великолепно, как в ханском дворце, в Бахчисарае. Рядом находятся комнаты сегбанов и кей-кавусова кухня. На широкой площади этого дворца находится <...> мечеть с одним минаретом» [29, с. 140].

Таким образом, в дворцовый комплекс входил непосредственно сам дворец, состоявший из 200 построек, отдельно располагались помещения для охраны, кухонный комплекс и мечеть. О мечети Эвлия Челеби упоминает и несколько ранее, при описании культовых зданий всего города Акмесджита: «Здесь есть пять михрабов (т. е. мечетей. – Н. А.). Самый лучший – посреди дворца калга-султанов – соборная мечеть Менгли Герая-хана. Это маленькая мечеть, крытая черепицей, с одним каменным минаретом старой конструкции» [там же, с. 139].

В этом описании присутствует весьма важное указание на устроителя мечети – крымского хана Менгли I Герая (ум. 1515), сына основателя Крымского ханства – Хаджи Герая (1441[?]-1466). Добавим, что еще одной соборной мечетью Акмесджита, особо отмеченной в «Книге путешествия»,

была «соборная мечеть Абд ар-Рахман-бея, сына Али-бея», построенная в месяце мухаррем 914 г. по Хиджре» (т. е. в 1508 г.), опять же «в дни правления султана Менгли Герай-хана».

Не может не обратить внимания то, что примерно в то же время Менгли Гераем благоустраивалась и собственная столица – Кырк-Ер с дворцовым комплексом Девлет-Сарай, мечетью, медресе, ханским мавзолеем и т. д.

Согласно сведениям Эвлия Челеби, дворец калга-султана находился в своего рода пригороде Акмесджита, насчитывавшем «370 зданий, крытых черепицей, с выложенными из камня стенами», «расположенных на берегу речки Салгир со стороны Акмесджита». Этот пригород, в свою очередь, являлся частью собственно Акмесджита – «столицы калги-султана, древнего города, заселенного и обустроенного» (см. *описание выше*).

Еще одним источником, содержащим описание отдельных элементов внутреннего убранства приемных покоев дворца калга-султана, является известный отчет царских посланников Василия Тяпкина и Никиты Зотова к крымскому хану Мураду Гераю в 1681 г. Как явствует из документа, посланники неоднократно посещали ставку калга-султана в Акмесджите. В нижеследующем фрагменте присутствует также описание особенностей приема и внешности калга-султана Тохтамыша Герая, сына Сафа Герай-султана (калга в 1678–1682 гг.): «А потом у калги Токтамыш-Гирея и у нурадина Саадета-Гирея салтанов были в разных числах, и от Великого Государя поклон правили и грамоты подали и про Его Царского Величества здоровье им сказывали и поминки являли и речь о посольских делах говорили по наказу, против також как и Ханову Величеству. И калга и нурадин салтаны Великого Государя грамоты у нас приняли и про здоровье Его Величества спрашивали, и поминки приняли и посольства наши выслушали и золотые кафтаны на нас велели положить тем же чином, как и Ханово Величество. Поминков

поднесли Калге и Нурадину салтанам, вместо черных лисиц, по паре соболей, да по две паре соболей. Калга Токтамыш-Гирей-салтан дебелий, росту и веку среднего, лицом и взором светел, в словесах благоуветлив; борода русая средняя. Одежда на нем кафтан соболей под красным сукном, шапка суконным татарским строем; сидит на бархатном ковре опершись на бархатные золотые подушки. В палате по стенам обитые золотные; ближние его люди при нем стоят по обе стороны палаты» [19, с. 586].

Еще одним гостем дворца калги-султана, уже в начале следующего, XVIII в., был известный французский путешественник и дипломат Абри де ла Мотре, путешествовавший по Крыму в 1711 г. Соответствующие воспоминания вошли в его книгу «Путешествие в Европу, Азию и Африку...», впервые изданную в 1724 и 1727 гг. По поводу дворца калги-султана ла Мотре пишет следующее: «Я поблагодарил моего хозяина за все почести, которыми он меня осыпал, и 5 декабря уехал с моим Липкой, ждавшим меня, чтобы поехать к Мирзе, о котором я уже упоминал и которому я вез рекомендательное письмо от графа Тарло. Мы заночевали в Акмесджите, небольшом городке в 4–5 льё от Бахчисарая, где размещалась повседневная резиденция калга-султана. Я представился с поклонами к таковому и получил царский приём, сопровождаемый вопросами, которые свидетельствовали о нём как о достойном сыне своего отца. Ему можно было дать лет тридцать, он был среднего роста, крепкого телосложения, привыкшим переносить любые тяготы, держать посты, спать на земле, подобно самому последнему татарину из его свиты. Лицо его имело смуглый оттенок, что являлось скорее признаком усталости, чем следствием климата. Дворец этого принца больше удобный, нежели красивый. Вдоль стен этого дворца течёт чистый ручей, который недостаточно значителен, чтобы его можно было назвать рекой, но соединяясь с другими потоками, он <...> вливался в Бельбек, на берегах которого растёт отменное вино с тем же на-

званием, которое искрится в бокале, точно бургундское или шампанское» [32].

Упоминает о дворце калга-султана в своих «Записках о России» и капитан Кристоф Манштейн – прусский офицер на русской службе, известный по крымским событиям 1736 г., а именно военной кампанией фельдмаршала Б. К. Миниха. При описании событий, последовавших сразу же после сожжения Бахчисарая и Ханского дворца, он отмечает: «3-го июля фельдмаршал (Миних. – Н. А.) отрядил генерал-поручика Измайлова и генерал-майора Магнуса Бирона с регулярным войском в 8 т. человек, 2 т. казаков и 10 орудиями для атаки города Акмечети, или Султан-Сарая («значит дворец султана». – автор), местопребывания калги-султана и знатнейших мурз. Они не нашли там почти ничего, потому что за два дня перед тем жители бежали. Найденные припасы свезены в лагерь, а город с его домами, числом до 1800, большею частью деревянными, предан пламени» [9, с. 84–85].

Впрочем, из этого описания не совсем ясна судьба самого дворца. Можно лишь предположить, что он разделил судьбу города.

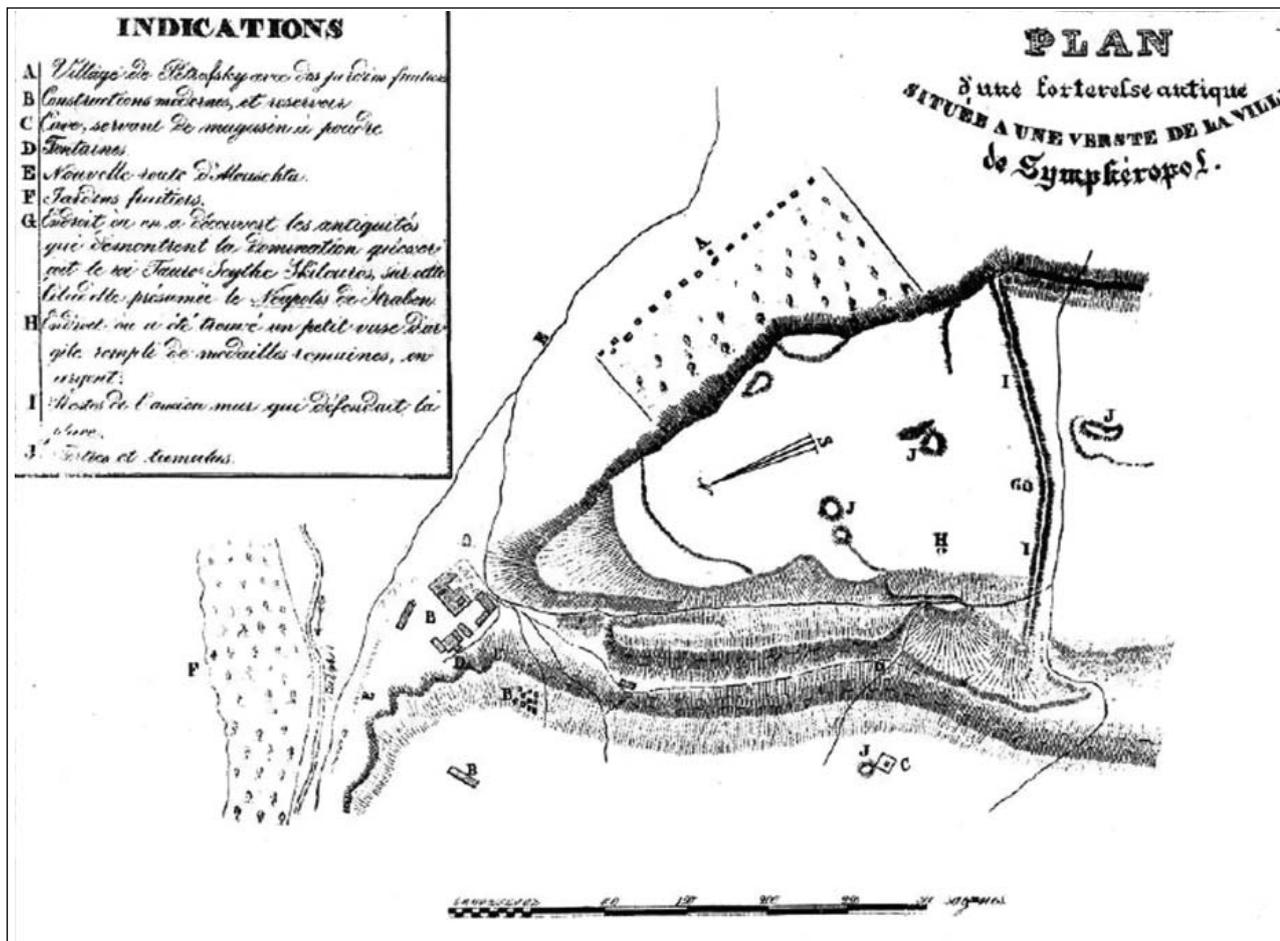
Встречаем упоминание о резиденции калга-султана и в известной книге «Крымское ханство» немецкого историка Г. Э. Тунманна (1777 г., первая публикация: 1784 г.), впрочем, без особых подробностей: «Акмесджит, с прозвищем Солтан-Сарай, на верхнем Салгире у подножия гор, простирающихся отсюда до Каффы, имеет необыкновенно прекрасное местоположение. Этот город состоит приблизительно из 1800 домов и является резиденцией калга-султана. В 1736 и 1771 гг. он завоевывался русскими» [26, с. 36–37].

После падения Крымского ханства дворец калга-султана, как свидетельствуют источники, пришел в запустение и в течение нескольких лет был полностью разрушен. Один из русских чиновников, назначенных тотчас после проезда императрицы Екатерины в 1787 г., описывал дворец так: «Большой дворец Калги-Султана сам по себе не велик и занят нашими солдатами, которые

успели уже разрушить некоторые из фонтанов, украшавших дворец, и вырубить деревья. За оградой дворца красовался фонтан, вытекающий из сплошной каменной стены, а подальше шли убогие клетушки татар. За дворцом Калги-Султана, невдалеке от Салгира, расположено кладбище, среди которого торчит белая ограда, а в ней навес с зеленым значком, под которым в течение целого дня сидит мулла и нашептывает молитвы в честь и славу похороненного здесь какого-то святого (Салгир-Баба. – Н. А.)» [25, с. 45].

В 1793–1794 гг. известный российский академик немецкого происхождения Петр Симон Паллас дворца уже не застаёт. В книге «Путешествие в Крым. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам русского государства в 1793–1794 гг.», при описании Акмесджита, о дворце калга-султана читаем следующее: «Город Ак-Мечеть был прежде местопребыванием калги-султана, знатнейшего лица после крымского хана, всегда бывшего из ханского семейства рода Гиреев. Выше города, на левом берегу Салгира, у него был обширный дворец, совершенно разрушенный вскоре после занятия Крыма; только обширный залив Салгира, имеющий обильный источник у подножия известковых скал, служивший Калге-султану для забавы и плавания на лодках, указывает место бывшего дворца; теперь здесь устроены пивоварни» [22, с. 26].

В 20-х – нач. 30-х годов XIX в. территория бывшего дворца калги-султана привлекла внимание двух авторитетных археологов – И. П. Бларамберга (известный российский археолог) и Ф. Дюбуа де Монпере (швейцарский археолог и путешественник), посетивших Крым, соответственно, в 1827 и 1831–1834 гг. В трудах этих исследователей, касающихся Крыма и увидевших свет в 1831 и 1843 гг., помимо непосредственных упоминаний о калга-султанах Крыма и их дворце в Акмесджите, присутствуют и планы с указанием бывшего места расположения дворцового комплекса, занятого на тот момент городской пивоварней.

Развалины Неаполя Скифского – Керменчика. План из издания: Blaramberg J. de. De la position de Trois forteresses Tauro-Scythes, dont parle Strabon, avec cartes, plans, copies d'inscriptions et dessins d'après des mabres antiques. – Odessa, 1831.

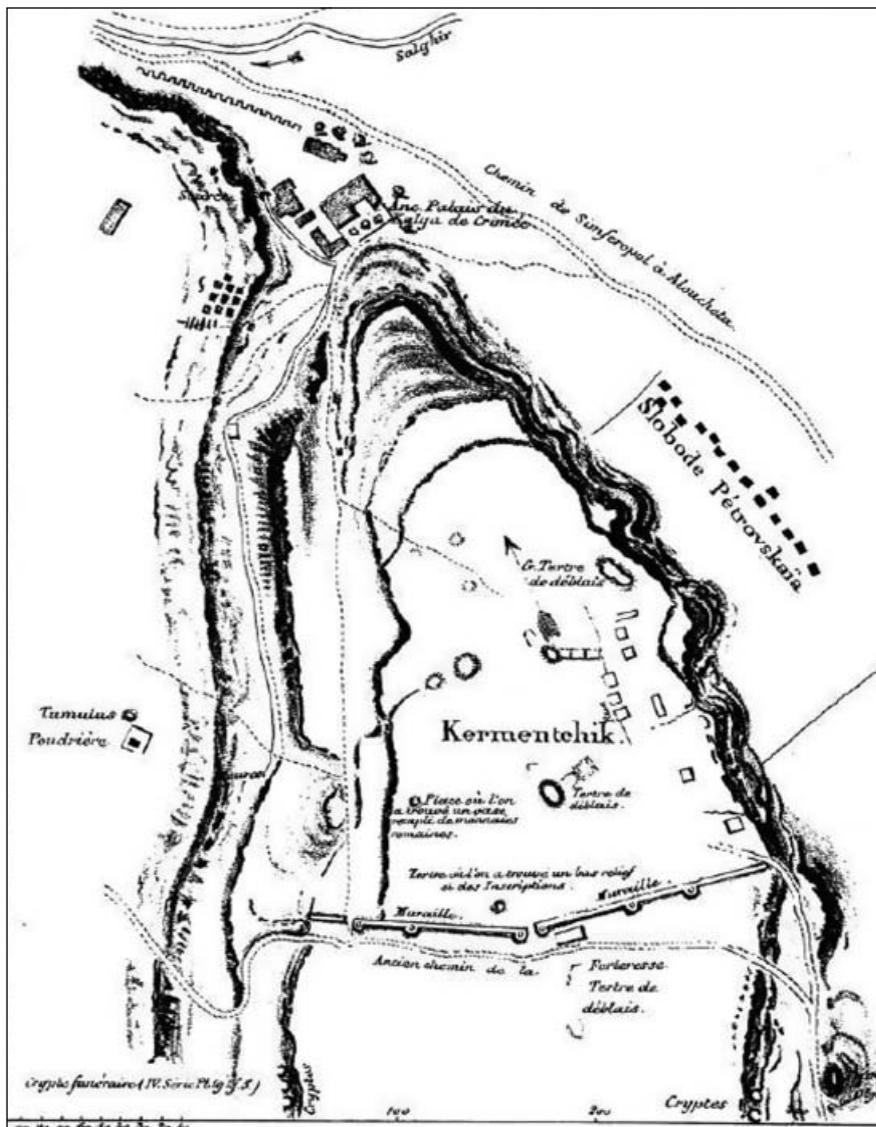
Данные описания и планы не оставляют никаких сомнений в вопросе локализации бывшего дворцового комплекса. В частности, Дюбуа де Монпере отмечает: «Калга имел свой дворец при въезде в расселину на берегу Салгира; с одной стороны над ним возвышались руины (Неаполя Скифского. – *Прим. пер.*), а с другой находилась его столица Акмечеть. Здесь были в беспорядке разбросаны сооружения, окруженные прекрасными садами, орошаемыми источником живой воды, которая вытекала из глубины расселины и была столь обильной, что питала целые струи и отдельные озерца, где у калги-султана было немало лодочек для увеселительных прогулок.

Сегодня вся слава калги исчезла; и кто бы узнал в предприятиях пивоварни и винокурни и в скамьях публичного сада, куда прихо-

дят танцевать и пить пиво, его дворец, гарем и благоухающие сады роз?» [7, с. 123].

Следующее описание места бывшего расположения дворца калга-султана датируется уже второй половиной XIX в. Известный крымский краевед В. Х. Кондараки в «Универсальном описании Крыма» (ч. 14), в главе, посвященной истории Симферополя, отмечает:

«Симферополь всегда считался в Крыму вторым городом после Бахчисарая. Он был резиденцией Калги-султана, главнейшего сановника в царстве, и местопребыванием беев и мурз. По преданиям, дошедшим до нашего времени, этот город расположен был на пространстве от нынешнего Старого собора до Цыганской улицы, идущей от базарной площади на востоке. Отсюда он поднимался на возвышенность и спускался

Руины древней крепости Керменчик. План из издания: Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым: в 6 т. – Париж, 1843. Т. 5, 6. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. – 328 с., цв. вкл. (Лист XVII).

к местности, занимаемой ныне пивоварнею. На северо-восточной и юго-западной сторонах его, где ныне казармы и прочие постройки, а также образовавшаяся ныне цыганская улица, существовали кладбища. На одном из них, именно прилегающем к Салгиру, преимущественно хоронились лица знатного происхождения, обитавшие по соседству с Калги-султаном, проживавшим в сарае, на месте, занимаемом ныне пивоварнею. Кладбища эти давно уже перерыты и на местах их воздвигнуты постройки, но следы их еще сохранились на некоторых местах на протяжении цыганской улицы. На северо-восточной же части города до настоящего времени остается нетронутой одна могила, где покоится, по убеждению мусульман, святой человек под именем азис-Салгир-баба, т. е. отец Сал-

гира. Могила эта ограждена со всех сторон высокою каменною стеною и покрыта зеленым досчатым навесом. При нем постоянно находится афуз, посвятивший себя исключительно службе в мечетях и над могилами мусульманских праведников» [14, с. 38].

Далее В. Х. Кондараки, со ссылкой в том числе на «100-летнюю старуху татарку, жившую в повоенное время в Симферополе и рожденную при дворе калги-султана», дает весьма любопытные сведения, касающиеся дворца и характера его последнего хозяина:

«Последний ахмечетский калга-султан Тохтамыш-Гирей (имя требует уточнения. – Н. А.) так, как и предместники его, жил во дворце, расположенном в прекрасной местности, ныне занимаемой пивоварнею и изобилующей водяными источниками. По пре-

даниям дворец его был так красив снаружи, что народ проходил мимо него с благоговением. Он был окружен со всех сторон громадными тополями, раинами, липами и т. п., между которыми высоко поднимались к небу минареты двухкупольной побеленной мечети. Против дворцовых ворот, на площадке, прилегающей к Салгиру, устроена была виселица на двух липовых деревьях. Тут же были различные устройства для джанбазов (акробатов), на искусство которых смотрел калга из окон своего высокого сераля. В одном из дворов было здание, предназначенное для приема высоких посетителей из Бахчисарая; тут же калга, в случае надобности, имел совещание с беями и мурзами, решал важнейшие дела и принимал духовников. В этой же комнате он смотрел на танцы баядерок.

У последнего калги, кроме этих наследственных привычек развлечения, были еще другие, которым он не изменял никогда. Так, например, он по вторникам постоянно выезжал с многочисленной свитой на охоту с соколами, по четвергам – с борзыми против зайцев, а в пятницу, по однажды заведенному порядку, к нему собирался, после первой вечерней молитвы, весь народ, присутствовавший при богослужении, и наслаждался роскошным ужином. Вообще, судя по преданиям, последний калга-султан, живший в Акмечети, был человек кроткого нрава. Мне говорили старики татары, что он был любитель музыки и охотник слушать похождения древних сказочных героев, как, например, Кёр-оглу, Чора-батыра, и несчастных любовников Ашик-гарипа, Арзы-Гамбера и других, которыми так богаты вообще предания мусульманских народов. <...>

Однажды в год, а именно в первые дни праздника курбан-байрам, калга-султан выезжал в поле смотреть на джигитовку своих подданных. По издревле заведенному порядку, лошадь, за которой оставался приз, подводилась к нему и передавалась в память события, которого он был очевидцем» [там же, с. 42–43].

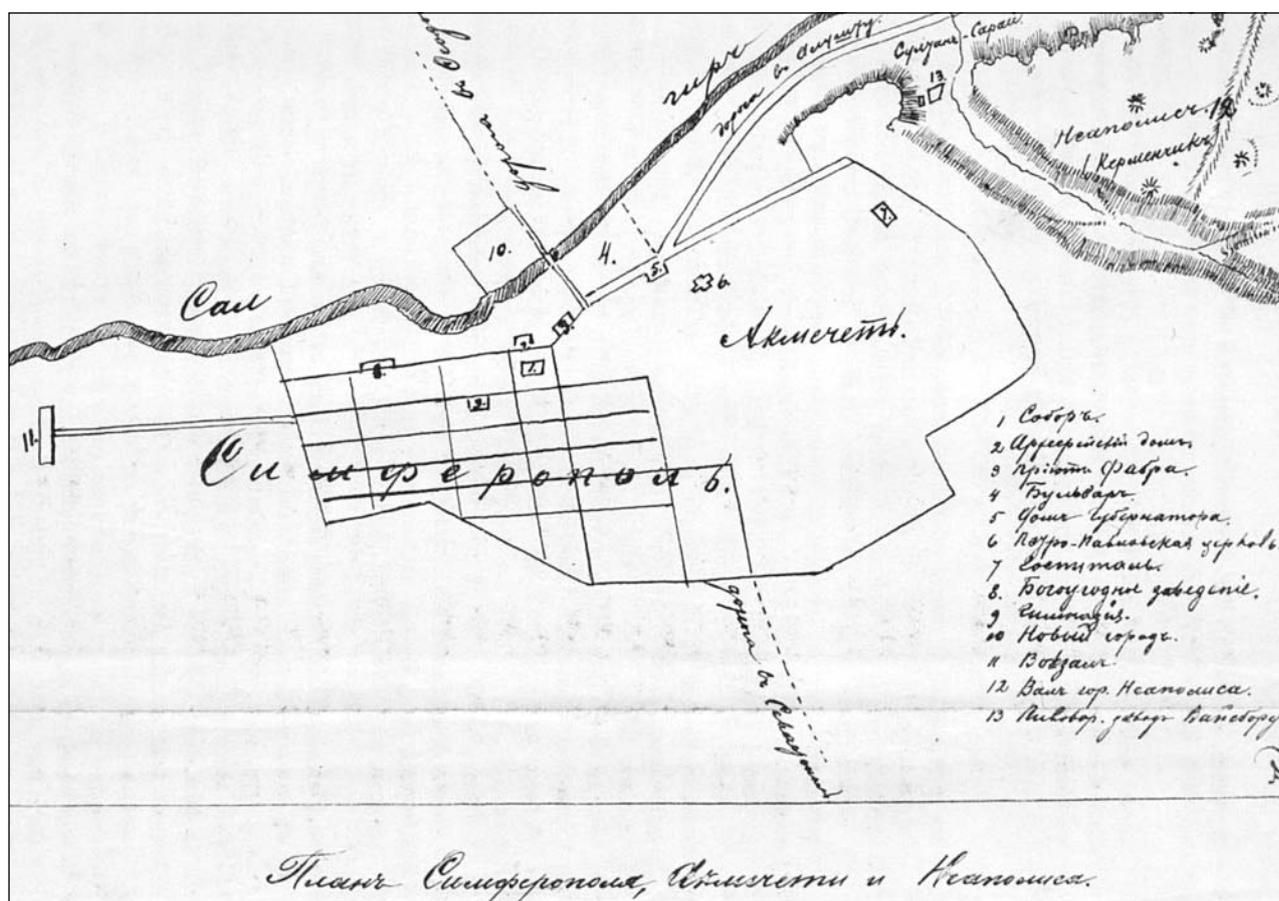
Особое место истории Акмесджита и

описанию резиденции калга-султана было уделено в известном отчете Третьей учебной экскурсии Симферопольской мужской гимназии (опубликованы в 1890 г.), уже цитировавшемся выше [25]. Так, в отчете отмечается особая роль «одного из деятельных ханов» – Менгли Герая в выборе Акмесджита в качестве резиденции второго по рангу государственного чиновника, описаны полномочия калга-султана, отмечены дополнительные особенности статуса города (Акмесджит одновременно был и центром каймаканства – одной из шести административных единиц, на которые делился Крым) и т. д.

Место расположения дворца калга-султана в отчете указано следующим образом: «Акмечеть была расположена частью на горе, а частью внизу, под Керменчиком; там, где теперь пивоварня Вайсборда, был дворец Калги-Султана, а далее, где Петровская слободка, – татарское поселение» [там же, с. 44]. При этом указано на карту Н. Витсена, 1785 г., на которой место расположения дворца указано как «Султан-Сарай» – так же, как именуется это место и у Манштейна (*см. выше*). Далее приведены свидетельства об Акмечете и дворце калга-султана из ряда источников, в том числе те, которые были упомянуты выше (Жан де Люк, Тяпкин и Зотов, некий русский чиновник, Паллас и др.) [там же, с. 44–46].

Еще одно упоминание о дворце калга-султана в отчете присутствует при описании пивоварни Вайсборда, которой посвящена отдельная глава. Она предваряется следующим фрагментом: «Подле самой скалы, над Петровским фонтаном, и близ дороги стоит пивоваренный завод Вайсборда. Раньше упоминалось, что на этом месте, где теперь завод, прежде находился дворец калги-султана. Быть может, думали мы, глядя на громадные деревья (осины) вдоль дороги, они немые свидетели последних дней пребывания здесь калги-султана» [там же, с. 155].

Наконец, в отчете присутствует рукописный план, на котором отмечено место «Сул-

План 2. Симферополя из книги «Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Симферополь» (Симферополь, 1890) с указанием места расположения бывшего дворца калги-султана («Султан-Сарай»).

тан-Сарая» с расположившейся здесь «пивоварней Вайсборда» [там же, с. 32].

Таким образом, место расположения дворца для авторов отчета не вызывало сомнений. Одним из его ориентиров служил пивоваренный завод Вайсборда, другим – известный «с незапамятных времен» т. н. Петровский фонтан, некогда питавший значительную часть города [там же, с. 45].

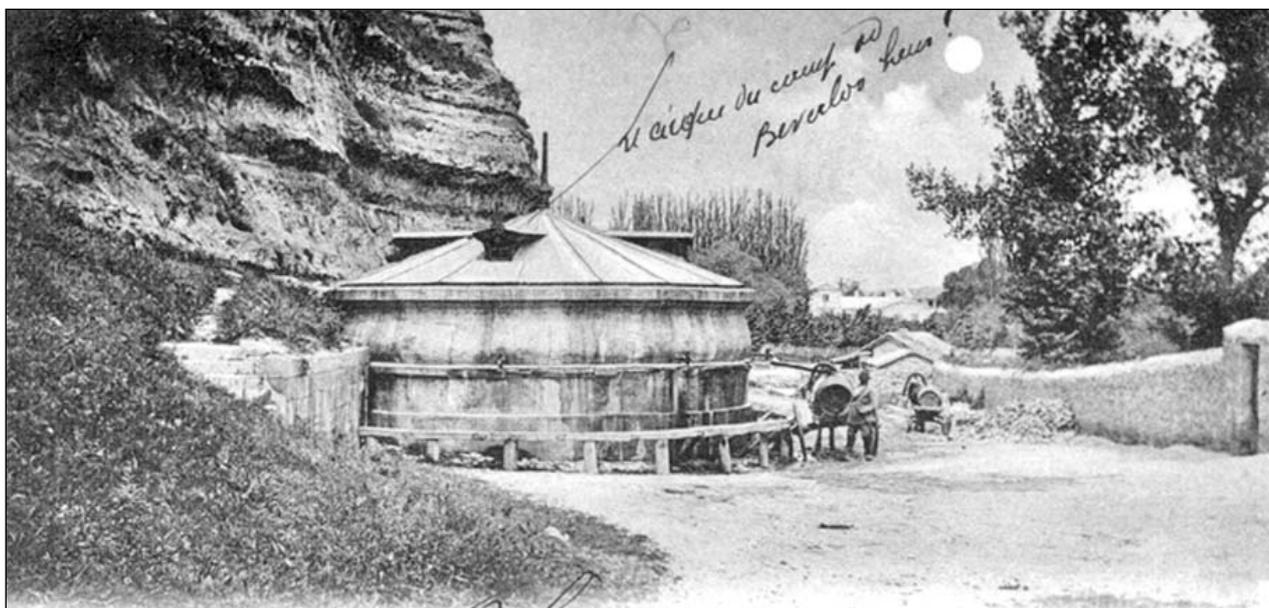
С конца XIX в. упоминание о дворце калга-султана присутствует практически в каждом крымском справочном издании, в том числе путеводителях по Крыму и Симферополю. В качестве примера можно привести фрагменты из весьма популярных в свое время изданий – путеводителя Г. Москвича и путеводителя авторского коллектива за 1923 г.

В «Иллюстрированном практическом путеводителе по Крыму» Г. Москвича, датированном 1901 г., читаем: «Что касается Кер-

менчика (древнего Неаполиса), то на его местонахождение указывают каменные глыбы при выезде из города в подгородную слободку Петровская. Здесь, на месте пивоваренного завода, был некогда роскошный дворец Калги-султана <...>. От дворца остался фонтан, который недавно перестроен и дает в изобилии воду всему городу, а недалеко от фонтана на берегах Салгира остался от садов ряд вековых деревьев» [18, с. 37].

А вот фрагмент из путеводителя «Крым», под редакцией Л. С. Вагина, Е. В. Вульфа, П. А. Двойченко и В. В. Соколова, датированного 1923 г.: «От Симферополя до Ялты через Алушту. Из Симферополя выезжают по Воронцовской улице, мимо электр. станции, фабрики Эйнем, городской водокачки (здесь был дворец Калги-султана), и фабрики бывш. Абрикосова на Ялтинское шоссе» [15, с. 273].

На протяжении практически всего со-

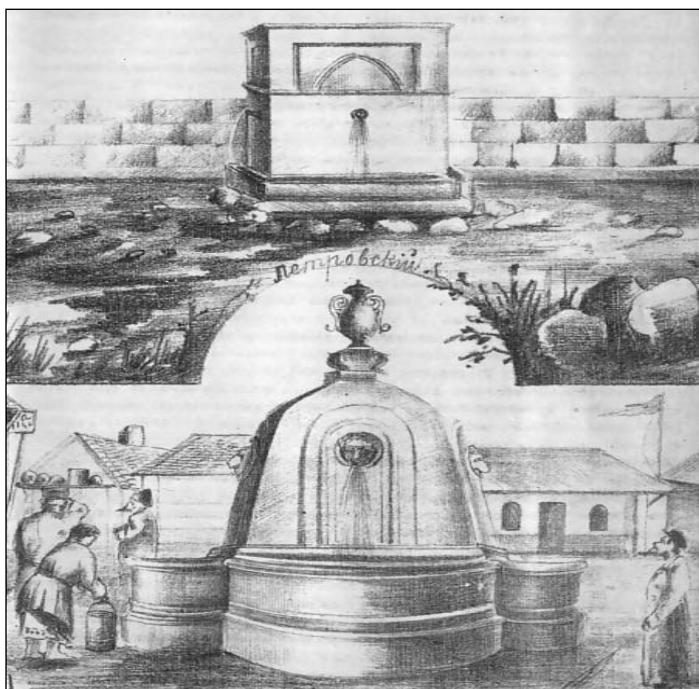

г. Симферополь. Петровский фонтан. Открытка нач. XX в.

ветского периода на части территории бывшего дворцового комплекса продолжал функционировать Симферопольский пивзавод. После его переезда в 1983 г. на новое место территория оставалась незастроенной.

В последние три десятилетия, несмотря на рост интереса к истории Симферополя, в том числе периода ханства, и появление целого ряда изданий, посвященных истории города, новые сведения о дворце калга-султана практически отсутствовали. В упомянутых изданиях в основном повторялись уже известные факты. Для примера можно указать на книгу Бабенко Г. А. и Дюличева В. П. «Шедевры мусульманской архитектуры Крыма» (издана в Симферополе в 2008 г.), в которой во-многом были повторены материалы вышеупомянутого отчета Ф. Лашкова [1].

При этом указание на месторасположение бывшего дворца калга-султана, как правило, присутствовало на всех картах и планах, включавших объекты историко-культурного наследия города. В частности, укажем на Историко-архитектурный опорный план г. Симферополя, бывший предметом обще-

Петровский фонтан. Рис. А. Архипова. Из книги «Третья учебная экскурсия. Симферопольской мужской гимназии. Симферополь». Симферополь, 1890.

ственного обсуждения в первой половине 2010-х годов [11].

В период массового возвращения крымских татар из мест ссылки территория бывшего дворцового комплекса калга-султана и мечети Менгли Герая I была предложена мусульманской общине города для строительства соборной мечети. Это предложение

*г. Симферополь, ул. Воровского, 19–23. Место расположения бывшего дворца калги-султана Крыма и мечети Менгли I Герая
Фото 2018 г.*

крымскими татарами не было поддержано, поскольку в данном месте планировалось воссоздание, в той или иной форме, дворцового комплекса калга-султана.

Значительное развитие тема получила с 2013 г., когда практическая вся территория бывшего дворца калга-султана была выделена городскими властями под муниципальное и частное строительство. Так, решением 68-й сессии VI созыва Симферопольского городского Совета от 26 сентября 2013 г. был утвержден проект землеустройства по отводу одному из коммунальных предприятий города в постоянное пользование 0,55 га на улице Воровского для строительства спортивно-культурного центра с ледовым катком. В результате данного решения в марте 2014 г. часть территории (предназначавшаяся для спортивно-культурного центра) была огорожена, и здесь начались строительные работы. Это вызвало остро негативную реакцию общественности, а также ученых города. 28 марта 2014 г. на базе Крымского инженерно-педагогического университета в Симферополе был проведен круглый стол по данной проблематике, участники которого обратили внимание властей города на необходимость остановки строительства и выполнения соответствующими службами мероприятий по археологическому обследованию

объекта. В результате предпринятых действий строительство на территории бывшего дворцового комплекса калга-султана было остановлено.

Однако вопрос с археологическим обследованием территории вновь остался нерешенным. Как следствие, в июле 2017 г. здесь вновь начались строительные работы – на этот раз «собственником» одного из трех участков, выделенных городом под

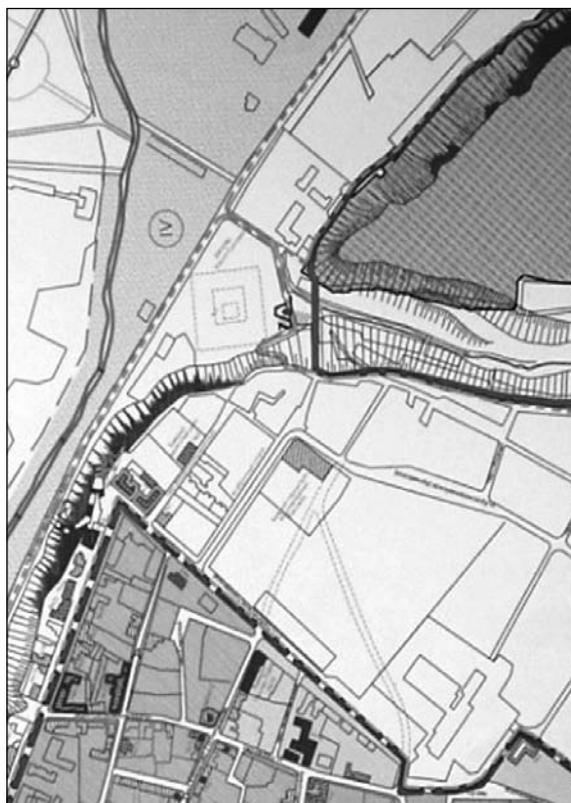
частное строительство. Данные действия вновь вызвали протесты в среде крымских татар, в результате чего 31 июля 2017 г. в Крымском инженерно-педагогическом университете был проведен еще один круглый стол с участием представителей научной общественности, депутатского корпуса, крымского муфтията и городских властей. В результате этого и последовавших других мероприятий было принято, наконец, решение о проведении предварительных археологических исследований на объекте и выделены для этого необходимые средства.

В ноябре 2017 г. на территории, расположенной по адресу г. Симферополь, ул. Воровского 19–23, были проведены археологические разведки с проведением локальных земляных работ. Основанием для проведения работ послужил контракт от 06.10.2017 г. № 109, заключенный между МБУК «Музей истории города Симферополя» и ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН». Работы проводились силами сотрудников ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН» и студентов специальности «История» ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет».

В ходе исследований на территории удалось обнаружить предметы материальной культуры населения Симферополя XVI–

XIX вв.: монеты эпохи Крымского ханства и Российской империи, фрагменты глазурованной и неглазурованной керамической посуды XVII–XIX вв. (в том числе импортную турецкую фаянсовую посуду XVII–XVIII вв.), позднесредневековые курительные трубки османского типа, фрагменты стеклянных изделий и т. д. Особый интерес вызвали остатки сооружений (кладки и фундаменты стен, плитовая вымостка в западном и южном частях участка), гидротехнические сооружения (керамические водопроводные трубы).

По результатам указанных исследований в адрес Государственного комитета по охране культурного наследия Республики Крым был подготовлен пакет документов для постановки места предполагаемого расположения бывшего дворца калги-султана Крыма на государственный учет. Приказом Государственного комитета по охране культурного наследия Республики Крым от 27 марта 2018 г. № 41 участок, на котором были проведены археологические исследования, был включен в «перечень выявленных объектов культурного наследия Республики Крым», были утверждены границы территории выявленного объекта и режим использования соответствующего земельного участка. Данное решение открыло перспективы начала полномасштабных археологических исследований на данной территории.

Историко-архитектурный опорный план г. Симферополя (фрагмент) с указанием места расположения бывшего дворца калги-султана Крыма – Режим доступа: <http://sim.gov.ua/userfiles/file/istarkplan.pdf>

Список использованных источников и литературы

1. **Бабенко Г. А., Дюличев В. П.** Шедевры мусульманской архитектуры Крыма. – Симферополь, 2008. – 320 с.
2. **Бушаков В. А.** О происхождении титула *калга* в Крымском ханстве // Ватан. – 1991. – № 3. – С. 14–18.
3. **Вельяминов-Зернов В. В.** Материалы для истории Крымского ханства. – СПб., 1864. – 953 с.
4. **Гайворонский О.** Повелители двух материков. Том I. Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. – Киев – Бахчисарай, 2007. – 368 с.
5. **Гайворонский О.** Ханское кладбище в Бахчисарайском дворце: схема и каталог памятников. – Симферополь, 2006. – 64 с.
6. **Грёзы любви.** Поэзия крымских ханов и поэтов их круга / пер. С. Дружинина, сост., комментарии и послесловие Н. Абдульваапа. – Симферополь, 2003. – 71 с.
7. **Дюбуа де Монпере. Ф.** Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым: в 6 т. – Париж, 1843. Т. 5, 6. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. – 328 с., цв. вкл.
8. **Зайцев Ю. П.** Неаполь Скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.) / Монография. – Симферополь: Универсум, 2003. – 212 с.

9. **Записки** Манштейна о России. 1728–1744 / пер. с франц., с подлинной рукописи Манштейна. – СПб., 1875. – 378 с.
10. **Иванич М.** Посольства крымских татар при Венском дворе в 1598–1682 гг. (из истории крымскотатарской дипломатии XVI–XVII вв.) // *Turcica et Ottomanica: Сборник в честь 70-летия М. С. Мейера.* – М., 2006. – С. 226–237.
11. **Историко-архитектурный** опорный план г. Симферополя. – Режим доступа: <http://sim.gov.ua/userfiles/file/istarkplan.pdf>
12. **Калга.** – <http://ru.wikipedia.org/wiki/Калга>
13. **Керим И. А.** Исвеч (Швеция) архивлеринде Къырым ханлыгы иле багылы базы весикъ-алар // *Qasevet.* – № 36. – 2010. – С. 20–25.
14. **Кондараки В. Х.** Универсальное описание Крыма. Ч. 14. – СПб., 1875.
15. **Крым:** путеводитель / под ред. Л. С. Вагина, Е. В. Вульфа, П. А. Двойченко и В. В. Соколова; Крым. о-во естествоиспытателей при Крым. ун-те. – Симферополь: Крымиздат, 1923. – VII, 494 с. + 5 л. рекл. объявл.
16. **Крымскотатарская** инструментальная музыка ханского периода / ред.-сост. Дж. Кариков, предисл. Н. Абдульваапа. – Симферополь, 2007. – 94 с.
17. **Лашков Ф.** Исторический очерк крымскотатарского землевладения. – Симферополь, 1997. – 203 с.
18. **Москвич Г.** Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. 10-е изд. – Одесса, 1901. – 259 с.
19. **Мурзакевич Н.** Статейный список Великого Государя Его Царского Величества посланников: Стольника Василия Михайлова Тяпкина, дьяка Никиты Зотова, к Крымскому Хану Мурад-Гирею в 1681 году // ЗООИД. – 1850. – Т. 2. – С. 568–658.
20. **Некрасов А. М.** Возникновение и эволюция Крымского государства в XV–XVI веках // Отечественная история. – 1999. – № 2. – С. 48–58.
21. **Описание** перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин. Жана де-Люка, монаха Доминиканского ордена (1625 г.) // ЗООИД. – Одесса, 1879. – Т. 11. – С. 473–493.
22. **Паллас П. С.** Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах / пер. с нем. – М.: Наука, 1999. – 246 с.
23. **Пейссонель Ш.** Записка о Малой Татарии / пер. с фр. В. Лотошниковой, вступ ст., прим. и комм. В. Грибовского. – Днепропетровск: Герда, 2009. – 80 с.
24. **Смирнов В. Д.** Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. – СПб., 1887. – [2], VI, XXXVI, 774 с.
25. **Третья учебная экскурсия** Симферопольской мужской гимназии. Симферополь: Отчет, составленный по поручению педагогического совета Ф. Лашковым. Приложения рисовал А. Архипов. – Симферополь, 1890. – 137 с.
26. **Тунманн [Г. Э.]** Крымское ханство / пер. с нем. Н. Л. Эрнста, С. Л. Белявской; предисл., прим. Н. Л. Эрнста. – Симферополь: Госиздат Крым. АССР, 1936. – 104 с.
27. **Халим Гирай-султан.** Розовый куст ханов или История Крыма / Перевод переложения А. Ильми 1909 г. и пояснения К. Усеинова 2004 г. – Симферополь, 2004. – 288 с.
28. **Черненко В., Белоусов А.** Крымские Гиреи: состав и статус «забытой» династии. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/1224824/>
29. **Эвлия Челеби.** Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века / пер. и коммент. Е. В. Бахревского. – Симферополь, 2008. – 172 с.
30. **İnalçık Н.** Kalgay // *İslâm Ansiklopedisi.* – С. 24. – İstanbul, 2001. – S. 259.
31. **Кая D.** Adil Sultan Destanı // *Erciyes.* – S. 225. – Eylül 1996. – S. 15–17.
32. **La Motraye, Aubry de.** Voyage du Sr. A. De La Motraye en Europe, Asie et Afrique. Tome Second. – La Haye, 1727.
33. **Özdem Z.** Kırım Karasubazar'da sosyo-ekonomik hayat. – Ankara, 2010. – 197 s.

Список калга-султанов Крыма

1. Ямгурчи б. Хаджи I Герай (1486–1507)
- 2. Мехмед Герай б. Менгли I Герай (1507–1515)*** (хан Мехмед I в 1515–1523 гг.)
3. Ахмед Герай б. Менгли I Герай (1515–1519)
4. Бахадыр Герай б. Мехмед I Герай (1519–1522)
5. Альп Герай б. Мехмед I Герай (1522–1523)
6. Баба Герай б. Мехмед I Герай (1523)
- 7. Гази Герай б. Мехмед I Герай (1524)** (хан Гази I в 1523–1524 гг.)
8. Озьбек Герай б. Озь-Темир б. Хаджи I Герай (1524–1525)
- 9. Сахиб Герай б. Менгли I Герай (1525–1526)** (хан Сахиб I в 1532–1551 гг.)
- 10. Ислям Герай б. Мехмед I Герай (1526–1528)** (хан Ислям I в 1532 г.)
- 9. Сахиб Герай б. Менгли I Герай (1528–1530)****
- 11. Девлет Герай б. Мубарек Герай б. Менгли I Герай (1530–1532)** (хан Девлет I в 1551–1577 гг.)
12. Озьбек Герай б. Мехмед I Герай (1532)
- 10. Ислям Герай б. Мехмед I Герай (1532–1536)**
13. Ахмед Герай б. Саадет I Герай (1536–1537)
14. Эмин Герай б. Сахиб I Герай (1537–1551)
15. Булюк Герай б. Сафа Герай б. Фетих Герай б. Менгли I Герай (1551)
16. Ахмед Герай б. Девлет I Герай (1551–1555)
- 17. Мехмед Герай б. Девлет I Герай (1555–1577)** (хан Мехмед II в 1577–1584 гг.)
18. Адиль Герай б. Девлет I Герай (1577–1578)
- 19. Саадет Герай б. Мехмед II Герай (1578)** (хан Саадет II в 1584 г.)
20. Альп Герай б. Девлет I Герай (1578–1584)
21. Сафа Герай б. Мехмед II Герай (1584)
20. Альп Герай б. Девлет I Герай (1584–1588)
- 22. Селямет Герай б. Девлет I Герай (1588)**
- 23. Фетих Герай б. Девлет I Герай (1588–1596)** (хан Фетих I в 1596 г.)
24. Бахт Герай б. Адиль Герай б. Девлет I Герай (1596)
- 22. Селямет Герай б. Девлет I Герай (1596–1601)**
- 25. Тохтамыш Герай б. Гази II Герай (1601–1608)** (хан в 1607–1608 гг.)
26. Сефер Герай б. Гази II Герай (1608)
- 27. Мехмед б. Саадет II Герай (1608)** (хан Мехмед III в 1623–1628 гг.)
- 28. Джаныбек б. Мубарек б. Девлет I Герай (1608–1610)** (хан в 1610–1623 и 1628–1635 гг.)
29. Шахин Герай б. Саадет II Герай (1610)
30. Девлет Герай б. Мубарек б. Девлет I Герай (1610–1623)
29. Шахин Герай б. Саадет II Герай (1623–1628)
30. *Девлет Герай б. Мубарек б. Девлет I Герай (1624)*
30. *Девлет Герай б. Мубарек б. Девлет I Герай (1628–1631)*

*Жирным шрифтом выделены имена калга-султанов, впоследствии взошедших на ханский престол. Имена ханов даны с порядковым номером или же отмечены словом «хан».

**Курсивом отмечены второй и последующие сроки пребывания на должности.

31. Азамет Герай б. Селямет I Герай (1631–1632)
- 32. Мехмед Герай б. Селямет I Герай (1632–1635)** (хан Мехмед IV в 1641–1644, 1654–1667 гг.)
33. Хусам Герай б. Гази II Герай (1635–1637)
- 34. Ислям Герай б. Селямет I Герай (1637–1641)** (хан Ислям III в 1644–1654 гг.)
35. Фетих Герай б. Девлет Чобан Герай б. Фетих I Герай (1641–1644)
36. Кырым Герай б. Селямет I Герай (1644–1651)
37. Гази Герай б. Селямет I Герай (1651–1654)
- 37. Гази Герай б. Селямет I Герай (1654–1666)*
38. Кырым Герай б. Девлет Чобан Герай б. Фетих I Герай (1666–1670)
39. Девлет Герай б. Фетих Герай б. Девлет Чобан Герай б. Фетих I Герай (1670–1671)
40. Селямет Герай б. Бахадыр I Герай (1671–1678)
- 41. Тохтамыш Герай б. Сафа Герай б. Селямет I Герай (1678–1682)**
- 42. Сафа Герай б. Сафа Герай б. Селямет I Герай (1682–1683)** (хан в 1691–1692 гг.)
- 43. Девлет Герай б. Селим I Герай (1683–1684)** (хан в 1699–1702 и 1709–1713 гг.)
- 43. Девлет Герай б. Селим I Герай (1684–1691)**
- 43. Девлет Герай б. Селим I Герай (1691)**
44. Джихан Герай б. Кырым Герай б. Селямет I Герай (1691)
- 45. Девлет Герай б. Адиль Герай б. Мубарек Герай б. Селямет I Герай (1691–1692)** (хан Девлет III («Кара») в 1716–1717 гг.)
- 43. Девлет Герай б. Селим I Герай (1692–1699)**
46. Шахин Герай б. Ислям III Герай (1699)
47. Шахбаз Герай б. Селим I Герай (1699)
- 48. Саадет Герай б. Селим I Герай (1699–1702)** (хан Саадет IV в 1717–1724 гг.)
- 49. Гази Герай б. Селим I Герай (1702–1704)**
- 50. Каплан Герай б. Селим I Герай (1704–1707)** (хан Каплан I в 1707–1708, 1713–1715 и 1730–1736 гг.)
- 51. Менгли Герай б. Селим I Герай (1707–1709)** (хан Менгли II в 1724–1730 и 1737–1740 гг.)
- 48. Саадет Герай б. Селим I Герай (1709)**
52. Бахти Герай б. Девлет II Герай (1709–1713)
- 51. Менгли Герай б. Селим I Герай (1713–1716)**
53. Бахадыр Герай б. Сафа I Герай (1716–1717)
54. Инает Герай б. Тохтамыш Герай б. Сафа Герай б. Селямет I Герай (1717–1718)
55. Сафа Герай б. Селим I Герай (1718–1724)
55. Сафа Герай б. Селим I Герай (1724–1725)
56. Адиль Герай б. Селим I Герай (1725–1727)
- 57. Селямет Герай б. Селим I Герай (1727–1730)** (хан Селямет II в 1740–1743 гг.)
56. Адиль Герай б. Селим I Герай (1730–1734)
- 58. Фетих Герай б. Девлет II Герай (1734–1736)** (хан Фетих II в 1736 – 1737 гг.)
- 59. Арслан Герай б. Девлет II Герай (1736–1737)** (хан в 1748–1756 и 1767 гг.)
- 57. Селямет Герай б. Селим I Герай (1737–1740)**
60. Азамат Герай б. Гази III Герай (1740–1741)
- 61. Селим Герай б. Каплан I Герай (1741–1743)** (хан Селим II в 1743–1748 гг.)
62. Шахин Герай б. Адиль Герай б. Селим I Герай (1743–1748)

- 63. Селим Герай б. Фетих II Герай (1748–1756)** (хан Селим III в 1765–1767 гг.)
64. Девлет Герай б. Саадет IV Герай (1756–1758)
65. Хаджи Герай б. Махмуд Герай б. Девлет II Герай (1758)
66. Селим Герай б. Арслан I Герай (1758)
67. Саадет Герай б. Бахти Герай б. Девлет II Герай (1758–1762)
- 68. Максуд Герай б. Селямет II Герай (1762–1764)** (хан в 1767–1768 и 1771–1772 гг.)
69. Мехмед Герай б. Фетих II Герай (1764–1767)
- 70. Девлет Герай б. Арслан I Герай (1767)** (хан Девлет IV в 1769–1770 и 1775–1777 гг.)
- 71. Бахт Герай б. Кырым I Герай (1767–1768)** (хан Буджака в 1789–1792 гг.)
72. Месуд Герай б. Арслан I Герай (1768–1769)
- 73. Шахбаз Герай б. Арслан I Герай (1769–1770)** (хан Буджака в 1787–1789 гг.)
74. Ислям Герай б. Арслан I Герай (1770)
69. Мехмед Герай б. Фетих II Герай (1770–1771)
- 71. Бахт Герай б. Кырым I Герай (1771–1772)**
- 75. Шахин Герай б. Ахмед Герай б. Девлет II Герай (1771–1774)** (хан в 1777–1782 и 1782–1783 гг.)
76. Бахадыр Герай б. Максуд I Герай (1774–1775)
- 73. Шахбаз Герай б. Арслан I Герай (1775–1777)**
69. Мехмед Герай б. Фетих II Герай (1777–1778)
1778–1782 гг. – должность вакантна
77. Арслан Герай б. Ахмед Герай б. Девлет II Герай (1782)
1782–1787 гг. – должность вакантна
78. Мубарек Герай б. Арслан I Герай (1787–1789)
79. Мехмед Герай б. Кырым I Герай (1789–1792)

Н. Абдульвапов

СОБОРНАЯ МЕЧЕТЬ КЕБИР-ДЖАМИ

ул. Курчатова, 4 – ул. Володарского, 3, литер «А»

Мечеть Кебир-Джами является главным мусульманским культовым объектом как Симферополя, так и всего Крыма в целом, поскольку именно на ее территории ныне располагаются резиденция крымского муфтия и офис Духовного управления мусульман Крыма. Здание находится на границе «старой» и «новой» частей города, его координаты: 44 56 943 К – 34 06 433 D.

Мечеть Кебир-Джами (более точная форма написания – «Джами-и кебир», с тем же значением: «великая (соборная) мечеть») считается старейшим архитектурным объектом города. Однако о её первоначальном облике в настоящее время судить сложно, поскольку здание по меньшей мере дважды перестраивалось. По наиболее распро-

страненной версии, мечеть была построена в 1508 году. Известный турецкий путешественник Эвлия Челеби, посетивший Крым в 1666–1667 гг., в своей «Книге путешествия» зафиксировал текст надписи при входе в мечеть, которая гласила, что здание было построено в месяце мухаррем девятьсот четырнадцатого года (*по Хиджре, что соответствует маю 1508 г. по григорианскому календарю. – Сост.*) Абдуррахманом, сыном Али Бека, во времена правления султана (крымского хана) Менгли Герая (*Первого. – Сост.*). Вот соответствующий фрагмент описания Эвлия Челеби:

«Здесь [в городе Акмесджите. – Сост.] есть 5 *михрабов* [т. е. мечетей. – Сост.]. Самый лучший – посреди дворца *калга-султа-*

г. Симферополь. Соборная мечеть Кебир-Джами. Современное фото.

г. Симферополь. Кебир-Джами. Открытка нач. XX в.

нов – соборная мечеть Менгли Герай-хана. Это маленькая мечеть, крытая черепицей, с одним каменным минаретом старой конструкции. Затем, во внешнем пригороде, соборная мечеть Абд ар-Рахман-бея. И это древнее место молитвы, крытое черепицей, с каменным минаретом. Над ее дверью написан следующий *тарих*: «Построил эту благословенную мечеть в дни правления султана Менгли Герай-хана слабейший из рабов Абд ар-Рахман, сын Али-бея, да простит Бог его и его семью. Месяц *мухаррем* девятьсот четырнадцатого года» [9, с. 139]

Оригинальный арабский текст данной надписи следующий:

«*Benâ hâze'l-mescide'l-mübâ[re]ke fi eyyâm-ı devleti's-Sultan Mengli Giray Han az'afu'l-ibâd Abdürrahman bin Ali Beg. Ğaferallahu leh ve li'vâ[li]deyh. Sene şehr-i muharremi'l-harâm e[r]ba'a aşere ve tis'a mi'e*». [Muharrem 914/Mayıs 1508].» [10, s. 543].

Однако по поводу даты сооружения мечети имеются и другие сведения. Так, в одном из архивных документов, связанных с ремонтом мечети в начале XX в., присутствует указание на строительство мечети в

1496 году. Согласно документу, в 1905 году хатип и имам мечети Кебир-Джами Эмиров обратился в вакуфную комиссию со следующим прошением: «Озабочиваясь приведением в исправное состояние собственной мечети на Госпитальной улице, выстроенной в 1496 году родом Таврических муфтиев и отремонтированной также родом муфтиев Эмировых в 1735 году, мы, коллежский секретарь Сеит Абдурасим Эмиров, причетники сказанной мечети хатип и имам Симферопольский купец Эннан Челеби Меметоглу, поручили составить смету частному землемеру Михаилу Бахтиярову, по расчету последнего на ремонт вышеуказанной мечети потребуется 2697 руб. 16 коп.» [1, с. 87–89].

Та же дата строительства (1496 г.) проходит еще в одном архивном документе, ныне хранящемся в фондах Центрального музея Тавриды (Симферополь): «Кебир-Джами состоит из одной каменной постройки, внутри отделение нижнее и верхнее. Здание старое, каменное, пол из плит, потолок деревянный, имеет просветы с железными решетками: в длину – 19 аршин, в ширину – 24 аршина,

в высоту – 6.5 аршина. Минарет каменный. Это одна из старейших мечетей Симферополя имеет большое дворовое место. Мечеть построена в 1496 году. Крыта татарской черепицей» [там же, с. 89].

И в том, и в другом случае речь идет о времени правления крымского хана Менгли Герая I (ум. в 1515 г.). Акмесджит в это время находился под управлением первых крымских калга-султанов: родного брата и сына Менгли Герая – Ягмурчи (годы пребывания на должности: 1486–1507) и Мехмеда (1507–1515, будущий хан Мехмед I Герай). Архивные справки интересны и тем, что в случае достоверности приведенных в ней сведений дату основания и самого города Акмесджита необходимо будет удревнить по крайней мере на 12 лет.

Сведения об истории мечети в период XVI–XVII вв. практически отсутствуют и в настоящее время ограничиваются вышеприведенными свидетельствами Эвлия Челеби. Есть надежда, что этот вакуум будет заполнен материалами из т. н. «кадиаскерских тетрадей» – ценнейших юридических документов периода Крымского ханства, работа над которыми активно ведется в настоящее время. Так, в одном из документов (сиджилъ), датированных 1676 г., упоминается городской квартал (*маалле*) «Буюк Джами» («Буюк Джами маллесии»), который, с большой долей вероятности, и являлся кварталом мечети Кебир-

Каменная плита с текстом, указывающим на воссоздание мечети Кебир-Джами в 1740/41 гг.

Джами, тем более что тюркское слово «буюк» является синонимом арабского «кебир» в значении «великий, большой» [9, с. 147]. Одновременно оба термина следует понимать и в значении «соборный (соборная)».

Судя по всему, мечеть «Кебир-Джами» значительно пострадала во время похода Миниха на Крым в 1736 г. Об этом свидетельствует сохранившаяся до наших дней и хранящаяся на территории мечети каменная табличка. Согласно надписи на ней, «сожженная неверными» мечеть была вновь построена усилиями Максуда Ага бин Хусейин Ага (из потомков основателя мечети Абдуррахман Бека) в 1153 г. (1740/41 гг.):

«Qad bena haze'l-câmi' fi'l-asl Abdurrahman Bek

/ Sümme harraquhu'l kefertü'l-fecere sümme benâhu

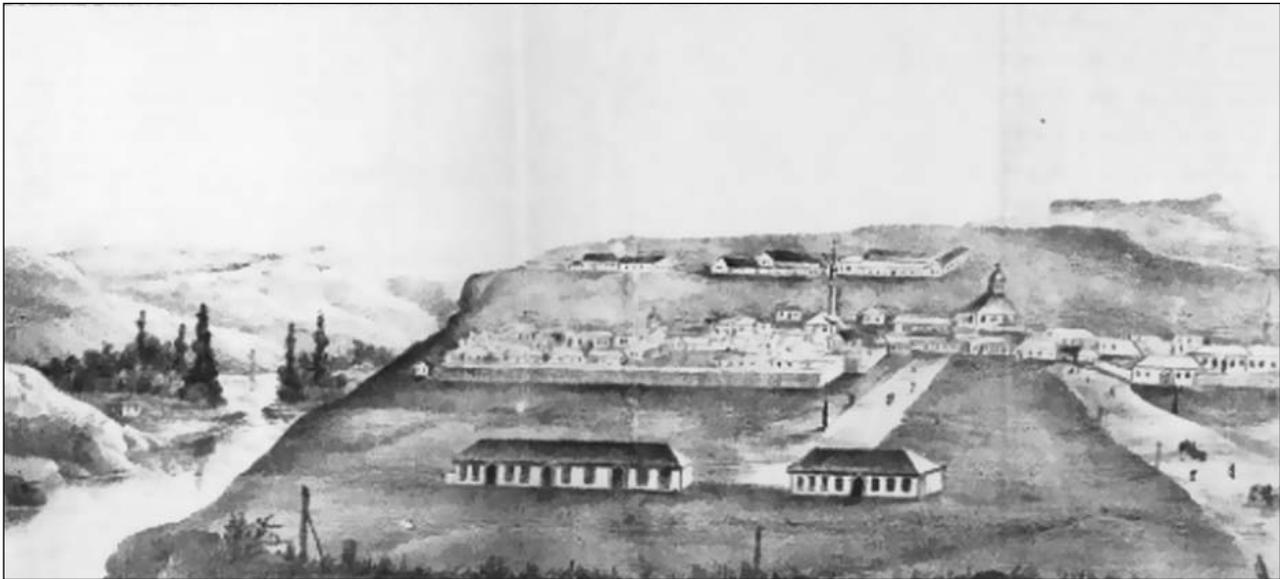
/ Maqsûd Ağa ibn Hüseyin Ağa min ebnâihi

/ Fi sene selâse ve hamsin ve miete ve elf. 1153».

В одном из описаний Старого города, датированном 1890 г., «Кебир-Джума-Джами» упоминается первой в списке из 11 мечетей, бывших на тот момент в Симферополе. Находилась она на улице Петропавловской, при ней располагались «медресе и текэ (монастырь), ныне запущенный» [6, с. 70].

В приведенном фрагменте вызывает интерес упоминание суфийской обители – текие, однако какие-либо исторические данные о ней в настоящее время отсутствуют. Согласно сведениям из вышеупомянутой «Книги путешествия» Эвлия Челеби, в Акмесджите в год его посещения путешественником (1665–1666 гг.) было три суфийских обители – братств хальвети, коледжли и чоюнджили [8, с. 139]. Возможно, текие при мечети Кебир-Джами было одной из этих обителей.

Помимо вышеприведенных двух надписей, касающихся строительства и воссоздания мечети в XVI и XVIII в., на ее территории в настоящее время сохраняются еще две надписи, располагающиеся в левом верхнем углу южной стены здания. Одна из них (нижняя) плохо читается, однако в свое время она была прочитана академиком

«Симферополь и Акмечеть в 1803 году». Худ. А. де Палдо. Из книги П. И. Сумарокова «Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. Ч. 1». СПб., 1803. В центре – мечеть Кебир-Джами.

И. Ю. Крачковским. Текст ее следующий:

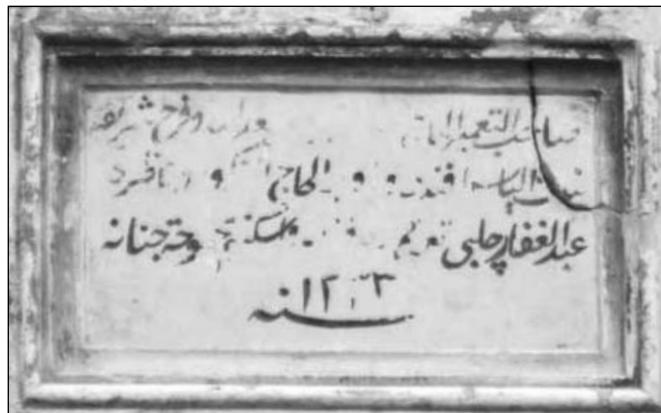
«Sâhibü'l-ta'mîr el-Hâc Mustafa bin Sa'dullâh ve Ferah Şerîfe binti İlyâs Efendi ve zevcete el-Hâc el-mezkûr ve nâzire Abdülğaffâr Çelebi [... ..]. Sene 1233».

Перевод: «Производившие ремонт – хаджи Мустафа ибн Са'даллах и Ферах Шерифе, дочь Ильяса эфенди, супруга упомянутого хаджи, а наблюдавший за ремонтом Абд-ал-Гаффар Челеби, да объемлет их Аллах своим прощением и поселит среди благоденствия рая. В 1233 году (1817–1818 гг.)» [5, с. 668].

Во второй надписи присутствует указание на ремонт мечети усилиями мусульманской общины в месяце ребиуль-хир 1326 г. (по Хиджре, что соответствует маю 1908 г. по григорианскому летосчислению):

«İşbu câmi-i şerîf li-rızâillah cemâat-i müslimîn tarafından tamir olunmuşdur. 20 Rebûlâhir 1326».

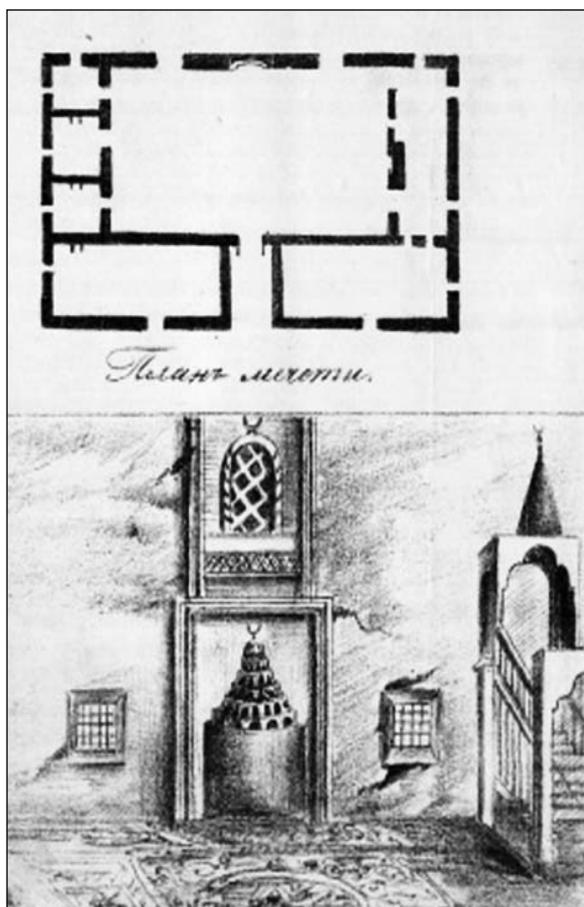
Факт указанного ремонта подтверждается и архивными документами – цитированное выше обращение хатипа и имама мечети Эмирова касается именно этого ремонта. Согласно документу, в 1907 г. «высочайше утвержденной особой комиссией МВД» (в Санкт-Петербурге) на

Каменная плита, содержащая указание на ремонт мечети Кебир-Джами в 1817/18 гг.

Каменная плита, содержащая указание на ремонт мечети Кебир-Джами в мае 1908 г.

Михраб и минбер (кафедра для пятничной проповеди) мечети Кебир-Джами. Рисунок А. Архипова. Из книги «Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Симферополь», 1890.

ремонтные работы было выделено 900 рублей, остальные средства должны были поступить за счет добровольных пожертвований горожан [1, с. 89]. После ремонта внешний облик мечети был немного изменен. В результате перестройки минарет занял центральное положение, а главный фасад здания приобрел развитый карниз, обогативший мелкой архитектурной пластикой [там же].

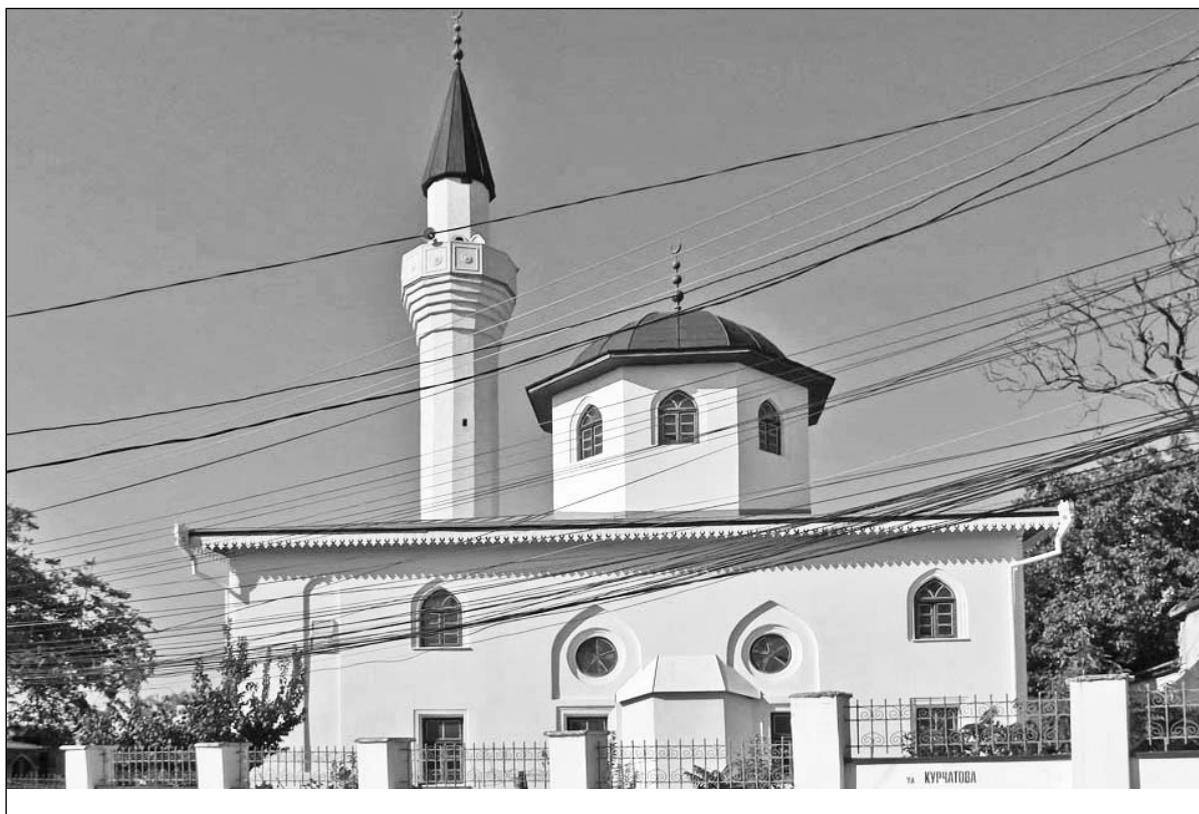
В 1924 г., в период своей крымской командировки, Кебир-Джами посетил известный академик И. Ю. Крачковский. В статье, написанной по результатам этой поездки, он, в том числе, отметил ценность всех вышеупомянутых исторических надписей Кебир-Джами, тем более что, по его словам, «систематическое издание этих надписей» отсутствовало. Академик дал арабографичные тексты с переводами на русский язык всех четырех надписей (см. выше), которые, по его словам, располагались в одном месте – «внутри мечети над входом и расположены в два яруса» [5, с. 668].

Ныне, как было указано выше, самая ранняя надпись отсутствует, каменная табличка с надписью XVIII в. лежит отдельно во дворе, надписи же XIX и XX вв. вмонтированы в южную стену здания (с внешней стороны).

Также И. Ю. Крачковский обратил внимание на кладбище, располагавшееся на терри-

Внутренний интерьер мечети Кебир-Джами. Фото 2013 г.

Мечеть Кебир-Джами вид с юга. Фото 2015 г.

тории мечети, от которого остались «только несколько памятников, частью на огороде, частью вделанных в его ограду». По поводу одного из них он дает следующее предположение: «На огороде между прочим уцелел памятник Челеби, по-видимому, надзиравшего за ремонтом в 1233 году» [там же].

Ныне эти эпиграфические памятники, как и какие-либо следы самого кладбища, отсутствуют.

Архивные источники указывают, что «соборная мечеть Кебир-Джами имела вакуфное хозяйство, состоявшее из садов, земель и недвижимого имущества (постоялых дворов, лавок): вакуфную землю при деревне Чокурча, площадью 36 десятин 1030 сажень; 77 десятин вакуфного участка при деревне Джалман Аратук; в Симферополе – 5 домов со дворами» [1, с. 87].

Судя по архивным сведениям, последним имамом мечети был Бекир Ариф эфенди, проживавший в г. Симферополе по адресу «ул. Армейская, 103». Бекир Ариф эфенди родился в 1881 г. в дер. Озенбаш Ялтинского уезда. Образование получил в медресе г. Симферополя. Его родные также были жи-

телями Симферополя и имели в городе домовладения на ул. Курцовской – дом № 5 и дом № 8. Среди родственников Бекир Ариф эфенди называл родного брата – Ниметулли Бекира, а также племянников – Мемета, Бекира Омера, Асана, Османа Абдуллу. Бекир Ариф был женат, у него было трое детей. До избрания имамом симферопольской мечети он был мазином в том же приходе. Бывшим его сословием было крестьянское, и до событий 1917 г. будущий имам-хатип занимался крестьянским трудом. С началом Первой мировой войны он был отправлен на работы по обслуживанию железной дороги в Лифляндскую губернию. В июле 1923 г. сельскими обществами Чокурчи, Битака и Абдала Бекир Ариф эфенди был избран имамом мечети [2].

В период антирелигиозной кампании 1920-х годов мечеть была закрыта. В списке ликвидированных культовых зданий по Крыму за 1929 г. она указана как одна из восьми симферопольских мечетей, прекративших свою деятельность. В данном списке адрес уже бывшей мечети указан как «ул. Акмечетская, 21» [3].

Внутренний интерьер мечети Кебир-Джами. Фото 2013 г.

Через два года, в 1931 г., здание бывшей мечети Кебир-Джами было передано Обществу друзей радио. В эти же годы был снесен минарет, здание окончательно потеряло свой культурно-архитектурный вид [1, с. 13]. В последующие годы оно использовалось как баня, служебное помещение кинопроката, далее, в 1970-е гг. – как книжная мастерская.

С началом возвращения крымских татар на историческую родину здание мечети Кебир-Джами было возвращено верующим. В 1990–1994 гг. на ее территории были проведены основательные ремонтные работы, в период которых была оставлена лишь одна, михрабная стена, остальная же часть здания была полностью перестроена. В 2002 г. были проведены дополнительные реставрационные работы.

Согласно Решению Крымского облисполкома от 05.06.1984 г. № 284, здание симферопольской мечети Кебир-Джами является памятником архитектуры и градостроительства местного значения [7, с. 427].

Список использованных источников и литературы

1. Белова С. Л. Симферополь: Этюды истории, культуры, архитектуры. – Симферополь: Таврия-Плюс, 2001. – 184 с., илл.
2. ГАРК, ф. Р-663, оп. 10, д. 786, л. 6–8.
3. ГАРК, ф. Р-663, оп. 10, д. 1729.
4. ГАРК, ф. Р-663, оп. 10, д. 1758, л. 17.
5. Крачковский И. Ю. Отчет о командировке в Крым летом 1924 года // Известия Российской академии наук. Сер. 6. – Ленинград, 1924. – Т. 18, ч. 2. – № 12/18. – С. 662–670.
6. Монастырлы Х. А. Мечети, текэ (монастыри), духовные лица и праздники у татар // Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Симферополь: Отчет, составленный по поручению педагогического совета Ф. Лашковым. Приложения рисовал А. Архипов. – Симферополь, 1890. – С. 68–73.
7. Список памятников местного и национального значения, расположенных на территории Автономной Республики Крым / Республиканский комитет по охране культурного наследия АРК. – Симферополь, 2004. – 488 с.
8. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века / пер. и коммент. Е. В. Бахревского. – Симферополь, 2008. – 172 с.
9. Вуык Ö. Kırım'ın İdarî ve Sosyo-Ekonomik Tarihi (1600–1774). – İstanbul: Ötüken Neşriyat, 2014. – 300 s.
10. Günümüz Türkçesiyle Evliya Çelebi Seyahatnamesi / Haz.: Seyit Ali Kahraman. – 7. Kitap. – 2. Cilt. – İstanbul, 2011. – 828 s.
11. Kırım'daki Kırım Tatar (Türk-İslâm) Mimarî Yادigârları / Proje yöneticeleri: Hakan Kırımlı, Nicole Kañçal-Ferrari. Yazarlar: Hakan Kırımlı, Nicole Kañçal-Ferrari Gökçe Günel, İbrahim Abdulla, Nariman Abdülvaav, Safiye Eminova, Gülşen Dişli. – Ankara: T. C. Başbakanlık Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı Yayınları, 2016. – 880 s.

Н. Абдульвапов, Г. Кондратюк

МЕЧЕТЬ ЕНИ-ДЖАМИ

ул. Малофонтанная, 1

2. Симферополь. Развалины мечети Ени-Джами. Вид с перекрестка улиц Краснознаменной и Сергеева-Ценского. Фото 2017 г.

Мечеть Ени-Джами, вернее, ее развалины, расположены в центральной части Старого города, на территории обширного домовладения, ограниченного улицами Малофонтанной, Краснознаменной и Сергеева-Ценского, с выходом на ул. Малофонтанную. Координаты объекта: 44 56 622 К – 34 06 367 D. Мечеть являлась частью культового комплекса, в который, помимо нее, входила суфийская обитель – текие (см. соответствующий очерк данного «Свода»).

Предполагаемое время возведения мечети Ени-Джами – первая половина XIX в. В исторических источниках относительно этого проходят две даты: в архивных документах присутствует 1837 г., в списке же Х. Монастырлы из материалов Третьей учебной экскурсии Симферопольской мужской гимназии (1890 г.) указан 1245 (1829) год [10, с. 70]. В данном списке присутствует также и имя строителя мечети – Османа Иса-оглу, а также названия, под которыми она была известна в то время – «Джума-Джами» или «Мечеть Сейид Мемет Эфендия»:

«Джума-Джами, на Мечетной улице, построена Осман-Иса оглу в 1245 (1829). Она называется мечетью «Сейид Мемет Эфен-

дия», так как Сейид Мемет Эфенди при ней муллой» [там же].

О личности строителя мечети в настоящее время ничего не известно. Относительно же муллы Сеит Мемета эфенди можно добавить, что его имя проходит в исторических материалах 1910–1920-х годов. В частности, в статье И. Волошинова «Текие «Ени-Джами» дервишей-молчальников в Симферополе», опубликованной в 1918 г. и посвященной зданию суфийской обители *текие*, входившему в единый комплекс с мечетью Ени-Джами, отмечено, что в указанное время Сеит Мемет эфенди продолжал быть муллой (имамом) указанной мечети [1, с. 356].

В этой же статье И. Волошинова также присутствуют сведения, косвенно указывающие на возможное время сооружения мечети, при этом какие-либо подробности относительно самой мечети в статье отсутствуют. Так, время строительства *текие* предположительно указано как первая треть XIX в. Таким образом, время строительства и мечети, и *текие* совпадают. Надо сказать, что и в архитектурном плане оба здания являются точной копией друг друга (см. ниже).

Мечеть Ени-Джами. Открытка нач. XX в.

Сведения о мечети за XIX в. в настоящее время практически отсутствуют. Единственное упоминание о ней встречается в одном из материалов газеты «Терджиман» за 9 июля 1899 г. (№ 25):

«Аджи Шейх Альме Ханым Абдураманчикова пожертвовала в вакуф мечети Ени Джами в Симферополе дом, нарочно купленный ею за 1500 р. и поручила кому следует составить план минарета для мечети Аджи Сеит Халиль Эфенди. Благодарение этой мечети много обязано старанию её имама Бекира Эфенди» [8].

Об Аджи Шейх Алиме Султан Абдураманчиковой известно, что она была вдовой капитана Абдураманчикова и неоднократно жертвовала на благотворительность. В частности, на ее средства в том же 1899 г. был построен минарет при симферопольской мечети Сеит-Халиль Челеби (см. выше), а чуть ранее, в 1897 г. – обогорожен азиз (мусульманское святое место) в окрестностях Симферополя [9]. Известно также, что, согласно архивным материалам за 1914 г., частный дом Шейх Алиме Султан Абдураманчиковой располагался в непосредственной близости от мечети Ени-Джами – на соседней

улице Кантарной (ныне Чехова), № 46 [12, л. 65].

До 1924 г. мечеть Ени-Джами располагалась по адресу ул. Мечетная, 9. В 1924 г. улица была переименована на «Восточную», нумерация при этом не изменилась [11, с. 43]. В последующем она вошла в состав ул. Краснознаменной (бывшей Кадиаскерской).

Согласно архивным материалам, в 1922 г., несмотря на голод, община при мечети провела процедуру регистрации. Мусульмане образовали так называемую церковную двадцатку для проведения процедуры получения в аренду здания мечети. Граждане, обратившиеся с ходатайством в церковный подотдел при административном отделе НКВД Крымской ССР, проживали в приходе мечети на улицах Кади-Эскерской,

Фонтанной, Кантарной, Кладбищенской, Мечетной [2, л. 1].

На тот момент мечеть представляла собой каменное одноэтажное здание 7 аршин в длину, 3,5 аршина в ширину, высотой 2 сажени. Вход в мечеть был с северной стороны. Высота ее минарета составляла 4 сажени, располагался он в северо-западном углу мечети (см. фото). При весьма простом архитектурном решении самого здания мечети минарет вызывал особый интерес. Он был выполнен достаточно искусно: покоился на восьмигранном основании (*кауде*), многочисленные грани его *шерефе* («балкончик» для муэдзина) были украшены розетками и *пуксюлями*, навершие *алем* было выполнено из камня.

На обширном дворе мечети (700 кв. м) располагалось вышеупомянутое здание текие (позже – школа, на момент закрытия мечети – детский сад), состоявшее из «4 комнат и кухни». Помимо этого, здесь же располагались «4 квартиры по 1 комнате с кухней и сараем» [там же, л. 2].

По поводу указанного здания текие-школы известно, что в начале века учителем при ней состоял Мустафа Эфенди Эмир Али-

оглы, уволенный в 1904 г. «за неблагонадежность». Известно также, что Крымское благотворительное общество обращалось в соответствующие инстанции с требованием о восстановлении учителя в должности [7, с. 134, 137].

Мечеть Ени-Джами располагала вакуфом, состоявшим из трех домов (один из них мог быть вышеуказанным домом, подаренным Алиме Абдураманчиковой), располагавшихся по адресам: ул. Кантарная, 66; ул. Нижнегоспитальная, 30; пер. Кривой, 13 [2, л. 2]. Дом по переулку Кривому представлял собой одноэтажное строение, состоявшее из восьми комнат и кухни.

Внутреннее убранство мечети Ени-Джами, по сравнению с другими симферопольскими мечетями, было более разнообразным: здесь были бронзовые люстры, подсвечники, ковры [там же, л. 5].

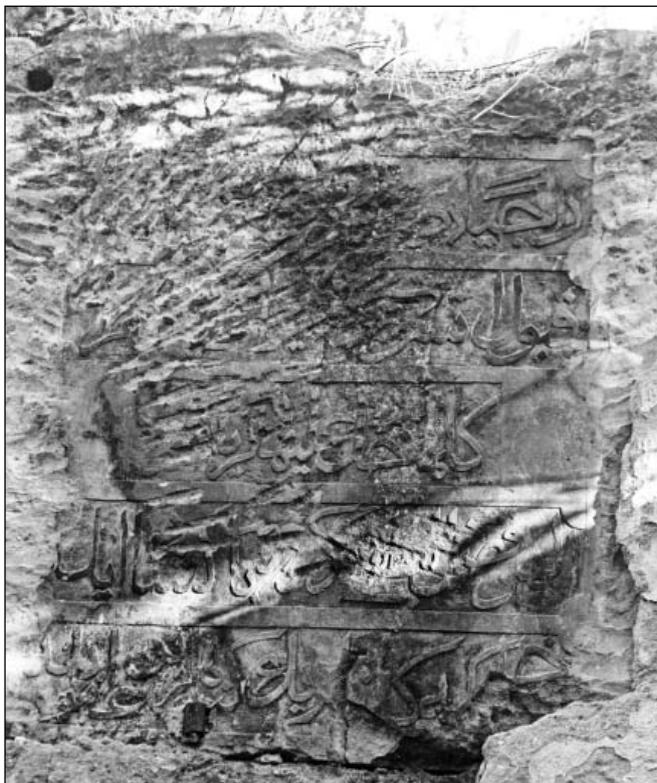
Согласно архивным сведениям, с 1919 г. мазином мечети был Баязит Аядин (возможно: Алядин, или же Аедин. – Н.А., Г.К.). Он родился в 1877 г., получил образование в медресе Симферополя. Ему принадлежал дом в Симферополе на ул. Малофонтанной, 24, до революционных событий 1917 г. стоивший 150 руб. (в оценке городской управой). Супруга и двое детей мазина также проживали по указанному адресу. Баязит Аядин был знаком с сельским трудом – до революции он, как обычный крестьянин, трудился в поле. Мазином мечети Ени-Джами он стал в 1919 г. [5, л. 14].

Мечеть Ени-Джами использовалась мусульманами вплоть до 1928–1929 гг. После судебного процесса над В. Ибраимовым общественно-политическая ситуация в Крыму значительно осложнилась, антирелигиозная кампания стала проводиться намного жестче. 13 января 1929 г. в административный отдел Симферопольского райисполкома поступило обращение от 13 прихожан мечети, в котором они сообщали, что отказываются от пользования зданием [2, л. 11]. Подобная ситуация объяснялась, как правило, тем, что местные власти предъявляли завышенные сметы на ремонт здания. Таким образом, это была скрытая форма давления на верующих с целью закрытия мечети.

25 февраля 1929 г. состоялось заседание президиума Симферопольского городского исполнительного комитета, рассмотревшее вопрос о закрытии мечети Ени-Джами. По итогам обсуждения было вынесено решение, заключающееся в просьбе к КрымЦИКу о ликвидации мечети – с последующим использованием здания «для культурно-просветительских целей» [там же, л. 10]. Окончательное решение о судьбе здания мечети Ени-Джами было принято на заседании Центральной комиссии по делам культов при Президиуме ЦИК Крымской АССР. 23 апреля 1929 г. протоколом № 23 было решено: «Мечеть Ени-Джами в г. Симферополе ликвидировать ввиду отказа верующих от пользования ею в дальнейшем. Имущество мечети (ковры и прочее) разрешить перенести в мечеть Сеит-Халиль-Челеби. Предложить Симферопольскому горсовету озаботиться скорым и рациональным ис-

Мечеть Ени-Джами. Открытка нач. XX в.

*Надпись над михрабом в мечети Ени-Джами.
Фото 2017 г.*

пользованием здания мечети для культурно-просветительских целей» [там же, л. 15].

Здание было принято Симферопольским отделом народного образования в апреле 1929 г. Оно было приспособлено под крымскотатарский детский сад, ранее работавший во дворе мечети (в здании бывшего текие,

Развалины мечети Ени-Джами. Фото 2017 г.

позже школы) [там же, л. 13]. В дальнейшем здание использовалось в различных хозяйственных целях, в том числе долгие годы здесь располагалась маслобойня.

С началом процесса возвращения крымских татар из мест депортации здание бывшей мечети Ени-Джами было возвращено мусульманской общине (в 1993 году). Однако накануне акта передачи, ночью, в здании произошел пожар, в результате чего полностью обрушилась кровля.

После пожара над заложенным (а перед этим, судя по всему, удаленным) михрабом обнаружилась арабографичная надпись. Текст ее удалось частично реконструировать. Одним из его фрагментов является часть 37-го аята суры № 3 «Али и Имран» (Семейство Имрана) – данный текст часто использовался при оформлении михрабов мечетей:

*«Râciyen [... ...] /
Qabûl etsün [... ...] /
Küllemâ dehale aleyhâ Zekeriyye'l-
mihrâb /
[... ...] inşâ eyledi
[... ...]».*

Перевод:

«37. Господь принял ее прекрасным образом, вырастил достойно и поручил ее Закарии (Захарии). Каждый раз, когда Закария (Захария) входил к ней в

молельню, он находил возле нее пропитание. Он сказал: «О Марьям (Мария)! Откуда у тебя это?». Она ответила: «Это – от Аллаха, ведь Аллах дарует пропитание без счета, кому пожелает». (Перевод смыслов Э. Кулиева. Жирным шрифтом выделен фрагмент аята, использованный в тексте надписи над михрабом Ени-Джами) [6, с. 42].

Помимо этого, в предпоследней строке реконструированной части текста присутствует указание на некое «строительство» – судя по всему, здесь речь идет о времени сооружения мечети и ее строителе.

В настоящее время здание мечети Ени-Джами пребывает в развалинах. Ее восстановление, параллельно с реконструкцией здания текие, позволило бы воссоздать культовый комплекс – «мечеть – текие», довольно распространенный в свое время в мусульманском мире. Аналог подобного комплекса (также нуждающийся в реконструкции) в Крыму сохранился лишь в Евпатории (Кезлеве) – ныне он известен как комплекс «Мечеть Шукрулла эфенди – Текие дервишей».

Развалины мечети Ени-Джами. Фото 2017 г.

Список использованных источников и литературы

1. **Волошинов И.** Текие «Ени-Джами» дервишей-молчальников в Симферополе // ИТУАК. – 1918. – № 54. – С. 356–359.
2. ГАРК, ф. Р-663, оп. 10, д. 45, л. 1, 2, 5, 10, 11, 13, 15.
3. ГАРК, ф. Р-663, оп. 10, д. 144.
4. ГАРК, ф. Р-663, оп. 10, д. 500.
5. ГАРК, ф. Р-663, оп. 10, д. 804, л. 14.
6. **Священный Коран** / Пер. смыслов Э. Кулиева. – Симферополь, 2014. – 480 с.
7. **Кричинский А.** Очерки политики российского царизма на окраинах. Ч. 2: К истории борьбы с просвещением и культурой крымских татар. (С приложением секретных документов). – Баку, 1920. – 192 с.
8. **Листая** «Терджиман» / Сайт Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского. – Режим доступа: <http://old.gasprinskylibrary.ru/razdel-novostei/listaya-terdzhiman/terdzhiman-%E2%80%93-9-iyulya-1899-%E2%84%9625.html>
9. **Листая** «Терджиман» / Сайт Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского. – Режим доступа: <http://old.gasprinskylibrary.ru/razdel-novostei/listaya-terdzhiman/sevastopol.html>
10. **Монастырлы Х. А.** Мечети, текэ (монастыри), духовные лица и праздники у татар // Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Симферополь: Отчет, составленный по поручению педагогического совета Ф. Лашковым. Приложения рисовал А. Архипов. – Симферополь, 1890. – С. 68–73.
11. **Поляков В.** Историческая эволюция городской топонимии Симферополя. – Симферополь, 2001. – 224 с.
12. **Сведения** о населенных местах Таврической губернии: списки владельцев дворовых и усадебных участков Симферопольского уезде. 3 августа 1914 г. – ГАРК, ф. 39, оп. 1, д. 69.

Н. Абдульвапов, Г. Кондратюк

ТЕКИЕ ПРИ МЕЧЕТИ ЕНИ-ДЖАМИ

ул. Малофонтанная, 1

Здание симферопольской суфийской обители – *текие* – представляет собой уникальный объект, располагающийся в старой части города, во дворе одной из исторических мечетей Симферополя (Акмесджита) – Ени-Джами (см. соответствующий очерк данного «Свода»). Его координаты: 44 56 622 К – 34 06 367 D.

Впервые с этим памятником научная общественность города познакомилась в 1918 г. после публикации статьи И. Волошинова «Текие дервишей-молчальников в Симферополе» [2]. Как отмечал автор, здание обратило на себя внимание во время поиска мусульманской комиссией Симферопольского санитарного попечительства «помещения для народной аудитории и библиотеки для татар». Интерес вызвало внутреннее убранство здания, а именно «деревянное сооружение внутри помещения, против михраба, состоявшее из двух этажей и заключавшее в себе отдельные камеры, или кельи, с маленькими окошечками, обращенными на михраб».

Из пояснений муллы (имама) мечети Ени-Джами Сеит-Мемета эфенди выясни-

лось, что данное текие служило нуждам «молчаливых дервишей мушидов», которые «около 40–50 лет до этого» (т. е. в 1870–1880-х гг.) перестали собираться в Симферополе. С тех пор здание пустовало, пока «15 лет до этого» (т. е. в начале XX в.) оно не было приспособлено под школу – мектеп. Еще через десять лет крыша здания пришла в такую негодность, что мектеп пришлось перевести в другое место. После этого Сеит-Мемет эфенди возбудил ходатайство перед вакуфной комиссией об ассигновании средств на ремонт разрушающегося здания, но ответа от комиссии не последовало.

После обнаружения памятника членами Комиссии по охране памятников старины и природы при Крымском обществе естествоиспытателей и любителей природы был осуществлен детальный осмотр текие, произведены фотографирование и обмер камер деревянного сооружения, где молились дервиши.

Дальнейшее изучение текие показало, что его здание было построено приблизительно в первой трети XIX в., использовалось дервишами около 40–50 лет, пока по-

следние из них не перешли в Бахчисарай, где до последнего времени находилось «их текие под названием Накшибенди».

Анализ данных сведений привел к следующим результатам. Текие суфийского тариката (братства) Накшибенди действительно существовало в Бахчисарае. Так, в архиве Бахчисарайского историко-культурного заповедника сохраняется Акт от 7 мая 1928 г. о взятии на учет и инвентаризации Бахчисарайским музеем имущества «бывшего текие Накшибенди» [1].

Дервиши в статье названы «молчальниками», или же «мушидами». Это также может быть подтверждением принадлежности обители братству накшибендие, поскольку в этом тарикате использовался так называемый молчаливый зикр, слово же «мушиды» может быть несколько измененным от «мушахиды» – в значении «использующие «мушахеде»» – одну из разновидностей медитационных практик.

Говоря об истории «симферопольского» суфизма, отметим практическую неисследованность вопроса. Судя по описаниям турецкого путешественника XVII в. Эвлия Челеби, в Акмесджите в 1665–1666 гг. существовало три суфийских обители – братств хальвети, коледжли и чоюнджили [6, с. 139]. При этом не совсем ясно, ответвлениями каких «классических» тарикатов являются обители братств коледжли и чоюнджили, считающихся крымскими братствами. Известно, что центральная обитель братства коледжли находилась в селении Коледж (ныне Новопокровка Кировского р-на), центром же братства чоюнджили являлось одноименное селение в окрестностях Акмесджита (ныне с. Урожайное Симферопольского р-на). При этом Коледж и Чоюнджи были двумя из т. н. четырех очагов Крыма – главных религиозно-суфийских центров в период ханства.

Вполне возможно, что сохранившееся симферопольское текие имеет отношение к одному из этих «крымских» братств, тем более что во второй половине XVIII в. коледжский очаг был именно накшибендийского толка. Также можно допустить, что обитель на ул. Малофонтанной – здание

начала XIX в. – возможно, было построено на месте более старой обители.

Помимо этой обители, известно о существовании в Симферополе в конце XIX в. лишь текие при мечети Кебир-Джами [4, с. 70].

В начале XX в., как было указано выше, здание текие было приспособлено под школу – мектеб, которая функционировала здесь около десяти лет. Согласно архивным данным, одним из преподавателей мектеба в это время был Мустафа Эфенди Эмир Али-оглы [3, с. 134].

Несмотря на весьма логичные пожелания о необходимости хотя бы частичной музеефикации объекта, присутствующие в конце статьи И. Волошинова, здание было передано для использования в совершенно других целях. Весной 1919 г. в нем был открыт первый в Симферополе крымскотатарский детский сад [5].

В дальнейшем здание текие использовалось для различных хозяйственных нужд. После возвращения крымских татар на родину оно, вместе со зданием бывшей мечети Ени-Джами, было возвращено мусульманской общине.

Современные исследования показали, что здание бывшего текие представляет собой прямоугольное строение размером 15,61 на 8,35 м. В восточной и западной стенах имеются следы арочных окон – по пять с каждой стороны.

Ниже предлагается полный текст вышеупомянутой статьи И. Волошинова, являющейся в настоящее время единственным достаточно подробным описанием бывшего здания симферопольского текие.

Волошинов И.

Текие «Ени-Джами» дервишей-молчальников в Симферополе

«Текие «Ени-Джами», в котором молились молчаливые дервиши, так называемые мушиды, было обнаружено совершенно случайно. О существовании его никто не подозревал. Мусульманская комиссия Симферопольского санитарного попечительства нуждалась в помещении для народной аудитории и библиотеки для татар.

г. Симферополь. ул. Малофонтанная, 1. Здание бывшей суфийской обители – текие. Фото 2017 г.

Председатель этой комиссии д-р П. К. Кондорский остановился на старом, с прогнившей крышей здании текие, находящемся во дворе мечети «Ени-Джами», на углу Мечетной, Фонтанной и Малофонтанной улиц.

При детальном осмотре текие д-р П. К. Кондорский обратил внимание на особое деревянное сооружение внутри помещения, против михраба, состоящее из двух этажей и заключающее в себе отдельные камеры, или кельи, с маленькими окошечками, обращенными на михраб.

Мулла (имам) мечети «Ени-Джами» Сеит-Мемет-эфенди на вопрос, что это за сооружение, пояснил, что осматриваемое текие служило молельней для молчаливых дервишей, мушидов, которые около 40–50 лет тому назад перестали собираться в Симферополе, и с тех пор здание пустует. 15 лет тому назад оно было приспособлено под мектеб, причем тогда деревянная стена камер была покрашена, а окна их забиты. Наконец, около 4 лет тому назад крыша здания пришла в такую ветхость, что заниматься там дальше не было возможности, и мектеб перешла в другое место. Тогда Сеит-Мемет-эфенди возбудил ходатайство перед вакуфной комиссией об ассигновании средств на ремонт разрушающегося здания, но ответа от нее не последовало.

Д-р П. К. Кондорский сообщил о сво-

ем открытии некоторым членам комиссии по охране памятников старины и природы при Крымском Обществе Естествоиспытателей и Любителей Природы. Члены этой комиссии в составе д-ра П. К. Кондорского, В. В. Соколова, А. И. Казаса и автора этого сообщения детально осмотрели текие, произвели фотографические снимки и измерения камер деревянного сооружения, где молились дервиши.

Между тем текие «Ени-Джами» заслуживает полного внимания как памятник если и не глубокой старины, то во всяком случае такого явления, которое уже отошло, по крайней мере в Симферополе, в область прошлого и вряд ли снова повторится.

Мушиды молились здесь около 40–50 лет, число их постепенно сокращалось, пока последние не перешли в Бахчисарай, где и сейчас имеется их текие под именем Нахшибенди.

О существовании в Крыму мушидов мало кто знает. В то время как дервиши, выражающие свои молитвенные чувства громко, пользуются большой популярностью и известностью, молчаливики почти никому не известны. Среди мусульман последние, впрочем, известны, и к ним относятся с гораздо большим почтением и уважением, чем к кричащим дервишам, но ввиду своей скромности, отсутствия показной стороны

при выражении молитвы, они не бросаются в глаза, незаметны. Уважение, с которым относятся мусульмане к мушидам, основывается, несомненно, на глубоком значении и смысле уединенной, молчаливой, скрытой от посторонних глаз молитвы.

Дервиши-молчальники имеют своего особого шейха, живущего при текие, куда от поры до времени в разное время года и на разные сроки приходят мушиды, оставляя свои семьи и житейские дела, чтобы отдаться молитве и самоуглублению. В текие они поселяются, не имеют общения с внешним миром. Тут же они готовят себе незатейливую пищу в особой пристройке.

Удалившиеся от земной суеты дервиши целый день проводят в молитве, но само моление происходит не совместно, как у кричащих дервишей, а каждый запирается в отдельной келье особого сооружения против михраба, в которой имеется узенькое маленькое оконце, обращенное на алтарь. Кельи между собой не сообщаются. Здесь, в этой келье, никого не видя и не чувствуя близости даже своего соседа, дервиш-молчальник углубляется в молитву.

Устройство помещений для молитвы в симферопольском текие таково. Наружная дверь со двора ведет в сени, где обычно оставляется молящимися обувь. С правой стороны находится полуразрушенная лестница, ведущая как бы на хоры через люк. Сени отделяются от внутреннего помещения молельни широким деревянным сооружением, которое можно сравнить со шкафом, идущим до самого потолка. Посредине этого сооружения сделан проход в молельню. Если войти в последнюю и стать спиной против михраба, то глазам представится деревянная стена до самого потолка, причем по обе стороны прохода этого сооружения видны по четыре двери и по столько же оконцев;

верхняя половина стены (второй этаж) имеет только шесть оконцев. Некоторые оконца забиты. Часть деревянной стены внизу по ту и другую сторону прохода разобрана, благодаря чему разрушено несколько келий, в которые втиснуты сложенные одна на другую классные парты.

Если подняться по лестнице через люк в полу второго этажа наверх, то во втором этаже окажется два ряда келий, между которыми устроен проход в виде коридора длиной в 3 саж. 2,5 арш. и шириной 1 арш. 6 верш. Высота второго этажа от пола до потолка – 2 арш. 7 верш. По правую руку, считая от входного люка, расположено 6 келий, по левую – 4, вход в кельи из коридора. Первые 6 келий расположены непосредственно над 8 нижними и имеют такие же оконца, как и внизу, обращенные на михраб. Из четырех же келий второго этажа только две последние имеют оконца, первые две освещаются небольшим сводчатым, в виде ниши, окном, сделанным в наружной стене здания. При помощи таких же двух окон, расположенных по концам коридора, освещается весь второй этаж. Размеры этих наружных окон таковы: высота – 0,29 саж. (около 1 арш.), ширина – 0,25 саж. (0,75 арш.).

Верхние кельи невелики: высота – 2 арш. 7 верш., ширина – 1 арш. 14 верш., глубина – 2 арш. 2 верш.; нижние кельи просторнее, а именно: высота – 1 саж. 5 верш., ширина – 1 арш. 9 верш., глубина – 1 саж.

г. Симферополь, ул. Малофонтанная, 1. Здание бывшей суфийской обители – текие. Фото 2017 г.

Оконца в кельях очень малы и имеют в высоту – 6 12 верш., в ширину – около 4 верш.

Описанные кельи в текие «Ени-Джами» представляют особый интерес. Михраб, наружные окна здания с железными решетками – обычны. В архитектурном отношении здание не представляет никакого интереса. Сама постройка не древняя, ей 75–80 лет. Но, тем не менее, было бы весьма желательно сохранить в неприкосновенности кельи, в которых молились дервиши-мушиды. Мусульманская комиссия, о которой упоминалось в начале сообщения, стремясь расширить помещение, предполагала уничтожить деревянное сооружение с кельями, но, казалось бы, что приведя здание в надлежащий вид, можно было бы, не разрушая келий, устроить в них библиотеку, если мысль об устройстве аудитории для народных чтений еще

не отпала. Во всяком случае, что бы в описанном текие ни помещалось, следует сохранить в нем кельи, восстановив их прежний вид, так как эти кельи являются уже историческим памятником если и не седой древности, то постепенно исчезающей старины» [2].

Спустя ровно сто лет после написания статьи И. Волошинова можно лишь сожалеть, что его предложения остались не реализованными, в результате чего внутренний интерьер текие был безвозвратно утрачен. Однако сохранилось само здание обители, что вновь делает актуальным вопрос поиска форм его использования в целях популяризации исторического прошлого Акмесджита-Симферополя. Представляется весьма интересным, более того – желательным, воссоздание данного объекта в комплексе с мечетью Ени-Джами.

Список использованных источников и литературы

1. **Акт** от 7 мая 1928 г. о взятии на учет и инвентаризации Бахчисарайским музеем имущества «бывшего текие Накшибенди».
2. **Волошинов И.** Текие Ени-Джами дервишей-молчальников в Симферополе // ИТУАК. – 1918. – № 54. – С. 356–359.
3. **Кричинский А.** Очерки политики российского царизма на окраинах. Ч. 2: К истории борьбы с просвещением и культурой крымских татар. (С приложением секретных документов). – Баку, 1920. – 192 с.
4. **Монастырлы Х. А.** Мечети, текэ (монастыри), духовные лица и праздники у татар // Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Симферополь: Отчет, составленный по поручению педагогического совета Ф. Лашковым. Приложения рисовал А. Архипов. – Симферополь, 1890. – С. 68–73.
5. **Одабаш А.** Акмесджит бала багъчасы // Миллет. – 1919. – Март 16.
6. **Эвлия Челеби.** Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века / пер. и комм. Е. В. Бахревского. – Симферополь, 2008. – 172 с.

Н. Абдульвапов

МЕЧЕТЬ СЕЙИТ-ХАЛИЛЬ ЧЕЛЕБИ

пер. Холмистый, 7

г. Симферополь, пер. Холмистый, 7. Здание мечети Сейит-Халиль Челеби. Фото 2015 г.

Мечеть Сейит-Халиль Челеби (другое название: Токал-Джами) – одна из исторических мечетей, расположенных в старой, «татарской» части города Симферополя, ее координаты: 44 56 466 К – 34 06 367 D. Адрес культового здания неоднократно менялся: 1930 г. – Минаретный пер., 7, перед Великой Отечественной войной (с 1930 г.) – пер. Урманера, 7, в годы фашистской оккупации – вновь Минаретный пер., 7 (по-немецки – Минаретчассе), в послевоенный период и поныне – пер. Холмистый, 7 [7].

Согласно архивным данным, здание мечети Сейит-Халиль Челеби было построено в 1856 г. [2]. Однако в списке Х. Монастырлы из материалов Третьей учебной экскурсии Симферопольской мужской гимназии (1890 г.) указан 1860 г., причем здесь же дан год и по Хиджре – 1276 (соответствует 1859/60 гг.), что дает основание считать эту дату более точной [6, с. 70].

Об инициаторе строительства мечети – Хаджи Сейит-Халиле Челеби – известно, что в 1833 г. он был назначен городским кадием (судьей, до этого он был помощником кадия

– наибом), позже был избран крымским кадиаскером. В 1849 г. Сейит-Халиль Челеби претендовал на должность крымского муфтия, однако избран не был [1, с. 147, 182]. В должности крымского кадиаскера Сейит-Халиль Челеби был и во время Крымской войны, по завершении которой, надо полагать, и начал строительство мечети.

Здание мечети было одноэтажным, зального типа. Основной объем его занимал молельный зал. В северной части здания находился вестибюль или притвор, в южной части молельного зала – *михраб*, в северной – деревянный *махфиль* – балкон, с деревянной внутренней лестницей. Пол и потолок молельного зала были деревянные [7].

В конце XIX в. – нач. XX в. в северо-западном углу здания на средства симферопольской помещицы вдовы капитана Абдураманчикова – Аджид-Шейх Алиме Султан Абдураманчиковой был построен (или же заново возведен) минарет в османском стиле, насчитывавший 72 ступени. О соответствующих планах в свое время было сообщено в газете «Терджиман» за 9 июля 1899 г. (№ 25):

«Аджи Шейх Альме Ханым Абдураманчикова пожертвовала в вакуф мечети Ени-Джами в Симферополе дом, нарочно купленный ею за 1500 р., и поручила кому следует составить план минарета для мечети Аджи Сеит Халиль Эфенди. Благодеяние этой мечети много обязано старанию её имама Бекир Эфенди» [4].

Об Аджи Шейх Алиме Султан Абдураманчиковой известно также, что на ее средства в том же 1899 г. был выкуплен дом для мечети Ени-Джами в Симферополе, а чуть ранее, в 1897 г., был облагорожен азиз – мусульманское «святое» место в окрестностях Симферополя [5].

Мечеть Сейит-Халиль Челеби располагала обширным двором площадью 240 кв. саженей (примерно 1000 кв. м), а также вакуфом, в который входило, в частности, несколько домовладений в непосредственной близости к мечети (ул. Кладбищенская, № 58, 64, 66) [2].

По сведениям газеты «Терджиман», 17 мая 1913 г. именно в мечети квартала (малле) Сейит-Халиля Челеби впервые в Крыму была прочитана проповедь (хутба) не на арабском языке, как было ранее, а на тюркском [3, с. 239]. Это событие было одним из наиболее ранних примеров чтения хутбы на тюркском языке как в России, так и в Османской империи.

Согласно архивным сведениям, в середине 1920-х годов председателем (реис) религиозной общины «Сейит-Халиль Челеби» был Ягья Куртамет (проживавший по адресу: ул. Субхи, 44), секретарем (кятиб) – Сулейман Ягья Кариков (Кантарная, 64), имамом и хатибом – Исмаил Сулейман-оглу Аирчинский, муэдзином – Исмаил Босна, казначеем (*хазинедар*) – Осман эфенди [2].

Мечеть была закрыта на основании постановления Президиума ЦИК Крымской АССР от 25 октября 1931 г., в самый разгар антирелигиозной кампании в СССР. На тот момент здание мечети представляло собой каменное здание двухярусное, крытое черепицей, длиной – 18 аршин, шириной – 12 аршин, высотой – 8 аршин (1 аршин – 0,71 м). В нем было восемь больших и восемь малых окон, имелся коридор длиной 5 аршин и шириной 7 аршин. При мечети был «сарай» («покойницкая»), а также одноэтажное здание бывшей школы, состоявшее из двух комнат и коридора [2].

После закрытия в здании мечети, по некоторым данным, были открыты «Татарские детские ясли 14-й Годовщины Октября», а также мастерские крымскотатарской средней школы-интерната № 12, располагавшейся рядом, на ул. Субхи (ныне ул. Крылова), 60 [7]. В этой связи интересны воспоминания одного из выпускников этой школы – выда-

г. Симферополь, пер. Холмистый, 7. Здание мечети Сейит-Халиль Челеби. Фото 2017 г.

ющего крымскотатарского писателя-романиста Дж. Дагджи: мечеть («Токал-Джами») очень часто проходит в его мемуарах, а также романах «Письма матери» и «Страшные годы» [8; 9; 10].

Минарет мечети Сейит-Халиль Челеби был разрушен в середине 1930-х годов.

Со второй половины 1940-х гг. по 1957 г. в здании мечети размещался штаб радиотехнического полка ПВО Таврического военно-

го округа, позже оно было реконструировано под двухэтажный жилой дом с коридорной планировкой [7]. В настоящее время в нем проживает несколько семей.

Мечеть Сейит-Халиль Челеби является единственным историческим крымскотатарским культовым зданием г. Симферополя, которое до настоящего времени не возвращено мусульманской общине.

Список использованных источников и литературы

1. **Бойцова Е. В., Ганкевич В. Ю., Муратова Э. С., Хайрединова З. З.** Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов. – Симферополь, 2009. – 432 с.
2. **ГАРК**, ф. Р-633, оп. 10, д. 47, 136, 673, 783, 1653.
3. **Керим И. А.** Гаспринскийнинъ «джанлы» тарихы. 1883–1914 сс. – Акъмесджит, 1999. – 408 с.
4. **Листая** «Терджиман» / Сайт Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского. – Режим доступа: <http://old.gasprinskylibrary.ru/razdel-novostei/listaya-terdzhiman/terdzhiman-%E2%80%939-iyulya-1899-%E2%84%9625.html>
5. **Листая** «Терджиман» / Сайт Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского. – Режим доступа: <http://old.gasprinskylibrary.ru/razdel-novostei/listaya-terdzhiman/sevastopol.html>
6. **Монастырлы Х. А.** Мечети, текэ (монастыри), духовные лица и праздники у татар // Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Симферополь: Отчет, составленный по поручению педагогического совета Ф. Лашковым. Приложения рисовал А. Архипов. – Симферополь, 1890. – С. 68–73.
7. **Памятник** архитектуры середины XIX в.: здание бывшей мечети Сейит-Халиль Челеби, г. Симферополь: краткая историческая справка / подг.: В. Гуркович. – Личный архив Абдульвапова Н.
8. **Dağcı С.** Anneme mektuplar. – İstanbul, 1996. – 503 s.
9. **Dağcı С.** Hatıralarda Cengiz Dağcı (Yazarın Kendi Kaleminden). – İstanbul, 1998. – 271 s.
10. **Dağcı С.** Korkunç Yıllar. – İstanbul, 1997. – 228 s.

Н. Абдульвапов, Г. Кондратюк

МЕЧЕТЬ ХАДЖИ СЕЙИТ-НАФЕ

пер. Колодезный, 3

Мечеть «Хаджи Сейит-Нафе» является одной из исторических мечетей Симферополя, находится она в юго-западной части Старого города, ее координаты: 44 56 291 К – 34 06 447 D.

Возведение мечети датируется 1301 г. по Хиджре, что соответствует 1883–1884 г. по григорианскому календарю. О времени строительства мечети свидетельствует хорошо сохранившаяся каменная табличка, расположенная в северо-восточном внешнем углу мечети. Ее текст:

*El-cemâatü rahmetün ve'l-firqatü azâbun
Essese bünyânu hâze'l-Câmî-i şerîf ve
etemmehü*

*el-Hâc es-Seyyid Nâfi bin Mehmed el-Emîn
Efendi fî sene ihdâ ve selâse mie*

*ve elf. Caalallahü ma'mûren ve mübâreken
ilâ yevmü'l-qiyâmet.*

1301

Перевод:

В единении – милость, в разьединенности – страдание! Построил эту благословенную мечеть эль-Хадж эс-Сеййид Нафи,

сын Мехмеда эль-Эмина эфенди в тысяча триста первом году. Да продлит Аллах его благоденствие вплоть до Судного дня. 1301.

Как явствует из текста, мечеть была построена на средства Хаджи Сейит-Нафе, сына Мехмед Эмина эфенди. О личности строителя в настоящее время ничего не известно.

В списке мечетей Х. Монастырлы из отчета «Третьей учебной экскурсии Симферопольской мужской гимназии» (1890 г.) мечеть проходит как «новая мечеть» («Ени-Джума-Джами»), построенная Хаджи-Сеид-Нафе в 1304 г. (1886 г.) [5, с. 70]. Присутствующая здесь дата расходится с той, что указана на каменной табличке, и должна быть признана неверной.

Архивные сведения, касающиеся истории функционирования мечети и известные в настоящее время, относятся к периоду 1920–1930-х годов. В эти годы в СССР, как известно, проходила антирелигиозная кампания, не обошедшая стороной и симферопольскую мечеть Хаджи Сейит-Нафе.

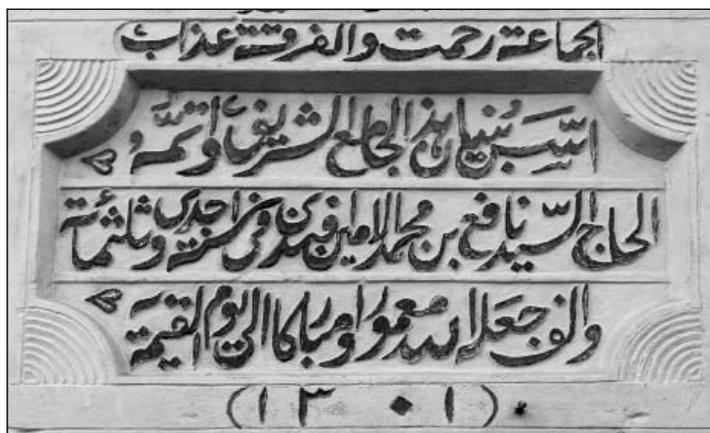
Так, в 1922 г. в церковный отдел при административном отделе НКВД Крымской ССР обратилась группа прихожан («церковная двадцатка») мечети Хаджи Сейит-Нафе с просьбой о передаче им в аренду здания мечети. Указанные прихожане проживали в переулке Колодезном, на улицах Артиллерийской и Инвалидной, Кладбищенской и Курцовской [1, л. 1]. Согласно учётной карточке недвижимого имущества, мечеть Хаджи Сейит-Нафе представляла собой двухэтажное здание, по-

строенное из камня. Параметры её составляли 5 сажень в длину, 3 сажени в ширину и 4 – в высоту. Пол и потолок мечети были деревянными. На первом и втором этажах насчитывалось по восемь окон. В мечеть вёл коридор с двумя окнами. Минарет также был построен из камня. В небольшом дворике перед мечетью росло пять деревьев [там же, л. 3]. Внутреннее убранство мечети состояло из пяти ковров и двух войлоков, шести подсвечников и хрустальной электрической люстры [там же, л. 6].

Муллой мечети в это время был Ниметулла Бекир-эфенди [2, л. 14]. Он родился в 1880 г. в деревне Биюк-Озенбаш Ялтинского уезда. Получил образование в симферопольском медресе. До 1914 г. работал учителем в деревне Джага-Мемиш и служил при местной мечети, после Февральской революции 1917 г. был учителем в деревне Сарайлы-Кият и, одновременно, местным имамом.

После революционных событий конца 1917 г. Ниметулла Бекир оставил учительствование и работал только лишь муллой. В 1919 г. он был избран имамом мечети Хаджи Сейит-Нафе в Симферополе.

Ниметулла Бекир владел

Надпись мечети Хаджи Сейит-Нафе. 2014 г.

домом в Симферополе на улице Курцовской, 5. Органами государственного страхования данный дом был оценен в 2440 рублей. Также он имел корову и семь голов овец общей стоимостью девять тысяч рублей. В отличие от других священнослужителей, Ниметулла Бекир получал заработную плату в 1000 рублей [там же].

В Государственном архиве Республики Крым имеются также сведения о председателе общины при мечети Хаджи Сейит-Нафе в этот период – Велиулле Эмире Сале [там же, л. 24]. Он родился 1 мая 1894 г. в деревне Аджи-Кеч Перекопского уезда. Систематического образования не по-

2. Симферополь. Мечеть Хаджи Сейит-Нафе. Фото 2017 г.

Внутренний интерьер мечети Хаджи Сейит-Нафе. Фото 2017 г.

лучил, занимался крестьянским трудом. Владел домом в Симферополе на улице Татарской, 33, оцененным в 12 000 рублей. Данный дом был приобретён Велиуллой Эмиром Сале после 1919 г., когда он переехал в Симферополь для ведения торговли.

Ближайшие родственники Велиуллы Эмира Сале проживали также в Симферополе, в доме на улице Курцовой, 15 [там же, л. 24].

Согласно архивным материалам за 1929 г., в том году мечеть Хаджи Сейит-Нафе числилась как «ликвидированная» [3]. Однако в документах, датированных 1934 г., она проходит как «функционирующая» [4]. В «Списке служащих религиозных культов, привлеченных к обложению налогом за 1933–1934 год» присутствует также имя вышеуказанного муллы данной мечети – Ниметуллы Бекира, проживавшего по адресу Курцовская, 5 [там же].

Мечеть Хаджи Сейит-Нафе была закрыта в 1936 году. В последующем ее здание использовалось для хозяйственных нужд.

С возвращением крымских татар на историческую родину здание мечети Хаджи Сейит-Нафе было возвращено мусульманской религиозной общине. В 1998–1999 гг. здесь был произведен ремонт. В настоящее

г. Симферополь. Каменная табличка с надписью на северо-восточной стене мечети Хаджи Сейит-Нафе. 70-е гг. XX в.

Внутренний интерьер мечети Ха джи Сейит-Нафе. Фото 2017 г.

время здание мечети представляет собой прямоугольное строение, вытянутое с севера на юг (по направлению к *кибле*), его размеры – 12,69 х 8,43 м, толщина стен – 0,8 м, высота потолка – 4,83 м.

Согласно Постановлению Совета мини-

стров Крыма от 14.12.1992 г. № 261, здание мечети Хаджи Сейит-Нафе является памятником архитектуры и градостроительства г. Симферополя под учетным номером 4706-АР.

Список использованных источников и литературы

1. ГАРК, ф. Р-663, оп. 10, д. 48, л. 1, 3, 6.
2. ГАРК, ф. Р-663, оп. 10, д. 794, л. 14, 24.
3. ГАРК, ф. Р-663, оп. 10, д. 1729.
4. ГАРК, ф. Р-663, оп. 18, д. 46.
5. **Монастырлы Х. А.** Мечети, текэ (монастыри), духовные лица и праздники у татар // Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Симферополь: Отчет, составленный по поручению педагогического совета Ф. Лашковым. Приложения рисовал А. Архипов. – Симферополь, 1890. – С. 68–73.

Н. Абдульвапов, Г. Кондратюк

МЕЧЕТЬ СЕЙИТ-СЕТТАР ЧЕЛЕБИ

(старое здание мечети было снесено в 2014 г.,
на его месте в 2015–2016 гг. возведено новое здание)

ул. Клары Цеткин, 34

Мечеть Сейит-Сеттар Челеби (старое и новое здания).

Мечеть исторического квартала г. Симферополя – Сейит-Сеттар Челеби расположена в западной части Старого города, ее координаты 44 56 348 К – 34 06 000 D. Современное здание мечети было построено в 2014–2016 гг., до этого на этом месте располагалась мечеть, построенная в 1849–1850 гг. Симферопольским городским головой, купцом Сейит-Сеттаром Челеби.

В материалах Государственного архива Республики Крым присутствуют некоторые биографические сведения, касающиеся личности Сейит-Сеттара Челеби. Родился он в 1789 г. в семье Умера Челеби. 27 апреля 1825 г. был причислен к третьей гильдии купцов. В Симферополе имел дом, постоянный двор, магазин, две лавки, в Алуште – фруктовый сад до 10 десятин (10 га). Был женат на Абибе Ханым, вместе они воспитывали приемного сына Мираса Зеврий-оглу (своих детей не было). 22 декабря 1832 г. на общегородских выборах Сейит-Сеттар Челеби был избран симферопольским городским головой сроком на три года. 20 февраля 1833 г. он был утвержден в долж-

ности. После этого Сейит-Сеттар Челеби по меньшей мере дважды, в 1835 и 1838 гг., избирался головой Симферополя [1].

Судя по всему, в течение и последующих более десяти лет Сейит-Сеттар Челеби оставался в должности градоначальника Симферополя. Об этом, в частности, свидетельствуют листы по случаю награждения «головы Симферополя» двумя золотыми медалями в 1843 и 1846 гг., а также факт строительства им мечети в 1849–1850 гг., будучи в статусе Симферопольского головы (см. ниже).

О строительстве Сейит-Сеттаром Челеби мечети в Симферополе имеются достаточно подробные архивные сведения, позволяющие, в том числе, проследить процесс расширения города за счет появления новых жилых кварталов – *маалле*. Согласно этим сведениям, 19 мая 1849 г. состоялся сход жителей квартала «Кады-маалле», на котором был заслушан вопрос о строительстве будущей мечети Сейит-Сеттара Челеби и принято следующее решение: «Мы... жители города Симферополя, мещане и

вновь поселившиеся в оном прихожане, принадлежащие к приходу Кады маалле, имели рассуждение, что состоящая в том приходе мечеть по малому пространству не может вмещать в себе более двухсот душ, следовательно, большая часть прихожан, по малости мечети остаются без исполнения молитв. Видя таковое стеснительное положение наше, Симферопольский 3-й гильдии купец Сеит Сеттар Челеби изъявил желание с согласия нашего выстроить в нашем приходе на собственном ему принадлежащем <...> месте новую мечеть на собственный счет, по плану и фасаду <...> утвержденному, и украсить внутренность ее прилично, починку каковой также обязался принять на себя он Сеит Сеттар Челеби, а по смерти его должны таковую производить его наследники <...> мы принимаем на себя:

1. содержание духовных причетников новой мечети;

2. постановлением учредить новый приход, наименовав его «Сеит Сеттар Челеби маалле»;

3. выбор новых причетников учинить по окончании постройки мечети ...» [там же].

Принятое решение было подписано 215 прихожанами и вручено Сейит-Сеттару Челеби.

27 мая 1849 г. Таврическое магометанское духовное правление, рассмотрев и

одоблив решение прихожан квартала «Кады-маалле» и «прошение Симферопольского городского головы 3-й гильдии купца Сеита Сеттара Челеби», направило ходатайство о разрешении постройки новой мечети в губернское правление.

6 июля 1849 г. губернское правление, рассмотрев ходатайство Таврического магометанского духовного правления, решение схода прихожан и прошение Сейит-Сеттара Челеби, постановило представить план места строительства, архитектурный план культового сооружения и отправило запрос в Херсонскую духовную консисторию с просьбой уведомить, «не имеется ли каких-либо препятствий на дозволение постройки в городе Симферополе, Симферопольскому 3-й гильдии купцу Сеиту Сеттару Челеби новой мечети на собственном его месте и на его счет <...>» [там же].

27 июля 1849 г. Таврическое магометанское духовное правление направило в губернское правление необходимые планы места и фасада здания.

Все согласования были получены лишь год спустя. 22 июля 1850 г. Херсонская духовная консистория уведомила губернское правление, что «со стороны Епархиального начальства препятствий к постройке купцу Челеби новой мечети в городе Симферополе, не имеется».

2. Симферополь. Мечеть Сейит-Сеттар Челеби (старое здание).

г. Симферополь. Внутренний интерьер мечети Сейит-Сеттар Челеби (старое здание).

9 августа 1850 г. губернское правление приняло постановление: «<...> дозволить Симферопольскому купцу Сеиту Сеттару Челеби постройку новой мечети в г. Симферополе на собственный его счет с учреждением особого прихода, наименовав оный «Сейт Сеттар Челеби» <...>» [там же].

На основании этих материалов можно сделать следующие выводы. Во-первых, в середине XIX в. в Симферополе возник новый квартал – маалле, сформировавшийся вокруг нововозведенной городской мечети. Во-вторых, новая мечеть была построена в 1849-50 гг. головой Симферополя тех лет Сейит-Сеттаром Челеби, вследствие чего соответствующий квартал был назван его именем – «Сейит-Сеттар мааллеси» (данное название сохраняется и поныне). В-третьих, новый квартал расположился западнее квартала Кады-маалле (ядром этого квартала была ул. Кадиаскерская – ныне Краснознаменная; его мечеть – «Кады-маалле джамиси» – продолжала существовать, по меньшей мере, до 1930-х гг.), т. е. на еще большем удалении от городского исторического центра, что привело к расширению границ города в указанном направлении.

В списке мечетей Х. А. Монастырлы из «Отчета» Третьей учебной экскурсии Симферопольской мужской гимназии (1890 г.) мечеть Сейит-Сеттар Челеби проходит как «Акмечеть или же Белая мечеть», указано, что построена она была в «Кантарной части» города. Ул. Кантарная (ныне ул. Чехова) перпендикулярна ул. Софиевской (ныне ул. Клары Цеткин), на которой расположена мечеть. Год указан – 1255-й по хиджре, что вызывает сомнение, поскольку данный год соответствует 1839/40 гг. по григорианскому летосчислению. Однако рядом с датой по хиджре, в скобках дан год строительства и по григорианскому календарю – 1849-й, что позволяет думать о простой описке и необходимости исправления «1255» на «1265». Об устройте сказано, что он был в те годы головой Симферополя. Здесь же присутствует указание, что хатипом мечети на тот момент был Г. Наиров, состоявший одновременно «преподавателем Корана» в Симферопольской мужской гимназии (для учащихся которой и проводилась экскурсия) [7, с. 70].

Добавим, что участники экскурсии посетили данную мечеть, в ее дворе фото-

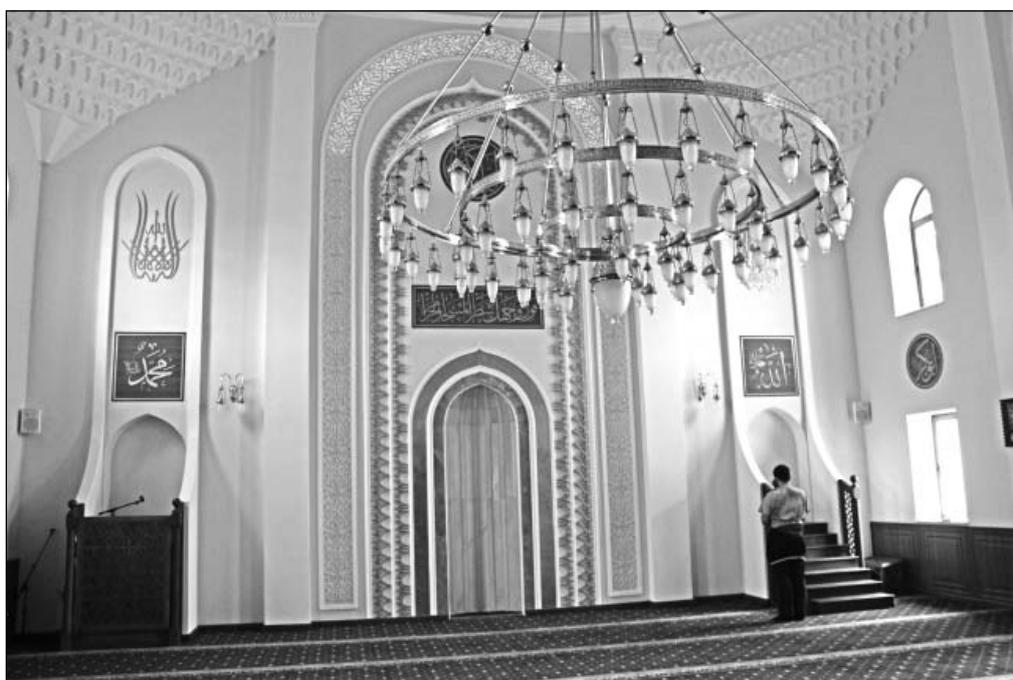
Макет нового здания мечети квартала Сейит-Сеттар Челеби в Симферополе.

графами-любителями Х. А. Монастырлы и М. М. Кажаровым был сделан их общий фотоснимок [там же, с. 79].

Согласно архивным материалам, в 1891 г. прихожанами мечети были жители 130 близлежащих дворов, мечеть имела вакуфный капитал в размере 1157 р. 78 к., процентами от которого пользовались хатип и имам (предстоятель) мечети [1].

В 1896 г. мечеть была отремонтирована, на что было затрачено свыше 2 000 рублей.

После установления Советской власти, 7 октября 1922 г. мечеть Сейит-Сеттар Челеби (адрес на тот момент: ул. Софиевская, 34) была «передана в пользование» мусульманской общине – путем заключения договора о принятии мечети в аренду т. н. «церковной двадцаткой» [4, л. 7]. В учётной карточке недвижимого имущества мечеть Сейит-Сеттар Челеби характеризовалась следующими параметрами: здание каменное, одноэтажное, площадью

Внутренний интерьер мечети Сейит-Сеттар Челеби (новое здание). Фото 2018 г.

г. Симферополь. Медресе при мечети Сейит-Сеттар Челеби. Фото 2018 г.

Внутренний интерьер мечети Сейит-Сеттар Челеби (новое здание). Фото 2018 г.

260 куб. сажень; пол каменный, потолок деревянный; внешние размеры: длина 26 арш. (около 18,5 м), ширина – 14 арш. (около 10 м), внутренние размеры: длина – 24 арш. (около 17 м), ширина – 12 арш. (около 8,5 м). В документе отмечалось, что здание «состоит из залы с сенями и галереи». Перед мечетью была открытая веранда площадью в $38 \frac{1}{4}$ кв. сажень, во дворе – каменный домик для сторожа, состоящий из 1 комнаты с кухней.

Опись движимого имущества содержала отметку о наличии в мечети десяти экземпляров Корана, из которых два были рукописными. Документ отмечает также наличие нескольких персидских, турецких, закавказских и текинских ковров, нескольких шерстяных московских ковров, молитвенных ковриков [4, л. 4].

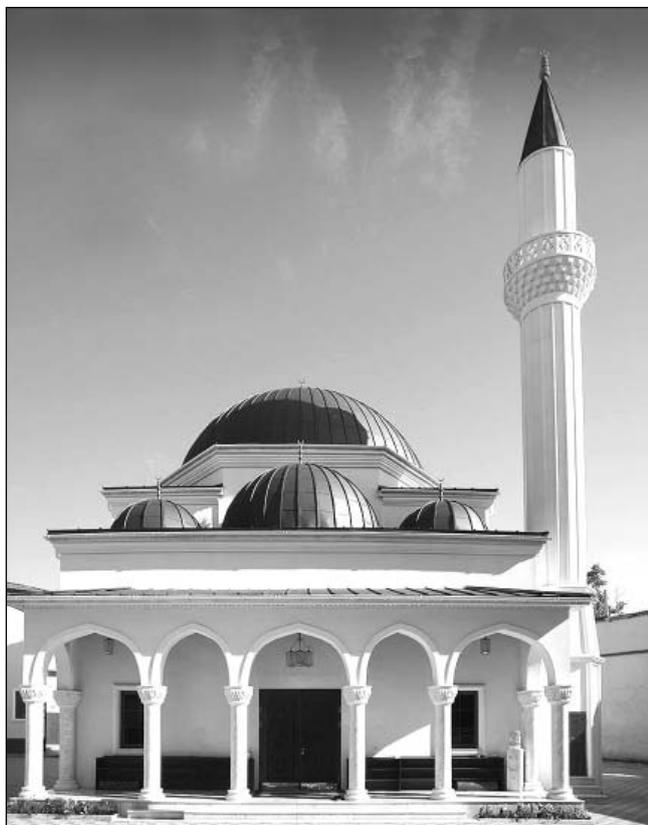
По архивным материалам 1929 г., мечеть считалась одной из восьми ликвидированных симферопольских мечетей. Тем не менее к 1 марта 1931 г. мечеть и религиозная община вновь прошли перерегистрацию. То же самое произошло и спустя три года – к концу 1934 г. мечеть числилась среди функционирующих (уже по адресу: ул. Клары Цеткин, 34). В эти годы

муллой и хатипом мечети был Аджи Муслиятдин эфенди.

В 1936 г. мечеть Сейит-Сеттар Челеби была закрыта, одноименная религиозная община – ликвидирована.

С началом процесса возвращения крымских татар на историческую родину, в начале 1990-х гг. здание мечети Сейит-Сеттар Челеби было возвращено воссозданной мусульманской общине «Сейит Сеттар» и открыто для богослужения. В 1992–1993 гг. мечеть была отреставрирована на средства Духовного управления Турции.

Однако спустя два десятилетия, в начале 2010-х гг. было принято решение о сносе старого здания мечети «Сейит-Сеттар Челеби» и возведении на его месте нового. Был выбран проект классического османского стиля, строительство вела турецкая фирма «Иншат». В 2014–2016 гг. новое здание мечети было построено и в сентябре 2016 г. торжественно открыто для верующих. Помимо самой мечети, рядом с ней было построено и здание медресе.

г. Симферополь. Мечеть Сейит-Сеттар Челеби (новое здание). Фото 2018 г.

Список использованных источников и литературы

1. **Абдуллаев И.** Сеит Сеттар Челеби – купец, мэр и меценат // *Голос Крыма*. – 2013. – 15 ноября.
2. **ГАРК**, ф. 27, оп. 1, д. 8314, л. 50–51, 56.
3. **ГАРК**, ф. 27, оп. 13, д. 2385, л. 5, 20.
4. **ГАРК**, ф. Р-663, оп. 10, д. 50, л. 1, 4, 7.
5. **ГАРК**, ф. Р-663, оп. 18, д. 37, л. 6.
6. **ГАРК**, ф. Р-663, оп. 18, д. 46, л. 112, 115, 116.
7. **Монастырлы Х. А.** Мечети, текэ (монастыри), духовные лица и праздники у татар // Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Симферополь: Отчет, составленный по поручению Педагогического совета Ф. Лашковым. Приложения рисовал А. Архипов. – Симферополь, 1890. – С. 68–73.

Н. Абдульвапов

МЕЧЕТЬ «ЧОКУРЧА ДЖАМИСИ»

ул. Луговая, 44

Мечеть «Чокурча джамиси» расположена в симферопольском микрорайоне Луговое, до депортации крымских татар в 1944 г. бывшем отдельным сельским населенным пунктом – дер. Чокурча. Координаты мечети: 44 57 548 К – 34 08 546 D.

По некоторым сведениям, здание мечети было построено в середине XVIII века. В 1810 и 1875 гг. перестраивалось местной общиной.

В первые годы Советской власти право мусульман с. Чокурча пользоваться мечетью было подтверждено: 3 марта 1925 г. культовое здание было передано общине. На тот момент здание мечети представляло собой прочную постройку длиной 6 саж. (примерно 12,5 м), шириной 2,5 саж. (около 5,5 м) и высотой 1 ½ саж. (чуть более 3 м). Построено оно было из бутового камня на глине, покрыто черепицей, имело 9 окон, 3 двери, 2 сеней. При мечети имелся минарет.

Однако через несколько лет ситуация кардинально изменилась. 23 февраля 1930 г., в самый разгар артирелигиозной кампании в СССР, на заседании Президиума Симферопольского райисполкома было принято стандартное для тех времен (в отношении культовых объектов) решение: «...ввиду отказа верующих от использования мечети, договор расторгнуть, мечеть закрыть, здание передать под культурные нужды».

Данное решение было утверждено вышестоящими органами: 3 марта 1930 г. постановлением ЦИК Крымской АССР мечеть «Чокурча джамиси» была ликвидирована, ее здание было передано в качестве клуба местной артели «Гуль».

После насильственного выселения крымских татар в 1944 г. здание бывшей мечети дер. Чокурча было перестроено в магазин, позже здесь был открыт бар с дискотеккой.

С началом возвращения крымских та-

Мечеть «Чокурча джамиси». Внутренний интерьер. Фото 2017 г.

тар на историческую родину, в 1990-х гг. здание мечети было возвращено мусульманской общине. В 1998 г. здесь были проведены реставрационные работы, восстановлен минарет. Ныне мечеть открыта для верующих.

Список использованных источников и литературы

1. ГАРК, ф. Р-663, оп. 10, дд. 815, 915, 1017.
2. ГАРК, ф. 27, оп. 1, д. 8314, лл. 165–166, 182.
3. ГАРК, ф. Р-663, оп. 10, д. 929, лл. 3–4, 6, 10.
4. ГАРК, ф. Р-663, оп. 10, д. 1287, лл. 10–13, 16.
5. ГАРК, ф. Р-663, оп. 10, д. 1031, лл. 1–3.

Н. Абдульвапов

Мечеть «Чокурча джамиси». Табличка при входе. Фото 2017 г.

Мечеть «Чокурча джамиси». Внутренний интерьер. Фото 2017 г.

ТАВРИЧЕСКОЕ МАГОМЕТАНСКОЕ ДУХОВНОЕ ПРАВЛЕНИЕ.

Временный крымско-мусульманский исполнительный комитет (1917 г.). Крымскотатарская директория (1917–1919).

Редакции газет «Миллет» (1917–1920 гг.), «Крым»,
журнала «Янъы Чолпан». Татарский отдел Народного
Комиссариата просвещения Крымской АССР (20-е гг. XX в.),
Татарский клуб. Библиотека (20–30-е гг. XX в.)
ул. Чехова, 20

Здание, расположенное в Симферополе по адресу ул. Чехова, 20, является свидетелем целого ряда значительных событий крымскотатарской общественно-политической и культурной истории первой трети XX века. С ним связаны биографии таких знаковых личностей крымской истории, как Н. Челебиджихан, Дж. Сейдамет, А. С. Айвазов, Б. Чобан-заде и др.

В 1794 г. императрицей Екатериной II было обнародовано постановление «О бытии в Таврической области Магометанскому духовному правлению под председательством Муфтия». Этим указом были продолжены полномочия главного религиозного авторитета мусульман Крыма – крымского муфтия. Позже офис муфтия был перенесен из быв-

шей столицы Крымского ханства – Бахчисарая – в Симферополь.

В самом конце XIX в. правление Таврического муфтия разместилось в новом здании по адресу ул. Кантарная, 20. Согласно архивным сведениям, данное здание было построено приблизительно в 1895 году. В 1898 г. оно, согласно «императорскому разрешению» на ходатайство и. о. Таврического муфтия, было выкуплено для нужд Таврического магометанского духовного правления у симферопольского купца Г. Э. Апелова. Адрес дома на тот момент был: 3-я часть г. Симферополя, угол ул. Старопочтовой и Кантарной, № 94/20. При покупке здания были использованы суммы, образовавшиеся от доходов с вакуфных земель упраздненных

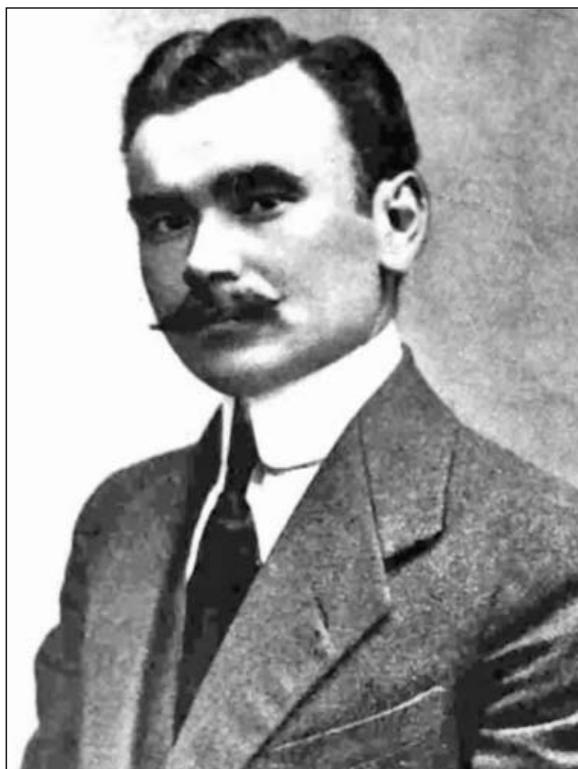
мечетей. Дом состоял из трех корпусов, два из которых были связаны между собой «комнатной шейкой», общая площадь двора составляла 178 квадратных саженей, т. е. около 800 кв. м. В последующем, в период с 1900 по 1914 гг. в здании были произведены переустройство, капитальный и текущий ремонты [4].

Наиболее важными событиями, в центре которых оказался дом на ул. Кантарной, 20, оказались события периода 1917–1920-х годов. После Февральской революции 1917 г. в общественно-политической жизни России произошли кардинальные изменения. Крымские татары также не остались в стороне от процессов значительной демократизации общества. 25 марта (7 апреля по новому стилю) в Симферополе состоялся Съезд мусульман Крыма, в котором приняли участие 1500 делегатов со всего Крыма и около 500 приглашенных гостей. В подготовке и проведении Съезда активную роль сыграли известные представители крымскотатарского национального движения: С.-Дж. Хаттатов (был избран председателем съезда), А. Баданинский, А. С. Айвазов, А. Ильми и др. Форум стал первым собранием такого уровня и массовости как среди крымских татар, так и среди мусульман России в целом.

Одним из результатов работы Съезда мусульман Крыма стало всенародное избрание и. о. Таврического муфтия, который на тот момент был главой не только собственно мусульман Крыма, но и всей европейской части России (Белоруссии, Польши и Литвы). Единогласно на эту должность был избран Н. Челебиджихан, к этому времени уже получивший известность среди населения Крыма как своей активной общественно-политической позицией, так и глубокими богословскими знаниями.

Одновременно с выборами муфтия на съезде прошли выборы еще на одну чрезвычайно важную должность, связанную с жизнью мусульман Крыма, – председателя Вакуфной комиссии. Им стал ближайший соратник Н. Челебиджихана – Дж. Сейдамет, несмотря на свою молодость, уже снискавший любовь и уважение народа.

Помимо этого, на съезде были рассмотрены многочисленные вопросы общественно-политической и культурной жизни крымских татар. Для координации последующей работы

Номан Челебиджихан (1885–1918)

съезд избрал Временный крымско-мусульманский исполнительный комитет в составе 48 человек. Помимо членов Таврического магометанского духовного правления, членами Комитета стали наиболее авторитетные представители народа, такие как С.-Дж. Хаттатов, Х. Чапчакчи, А. Баданинский, У. Боданинский, А. Озенбашлы, А. Ильми, И. Тарпи, О. Акчокраклы, И. Леманов, Б. Одабаш, А. Шукри, С.-О. Таракчи, А. Сюкюти и др.

В середине апреля 1917 г. Н. Челебиджихан в качестве и. о. Таврического муфтия вселился в здание на ул. Кантарной, 20. Здесь же располагался офис и председателя Вакуфной комиссии, его занял Дж. Сейдамет. (Данные события достаточно подробно описаны в книге мемуаров Дж. Сейдамета – «Некоторые воспоминания» [9].)

На первом заседании Временного крымско-мусульманского исполнительного комитета (в правлении Таврического муфтия на ул. Кантарной, 20) был избран его председатель. Им, опять же по единогласному решению, стал Н. Челебиджихан. В тот же день были созданы также несколько комиссий,

*Н. Челебиджихан,
С. Хаттагов,
А. С. Айвазов и
Дж. Сейдамет
в Ханском дворце,
у «Железных ворот»
Менгли I Герая.
Бахчисарай. 1917 г.*

которые сразу же принялись за разработку программ своей деятельности.

В дальнейшем дом на Кантарной, 20, стал штабом практически всех важнейших крымскотатарских начинаний бурного 1917 года. Именно здесь готовились, обсуждались, принимались решения, касавшиеся всего спектра проблем крымскотатарского народа. Стены этого дома стали свидетелями стремительного роста и эволюции

Али Баданинский (1865–1920)

крымскотатарского национального движения, в кратчайший срок прошедшего три этапа своего развития – от требований культурной, позже – территориальной автономии в составе обновленной Российской Федерации до идеи независимой Крымской Народной Республики.

Уже в первые недели после начала работы Мусисполкома, к концу апреля, были созданы 124 его филиала – городские, уездные и волостные национальные комитеты. В этой работе приняло участие значительное число крымских татар, активно включившихся в общественно-политическую жизнь Крыма под руководством своих, впервые всенародно выбранных лидеров. Кульминацией этих событий стало проведение в ноябре – декабре 1917 г. в Бахчисарае I Курултая крымскотатарского народа, принявшего текст крымскотатарских «Основных законов» (Конституции), избравшего Национальное правительство во главе с Н. Челебиджиханом и объявившего о создании Национального парламента (Директории) на основе депутатского корпуса Курултая. Помимо этого, Курултай обнародовал свое видение будущего полуострова – как Крымской Народной Республики, как наиболее оптимальной формы устройства государственной жизни для всего населения многонационального Крыма.

После завершения работы Курултая его лидеры, в том числе члены новоизбранного Национального правительства – Директории, вновь вернулись в Симферополь, в здание на ул. Кантарной, 20, которое продолжило исполнять свою функцию главного очага общественно-политической и культурной жизни крымских татар.

Правая часть дома на ул. Кантарной, 20 (3-й корпус), где, предположительно, располагался офис Вакуфной комиссии. Фото 2014 г.

Редакции газет «Миллет» («Нация») и «Крым». С осени 1918 г. в здании бывшего Таврического магометанского правления, а ныне Крымскотатарской Директории располагались редакции ряда крымскотатарских периодических изданий. Так, в сентябре 1918 г. ряд помещений здания был занят коллективом издательства газеты «Миллет» («Нация»). Данное издание было основано в июне 1917 г. (в первое время располагалось в пер. Театральном, рядом с ул. А. Пушкина) и служило печатным органом вначале Крымского Центрального Мусульманского Временного крымско-мусульманского исполнительного комитета, позже – Крымскотатарской Директории. Первым редактором газеты (в 1917–1919 гг.) был выдающийся крымскотатарский общественно-политический деятель, сопредседатель I Курултая, писатель и публицист А. С. Айвазов. В заключительный период издания газеты (с сентября 1919 г. по февраль 1920 г.) его редактором был известный крымскотатарский этнограф и фольклорист О. Мурсов, помимо этого, временное редактирование в разные периоды осуществляли Дж. Сейдамет, А. Озенбашлы и А. Ляtif-заде. С 1917 по 1920 гг. было выпущено около 500 номеров газеты (чуть более 400 под

редакцией А. С. Айвазова и около 80 – О. Мурсова), основной целью издания была популяризация идей крымскотатарского национального движения. В Государственном архиве Республики Крым сохранился практически полный комплект газеты «Миллет». Издание выходило в ежедневном режиме, форматом А3, на четырех полосах, на крымскотатарском языке в арабской графике [8, с. 47]. С редакцией сотрудничали очень многие деятели крымскотатарской интеллигенции тех лет, на страницах газеты публиковались публицистические, художественно-литературные, исторические, литературоведческие и другие материалы А. С. Айвазова, Н. Челебиджихана, Дж. Сейдамета, А. Одабаша, Дж. Керменчикли, О. Мурсова, О. Акчокраклы,

Логотип газеты «Голос Татар» – крымскотатарского русскоязычного печатного органа Временного крымско-мусульманского исполнительного комитета. (Номер за 9 сентября 1917 г.)

Логотип газеты «Миллет» (1917–1920 гг.)

А. Кадри-заде, М. Рефатова, Э. Фейзи и многих других известных авторов.

Несмотря на весьма непродолжительную историю издания, газета «Миллет», особенно в период редакторства А. С. Айвазова (1917–1919 гг.), вписала ярчайшие страницы в историю крымскотатарской общественно-политической мысли, печати и публицистики.

В октябре 1918 г. в здание на Кантарной, 20, переехала редакция еще одного крымскотатарского издания – русскоязычной газеты «Крым», позиционировавшей себя как «общественно-политическая и литературная газета, выходившая в г. Симферополе при непосредственном участии членов Крымскотатарского Парламента» [там же, с. 48]. Данная газета издавалась с 10 мая 1918 г., редактировал ее известный крымскотатарский общественный деятель, доктор по образованию Сеитхалил Чапчакчи. Характерной чертой общественно-политической позиции газеты стала ее антибольшевистская направленность: авторы открыто выступали против «красного террора», осуждая совершенные в 1918 г. преступления большевиков. Выпуск газеты «Крым» был своеобразной общественной реакцией на произведенные массовые расправы, протестом против кровавых методов новой власти [там же, с. 49].

Татарское отделение Наркомпроса Крымской АССР. Журнал «Янъы Чолпан» («Новая Венера»). В 20–30-е гг. XX в. здание на ул. Кантарной, 20, продолжало служить нуждам крымскотатарского образования и культуры. Так, в первой половине 20-х го-

дов в нем располагалось Татарское отделение Народного комиссариата просвещения Крымской АССР. Его главой в этот период (до отъезда в Баку весной 1925 г.) был выдающийся крымскотатарский ученый и поэт Бекир Чобан-заде. В эти же годы он, одновременно, избирался членом ЦИК Крымской АССР, преподавал в Таврическом университете, в Симферопольском педучилище для девушек – Дарульмуаллимате, в Крымской татарском (Тотайкойском) педтехникуме.

В марте 1923 г. вышел первый номер нового крымскотатарского издания – журнала «Янъы Чолпан» («Новая Венера»), редакция которого также расположилась в здании на ул. Кантарной, 20. В реквизитах журнала «ответственным руководителем» указан известный публицист и критик Мамут Недим, а редколлегией – «совет писателей». Это был «ежемесячный политический, экономический, общественный и научно-литературный журнал». Цель его издания редакционным советом разъяснялась следующим образом: «Крымскотатарские крестьяне и рабочие, не вполне осознавая свои официальные и формальные права, не пользуются возможностями национальной автономии. «Янъы Чолпан» будет помогать возрождать государственность в сознании масс. Журнал намерен усердно работать над развитием родного языка и литературы. Несмотря на тяжелейшие материальные условия, голод и разруху, «Янъы Чолпан» будет продолжать издаваться и распространяться до самых глубоких деревень Крыма и освещать простым труженикам путь к знаниям и высокой культуре» [5, с. 455–456].

Объем журнала в среднем составлял 80 страниц. В нем публиковались произведения А. Ильми (Алтайлы), Б. Чобан-заде, М. Недима, А. Герайбая, Ш. Бекторе, У. Ипчи (Алкедай), А. Одабаша, Я. Байбуртлы, Дж. Кендже, И. Тархана, А. Лятиф-заде, Дж. Нуширвановой, Э. Азизовой, И. Ибраимова, А. Гралова и др. [там же, с. 456].

Татарский клуб. Еще одним крымскотатарским культурным учреждением, для которого стал пристанищем дом на Кантарной, 20, стал Татарский клуб. Он был открыт 1 января 1923 г. и стал одним из очагов общественной

и культурной жизни крымских татар, прежде всего молодежи, как столицы Крыма, так и всего Крыма [7, с. 88]. В этом клубе, в частности, проводились лекции и другие культурно-просветительские мероприятия с участием наиболее известных деятелей крымскотатарской науки и культуры того времени. Данные мероприятия широко освещались на страницах крымской печати.

Так, 26 марта 1927 г. в помещении Татарского клуба состоялось учредительное собрание Союза крымскотатарских писателей, инициированное правлением журнала «Илери» [6, с. 99]. 27 марта 1927 г. здесь же прошла лекция известного крымскотатарского искусствоведа и этнографа, первого директора Бахчисарайского дворца-музея Усеина Боданинского, посвященная истории крымскотатарского искусства [там же, с. 99]. 7 сентября 1927 г. в помещении клуба, на очередном заседании Союза крымскотатарских писателей был заслушан доклад выдающегося крымскотатарского ученого и поэта Б. Чобан-заде (в это время уже жившего и преподававшего в Баку) – «О новейшем периоде крымскотатарской литературы». По сообщению газеты «Еньи дюнья» от 9 сентября, данный доклад вызвал огромный интерес – зал был полон до отказа [там же, с. 149]. Через год его текст был опубликован отдельным изданием.

Татарский клуб на ул. Кантарной, 20, располагал обширной библиотекой, насчитывавшей на момент открытия (к 1 января 1923 г.) 15 тысяч книг на русском и крымскотатарском языках [7, с. 88]. Посетителями и читателями этой библиотеки были в первую очередь многочисленные учащиеся и студенты различных учебных заведений Симферополя. Одним из них был начинающий поэт, на тот момент студент Крымского пединститута, а в будущем выдающийся крымскотатарский писатель-романист – Дж. Дагджи. Спустя десятилетия он напишет о посещениях библиотеки на ул. Кантарной в своих воспоминаниях.

Помимо библиотеки, в Татарском клубе работали различные кружки и секции. Также с 1928 г. здесь проходили репетиции коллектива театральной студии, открытой при Крымском государственном татарском драматическом театре (функционировал на базе Крымского драматического театра им. А. М. Горького).

Татарский клуб работал, судя по всему, до самой Великой Отечественной войны, поскольку и после войны в части его помещений продолжала

Б. Чобан-заде (1893–1937)

بیرلشکونون توندا ایشچیلری! فوق العاده نسخه

یاغنی چولپان

صافی ۱ آیدا بیر کوره چیقار مارتن - ۱۹۲۳

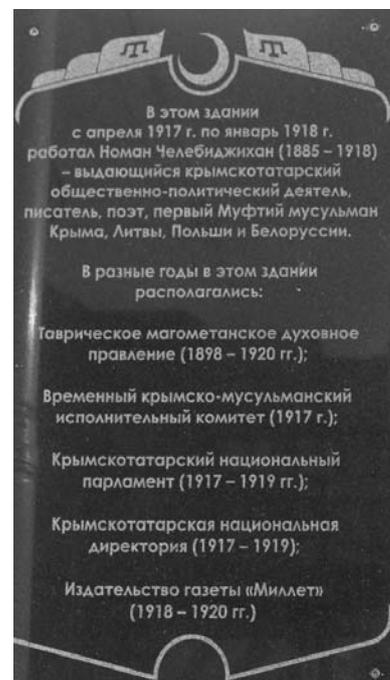
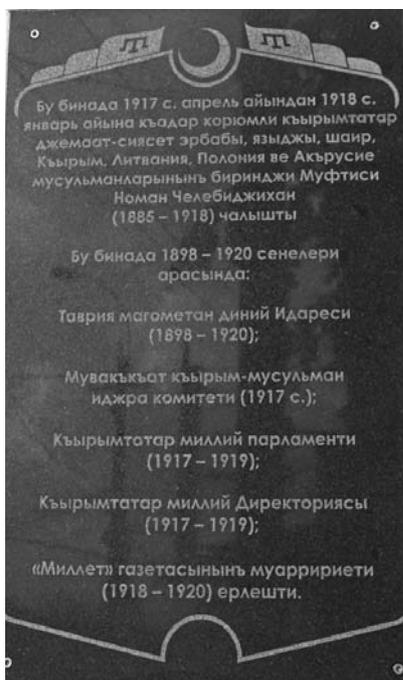
ادبی، سیاسی، اقتصادی، علمی، اجتماعی و تربیوی ژورنال

مندرجات

۱۰ کی چولپان ما غلمی	جنت تبریز	کوردسک	سیاسی قلم
قارینا	ایروان قلمی	تورک و انسی قییلار	دولت
شوی	جوزاق	سکندر کتلی	دولت
کدام		نیکس کرم سوزملا کولی و اشعور - مرام	
نورال		یوردنه جنت سیاسی و ادبی سوزملا - علی	
مرد		کولی و انسی قور کوردسک	چولپان قوش
مطابقون		روک و انسی قییلار	
سیرجیلان قوش		مطابق و قور سوزملا	
غریب آرزو		نیکس قور سوزملا قور زوفاقلا علی	
نورال باغوسه		علی و انسی قلم	
ادالی آرزو قری	سئو کراداق	قور آرزو قریج ادیبی	ع کیمورقانی
شلال		رور - کور سوزملا علی	جوزاق
غریب سوزملا علی		آرزو	
کلیچیان		قور آرزو آرزو سوزملا علی	آرزو
		قور سوزملا علی	آرزو
مک قلمی		قور سوزملا علی	آرزو
آرزو باغوسه		قور سوزملا علی	آرزو

Титульная страница журнала «Яньи Чолпан» («Новая Венера»).

Памятная доска на бывшем здании Таврического магометанского духовного правления в честь выдающегося крымскотатарского общественно-политического деятеля, поэта и писателя, Таврического муфтия Н. Челебиджихана. Фото 2018 г.

функционировать одна из городских библиотек.

В период активного возвращения крымских татар на историческую родину основные помещения здания уже по адресу ул. Чехова, 20, были переданы Духовному управлению мусульман Крыма. В 1990–2000-е гг. здесь располагались офис фирмы «Винта», ряд частных и государственных домовладений.

7 апреля 2017 г., в связи со 100-летием Съезда мусульман Крыма (25 марта 1917 г. по старому стилю), на котором Н. Челе-

биджихан впервые всенародно был избран и. о. Таврического муфтия, по инициативе Духовного управления мусульман Крыма состоялось торжественное открытие памятной доски на стене бывшего здания Таврического магометанского правления.

Принимая во внимание богатую историю здания бывшего Таврического магометанского правления, было бы весьма желательным официальное признание данного объекта памятником историко-культурного наследия Крыма.

Список использованных источников и литературы

1. ГАРК, ф. 456, оп. 1, д. 1629, л. 1–205.
2. ГАРК, ф. Р-20, оп. 7, д. 34, л. 47.
3. ГАРК, ф. Р-663, оп. 3, д. 988, л. 20.
4. Гурбова Л. В., Кравцова Л. Н. [О покупке дома для Таврического магометанского духовного правления. 1898 г.:] Архивная справка. 09.04.1993, № 80. – Личный архив Н. Абдульвапова.
5. Керимов И. А. Крымскотатарская периодическая печать довоенного времени // Труды Научно-исследовательского центра крымскотатарского языка и литературы при Крымском инженерно-педагогическом университете / сост. Керимов Т. Н. – Симферополь, 2011. – Т. 1. – С. 449–459.
6. Керимов И. А. Медений эснас, 1920–1938 гг. – Симферополь: Таврия, 1997. – 497 с.
7. Урсу Д. П. Бекир Чобан-заде: Жизнь. Судьба. Эпоха. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2004. – 275 с.
8. Юксель Г. З. Крымскотатарская пресса конца 1910-х – начала 1930-х годов: организационно-функциональный и идейно-содержательный аспекты. – Симферополь, 2014. – 168 с.
9. Kırimer Cafer Seydamet. Bazı Hatıralar. – İstanbul, 1993. – 328 s.

Н. Абдульвапов

**ЗДАНИЕ КРЫМСКОГО МУСУЛЬМАНСКОГО
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
(Общество для пособия бедным мусульманам Крыма)
ул. Крылова, 60**

Значительную роль в общественной жизни и просвещении крымских татар в конце XIX – начале XX вв. сыграло Крымское благотворительное общество (Общество для пособия бедным мусульманам Крыма), основанное в 1897 г. в Симферополе. Правление Общества размещалось в собственном здании на улице Кладбищенской (позже Субхи, ныне Крылова), 60, помимо этого, ему принадлежало и домовладение на той же улице под № 64 [7, л. 68б].

Меценатство было органической частью многогранной деятельности крымскотатарской национальной элиты в конце XIX – начале XX вв. При этом его суть заключалась не в благотворительности как таковой – это было скорее всего общественной обязанностью, неотъемлемым атрибутом принадлежности к элите.

Еще в 1893 г. во время очередного собрания Таврического дворянства выдающийся общественно-политический деятель, один из наиболее известных крымскотатарских меценатов того времени, отставной полковник И. Муфти-заде высказал мысль о необходимости создания для крымских мусульман своего благотворительного учреждения. Тогда же между крымскими мурзами было со-

брано 150 руб., которые послужили основой капитала для последующих действий. После этого И. Муфти-заде разработал устав Общества, который 24 декабря 1896 г. был утвержден министром внутренних дел Российской империи [2].

Согласно утвержденному уставу, членами Крымского мусульманского благотворительного общества могли быть лица обоих полов, всех сословий и званий, кроме несовершеннолетних, учащихся, опороченных по суду и т. п. Цель Общества заключалась в возможном оказании материальной помощи бедным, сиротам, учащимся, больным, разорившимся кустарям, в устройстве учебных заведений и т. д. В соответствии с уставом Общество должно было иметь свое правление, а из числа участвующих лиц должны были быть избраны участковые попечители для работы в разных регионах Крыма [там же].

Первое общее собрание, состоявшееся 7 июня 1897 г., ознаменовало открытие Крымского мусульманского благотворительного общества. На собрание явились 64 человека, помимо этого письменное заявление о желании быть членами Общества подали еще 34 человека. Собрание открылось «молитвословием», которое совершил Дерекойский имам –

Здание бывшего Крымского мусульманского благотворительного общества. Фото 2017 г.

Исмаил Муфти-заде (1841–1917)

Сулейман эфенди. Затем редактор газеты «Терджиман» Исмаил Гаспринский кратко объяснил цели зарождения Общества и обязанности его общего собрания.

Председателем этого общего собрания единогласно был избран исполняющий обязанности Таврического муфтия Мехмед Мурза Кипчакский, а секретарем – И. Гаспринский. Обсудив вопрос о составе правления Общества, собрание избрало председателем правления Исмаила Муфтий-заде, помощником же председателя единогласно был избран Али мурза Тайганский. Помимо этого, для разных городов и местностей Крыма в качестве представителей Общества были избраны участковые попечители. В тот же вечер присутствующие внесли в казну Общества около 800 руб. членских взносов. Активное участие в зарождении Общества приняли ялтинские мусульмане [там же].

Так начало свою деятельность Крымское мусульманское благотворительное общество, вписавшее яркие страницы в историю общественной и культурной жизни Крыма в конце XIX – начале XX вв. Со-

гласно уставу Общества, ежегодно проводились его общие отчетно-выборные собрания, на которых заслушивались отчеты правления о средствах и деятельности Общества за прошедший год, проводились очередные выборы в состав правления, выносились различного рода решения и постановления.

Так, 3 февраля 1902 г. в Симферополе, в зале уездной земской управы состоялось годовое общее собрание Крымского мусульманского благотворительного общества. В отчетном выступлении председателя правления И. Муфти-заде было отмечено, что в результате поступивших в течение года членских взносов, пожертвований, процентов на капитал и земских пособий в казне общества было 10582 руб. 80 коп. В течение 1901 г. было израсходовано в виде пособий бедным и учащимся 1017 руб. 18 коп. К 1 января 1902 г. капитал общества составлял 9565 руб. 62 коп.

На этом же собрании было принято два постановления: первое – об открытии в Симферополе учебной мастерской для мусульманских юношей; второе – о возбуждении ходатайства об отчислении в пользу благотворительного общества ежегодно 10% с доходов с вакуффов упраздненных мечетей и их капиталов [там же].

В 1903 г. вакуфная комиссия оказала материальную поддержку благотворительному обществу в сумме 600 руб. К началу 1904 г., за все время своего существования Обществом было израсходовано по разным статьям благотворительности до 8000 руб., и капитал его составлял 11133 руб. 19 коп. [там же].

Большую ценность в исследовании деятельности Крымского мусульманского благотворительного общества представляет «Отчет правления Общества для пособия бедным мусульманам Крыма за 1905 год», опубликованный в 1906 г. и ныне хранящийся в Государственном архиве Республики Крым [6]. Он дает представление о составе, характере организационных вопросов, основных направлениях деятельности и других сторонах деятельности Общества.

Говоря о составе Общества, необходимо отметить, что его членами были наиболее известные представители крымскотатарского дворянства, духовенства, деловых кругов, а также крымскотатарской интеллигенции того времени. Так, в состав правления Общества в отчетном году входили Исмаил мурза Муфти-заде, Асан мурза Уланов, Бекир эфенди, Селяммет мурза Карашайский, Осман Ане-

фи, Ибраим Шейхаметов, Смаил мурза Карашайский, Селямет мурза Крымтаев II, Мерави Аджи Анефи, Селямет мурза Ширинский, Курт-Умер Сулейманов и Кудус эфенди (имам и хатип прихода симферопольской мечети Кебир-Джами). Председателем правления был И. Муфти-заде, его «товарищем» (заместителем) – Селямет мурза Карашайский, казначеем и секретарем – Асан мурза Уланов, членами ревизионной комиссии – Бектемир мурза Абдураманчиков, Сулейман мурза Крымтаев, Осман Заатов и Адиль мурза Караманов.

Все члены Общества (включая вышеупомянутых) в целом были поделены на две категории. В первую – почетных членов – в отчетном году входили 10 человек (пять из которых платили членские пожертвования по 50 руб.), в том числе Адиль мурза Карашайский (Таврический муфтий), Суаде-ханым Болатукова, Омер мурза Мансурский, Али мурза Тайганский, Сеит Мемет челеби Топузов и др.

Вторую категорию составляли действительные члены Общества. Она была достаточно многочисленной, ее члены в свою очередь делились на три группы. Первая из них – пожизненные члены, их в отчетный период было двое: Али Бей Болатуков и Сеит Халиль Чубукчи. Вторая группа – 107 действительных членов, плативших по 5 руб. в год, среди них присутствовали такие известные личности, как Сулейман мурза Аирчинский, Мемет бей Биярсланов, Али мурза и Зоре ханум Булгаковы, Смаил (Исмаил) мурза и Рефат бей Гаспринские, Мустафа мурза Давидович (на тот момент Бахчисарайский голова), Селямет мурза Крымтаев, Мустафа мурза Кипчакский (представитель одной из авторитетнейших крымскотатарских дворянских фамилий), Исмаил эфенди Леманов (известный ученый и педагог), Саиде Муфти-заде (супруга И. Муфти-заде), Исмаил Байсан-оглу, Муса мурза Тайганский, Эсма Уланова, Сулейман мурза Ширинский, Сеид Мемет челеби Эмиров, Осман Бей Яшлавский и др. Наконец, еще одна небольшая группа – восемь членов, плативших по 3 руб. в год.

Помимо крымских татар, среди членов Крымского мусульманского благотворительного общества было немало представителей и других национальностей – известных государственных и общественных деятелей, в том числе общероссийского масштаба. Так,

членами Общества были: В. Ф. Трепов – известный русский государственный деятель, сенатор, член Государственного совета, в 1902–1905 гг. Таврический губернатор; С. Б. Скадовский – русский общественный деятель, член Государственного совета по выборам, в 1897–1906 гг. предводитель Таврического губернского дворянства; Аджи Зейнал Абидин Тагиев – известный азербайджанский миллионер и меценат; Бедрос Исакович Топалов – симферопольский купец и меценат; Харлампий Афанасьевич Монастырлы – известный педагог, краевед, статский советник, в 1903–1914 гг. инспектор (директор) Симферопольской татарской учительской школы и др. [там же, с. 14–18].

В «Отчете» освещены и некоторые организационные вопросы деятельности Общества. Так, в 1905 г. было проведено 10 заседаний правления Общества, которые «созывались председателем по мере надобности, и занятия свои посвящали выполнению остальных задач Общества» [там же, с. 3–4]. В течение года правлением четыре раза была проведена проверка кассы Общества.

Наконец, «Отчет» дает представление об основных направлениях деятельности Общества. В частности, в отчетный период правление занималось выдачей ежемесячных и единовременных пособий бедным мусульманам, выдачей пособий бедным в дни Рамазана (в городах Симферополе, Бахчисарае, Евпатории, Карасубазаре) и мусульманам, содержащимся в Симферопольской городской тюрьме, на улучшение качества их пищи во время Рамазана. Правлением оказывалась помощь в виде пособий на похороны бедных, раздавались подаяния в дни религиозных праздников. Также правление выделяло пособие на содержание трех учеников – стипендиатов Общества: учащихся Симферопольской татарской учительской школы Ильеса Мансурского и Якуба Джемилова – 210 руб., и Сеида Умерова Сулеймана, обучавшегося в г. Каире, – 200 руб. [там же, с. 4–5].

Кроме распределения пособий нуждающимся мусульманам, правление Общества активно содействовало развитию народного образования крымских татар. В частности, именно усилиями Общества в 1905 г. в Симферополе была открыта первая в Крыму

школа рушдие: в короткий срок (за полгода) были выкуплены земельные участки, построены и оборудованы здание школы и квартиры для учителей, проведены вступительные экзамены, организован учебный процесс. В последующем все расходы за время существования этого учебного заведения (1905–1910 гг.), включая содержание здания и квартир, оплату труда преподавателей и технического персонала, обеспечение учащихся учебниками, оплату обучения беднейших учащихся, различные виды материальной помощи и т. п., осуществлялись именно за средства благотворительного общества.

Успех Симферопольского рушдие способствовал появлению подобных учебных заведений на территории всего Крыма. По примеру Симферополя школы рушдие открывались вновь созданными крымскотатарскими организациями – региональными благотворительными обществами помощи бедным мусульманам – в Карасубазаре, Евпатории, Бахчисарае, в Ялтинском уезде [3, с. 125].

Из других проектов в сфере крымскотатарского просвещения, поддержанных Крымским (после открытия региональных обществ, ставшим, по сути, Симферопольским) благотворительным обществом, можно выделить следующие. Так, в 1913 г. непосредственно в здании Общества была открыта новометодная школа. Столичная газета «Южные ведомости» по этому поводу сообщала: «6(03) марта 1913. Открытие мектебе. С начала текущего года (26 января) при местном Обществе пособия бедным мусульманам Крыма в помещении Общества (Кладбищенская улица, соб. д.) открыто для детей беднейших родителей бесплатное новометодное мектебе. Преподавателем приглашен Абдула Абдул Латиф-оглу. Преподавание ведется на родном языке. Председатель Общества полковник Муфти Заде обратился к инспектору народных училищ с ходатайством о введении в ново-открытом мектебе преподавания русского языка. Такая просьба является вполне понятной ввиду того, что в Симферополе на 248 обучающихся в школах мусульманских детей имеется только одно русско-татарское училище, а в старометодных мектебе русский яз. не преподается» [5].

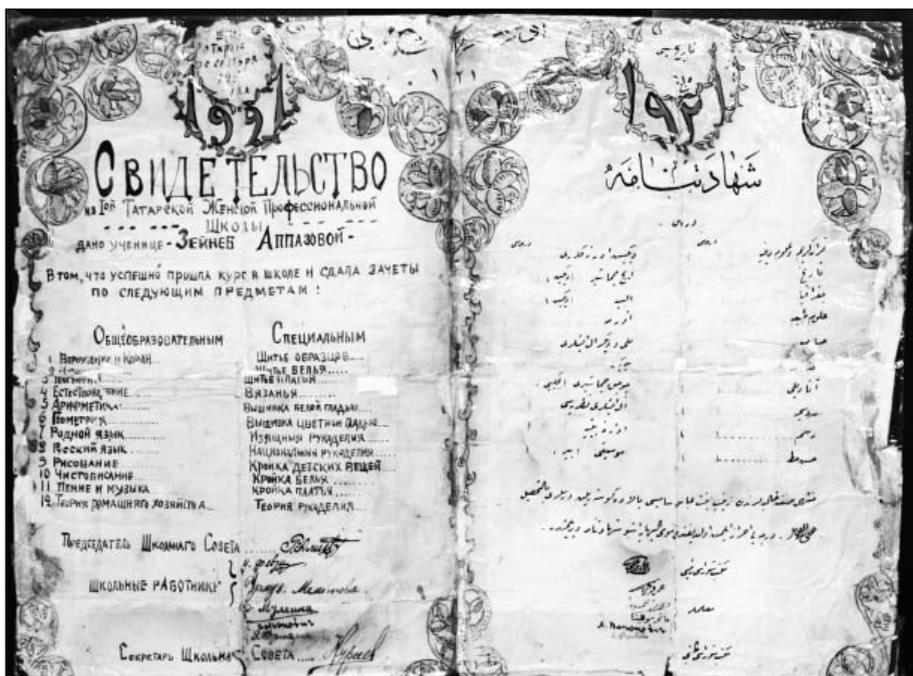
В данном сообщении обращает на себя внимание, в частности, имя приглашенного

преподавателя – впоследствии известного крымскотатарского поэта, литературоведа и педагога Абдуллы Лятиф-заде (1890–1938).

В 1915 г. на средства благотворительного общества в Симферополе была открыта Первая татарская женская профессиональная школа. Программа учебного заведения включала «общеобразовательные» (вероучение и Коран, история, естествоведение, арифметика, геометрия, родной язык, русский язык, рисование, чистописание, пение и музыка, теория домашнего хозяйства) и «специальные» (шитье образцов, шитье белья, шитье платья, вязанье, вышивка белой гладью, вышивка цветной гладью, изящные рукоделия, национальные рукоделия, кройка детских вещей, кройка белья, кройка платья, теория рукоделия) дисциплины. Школа просуществовала, по меньшей мере, до начала 1920-х годов. Одной из ее выпускниц была впоследствии известный педагог и поэтесса Зейнеп Аббасова (выпуск 1921 г.) [1, с. 7–8].

На протяжении всей истории своего существования Общество выполняло важную коммуникативную функцию в жизни симферопольских мусульман. Так, 30(17) августа 1913 г. газета «Южные ведомости» сообщала: «*Правление Об-ва пособия бедным мусульманам Крыма приглашает гг. членов о-ва, а также лиц, сочувствующих делам его, пожаловать в первый и второй дни наступающего праздника «Ораза-Байрам» с 11 час. утра до 2 час. дня для взаимных поздравлений в собственное помещение О-ва на Кладбищенской улице*» [5].

Особую роль Благотворительное общество сыграло в богатом на события 1917 году. Так, 12 марта этого года по инициативе известного общественного деятеля Али Баданинского было созвано общее собрание Крымского мусульманского благотворительного общества, которое при активном участии Али Баданинского, Аблякима Ильми, Ибраима Фехми, Исхака Муллина и др. организовало Временный Крымский мусульманский революционный комитет из 15 человек. Его руководителями стали А. Баданинский, И. Фехми и Ибраим Тарпи, среди членов был А. С. Айвазов. Мусульманский ревком 25 марта (7 апреля по новому стилю) 1917 г. созвал Всекрымский мусульманский съезд, в котором приняли участие 1500 делегатов и более 500 приглашенных лиц. В результате работы съезда

«Свидетельство» выпускницы Первой татарской женской профессиональной школы Зейнеп Аббасовой (выпуск 1921 г.).

Из архива Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского.

впервые в истории Крыма всенародно были избраны Таврический муфтий (Н. Челебиджихан) и председатель вакуфной комиссии (Дж. Сейдамет), а также члены Центрального Временного Исполнительного Мусульманского Комитета (чуть позже главой его будет избран также Н. Челебиджихан).

Все вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что **Общество для пособия бедным мусульманам Крыма**, созданное в 1897 г. в Симферополе по инициативе И. Муфти-заде, сыграло весьма важную роль в общественной жизни крымских татар, всяче-

ски способствовало развитию крымскотатарского национального образования и культуры в конце XIX – начале XX вв.

Что же касается последующей судьбы собственного здания Общества на ул. Кладбищенской, 60, то в 1920–1930 гг. здесь располагалась Крымскотатарская образцовая школа-интернат № 12 (см соответствующую статью данного «Свода»). После Великой Отечественной войны здание продолжало использоваться для нужд одной из городских общеобразовательных школ, ныне здесь располагается Центр детско-юношеского туризма и краеведения.

Список использованных источников и литературы

1. **Аббасова З.** Яш несильге: хатырлавлар, макъалелер, шиирлер. – Симферополь, 2012. – 80 с.: фото.
2. **Абибуллаева Д. И.** Меценатство крымскотатарской элиты в конце XIX – начале XX вв. – Режим доступа: <http://avdet.org/ru/2016/11/07/metsenatstvo-krymskotatarskoj-elity-v-kontse-xix-nachale-hh-vv>.
3. **Ганкевич В. Ю.** Очерки истории крымскотатарского народного образования (реформирование этноконфессиональных учебных заведений Таврической губернии в XIX – начале XX века). – Симферополь: Таврия, 1998. – 160 с.
4. **ГАРК**, ф. 100, оп. 1, д. 2360.
5. **Крым** и его обитатели – из старых газет (часть 2) / Режим доступа – <http://ljwanderer.livejournal.com/301718.html>
6. **Отчет правления** Общества для пособия бедным мусульманам Крыма за 1905 г. – Симферополь, 1906. – 55 с. – ГАРК, ф. 100, оп. 1, д. 2360.
7. **Сведения** о населенных местах Таврической губернии. Списки владельцев дворовых и усадебных участков Симферопольского уезда. 3 августа 1914 г. – ГАРК, ф. 39, оп. 1, д. 69.
8. **Список лиц**, служащих в Одесском учебном округе за 1900–1901 учебный год / Управ. Одесского учебного округа. – Одесса, 1901. – Ч. 1. – 356 с.

Н. Абдульвапов, Д. Абибуллаева

ЗДАНИЯ ОФИЦЕРСКОГО СОБРАНИЯ И КАЗАРМЫ КРЫМСКОГО КОННОГО ПОЛКА *ул. Калинина, 6*

Крымский конный полк был воинским подразделением с долгой и богатой историей. Учрежденный в 1874 г., он продолжил традиции более ранних крымскотатарских воинских частей в составе российской армии, существовавших с конца XVIII в. Полк просуществовал до 1918 г., с 1875 г. он, совместно с 51-м пехотным Литовским полком, составлял основу Симферопольского гарнизона.

С историей Крымского конного полка связаны биографии большого числа военнослужащих крымских татар (составлявших основу полка), в том числе представителей наиболее известных дворянских фамилий.

Полк располагался на окраине Симферополя того времени, в городском квартале, ограниченном нынешними улицами Калинина, Эскадронной и Крейзера. С конца XIX в. по 1910 г. на данной территории был сооружен целый комплекс различных построек, включавший здания Офицерского собрания, мечети, нескольких казарм и конюшен и т. д. Часть этого комплекса – здания бывшего Офицерского собрания, одной казармы и одной конюшни – сохранилась до наших дней.

Первые крымскотатарские («тавриче-

ские») дивизионы в составе российской армии появились после издания 1 марта 1784 г. Указа Екатерины II «О составлении войска из подданных, в Таврической области обитаемых, с приложением штата оного». Согласно указу, в Крыму должно было быть сформировано пять конных дивизионов иррегулярного характера, которые причислялись к войскам легкой кавалерии [8, с. 9].

Накануне Отечественной войны 1812 г. ряд крымскотатарских мурз от имени всего местного населения полуострова изъявили готовность выставить и содержать на свой счет конные полки, на что последовало разрешение российского императора. Сформированные Симферопольский, Перекопский, Феодосийский и Евпаторийский конные полки участвовали в сражениях во время войны с Наполеоном, особую известность в этих сражениях получил Симферопольский конный полк под командованием Кая-бека Болатукова.

В 1817 г. крымскотатарские конные полки были расформированы. Однако в 1825 г., при последнем посещении Крыма императором Александром I, при содействии Кая-бея Болатукова к нему обратилась депутация

Офицерское собрание Крымского конного Е. И. В. Александры Федоровны полка. Главный фасад. Архитектор В. А. Геккер. 1913 г.

именитых крымских мурз с предложением сформировать из крымских татар постоянную войсковую часть. Александр I дал принципиальное согласие [там же, с. 90].

В 1826 г. началось формирование лейб-гвардии Крымскотатарского эскадрона, где большинство офицеров и унтер-офицеров были кавалерами боевых орденов и знаков отличия, заслуженных в рядах крымских конных полков. В 1827 г. был сформирован эскадрон, который был причислен к казачьему полку. Местом постоянной дислокации для льготной части эскадрона был определен город Симферополь. При этом часть эскадрона должна была постоянно располагаться в Санкт-Петербурге.

Высочайшим приказом от 26 июля 1827 г. офицерам лейб-гвардии Крымскотатарско-

го эскадрона были присвоены права Старой гвардии. С 1850 г. должность командира эскадрона исполнял ротмистр Батыр Челеби Муфтий-заде, который 3 сентября 1851 г. был утвержден в этой должности.

После Крымской войны 1853–1856 гг., в результате катастрофической эмиграции крымских татар на территорию Османской империи, было принято решение упразднить эскадрон, а взамен его сформировать из оставшихся в Крыму чинов лейб-гвардии Крымскотатарского эскадрона особое подразделение, причислив его к Собственному Его Императорского Величества Конвою. 26 мая 1863 г. Александр II подписал приказ об упразднении эскадрона. Одновременно было утверждено положение о формировании подразделения, получившего наименование Ко-

Офицеры и нижние чины команды лейб-гвардии крымских татар С. Е. И. В. Конвоя. 1880-е гг. Из книги И. Муфтий-заде «Очерк столетней военной службы крымских татар с 1784–1904 г.». Симферополь, 1905.

Гебенс А. И. Лейб-гвардии Крымскотатарский эскадрон. 1858 г. На обратной стороне холста записаны имена изображенных на картине военнослужащих (слева направо): поручик Сеитга-мурза (Сеита-мурза) Сулейманов, корнет Мамед (Мегмед) Ахметов (изображены в комплекте парадного походного обмундирования), командир эскадрона полковник Батыр Челеби Муфтизаде (изображен в комплекте парадного обмундирования), эскадронный трубач И. Корнилов, корнет Хасан-мурза Палкачев (в комплекте обмундирования, предназначенного для домашних учений, письменных занятий и для ношения вне службы), старший вахмистр Эмир Мурзаев (в парадном обмундировании), рядовые казаки Каями Аметов и Али Ильблосов. Из книги А. Саковича «Крымские татары на военной службе Российской империи». М., 2016.

манда лейб-гвардии крымских татар. Команда включалась в состав лейб-гвардии Кавказского казачьего эскадрона Собственного Его Императорского Величества Конвоя [там же, с. 172].

В конце 1870 г. начальником (командиром) команды был назначен поручик Исмаил-мурза Муфтизаде, который 1 декабря прибыл из Крыма в Санкт-Петербург.

В 1874 г. в Российской империи вступил в силу «Устав о воинской повинности». С этого момента крымские татары, которые до этого были освобождены от обязательной военной службы, стали подлежать призыву на действительную военную службу. Так как регулярная военная служба была для крымских татар необычным делом, «с целью ознакомления военного быта, требований военной дисциплины и регулярной службы» новобранцев из крымских татар, предназна-

ченных для службы в кавалерию, предполагалось подготавливать в особом запасном эскадроне. Ежегодно из крымских татар для службы в кавалерию предполагалось набирать до 150 новобранцев [там же, с. 204–205].

12 июня 1874 г. именным приказом император Александр II объявил о начале формирования в Одесском военном округе особого конного подразделения национального состава под наименованием «Крымский эскадрон». Эскадрон получил статус резервной воинской части. Местом его дислокации был выбран город Бахчисарай. Так как основной состав нижних чинов должен был принадлежать к мусульманскому вероисповеданию, для исполнения религиозных обрядов в штате эскадрона были предусмотрены один мулла и один муэдзин. Всего по первому призыву в эскадрон поступило 175 рядовых крымских татар [там же, с. 208].

По результатам первого призыва в начале 1875 г. было принято решение о формировании еще одного эскадрона и соединении обоих эскадронов в отдельный кавалерийский дивизион. К июлю 1875 г. второй эскадрон был сформирован, и 21 июля императорским указом было объявлено о переформировании Крымского эскадрона в Крымский дивизион [там же, с. 208–209].

После формирования нового эскадрона, получившего номер 1-й, местом его постоянной дислокации, а также дивизионного штаба был выбран город Симферополь. Рядом с территорией полевого лагеря 51-го пехотного Литовского полка, между улицами Эскадронной и Бетлинговской (ныне улицы Эскадронная и Калинина, в то время это была окраина города), были выстроены каменные здания казармы и конюшни. Совместно с 51-м пехотным Литовским полком Крымский дивизион составил основу Симферопольского гарнизона. Старому эскадрону был присвоен номер 2-й, и он был оставлен в Бахчисарае [там же, с. 210].

Таким образом, с 1875 г. Крымский дивизион стал полноценной отдельной воинской частью Российской императорской армии с национальным составом, в котором более 80% нижних чинов составляли крымские татары [там же, с. 211]. В ноябре 1876 г. дивизион был переподчинен управлению 10-го армейского корпуса.

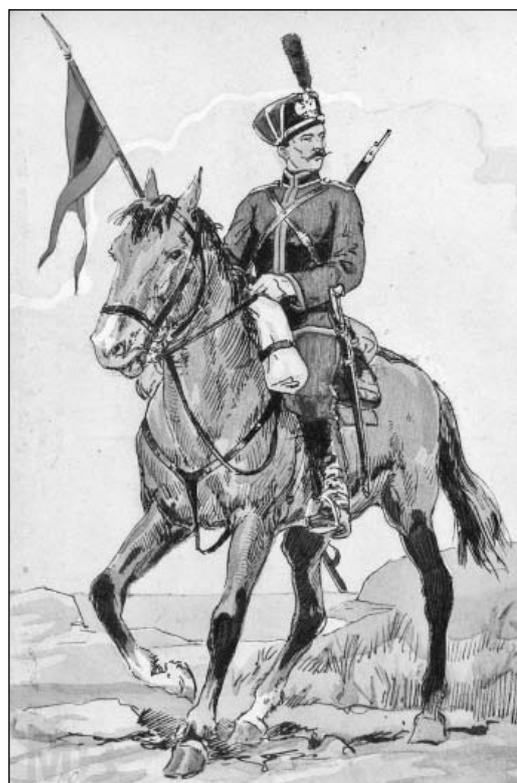
С 1874 г. по 1906 г. командирами Крымского дивизиона были полковники В. А. Полторацкий, В. А. Волковский, граф А. Д. Милютин и др. В офицерских чинах проходили службу и князья из крымских мурз: ротмистры Темир-мурза Ногаев и Али Улан, штабс-ротмистр Осман Белялов, корнеты Адиль-бей Болатуков, Арслан Али Султанов и Селямет-мурза Кипчакский, а также эстандарт-юнкера Мемет-мурза, Муфти-заде, Алим-Гирей, Султан Крым-Гирей, Осман бей Биярсланов, Смаил-мурза Карашайский и Омер-мурза Булгаков. В период службы в императорском Конвое во время нахождения на льготе к дивизиону в 1875 г. был прикомандирован и штабс-ротмистр Исмаил Муфти-заде – в будущем полковник, депутат Государственной думы, известный общественно-политический деятель и меценат [там же, с. 221].

18 мая 1890 г., в связи с упразднением команды лейб-гвардии крымских татар С. Е. И. В. Конвоя, в состав Крымского дивизиона были включены нижние чины этой команды.

В октябре 1894 г. Крымский дивизион принимал

участие во встрече на железнодорожном вокзале в Симферополе принцессы Алисы Гессен-Дармштадтской – будущей российской императрицы Александры Федоровны, супруги Николая II. Офицеры дивизиона во главе с его командиром Л. Ф. Баумгартеном сопровождали коляску будущей императрицы в Ливадию [там же, с. 216]. Впоследствии это факт стал поводом для принятия императрицей шефства над Крымским конным полком.

В 1901 г. в жизни дивизиона произошло событие, получившее большой резонанс. В июне в Симферополе было большое наводнение. В результате сильных ливней река Салгир вышла из берегов и затопила большую часть города. Сильный поток хлынул во двор дивизиона, где в это время на посту по охране дивизионного штандарта и денежного ящика с дивизионной казной стоял рядовой Сеид Вели Асан. Несмотря на явную угрозу жизни, часовой не покинул пост, смог сберечь и штандарт, и денежный

Военная форма Крымского конного полка. 1914 г.

Подвиг рядового Крымского дивизиона Сеида Вели Асана по спасению дивизионного штандарта. Из книги И. Муфтийзаде «Очерк столетней военной службы крымских татар с 1784–1904 г.». Симферополь, 1905.

ящик. За этот подвиг Сеид Вели Асан был награжден серебряной медалью с надписью «За храбрость» на георгиевской ленте. О подвиге Сеида Вели Асана было объявлено по войскам округа, от имени командующего округом ему было пожаловано 25 рублей [там же, с. 219].

Во время наводнения отличились и другие чины дивизиона, которые с риском для жизни оказывали помощь местным жителям. Десять нижних чинов: вахмистр Никита Гразнов, старший унтер-офицер Омер Абдулганий, младшие унтер-офицеры Абдул Лятив, Курт Асан и Билял Курт Омер, рядовые Осман Сеид Омер, Булад Мурад и Вели Мулла Акселям, вольноопределяющийся Андрей Кокораки и нестроевые Евсей Забора и Карл Кауман – были награждены медалями «За спасение погибавших» и пятью рублями каждый. Кроме этого, командир дивизиона граф Ф. А. Келлер выдал каждому из отличившихся еще по пять рублей [там же].

Ущерб, причиненный наводнением, был для жителей Симферополя достаточно серьезным. Чтобы как-то помочь населению, в городе организовывались благотворительные гуляния, на которых чины Крымского дивизиона устраивали показательные выступления по джигитовке.

21 февраля 1906 г. Николай II утвердил положение о переформировании Крымского дивизиона в шестиэскадронный полк по общему штату регулярного армейского кавалерийского полка. Новому формированию

было присвоено наименование «Крымский драгунский полк». Однако через год, 31 декабря 1907 г., принимая во внимание ряд обстоятельств, он был переименован в Крымский конный полк. При этом в память о том, что исторически истоком Крымского полка был Крымский эскадрон, всех чинов полка неофициально стали называть «эскадронцами» или «крымцами» [там же, с. 250].

После разворачивания дивизиона в полк в Симферополе рядом со старой дивизионной казармой (т. н. малым полковым двором) были построены еще четыре новых здания казарм и несколько конюшен. Для постройки казарм была создана специальная комиссия, в нее вошли военные и гражданские инженеры, а также несколько офицеров полка. Из всех этих построек одно здание казармы и одна конюшня сохранились до настоящего времени [там же, с. 251].

11 сентября 1908 г. командиром полка был назначен полковник Н. А. Княжевич – будущий последний губернатор Таврической губернии. Новый командир практически сразу после своего назначения стал ходатайствовать о постройке полковой мечети. Идея была поддержана, и через год на территории расположения полка была возведена мечеть, ставшая украшением всего военного городка (см. ниже). В день освящения мечети, 10 октября 1909 г., Крымскому конному полку было даровано шефство императрицы Александры Федоровны, и полк получил новое наименование: Крымский конный Ее Вели-

чества Государыни Императрицы Александры Федоровны полк, а первый эскадрон полка стал называться эскадроном Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полк. 5 ноября 1909 г. Николай II зачислил себя в списки полка. В 1910 г. приказом по военному ведомству офицерам полка были присвоены при парадной форме алые мундиры.

В том же году 1909 г. рядом с мечетью и полковыми казармами было выстроено и здание Офицерского полкового собрания (*см. ниже*).

Ежедневно, кроме пятницы (мусульманский выходной) и воскресенья (православный выходной), в полку проводились строевые занятия. Как и во всех кавалерийских частях, основной упор в обучении нижних чинов делался на конную подготовку: сменная езда, вольтижировка, взятие барьеров, уколы и рубка чучел на рыси и галопе, а также конная строевая подготовка. Также проходили занятия и по огневой подготовке, гимнастике, фехтованию, пешей строевой подготовке и словесности [там же, с. 257].

Офицеры полка были достаточно хорошинами наездниками и неоднократно принимали участие в скачках, проводимых Таврическим скаковым обществом. Сезон скачек, как правило, открывался в апреле и проводился в Симферополе, на городском ипподроме [там же, с. 258].

26 августа 1912 г. Крымский конный

полк участвовал в торжествах по поводу 100-летия Бородинского сражения. В память об участии в войне четырех крымско-татарских конных полков от Крымского полка в Москву была отправлена делегация в составе конного взвода под командованием штабс-ротмистра Г. И. Дроздовского. Взвод принял участие в грандиозном параде на поле Бородинского сражения.

Как было указано выше, в полку в офицерских чинах проходили службу отпрыски многих знатных крымскотатарских дворянских фамилий. Полк находился под особым патронатом супруги отставного полковника И. Муфти-заде – Саиде-ханым Муфти-заде, внучки героя Отечественной войны 1812 г. Кая-бея Болатукова. Она оказывала материальную помощь нижним чинам полка, на праздники делала всему полку подарки, а в период Первой мировой войны организовывала для нужд полка сбор средств и неоднократно за свой личный счет посылала на фронт различную помощь [там же, с. 260–261].

Накануне Первой мировой войны кинематографической фирмой – акционерным обществом «А. Ханжонков и К^о» в Симферополе был снят фильм о буднях Крымского конного полка [там же, с. 261].

С началом Первой мировой войны Крымский конный полк был отправлен на фронт и принял участие в многочисленных сражениях. За проявленный героизм мно-

Здание конюшни Крымского конного полка. Фото 2013 г. Из книги А. Саковича «Крымские татары на военной службе Российской империи». М., 2016.

Всадники Крымского конного полка Сеттар Шериф и Билял Осман Бари. г. Симферополь. После 1909 г. Из семейного архива Р. Бекирова. Из книги А. Саковича «Крымские татары на военной службе Российской империи». М., 2016.

гие офицеры были представлены к различным боевым наградам. Вместе с тем в результате боевых действий в полку имели место значительные потери личного состава [там же, с. 269].

Сразу после Февральской революции 1917 г., в связи с отречением Николая II от престола, приказом Временного правительства шефство царской фамилии над воинскими частями было отменено и приказом от 22 марта того же года из названия Крымского конного полка было исключено имя императрицы [там же, с. 270].

Боевые действия Первой мировой войны продолжались. Летом 1917 г. Генеральным штабом было принято решение о формировании в Крыму 2-го Крымского полка такого же состава. Первый же полк был передислоцирован

в Херсон для охраны тыловых учреждений.

Тем временем в Крыму всенародно избранный после революционных февральских событий Временный Центральный Крымский мусульманский исполнительный комитет начал формировать крымскотатарские вооруженные силы для защиты Крыма от надвигавшейся на полуостров анархии и хаоса. Председатель Временного правительства А. Ф. Керенский дал знать по телефону Крымскому мусульманскому комитету, что он ничего не имеет против формирования крымскотатарских частей.

В октябре 1917 г. в Херсон прибыли представители Крымского мусульманского комитета во главе с одним из лидеров крымскотатарского национального движения Джафером Сейдаметом с призывом к солдатам Крымского полка возвращаться на родину, в Крым. Командование Одесского военного округа заняло нейтральную позицию. В результате командир полка М. М. Петропольский принял решение передислоцировать полк на территорию полуострова [там же, с. 272].

Оставив в Херсоне 1-й и 2-й эскадроны, полк в составе штаба, 3–6-го эскадронов и конно-пулеметной команды в маршевом порядке отбыл в Симферополь. На этом участие Крымского конного полка в Первой мировой войне закончилось.

17 (по другим сведениям, 11-го) ноября 1917 г. подразделения Крымского полка прибыли в Крым, охваченный революционными событиями. При входе в город они были торжественно встречены членами Крымского мусисполкома и находившимися в городе крымскотатарскими солдатами. После приветственных речей солдаты полка вступили в город и проследовали к зданию Мусульманского духовного правления, одновременно – офиса мусисполкома (ул. Кантарная (ныне Чехова), 20), где к ним с речью обратился Таврический муфтий, председатель Крымского мусисполкома Н. Челебиджихан. После этого подразделения полка проследовали в свои казармы.

С 20 по 23 ноября 1917 г. в Симферополе прошел губернский съезд представителей городских и земских самоуправлений, решением которого была избрана новая губернская власть – Совет народных представителей

(СНП). При нем был создан т. н. штаб крымских войск (Крымский штаб) под руководством Дж. Сейдамета и полковника Генерального штаба А. Г. Макухина.

Основу воинских формирований Штаба крымских войск составил Крымский полк, бывший, по существу, единственной воинской частью, на которую могла рассчитывать местная власть. В должности командира полка распоряжением Штаба крымских войск был утвержден полковник Г. А. Бако, само же подразделение было переименовано в 1-й Крымскотатарский полк [там же, с. 273].

Тем временем в Бахчисарае шло формирование 2-го Крымскотатарского конного полка. Было сформировано четыре эскадрона, командиром нового полка был назначен командир 6-го маршевого эскадрона подполковник Осман бей Биярсланов [там же, с. 273]. Приказом Крымского штаба оба полка были сведены в отдельную кавалерийскую бригаду, командование над которой принял полковник Г. А. Бако, а командиром 1-го Крымского полка вместо него был назначен полковник М. М. Петропольский. Помимо этого, был создан также и 1-й Крымскотатарский пехотный полк «Урриет» («Свобода»). Наконец, в самом конце 1917 г. из Херсона прибыли 1-й и 2-й эскадроны 1-го Крымскотатарского полка.

13 декабря 1917 г. завершил работу Первый Курултай крымскотатарского народа (был созван 26 ноября), избравший в том числе крымскотатарское национальное правительство – Директорию. Через четыре дня, 17 декабря 1917 г., части Крымского штаба принесли присягу на верность Крымскотатарской директории. Церемония состоялась в Симферополе, на плацу перед казармами Крымского конного полка при стечении большого количества народа. На ней присутствовали член Крымскотатарской директории, министр (директор) по военным и внешним делам Дж. Сейдамет, один из трех сопредседателей Курултая, редактор органа национального правительства – газеты «Миллет» («Нация») А. С. Айвазов, члены национального парламента Амет Озенбашлы, Халиль Чапчакчи, Усеин Балич, кадий Мустафа эфенди, войсковой имам Сеитметмет эфенди и многие другие.

После произнесения текста присяги по-

Лидеры Первого Крымскотатарского Курултая Н. Челебиджихан и Дж. Сейдамет. Фото 1917 г.

следовали поздравительные речи присутствующих [9, с. 97–101]. Среди них особенно ярким было выступление Дж. Сейдамета, призвавшего солдат быть верными Отчизне, родному народу и национальной Конституции (принятой на Первом Курултае), самоотверженно стоять на страже безопасности всех жителей Крыма [6, с. 239]. Не менее эмоциональным было выступление и командира 1-го Крымскотатарского полка М. М. Петропольского. Закончилась церемония торжественным маршем всех воинских подразделений [9, с. 101–102].

С этого момента полки вышли из-под подчинения Совету народных представителей и стали подчиняться непосредственно Крымскотатарской директории. Общая численность подразделений на тот момент составляла примерно шесть тысяч штыков и сабель.

20 декабря 1917 г., видя все более накаляющуюся обстановку как в Крыму, так и во всей Российской империи, Крымскотатарское национальное правительство обратилось к войскам Крымского штаба с воззванием «К оружию!» [6, с. 239]. Для наведения гражданского порядка и поддержания дисциплины на полуострове эскадроны 1-го полка были рассредоточе-

ны по городам Крыма: в Ялте находился 4-й эскадрон под командованием ротмистра К. П. Баженова, в Евпатории – 6-й эскадрон под командованием штабс-ротмистра Отмарштейна, в Феодосии – 5-й эскадрон под командованием штабс-ротмистра С. И. Гримма. Остальные эскадроны находились в Симферополе.

Когда в январе 1918 г. подстрекаемые большевиками севастопольские матросы приступили к вооруженному захвату Крыма, крымскотатарские эскадронцы оказались единственной силой, вставшей на защиту жителей полуострова от большевизма. Эскадронцы принимали участие в боях в Феодосии, Евпатории, Ялте, под Джанкоем, в Бахчисарае, в Симферополе. Однако военно-политическая ситуация в Крыму складывалась не в пользу сил, которые они представляли.

13(26) января 1918 г. матросы и солдаты, поддерживаемые огнем установленных на железнодорожные платформы морских орудий, атаковали позиции 2-го Крымского конного полка под Бахчисараем, в результате чего город пал. Путь к Симферополю был открыт. У местного правительства больше не было войск, способных сдержать наступление большевиков. К этому времени и Крымское правительство и Крымский штаб практически перестали существовать. Оба крымскотатарских полка оказались без старшего офицерства. В результате командованием обоих полков было принято решение о самороспуске 1-го и 2-го Крымскотатарских полков.

14 января 1918 г. в эскадронах был зачитан приказ об упразднении полков, помимо этого солдатам было объявлено, что каждый из них по своей инициативе может пробиваться, куда и как пожелает. В результате многие офицеры и нижние чины полков разошлись по деревням в горной части Крыма. Некоторые офицеры, оставшиеся в Симферополе (захваченном большевиками 14 января 1918 г.), были арестованы и впоследствии расстреляны. Среди жертв кровавых событий тех дней был, в частности, и командир 2-го Крымского конного полка полковник Осман бей Биярсланов.

На этом история Крымского конного полка, несмотря на его временное возрождение в составе Добровольческой армии в период Гражданской войны, была окончена.

В Государственном архиве Крыма сохранился Именной список 6-го маршевого эскадрона Крымского конного полка (командир – полковник Осман бей Биярсланов) на 3 октября 1917 года. В нем 179 имен, возглавляет список вахмистр Велиша Мустафа, старшие унтер-офицеры Осман Абдул Гани, Мустафа Туменов, Халиль Курт Умер, Сеит Нафе Сеит Асан и т. д. [2]. Судьба абсолютного большинства солдат из указанного списка до настоящего времени остается неизвестной. Таких эскадронов же в двух полках было десять единиц.

С момента формирования в 1874 г. первого Крымского эскадрона и до самороспуска Крымского конного полка 14 января 1918 г. в его рядах прошло военную службу большое количество крымских татар. Офицеры полка с большим уважением относились к своим подчиненным и, находясь в эмиграции, писали о них: *«Все наши татары были великолепные солдаты: исполнительные, добродушные, великолепные товарищи. Честность и порядочность татарская просто могла служить примером, а их прямота и привязанность к своему офицеру и к полку были просто поразительны и достойны подражания»* [8, с. 275].

Мечеть Крымского конного полка (Валиде-Шериф, 1909 г.). Как было указано выше, в сентябре 1908 г., сразу же после своего назначения, новый командир полка полковник Н. А. Княжевич стал ходатайствовать о постройке мечети для нужд солдат-мусульман, составлявших основу воинского формирования. 31 января 1909 г. проект храма был утвержден в строительном отделе Таврического губернского правления, а уже в марте того же года мечеть была заложена рядом с полковыми казармами на пересечении улиц Эскадронной, Бетлинговской и Марковской (ныне ул. Крейзера). Строительство продолжалось восемь месяцев, в октябре 1909 г. здание мечети было построено.

Автор проекта мечети Крымского кон-

Мечеть Крымского конного полка. Открытка нач. XX в.

ного полка до сих пор остается неизвестным. Вероятнее всего, им был губернский архитектор В. А. Геккер, одновременно работавший над проектом здания и Офицерского собрания Крымского полка [8, с. 253].

Здание мечети представляло собой фундаментальное каменное строение, сложенное в виде большого куба из местного бодракского камня-известняка, с одним большим сферическим куполом, покрытым свинцовыми плитами. К мечети был пристроен один минарет. Длина здания была 25 арш. (около 17,5 м), ширина – 20 арш., высота стен – 5 арш. Толщина стен составляла 1,06 м.

Мечеть была зального типа, двухсветная. Внутреннее убранство было выдержано в едином стиле, отличалось художественной строгостью, что соответствовало исламским канонам. В середине зала висела большая бронзовая люстра весом около 100 пудов с электрическими лампочками. Мечеть Крымского конного полка стала первой мечетью в России, которая освещалась электричеством [там же, 253]. Зал

украшали несколько дорогих ковров общей стоимостью около 50 000 рублей, подаренных императором Николаем II.

Общая стоимость постройки, включая стоимость приобретенного участка, составила 20 тыс. рублей. Значительная часть этой суммы была выделена из вакуфного капитала. Помимо этого, 10 000 рублей на строительство было выделено из личных средств императрицы Александры Федоровны.

Располагалась мечеть в центре двора размерами 50 x 50 арш., огороженного 200 медными коваными решетками. Во дворе имелась каменная постройка из двух комнат – одна для сторожа, другая для нужд мечети [1].

Мечеть, как органическая часть архитектурного ансамбля, стала украшением всего военного городка. Она была открыта и освящена 10 (23) октября 1909 г. в присутствии всех чинов полка, Таврического гражданского губернатора В. В. Новицкого, Таврического муфтия Адиль мурзы Карашайского, мусульманских духовных лиц, городского и гарнизонного военно-

*Мечеть Крымского конного полка.
Фото К. Василя.*

го начальства, а также множества народа, большая часть которого была мусульмане. Полковым муллой на тот момент был Сеит Смаил-эфенди Шааб[?] Челеби, муэдзином – Сеит Асан Мустафа-эфенди [8, с. 254].

Несмотря на то что мечеть была открыта для солдат Крымского конного полка, ее

посещали и простые верующие. Последующая судьба мечети оказалась весьма печальной.

С установлением в Крыму Советской власти в октябре 1922 г. прихожане соседних с мечетью городских кварталов обратились в подотдел НКВД с заявлением о передаче им в пользование мечети бывшего Крым-

Внутреннее убранство мечети Крымского конного полка. 1909 г. Фотография из фондов Крымскотатарского музея культурно-исторического наследия. г. Симферополь.

Группа верующих мусульман и городских чиновников у входа в мечеть Крымского конного полка. В центре – Таврический муфтий Адиль мурза Карашайский, справа от него – бывший командир Крымского конного полка, Таврический губернатор генерал-майор Н. А. Княжевич. Фото из «Памятной книги Таврической губернии». 1916 г. Из книги А. Саковича «Крымские татары на военной службе Российской империи». М., 2016.

ского конного полка. 31 декабря 1922 г. группа верующих мусульман, заключив договор с Симферопольским окрисполкомом, получила разрешение на право пользования мечетью. Однако уже в 1923 г., несмотря на протесты прихожан, под предлогом острой нехватки цветных металлов, власти распорядились снять с купола мечети свинцовое покрытие [1]. Судьба храма была предрешена.

Мечеть была закрыта в 1925 г. постановлением президиума КрымЦИК на основании рапорта и ходатайства Центрального административного управления (ЦАУ) Крыма от 25 марта 1925 г. о передаче мечети Симферопольской кавалерийской школе для использования в спортивных целях. В том же году был разобран ее минарет, стопудовая бронзовая люстра, украшавшая зал мечети, тогда же должна была поступить в распоряжение Рудметаллторга [там же]. Спустя несколько лет, в 1930-х гг. мечеть Крымского конного полка была разобрана полностью.

Дом офицерского собрания Крымского конного полка (1909 г.). Офице-

ры Крымского конного и 51-го пехотного Литовского полков, расквартированные в Симферополе, издавна вынашивали идею иметь специальные помещения, где можно было бы вместе с семьями проводить досуг, устраивать торжественные юбилеи, любительские спектакли, играть в бильярд и т. п. [5, с. 133]. Для офицеров Крымского полка эта идея реализовалась в том же 1909 г., одновременно с открытием здания мечети.

Проект здания Офицерского собрания Крымского полка был выполнен известным архитектором Вацлавом Антоновичем Геккером. Уроженец Варшавской губернии, выпускник Петербургского института гражданских инженеров, В. А. Геккер «за выдающуюся служебную и общественную деятельность» был награжден чином действительного статского советника, орденами Св. Станислава, Св. Анны II и III степеней, серебряным кубком за освидетельствование Ливадийского дворца и др. наградами. Последний Таврический губернатор Н. А. Княжевич так характеризовал

Офицерское собрание Крымского конного полка. 1909 г. Из фотоальбома «Офицерское собрание Крымского конного полка. 1909 г.», изготовленного специально для императора Николая II. Из фондов ГБУ РК «Алупкинский дворцово-парковый музей-заповедник».

его: «Зная близко деятельность В. А. Геккера уже давно и с самой лучшей стороны, я имел возможность теперь, за время моего управления в Таврической губернии, вполне оценить его, действительно выдающегося по своей добросовестности, исполнительности и неутомимой энергии работника... Во все свои работы и начинания он всегда вносил свою неисчерпаемую энергию, свою громадную опытность и свой высокий художественный вкус» [там же, с. 134].

Деньги на постройку здания Офицерского собрания Крымского конного полка были выделены из личных средств Николая II [8, с. 255].

История функционирования здания по первоначальному предназначению оказалась весьма непродолжительной. После октябрьских событий 1917 г. Крымский конный полк фактически прекратил существование.

В конце 1917 г. – начале 1918 г. в здании Офицерского собрания уже размещался Крымский штаб (см. выше). Позже, с установлением Советской власти, все помещения бывшего Крымского полка были переданы Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В результате в начале 1921 г. здесь

были размещены кавалерийские курсы РККА, в марте того же года переименованные в 1-е кавалерийские Симферопольские командные курсы. 16 января 1922 г. курсам было присвоено шефство Крымского ЦИК, и они стали именоваться 1-ми кавалерийскими Крымскими им. Крымского ЦИК командными курсами. Один из эскадронов курсов было приказано комплектовать крымскими татарами. В дальнейшем данные курсы еще несколько раз меняли свое название и статус, пока приказом РВС СССР от 5 августа 1926 г. не было предписано к началу 1926/27 учебного года их расформировать [там же, с. 275]. Судя по всему, все это время здание бывшего Офицерского собрания активно использовалось для нужд указанных учреждений.

Несмотря на печальную участь многих построек, входивших в архитектурный ансамбль военного городка Крымского конного полка, здание непосредственно бывшего Офицерского собрания сохранилось до настоящего времени. Оно и ныне продолжает служить по предназначению – является офицерским клубом. Однако в архитектурном отношении здание полностью потеряло первоначальный облик: изменен его фасад,

*Парадный зал
Офицерского
собрания Крымского
конного полка. 1909
г. Из фотоальбома
«Офицерское собрание
Крымского конного
полка. 1909 г.»,
изданного специально
для императора
Николая II. Из фондов
ГБУ РК «Алупкинский
дворцово-парковый
музей-заповедник».*

современная облицовка лишила здание торжественной красоты, скрыла многочисленные архитектурные детали и т. д. В нынешнем виде здание практически ничем не напоминает той прекрасной постройки, которую можно видеть на немногочисленных сохранившихся фотографиях начала XX века.

В отличие от практически аналогично-

го здания Офицерского собрания 51-го пехотного Литовского полка (ныне – здание Симферопольского художественного музея, памятник архитектуры г. Симферополя), здание офицерского собрания Крымского конного полка в настоящее время отсутствует в списках историко-культурного наследия г. Симферополя.

Список использованных источников и литературы

1. **Абдуллаев И.** Последний оплот эскадронцев // *Голос Крыма*. – 1999. – 17 декабря.
2. **Аблязов Э.** Забытые защитники Крыма – эскадронцы // *Голос Крыма*. – 2014. – 5 сентября.
3. **Аирчинская Р.** Эскадронцы // *Голос Крыма*. – 2000. – 9 июня, 16 июня.
4. ГАРК, ф. Р-663, оп. 10, д. 130, 742.
5. **Белова С. Л.** Симферополь: Этюды истории, культуры, архитектуры. – Симферополь: Таврия-Плюс, 2001. – 184 с., илл.
6. **Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.** Без победителей: из истории Гражданской войны в Крыму. – 2-е изд., испр. и доп. – Симферополь: АнтикВА, 2008. – 728 с.
7. **Муфтий-заде И.** Очерк столетней военной службы крымских татар с 1784–1904 г. (по архивным материалам). – Симферополь, 1905. – 73 с.
8. **Сакович А.** Крымские татары на военной службе Российской империи. – М., 2016. – 316 с.: илл.
9. **Hatîf O. K.** Gökbayrak Altında Milli Faaliyet. *1917 Kıırım Tatar milli istiklal hareketinin hikayesi* / Yeniden uayına hazırlayan: Nakan Kıırımli. – Ankara, 1998. – 128 s.

Н. Абдульвапов, Р. Аирчинская

СИМФЕРОПОЛЬСКАЯ МУЖСКАЯ КАЗЕННАЯ ГИМНАЗИЯ
(ныне Гимназия № 1 им. К. Д. Ушинского),
в которой учились отец и сын Исмаил и Рефат Гаспринские
ул. Карла Маркса, 32

Симферопольская мужская казенная гимназия (ныне МБОУ «Гимназия № 1 им. К. Д. Ушинского») является одним из старейших русскоязычных учебных заведений Крыма. За двухсотлетнюю историю существования в ней преподавали многочисленные известные крымские педагоги, среди выпускников же присутствует целый ряд выдающихся государственных и общественно-политических деятелей, представителей науки и культуры и т. д.

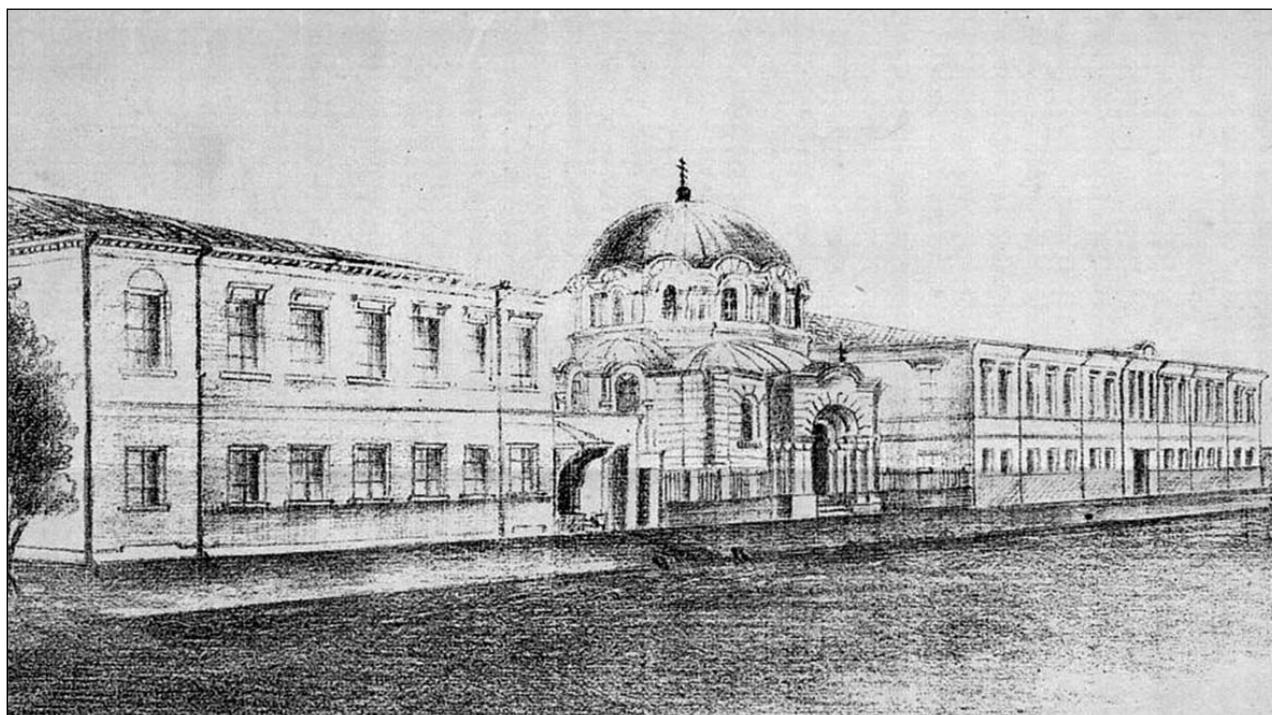
Учебное заведение сыграло определенную роль в развитии образования и среди крымских татар. С его историей оказалась переплетенной судьба целого ряда представителей крымскотатарской интеллигенции XIX – нач. XX вв., среди которых в первую очередь обращает на себя внимание личность выдающегося крымскотатарского просветителя, писателя и публициста Исмаила Гаспринского, а также его сына Рефата.

Таврическая мужская гимназия (первоначальное название учебного заведения) в

г. Симферополе была основана 1 сентября 1812 г. Она состояла из четырех классов, однако не имела собственного помещения, снимая каждый год все новые. В 1836 г. гимназия была преобразована в семиклассную и переименована в Симферопольскую мужскую казенную гимназию. В 1842 г. учебное заведение получило собственное помещение: для ее нужд за 17 000 рублей казной был выкуплен особняк генерал-майора Ф. Д. Ревелиотти на ул. Полицейской (с 1890 г. – Екатерининской, с 1928 г. – ул. К. Маркса), в котором гимназия располагается и сейчас. Вначале занятия шли в плохо приспособленных помещениях, и лишь в 1860-е годы здание было перестроено под гимназию. Учебное заведение стало на тот момент высшим достижением Симферопольской городской думы и передовой общественности на ниве просвещения [8, с. 81].

В 1865–1869 гг. гимназию возглавлял Е. Л. Марков – известный этнограф,

Симферопольская мужская казенная гимназия. Худ. А. Архипов. Из книги «Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Симферополь». Симферополь, 1890.

краевед, писатель, автор ставших весьма популярными «Очерков о Крыме». В 1879 г. директором был назначен Г. И. Тимошевский, состоявший членом-корреспондентом Императорского Московского археологического общества. Он организовал и возглавил созданный в гимназии археологический кружок, при котором был открыт музей археологических находок. Опять же, благодаря Г. И. Тимошевскому, в период с августа 1886 по апрель 1889 гг. для учеников старших классов гимназии были проведены три массовые учебные экскурсии по трем крымским городам (с окрестностями) – Севастополю, Бахчисараю и Симферополю. Во время проведения этих экскурсий преподавателями (в том числе А. И. Маркевичем, Г. И. Тимошевским, Ф. Ф. Лашковым, Х. А. Монастырлы) и гимназистами делались сообщения, посвященные различным аспектам крымоведения, особое внимание было уделено вопросам истории, археологии и этнографии Крыма. По результатам этих экскурсий были опубликованы отчеты, ставшие ценными краеведческими сборниками.

Третья из этих экскурсий, осуществлен-

ная в апреле 1889 г., была посвящена непосредственно истории Симферополя. Ее материалы были опубликованы в 1890 г. и, составив, по сути, содержание первого подробного краеведческого сборника, посвященного Симферополю, до сих пор сохраняют свою актуальность. Особое место в издании, как и в самой экскурсии, было уделено крымскотатарским памятникам города [6]. Одним из участников этой экскурсии был преподаватель гимназии Г. Наиров, исполнявший в те годы обязанности хатипа симферопольской мечети Сейит-Сеттар Челеби.

Учащиеся гимназии в свободное от обязательных занятий время занимались не только историей и археологией. В гимназии были свой струнный оркестр и хор, постоянно устраивались литературно-музыкальные вечера, на которые приглашались все желающие жители Симферополя.

В гимназии преподавали выдающиеся крымские ученые и педагоги. Одним из них был А. И. Маркевич – один из патриархов крымского краеведения, автор фундаментального библиографического труда «Тауґиса: Опыт указателя сочинений, ка-

г. Симферополь, ул. Карла Маркса, 32. Здание бывшей Симферопольской мужской казенной гимназии, ныне – Гимназия № 1 им. К. Д. Ушинского. Фото 2018 г.

сающихся Крыма и Таврической губернии вообще» (опубл. в Симферополе в 1894 г.): с 1883 г. он более 25 лет преподавал в гимназии русский язык и словесность. Два десятилетия проработал в гимназии известный исследователь древностей Крыма, караимский ученый-просветитель И. И. Казас. Преподавателем истории и географии долгие годы был известный историк-архивист Ф. Ф. Лашков – автор, в том числе, целого ряда весьма ценных трудов по крымскотатарской тематике (исторический очерк «Шагин-Гирей, последний крымский хан» (1886 г.), «Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв.» (1891 г.), «Исторический очерк крымскотатарского землевладения» (1897 г.) и др.).

Как было отмечено выше, выпускниками Симферопольской мужской гимназии были многие выдающиеся личности, составившие славу в том числе и давшего им среднее образование Симферополя: художник-маринист И. Айвазовский, ботаник и биогеограф Е. Вульф, армянский дирижер и композитор А. Спендиаров, филолог-славист и историк академик Н. Держа-

вин, ученый-физик И. Курчатов, польский востоковед караимского происхождения А. Зайончковский, литературовед и лингвист Д. Овсянко-Куликовский, композитор и педагог, многолетний директор Большого театра М. Чулаки и многие другие.

В 20-х гг. XX в. гимназия была преобразована в общеобразовательную школу № 1. Ныне – это Симферопольская гимназия № 1 им. К. Д. Ушинского. Согласно решению Крымского облисполкома от 05.09.1969 г. № 595, здание бывшей Симферопольской мужской казенной гимназии является памятником истории.

Симферопольская мужская казенная гимназия занимает в истории крымскотатарского образования особое место. 14 февраля 1827 г. при гимназии было открыто татарское училищное отделение, просуществовавшее до 1859 года. Целью создания этого отделения была подготовка учителей из крымскотатарской среды, способных вести обучение крымскотатарских учащихся русскому языку и ряду общеобразовательных предметов. Выпускники этого учебного заведения готовились для занятия должностей учителей в городских и сельских государственных школах, кото-

рые еще только предстояло открыть. Кроме того, они должны были преподавать и в национально-конфессиональных учебных заведениях – *мектебах* и *медресе*, в этом случае их содержание относилось на вакуфные средства [2, с. 60].

К обучению воспитанников татарского училищного отделения привлекались учителя гимназии. В дополнение к ним, был предусмотрен особый учитель, который преподавал комплекс предметов религиозного цикла, традиционных в крымских медресе. Помимо этого, по результатам ревизии татарских училищ в Крыму в 1843 г. было признано необходимым введение особой должности инспектора татарского учительского отделения. На него планировалось возложить обязанности по наблюдению за преподаванием специфических «татарских» предметов. Из-за ограниченности выделяемых на образование средств реализовать это предложение не удалось. Однако была учреждена должность помощника инспектора Симферопольской гимназии, в ведении которого находилось заведование татарским училищным отделением. Этот важный пост занял известный крымскотатарский педагог Абдурахман Челеби Кырым Ховаджа [там же, с. 61].

Главной целью заведения было изучение русского языка крымскими татарами. Однако достаточное место в программе татарского училищного отделения уделялось и родному языку. Его преподавание впервые было поставлено на научно-методическую основу [там же].

В 1847 г. был составлен окончательный курс обучения. Он был рассчитан на восемь лет. В первые четыре года учащиеся получали начальные знания: занимались чтением, письмом, заучивали фразы на русском языке и должны были изучить четыре правила арифметики. В течение трех последующих лет ученики должны были посещать общегимназические занятия вместе с русскими учащимися. Последний, восьмой год отводился на изучение курса гимназии по истории и географии [там же].

Поскольку отделение было организовано при гимназии, это обусловило гуманитарную направленность обучения. Среди предметов на первом месте были русский и крымскотатарский языки. Из общегимназических дисциплин особое место уделялось изучению арифметики. Старшеклассникам преподавали курсы истории и географии, в которых особый акцент делался на Крым. В связи со спецификой татарского училищного отделения преподавался и цикл богословских мусульманских дисциплин. Необходимо отметить, что гуманитарной направленности татарского училищного отделения был придан востоковедческий характер. Учащимися изучались арабский, персидский и турецкий языки, одно время в курс обучения были введены даже наиболее распространенные языки («наречия») тюркских народов Российской империи [там же, с. 63].

В стенах татарского училищного отделения обучались крымскотатарские дети из разных социальных слоев. В первую очередь это были дети из наиболее известных мусульманских родов, в том числе мурз Кипчакских, Яшлавских, Булгаковых, Мансурских, Ширинских, Крымтаевых, Тайганских, Кантакузовых и других. В последние годы существования отделения в числе учащихся уже встречалось достаточно много детей из бедных семей, прельстившихся казенным обучением и открытой карьерой. Это свидетельствовало об определенном доверии к Симферопольской гимназии среди крымских татар.

Крымскотатарских юношей и их родителей привлекало и то, что воспитанникам татарского училищного отделения разрешалось выдавать форменные гимназические мундиры и фуражки, а спустя несколько лет министерство народного просвещения заменило эту форму на шеголеватые черкески и вообще национальный крымскотатарский костюм [там же, с. 63].

За все время существования татарского отделения возможность окончить весь курс обучения имели 70 человек. Закончили лишь чуть больше трети – 25. Тому

Табличка на фасаде бывшей Симферопольской мужской гимназии, ныне – Гимназии № 1 им. К. Д. Ушинского, с именами некоторых выдающихся выпускников.

было много причин, очень важными из них было незнание учащимися русского языка, а также практически полное отсутствие разработанных методик и какой-либо литературы на крымскотатарском языке [там же, с. 62]. Впрочем, даже этот показатель был значительно выше показателей большинства российских гимназий [там же, с. 64]. Из 25 выпускников 12 получили звания переводчиков, девять стали учителями сельских школ, двое поступили в институт восточных языков [там же].

Одним из наиболее известных выпускников татарского училищного отделения при Симферопольской мужской гимназии был Абдурефи Боданинский (1810–1881) – в будущем преподаватель Симферопольского народного татарского училища, один из старейших крымскотатарских просветителей, отец выдающихся деятелей крымскотатарской культуры Али и Усеина Боданинских. Помимо этого, в гимназии получили образование целый ряд педагогов, имена которых проходят как в связи с последующей историей учебного заведения, так и крымскотатарского образования тех лет в целом: Газиев, Селимов, Исмаил Умбетов и др.

Впоследствии именно выпускниками и преподавателями были подготовлены первые учебники для учащихся отделения – наиболее ранние опыты двуязычных учебных пособий для крымскотатарских учащихся. Так, в апреле 1848 г. попечителю Одесского учебного округа были представлены рукописи четырех трудов. Первый из них представлял собой «Букварь крымскотатарского языка с краткими объяснениями» авторства учителя Сарабузского татарского училища Газиева. Второе пособие было «Грамматикой крымскотатарского языка» преподавателя гимназии Хорасанова. Третье пособие – книга для чтения «Друг детей» была подготовлена под руководством помощника инспектора Симферопольской гимназии А. Челеби Крым-Ховаджа (в работе принимали участие также воспитанники старших классов татарского училищного отделения Чангалов, братья Мансурские, А. Боданинский, Кантакузов), в ней были помещены, в том числе, 60 басен, пословиц и стихотворений в переводе с русского языка на крымскотатарский. Наконец, четвертое пособие представляло собой перевод на крымскотатарский язык известной книги «Сельское чтение» (переводчик А. Крым-Ховаджа) [там же, с. 66].

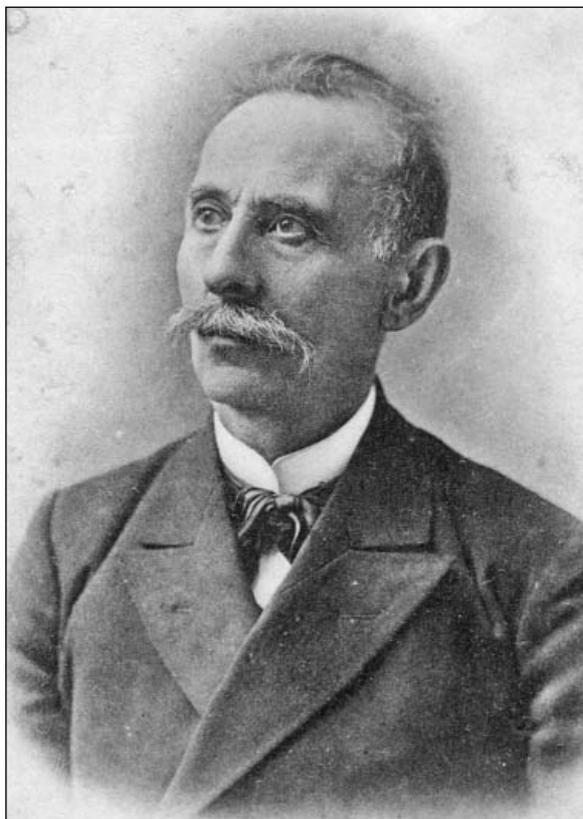
Из этих трудов хорошо известен первый – под названием «Татарско-русские разговоры, с присокуплением к ним пословиц, басен, образцов для склонений и спряжений татарских слов, составленный учителем татарского языка при Симферопольской губернской гимназии Абд-эль-Рахманом Челеби Крым-Ховаджа». Он дважды, в 1850 и 1853 гг., был опубликован в Казани.

Татарское училищное отделение при Симферопольской мужской гимназии приостановило свою деятельность с началом Крымской войны. Однако после окончания войны попечителями Одесско-

го учебного округа был поставлен вопрос о закрытии отделения, что и случилось в 1859 году. На его средства было предложено учредить особое отделение при пансионе Симферопольской гимназии для детей мурз [там же]. Так завершился 30-летний период существования одного из проектов в области крымскотатарского образования в XIX веке.

Через два года после упразднения ТУОСГ на основной курс гимназии поступил десятилетний сын бахчисарайского мурзы Мустафы Гаспринского – **Исмаил Гаспринский (1851–1914)**. Время его пребывания в стенах гимназии оказалось относительно непродолжительным, однако он по праву вошел в историю как этого учебного заведения, так и Симферополя в целом.

И. Гаспринский учился в Симферопольской мужской гимназии, судя по всему, в течение двух лет, в 1861–1863 гг. До этого он получил домашнее образование, а также некоторое время проучился в начальной школе (мектеб) в Бахчисарае. 10 августа 1861 г. отец будущего просветителя Мустафа Гаспринский подал прошение на имя директора училищ Таврической губернии с просьбой принять вступительные экзамены у его сына Исмаила. Осенью И. Гаспринский был зачислен в Симферопольскую мужскую гимназию. Сохранилась «Ведомость об успехах и поведении учеников Симферопольской гимназии по предмету математики за 1861/62 академический год», в которой присутствует имя будущего просветителя. В августе 1863 г. М. Гаспринский затребовал у дворянского депутат-

И. Гаспринский (1851–1914)

ского собрания губернии копию метрического свидетельства, необходимого для определения его сына в кадетский корпус [1, с. 21]. В результате Исмаил продолжил образование в Воронежском кадетском корпусе, а затем во 2-й Московской военной гимназии.

Последующая деятельность И. Гаспринского, одного из наиболее выдающихся представителей крымскотатар-

2 Января 1887 г. **ГАЗЕТА ПЕРЕВОДЧИКЪ** 18 Янв-ял-Ахъуръ 1304 г.

ПЕРЕВОДЧИКЪ

№ 1-й

ВЫХОДИТЬ РАЗЪ ВЪ НЕДЕЛЮ.

Редакция и типография в Бахчисарае, во двор. в Отделении № 11. С. Симферополь. Статьи оригинальные для перевода могут быть из русских или иностранных языков на казенном языке казенной и славянской печати. При подготовке статей обращаться к редактору из письма по почте по адресу: Симферополь. Условно подписки за год в переплетенном виде — 3 руб.; по почте — 3 руб.; по почте — 3 руб.; по почте — 3 руб.

Газета литературы, отечественной, иностранной жизни и политики

1887 ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ «ПЕРЕВОДЧИКЪ»

Гр. подписчики получают все номера по почте с начала Января в два небольших книжки на татарском языке, как в рубль. Газета стоит за год три руб.: за полгода два руб., с доставкой или доставкой. Подписка и заказ объявлений принимаются в редакции газеты в г. Бахчисарае, а также в которой в г. Симферополь (Пензенская, д. Северная). Редактор-Исмаил ГАСПРИНСКИЙ

стому знакомому на болгар, то и мусульману, переводит ему приглашение в светского языковедения своей. Добрый муж ищет домой и сообщает своей жене: «Директорские не жалею (главное)». Отлично не поехать в гости, так же было, что муж ищет языковедения? Пусть переводит газету из своей общественной жизни. Войдя в дом, он встретился со женой и сконфузился: «Директорские — дай же хозяйке? Тотъ удивляется газету, а тотъ, когда свидания дома, невольно раздается язык-то свист и шорох. Одинъ изъ языковедовъ прислушивается, прислушивается и наконецъ выписывается отуда жаркого, под-верженного изъ продолжения ступи. Очевидно было, что переводчикъ ласкает все допустимы языки (обычно) языковедовъ и держит ее на языке. Хотят и встретиться со женой и сконфузился груст, конечно, но отойти и перейти назадъ взро-

Будетъ надеяться, что мусульманские языки создадутъ работы прилагательныхъ и прилагательныхъ языкъ и языки съ другими будутъaver-гично работать для развития иэ-стой торговли и промышленности.

Настоящая итальянская претория, какъ сообщаетъ римская газета, производится изъ кар-рель еще одна путешествие по России. Павелъ путешествие со-считалъ графиня Морсальде-Па-сина в отъезды савантине го-

Газета «Переводчик» («Терджиман») за 2 января 1887 г. Из фондов Мемориального музея И. Гаспринского, г. Бахчисарай.

Памятник И. Гаспринскому в Симферополе (на ул. Воровского). Фото 2018 г.

ской культуры, за свои достижения в культурно-просветительской и социально-политической сфере представленного в 1910 г. французским журналом «Revue du monde musulman» на соискание Нобелевской премии, делает честь в том числе и Симферопольской мужской гимназии. Ныне его имя запечатлено на мемориальной доске на фасаде здания – наряду с именами других выдающихся выпускников гимназии.

Помимо периода учебы в Симферопольской мужской гимназии, с Симферополем И. Гаспринского связывали многочисленные и другие факты его биографии. Так, в 1881 г. в симферопольской газете «Таврида» (редактор-издатель И. И. Казас) было опубликовано одно из его произведений – очерк «Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина», в котором очень ясно была изложена просветительская программа И. Гаспринского. В том же году очерк был издан отдельной брошюрой в той же типографии (М. С. Спири), в которой печаталась и «Таврида».

С редактором «Тавриды» И. И. Казасом, к слову, одним из преподавателей Симферопольской мужской гимназии, у И. Гаспринского сложились достаточно близкие

отношения. Так, с одной стороны, И. Гаспринский сотрудничал с газетой в бытность свою головой Бахчисарая (1879–1884 гг.), с другой стороны, И. И. Казас с 1884 по 1905 гг. был цензором газеты «Терджиман» и пользовался большим уважением И. Гаспринского.

В Симферополь же были временно перенесены типография, контора и редакция газеты «Терджиман» после пожара в 1885 году. На это присутствует указание, в частности, в номерах газеты за период с октября 1886 по октябрь 1887 гг. Редакция газеты располагалась на ул. Полицейской (ныне ул. Карла Маркса), в доме Сеферова. Тут же, судя по всему, находилась и типография, на что присутствовало указание в номерах газеты за этот период: «Печат. в Русско-Мусульманской тип. газ. «Переводчик», в Симферополе».

Именно в этой конторе на улице Полицейской летом 1887 г. произошла встреча И. Гаспринского с писателем С. Филипповым, описанная последним в известной книге «По Крыму: Отражения» [7, с. 69–78].

Из других фактов, связывавших И. Гаспринского с Симферополем, мож-

но указать на следующие. Так, просветитель был членом ряда известных крымских научных и общественных организаций, базировавшихся в Симферополе. В частности, с 1887 г., с самого момента основания, И. Гаспринский являлся членом Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК – была организована подвижничеством педагогов Симферопольской мужской гимназии) и принимал в ее деятельности посильное участие [1, с. 82–89]. Также И. Гаспринский был одним из основателей и активных членов Крымского мусульманского благотворительного общества, основанного в 1897 г. в Симферополе под руководством известного крымскотатарского мецената, полковника И. Муфти-заде.

Помимо этого, И. Гаспринский принимал деятельное участие в судьбе известной симферопольской школы рушдие, открытой в 1905 г., а также многочисленных других проектов в области крымскотатарской культуры и образования, имевших место в жизни Симферополя в соответствующий период. Разумеется, он как редактор активно освещал все эти проекты и на страницах своих изданий, прежде всего в «Терджимане».

Надо отметить, что Симферополь не забыл всех этих фактов участия И. Гаспринского в культурной жизни города. Так, еще в 1918 г. усилиями крымскотатарской интеллигенции здесь было открыто первое крымскотатарское женское педучилище – Дарульмуаллимат им. И. Гаспринского (одним из его руководителей была дочь просветителя Ш. Гаспринская). Уже после возвращения крымских татар из ссылки, в 1998 г. на берегу Салгира, на ул. Воровского был открыт памятник И. Гаспринскому (скульптор А. Алиев). Часть параллельной улице Воровского улицы Набережной была названа именем просветителя. Имя И. Гаспринского было присвоено Республиканской крымскотатарской библиотеке, с 1991 г. располагающейся в бывшем здании школы рушдие (ныне ул. Самокиша, 8), а также медиацентру, основанному в 2015 году.

Помимо И. Гаспринского, в Симферопольской мужской гимназии учился и его старший сын – Рефат (Абдуррефи) Гаспринский. Он родился 17 июня 1884 г. в Бахчисарае и был первым (старшим) сыном от второго брака И. Гаспринского

г. Симферополь, ул. Самокиша, 8. Бронзовый барельеф И. Гаспринского на стене перед входом в библиотеку, названную в его честь (Республиканская крымскотатарская библиотека им. И. Гаспринского).

Рефат Гаспринский (1884–1925)

*Мустафа Давидович с семьей. Второй слева – Сеттар Давидович.
Фото 1890-х гг.*

с представительницей известного татарского рода промышленников Акчуриных – Биби Зехрой. В Симферопольской мужской гимназии Р. Гаспринский учился в 1894–1904 гг. (т. е. прошел полный курс), затем поступил на юридический факультет Казанского университета, откуда перевёлся в Харьковский университет.

Р. Гаспринский принимал активное участие в работе газеты «Терджиман», а с 25 апреля 1909 г. официально стал её соредактором. После смерти И. Гаспринского Рефат, будучи старшим сыном, принял на себя все заботы о семье, а также обязанности по редактированию и изданию газеты. С 28 октября 1914 г. газету «Терджиман» стал редактировать А. С. Айвазов, а с 4 мая 1915 г. ему стал помогать Рефат Гаспринский. В его обязанности входило редактирование таких составных частей газеты, как телеграммы и корре-

спонденции, повести, рассказы. Также он заведовал педагогическим отделом газеты и разделом объявлений на русском, татарском, арабском и персидском языках и пр. «Терджиман» прекратил издаваться в феврале 1918 г. в знак протеста против убийства большевиками в ночь на 23 февраля того же года в Севастополе Таврического муфтия, бывшего председателя Крымскотатарского национального правительства (Директории), выдающегося поэта и писателя Н. Челебиджихана.

В 1921 г. Рефат Гаспринский стал директором Дома-музея Исмаила Гаспринского, открытого по инициативе ОХРИС Бахчисарайского района к 70-летию со дня рождения просветителя в здании типографии газеты «Терджиман». Основу коллекции музея составляли дарственные предметы, награды и личные вещи И. Гаспринского. Помимо этого, он стал директором Бахчисарайской библиотеки им. И. Гаспринского, которая, по утверждению некоторых исследователей, состояла из личной библиотеки просветителя и находилась при музее. В годы работы Дом-музей был центром национальной культуры крымских татар не только города Бахчисарая, но и всего полуострова.

Известно также, что свою работу в Доме-музее Р. Гаспринский совмещал с должностью заместителя директора Ханского дворца.

Р. Гаспринский умер 5 декабря 1925 г. в Бахчисарае после тяжелой и продолжительной болезни. Был похоронен рядом с могилой отца – на территории бывшего ханского дворцового комплекса «Девлет-Сарай», напротив Зынджирлы-медресе.

Помимо Рефата Гаспринского, выпускником Симферопольской мужской гимназии был еще один представитель крымскотатарской дворянской фамилии, сын Бахчисарайского головы Мустафы мурзы Давидовича – **Сеттар Давидович**.

Мустафа Давидович (1851–1914) происходил из старинного татарского рода, осевшего в период Золотой Орды на землях Великого княжества Литовского. Родился он в 1851 г. в Варшаве, в 1860-х гг. учился вместе с И. Гаспринским во 2-й Московской военной гимназии, в 1867 г. опять же вместе с И. Гаспринским приехал в Крым и остался здесь навсегда. В 1870 г. М. Давидович сдает экзамен в Симферопольской мужской гимназии и получает право преподавать русский язык в городских начальных учебных заведениях. Некоторое время он преподает в Алуште, но,

предположительно в 1879 г., по приглашению избранного Бахчисарайским головой И. Гаспринского переезжает в Бахчисарай. Здесь М. Давидович открывает адвокатскую контору, а в 1885 г. и сам избирается Бахчисарайским головой. Пребывает в этой должности до 1907 г., зарекомендовав себя как успешный градоначальник.

В 1907 г. М. Давидович возвращается в Алушту и избирается городским головой на этот раз уже этого южнобережного города. Оставался в должности до самой смерти в 1914 г.; за год до этого, в декабре 1913 г., стал председателем Мусульманского благотворительного общества Алушты.

У М. Давидовича было шестеро детей,

одним из которых был сын Сеттар. Принимая во внимание пребывание М. Давидовича в должности головы Бахчисарая с 1885 г., можно предположить, что Сеттар и сын И. Гаспринского Рефат поступили в Симферопольскую гимназию одновременно, в 1894 году. В любом случае, оканчивали они ее вместе: в номере «Терджиман» за 1 июня 1904 г. сообщалось о завершении обучения в Симферопольской гимназии двух молодых людей – сыновей главного редактора газеты и городского головы. Здесь же сообщалось, что Р. Гаспринский планирует поступить на юридический факультет университета, С. Давидович же – на медицинский [4, с. 119–120].

Список использованных источников и литературы

1. **Ганкевич В. Ю.** На службе правде и просвещению: краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского (1851–1914) / вступ. статья А. Р. Эмирова. – Симферополь: ДОЛЯ, 2000. – 328 с.

2. **Ганкевич В. Ю.** Очерки истории крымскотатарского народного образования. (Реформирование этноконфессиональных учебных заведений мусульман в Таврической губернии в XIX – начале XX века.) – Симферополь: Таврия, 1998. – 164 с.

3. **Гаспринский И.** Русское мусульманство: Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. – Симферополь: Изд-во тип. Спиро, 1881. – 45 с.

4. **Керимов И. А.** Гапринскийнинъ джанлы тарихы: 1883–1914. – Симферополь: Тарпан, 1999. – 408 с.

5. **Сеитмететова С. А., Сеитваниева Г. Ю.** К 100-летию Музея: Рефат мурза Гаспринский (1884–1925) – первый директор музея Исмаила Гаспринского. – Режим доступа: https://www.mkrf.ru/press/news_regions/k_100_letiyu_muzeya_refat_murza_gasprinskiy_1884_1925_pervyyu_direktor_muzeya_ismaila_gasprinskogo

6. **Третья** учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Симферополь: Отчет, составленный по поручению педагогического совета Ф. Лашковым. Приложения рисовал А. Архипов. – Симферополь, 1890. – 137 с.

7. **Филиппов С. Н.** По Крыму: отражения / Рис. [обл.] Франца Жмурко. – Москва: тип. А. Левенсон и К°, 1889. – [4], 469 с.;

8. **Широков В. А., Доля А. И.** Симферополь: улицы и дома рассказывают... – Симферополь, 2008. – 276 с.

Н. Абдульвапов

СИМФЕРОПОЛЬСКАЯ ТАТАРСКАЯ УЧИТЕЛЬСКАЯ ШКОЛА.

Женское педучилище (Дарульмуаллимат) им. И. Гаспринского.
Татарский фельдшерско-акушерский техникум.
Девятилетняя образцово-показательная
крымскотатарская школа (№ 13)
ул. Ефремова — Володарского, 4/22

Здание в г. Симферополе по адресу ул. Ефремова – Володарского, 4/22, является одним из наиболее интересных как с точки зрения истории крымскотатарского образования, так и всей общественной и культурной жизни крымских татар конца XIX – первой трети XX в. в целом. На протяжении более 60 лет, с 1872 по 1936 гг., в нем функционировали, по меньшей мере, четыре крымскотатарских учебных заведения, с которыми связаны биографии многочисленных общественно-политических деятелей, выдающихся представителей крымскотатарской культуры, науки и просвещения.

Здание располагается в восточной части Старого города, в квартале, издревле известном как Каябашы (с крымскотат.: «вершина скалы») и представляет собой длинное угловое строение, частично двухэтажное (по ул. Володарского), с просторным двором и

многочисленными постройками на его территории. Ныне здесь располагается Специальная (коррекционная) общеобразовательная школа для детей с ограниченными возможностями здоровья «Злагода».

Симферопольская татарская учительская школа. Первым учебным заведением, открывшимся в данном здании в 1872 г., была Симферопольская татарская учительская школа (с 1917 г. – Симферопольская татарская учительская семинария; крымскотатарское название: Акъмесджит дарульмуаллимини). Заведение было предназначено для подготовки преподавательских кадров для начальных крымскотатарских школ. Срок обучения в нем был шесть лет, имелись также подготовительные курсы. Ежегодный набор составлял в среднем 40 учащихся.

Преподавание в Симферопольской татарской учительской школе велось на русском

г. Симферополь. Бывшая Симферопольская татарская учительская школа, ныне – Специальная (коррекционная) общеобразовательная школа для детей с ограниченными возможностями здоровья «Злагода». Часть здания учебного заведения и отдельные помещения, выходящие на ул. Ефремова. Фото 2017 г.

языке, программа учебного курса предусматривала изучение таких предметов, как русский язык, чистописание, арифметика с кратким курсом геометрии, естествоведение (позже было переименовано на «естествознание и география»), история, география, основы педагогики и дидактика, мусульманское вероучение, крымскотатарский язык, рисование, музыка, гигиена, переплетное и сапожное ремесло. Кроме того, учащиеся должны были заниматься гимнастикой.

Инспекторами (директорами) школы в разные годы были известные педагоги и ученые как из Крыма, так и из других регионов России: З. И. Тахтаров, А. Б. Багатурьянц, И. И. Казас, М. Я. Дубровный, Х. А. Монастырлы, В. И. Филоненко (в будущем известный востоковед, профессор), А. Муфти-заде, С. И. Благовещенский. Несмотря на то что инспекторы были представителями различных национальностей, практически все они знали крымскотатарский язык, были знакомы с крымскотатарской культурой, пользовались уважением местного населения.

Среди педагогов школы необходимо отметить преподавателей: русского языка Д. И. Писаревского, Г. Ф. Додохова, Р. Г. Хасабова, математики – Я. С. Майкапара (караим, проработал в школе 36 лет – с 1872 по 1908 гг.), физики – М. Радкевича, чисто-

писания и рисования – Я. И. Емельяненко и А. А. Архипова и др.

Мусульманское вероучение в школе преподавали Мевлют Алиев (мулла упраздненного лейб-гвардии крымскотатарского полуэскадрона), Мемет Наибов (выпускник ханского медресе в Бахчисарае, проработал в СТУШ 20 лет, до 1903 г.), Абдуль Кудус Анефи-оглу (имам и хатип прихода Кебир Джамии в Симферополе, проработал в школе с 1903 г. по закрытие учебного заведения) [1, с. 39].

Крымскотатарский язык в школе был введен с 1907 г., его преподавателем был Сеит Абдуреим Челеби Муфти-заде – выпускник Зынджирлы-медресе и учительской семинарии в Стамбуле, с 1909 г. член и делопроизводитель комиссии по рассмотрению книг и учебников на крымскотатарском языке при Таврической губернской земской управе [там же, с. 42].

Почетными попечителями Симферопольской татарской учительской школы были известные крымскотатарские дворяне (мурзы): губернский секретарь Мемет Карашайский, депутат Госдумы, меценат, полковник И. Муфти-заде (с 1891 по 1903 г.), надворный советник и меценат Саид-бей Булгаков, корнет запаса Селямет мурза Кипчакский, статский советник Умер мурза Караманов. Из них своим вкладом особо выделяют-

Абдурешид Медиев (1880–1912)

ся Исмаил Муфти-заде и Саид-бей Булгаков. Благодаря усилиям И. Муфти-заде, в частности, в курс обучения были введены крымскотатарский и арабский языки, а также усилено преподавание мусульманского вероучения. На свои средства И. Муфти-заде приобрел землю для расширения школьного двора и разрешил пользоваться ею безвозмездно с правом постепенного выкупа. Благодаря, опять же, его усилиям из различных источников были собраны 15 000 рублей, на которые школа смогла выстроить двухэтажное здание [там же, с. 32–33].

Что касается С. Булгакова, благодаря его пожертвованиям школа, в частности, имела свой ученический духовой оркестр, который являлся гордостью школы и был одним из лучших в г. Симферополе. Из средств Булгакова также выделялось жалование учителю пения, частично учителю музыки, приобретались ноты и музыкальные инструменты, осуществлялся ремонт последних [там же, с. 33–34].

Учащимися школы в разное время были выдающиеся в будущем деятели крымскотатарской культуры: педагог, общественно-политический деятель Али Баданинский и его брат, художник, первый заведующий Бахчисарайским ханским дворцом-музеем Усеин Баданинский, общественный деятель, депутат Госдумы, голова г. Карасубазара (ныне г. Белогорск), издатель и публицист Абдурешид Медиев, активный член национального движения и педагог Сеитджелиль Хаттатов, языковед, переводчик и педагог Осман Заатов, писатель, драматург, актер, режиссер Крымскотатарского государственного театра Джелял Меинов, классики крымскотатарской литературы – поэт, писатель, переводчик и педагог Усеин Шамиль Токтаргазы и поэт Асан Чергеев, известные ученые и педагоги Исмаил Леманов, Умер Аджид-Асан, Абдуреим Челеби Муфти-заде, публицист и партийный работник Тейфук Бояджиев (ректор Комвуза, редактор газеты «Янны дунья»), композитор Ягья Шерфединов, художник Абдурефи Абиев, государственные деятели: Исмаил Фирдевс (председатель комитета по народному образованию, позже нарком юстиции Крымской АССР в 1922–1923 гг.), Усеин Балич (нарком просвещения Крымской АССР в 1924–1928 гг.), Февзи Мусаниф (нарком земледелия Крымской АССР в 1934–1937 гг.); актер и режисер Ибраим Халилев, общественные деятели, участники национального движения крымских татар: Аббас Ширинский, Менсеит Джемилев, Исмаил Арабский, Якуб Давидович, Сулейман Идрисов, Аблямит Кямил, Мирза Яшлавский, Селямет Крымтаев и многие другие [там же, с. 47–53].

В 1917 г., после Февральской революции, Симферопольская татарская учительская школа переходит в ведение Временного крымско-мусульманского исполнительного комитета (председатель – и. о. Таврического муфтия Н. Челебиджихан). Инспектором школы назначается преподаватель крымскотатарского языка Абдуреим Челеби Муфти-заде, который делает попытку реформировать учебное заведение. В частности, изменяется статус учебного заведения – оно преобразовывается в Симферопольскую татарскую учебную семинарию. Однако, несмотря на определенные усилия, направленные на реформу учебного заведения, к окончанию Гражданской войны оно прекращает свою работу.

Наиболее раннее упоминание о здании Симферопольской татарской учительской школы датируется 1863 годом. В то время оно представляло собой «дом общественный во второй части на 250 человек, первый этаж – 7 комнат, 2 кухни, 6 голландских печей, занят

4-ю ротую Таврического батальона внутренней стражи» [8, с. 153].

Перед открытием учебного заведения в 1872 г. была проведена большая организационная работа, длившаяся более восьми месяцев. За это время удалось заключить контракт с купцом Воронцовым об аренде сроком на шесть лет части его домовладения. После проведенной реконструкции в арендованном доме по Бульварному переулку были подготовлены помещения для занятий, мастерские, столовая, буфет, кухня, спальня для воспитанников, квартира для инспектора школы, баня и туалет [2, с. 86].

В 1893 г. школа размещалась в главном учебном корпусе и в четырех флигелях [там же, с. 90]. В 1894–1895 гг. председатель Симферопольского благотворительного общества и одновременно попечитель школы И. Муфти-заде предложил проект преобразования Симферопольской татарской учительской школы в общеобразовательное среднее учебное заведение для мусульманского населения Крыма. Проект был отклонен, однако по инициативе И. Муфти-заде в среде крымских татар были собраны средства на реконструкцию здания школы. Также на дополнительно собранные деньги для школы был куплен соседний двор с имевшимися там строениями [1, с. 33].

«В 1902 году прежде арендованное здание СТУШ было, наконец, выкуплено казной за 25 тысяч рублей. Через пять лет, в 1907 году, был построен новый флигель, в котором размещались мастерская ручного труда, класс сапожного ремесла и классная комната. К 1908 году школа располагала двухэтажным корпусом и пятью флигелями, в которых, помимо указанных выше мастерских, размещались кухня, буфет, столовая, прачечная, склад для дров, склад для изношенной одежды воспитанников, квартиры инспектора, служителя и эконома [2, с. 90–91].

Женское педучилище (Дарульмуаллимат) им. И. Гаспринского. Симферопольская татарская учительская семинария была закрыта в период Гражданской войны. Но история использования ее здания для нужд крымскотатарского образования на этом не закончилась.

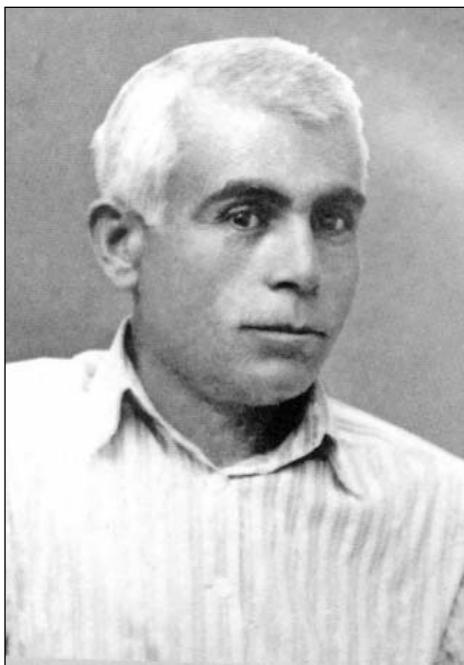
В 1921 г., с утверждением в Крыму Советской власти, бывшее здание Симферопольской татарской учительской школы об-

Сейтджелиль Хатматов (1874–1938)

Свидетельство об окончании Симферопольской татарской учительской школы, выданное 18 июня 1918 г. Али Асану (Али Асанов (1900–1938), в 1930–1934 гг. – нарком просвещения Крымской АССР). Из архива Л. Д. Джетере-Асанова.

Усеин Боданинский (1877–1938)

ратило на себя внимание членов Крымского правительства. На одном из заседаний Наркомпроса Крымской АССР известный крымскотатарский ученый и поэт Б. Чобан-заде, вернувшийся в Крым из Европы и активно включившийся в работу в сфере крымскотатарского образования, высказался о необходимости проведения ремонтных работ на территории бывшей Татарской учительской школы. Судя по всему, необходимые работы были произведены, и в этом же году в здание переезжает крымскотатарское педучилище для девушек – Дарульмуаллимат им. И. Гаспринского.

Данное учебное заведение было основано в Симферополе в 1918 г. – вслед за педагогическим училищем им. И. Гаспринского для юношей (Дарульмуаллимин), открытым Временным крымско-мусульманским исполнительным комитетом годом ранее в Бахчисарае. Во главе учебного заведения находились

известные представительницы женского движения в Крыму – дочь И. Гаспринского Шефика Гаспринская и глава Симферопольского мусульманского женского комитета Ильхамие Тохтарова. Первые годы учебное заведение находилось в Старом городе, на ул. Кладбищенской (дом № 66). В 1921 году, на момент переезда в новое здание, количество учащихся в училище доходило до 200 человек. Это было учебное заведение интернатного типа.

Женское педучилище (Дарульмуаллимат) им. И. Гаспринского было национальным (крымскотатарским) учебным заведением. В начальный период его деятельности в нем преподавали многие выдающиеся представители крымскотатарской интеллигенции, – ученые, педагоги, деятели искусств, – а также педагоги из Турции и Казани: Абибулла Одабаш, Абдулла Куркчи, Рашид Мумджи, Мамут Недим, Эдем Фейзи, Мидат Рефат, Асан Чергеев, Айше Тайганская, Мухаммед Тевфик, Умер Сами Арбатлы, Азиз Тимучин и др. В настоящее время точно не известно, кто из них продолжал работать в новом здании педучилища. Из воспоминаний выпускницы учебного заведения З. Халиловой (Чобан-заде) мы лишь знаем, что его директором в 1921–1922 гг. был А. Одабаш, преподавателями – А. Куркчи и Р. Мумджи.

Через год после переезда в новое здание, в 1922 г., в педучилище состоялись первые выпускные экзамены. По воспоминаниям З. Халиловой, они превратились в значительное и весьма яркое событие. На экзамене присутствовали переподаватели Бахчисарайского педучилища для юношей (Дарульмуаллимин), Крымского татарского («Тотайкойского») педтехникума, известные педагоги и ученые, представители крымскотатарской интеллигенции: У. Боданинский, А. С. Айвазов, У. Балич, О. Зекки, О. Дерен-Айырлы, О. Акчокраклы, У. Ипчи, А. Одабаш, Бекир Одабаш, Умер Куркчи, А. Куркчи, Р. Мумджи, М. Недим, Мемет Абдулла, Х. Чапчакчы, А. Озенбашлы, Дж. Гафар, А. Черги (Чергеев), Абдульэхад Амди (Амди Герайбай), Бекир Муеддин, Якуб Керчи, Якуб Азиз, Вели Ибраимов и др.

В этот год учебное заведение окончили 22 девушки. З. Халилева в своих воспоминаниях посвящает каждой из них отдельные фрагменты-характеристики, благодаря чему в настоящее время (при отсутствии архивных материалов) можно в некоторой степени представить состав учащихся Дарульмуаллимата. Нельзя не отметить, что многие из первых выпускниц училища стали впоследствии известными деятелями крымскотатарской культуры, науки, образования. Так, Ребия Бекирова окончила Комвуз в Москве; вернувшись в Крым, некото-

рое время преподавала; позже, в 1934–1937 гг., была наркомом здравоохранения Крымской АССР. Раиме Муллина стала известным языковедом, кандидатом филологических наук, 40 лет проработала в Казахском государственном университете. Амиде Аджи-Асан окончила два вуза – Азербайджанский педагогический институт и Ташкентский медицинский институт, стала известным офтальмологом. Асие Софу также окончила Азербайджанский пединститут, посвятила жизнь педагогической деятельности. Всю свою жизнь посвятила школе и автор вышеупомянутых воспоминаний, родная сестра ученого и поэта Б.Чобан-заде – Зулейха Халилева.

Педучилище просуществовало в бышем здании Симферопольской татарской учительской школы два года. В 1923 г. учебное заведение было расформировано, его ученицы были переведены, в основном, в Крымский татарский (Тотайкойский) педагогический техникум, открытый годом ранее под Симферополем, в дер. Тотайкой (см. соответствующий очерк данного «Свода») [4, с. 23].

Татарский фельдшерско-акушерский техникум. Татарский фельдшерско-акушерский техникум (позже Татарский областной медицинский политехникум) являлся одним из национальных крымскотатарских учебных заведений среднего звена в период Крымской АССР. Учебное заведение было открыто в 1922 г. в бывшем здании Симферопольской татарской учительской школы, где одновременно функционировало женское педучилище (Дарульмуаллимат) им. И. Гаспринского. Судя по всему, соседство продолжалось около трех лет, поскольку в 1925 г. техникум был переведен в здание бывшего Дома губернатора по адресу ул. Ленина, 15. Выбор в пользу первоначального размещения техникума был обусловлен как отсутствием финансов для предоставления учебному заведению полноценного здания, так и, надо полагать, составом учащихся педучилища (около 200 девушек). Татарский фельдшерско-акушерский техникум за всю историю существования неоднократно менял место своего расположения, а также статус и название. Его краткой истории посвящена отдельная статья в настоящем «Своде».

Девятилетняя образцово-показательная крымскотатарская школа (№ 13). В 1923 г., после закрытия Дарульмуаллимата, в бышем здании Симферопольской татарской учительской школы была открыта общеобразовательная школа, которой суждено было стать одной из наиболее известных крымскотатарских школ довоенного периода. Речь идет о Девятилетней образцово-показательной крымскотатарской школе, со временем

Сабрие Эредженова (1912–1977)

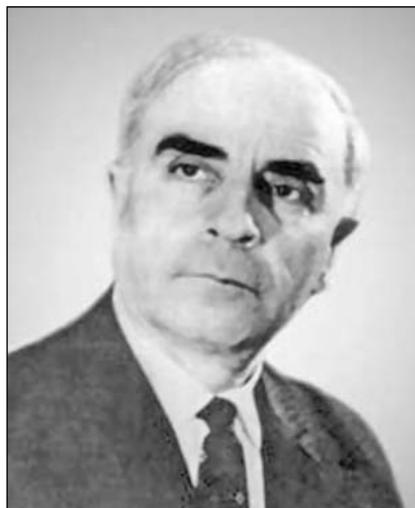
Умер Аджи-Асанов (1898–1949)

получившей номер «13». Данное учебное заведение функционировало в бывшем здании учительской школы, уже по адресу ул. Школьная, 4, до 1936 г., после чего переехало в новое помещение – в специально выстроенное школьное здание по ул. Караимской, 23а.

История Девятилетней образцово-показательной крымскотатарской школы, особенно начального периода, остается малоисследованной. В настоящее

Эмир Фаик (1909–1993)

Асан Абдулаевич Асан-Нури (1912–1978)

время даже неизвестна судьба архивных документов, связанных с ее деятельностью. Однако в распоряжении исследователей имеются многочисленные воспоминания выпускников школы, помимо этого, учебное заведение упоминается в биографиях целого ряда известных крымскотатарских деятелей.

Имя первого директора школы в настоящее время неизвестно. В 1927–1932 гг. ее возглавлял, по некоторым сведениям, Исмаил Джемалединов, по другим – известный

педагог, близкий друг Б. Чобан-заде – Абдулькерим Джемалединов. В 1934 г. директором школы была назначена бывшая выпускница учебного заведения – 25-летняя Фатиме Кадымуллаева, оставшаяся в этой должности вплоть до начала Великой Отечественной войны. Есть также сведения, что в школе в должности директора (по другим источникам – зам. директора) некоторое время работал еще один известный педагог, один из наиболее ярких представителей интеллектуальной элиты крымских татар тех лет – Муртаза Велиджанов.

Среди преподавателей Девятилетней крымскотатарской образцово-показательной школы обращает внимание цвет крымскотатарской науки, педагогики и литературы того времени: Осман Акчокраклы, Исмаил Леманов, Умер Аджи-Асан, Асан Шумин (позже директор Крымского пединститута), Амди Герайбай, Решид Багчеван, Шамиль Абляй. Помимо них, в школе преподавали и менее известные педагоги: Эмине Габилова, Аблямит Кадирий (Кадрин Аблямитов [?]), Урие Халайджи, Мамут Медин (позже директор 12-й образцовой крымскотатарской школы-интерната) и др.

Помимо этого, с большой вероятностью можно говорить, что в именно в здании по адресу ул. Школьная, 4, начинали свою педагогическую деятельность такие преподаватели, как У. Вебиев, О. Умеров, У. Меметов, К. Тохтаров, Н. Аппазов, С. Салиева, В. Танабайлы (писатель), И. Бахшиш (поэт, руководитель поэтического кружка), – их мы знаем по последующей истории учебного заведения, уже в новом здании – на ул. Каримской.

Вместе с крымскими татарами в школе преподавали и известные педагоги – представители других национальностей: И. С. Кая, И. Кефели, Э. А. Шапшал, В. К. Ханбекова, А. Козерог, В. В. Соколов и др.

Симферопольская крымскотатарская образцово-показательная 9-летняя школа воспитала целую плеяду в будущем известных деятелей крымскотатарской культуры. Среди ее учащихся были известные поэты и писатели, такие как Осман Амит, Максут Сулейман, Амди Алим, Бекир Ваап, Меннан Джаманаклы, Решид Мурад, Рустем Муеддин, Мемет Севдияр, ученые – крупнейший специалист в области теории и истории педагогики, истории культуры и просвещения народов Востока, академик Азиз Измайлов, выдающийся инженер и учёный-нефтяник, доктор технических наук, профессор Асан Абдулаевич Асан-Нури, выдающийся ученый-онколог, доктор медицинских наук, профессор Тевфик Асанов, кандидат филологических наук Басыр Гафаров, известный кинорежиссер, выпускник Государственного института кинематографии (г. Москва) Эмир Фаик, актер Меджит Асанов, артист Рефат Челебиев, выдающиеся певицы Сабрие Эреджепова (оставила ценные воспоминания о годах, проведенных в стенах школы) и Зейнеп Люманова, участник Великой Отече-

ственной войны, комиссар Восточного соединения партизан Крыма Рефат Мустафаев, педагоги и общественные деятели Сабе Усеинова, Али Умеров (позже студент Московского института философии, литературы и истории, участник войны), Осман Эбасанов (позже студент Крымского пединститута, инспектор Наркомпроса Крымской АССР, жертва сталинских репрессий, ветеран войны, участник национального движения) и многие другие. Некоторые из них, начав обучение в здании на ул. Школьной, продолжили его уже в новом здании – на ул. Караимской, 23а.

Необходимо отметить, что симферопольская крымскотатарская образцово-показательная «девятилетка» была одним из центров культурной жизни крымских татар в те годы. Здесь часто проводились самые различные мероприятия с участием известных представителей крымскотатарской интеллигенции – А. Герайбая, А. Одабаша, М. Недима и многих других. Одновременно с этим и сами учащиеся активно участвовали в культурной жизни города.

Азиз Измайлов (1913–2004)

Выпускники и преподаватели Симферопольской крымскотатарской образцово-показательной 9-летней школы. 19 мая 1927 г. Второй ряд сверху, слева направо: Зейнеп Шегидевич (воспитательница), [один из выпускников], Асан Шумин (преподаватель обществоведения), Амди Герайбай (тюрко-татарский язык), [один из выпускников], Осман Акчокраклы (география), [один из выпускников], Исмаил Джемалединов (директор школы), Раиме Селим (обществоведение, воспитательница), Исаак Самуилович Кая (математика, заведующий учебной частью); второй ряд снизу: крайняя справа – Варавара Карповна Ханбекова (музыка); в центре, в белой рубашке – Амди Алим (выпускник, начинающий поэт); верхний ряд: крайний слева – Решид Багчеван (природоведение). Из выпускников на фотографии также присутствуют: Шевкие Хатип, Рукие Тевфик, Меннан Али, Джемиле Сеттар, Фатима Джелиль, Эшреф Али, Али-Риза Муртаза, Амди Алим, Алим Ибадулла, Решид Меджид, Нурие Дервиш, Адиле Сераджеддин, Куртмолла Халил и др. Из фондов Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского

Впоследствии, ряд выпускников школы (С. Эреджепова, Р. Мурад, С. Усеинова и др.) посвятили годам, проведенным в ее стенах, весьма ценные воспоминания.

Учитывая богатую историю здания бывшей Симферопольской татарской учительской школы, впоследствии ставшего пристанищем для Татарского фельдшерско-

акушерского техникума, Женского педучилища (Дарульмуаллимат) им. И. Гаспринского и Девятилетней образцово-показательной крымскотатарской школы (№ 13), было бы желательным признание указанного здания памятником историко-культурного наследия г. Симферополя и взятие его на соответствующий охранный учет.

Список использованных источников и литературы

1. **Абибуллаева Д.** История формирования и развития Симферопольской татарской учительской школы и русско-татарских министерских училищ (1870–1920). – Симферополь: ИТ «Ариал», 2016. – 172 с.
2. **Ганкевич В. Ю.** Очерки истории крымскотатарского образования. (Реформирование этноконфессиональных учебных заведений Таврической губернии в XIX – начале XX века). – Симферополь: Таврия, 1998. – 164 с.
3. **Деятели** крымскотатарской культуры (1921–1944 гг.): биобиблиографический словарь / гл. ред. и сост. Д. П. Урсу. – Симферополь: Доля, 1999. – 240 с.
4. **Джавтобели З.** Ильки инкьялябий адымлар... // Йылдыз. – 1987. – № 5. – С. 22–26.
5. **Керим И. А.** Медений эснас: 1920–1938. – Симферополь, 1997. – 496 с.
6. **Мурад Р.** Нумюне-теджрибе... // Достлукъ. – 1990. – Июль 13.
7. **Одабаш Ч.** Ветер в ветвях кипариса. – Режим доступа: <https://avdet.org/ru/2011/06/28/veter-v-vetvyah-kiparisa-abibulla-odabash>
8. **Широков В. А., Доля А. И.** Симферополь: улицы и дома рассказывают... – Симферополь, 2008. – 276 с.
9. **Эреджепова С.** Меним энишли-ёкъушлы ве чечекли ёлларым. – Акъмесджит, 2012. – 248 с.

Н. Абдульвапов, Д. Абибуллаева

СИМФЕРОПОЛЬСКАЯ ШКОЛА-РУШДИЕ
(1905–1910, 1917– [?]).
МЕДРЕСЕ (1910[?]-1917[?])
ул. Самокиша, 8, литер «В»

Здание с характерными элементами крымскотатарской архитектуры по адресу ул. Самокиша, 8, в котором ныне располагается Республиканская крымскотатарская библиотека им. И. Гаспринского, является свидетелем весьма интересных страниц истории крымскотатарского национального образования первых двух десятилетий XX в. В 1905–1910 и 1917–1920[?] годах в этом здании располагалось рушдие – первая крымскотатарская общеобразовательная школа высшего разряда для детей обоего пола, а с 1910 по 1917 год в стенах школы функционировало медресе.

В процессе реформирования системы образования среди крымских татар в конце XIX в. – начале XX в. особое место занимает история деятельности школ рушдие. Эти учебные заведения начали открываться после революционных событий 1905 года. Рушдие были открыты в ряде городов

и сельских населенных пунктов Крыма, в частности, Симферополе, Карасубазаре, Евпатории, Бахчисарае, Сараймине (близ Керчи), Дерекое (Ялтинский уезд, ныне Ялта), Корбеклы (Ялтинский уезд, ныне с. Изобильное). Часть из них называлась мектебе-рушдие, часть – мектебе-сание («школа второго типа»), однако со временем закрепилось общее название – рушдие [3, с. 124].

Открывались рушдие региональными благотворительными обществами помощи бедным мусульманам, содержались за их же счет, а также на средства вакуффов, частных пожертвований и платы за учебу самими учащимися.

Симферопольское рушдие было первым из подобных учебных заведений. Инициатива его создания была озвучена на заседании Общества для пособия бедным мусульманам Крыма (председатель – известный

крымскотатарский дворянин (мурза), меценат, полковник И. Муфти-заде), прошедшем в феврале 1905 г. в Симферополе. В апреле того же года члены правления Общества обратились к Таврическому губернатору В. Ф. Трепову с просьбой разрешить постройку здания для школы по представленному плану и смете. Кроме того, они просили выделить из вакуфных капиталов недостающую сумму в размере 8148 рублей. В это же время в Симферополе усилиями Общества были выкуплены два земельных участка с прилегающими ветхими постройками. 19 мая 1917 г., после того как представленная документация по распоряжению губернатора была рассмотрена и утверждена, началось строительство здания рушдие.

Достаточно подробные сведения обо всех этапах открытия учебного заведения содержатся в «Отчете правления Общества для пособия бедным мусульманам Крыма за 1905 г.», опубликованном в 1906 г. [6]. Так, согласно «Отчету», здание рушдие было построено за 19 000 рублей, из коих 8 148 рублей было отпущено из вакуфного капитала, 4 526 рублей были выделены самим благотворительным обществом, наконец, 2 211 рублей были частными пожертвованиями.

Строительство здания школы было завершено к 20 сентября 1905 года. Оно представляло собой прямоугольное сооружение 10 сажений в длину и 7 – в ширину (примерно, 21x15 м), в котором располагались классные комнаты на 120 учеников, учительская комната, два коридора, квартира для сторожа и комнаты для различных служб.

Помимо этого, в «Отчете» присутствует указание на необходимость постройки дополнительного зала размером 17,5x11 аршин (примерно 12x8 м) для пребывания в нем учащихся в ненастную погоду, а также флигеля с квартирами для преподавателей. Судя по всему, эти планы были также реализованы, поскольку нынешние размеры здания составляют 31,5x16,5 м.

В «Отчете» присутствует имя подрядчика строительства здания – Курт-Али Курт-

Бекира-оглу, которому по завершении строительных работ «за безукоризненное выполнение работы и за весьма добросовестную и бескорыстную цену общее собрание выразило благодарность вставанием» [там же, с. 53].

Решением собрания благотворительного общества на должность почетного попечителя рушдие был избран известный крымскотатарский дворянин (мурза), предводитель Евпаторийского уездного дворянства, почетный член губернского попечительства детских приютов, действительный статский советник Саид-бей Булгаков.

Прием в рушдие был проведен сразу же по завершении строительства здания. После 20 сентября 1905 г. в течение нескольких дней были проведены экзамены, на которые явилось более ста желающих. Из них были отобраны 28 детей разного пола, составивших первый класс рушдие. Помимо этого, были организованы четыре подготовительные группы.

Учебное заведение было торжественно открыто 25 сентября 1905 г., занятия начались 1 октября того же года. Официальный статус учебного заведения был следующий: «Общеобразовательный мектеб на сто учеников по программе Мектеба Руштие (т. е. общеобразовательное городское училище на родном языке с 3-годовалым курсом) для детей обоего пола мусульман Крыма с классами русского языка для мальчиков». Целью рушдие было создание учительского корпуса для начальных крымскотатарских школ.

Особенностью учебного заведения было то, что все преподавание велось на родном языке («тюрко-татарском»), программа же полностью опиралась на потребности крымскотатарского национального образования.

Курс обучения был рассчитан на три года, помимо этого, как было указано выше, существовали подготовительные классы. Обучение было в основном платным, однако 30 процентов беднейших учащихся обучались бесплатно.

Особое внимание в рушдие было уде-

г. Симферополь. Здание бывшей Симферопольской школы-рушдие, ныне – Республиканская крымскотатарская библиотека им. И. Гаспринского. Фото 2018 г.

лено вопросу подбора преподавательских кадров. На должность преподавателя первого класса и одновременно заведующего учебным заведением – с жалованьем 600 рублей и предоставлением квартиры на территории школы – был назначен «турецкоподданный» Омер Абдуррахман эфенди (Умер Сами Арбатлы, 1881–1951). Предки его были из Крыма, из деревни Улаклы Бахчисарайского уезда. Эмигрировав из Крыма, они поселились сначала в г. Силистре (Добруджа, Болгария), а позже, судя по всему, переехали в г. Шумну (Болгария), где и родился Умер Сами. В год назначения заведующим Симферопольского рушдие он окончил Стамбульское педучилище – Дарульмуаллимин и поступил в Стамбульскую школу права.

Приглашение У. Сами в Симферопольское рушдие предопределило его последующую судьбу. Талантливый педагог и поэт, он прожил в Крыму более 20 лет и сделал достойный вклад в развитие крымскотатарской педагогики и литературы, его имя является одним из наиболее значимых в истории национальной культуры первой трети XX в. Помимо Симферопольского рушдие, Умер Сами преподавал в рушдие г. Бахчисарая, в Дарульмуаллимате (крымскотатарское педучилище для девушек) в г. Симферополе и др. учебных заведениях. Ему принадлежит ряд учебников для крымскотатарских школ. Среди них особым спросом пользовался учебник (книга для чтения) «Чоджуклара аркадаш» («Друг

детей»), опубликован в Бахчисарае в 1910, 1914 и 1919 гг.), который стал одним из лучших крымскотатарских национальных учебников в Крыму в те годы. Помимо этого, Умером Сами был составлен учебник по математике – «Эсап меселелери меджмуасы» («Сборник задач по математике», издан в Бахчисарае в 1914 г.). Умер Сами был талантливым детским поэтом, многие из его стихов нашли место в его школьных учебниках. Он также пробовал свое перо и в драматургии: в 1928 г. его пьеса «Эки олю» («Два мертвеца») была поставлена на бахчисарайской сцене.

Помимо преподавательской деятельности, У. Сами принимал активное участие и в общественной жизни Крыма. В результате в конце 1920-х гг. он стал жертвой политических репрессий: 9 октября 1928 г. был арестован по т. н. «делу «Миллий Фирка»», некоторое время содержался в Бутырской тюрьме в Москве. 17 декабря 1928 г. У. Сами был осужден к высшей мере наказания – расстрелу, однако приговор был отсрочен до согласования с Народным комиссариатом иностранных дел. В 1929 г. У. Сами как «турецкоподданный» был передан Турецкой Республике. Там он продолжил преподавательскую деятельность. Умер в 1951 г., похоронен в Стамбуле.

В 1935 г. Умер Сами начал работу над воспоминаниями (остались незавершенными) о годах, проведенных в Крыму, и, в частности, обстоятельствах открытия Симферопольской школы рушдие, содер-

Конференция крымскотатарских учителей. г. Симферополь, 1926 г. Сверху во втором ряду крайний слева – Умер Сами Арбатлы. Из фондов Крымскотатарского музея культурно-исторического наследия.

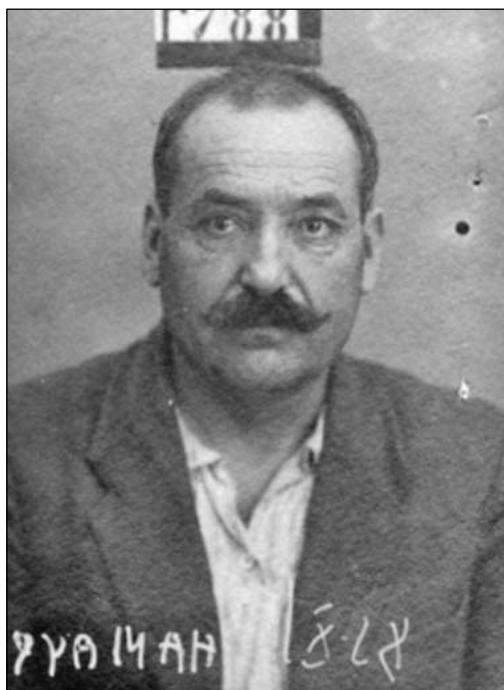
Абдулла Лятиф-заде (1890–1938)

жащими весьма ценные подробности. Значительная часть этих воспоминаний была опубликована [2].

Помимо У. Сами, в первый год функционирования рушдие на подготовительных отделениях, с жалованьем 300 рублей, работали еще четверо учителей: Адиль Герей, Эдиге, Джелял Меинов (в будущем известный театральный и общественный деятель; спустя несколько месяцев его заменил Абдульхаир Меравиев) и Эдаеханым Эдиге (из школы г. Бахчисарая). К началу второго учебного года планировалось приглашение еще одного преподавателя из Турции (в целом из Турции предполагалось пригласить четырех учителей). Также Министерством народного просвещения должен был быть назначен преподаватель русского языка.

В настоящее время вопрос преподавательских кадров в Симферопольском рушдие остается малоисследованным. Помимо имен, указанных выше, известно, что в рушдие после завершения в 1906 г. обучения в Симферопольской татарской учительской школе некоторое время преподавал известный в будущем общественно-политический деятель Крыма Исмаил Фирдевс.

*Учитель и ученик:
Умер Сами и
Мемет Абдулла.
Фотографии из
следственных дел.
1928 г.*

Что касается учащихся, в настоящее время известно, что среди первых учеников рушдие были Хамза Халиль-оглу, Якуб Аджи Мурат, Шериф Шемий-оглу, Сеит Абла Халиль, Халиль Абдулла, Смаил Абдулхаиров, Али Арслан, Сеит Абла Муса, Абилькадир Смаил, Мустафа Муса-оглу, Ибраим Мустафа, Мустафа Курт Сеит, Смаил Амет, Смаил Селимша, Абибулла Зейтулла, Ашине Зекерья-кызы, Аише Шааб-кызы, Земине Арслан-кызы. Их имена присутствуют в вышеуказанном «Отчете» в связи с фактом пошива для них «костюмов» (школьной формы) на средства Общества к празднику Рамазан-байрам 9 ноября 1905 г. [6, с. 36–37].

Одним из наиболее известных учащихся Симферопольского рушдие тех лет был выдающийся в будущем крымскотатарский поэт, литературовед и педагог Абдулла Ляtif-заде (1890–1938). Судя по воспоминаниям его супруги Регины Зайонц, он обучался в рушдие в период 1905–1908 гг., т. е. закончил полный курс, что позволило ему в 1909 г. поступить в Стамбульскую школу «Идадие» – более высокий, третий (после начального (иптидаие) и среднего (рушдие)) уровень общего мусульманского образования в те годы [5, с. 219].

Еще одним весьма талантливым вы-

пускником рушдие того периода был сын одного из наиболее прогрессивных улемов тех лет, мудерриса из дер. Озенбаш Абдуллы эфенди – Мемет Абдулла (Аджи-оглы, 1894–?). Он родился в Симферополе, после рушдие учился, судя по всему, в Турции, в 1918 г. вернулся в Крым, участвовал в работе Крымскотатарской национальной директории, в 1920-е гг. преподавал в Крымском татарском (Тотайкойском) педтехникуме (предмет «естествознание»), одновременно обучаясь в Крымском университете (с 1925 г. – Крымский пединститут им. М. В. Фрунзе). Мемет Абдулла был автором ряда учебников по естествознанию и различных учебно-методических материалов для 1–5 классов школ первой ступени, практически ежегодно издававшихся в период с 1923 по 1929 годы. Помимо этого, в те же годы им был опубликован ряд статей на педагогические темы в крымскотатарской периодической печати. Весьма плодотворный период деятельности Мемета Абдуллы был прерван арестом по «делу «Миллий Фирка» 26 октября 1928 г. С 29 октября 1928 г. он содержался в Бутырской тюрьме в Москве, 17 декабря того же года был осужден к трем годам лагерей и отправлен на Соловки [7, с. 204, 306–307]. Вернуться талантливому педагогу было не

суждено. По воспоминаниям его учителя по рушдие Умера Сами, Мемет Абдулла умер в лагере на Соловках [2, с. 172].

С первых месяцев работы Симферопольское рушдие показало себя как весьма эффективное учебное заведение, особенно на фоне большинства традиционных крымскотатарских начальных школ по всему Крыму. Его успех явился примером для ряда других крымских регионов. Так, 10 декабря 1907 г. инспектор народных училищ Феодосийско-Керченского района И. Корецкий указывал:

«Успех Симферопольского мектебе-рушдие, на мой взгляд, прежде всего зависит от того, что эта школа возникла как раз тогда, когда в татарском интеллигентном обществе начал проявляться интерес к образованию своих единоверцев; это первая школа, созданная самим обществом на его же средства, и потому общество ничего не жалеет для неё; построено прекрасное здание, приглашены, очевидно, лучшие преподаватели <...> каждому преподавателю не приходится иметь дело с самой трудной частью программы русско-татарских школ – с русским языком, а успехи по арифметике <...> ничем не ниже, чем в русских школах; в школу привлечены в качестве преподавателей содержатели лучших мектебов Симферополя, за которыми, конечно, пошли и их ученики: последним обстоятельством <...> и объясняется наплыв учащихся в рушдие и их аккуратное посещение уроков: ведь и в мектебах ученики посещают классы аккуратно.

Ко всему этому, несомненно, и преподавание на родном языке в большей мере способствует успеху школы» [1].

Говоря об истории функционирования Симферопольского рушдие, необходимо отметить, что вплоть до 1908 г. крымские рушдие не особо интересовали губернское начальство. Однако начиная с 1908 г. правительство стало всячески пытаться изменить концепцию образования в рушдие – в первую очередь это касалось языка преподавания, а также программы обучения в этих учебных заведениях. На это категорически не соглашались основатели руш-

дие. В частности, председатель Симферопольского благотворительного общества И. Муфти-заде отказывался передать рушдие в ведение Министерства народного просвещения. Давление привело к тому, что весной 1909 г. авторитетная группа представителей крымскотатарской интеллигенции и дворянства, в которую входили И. Гаспринский, А. Карашайский (Таврический муфтий), С. Булгаков, М. С. Карашайский, М. Тайганский, посетила Санкт-Петербург и обратилась с соответствующим прошением к премьер-министру П. Столыпину [3, с. 127].

Прошение не имело эффекта. В результате на совещании Министерства народного просвещения от 19 июня 1910 г. с участием Таврического губернатора В. В. Новицкого было принято решение закрыть все крымские рушдие.

Окончательная точка в борьбе крымскотатарской общественности за существование Симферопольского рушдие (на данном этапе) была поставлена осенью того же года. 26 сентября 1910 г. состоялось чрезвычайное собрание Симферопольского Общества для пособия бедным мусульманам Крыма под председательством почетного попечителя школы-рушдие Саида-бея Булгакова, на котором, после длительных дебатов, было принято постановление: «ввиду невозможности продолжения учения в мектебе-рушдие по программе, ныне существующей в нем, согласно требованию местной администрации, означенное мектебе-рушдие закрыть» [1].

Аналогичным образом были закрыты все крымские рушдие, будучи переданными в ведение Магометанского духовного правления. При этом крымскотатарская общественность, интеллигенция сразу же начала борьбу за открытие рушдие вновь. Так, в 1911 г., по донесениям жандармского управления, Бахчисарайским головой Сулейманом-мурзой Крымтаевым был созван «съезд выборных из деревень», в решениях которого в том числе отмечалось, что «...татары должны теперь же всеми мерами добиваться, чтобы вновь были открыты училища «руштие», закрытые в 1910 г. по распоряжению Правительства» [там же].

Эта возможность появилась после Февральской революции 1917 г.: крымские рушдие, в том числе Симферопольское, пусть и не на продолжительное время (до установления Советской власти), были открыты вновь.

Медресе. На вышеупомянутом собрании Симферопольского общества для пособия бедным мусульманам Крыма от 26 сентября 1910 г., при обсуждении вопроса о возможных формах дальнейшего использования здания бывшего рушдие, почетный попечитель учебного заведения Саид-бей Булгаков предложил открыть в нем медресе и обязался за свой счет содержать его мудерриса. Это предложение было поддержано, что нашло свое отражение в соответствующем постановлении: «временно открыть на средства Симферопольского благотворительного общества в г. Симферополе, в здании бывшего «мектебе-рушдие», Высшее магометанское духовное училище-медресе с преподаванием в нем русского языка, с отнесением содержания учителя русского языка на средства Министерства народного просвещения». В постановлении отмечалось, что один из мудеррисов открываемого медресе в течение первых трех лет будет содержаться за счет Саида-бея Булгакова, помощники же мудерриса будут содержаться на средства благотворительного общества [1].

4 ноября 1910 г. правление Общества обратилось в Магометанское духовное правление с прошением «разрешить открыть в г. Симферополе «Медресе» взамен закрытого «Мектебе-рушдие»». 17 ноября того же года в донесении губернскому правлению духовное правление указало, что: «на открытие в г. Симферополе в здании Благотворительного Общества, взамен закрытого «мектебе-рушдие» обыкновенного медресе, со стороны Духовного правления препятствий не встречается» [там же].

8 декабря 1910 г. вся необходимая документация была направлена «на заключение» директору народных училищ С. Маргаритову. 28 января 1911 г. указанное заключение было представлено Таврическому губернатору. При этом С. Марга-

ритовым были выражены некоторые опасения в связи с возможным изменением статуса учебного заведения и формы его руководства. Так, в документе отмечается: «...я полагаю, что возможно разрешить открытие в Симферополе медресе, если оно будет в ведении и даже в заведовании магометанского духовенства, если будет строго конфессиональным и если открытие оно будет обусловлено обязательством немедленно возбудить ходатайство об учреждении русского языка за счет магометанского общества. <...> Но считаю долгом присовокупить, что я весьма опасуюсь, как бы медресе не оказалось в действительности в заведовании Симферопольского благотворительного общества и как бы это медресе не обратилось на самом деле в мектеб-рушдие. Поэтому было бы полезно обусловить, что в случае, если в медресе будут преподаваться общеобразовательные предметы на татарском или турецком языках, оно немедленно закрывается» [там же].

Судя по всему, рассмотрение дела несколько затянулось, поскольку решение Губернского правления датируется уже 1912 годом. В этом решении отражены вышеуказанные опасения С. Маргаритова:

«...Губернское правление определяет: дать знать Таврическому магометанскому духовному правлению, что на открытие на средства Общества для пособия бедным мусульманам Крыма в г. Симферополе в указанном им здании магометанского училища медресе с классами при них русского языка со стороны губернского начальства препятствий не встречается, но при соблюдении лишь следующих условий: 1) чтобы учебное заведение это находилось не только в ведении, но и в заведовании Магометанского духовного правления, обязанного по закону иметь попечение о содержании магометанских училищ и наблюдение как за учением в них, так и за нравственным поведением учеников и учителей; 2) чтобы оно было строго конфессиональным, и в нем ни в коем случае не преподавались бы общеобразовательные предметы на татарском или турецком языках, иначе оно будет закрыто; 3) чтобы при этом медресе открыты были классы русско-

*Абдулькерим Джемалединов
(1893–1938)*

го языка за счет благотворительного общества и об открытии сих классов немедленно возбуждено было надлежащее ходатайство перед учебным начальством через директора народных училищ; 4) чтобы русские классы находились в ведении местной инспекции и дирекции народных училищ; 5) чтобы мудеррис в это медресе назначался с неперменным соблюдением того порядка, какой указан в ст. ст. 1369, 1392, 1393, 1394, 1395 и 1414 т. X . ч. 1 Св. Зак.; 6) чтобы в случае необходимости, вследствие большого числа учеников в медресе, назначения в помощь мудеррису учителей (оджи), об этом возбуждено было особое ходатайство...» [4, с. 9–10].

Вновь рушдие. Несмотря на официальное закрытие, крымские рушдие пытались в различных формах продолжать обучение по собственной программе. Осуществлять же это в открытой форме появилась возможность лишь спустя семь лет.

В 1917 г., опять же после революционных февральских событий, крымские рушдие были открыты вновь. На этот раз они полностью перешли в ведение Крымского Мусульманского Исполнительного Комитета под председательством Н. Челебиджихана (одновременно – и. о. Таврического муфтия).

История функционирования Симферопольского рушдие в эти годы также остается малоисследованной. Известно, в частности, что его директором в 1917–1918 гг. был известный крымскотатарский ученый и педагог Абдулькерим Джемалединов (1893–1938) – выпускник Карасубазарского рушдие, впоследствии заместитель директора по учебной части Крымского педагогического института (1932–1934 гг.), редактор Крымгосиздата (1934–1936 гг.), автор, редактор и переводчик многих учебников для школ.

Что же касается учащихся, в эти годы в рушдие получили образование множество известных в будущем представителей крымскотатарской интеллигенции: выдающийся поэт Амди Герайбай, его младший брат, поэт и педагог Эзель Герайбай, выдающийся ученый-онколог, доктор медицинских наук, профессор Тевфик Асанов, известный журналист и поэт Мемет Севдияр и др.

Симферопольское рушдие, как все подобные учебные заведения Крыма, было окончательно закрыто с установлением Советской власти в Крыму. Обстоятельства этого, как и формы использования здания школы в первые годы Крымской АССР, в настоящее время остаются неизвестными.

В последующем здание неоднократно меняло хозяев и использовалось в самых различных

Амди Герайбай (1901–1930)

целях. Так, в 1930-е гг. в нем располагалось предприятие общественного питания. В послевоенный период, до 1960-х гг., здесь находилось несколько учреждений, в том числе мастерская по пошиву одежды. Позже его занимало управление «Рембыттехника». С 1972 г. здесь работали администрация горбыткомбината и Комитет Красного Креста. По причине частой смены хозяев неоднократно подвергалась изменению и внутренняя планировка здания.

В период массового возвращения крымских татар из мест ссылки здание было передано для нужд крымскотатарской общины. Так, в 1991 г. 5-я сессия Симферопольского городского Совета приняла решение о создании комиссии по передаче здания бывшей мусульманской школы «Мектебе-Руждие», на улице Самокиша, 6 («Памятник крымскотатарской архитектуры. Построено за счет Симферопольского общества для пособия бедным мусульманам Крыма»), в ведение Культурного центра крымских татар.

Параллельно с указанным Центром (с 1994 г. – Крымскотатарский фонд культуры АР Крым) в начале 1990-х гг. в самом здании и в помещениях на территории его двора были открыты офисы целого ряда других крымскотатарских общественных организаций и учреждений культуры: Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского, Союза крымскотатарских писателей, Ассоциации работников крымскотатарского образования «Маарифчи», Ассоциации крымскотатарских художников, редакций газеты «Голос Крыма» и журнала «Салгир», регионального меджлиса крымскотатарского народа, Лиги крымскотатарских женщин и др. В эти годы здание по адресу «Самокиша, 8» был одним из основных очагов общественной и культурной жизни крымских татар.

В 1994 г. в здании осталась лишь Республиканская крымскотатарская библиотека им. И. Гаспринского. В 1998–1999 гг. оно было отремонтировано за счет средств, выделенных правительством Королевства Нидерландов и при поддержке Международного фонда «Возрождение». В результате фасад приобрел вид, приближенный к оригинальному, однако внутренние помещения были перестроены исходя из потребностей библиотеки.

В настоящее время здание бывшего Симферо-

Мемет Муедин (Севдияр) с родителями, сестрой и младшим братом. Нач. 20-х гг. XX в.

Мемет Муедин (Севдияр, 1913–1999)

Коллектив Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского после творческой встречи с выдающимся крымскотатарским поэтом Ш. Селимом. 1997 г.

польского рушдие продолжает служить целям развития крымскотатарской культуры и образования.

Приказом Министерства культуры и туризма Украины от 25.10.2010 г. (№ 957/0/16-10) здание бывшей Симферопольской школы-рушдие и медресе было признано памятником архитектуры и градостроительства (учетный номер 4710-АР).

Список использованных источников и литературы

1. **Абдуллаев И.** Мектебе-рушдие – крымскотатарская школа начала века // *Голос Крыма*. – 2013. – 7 июня, 21 июня.
2. **Арбатлы (Сами) У.** Къырымда рушдие мектеплерининъ ачылувы ве оларнынъ тесирлери // *Йылдыз*. – 1996. – № 2. – С. 169–184.
3. **Ганкевич В. Ю.** Очерки истории крымскотатарского народного образования. (Реформирование этноконфессиональных учебных заведений мусульман в Таврической губернии в XIX – начале XX века.) – Симферополь: Таврия, 1998. – 164 с.
4. **Кричинский А.** Очерки политики российского царизма на окраинах. Ч. 2: К истории борьбы с просвещением и культурой крымских татар (с приложением секретных документов). – Баку, 1920. – 192 с.
5. **Нагаев С.** Йылнамелердеки излер. – Ташкент, 1991. – 304 с.
6. **Отчет** правления общества для пособия бедным мусульманам Крыма за 1905 г. – Симферополь, 1906. – 55 с. – ГАРК, ф. 100, оп. 1, д. 2360.
7. **Последняя рукопись Сабри Айвазова.** Дело партии «Миллий Фирка». Документы свидетельствуют / под общ. ред. В. В. Пшеничного, Р. Н. Лесюка, С. В. Лунина, И. И. Полякова; сост. А. В. Валякин, Р. И. Хаяли. – Симферополь: Доля, 2009. – 352 с., илл. (Серия «Рассекреченная память». Крымский выпуск. Том 1)

Н. Абдульвапов, Р. Аирчинская

**КрымЦИК и Совнарком Крымской АССР
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 20-х гг. XX в.
ул. Ленина, 15**

г. Симферополь, бывший Дом губернатора Тавриды, в котором в первой половине 20-х гг. XX в. располагались КрымЦИК и Совнарком Крымской АССР. Фото 2017 г.

Двухэтажное здание по адресу ул. Ленина, 15, известное среди симферопольцев как бывший «Дом губернатора», является одним из наиболее интересных с точки зрения истории как непосредственно города Симферополя, так и Крыма в целом. После ликвидации должности Таврического губернатора в 1917 г. здание продолжало оставаться в центре общественно-политической жизни полуострова – на протяжении нескольких лет в нем функционировали офисы целого ряда наиболее важных государственных и общественных учреждений Крыма. Особое место среди них занимают высшие представительный и исполнительный органы Крымской АССР – Крымский центральный исполнительный комитет (КрымЦИК) и Совет народных комиссаров (Совнарком), разместившиеся в здании после провозглашения Крымской АССР 18 октября 1921 года. Как следствие, с историей здания тесно переплелись биографии практически всех наиболее известных представителей крымскотатарской политической и

культурной элиты первой половины 1920-х годов.

Участок земли, на котором в будущем был построен Дом губернатора, в 1795 г. был подарен (в числе прочих имений) императрицей Екатериной II выдающемуся немецкому ученому-энциклопедисту и путешественнику на русской службе Петру Симону Палласу. В 1805 г. участок был выкуплен у Палласа для «помещения в нем губернатора». В последующем, начиная с 1808 г. в доме производились ремонты, переделки и пристройки. По описи 1829 г. это был «каменный одноэтажный дом с чердаком. При нем об одном этаже домик для прислуги, кухня, каретный сарай и амбар, ледник, конюшня, кладовая и сарай. Все строение кирпичное, покрыто черепицей, вокруг оное обнесено каменной стеной». Именно так выглядело прежнее здание, когда хозяином в нем был Таврический губернатор А. Н. Баранов (1793–1821) – прогрессивный общественный деятель, старый знакомый А. Пушкина по Петербургу, принимавший

Симферополь. «Дом губернатора». Открытка нач. XX в.

поэта у себя в гостях в сентябре 1820 года. В этом доме жили все губернаторы, начиная с Д. Б. Мертваго, исключая А. М. Бороздина и Д. В. Нарышкина, у которых были загородные имения [7, с. 150–151].

В 1831 г. началась переписка касательно постройки нового дома. Дело было поручено талантливому зодчему, титулярному советнику И. Ф. Колодину, под чьим надзором уже был осуществлен ряд важных построек Симферополя, в том числе Александро-Невский кафедральный собор, странноприимный дом Таранова-Белозерова, губернские присутственные места. В февралемарте 1832 г. старое здание дома губернатора было снесено, а к середине 1835 года построено новое. В нем отразилось характерное для И. Ф. Колодина стремление к ясности и гармоничности архитектурных форм. Член Российской академии наук А. Н. Демидов, путешествовавший по Крыму в 1837 г., отмечал, что «губернский дом, прекраснейшее здание в целом городе, находится в самом веселом квартале, перед ним красуется вновь возведенный общественный сад, простирающийся до речки Салгира».

В 1891 г. к дому со стороны Салгира был пристроен балкон на чугунных столбах. В таком виде здание дошло до настоящего времени.

В доме гостили многие именитые личности. Так, в 1837 г. здесь на ужине у губернатора М. М. Муромцева встречались поэт В.А. Жуковский и декабрист А.Н. Муравьев. В апреле 1912 г. здесь проводил торжественный прием император Николай II.

В 1854–1856 гг. здание было передано в распоряжение госпиталя для раненых в сражениях Восточной (Крымской) войны, в 1884 г. – Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК).

После Февральской революции уже бывший Дом губернатора получил известность как Народный дом. В нем размещались Губернский общественный комитет, редакция газеты «Прибой», городской Совет рабочих и солдатских депутатов, комитеты партийных и профсоюзных организаций [там же, с. 151–152].

В начале января 1918 г. вокруг Народного дома развернулись драматические события, связанные с попыткой его занятия национальным крымскотатарским правительством (Директорией), избранным на первом Курултае в декабре 1917 года. Данный шаг был предложен председателем Директории, Таврическим муфтием Н. Челебиджиханом в ответ на отказ властей города в предоставлении помещения для Крымскотатарской директории. Несмотря на неоднозначное отношение к этому шагу даже со стороны

его единомышленников, по настоянию Н. Челебиджихана 3 января 1918 г. крымские татары заняли Народный дом. Это вызвало острую негативную реакцию в определенных кругах крымской общественности, при этом настроения были искусно подогреты провокационными заявлениями о якобы происходящей «узурпации власти» со стороны крымских татар. В результате на экстренном заседании Директории 4 января 1918 г. было принято решение покинуть здание Народного дома. Н. Челебиджихан, в знак протеста против данного решения, ушел в отставку с поста председателя национального правительства, на его место временно был избран член национального правительства, директор по военным и внешним делам Дж. Сейдамет.

В период с июня 1918 г. по апрель 1919 г. в здании Народного дома размещались оба крымских краевых правительства [там же, с. 152]. Первым из них было прогерманское правительство М. А. Сулькевича, существовавшее с 25 июня по 15 ноября 1918 года. Генерал-лейтенант российской армии Матвей Александрович (Сулейман) Сулькевич (1865–1920) происходил из литовских татар, был мусульманином по вероисповеданию, в 1917–1918 гг. командовал Первым мусульманским корпусом. В состав возглавляемого им кабинета (сам премьер-министр был одновременно министром внутренних и военных дел), а также различных правительственных служб вошли несколько татар – как крымских, так и литовских, последние в составе весьма значительной группы прибыли в Крым вместе с будущим главой правительства.

Так, министром иностранных дел стал член Крымскотатарской директории Дж. Сейдамет (вначале ему даже было предложено сформировать состав правительства, что не было реализовано по ряду причин). Министром юстиции стал известный юрист, литовский татарин, мусульманин по вероисповеданию А. М. Ахматович. Осенью в состав правительства в должности краевого контролера (инспектора) был введен представитель известной крымскотатарской дворянской фамилии – Мустафа мурза Кипчакский [4, с. 388].

Помимо этого, помощником военного министра (М. А. Сулькевича), с возложением на него непосредственного руководства военным министерством, был назначен литовский татарин, также мусульманин по вероисповеданию, генерал-майор Александр Степанович Мильковский. Еще один литовский татарин – юрист Арслан (Леон) Кричинский

*Матвей Александрович
(Сулейман) Сулькевич
(1865–1920)*

*Мустафа мурза Кипчакский
(1861 – ?)*

*Александр Ахматович
(1865–1944)*

исполнял обязанности заведующего канцелярией премьер-министра.

В ноябре 1918 г., с уходом из Крыма немецких войск, первое Краевое правительство М. А. Сулькевича передало власть второму Краевому правительству С. С. Крыма под патронатом союзников. Соломон Самойлович Крым (1867–1936) был известным в Крыму ученым-агрономом и филантропом, караимом по национальности. Его правительство просуществовало по апрель 1919 г. В его составе крымские татары отсутствовали – это стало результатом их протеста против провозглашенных целей деятельности нового правительства и ряда практических шагов по их реализации. Однако, судя по всему, на своем посту оставался Арслан Кричинский, к которому присоединился его брат – также юрист Ольгерт Константинович Найман-мирза-Кричинский. Последний в конце 1918 г. принял приглашение от своего дяди (по материнской линии), бывшего министра юстиции А. М. Ахматовича войти в состав правительства Крымской республики и занять должность прокурора Симферопольского окружного суда. На этой должности Найман-Ольгерт находился до весны 1919 г., когда Крым был захвачен Красной Армией. Впоследствии братья покинули Крым и присоединились к С. Сулькевичу, с декабря 1918 г. находившемуся в Азербайджане и в марте 1919 г. назначенному начальником Генерального штаба Вооруженных сил Азербайджанской Демократической Республики (АДР).

*Арслан Кричинский
(1887–1939)*

К концу апреля 1919 г. большая часть Крыма была занята красными войсками. На полуострове была создана Крымская ССР, просуществовавшая до июня 1919 г. Главой ее временного рабоче-крестьянского правительства был родной брат В. И. Ленина – Д. И. Ульянов. По прямым указаниям Центра руководство Крымской ССР уделяло особое внимание национальным вопросам. В частности, в правительство были введены пять крымских татар: С. М. Меметов (нарком иностранных дел), И. Арабский (нарком юстиции), С. И. Идрисов (нарком земледелия), И. К. Фирдевс (нарком по национальным делам) и А. А. Баданинский (управляющий делами).

В ноябре 1920 г. большевики в третий раз овладевают Крымом, в результате чего на полуострове окончательно утвердилась Советская власть. При этом бывший Дом губернатора еще несколько лет продолжал служить главным представительским и управленческим центром Крыма. Так, 22 ноября 1920 г. его здание было передано Крымревкому во главе с Белой Куном, а после про-

возглашения Крымской ССР в 1921 г. здесь разместился КрымЦИК и Совнарком республики.

18 октября 1921 г. В. И. Ленин, М. И. Калинин и А. С. Енукидзе подписывают постановление ВЦИК и СНК РСФСР об образовании автономной Крымской Социалистической Советской Республики. 7–11 ноября в здании бывшего Дворянского театра в Симферополе (ныне Крымский академический русский драматический театр имени М. Горького) проходит I Всекрымский учредительный съезд Советов. 10 ноября съезд принимает Конституцию Крымской ССР (именно таким было первое название республики до 1923 года, когда оно было изменено на «Крымскую АССР»), по которой Крым объявляется автономным образованием в составе РСФСР.

Создание автономной республики в Крыму обуславливалось как внутренними условиями, так и международными факторами. Приграничная территория в качестве автономии должна была играть роль своеобразного буфера между Советской Россией и сопредельными государствами, служить «витриной» достижений политики Советского государства, особенно национальной, а также являться плацдармом для продвижения мировой революции на Восток.

Согласно Конституции, представительным органом Крымской ССР был объявлен КрымЦИК, исполнительным – Совнарком. На съезде был избран персональный состав этих органов. Так, в КрымЦИК вошли 50 членов, помимо этого было избрано 15 кандидатов в члены ЦИК. Первым председателем представительного органа был избран Ю. П. Гавен. Из 50 членов КрымЦИК 17 были крымскими татарами и 1 – казанским: А. Озенбашлы, О. Дерен-Айерлы, И. Фирдевс, У. Ибраимов Х. Чапчакчи, К. Хамзин (казанский татарин), В. Ибраимов, Б. Чобан-заде и др. С.-Дж. Хаттатов был избран кандидатом в члены КрымЦИК.

Что касается Совнаркома Крымской ССР, его председателем был избран казанский татарин С. Г. Саид-Галиев. В первом составе СНК из 15 членов было три крымских и один казанский татарин: нарком земледелия У. Ибраимов, нарком рабоче-крестьянской инспекции В. Ибраимов, нарком просвещения К. Хамзин (казанский татарин), нарком здравоохранения Х. Чапчакчи, все – члены КрымЦИК [2, с. 24–33].

На первой сессии КрымЦИК был утвержден состав президиума КрымЦИК, его председателем был также избран Ю. Гавен, секретарем – В. Ибраимов.

Сразу же после избрания высшие органы законодательной, распорядительной и исполнительной власти

Ольгерт-Найман Кричинский (1884–1942)

Халиль Чапчакчи (1889–?)

Вели Ибраимов. 20-е гг. XX в.

*Страница из Конституции Крымской ССР
1921 г.*

Конституция Крымской Советской Социалистической Республики, принятая I-м Всекрымским учредительным съездом советов рабочих, крестьянских, красноармейских и краснофлотских депутатов 7 ноября 1921 г. – Симферополь: Крымиздат, 1924. – 13 с.

республики приступили к работе. Уже кон-
цу 1921 г. Президиум КрымЦИКа урегули-
ровал взаимоотношения с центральными
органами РСФСР, учредив с этой целью в
Москве особое представительство при Нар-
комнаце в составе Ш. Ибрагимова (пред-
седатель бывшей полномочной комиссии
ВЦИК по делам Крыма), Балича и Феофа-
новой.

Президиум КрымЦИКа и Президиум Со-
внаркома заседали в среднем два раза в неде-
лю, один раз в неделю проходил Пленум Со-
внаркома Крымской ССР. По неполным дан-
ным, только до конца 1921 г. было проведено
по 15 заседаний Президиумов КрымЦИКа и
СНК и 7 Пленумов СНК Республики.

На заседания высших органов власти вы-
носились различные вопросы. Только в пе-
риод с 15 ноября по 31 декабря 1921 г. СНК
Крымской ССР рассмотрел 318 вопросов –
административных (15), финансовых (112),
продовольственных (17) и т. д. За это же вре-
мя Совнарком обсудил и принял 27 поста-
новлений, с которыми вошли в правитель-
ство народные комиссары юстиции, труда,
просвещения и т. д. [там же, с. 26–27].

Тем временем в Крыму царил очень
напряженная социальная обстановка, усугуб-
лявшаяся распространением на полу-
острове голода. Уже 15 ноября на заседании
Президиума КрымЦИК был заслушан во-
прос о помощи голодающим Крыма, при-
нято постановление о создании Комиссии
«для выяснения продовольственного поло-
жения Крыма и степени нужды», поручено
изучить и подготовить доклад по этому во-
просу. Чуть позже, 1 декабря 1921 г., при
КрымЦИК был создан Комитет помощи го-
лодающим – КрымЦКПомгол (с 19 октября
1922 г. по 1/16 августа 1923 г. – Последгол),
в который в разное время из крымских та-
тар входили такие известные личности, как
Б. Чобан-заде, С. М. Меметов, У. Ибраимов
(нарком земледелия), Решат Рефатов (стар-
ший брат известного композитора А. Рефа-
това) и др.

На том же заседании 15 ноября 1921
г. были утверждены коллегии нарко-
матов КрССР; утвержден состав Ко-

миссии по татаризации советских учреждений Крыма (И. Фирдевс, Ю. Гавен, М. Поляков, В. Ибраимов, С. Меметов); принято решение о создании специальной комиссии по образованию во всех округах Крыма культурно-просветительских учреждений и т. п.

Одним из наиболее важных направлений в это время являлась работа в области народного образования. На ниве крымскотатарского просвещения ее возглавлял выдающийся ученый и поэт Б. Чобан-заде, избранный членом коллегии Наркомпроса и одновременно – руководителем татуправления при нем. Его усилия были направлены на развитие крымскотатарского языка, сети школьных учебных заведений, подготовку педагогических кадров, учебников, открытие библиотек, молодежных клубов и т. д. В условиях голода Б. Чобан-заде всеми силами стремился оказать содействие школам, детям, учителям (выделение пайков, одежды, обуви, наделение школ земельными наделами и т. д.), открытию и функционированию детдомов для детей-сирот и т. п. [1].

В результате самоотверженной работы 26 января 1922 г. Б. Чобан-заде был введен в состав Президиума КрымЦИК и Комитета по татаризации советского аппарата. Деятельность Комитета заключалась в переводе на крымскотатарский язык всех законодательных актов и правительственных сообщений, в написании и изготовлении на двух языках (крымскотатарском и русском) вывесок, плакатов, лозунгов, штампов, печатей, бланков и т. д. Войдя в Президиум КрымЦИК, Б. Чобан-заде участвует в принятии важнейших республиканских решений. Так, в феврале 1922 г. Президиум КрымЦИК принимает ряд постановлений, в частности: о посылке в Турцию делегации для организации помощи голодающим крымским татарам; о передаче конфискованных контрабандных товаров ЦК помощи голодающим (ЦК Помгол); о передаче вакуфных земель татарским сельским советам на нужды школ; об организации курсов по изучению крымскотатарского языка для политработников нетатарской национальности, об организации культурно-просветительских крымскотатарских учреждений и проч. [там же].

В 1923 г. членом КрымЦИКа избирается также выдающийся режиссер, актер, писатель и литературный критик Дж. Меинов.

Весьма важным государственным решением этих лет явилось провозглашение 12-м съездом РКП(б) в 1923 г. политики «коренизации», принявшей в Кры-

Бекир Чобан-заде (1893–1937)

Исмаил Фирдевс (1888–1937)

Осман Дерен-Айерлы (1898–1949)

му характер т. н. «татаризации». Основными положениями этой политики были подготовка, воспитание и выдвижение руководящих кадров из представителей коренной национальности Крыма; учет национальных факторов при формировании партийного госаппарата; организация сети учебных, воспитательных заведений, учреждений культуры, прессы, книгоиздательского дела на языках коренных национальностей, наконец, изучение национальной истории, возрождение и развитие национальных традиций и культуры. Провозглашение данного политического курса благотворным образом сказалось и на развитии крымской общественно-политической и культурной жизни.

В 1924 г. персональный состав высших органов власти Крымской АССР был изменен: председателем КрымЦИКа был избран Вели Ибраимов (август 1924 г.), главой Совнаркома – Осман Дерен-Айерлы (май 1924 г.). С тех пор на протяжении всей последующей истории Крымской АССР на двух наивысших должностях автономии находились

исключительно крымские татары. Так, председателями Центрального исполнительного комитета Крымской АССР (с 21.07.1938 – президиума Верховного Совета Крымской АССР) избирались: Вели Ибраимов (08.1924–28.01.1928), Мемет Исмаил Кубаев (28.01.1928–20.02.1931), Ильяс Умерович Тархан (20.02.1931–09.09.1937), Абдул-Джемил Хайрулла Менбариев (09.09.1937 –21.07.1938; 21.07.1938–18.05.1944). Пост же главы правительства – председателя Совета народных комиссаров Крымской АССР занимали: Осман Дерен-Айерлы (05.1924–21.03.1926), Эмир Бекирович Шугу (21.03.1926–05.1929), Абдураим Абдураманович Самединов (05.1929–16.09.1937), Мемет Ибраимович Ибраимов (1937–05.04.1942), Исмаил Сейфуллаевич Сейфуллаев (04.1942–18.05.1944).

В этой связи не может не обратить на себя внимание и довольно значительный процент крымских татар в составе того же КрымЦИКа. Так, согласно «Справке информационного подотдела Крымского обкома ВКП(б) о национальном строительстве в Крыму в 1924–1926 гг.» от 1926 г. из 75 членов главного представительного органа на тот момент 32 были крымскими татарами (т. е. 42%). В целом же национальный состав КрымЦИКа в указанные годы был следующим: (крымских) татар – 32, русских – 29, немцев – 3, евреев – 1, латышей – 1, эстонцев – 1, украинцев – 7, белорусов – 1 [6, с. 271].

Через четыре года процент крымских татар в КрымЦИКе несколько уменьшился. В 1930 г. в нем состояло 95 членов, из них крымских татар – 34 (35,8%), русских – 30 (31,6%), представителей национальных меньшинств – 31 (32,6%). При этом, по данным на 1 января 1930 г., в Крыму насчитывалось 196 255 крымских татар (25,4% от всего населения республики), в том числе на селе – 155 835 (35,8%), в городе – 40 420 (12%) [там же, с. 278–281].

Примерно такая же ситуация была и в сельских Советах. На 1 октября 1925 г. по Крыму всего было создано 345 сельских советов, из них русских – 112, крымскотатарских – 135. Через пять лет, на 1 апреля 1930 года, в автономии уже существовало 427 сельских Советов, в т. ч. русских – 106, крымскотатарских – 144. В результате широкого проведения мероприятий по вовлечению крымских татар и представителей национальных меньшинств в состав Советов, в Советах райи-

сполкомов присутствовало 252 чел., из них русских – 99 (39,3%), крымских татар – 91 (36,1%), лиц из национальных меньшинств – 62 (24,6%); в сельсоветах: всего – 4325, русских – 1647 (38%), крымских татар – 1598 (37%), лиц из нацменьшинств – 1080 (25%) [там же, с. 281].

Впрочем, совершенно иная ситуация складывалась с привлечением крымских татар и представителей нацменьшинств в соваппарат и промышленность – здесь их доля в целом не превышала и 10%, что постоянно отмечалось как существенный недостаток в проведении политики коренизации [там же, с. 283–285].

Предположительно в 1924 г. КрымЦИК и Совнарком Крымской АССР переехали в гостиницу «Европейская». Здание же бывшего Дома губернатора в 1925 г. было передано [Крымско]татарскому фельдшерско-акушерскому техникуму (см. соответствующую статью данного «Свода»). Впоследствии, в 1938 г., здесь был открыт Институт усовершенствования учителей, под различными названиями функционирующий и поныне (в настоящее время – Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования КРИППО).

Список использованной литературы и источников

1. **Абдуллаев И.** Бекир Чобан-заде в составе КрымЦИК // *Голос Крыма*. – 2013. – 10 мая.
2. **Брошеван В. М., Форманчук А. А.** Крымская Республика: год 1921-й. (*Краткий исторический очерк*). – Симферополь: Таврия 1992. – 128 с.
3. **Деятели** крымскотатарской культуры (1921–1944 гг.): биобиблиографический словарь / Гл. ред. и сост. Д.П. Урсу. – Симферополь: Доля, 1999. – 240 с.
4. **Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.** Без победителей: Из истории Гражданской войны в Крыму. – 2-е изд., испр. и доп. – Симферополь: АнтикВА, 2008. – 728 с.
5. **Кондратюк Г. Н.** Крымские татары – советские служащие в реализации национальной политики в Крымской АССР (20–30-е годы XX ст.) // *Крымское историческое обозрение*. – 2014. – № 2. – С. 63–76.
6. **Крымская АССР (1921–1945)** / Сост. Ю. И. Горбунов. – Симферополь: Таврия, 1990. – 320 с. – (Серия: «Вопросы – ответы»; Вып. 3).
7. **Широков В. А., Доля А. И.** Симферополь: Улицы и дома рассказывают... – Симферополь, 2008. – 276 с.

Н. Абдульвапов

НАРКОМЗЕМ КРЫМСКОЙ АССР *пер. Совнаркомовский, 3*

г. Симферополь, пер. Совнаркомовский, 3. Бывший приют А. Я. Фабра, в 20–30 гг. XX вв. – Наркомат земледелия Крымской АССР, ныне – Министерство образования, науки и молодежи Республики Крым.

Высшие представительские и правительственные учреждения периода Крымской АССР с середины 20-х гг. XX в. – после переезда из помещения бывшего Дома губернатора, размещались в различных зданиях города. Основным из них было здание бывшей гостиницы «Европейская», располагавшееся в непосредственной близости к Дому губернатора, по адресу ул. Салгирная, 5. Именно здесь вплоть до начала Великой Отечественной войны размещались КрымЦИК, Совнарком и отдельные наркоматы Крымской АССР.

Здание гостиницы «Европейская» было построено в 1869 г. представителем одного из известных симферопольских семейств – Петром Николаевичем Шнейдером на месте, где ранее (с 1839 г.) располагалась гостиница «Золотой якорь». Гостиница «Европейская» вначале была двухэтажной, однако позже (по некоторым сведениям, в 1912 г.) было построено трехэтажное здание, ставшее одним из наиболее представительных в городе. Сразу же заслужив славу лучшего отеля Симферополя, гостиница «Европейская» одной из первых в городе стала получать электричество от частной электростанции симферопольско-

го инженера Н. К. Шахвердова. На нижнем этаже здания располагались один из лучших ресторанов Симферополя, банкетный зал и бильярдная. В гостинице были лифт и горячее водоснабжение, что считалось вершиной комфорта в те времена [12, с. 23].

В 1924–1925 гг. хозяевами отныне бывшей гостиницы становятся ЦИК и Совнарком Крымской АССР. В здание переезжают различные службы соответствующих органов, в том числе наркоматы просвещения¹ и здраво-

¹ Наркомат просвещения Крымской АССР был одним из тех комиссариатов, во главе которого на протяжении практически всего периода существования автономной республики находились крымские татары. Так, руководителями его, в частности, были К. Хамзин (казанский татарин, 1921–1922 гг.), М. И. Гарютин (1922–1923 гг.), Мухитдинов (1923–1924 гг.), Р. Ногаев (1924 г.), У. Балич (1924–1928 гг.), М. Недим (1928–1929 гг.), Р. Александрович (1929–1930, 1934–1937 гг.), А. Асанов (1930–1934 гг.), Б. Чагар (1937 г.) и др. [1]. Помимо этого, в разные годы на различных должностях в наркомате работали многочисленные представители крымскотатарской интеллигенции того времени, в том числе весьма известные: Б. Чобан-заде, А. Ляtif-заде, А. Одабаш, У. Аджи-

г. Симферополь. Ул. Салгирная, 5. Здание бывшей гостиницы «Европейская», в 20–30-е гг. XX в. – т. н. «Здание Правительства Крымской АССР», в котором располагались службы КрымЦИКа и Совнаркома Крымской АССР (не сохранилось). Фото сер. 30-х гг. XX в.

охранения² [8, с. 51; 13, с. 74]. Здание получает известность как «Здание Правительства Крымской АССР», о чем свидетельствуют, в частности, подписи под фотографиями, выполненными в предвоенные годы.

К сожалению, в апреле 1944 г., перед тем как оставить Симферополь, фашистские оккупанты заминировали здание, советское же командование, после освобождения города, приняло решение о его сносе. В результате здание было взорвано, после чего в короткий срок были ликвидированы и все следы его существования. Таким образом, город лишился одного из наиболее интересных архитектурных памятников – здания с высоким прави-

ТЕЛЬСТВЕННЫМ статусом и весьма богатой историей.

Ныне на месте бывшей гостиницы «Европейская» располагается Сквер им. 200-летия Симферополя (бывший сквер им. П. Е. Дыбенко).

Помимо здания гостиницы «Европейская», правительственные службы автономии располагались, в том числе, и в двух соседних зданиях. Так, в бывшем здании Казенной палаты по адресу ул. Салгирная, 3 (ныне пр. Кирова, 52), размещался Наркомфин Крымской АССР. В послевоенные годы в этом здании долгое время располагался Симферопольский горисполком, ныне это здание Черноморнефтегаза [12, с. 140].

В здании же по переулку Совнаркомовскому, 3 (адрес не изменился), в 1920–1930-е гг. располагался Народный комиссариат земледелия Крымской АССР [8, с. 52].

Данное здание было достаточно известным в городе – до начала 1920-х гг. здесь размещался Сиротский дом тайного советника А. Я. Фабра. Представитель дворян-

Асан, Я. Байрашевский, У. Азизов, В. Абилев, И. Исмаилов, О. Эбасанов, М. Османов, А. Аметов, А. Омеров, Дж. Умеров, О. Муединов и др.

² Руководителями Наркомата здравоохранения Крымской АССР также были в основном крымские татары, в частности, Х. Чапчакчи (1921–1927 гг.), Б. Чешмеджи (нач. 1930-х гг.), Р. Бекирова (1934–1937 гг.), Я. Сеитов (1938–1939 гг.).

г. Симферополь. ул. Салгирная (ныне – пр. Кирова). Справа на заднем плане – высокое здание гостиницы «Европейская», на переднем – здание Казенной палаты (1900 г.). Фото нач. XX в.

ской фамилии, действительный статский советник Андрей Яковлевич Фабр (1789–1863) родился в селе Суук-Су Феодосийского уезда Таврической губернии. В 1808 г. он был назначен главным форштмайстером – смотрителем лесов Таврической губернии, с 1819 г. служил в канцелярии Таврического гражданского губернатора, с 1825 г. был Таврическим губернским прокурором. С 1833 по 1847 гг. Фабр был начальником канцелярии графа М. С. Воронцова, с 1841 г. – членом Совета Министерства внутренних дел, наконец, в 1847–1857 гг. – гражданским губернатором Екатеринослава. В 1858 г. он вышел в отставку и поселился в Симферополе.

Еще в 1848 г. А. Я. Фабр на торгах купил в Симферополе участок с ветхим строением, где возвел дом и флигели. После его смерти все денежные сбережения и недвижимость покойного, согласно завещанию, перешли в пользу сирот, а в симферопольском доме в 1864 г. открылся приют для мальчиков, получивший имя А. Я. Фабра. В 1904 г. именем Фабра был назван и переулок, где находился приют.

В 1905 г. здание приюта было перестроено – в результате дом приобрел вид, в котором сохранился до настоящего времени. Известно, что в 1913 г. одним из членов попечительского совета приюта был представитель виднейшей крымскотатарской дворянской фамилии – Мустафа Мурза Кипчакский [2, с. 11].

Приют А. Я. Фабра просуществовал до Гражданской войны, когда был разграблен, в результате чего погиб и личный архив Фабра, хранившийся здесь. 30 мая 1924 г. название переулка им. Фабра было изменено на «Совнаркомовский», это название сохраняется и поныне.

С Народным комиссариатом земледелия связана деятельность целого ряда высокопоставленных крымскотатарских чиновников. Обращает на себя внимание, что с самого начала функционирования соответствующего ведомства, еще со времен Крымской ССР (1919 г.), оно находилось под руководством именно наркомов – крымских татар. Это было обусловлено прежде всего особой чувствительностью земельной проблематики в Крыму и тем, что основная масса

крымских татар в додепортационный период жила именно на селе.

В период Крымской ССР (апрель – июнь 1919 г.) наркомом земледелия был известный общественно-политический деятель Сулейман Измайлович Идрисов (1878–1938). С провозглашением автономии, в 1921 г. на должность наркома земледелия был назначен Умер Ибраимов (?–?) – родной брат наркома рабоче-крестьянской инспекции (через три года – председателя ЦИК Крымской АССР) Вели Ибраимова. Годы его пребывания на должности характеризуются острой общественно-политической борьбой в Крыму, в том числе и в земельном вопросе. В частности, в эти годы ставится вопрос о резервации земель для 20 000 крымских татар, которых планировалось вернуть на Родину из Румынии и Болгарии. Одновременно центральной властью начал реализовываться план массового переселения в Крым представителей еврейской национальности, для чего уже 8 января 1924 г. специально созданным

для этих целей Комитетом по земельному устройству трудящихся евреев (КОМЗЕТ) было принято постановление «Об отводе 40 тыс. десятин земли в Крыму» [5, с. 296]. Столкнувшись с данной проблемой, нарком земледелия У. Ибраимов неоднократно призывал отложить решение о переселении евреев до завершения внутрикрымского землеустройства. Однако эта позиция шла вразрез с официальной политикой Кремля. В результате в первой половине 1925 г. Умер Ибраимов был снят с поста. Чуть позже, в период политического процесса над Вели Ибраимовым, он также подвергся репрессиям, дальнейшая его судьба остается неизвестной.

В мае 1925 г. наркомземом Крымской АССР был назначен Селим Меметов (1887–?) [там же, с. 300]. Выпускник Симферопольской татарской учительской школы, он был активным участником революционных событий 1905–1907 и 1917 гг. В период Крымской ССР (апрель 1919 г.) он был наркомом иностранных дел, позже ра-

2. Симферополь. пер. Фабра. Слева – первоначальное, двухэтажное здание гостиницы «Европейская»; справа, в глубине – Сиротский приют А. Я. Фабра. Открытка нач. XX в.

Разбор руин гостиницы «Европейская» в Симферополе в апреле 1944 г.

ботал в советских представительствах в Иране и Турции, еще позже был членом правления, заместителем председателя правления и председателем Крымсоюза, работал во Внешторге и Крымсельсоюзе. В период нахождения в должности наркома земледелия Крымской АССР С. Меметов совместно с В. Ибраимовым и другими высокопоставлен-

ными крымскотатарскими чиновниками смело продолжил прежнюю линию поведения в вопросе массового переселения в Крым еврейского населения [там же, с. 301, 312]. Впрочем, как и в случае с У. Ибраимовым, для центральных властей мнение Крыма не имело особого значения, однако на этот раз проблема разрешилась на более высоком уровне. В 1927 г. было инициировано т. н. «дело Вели Ибраимова», однако еще до завершения судилища и расстрела председателя КрымЦИК в мае 1928 г., в высших эшелонах власти автономии была начата идеологическая чистка, одной из жертв которой стал и С. Меметов. В 1927 г. он был снят с поста, дальнейшая его судьба также остается неизвестной.

Аппаз Ибраимович Ибраимов (1887–1945)

В 1927 г. наркомом земледелия Крымской АССР стал Аппаз Ибраимович Ибраимов (1887–1945). Он родился в с. Чоргуна Балаклавского р-на. В период Первой мировой войны служил в Крымском конном полку, позже сражался в составе Красной Армии против Врангеля. С 1922 по 1927 гг. был председателем Севастопольского районного исполнительного комитета. В 1927 г. был назначен на должность народного комиссара земледелия, проработал в этой должности до 1931 года.

С началом войны добровольцем ушел на фронт, сражался под Севастополем, получил контузию, лечился на Большой земле, после чего был отправлен на ответственную работу в Оренбург. Получив известие о депортации крымских татар в 1944 г., вместе с сыном, также участником обороны Севастополя, инвалидом войны Нури Ибраимовым приехал в Крым в поисках семьи. По приезде получил предписание в 24 часа покинуть территорию полуострова. Семью нашел в узбекском городе Янгиюль, там же трагически погиб в 1945 г. [4, с. 151–152].

В 1934 г. Наркомат земледелия Крымской АССР возглавил Ф. Мусаниф. Педагог и общественный деятель, Февзи Абдулла Мусаниф (1904–1938) родился в с. Гулюмбей Бахчисарайского р-на, в семье муддерриса (учителя духовной школы). Учился два года в Симферопольской татарской учительской школе, в 1921–1922 гг. находился на комсомольской работе в Бахчисарае, позже был направлен на учебу в Коммунистический университет трудящихся Востока (Москва), где проучился три курса. По возвращении в Крым, в 1925–1930 гг. работал учителем и директором в крымскотатарских школах. После 1930 г. находился на комсомольской и партийной работе. В 1934 г. был назначен наркомом земледелия, на этой должности находился до 1937 г. Ф. Мусаниф был арестован 14 июня 1937 г., обвинялся в контрреволюционно-пантюркистской деятельности, связях с М. Недимом и А. С. Айвазовым. Виновным себя не признал. 17 апреля 1938 г. был приговорен к смертной казни и расстрелян. 25 ноября 1958 г. был реабилитирован «за отсутствием состава преступления» [6, с. 140].

Помимо указанных имен, в различных архивных источниках, датированных 30-ми гг. XX в., проходят имена еще двух крымских татар – наркомов земледелия

Февзи Мусаниф (1904–1938)

г. Симферополь, пер. Совнаркомовский, 3. Бывший приют А. Я. Фабра, в 20–30 гг. XX вв. – Наркомат земледелия Крымской АССР, ныне – Министерство образования, науки и молодежи Республики Крым.

г. Симферополь. Здания гостиницы «Европейская» (в центре), Приюта А. Я. Фабра (слева от гостиницы, по ул. Салгирной (ныне проспект Кирова)) и Казенной палаты (в центре, внизу) на аэрофотоснимке 1918 г.

Крымской АССР: Молаева [7, с. 28] и Эмира Велиева (Эмирвелиев [?]. – *Сост.*) [10, с. 71], однако подробные сведения о них в настоящее время отсутствуют.

Помимо непосредственно наркомов, известны имена и многочисленных других сотрудников ведомства. Так, в годы депортации в среде крымских татар получил известность бывший сотрудник Наркомзема Крымской АССР, участник войны, капитан Осман Меметов: осенью 1967 г., после выхода в свет указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 г. «О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму», ему – первому среди депортированных в 1944 г. крымских татар – в результате значительных усилий удалось прописаться в городе Симферополе [3, с. 170].

После Великой Отечественной войны в

здании бывшего приюта А. Я. Фабра, позже – Наркомата земледелия Крымской АССР располагалась средняя школа № 66, ныне здесь размещается Министерство образования, науки и молодежи Республики Крым. Решением Крымского облисполкома от 5 июня 1984 г. № 284 здание внесено в реестр памятников истории и монументального искусства (учетный № 151).

После Великой Отечественной войны в здании бывшего приюта Фабра, позже – Наркомата земледелия Крымской АССР – располагалась средняя школа № 66, ныне здесь размещается Министерство образования, науки и молодежи Республики Крым. Решением Крымского облисполкома от 5 июня 1984 г. № 284 здание внесено в реестр памятников истории (учетный № 151).

Список использованной литературы и источников

1. **Абибуллаева Д.** Жизнь и деятельность министров просвещения Крымской АССР // Крымское историческое обозрение. – 2014. – № 2. – С. 6–22.
2. **Адрес-календарь** и Справочная книга Таврической губернии на 1913 г. – Симферополь, 1913.
3. **Велиев А.** Боевые офицеры: крымские татары в Великой Отечественной войне. Т. 2. 2-е изд., перераб. и доп. / [пер. с крымскотат. Э. Велиевой] – Симферополь, 2017. – 576 с.: фото.
4. **Велиев А.** Муаребе аскерлери: кьырымтатарлар Экинджи дюнья дженкинде. Т. 3. – Симферополь, 2011. – 478 с.: фото.
5. **Возгрин В. Е.** История крымских татар: Очерки этнической истории коренного народа Крыма в четырех томах: Том 3. – СПб.: Нестор-История, 2013. – 880 с.
6. **Деятели крымскотатарской культуры (1921–1944 гг.):** биобиблиографический словарь / гл. ред. и сост. Д. П. Урсу. – Симферополь: Доля, 1999. – 240 с.
7. **Змерзлый Б. В.** Привлечение крымских татар в вузы Крымской АССР в 1920–1930-х годах // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 52, Т. 1. – С. 26–30.
8. **Крым: путеводитель.** Справочная часть полного третьего издания с вступительным очерком «Полуостров Крым» проф. И. И. Пузанова / под ред. И. М. Волошинова, В. В. Лункевича, И. И. Пузанова, А. О. Штекера; Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы. – Симферополь: Крымгиз, 1929. – 350 с., 5 карт, 8 планов, панорама Южного берега, 70 ил.
9. **Крымская АССР (1921–1945)** / сост. Ю. И. Горбунов. – Симферополь: Таврия, 1990. – 320 с. – (Серия: «Вопросы – ответы»; Вып. 3).
10. **Реабилитированные историей.** Автономная Республика Крым: Кн. 1. – Симферополь: Магистр, 2004. – 408 с.: илл.
11. **Симферополь и его лица:** книга-фотоальбом / Автор проекта Наумова И. Р. – Симферополь: Издательство «ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2011. – 320 с.
12. **Широков В. А., Доля А. И.** Симферополь: улицы и дома рассказывают... – Симферополь: Атлас-Компакт, 2008. – 276 с.
13. **Широков В. А., Широков О. В.** Симферополь: улицы рассказывают. – Симферополь: Таврия, 1983. – 208 с., 16 л. илл.

Н. Абдульвапов

ЖИЛОЙ ДОМ ПРАВИТЕЛЬСТВА КРЫМСКОЙ АССР *ул. Жуковского, 5*

Четырёхэтажное здание оригинальной архитектуры в центре Симферополя, по адресу ул. Жуковского, 5, в свое время было известно среди симферопольцев как Жилой дом Крымского правительства. Оно было построено в 1934 г. по проекту архитектора Б. И. Белозерского (1887–1977) – первого советского архитектора Симферополя, руководителя симферопольского Гипрогора (Государственного института съёмки и планировки городов и проектирования гражданских сооружений НКВД РСФСР). В 1923 г. Б. И. Белозерский был поставлен во главе строительного отдела горсовета, а через три года стал городским (главным) архитектором Симферополя. В крымской столице по его проектам был построен ряд известных зданий.

Жилой дом Крымского правительства представляет собой многоуровневое здание с ротондой, построенное в стиле свободного конструктивизма. На каждом из его четырёх этажей размещалось по две пятикомнатные квартиры. Дом предназначался для проживания наиболее высокопоставленных чиновников Крымской АССР, в частности, руководи-

телей КрымЦИК и Совнаркома автономии и их заместителей [7, с. 91–92].

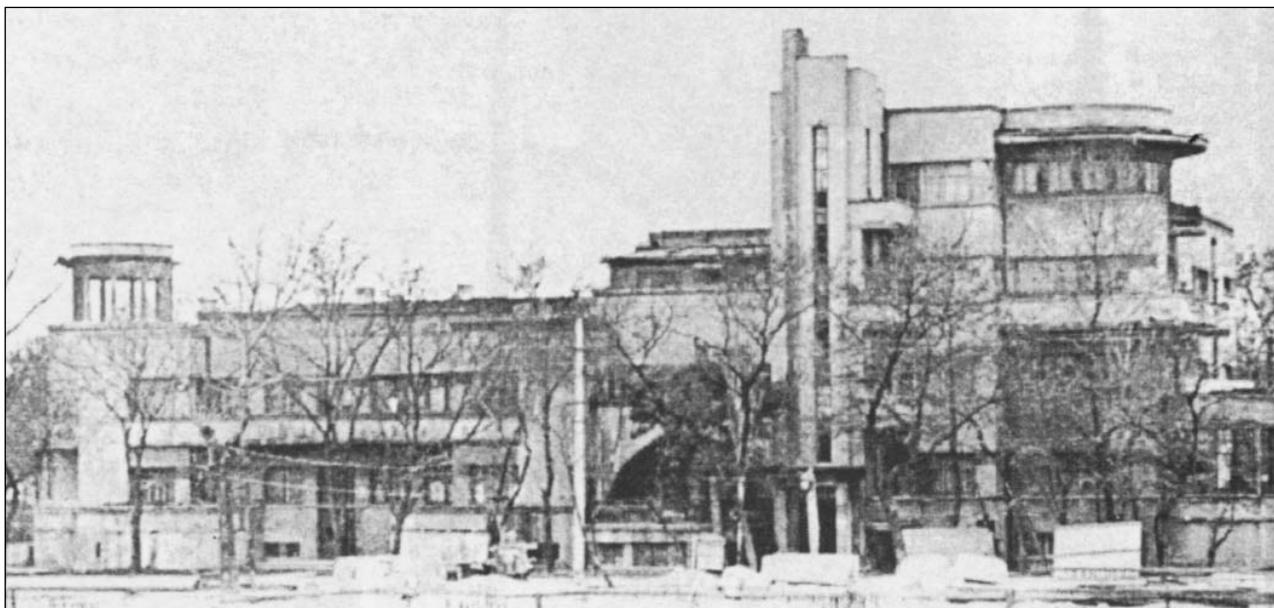
В настоящее время известны имена ряда жильцов дома довоенного периода, в частности, председателя КрымЦИК (высшего представительного органа республики) в 1931–1937 гг. Ильяса Тархана, председателя Совнаркома (правительства) Крымской АССР в 1929–1937 гг. Абдураима Самединова и его заместителя, одновременно – наркома юстиции Крымской АССР в 1936–1938 гг. Мустафы Асманова. Ниже будут даны краткие биографические сведения о каждом из них.

Ильяс Умерович Тархан родился в 1900 г. (по другим данным, в 1897 г.) в дер. Корбек Ялтинского уезда (ныне с. Изобильное, городской округ Алушта). В 1913–1917 гг. учился в татарской школе в Казани, позже – в Крыму, в известном бахчисарайском медресе «Зынджирлы». С 1921 г. находился на комсомольской работе. В 1923–1924 гг. избирался членом ЦИК Крымской АССР и работал редактором молодежной газеты «Яш кьувет» («Молодая сила»). С 1925 по 1930 гг. был на партийной работе в Симферополе и Судаке.

*г. Симферополь,
ул. Жуковского, 5. Быв-
ший Жилой дом Пра-
вительства Крымской
АССР.*

Фото 2017 г.

*г. Симферополь, ул. Жуковского, 5. Бывший Жилой дом Правительства Крымской АССР.
Фото второй пол. XX в.*

В 1931 г. был избран членом бюро Крымского ОК ВКП(б), членом ЦИК и, наконец, председателем ЦИК Крымской АССР. Одновременно стал и членом ЦИК СССР.

В 1933, 1935 и 1937 гг. И. Тархан переизбирался на должность председателя КрымЦИК, с его деятельностью связаны многие яркие страницы истории крымской автономии тех лет.

Помимо политической, известна и литературная деятельность И. Тархана: он является автором ряда поэтических и драматических произведений. Одна из его пьес – «Уджюм» («Наступление») в 1933 г. была поставлена на сцене Крымского государственного татарского театра в Симферополе и имела большой успех. В августе 1934 г. И. Тархан был избран председателем Союза писателей Крыма. Помимо этого, он был и членом Союза писателей СССР [4, с. 172–174].

И. Тархан был арестован 8 сентября 1937 года. В материалах судебного дела присутствует адрес его проживания на тот момент: ул. Жуковского, 5. На момент ареста И. Тархан имел семью: мать Сайде, жену Веляде Меметовну, сыновей Недима и Усеина. У него также были четыре сестры [3, с. 176–177].

И. Тархан обвинялся в том, что «являлся одним из руководителей нелегальной

контрреволюционной националистической организации в Крыму», «проводил контрреволюционную, националистическую, пантюркистскую, вредительскую работу в области национальной культуры, направленную на воспитание и создание контрреволюционных, националистических кадров» и т. д. и т. п. [там же, с. 182].)

16 апреля 1938 г. в Симферополе состоялось подготовительное заседание выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР, юристы заслушали «Дело» о предании суду Тархана И. У. по ст. ст. 58-7, 58-8, 58-11 УК РСФСР. Было вынесено определение, третий пункт которого гласил: «3. Дело заслушать в закрытом судебном заседании без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей в порядке Постановления ЦИК СССР от 1.12.1934 г.» [там же, с. 183].

Несмотря на то что на суде И. Тархан виновным себя ни в чем не признал, выездной сессией Военной коллегии Верховного Суда СССР от 17 апреля 1938 г. он был осужден к высшей мере наказания. В тот же день он был казнен вместе с большой группой крымскотатарских общественно-политических деятелей и видных деятелей культуры.

И. Тархан был реабилитирован 24 ноя-

Ильяс Тархан (1900–1938)

Абдураим Самединов (1900–1938)

бря 1956 г. В ходе проверки дела было установлено, что «в НКВД Крыма, где проводилось следствие по делу Тархана, в 1937–1938 гг. допускались необоснованные аресты, избивание арестованных, фальсификация следственных материалов и другие грубейшие нарушения законности» [там же, с. 184].

Абдураим Абдураманович Самединов родился в 1900 г. в дер. Лимены Ялтинского уезда (ныне пгт Голубой Залив, городской округ Ялта). В мае 1929 г. был избран на должность председателя Совнаркома Крымской АССР. За все время работы характеризовался только с положительной стороны. В период его руководства Правительством Крымской АССР, в 1934 г., республика была награждена орденом Ленина, а в марте 1935 г. такой же награды «за выдающиеся заслуги в деле руководства работой по республике» удостоился и сам А. А. Самединов.

Несмотря на это, в 1936 г. А. А. Самединов стал одной из основных целей очередной кампании по дискредитации представителей крымскотатарской политической и культурной элиты. Органами НКВД фабрикуется т. н. дело «группы Самединова», процесс с самого начала готовится как национальный. С осени 1936 г. один за другим следуют аресты наиболее известных государственных и культурных деятелей крымских татар: директора средней школы № 15 О. А. Барабашева, корректора гостипографии Д. А. Гафарова, инспектора каракулеводческого управления Наркомата совхозов СССР Б. У. Умерова, редактора газеты «Яньы Дюнья» Т. С. Бояджиева, известных писателей и педагогов С. А. Айвазова и О. Н. Акчокраклы, зав. сектором крымскотатарского художественного вещания республиканского радиокomiteта Р. М. Рефатова, бывшего редактора газеты «Яньы дюнья», наркома просвещения, а затем научного сотрудника центрального НИИ национальностей при Наркомпросе РСФСР М. М. Недима, наркома земледелия Крымской АССР Ф. А. Мусанифа, бывшего директора Крымского педагогического института М. Э. Бекирова, бывшего наркома просвещения республики Р. М. Александровича, бывшего второго секретаря обкома партии, а затем наркома просвещения Б. А. Чагара, наконец, председателя ЦИК Крымской АССР И. У. Тархана [6].

Всем им было предъявлено обвинение в принадлежности к «контрреволюционной националистической организации». На первых допросах арестованные отвергали эти обвинения, но следователи запрещенными приемами добивались от них признательных показаний не только на себя, но и на других лиц.

Слева направо, сидят: Зоре Асанова (супруга А. Асанова, см. ниже), Зера Чешмеджи (супруга Б. Чешмеджи, см. ниже), Айше Самединова (супруга А. Самединова, см. ниже), Абдураим Самединов (председатель Совнаркома Крымской АССР в 1929–1937 гг.); стоят: Али Асанов (нарком просвещения Крымской АССР в 1930–1934 гг.), Билял Чешмеджи (нарком здравоохранения в нач. 1930-х гг.), [имя не установлено]. Кисловодск, 1930 г.

16 сентября 1937 г. бюро Крымского обкома партии приняло постановление о снятии А. А. Самединова с поста председателя СНК Крымской АССР. Через день, 17 сентября, последовал его арест. Согласно материалам судебного дела, в это время А. А. Самединов проживал в г. Симферополе, по адресу ул. Жуковского, 5.

При обыске у А. А. Самединова были изъяты паспорт, партбилет, мандаты делегата 17-го съезда ВКП(б), 16-й и 17-й партконференций, билет делегата 17-го съезда Советов, членские билеты ЦИК СССР 1929, 1931, 1935 годов, ВЦИК РСФСР – 1929, 1931, 1935 годов. В постановлении об избрании меры пресечения определялось содержание под стражей в особом корпусе НКВД.

А. Самединов обвинялся в том, что «является участником контрреволюционной националистической организации», что «на протяжении ряда лет вел активную контрреволюционную деятельность» [там же].

23 сентября 1937 г. бюро обкома ВКП(б) приняло решение: «За покровительство буржуазных националистов и связь с ними исключить Самединова из рядов партии (арестован органами НКВД)». За этим последовали долгие семь месяцев пребывания в застенках НКВД.

17 апреля 1938 г. в Симферополе состоялась выездная сессия Военной коллегии Верховного Суда СССР. Дела заслушались на закрытом судебном заседании, без участия обвинения и защиты и без вызова свидетелей. А. А. Самединов на суде заявил, что виновным себя не признает, от своих показаний на предварительном следствии отказывается, считая их ложными. После оглашения показаний других лиц, подтверждавших его участие в организации, заявил, что его оговаривают. В последнем слове просил дать ему возможность работать.

Однако судьба бывшего председателя Совнаркома Крыма была уже предрешена. Руководствуясь ст. ст. 319 и 320 УПК РСФСР, Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила А. А. Самединова к высшей мере уголовного наказания – расстрелу, с конфискацией всего лично принадлежавшего ему имущества. Приговор являлся окончательным и, в силу постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г., подлежал немедленному исполнению [там же].

А. А. Самединов был расстрелян 17 апреля 1938 г. в Симферополе, о чем в его деле имеется соответствующая справка. В тот же день та же судьба постигла

Мустафа Асманов (1899–1941)

большую группу крымскотатарских политических и культурных деятелей: были расстреляны И. У. Тархан, Ф. А. Мусаниф, Д. А. Гафаров, М. М. Недим, С. А. Айвазов, О. Н. Акчокраклы, Я. А. Азизов, Б. М. Чешмеджи (бывший нарком здравоохранения), Б. А. Чагар, М. Александрович, А. Асанов, У. Боданинский, С.-Дж. Хаттагов и др. Помимо этого, по 12 лет лишения свободы получили М. Э. Бекиров (бывший директор КПИ), У. Ипчи (писатель), З. М. Сеферов, 10 лет – Б. У. Умеров [там же]. Добавим также, что месяцем ранее, 19 марта 1938 г., в тюрьме умер 33-летний О. А. Барабашев, не дожила до «суда» и бывший нарком здравоохранения Ребия Бекирова (была арестована в 1937 г., умерла во время следствия). День 17 апреля 1938 г. стал днем памяти интеллектуальной элиты крымских татар – жертв сталинских репрессий.

А. А. Самединов был реабили-

тирован в 1956 г. Дополнительным расследованием его дела Главная военная прокуратура СССР установила, что он был осужден необоснованно, на суде свою вину не признал, основанием для его осуждения послужили показания других лиц, которые «выбивались» из них в ходе следствия. Некоторые из этих лиц от своих показаний на суде отказались. В органах Госбезопасности какие-либо иные материалы по существу обвинения А. А. Самединова отсутствовали.

Помимо этого, в его деле было обнаружено анонимное письмо на имя В. М. Молотова за подписью «сотрудник», в котором указывалось: «Сообщаю вам, как главе правительства, для принятия необходимых мер о том, что в НКВД Крыма в деле следствия применяются гнусные методы, в частности, в деле Самединова (б. Пред. СНК). Он не признавал предъявленных ему обвинений, тогда пустили в ход угрозу, обман, фальсификацию документов, чем вынудили его подписать протокол. Самединов будет наказан безвинно, если не будет вмешательства сверху». Видимо, это письмо так и не дошло до адресата, – вмешательства сверху для спасения А. Самединова не последовало [там же].

15 декабря 1956 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР, «рассмотрев материалы дела и дополнительного расследования, заключение находит обоснованным и подлежащим удовлетворению и, принимая во внимание, что дело в отношении А. А. Самединова фальсифицировано, определила: приговор Военной коллегии Верховного Суда СССР от 17 апреля 1938 года в отношении А. А. Самединова отменить, а дело о нем прекратить за отсутствием состава преступления» [там же].

В этом же и следующем году были реабилитированы и все другие «члены группы А. Самединова»: Б. А. Чагар, И. У. Тархан, Б. У. Умеров, Р. М. Александрович, Т. С. Бояджиев, Р. М. Рефатов, З. М. Сеферов и др. [там же].

Возвращаясь к дому на Жуковского, 5, добавим, что на момент ареста А. А. Самединов проживал с женой – Айше Самединовой. В период пребывания бывшего председателя Крымского правительства в тюрьме, в декабре 1937 г. у них родился сын.

Мустафа Османович Асманов родился в 1899 г. в г. Евпатории. В 1921 г. стал членом партии. В 1925 г. женился на Саре Усеиновне Ишниязовой (сестре известной актрисы, заслуженной артистки Крымской АССР Магинур Ишниязовой-Мустафаевой). Брак был заключен в Карасувбазаре (ныне Белогорск), из

чего можно предположить, что в это время М. Асманов проживал в этом городе. С 1926 по 1933 гг. работал в Евпаторийском и Балаклавском районах Крымской АССР. В 1933 г., как указано в обвинительном приговоре, был выдвинут председателем Совнаркома Крымской АССР А. Самединовым «на руководящую работу в правительственные инстанции Крымской АССР» [1].

В 1935 г. М. Асманов, судя по архивным материалам, был постпредом Крымского ЦИК при Президиуме Всесоюзного ЦИК в Москве [5, с. 194]. Основной задачей Представительства было решение в центральных правительственных органах вопросов хозяйственного и культурного строительства Крыма. Одним из таких вопросов мог стать проект создания в Крыму, в г. Ялте «киногорода» – аналога американского Голливуда. О масштабах этого проекта можно судить по некоторым цифрам из письма М. Асманова за № 9/15 от 11 декабря 1935 г. на имя председателя КрымЦИК И. Тархана: «О предполагаемом строительстве киногорода на Южном берегу Крыма». Так, в третьем пункте письма приводятся данные о предполагаемой численности персонала городка: 50–70 тысяч человек. В четвертом пункте отмечается, что производственная мощность киногородка рассчитана «...на 800 к/картин в год, так же, как и в Амери-

ке». Эти сведения были записаны М. Асмановым в ходе его беседы с Б. З. Шумяцким, тогдашним председателем Главного управления Кинофотопромышленности СССР [там же, с. 194].

В 1936 г. М. Асманов был назначен на должность наркома юстиции Крымской АССР. Одновременно, судя по всему, он стал и заместителем председателя Совнаркома Крыма. На годы непродолжительного пребывания М. Асманова на указанных должностях пришлось трагические события начала нового витка политических репрессий в СССР, получивших название «Большого террора». Одной из жертв этих репрессий стал и М. Асманов.

Нарком был арестован органами НКВД 16 июня 1938 г. Он обвинялся как «участник контрреволюционной националистической организации, в которую был завербован в 1926 году быв. председателем Крымского ЦИК Вели Ибраимовым», в том, что «проводил антисоветскую работу на селе, защищая интересы кулацких и антисоветских элементов», а также в том, что, работая на должности наркомюста Крымской АССР, «проводил широкую вредительскую работу, направленную на дезорганизацию аппарата органов юстиции и на дискредитацию карательной политики Советской власти» [1].

Мустафа и Саре Асмановы. 1930 г. Из архива Э. Османова.

Форма № 31

3

**Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза ССР**

19 марта 1958 г.
№ 4н-013604/57

Москва, ул. Воровского, д. 13

СПРАВКА

Дело по обвинению АСМАНОВА Мустафы Османовича, до ареста - 16 июня 1938 года - Народного Комиссара юстиции Крымской АССР, пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 6 марта 1958 года.

Приговор Военной коллегии от 8 июля 1941 года в отношении АСМАНОВА М.О. по вновь открытым обстоятельствам отменен и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

АСМАНОВ М.О. реабилитирован посмертно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ СУДЕБНОГО СОСТАВА
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ЮСТИЦИИ

А. Костромин
А. КОСТРОМИН

ДС

Справка о реабилитации Асманова Мустафы Османовича. Из архива Э. Османова.

Суд над М. Асмановым, судя по всему, проходил в Москве. 8 июля 1941 г. он был осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР. 27 июля 1941 г. М. Асманов был расстрелян и похоронен на кладбище в районе поселка Коммунарка под Москвой. Данное кладбище было спецобъектом (расстрельным полигоном) НКВД СССР и служило местом массового уничтожения различных высокопоставленных деятелей государства.

6 марта 1958 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР бывший заместитель председателя Совнаркома Крымской АССР и одновременно нарком юстиции Асманов Мустафа Османович был реабилитирован посмертно [2].

Судя по материалам следственного дела, а также воспоминаниям супруги бывшего наркома, М. Асманов на момент ареста проживал в Симферополе по адресу ул. Жуковского, 5. Семья его состояла из пяти человек: супруги Саре Усеиновны

(1904 г. р.), дочери Урие (1926 г. р.), сыновей Рустема (1927 г. р.) и Рефата (1930 г. р.). После ареста М. Асманова его жена и дети были выселены из занимаемой ими квартиры. Судя по всему, они продолжали жить в Симферополе, поскольку 18 мая 1944 г. были высланы именно из крымской столицы. В годы депортации семья проживала в Самарканде. В настоящее время один внук и один правнук М. Асманова проживают в Симферополе [1].

Сведения о других жителях жилого дома членов Крымского правительства из числа крымских татар в настоящее время отсутствуют. Можно лишь с большой долей уверенности предположить, что, по меньшей мере, последующие главы высших представительного и исполнительного органов власти республики также жили в этом доме. Ими были:

Менбариев Абдул-Джемиль Хайрулла – председатель ЦИК Крымской АССР (09.09.1937–21.07.1938), председатель

Президиума Верховного Совета Крымской АССР (21.07.1938–18.05.1944);

Ибраимов Мемет Ибраимович и Сейфуллаев Исмаил Сейфуллаевич – председатели Совнаркома Крымской АССР, соответственно в периоды 1937 – 05.04.1942 г. и 05.04.1942 г. – 18.05.1944 г.

После Второй мировой войны в бывшем жилом доме Крымского правительства

были открыты коммунальные квартиры, а с 1986 г. здесь размещается одна из городских музыкальных школ (ныне – Симферопольская детская музыкальная школа № 2 им. А. Караманова). Согласно решению Крымского облисполкома от 20.02.1990 г. № 48, здание имеет статус памятника архитектуры.

Список использованных источников и литературы

1. **Асманов М. О.** Собрание документов и фотографий. – Личный архив Э. Османова.
2. **Асманов_Мустафа_Османович** (1899). – Режим доступа: <https://ru.openlist.wiki> Асманов Мустафа Османович.
3. **Брошеван В.** Председатель ЦИКа Крымской АССР И. Тархан – жертва НКВД СССР // Материалы Международной научной конференции «Репрессированное поколение крымскотатарских общественно-политических деятелей, подвижников науки и культуры» (28–29 мая 1999 г.) / Международный фонд «Відродження», Благотворительный фонд им. А. Медиева. – Симферополь, 2001. – С. 175–185.
4. **Деятели** крымскотатарской культуры (1921–1944 гг.): биобиблиографический словарь / гл. ред. и сост. Д. П. Урсу. – Симферополь: Доля, 1999. – 240 с.
5. **Заатов И.** Крымский государственный татарский театр оперы и балета в материалах архивов и довоенной прессы 1937–1938 гг. – Симферополь: Доля, 2016. – 360 с., илл.
6. **Политические репрессии** в Крыму (1920–1940 годы) / сост.: Омельчук Д. В. [и др.]. – Симферополь, 2003. – 205, [2] с.: илл., табл.
7. **Симферополь:** фотоальбом / сост. В. И. Жерибор, авт. текста В. Н. Гуркович. – Симферополь, 2007. – 132 с.: илл.

Н. Абдульвапов

КРЫМСКОТАТАРСКАЯ ОБРАЗЦОВАЯ ШКОЛА-ИНТЕРНАТ № 12

ул. Крылова, 60

г. Симферополь, ул. Крылова 20. Здание бывшей Крымскотатарской образцовой средней школы-интерната № 12. Фото 2017 г.

Симферопольская образцовая крымскотатарская школа-интернат № 12, наряду с образцовой крымскотатарской школой № 13 (см. соответствующую статью данного «Свода»), была наиболее известным крымскотатарским школьным учебным заведением города довоенного периода. Её выпускниками были многие известные представители крымскотатарской интеллигенции, некоторые из них оставили весьма ценные воспоминания о годах, проведенных в стенах этого учебного заведения.

Несмотря на свою широкую известность, документальная история школы остается практически неизученной. В частности, остаются неизвестными подробности открытия учебного заведения. Наиболее ранний архивный документ, имеющийся ныне в распоряжении исследователей, датируется 16 августа 1926 года. Согласно ему, дом № 60 по ул. Субхи (ныне ул. Крылова) являлся одним владением с домами под № 58, 64 и 66 на той

же улице и был занят «под татарскую школу». В том же документе указывается, что «частных лиц, за исключением учительского персонала», в доме не проживало [5, л. 466].

Более подробные сведения из того же архивного дела касаются дома под № 66, который, как следует из предыдущего документа, был частью единого школьного комплекса. Согласно одному из документов, указанное строение в 1923, 1924 и 1925 годах использовалось под «татарскую школу» [там же, л. 391]. Другой документ еще более конкретизирует положение дел: согласно ему, часть строения была занята под школу – «4 татарскую семилетку», часть – под жилье для служащих, часть – под общежитие для школьных детей («интернат»), все здание находилось в ведении горono [там же, л. 342].

Таким образом, можно с большой долей уверенности предположить, что начиная с 1923 г. в здании по адресу ул. Субхи, 60,

располагались, по меньшей мере, некоторые помещения семилетней крымскотатарской школы-интерната, однако через некоторое время оно стало головным зданием этого учебного заведения.

Выбор помещения под крымскотатарскую школу был не случаен. Известно, что здание по адресу ул. Субхи (ранее ул. Кладбищенская), 60, долгое время было собственностью Крымского мусульманского благотворительного общества (Общества для пособия бедным мусульманам Крыма, см. соответствующую статью данного «Свода»). Более того, в 1913 г. здесь была открыта бесплатная новометодная школа (*мектеб*) для детей беднейших родителей. Что же касается дома под № 66, то и здесь в 1918–1921 гг. располагалось учебное заведение – Крымскотатарское женское педучилище (Дарульмуаллима) им. И. Гаспринского (см. соответствующую статью данного «Свода»).

В начале 1930-х гг. школа продолжала оставаться семилетней, однако уже имела номер «12». Интересные подробности ее функционирования в данный период встречаются в воспоминаниях од-

ного из ее выпускников – выдающегося крымскотатарского писателя-романиста Дж. Дагджи. Учебное заведение присутствует как в его мемуарах, так и некоторых романах [10; 9, s. 395]. Будущий писатель поступил в школу в 1932 году, в 5-Б класс и проучился здесь три года. Согласно воспоминаниям Дж. Дагджи, школа находилась напротив городского мусульманского кладбища (т. н. «старого» татарского кладбища, см. соответствующую статью данного «Свода»), ее здание состояло из двух частей: первой, располагавшейся несколько выше (в глубине двора. – Н. А., Р. А.) – в ней были размещены первые четыре класса, и второй, располагавшейся ниже (вдоль улицы Субхи. – Н. А., Р. А.) – здесь размещались классы 5 «А», 5 «Б», 6-й и 7-й. В период обучения Дж. Дагджи школа была семилетней и называлась «Неполной средней 12-й образцовой школой». По свидетельству писателя, многие из учащихся, завершив семилетний курс, продолжали обучение в Средней [образцово-показательной крымскотатарской] школе № 13 (так поступил и сам Дж. Дагджи) [10, с. 45–48].

Симферопольская крымскотатарская образцовая средняя школа-интернат № 12. В центре – директор М. Медин. 25 февраля 1941 г.

*Мамут Медин. Баку, 1943 г.
Из архива У. Медина.*

*Мамут Медин. Киев, 1930 г.
Из архива У. Медина.*

Интересны воспоминания Дж. Дагджи об уроках труда, которые проходили в помещении бывшей мечети, располагавшейся по соседству со школой [там же]. Речь идет о мечети Сейид-Халиль Челеби или же Токал-Джами, выходявшей на параллельный со школой переулок Урманера (до 1930 г. – пер. Минаретный, ныне пер. Холмистый) (см. соответствующую статью данного «Свода»).

Следующие архивные документы, касающиеся истории школы, датируются уже 1940 годом. Согласно одному из них, от 13 октября, в указанном году школа была уже десятилетней и располагалась в здании, в котором было 13 классных комнат. Данные комнаты были рассчитаны на 170 учащихся при занятиях в одну смену. В новом году было принято 32 ученика, всего же в школе обучалось 468 человек. Все учащиеся были по национальности «татары» (в те годы по отношению к крымским татарам использовался именно этот термин), все считали родным языком «татарский», на котором и велось обучение во всех десяти классах. В школе работали 23 учителя, один пионервожатый и семь лиц административно-технического персонала. Директором школы был Медин [1].

О директоре М. Медине имеются подробные сведения, многие оригинальные документы, связанные с его жизнью и деятельностью, сохранены в семье его сына Усеина Медина, проживающего ныне в Симферополе. Согласно этим документам, Мамут Медин родился в 1907 г. в с. Ойсунки (ныне – Растущее) Бахчисарайского района. В 1915–1920 гг. учился в местной школе, после чего несколько лет работал в селе. В 1925 г. поступил в Крымскотатарскую образцово-показательную девятилетнюю школу в Симферополе, в 1929 г., по завершении учебы, был призван в ряды Красной Армии. Служил в г. Киеве. В 1930 г. М. Медин вернулся в Симферополь и поступил на историко-экономический факультет Крымского пединститута. В 1933 г. закончил его, получив диплом преподавателя «истории и политэкономии» (оригинал диплома с подписью ректора Крымского пединститута М. Бекирова хранится в семье У. Медина). После этого некоторое время работал по специальности в симферопольской школе ФЗУ, далее полгода – партийным инструктором в Судаче. В 1934–1935 гг. М. Медин преподавал историю и обществоведение в Симферопольской образцовой крымскотатарской школе № 13, наконец, в октябре 1935 г. был назначен директором и преподавателем истории в Крымскотатарскую школу-

Мамут Медин с супругой Аджире и сыновьями Ильмаром и Артуром. Симферополь, 1938 г. Из архива У. Медина.

интернат № 12. В данной должности М. Медин пробыл вплоть до начала Великой Отечественной войны.

В августе 1941 г. в звании младшего лейтенанта и в должности командира взвода М. Медин ушел на фронт, в октябре того же года получил серьезное ранение под Перекопом, около года лечился в различных госпиталях, в том числе в г. Баку. По состоянию здоровья был оставлен в столице Азербайджана – для работы в городских райвоенкоматах, а также военным инспектором при азербайджанском Наркомпросе. В это время М. Медин получил известие из Крыма о том, что его жена Аджире Аблямитова в августе 1942 г. была схвачена фашистами за связь с партизанами и после двух с половиной месяцев нахождения в одиночной камере расстреляна.

В 1946 г., выйдя в запас, М. Медин приезжает в Узбекистан, в г. Фергану, где находит свекровь со своими двумя сыновьями (его родная мать и еще двое малолетних детей погибли в первые годы депортации). Далее был второй брак, переезд в г. Янгиюль, работа, участие в общественной жизни и национальном движении крымских татар. Умер М. Медин в 1983 году.

Шамиль Абляй (Чонгарлы, 1900–1942)

9-й класс 12-й [крымско]татарской средней школы г. Симферополя. 1941 г.

Что касается преподавательского состава школы-интерната № 12, то его можно частично восстановить по биографиям некоторых известных представителей крымскотатарской интеллигенции додепортационного периода, а также воспоминаниям ряда бывших учеников школы. Так, известно, что заместителем директора по учебной работе в 1930-х гг. был молодой талантливый крымскотатарский писатель Абляй Шамиль (Чонгарлы, 1900–1942). В годы войны он был оставлен для работы в подполье, однако в 1942 г. был схвачен гестапо и зверски убит.

Еще одним преподавателем школы была известный педагог и поэтесса Зейнеп Аббасова (Ляtif-заде, 1906–1998, супруга родного брата выдающегося крымскотатарского поэта и ученого Абдуллы Ляtif-заде – Амиа Ляtif-заде). Из других преподавателей известны имена Решиде Ибраимовой (преподавала химию и анатомию), Азизова (алгебра), Джемилева (география), Мамина (физика).

Говоря об учащихся и выпускниках Симферопольской крымскотатарской школы № 12, необходимо отметить, что среди них присутствует целая плеяда известных личностей: уже упоминавшийся

Зейнеп Аббасова. 1936 г.

романист Дж. Дагджи, ученый-физик, сотрудник лаборатории С. Королева, профессор Рефат Аппазов, еще один ученый-физик (конструктор), профессор Якуб Бекиров, ученый-турбоатомщик Шевкет Батыров, общественный деятель, участник Великой Отечественной войны и ветеран крымскотатарского национального движения полковник Осман Османов, кандидат экономических наук, государственный и партийный работник, министр лесного хозяйства Узбекской ССР, Герой Соцтруда Сеит-Мемет Таиров, народная певица Зейнеп Люманова, кинорежиссёр, заслуженный деятель искусств Казахстана Эмир Фаик, крымскотатарские актрисы Фатъма Аметова, Джумазие Трупчу, Зубейда Муратова и др.

Некоторые из них оставили свои воспоминания о родной школе, позволяющие восстановить некоторые важные подробности истории ее функционирования. Среди них особо ценными являются воспоминания Дж. Дагджи, уже упомянутые выше. Весьма интересными являются воспоминания и профессора Якуба Бекирова, фрагмент которых предлагается ниже:

«После окончания начальной школы № 37 я продолжил учебу в школе № 12, расположенной на улице Субхи. <...> В школе нас учили талантливые учителя, любящие свое дело и нас. Особенно я вспоминаю среди них учителей по русскому языку и литературе, по крымскотатарскому языку и литературе, по математике. К сожалению, я забыл их имена, но одно я помню: они были искренне заинтересованы, чтобы воспитать в нас любовь к родной земле, к знаниям, понимая, что мы – будущее народа. Когда я уже учился, по-моему, в пятом классе, учитель родного языка и литературы организовал литературный кружок, где мы более подробно изучали творчество выдающихся писателей страны. <...> Как-то после занятий руководитель кружка пригласил меня к себе домой, дал свой адрес. Как сейчас помню, он жил недалеко от школы, на улице Кантарной (ныне – Чехова), по которой ходил трамвай до ж/д вокзала... У него была прекрасная библиотека, это я понял гораздо позднее, и там, дома, я впервые услышал о наших выдающихся писателях и просветителях – Гаспринском, Чобанзаде, Умере Ипчи» [3, с. 11–12].

О годах, проведенных в стенах школы № 12, также писали Р. Аппазов [2], О. Османов [8], З. Люманова [7] и др.

После депортации крымских татар здание школы № 12 долгое время продолжало использоваться как

Джингиз Дагджи (1919–2011)

*Решиде Ибраимова. 1937 г.
(Из архива Э. Муратова)*

Якуб Бекиров (1923–2015)

Рефат Анназов (1920–2008)

учебное заведение. С 1976 г. оно находилось на балансе республиканского внешкольного учебного заведения «Малая академия наук учащейся молодежи Автономной Республики Крым «Искатель». Ныне в здании располагается Центр детско-юношеского туризма и краеведения.

Вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что со зданием по адресу ул. Крылова, 60, связаны интереснейшие страницы истории крымскотатарского образования. Особую значимость месту придает также то, что здание фигурирует в воспоминаниях многочисленных представителей крымскотатарской интеллигенции, в том числе весьма известных. Все это дает основание признать данное здание памятником крымскотатарской истории и культуры особой ценности и считать необходимым взятие его на соответствующий учет и, принимая во внимание более раннюю историю здания (собственность Крымского мусульманского благотворительного общества), дальнейшую музеефикацию.

Список использованных источников и литературы

1. **Абдуллаев И.** История образовательной политики в Крыму // *Голос Крыма*. – 2012. – 1 июня.
2. **Анназов Р.** Следы в сердце и в памяти. – Симферополь, 2001. – 416 с.
3. **Бекиров Я. А.** Незабываемые годы. – Симферополь, 2001. – 155 с.
4. **ГАРК**, ф. Р-20, оп. 10, д. 172, л. 28.
5. **ГАРК**, ф. Р-114, оп. 2, д. 338, л. 98, 169, 342, 391, 466.
6. **Деятели крымскотатарской культуры (1921–1944 гг.): биобиблиографический словарь /** гл. ред. и сост. Д. П. Урсу. – Симферополь: Доля, 1999. – 240 с.
7. **Люманова З.** Кечкен омюримни хатырлап... // *Йылдыз*. – 2006. – № 5. – С. 57–85.
8. **Османов О.** Зынджырлы медресенинъ сонъки баш мудерриси. – Акъмесджит, 2004. – 79 с.
9. **Даğcı С.** Anneme mektuplar. – İstanbul, 1996. – 503 s.
10. **Даğcı С.** Hatıralarda Cengiz Dağcı (Yazarın Kendi Kaleminden). – İstanbul, 1998. – 271 s.

Н. Абдульвапов, Р. Аирчинская

КРЫМСКОТАТАРСКАЯ ОБРАЗЦОВО-ПОКАЗАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА № 13 *ул. Караимская, 23а*

Крымскотатарская образцово-показательная школа № 13 была наиболее крупным крымскотатарским средним учебным заведением довоенного периода не только г. Симферополя, но и всего Крыма в целом. Открыта она была на базе девятилетней крымскотатарской образцовой школы, располагавшейся в здании бывшей Симферопольской татарской учительской школы. В 1936 г. специально для школы № 13 было построено новое трехэтажное здание на 700 учащихся на улице Караимской, сохранившееся до наших дней. С переездом в новое здание школа стала десятилетней.

История Крымскотатарской образцово-показательной школы № 13 продолжает оставаться неизученной. В настоящее время в распоряжении исследователей имеются лишь отдельные архивные документы, не позволяющие во всех подробностях воссоздать богатую историю школы. Впрочем, этот вакуум сведений во многом восполняется многочисленными воспоминаниями бывших учащихся и выпускников школы, тем более что в ее стенах получили обра-

зование многие яркие представители крымскотатарской интеллигенции, ставшие впоследствии гордостью народа.

Так, в 1990 г. по инициативе ряда бывших учащихся школы в ее здании состоялась встреча выпускников довоенного периода. Подготовка к этой встрече и ее проведение широко освещались в крымской печати. На страницах ряда крымскотатарских газет бывшие учащиеся школы делились воспоминаниями о своих преподавателях, одноклассниках, администрации учебного заведения и т. д. [4]. Данные материалы значительно обогатили имевшиеся ранее сведения об этом некогда «культовом» крымскотатарском учебном заведении.

Ниже будут представлены некоторые сведения, касающиеся истории школы в здании на ул. Караимской. О предыдущем периоде ее функционирования в здании на ул. Школьной можно прочесть в одном из очерков данного «Свода», посвященном зданию бывшей Симферопольской татарской учительской школы.

Согласно архивным сведениям за 1940 г., в

г. Симферополь, ул. Караимская, 23а. Бывшая Крымскотатарская образцово-показательная школа № 13, ныне – Общеобразовательная школа № 14. Фото 2018 г.

г. Симферополь. Крымскотатарская образцово-показательная школа № 13. Фото 1936 г.

Фатиме Кадымуллаева (1909–1986)

Крымскотатарской образцово-показательной школе № 13 на ул. Караимской, 23 а, училось 726 учащихся – «все татары, у всех родной язык татарский» [2, л. 128]. Преподавание в школе, за исключением отдельных предметов, велось на крымскотатарском языке.

Директором учебного заведения была молодая выпускница Крымского пединститута Фатиме Кадымуллаева, находившаяся на этой должности в период с 1934 по 1941 годы. Ф. Кадымуллаева родилась в 1909 г. в дер. Сараймин Феодосийского уезда. Деревня Сараймин была достаточно известна в Крыму своими давними традициями в сфере крымскотатарского образования: здесь, в частности, функционировало одно из известных крымских медресе, помимо этого после 1905 г. в деревне была открыта школа-рушдие.

Любовь к педагогической деятельности привела Фатиме Кадымуллаеву в Крымский пединститут, на отделение крымскотатарского языка и литературы, которое она закончила в 1933 году. Через год, в 1934 г., в 25-летнем возрасте она была назначена на должность директора на тот момент областной опытно-показательной средней школы № 13 в Симферополе. Эта школа чуть ранее была известна как

г. Симферополь. Крымскотатарская образцово-показательная школа № 13. Фото 1938 г.

девятилетняя крымскотатарская образцовая школа, открытая в 1923 г. и получившая известность как своим преподавательским составом (в ней преподавали корифеи крымскотатарской науки и педагогики), так и выпускниками (см. соответствующую статью данного «Свода»). Ф. Кадымуллаевой предстояло продолжить славные традиции учебного заведения, с чем она достойно справилась.

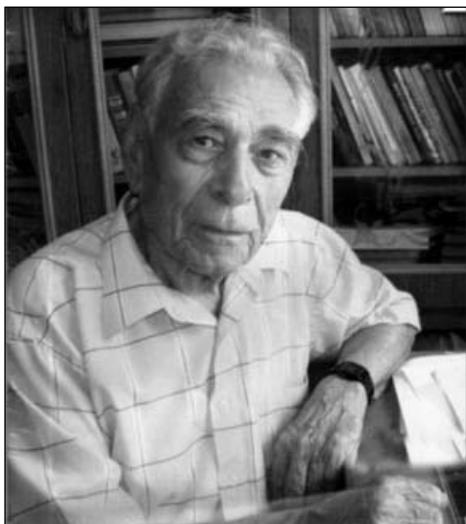
В годы депортации Ф. Кадымуллаева продолжила педагогическую деятельность в местах ссылки. Умерла она в 1986 г. в пос. Ингички Самаркандской области Узбекистана [3, с. 110].

Преподавательский состав школы № 13 (в период работы в здании на ул. Караимской) был представлен как хорошо известными, так и молодыми, но весьма талантливыми педагогами. Здесь работали Решид Багчеван (преподаватель физики, автор ряда школьных учебников), Мемет Вебиев (заведующий учебной частью, преподаватель биологии), Амет Муратов (преподаватель истории и географии, позже завуч начальных классов), Керим Тохтаров (преподаватель русского языка и литературы, завуч), Шамиль Абляй (преподаватель крымскотатарского языка и литературы, писатель), Веис Танабайлы (писатель), У. Умеров (преподаватель математики), У. Меметов, Н. Аппазов, Зейнеп Аббасова (преподаватель крымскотатарского языка и литературы, автор известного учебника по грамматике крымскотатарского языка, поэтесса), У. Халайджи, Ибраим Бахшиш (поэт, глава литературного кружка), Мемет Куртбедин (преподаватель биологии), Куртумер Фаи-

Шевкет Батырев (1923–2013)

зов (преподаватель физики), Кадри Аблямитов (преподаватель математики), Гани Акимов (преподаватель географии и истории), С. Акимова, З. Сакаева и др. Помимо крымских татар, в школе преподавали известные в городе педагоги – представители других национальностей: Э. А. Шапшал (химия), Е. И. Кефели (русский язык и литература), А. Козерог (немец-

Рустем Муедин (1919–2012)

Ремзи Бурнаш (1920–1982)

Осман Амит (1910–1942)

кий язык), Я. А. Келлерман (немецкий язык), Елена Бугаева (выпускница отделения крымскотатарской филологии Крымского пединститута, в школе преподавала крымскотатарский язык и литературу) и др.

Что касается учащихся и выпускников школы, то в ее стенах получила воспитание целая плеяда в будущем выдающихся представителей крымскотатарской интеллигенции: поэты, писатели, публицисты и переводчики Джингиз Дагджи, Осман Амит, Максут Сулейман, Бекир Ваап, Рустем Муедин, Мемет Севдияр, Ремзи Бурнаш, Амет Озенбашлы, Иззет Эмиров, известные ученые – физик, конструктор, профессор Якуб Бекиров, турбоатомщик Шевкет Батырев, кандидат филологических наук Басыр Гафар, ветеран войны, полковник Осман Османов, известный композитор Ильяс Бахшиш, народная певица Зейнеп Люманова, артист Рефат Челебиев, педагог и общественный деятель Сабе Усеинова и многие другие.

Ряд из них продолжили в школе № 13 образование, начатое в школе № 12 и других учебных заведениях Крыма. В свою очередь, многие из выпускников школы № 13, получив среднее образование, поступали в различные высшие учебные заведения как на территории Крыма, так и за его пределами

Некоторые из выпускников школы № 13 оставили свои воспоминания о годах, проведенных в ее стенах. Среди них особенно ценными являются воспоминания выдающегося крымскотатарского романиста Дж. Дагджи, в своих мемуарах отмечающего особо важную роль 13-й школы в формировании его как поэта и писателя [6; 8].

Помимо воспоминаний, школа проходит и в романах Дж. Дагджи [5; 7]. Более того, события одного из них – романа «Письма матери» – полностью разворачиваются на фоне лет, проведенных героем произведения в стенах 13-й школы [5]. Можно с уверенностью сказать, что благодаря произведениям Дж. Дагджи Симферопольская крымскотатарская образцово-показательная школа № 13 не только оказалась запечатленной на литературной карте города Симферополя, но и вошла в общую литературную классику тюркоязычных народов.

Весьма информативными являются также воспоминания Я. Бекирова [1, с. 14–21].

Война и последующая депортация крымскотатарского народа с исторической родины прервали богатую историю Крымскотатарской образцово-показательной школы № 13. Можно лишь предполагать, что и в последующем школа могла бы оставаться одним из наиболее

1-й выпуск 13-й крымскотатарской средней школы. Симферополь, 1937 г. Преподаватели: верхний ряд, слева направо: Э. А. Шапшал, У. И. Омеров (Умеров), Г. И. Акимов, Ф. Кадимоллаева (Кадымуллаева) (директор школы), К. Тохтаров (завуч), Е. И. Кефели, М. Кубединов (Куртбединов); второй ряд сверху: С. М. Даведянс, М. Бебиев, К. Аблямитов, А. И. Козелло. Выпускники, второй ряд сверху: Ш. Халилева, Я. Халилев, М. Абдуллаев, У. Софу, Ю. Гафаров; третий ряд сверху: С. Османова, А. Ибраимов, А. Джемилев, А. Мустафаева, Я. Халилев, А. Мамедиева, Д. Джемилев.

5-й выпуск 10-го класса школы № 13 г. Симферополя Крымской АССР. 18 июня 1941 г. Сидят, в центре, слева направо: Мемет Куртбединов – классный руководитель, преподаватель зоологии и биологии, Фатиме Кадымуллаева – директор школы, Умер Бебиев (по другим данным: Мемет Вебиев) – преподаватель истории и Конституции СССР. Выпускники: сидят, слева направо: Фадьме Абдураманова, Сание Муратова, Акиме Сейдаметова, Майре Азизова; стоят: Февзие Абдураманова, Зелимхан Дагджи, Зылха Ниешиаева, Шевкет Сейдаметов, Эмине Османова, [?], Хатидже Османова, Сабрие Замзараева, Сабрие Меметова.

г. Симферополь. Крымскотатарская образцово-показательная школа № 13. 5-й класс. 1937 г. Третий слева в первом ряду – Амет Муратов. Из архива Э. Муратова.

авторитетных учебных заведений, причем не только среди крымских татар, но и всего населения Крыма в целом.

После войны здание школы № 13 про-

должало использоваться для нужд школьного образования. Ныне здесь располагается Средняя общеобразовательная школа № 14.

Список использованных источников и литературы

1. **Бекиров Я. А.** Незабываемые годы. – Симферополь, 2001. – 155 с.
2. **ГАРК**, ф. Р-20, оп. 10, д. 172, л. 128.
3. **Деятели** крымскотатарской культуры. (1921–1944 г.г.): биобиблиографический словарь / гл. ред. и сост. Д. П. Урсу. – Симферополь: Доля, 1999. – 240 с.
4. **Усеинова С.** Мектебимиз эм эвимиз, эм де бильги оджагъымыз эди. *Оджаларымыз акъкъында хатырлав* // Къырым. – 2000. – Февраль 26.
5. **Dağcı С.** Anneme mektuplar. – İstanbul, 1996. – 503 s.
6. **Dağcı С.** Hatıralarda Cengiz Dağcı (Yazarın Kendi Kaleminden). – İstanbul, 1998. – 271 s.
7. **Dağcı С.** Korkunç Yıllar. – İstanbul, 1997. – 228 s.
8. **Dağcı С.** Yansılar-3. – İstanbul, 1991. – 340 s.

Н. Абдульвапов

КРЫМСКИЙ ТАТАРСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ТЕХНИКУМ

ул. Киевская, 75 / пр. Победы, 1

г. Симферополь. ул. Киевская, 75 / пр. Победы, 1. Бывший Доходный дом Г. Н. Христофорова, в 1924–1931 гг. – Крымский татарский (Тотайкойский) педагогический техникум. Фото 2017 г.

Крымский татарский педагогический техникум (Тотайкойский педтехникум) был одним из наиболее популярных крымскотатарских национальных учебных заведений среднего уровня в период Крымской АССР. Открытый в 1922 г. в окрестностях Симферополя, он в 1924 г. переехал в крымскую столицу, где просуществовал до своего закрытия в начале 1930-х гг. С историей педтехникума связана биография значительного числа наиболее известных представителей крымскотатарской интеллигенции XX века.

Учебное заведение было открыто весной 1922 г. (в период крымского голода 1921–1923 гг.) в дер. Тотай-Кой (ныне с. Ферсманово) под Симферополем. Вначале это были «Крымские педагогические курсы», однако в 1923 г. они были реор-

ганизованы в Крымский татарский педагогический техникум – учебное заведение с четырёхлетним сроком обучения. Целями создания педтехникума были: «а) подготовка среднего руководящего и исполнительского состава школьного, политпросветительного и дошкольного дела; б) распространение среди татарского населения Крыма практических и специальных знаний» [10, с. 34].

Педтехникум был открыт на базе бывшей дачи («замка») генерала Э. Ф. Кесслера, построенной в конце XIX в. по проекту гражданского архитектора О. Г. Клаузена. На 1915 г. дача принадлежала сыну генерала, известному ученому-химику, профессору Санкт-Петербургского университета А. Э. Кесслеру. Именно в этой усадьбе провел детство и юношество извест-

*Симферополь-
ский р-он,
с. Ферманово.
Бывшая дача
(«замок»)
Кесслеров.
Фото 1-й пол.
XX в.*

ный минералог и геохимик академик А. Е. Ферсман (племянник А. Э. Кесслера); впоследствии, 18 мая 1948 г., село Тотай-Кой было переименовано в его честь – Ферманово.

Первым директором Крымского татарского педтехникума был выдающийся

Амет Озенбашлы (1893–1958)

крымскотатарский общественно-политический деятель и писатель **Амет Озенбашлы (1893–1958)**. Он родился в Бахчисарае, в семье талантливого писателя и поэта, одного из основателей современной крымскотатарской драматургии Сеит-Абдуллы Озенбашлы. Получил образование в Симферопольской частной гимназии М. А. Волошенко и на медицинских факультетах Новороссийского (Одесса) и Таврического университетов. Был активным участником общественно-политических событий в Крыму в 1917 г., членом I Курултая крымскотатарского народа, близким соратником Таврического муфтия, председателя Временного Крымского мусисполкома, позже – Председателя Крымскотатарского национального правительства Н. Челебиджихана. В 1920-е гг. А. Озенбашлы был одним из наиболее авторитетных деятелей крымскотатарского национального движения, в 1924–1927 гг. занимал должность заместителя наркома финансов Крымской АССР. В 1928 г. он был арестован по так называемому «делу «Миллий Фирка»» и осужден – сначала к высшей мере наказания, а чуть поз-

г. Симферополь.
Доходный дом
Г. Н. Христофо-
рова. Открытка
нач. XX в.

же, в 1931 г., – к десяти годам исправительных трудовых лагерей. В 1934 г. А. Озенбашлы был досрочно освобожден, но без права проживания в Крыму. Сумел вернуться на родину в период фашистской оккупации Крыма, однако вскоре был вынужден выехать в Румынию. Здесь был арестован и доставлен в Москву, где в 1947 г. был осужден вторично – к лишению свободы на 25 лет. А. Озенбашлы освобожден в 1955 г., последние годы жил с семьей в Таджикистане, здесь же и умер в 1958 году. В 1993 г. его прах был перевезен в Бахчисарай и погребен рядом с могилой И. Гаспринского.

Под руководством А. Озенбашлы прошли первые, наиболее сложные два года деятельности Крымского татарского педтехникума. В 1924 г. он был снят с должности, учебное заведение же было переведено в Симферополь. Обращает на себя внимание факт, что, несмотря на смену расположения, педтехникум продолжал именоваться (неофициально) «Тотайкойским».

Здание, в котором разместился Крымский татарский педтехникум после переезда в город, было известно

Учебник грамматики крымскотатарского языка авторства Ш. Бекторе. Тотайкой, 1923 г. Из фондов Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского.

Вели Габилев (1898–1945)

среди симферопольцев как «дом Христофорова» – по имени прежнего хозяина, известного симферопольского винодела Г. Н. Христофорова (1833–1902). Данная территория была приобретена им в годы Крымской войны (1853–1856 гг.), вскоре здесь были по-

строены винные подвалы. Сам дом, приобретший известность как «доходный дом Христофорова», был построен в 1891 году. После революции 1917 г. хозяева (дети Христофорова) вынуждены были покинуть родной очаг, с 1921 г. дом был, по некоторым сведениям, в ведении Таврического университета, по другим – здесь располагались частные квартиры [там же, с. 37]. Летом 1924 г. в здание бывшего дома Христофорова переехал Крымский татарский педтехникум. Отныне его адрес был: ул. Битакская, 2.

Архивные документы дают некоторое представление о расположении классных кабинетов и других помещений педтехникума в 1926 г.:

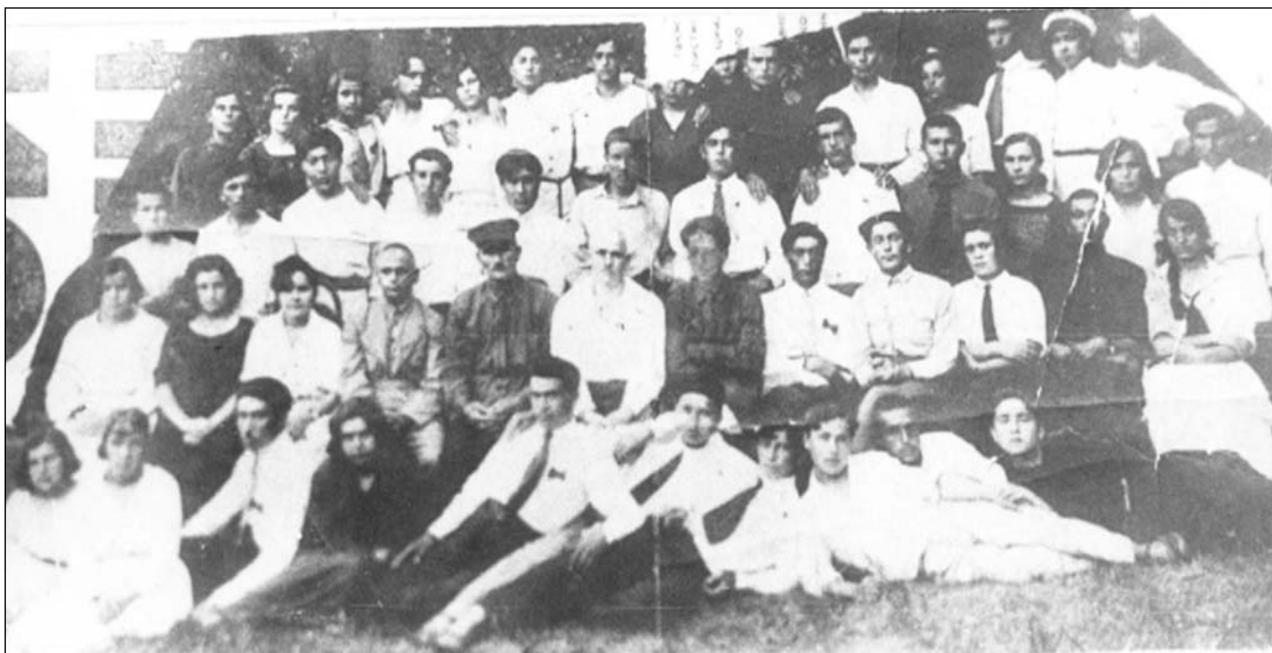
«Здание двухэтажное, с двумя фасадами, первый выходил на юг с улицы, со двора на север, а второй – на запад с улицы и на восток со двора.

В первом фасаде, в нижнем этаже, справа, располагаются кабинеты числом – 4; два из них – кабинеты русского языка и педагогический – выходят окнами на юг, другие два – кабинет математики и кабинет татарского языка – на север. <...>

Кроме перечисленных кабинетов, во втором фасаде, вновь отремонтированном, расположены еще два кабинета: в нижнем этаже – обществоведческий, он же и тихая читальня, окна выходят на восток, в верхнем этаже – физический кабинет, окна выходят на запад. <...>

г. Симферополь. Бывший Доходный дом Г. Н. Христофорова. Фото 60-х гг. XX в.

Преподаватели и учащиеся Крымского татарского (Тотайкойского) педтехникума. 1920-е гг. Во втором ряду снизу, вторая – З. Аббасова. Из архива С. Лятиф-заде.

Рекреационного зала нет, есть только зрительный зал со сценой, посещаемый во время спектаклей, перерыв между уроками учащиеся проводят частью в кабинете или во дворе.

Верхние этажи отведены под интернат. В первом фасаде расположен мужской интернат, во втором фасаде – женский. <...>

В нижнем этаже первого фасада находятся кухня и столовая» [там же, с. 37–39].

После переезда в город, в 1924 г. директором педтехникума, вместо А. Озенбашлы, был назначен Мустафа Бекиров (1900–1975[?], в будущем – директор Крымского пединститута), проработавший в должности один учебный год. После него педтехникум возглавил известный писатель и драматург Вели Габилев (Абилев, 1898–1945; учился в вузах Москвы и Ленинграда, вернувшись в Крым, работал в Наркомпросе, был директором Крымского сельхозинститута, редактором газеты «Ени дюнья»; жертва политических репрессий конца 1930-х гг., умер в тюрьме), также проработавший один учебный год (1925/26 г.).

В 1926–1928 гг. педтехникум возглавлял известный ученый-языковед Якуб Азизов (1898–1938; позже – преподаватель в КПИ, с 1932 г. до-

Асан Рефатов (1902–1938)

Şевки Бекторе (1888–1961)

Осман Акчокраклы (1878–1938)

цент кафедры диамата; жертва репрессий (расстрелян 17 апреля 1938 г.).

Последним директором Крымского татарского педтехникума был Мензатов (1929–1930 гг.).

До 1928 г. Крымский татарский педагогический техникум был центром крымскотатарской педагогической мысли и значительной части позитивных преобразований в крымскотатарском национальном образовании. Его преподавательский состав был представлен рядом ярчайших имен крымскотатарской науки, образования, литературы тех лет. В техникуме, в частности, преподавали: выдающийся крымскотатарский ученый-филолог и поэт Б. Чобанзаде (1893–1937, преподавал «татарскую литературу»; в бывшем доме Христофорова успел поработать перед самым отъездом в Баку в начале 1925 г.); известный поэт и педагог Ш. Бекторе (1888–1961), вместе с супругой Амиде Бекторе преподавал в техникуме еще в «тотайкойский» период – исполнял обязанности заместителя директора (также успел поработать и в городе – до отъезда в 1925 г. в Дагестан); поэт и писатель, автор целого ряда учебников для крымскотатарских школ А. Одабаш (1881–1938 [?], преподавал дисциплины «педагогическая психология» и «методика преподавания крымскотатарского языка»); выдающийся писатель, публицист и переводчик, общественно-политический деятель А. С. Айвазов (1878–1938, преподавал «татарскую литературу» после отъезда Б. Чобанзаде); известный педагог У. Аджи-Асан (1898–1949); писатель, переводчик, драматург, историк-энциклопедист О. Акчокраклы (1879–1938); выдающийся композитор А. Рефатов (1902–1938 [?]).

Асан Рефатов начал преподавать в педтехникуме еще в «тотайкойский» период и именно тогда им было написано известное произведение – «Тотайкойский марш» («Тотайкой хораны»), ставший своего рода гимном учебного заведения. В этот же период, в очень короткий срок, А. Рефатовым была написана и первая крымскотатарская опера «Чора-Батыр» (либретто О. Акчокраклы), – в 1923 г. она с успехом была поставлена на сцене клуба Красной Армии (бывшая гостиница «Метрополь», ныне гарнизонный Дом офицеров) в Симферополе.

В педтехникуме в разные годы преподавали и менее известные педагоги: философ по образова-

нию Эдем Фейзи (преподавал географию), М[?]. Мумджи (педология), Решид Бахчеван (физика), Мемет Абдулла (естествознание), Али Алиев (педагогика), С. И. Байрашевская (математика), Февзи Аблямитов, Джелиль Гафаров, Асанов, Кади-Эскеров и др. Помимо крымских татар, в техникуме преподавали и представители других национальностей: Л. Жирицкий, И. Лотошников, А. Волошинов, Г. С. Фридман, Н. М. Михайлов и другие.

Приём абитуриентов в педтехникум осуществлялся сначала на основе школы первой ступени, а затем школы-семилетки. Количество учащихся в 1922/23 учебном году составляло 150 чел., а с 1924 по 1930 гг. в среднем было 190 учащихся (включая подготовительное отделение) [там же, с. 53]. Для обеспечения учебного процесса в техникуме существовала библиотека, насчитывавшая более 5 000 томов книг. Для прохождения учащимися педагогической практики была определена базовая школа в деревне Чокурча, неподалёку от Симферополя [6, л. 104].

Работа по подготовке будущих учителей осложнялась недостаточными базовыми знаниями учащихся, в частности, слабым знанием русского языка. В годовом отчёте за 1928 г. руководство техникума отмечало: «Преподавание на русском языке, которое занимает в общем объёме 52%, при слабом знании учащимися русского языка, а также отсутствии учебников на

Зейнеп Аббасова.

Фото нач. 20-х гг. XX в.

родном языке и использовании в большинстве изданными на русском языке, снижает продуктивность работы учащихся» [4, л. 9 об.]. Секретариат Крымского обкома ВКП(б), рассматривая работу педагогических техникумов, принял решение

Таур Усеин (1911–1942)

Эюп Гафар. 1939 г.

Бывшие выпускники Крымского татарского (Тотайкойского) педтехникума Дж. Акимов (в центре) и К. Джаманаклы (крайний справа), а также С. Эмин. 1943 г.

Осман Эбасанов (1909–1987)

о создании специальной подготовительной группы при крымскотатарском педтехникуме [5, л. 247].

За все время существования учебного заведения было выпущено более 200 молодых педагогов, так необходимых для школ Крыма (по годам: 1922/23 – 3, 1923/24 – 28, 1924/25 – 34, 1925/26 – 59, 1926/27 – 33, 1927/28 – 21, 1928/29 – 23) [10, с. 54–56].

Студентами и выпускниками педтехникума были многие впоследствии известные крымскотатарские литераторы, деятели науки и образования: поэты Эюп Гафар, Ыргат Кадыр, Зиядин Джавтобели, Таир Усеин, Ибраим Бахшиш, Фетта Аким, Ибраим Акманайлы, писатель Шамиль Алядин, писатель и журналист Мамбет Алиев, ученый, педагог и поэт, кандидат филологических наук Керим Решидов (Джаманаклы), ученый и педагог, кандидат химических наук Асан Касымов, талантливый языковед Эмирасан Куртмоллаев, ученый-географ, педагог, кандидат наук Осман Ваапов, исследовательница-ботаник, сотрудница Всесоюзного института лекарственных и ароматических растений (ВИЛАР) и Московского зоологического сада при АН СССР Урие Азизова, фольклорист и языковед Джемиль Кендже, педагог и поэтесса Зейнеп Аббасова, жур-

налист, один из лидеров национального движения Джеппар Акимов, журналист и общественный деятель Амет Камилев, педагоги и общественные деятели Али Девлетов, Осман Эбасанов, Фатма Языджиева, Фетие Камилева и многие другие.

Решением Крымского облиспол-

кома от 15.01.1980 г. (№ 16) и Приказом Министерства культуры и туризма Украины от 24.09.2008 г. (№ 1001/0/16-08) бывший Доходный дом Г. Н. Христофорова был признан памятником истории и монументального искусства г. Симферополя (учетный № 153-АР).

Список использованных источников и литературы:

1. ГАРК, ф. Р-3415, оп. 1, д. 1176, л. 2.
2. ГАРК, ф. Р-3440, оп. 1, д. 64, л. 22 об.
3. ГАРК, ф. П-1, оп. 1, д. 689, л. 13.
4. ГАРК, ф. Р-3440, оп. 1, д. 136, л. 9 об.
5. ГАРК, ф. П-1, оп. 1, д. 619, л. 247.
6. ГАРК, ф. Р-3440, оп. 1, д. 87, л. 104.
7. **Деятели крымскотатарской культуры (1921–1944 гг.):** биобиблиографический словарь / гл. ред. и сост. Д. П. Урсу. – Симферополь: Доля, 1999. – 240 с.
8. **Джавтобели З.** Ильки инкъялябий адымлар... // Йылдыз. – 1987. – № 5. – С. 22–26.
9. **Керим И. А.** Медений эснас, 1920–1938 гг. – Симферополь, 1997. – 496 с.
10. **Усманова С.** Тотайкойский педтехникум (по следам архивных материалов). – Баку, 2012. – 284 с.

Н. Абдульвапов, Г. Кондратюк

ТАТАРСКИЙ ФЕЛЬДШЕРСКО-АКУШЕРСКИЙ ТЕХНИКУМ (позднее — ОБЛАСТНОЙ ТАТАРСКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ ПОЛИТЕХНИКУМ)

ул. Володарского — Ефремова, 4/22; ул. Ленина, 15

Татарский фельдшерско-акушерский техникум, позже — Областной татарский медицинский политехникум, был одним из трех крымскотатарских национальных учебных заведений среднего уровня, располагавшихся в Симферополе и функционировавших в период Крымской АССР. За время своего существования учебное заведение несколько раз меняло адрес месторасположения и название, его история продолжает оставаться практически неисследованной.

В начале 1922 г. в Симферополе возникла идея организации краткосрочных фельдшерско-акушерских курсов для крымскотатарских девушек. Инициатива была поддержана, однако формат курсов был признан таким, что «не отвечает потребностям татарского населения». Взамен было решено открыть крымскотатарскую фельдшерско-акушерскую школу (техникум), что и произошло в том же 1922 году [9, с. 231].

По причине отсутствия у Наркомпроса Крыма финансов и свободного помещения, учебное заведение было открыто при Крымскотатарском педагогическом училище для девушек — Дарульмуаллимате им. И. Гаспринского. Указанное педучилище в это время занимало здание бывшей Симферопольской татарской учительской школы (позже — девятилетней крымскотатарской образцово-показательной школы № 13) и располагалось по адресу ул. Школьная, 4 (ныне Володарского — Ефремова, 4/22).

В 1925 г. Татарский фельдшерско-акушерский техникум переезжает в здание бывшего Дома губернатора (ул. Ленина, 15), где к этому времени удалось оборудовать все необходимые аудитории и два ка-

бинета [там же]. Бывший Дом губернатора до этого в течение нескольких лет занимали ЦИК и Совнарком Крымской АССР. Решением от 28 октября 1924 г. правительство республики взяло шефство над фельдшерско-акушерским техникумом и, в частности, выделило ему 150 рублей для улучшения питания учащихся [там же].

На тот момент в четырех группах техникума занималось 90 учениц в возрасте от 15 до 20 лет, приехавших со всего Крыма. При техникуме функционировал интернат, рассчитанный на 100 учащихся. В 1927 г. национальный состав учащихся был следующим: 111 — крымских татарок, 1 — караимка, 2 — русские [там же].

Помимо учебы в основном здании техникума, учащиеся проходили практические занятия в крымскотатарской больнице г. Симферополя. Данное учреждение располагалось в бывшем Доме Красного Креста по ул. Троцкого, состояло из хирургического и терапевтического отделений на 45 мест, при больнице функционировали амбулатория («3-я районная татарская амбулатория»), аптека, медико-диагностическая лаборатория, кабинет электромедицинских установок, солярий, библиотека [там же]. Хирургом больницы был один из преподавателей техникума — доктор Венжер (его можно видеть на виньетке 1935 года).

Еще одним местом проведения практических занятий была медицинская клиника, располагавшаяся в здании бывшего Странноприимного дома Таранова-Белозерова — по адресу ул. Карла Маркса, 28 (ныне 28/10). Данное здание было одним из первых капитальных строений Симферополя (время строительства: 1822–1826 гг.) и бесплатных медицинских учреждений в Рос-

*г. Симферополь,
ул. Володарского –
Ефремова, 4/22.
Здание бывшей Сим-
феропольской татар-
ской учительской шко-
лы, в котором в
1922 г. был открыт
Татарский фельдшер-
ско-акушерский тех-
никум.*

*Бывший Дом губерна-
тора, в котором в 1920-е гг.
располагался Татарский
фельдшерско-акушерский
техникум.*

*Бывший Странноприимный
дом А. С. Таранова-Белозеро-
ва, где в 20–30-е гг. XX в. про-
ходили занятия Татарского
фельдшерско-акушерского
техникума (позже – Облас-
тного татарского медицинско-
го политехникума).*

*г. Симферополь,
ул. Александра
Невского, 27а. Музей
анатомии. В 1930-е гг.
в этом здании проходи-
ли занятия Областного
татарского медицин-
ского политехникума.
Фото 2017 г.*

сии. Оно предназначалось для «призрения бедных и немощных обоего пола, престарелых без учета сословного положения и национальности», в среднем здесь содержалось около 40 человек. Учредителем приюта-лечебницы был подполковник в отставке А. С. Таранов-Белозеров (умер в 1819 г., в 1826 г. его прах перенесли во двор странноприимного дома). Попечителями заведения были известные симферопольские врачи Ф. К. Мюльгаузен и А. Ф. Арендт, в лечебнице в разное время работали такие исследователи, как Ф. А. де Серр и Х. Х. Стевен. Во время Крымской войны в здании размещался госпиталь, с сентября 1855 г. здесь работал знаменитый хирург Николай Пирогов.

Известно, что возведение Странноприимного дома начиналось под руководством архитектора, который не справился с поставленной задачей, и строительство было перепоручено известному архитектору И. Ф. Колодину. Здание построено в стиле русского классицизма, своим внешним видом дом напоминает дворянскую усадьбу первой четверти XIX в. [12, с. 79–81].

Первоначально в Странноприимном доме Таранова-Белозерова содержались престарелые и больные военнослужащие. После прихода Советской власти здесь располагались университетская клиника, об-

ластная противотуберкулезная больница, госпиталь инвалидов Великой Отечественной войны, наконец, Симферопольское медицинское училище имени Д. И. Ульянова – нынешний Крымский медицинский колледж.

Возвращаясь к истории Татарского фельдшерско-акушерского техникума, отметим, что обучение в нем основывалось на трехлетнем курсе, при техникуме также имелось подготовительное отделение. Важным событием в жизни техникума явилось решение Крымского Народного Комиссариата Здравоохранения от 21 апреля 1927 г. об открытии при учебном заведении «зуболекарской» школы [9, с. 231].

В результате первых двух выпусков техникум окончили 40 девушек. 14 июля 1927 г. состоялся третий выпуск фельдшеров-акушеров – на этот раз учебу закончили еще 16 молодых лекарей [там же].

Предположительно в начале 1930-х гг. Татарский фельдшерско-акушерский техникум переехал в новое здание, ныне располагающееся по адресу ул. Александра Невского, 27а. Данное здание, как и Странноприимный дом Таранова-Белозерова, было одной из наиболее ранних городских построек российского периода. В 1931 г. оно было передано в пользование только что учрежденному Крымскому медицинскому институту, здесь, в частности, был открыт

музей анатомии, существующий и поныне. Здание можно видеть на виньетке выпускников Областного татарского медицинского политехникума 1935 года.

Одновременно с переездом, судя по всему, был изменен и статус учебного заведения – отныне это был Областной татарский медицинский политехникум (о чем свидетельствует, в том числе, и надпись на вышеупомянутой виньетке). В 1935 г. в политехникуме обучались 182 ученицы [там же].

О руководстве и преподавательском составе учебного заведения известно следующее. Во второй половине 1920-х гг. его директором был известный крымскотатарский педагог и ученый, кандидат химических наук Асан Усеинович Шумин (1896–?). Он был выпускником Крымского пединститута (1927 г.), позже там же преподавал, а в период 1932–1934 гг. был директором этого учебного заведения. В 1934 г., по надуманным идеологическим причинам А. У. Шумин был снят с работы и подвергся политической травле. Дальнейшая его судьба остается неизвестной [8, с. 216].

Позже директором техникума был Умер Куркчи. Умер (Сеитумер) Османович Куркчи (1902–1978) был братом известного крымскотатарского ученого-филолога и педагога Усеина Куркчи. Родился в Бахчисарае, окончил медицинский факультет Азербайджанского государственного университета, получил специальность врача-терапевта. В крымскотатарском медтехникуме в Симферополе У. Куркчи работал в период 1926–1934 гг.: сначала зам. директора, позже – директором. В 1934 г. он был назначен главным врачом Первой советской больницы в Симферополе (ныне Республиканская клиническая больница им. Н. А. Семашко). У. Куркчи попал в жернова Большого террора: 28 апреля 1937 г. он был арестован НКВД Крыма, обвинен по ст. 58-11 УК РСФСР («как член контрреволюционной националистической организации») и, приговоренный к восьми годам лагерей, 14 августа 1938 г. был выслан из Крыма на поселение в Красноярский край. У. Куркчи был реабилитирован 27 ноября 1956 года [11, с. 288]. Впоследствии он работал главным врачом клиники в г. Ейске. Умер в 1978 г. [10, с. 347]. Фотографию У. Куркчи можно видеть на виньетке медполитехникума 1935 года.

Еще одним директором [крымско]татарского медтехникума в Симферополе был Я. Ислямов. Его имя присутствует в архивных материалах, датированных, в частности, 1933 г. Согласно этим данным, 11 апреля

Асан Усеинович Шумин. 1927 г.

Умер (Сеитумер) Османович Куркчи (1902–1978)

1933 г. бюро Симферопольского ГК ВКП(б) заслушало доклад Ислямова, на основании которого было принято постановление «О состоянии Татмедтехникума» [1]. Фотография Я. Ислямова также присутствует на виньетке 1935 года.

Наконец, в 1935 г., судя все по той же виньетке, директором учебного заведения был

Руководство, преподаватели и выпускники Областного татарского медицинского политехникума. 13-й выпуск. 1935 г. Верхний ряд: А. А. Харкова, М. С. Кочнев, Х. Зенгин (зав. учебной частью), Рогачевский (зам. наркома здравоохранения Крымской АССР), Р. Бекирова (нарком здравоохранения Крымской АССР в 1934–1937 гг.), Алимов (директор техникума), Ибраимов (завхоз); А. Л. Ришес, Н. А. Меняйло; второй ряд сверху: Перчмани[?], Р. Мумджи, Курицкий, У. О. Куркчи, Арсланов, С. Г. Навротский, Н. И. Янчевский, Ислямов. Третий ряд сверху: Алиева (выпускница), Алексопольский, Венжер П. С., Немировский, Эсмедляев, Тубакаев, В. В. Соколов, З. Чекалаева (выпускница). Четвертый ряд, сверху (выпускники): [...?], З. Меджитова, Ш. Джеппарова, З. Абкадырова, Алиева, С. Валит, С. Азизова, Р. Аблаева, [...?]; Нижний ряд: [...?], Османова[?], [...?], [...?]. Из личного архива Ф. Идрисовой.

АЛИМОВ. Можно предположить, что он был назначен в 1934 г. вместо У. Куркчи. К сожалению, сведения об этой личности в настоящее время отсутствуют.

О преподавателях техникума также известно немного. В 1920-х гг. в учебном заведении преподавал известный крымскотатарский филолог и педагог Умер Аджи-Асан. О Рашиде Мумджи, также присутствующем на виньетке 1935 г., известно то, что в 1919–1923 гг. он преподавал в Симферопольском женском татарском педучилище (Дарульмуаллимате, предмет «психология»), позже окончил медицинский факультет Азербайджанского государ-

ственного университета (по специальности «детский врач»), в годы депортации жил и умер в г. Самарканде (Узбекистан) [10, с. 347].

Помимо этого, на той же виньетке 1935 г. можно видеть еще ряд крымскотатарских преподавателей и сотрудников техникума – Ибраимова (завхоз), Арсланова, Эсмедляева, Тубакаева, однако сведения о них в настоящее время отсутствуют.

Из преподавателей – не крымских татар на виньетке 1935 г. присутствуют следующие имена: Х. Зенгин (зав. учебной частью), А. А. Харков, М. С. Кочнев, А. Л. Ришес, Н. А. Меняйло; Перчма-

ни[?], Курицкий, С. Г. Навротский, Н. И. Янчевский, Алексопольский, П. С. Венжер, Немировский, В. В. Соколов.

Что касается выпускниц техникума, многие из них впоследствии получили известность своими профессиональными достижениями, участием в Великой Отечественной войне, активной деятельностью в общественной жизни и национальном движении крымских татар и т. д. Можно отметить, в частности, имена Васфие Аджибаевой (в годы Великой Отечественной войны – член подпольной группы Алимэ Абденнановой, погибла в марте 1944 г. в застенках гестапо), Зоре Муратовой (участница войны, погибла на фронте), Медине Хайбуллаевой (выпускница Крымского медицинского института, участница Великой Отечественной войны), Авы Мазиновой (также выпускница КМИ (1929 г., с отличием) и участница войны), Абибе Сейдаметовой (окончила КМИ, впоследствии работала в клиниках Москвы и Риги), Алимэ Ибраимовой (участница войны, в годы ссылки работала в Киргизии),

Зейнеп Чекалаева (1915–1996)

Группа студенток Областного татарского медицинского политехникума. 1933 г. Из личного архива Ф. Идрисовой.

Памятный знак с именем Васфие Аджибаевой рядом с памятником А. Абденнановой в с. Ленинское Ленинского р-на Крыма.

Зейнеп Чекалаевой, Фадьме Абибуллаевой, Хатидже Сеферовой, Эмине Усеиновой, Зейнеп Шабановой (все – участницы войны, впоследствии долгие годы работали по специальности в различных городах СССР), Амиде Мемешеовой (в годы ссылки работала в Узбекистане), Фатме Умеровой (параллельно училась в ансамбле Усеина Баккала, стала артисткой балетной труппы Крымского государственного татарского театра оперы и балета, позже продолжила карьеру актрисы) и многих других.

Список использованных источников и литературы

1. Абибуллаева Д. Система народного образования Крымской АССР в начале 30-х годов XX века // Голос Крыма. – 2017. – 3 февраля.
2. Аналар яш экенде. Джесюр къадынларымыз акъкъында очерклер / тертип эткен ве неширге азылагъан Р. Фазыл. – Ташкент, 1977. – 296 с.
3. Велиев А. Дженк офицерлери. – Симферополь, 2007. – 392 с.
4. Велиев А. Муаребе аскерлери. – Симферополь, 2011. – 478 с.
5. ГАРК, ф. Р-26, оп. 1, д. 754, л. 21.
6. ГАРК, ф. Р-26, оп. 1, д. 505, л. 41.
7. ГАРК, ф. Р-26, оп. 1, д. 710, л. 17.
8. Деятели крымскотатарской культуры (1921–1944 гг.): библиографический словарь / гл. ред. и сост. Д. П. Урсу. – Симферополь: Доля, 1999. – 240 с.
9. Змерзлий Б. В. Нариси з історії розвитку системи освіти кримських татар у Кримській АРСР (1921–1941 рр.). – Симферополь, 2006. – 279 с.
10. Керим Я. Улу-Узень ве улу-узеньлилер. – Симферополь, 2009. – 524 с.
11. Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым. Кн. 3. – Симферополь: АнтикВА, 2006. – 384 с.
12. Широков В. А., Доля А.И. Симферополь: улицы и дома рассказывают... – Симферополь, 2008. – 276 с.

Н. Абдульвапов, Г. Кондратюк

КРЫМСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ им. М. В. ФРУНЗЕ.
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
ул. Ленина, 17

г. Симферополь, ул. Ленина, 17. Бывшая гимназия В. А. Станишевской, в 1925–1972 гг. – Крымский пединститут им. М. В. Фрунзе. Фото 2017 г.

Крымский педагогический институт (КПИ) им. М. В. Фрунзе являлся главным высшим учебным заведением довоенного Крыма. Он был создан в 1925 г. в результате реформы Крымского университета им. М. В. Фрунзе, до этого – Таврического университета, основанного в Крыму в 1918 году.¹ Крымский пединститут просуществовал до 1972 г., когда на его основе был создан Симферопольский государственный

университет им. М. В. Фрунзе (ныне – Таврическая академия Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского).

С точки зрения истории крымскотатарской науки и образования, Крымский пединститут был наиболее значительным высшим учебным заведением додепортационного периода, с ним связаны судьбы большого числа наиболее известных крымскотатарских ученых и педагогов, сре-

¹*Таврический университет был создан на основе Таврического филиального отделения Киевского университета Св. Владимира (Киев), открытого 10 мая 1918 г. в Ялте. Летом того же года было принято решение перевести учебное заведение в Симферополь, причем уже в статусе самостоятельного Таврического университета. Активную поддержку в решении стоявших перед университетом задач в то время оказали как земские органы, так и сформированное летом 1918 г. первое крымское краевое правительство во главе с генерал-лейтенантом Сулейманом Сулькевичем (июнь – ноябрь 1918 г.). М. А. Сулькевичем же было объявлено об открытии университета на торжественной церемонии, прошедшей 14 октября 1918 г. в помещении Театра Таврического дворянства (ныне Крымский академический русский драматический театр имени М. Горького). Ректором учебного заведения был назначен профессор Р. И. Гельвиг, огромная подготовительная работа по открытию университета была проделана известным крымским общественным деятелем С. Крымом.*

*г. Симферополь,
ул. Лазаревская
(с 1924 г. –
ул. Ленина).
Слева – гимназия
В. А. Станишев-
ской, на заднем пла-
не – Дом губерна-
тора. Открытка
нач. XX в.*

ди его студентов и выпускников присутствуют многочисленные выдающиеся представители крымскотатарской интеллигенции XX века.

Главным зданием КПИ было здание бывшей частной женской гимназии В. А. Станишевской, располагавшейся в Симферополе, на ул. Ленина, 17. Участок, на котором в 1907 г. была построена гимназия, первоначально принадлежал дворянину Каменец-Подольской губернии А. Б. Станишевскому. Семья Станишевских, римско-католического вероисповедания, по всей вероятности, была в числе первых жителей русского города Симферополя. В семье А. Б. Станишевского было трое детей, одним из которых был сын Александр. После его смерти в 1902 г. владельцами дворового участка с постройкой стали его дочери Валентина и Эмилия – известные в городе педагоги, учредители женской частной гимназии на улице Лазаревской и прогимназии на улице Греческой [4, с. 123].

Третьим владельцем вышеуказанного участка с 1905 г. являлся Константин Фердинандович Шлее – сын крупного землевладельца Фердинанда Матвеевича Шлее. Отец и сын Шлее принадлежали к весьма известной в Симферополе фамилии, представители которой – врачи, адвокаты, мировые судьи, нотариусы – имели дома во многих

престижных районах города. В частности, К. Ф. Шлее был владельцем нескольких домов в Симферополе, а также хозяином известного в Крыму имения Чеботарка Сакской волости Евпаторийского уезда, на базе которого в советское время был организован сельскохозяйственный техникум [там же].

В 1905 г. К. Ф. Шлее на свои средства начал строительство здания, которое стало на тот момент самым крупным и представительным не только на улице Лазаревской (ныне ул. Ленина), но и во всем Симферополе. Автором проекта, предположительно, мог быть симферопольский городской архитектор в 1903–1912 гг. Б. А. Зайончковский, довольно известный в Крыму зодчий по строительству крупных жилых особняков и общественных сооружений. Аргументом этому может служить постановление городской управы от 1902 г. относительно компетенции городского архитектора: «Городской архитектор составляет планы на производство городских строительных работ по постройке вновь строящихся городских зданий, им же составляются сметы по производству всех ремонтных работ в городских зданиях, руководство и наблюдение за выполнением этих работ». Однако Шлее, как представитель немецкой общины, мог предложить составление проекта зодчим из своей среды – архитектору Киблеру, автору

немецкой кирхи на Екатерининской улице, дома городского головы Бреннера на Петропавловской, Офицерского собрания 51-го Литовского полка на Долгоруковской, либо В. А. Геккеру, автору проекта здания окружного суда на ул. Гоголевской, немецкой школы на Долгоруковской, Офицерского собрания Крымского конного полка и других городских построек [там же, 124–125].

В архитектурной и декоративной обработке фасадов дома Шлее архитектор использовал элементы классического зодчества, а также приемы, основанные на местных строительных традициях обработки каменных деталей. План здания отвечает функциональному назначению – характерна коридорная структура с размещением по обеим сторонам классных комнат. Интерьеры гимназии в целом не имеют ценного живописного и декоративного убранства, для классных комнат характерны простота оформления и лаконичность [там же, 125].

В 1908 г. в здании разместились женская гимназия Валентины Александровны Станишевской, открытая ранее на базе ее же прогимназии (располагалась в наемном одноэтажном доме на ул. Жуковского, затем, в связи с возросшим количеством уче-

ниц, – в двухэтажном доме Н. И. Шлее на ул. Греческой). К 1 января 1907 г. в учебном заведении состояло 228 учениц, в нем работали 20 преподавателей. Среди педагогов выделялся учитель словесности и педагогики, выпускник Варшавского университета А. И. Маркевич – известный крымовец, автор фундаментального каталога-указателя краеведческой литературы по Крыму («Тау-гіса. Опыт указателя сочинений, касающихся Крыма...»), ряда очерков по истории Симферополя, Бахчисарая и других городов, впоследствии профессор Таврического университета, председатель Таврической архивной комиссии. Председателем педагогического совета гимназии был еще один заметный крымский краевед – статский советник Х. А. Монастырлы. Членами попечительского совета гимназии состояли многие известные горожане, в том числе представители известных крымскотатарских дворянских семей – Амет мурза Муфти-заде и Мустафа мурза Кипчакский [12, с. 64].

Гимназия В. А. Станишевской просуществовала до установления Советской власти в Крыму, когда доходный дом К. Ф. Шлее на ул. Лазаревской был муниципализирован и здесь была организована

2. Симферополь, Женская гимназия В. А. Станишевской. Главный вход. На заднем плане – дом К. Ф. Шлее. Открытка нач. XX в.

объединенная советская школа. Чуть позже здесь разместился педагогический факультет Крымского университета, а с 1925 по 1972 годы – историко-филологический факультет Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе. Одновременно, с 1925 г., в здании располагался и Научно-исследовательский институт, за шестнадцать предвоенных лет несколько раз реформировавшийся и менявший свое название (см. ниже).

С установлением Советской власти в Крыму и созданием Крымской АССР начала формироваться целостная система национального образования крымских татар. Были созданы школы 1-й ступени, 2-й ступени, учебные заведения профессионального об-

разования (профшколы, ФЗУ), техникумы, рабфаки и, в определенной степени, вузы. Это было результатом процесса т. н. коренизации, принципы которой были провозглашены XII съездом РКП(б) в апреле 1923 г. В Крыму коренизация приняла формы «татаризации» – процесса, ставившего целью максимально полное привлечение к высшей школе представителей прежде всего коренного крымского этноса, а также представителей нацменьшинств.

Процесс реализации принципов «татаризации» хорошо иллюстрируется на примере того же Крымского пединститута. Одной из важнейших целей вуза была подготовка педагогических кадров именно из среды

коренного народа Крыма. В те годы количество крымских татар с высшим педагогическим образованием было крайне низким. Особенно страдали в этом отношении сельские районы, в которых проживала основная масса крымскотатарского населения. Эту проблему необходимо было срочно решать.

Первостепенное внимание, которое оказывалось подготовке кадров из числа местного, коренного населения, постоянно подчеркивалось в многочисленных документах того времени. Примером может быть текст постановления ОК ВКП(б) от 14 марта 1933 г., в котором отмечается, «что Крымский педагогический институт, имеющий назначение готовить преподавательские кадры для средней школы, главным образом, из коренного населения (татар), добился несомненных успехов в перестройке своей работы, прежде всего в укреплении социального состава учащихся и преподавательских кадров и коренизации, на 1 января 1933 г. в составе студенчества 28% рабочих, 45% колхозников, 27% служащих и проч. Из них татар – 32%. Про-

Свидетельство об окончании Крымского педагогического института, выданное в 1933 г. Мамуту Медину и подписанное директором Мустафой Бекировым. Из архива У. Медина.

фессорско-преподавательский состав коренизирован на 33%. В этом году окончили пединститут 77 татар» [2, с. 134].

Годом ранее, в 1931/32 уч. г. процент крымских татар в вузе был еще выше – 44% [12]. Более того, согласно архивным материалам тех лет, перед учебным заведением ставилась задача еще более массового привлечения в вуз крымскотатарской молодежи – вплоть до 55 %, однако регулярные недоборы не позволяли выйти на этот уровень [9, с. 27].

В результате политики коренизации в стенах Крымского пединститута сумели получить высшее образование сотни крымских татар – педагогов различных профилей: филологов, историков, математиков, биологов и т. д.

Трудно переоценить важность Крымского пединститута и в становлении крымскотатарской науки. Вуз, без сомнений, явился главной кузницей крымскотатарских научных кадров, тем более что в его стенах работал и единственный на тот момент крымскотатарский научно-исследовательский институт (см. ниже).

Эти весьма позитивные для крымскотатарского образования и науки процессы были весьма омрачены политическими репрессиями 1920–1930-х гг., жертвами которых стали десятки наиболее талантливых крымскотатарских ученых и педагогов. Однако наиболее тяжелый удар был нанесен начавшейся в 1941 г. войной и последовавшим еще до ее завершения насильственным выселением крымских татар с их исторической родины в 1944 году. Последствия этих событий для крымскотатарского национального образования и науки были катастрофическими: крымскотатарские ученые и педагоги, начавшие свою деятельность в стенах КПИ, в лучшем случае смогли продолжить ее в вузах ряда союзных республик, в худшем – стали жертвами войны и депортации. Ни одному из них не суждено было вернуться на родину, не говоря о том, чтобы продолжить здесь свою научную или педагогическую деятельность.

Полного списка крымских татар, преподававших в КПИ в период с 1925 по 1941 гг., на сегодняшний день не существует. Тем не менее в результате современных исследований стали известны имена значительной части из них. Ниже даны краткие сведения о каждом из известных крымскотатарских педагогов предвоенной истории КПИ.

Перечень имен следует начать с тех, которые не только преподавали в КПИ, но в разные годы возглавляли вуз. Из крымских татар ректорами (точнее, директорами) КПИ были А. У. Шумин и М. Б. Бекиров. Известный педагог и ученый-химик Асан Усеинович Шумин (1896–?)

*Абдулькерим Джемалединов
(1893–1938)*

*Осман Акчокраклы
(1878–1938)*

был выпускником КПИ (1927 г.), позже заведовал Симферопольским татарским фельдшерско-акушерским техникумом, еще позже – преподавал в КПИ. В 1932 г. он был назначен директором вуза, однако после двух лет работы, в 1934 г., по надуманным идеологическим причинам был

снят с должности и подвергнут политическим репрессиям. Дальнейшая его судьба остается неизвестной.

После А. Шумина директором КПИ был назначен Мустафа Бекирович Бекиров (1900–1975[?]), оставшийся в должности до 1937 года. До этого назначения М. Бекиров работал в газетах «Терджиман» и «Яш куввет», занимался преподаванием и переводческой деятельностью, был заведующим Крымским татарским (Тотайкойским) педтехникумом, учился в аспирантуре КПИ, был директором Крымского краеведческого научно-исследовательского института, участвовал в других проектах. В 1937 г. он был репрессирован и приговорен к 12 годам лагерей. Вернуться на родину М. Бекирову не было суждено.

На одной из высоких институтских должностей мы видим и известного педагога и ученого Абдулькерима Джемалединова

(1893–1938). Он был выпускником Карасубазарской школы-рушдие, вместе с Б. Чобанзаде учился в Турции, по возвращении занимался преподавательской деятельностью (в Симферопольской школе-рушдие, школах первой и второй ступеней) и подготовкой школьных учебников, работал в газете «Козьайдын», активно участвовал в работе по переводу крымскотатарской письменности на латинский алфавит. В Крымском пединституте в период 1932–1934 гг. А. Джемалединов исполнял обязанности заместителя директора по учебной работе. Позже, в 1934–1936 гг., был редактором Крымского государственного издательства, однако в 1937 г. был репрессирован и 17 апреля 1938 г., обвиненный в «контрреволюционной деятельности», расстрелян.

Еще двое крымскотатарских педагогов занимали высокие должности на заочном от-

Крымскотатарские ученые и педагоги – участники Тюркологического съезда в Баку в 1926 г., а также крымскотатарские студенты азербайджанских вузов. В центре: А. С. Айвазов (в крымскотатарском головном уборе), слева от него – Б. Чобанзаде с супругой Д. Булгаковой, И. Леманов, А. Одабаш; справа – Ш. Бекторе, М. Недим, О. Акчокраклы, Я. Кемаль. Баку. 1926 г.

делении КПИ. Ягъя Ибрагимович Байрашевский (1895–1938) был выпускником факультета крымскотатарского языка и литературы (1928 г.), в годы учебы одновременно работал секретарем академического совещания при Наркомпросе и был ответственным секретарем редакции журнала «Окьув ишлери» («Проблемы образования»). В 1929–1937 гг. исполнял обязанности ассистента кафедры крымскотатарского языка и литературы, чуть позже – заместителя заведующего по заочному образованию КПИ, одновременно преподавал русский язык и литературу. Таип Сеит-Халилев (1903–?) был выпускником Крымского татарского (Тотайкойского) педтехникума и, по некоторым сведениям, КПИ. В середине 1930-х гг. был помощником декана факультета крымскотатарского языка и литературы, позже – заведующим учебной частью заочного отделения КПИ.

Среди других преподавателей КПИ прежде всего необходимо упомянуть ряд лиц, работавших еще в период Таврического, позже – Крымского университета. Так, известный языковед И. Леманов (1871–1942) с 1921 г. работал в должности ассистента отделения востоковедения, позже был доцентом и заведующим кафедрой крымскотатарского языка и литературы. Поэт, писатель, публицист А. Одабаш (1891–1938[?]) в 1922–1928 гг. был преподавателем, позже – доцентом кафедры крымскотатарского языка и литературы. Талантливый ученый (историк, эпиграфист, литературовед), писатель, поэт-переводчик, каллиграф Осман Акчокраклы (1878–1938) в 1922–1934 гг. преподавал турецкий язык, каллиграфию, крымскотатарский фольклор и этнографию. Наконец, выдающийся писатель, публицист и общественно-политический деятель А. С. Айвазов (1878–1938) в 1924–1934 гг. состоял в должности старшего ассистента отделения востоковедения, преподавал турецкий и арабский языки.

Помимо них, в Крымском пединституте в разные годы преподавали:

Умер Аджи-Асанов (1898–1949): ученый-языковед, педагог; в 1922 г. поступил в Таврический университет, по его окончании работал директором школы, в Наркомпросе Крымской АССР, в Крымском татарском (Тотайкойском) педтехникуме, Крымском татарском театральном-музыкальном техникуме, Татарском фельдшерско-акушерском техникуме; в 1929 г. был принят на работу в КПИ – ассистентом на кафедру крымскотатарского языка и литературы;

Абдулла Лятиф-заде (1890–1938): известный поэт, литературовед и педагог; в 1930–1931 гг. учился в Ин-

Исмаил Леманов (1871–1942)

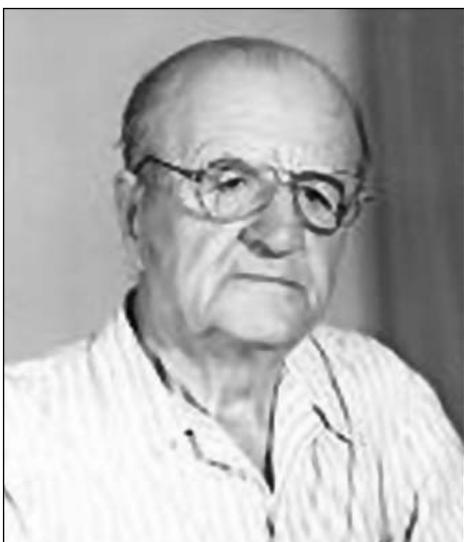
Умер Аджи-Асанов (1898–1949)

ституте народов Советского Востока (Москва), с 1931 по 1934 г. – в аспирантуре Государственной академии искусствознания (Москва – Ленинград); вернувшись в Крым, работал доцентом в КПИ – преподавал историю западноевропейской литературы на кафедре крымскотатарского языка и литературы;

Амет-Рашид Абибулла (1890–1942[?]): педагог, работал в КПИ в 1930–1933 гг.;

**Амет-Рашид Абибулла
(1890–1942)**

Усеин Османович Куркчи (1905–1996)

Якуб Азизович Азизов (1898–1938): языковед, философ, педагог; в 1926–1928 гг. был заведующим Крымским татарским (Тотайкойским) педтехникумом, позже работал в КПИ – на кафедре крымскотатарского языка и литературы, в 1932–1934 гг. был доцентом кафедры диамата;

Ибраим Халилович Усеинов (1903–?): ученый-языковед, высшее образование получил в Московской академии коммунистического воспитания, в КПИ преподавал философию, в 1935–1937 гг. исполнял обязанности декана факультета крымскотатарского языка и литературы;

Асан Ислямович Ислямов (1907–?): ученый-языковед, в 1932 г. окончил КПИ, в 1935 г. – аспирантуру при нем, в 1937 г. защитил кандидатскую диссертацию, в этом же году стал деканом факультета крымскотатарского языка и литературы;

Абдулла Касимович Багаутдинов (1905–?): работал в КПИ с 1932 г., преподавал историю ВКП(б) и марксизма-ленинизма;

Сеит Ибрагимович Велиев (1912–?): выпускник КПИ (1932 г.), закончил аспирантуру в одном из московских вузов; вернувшись в Крым, преподавал в КПИ педагогике;

Нуредин Кадырович Кадыров (1899–?): в КПИ работал с 1931 г. в качестве преподавателя политэкономии, с 1932 г. заведовал кафедрой полтэкономии;

Ибраим Исмаилович Ибраимов (1909–1944): ученый-математик, закончил физико-математический факультет КПИ, был направлен в аспирантуру в один из вузов Москвы, вернулся доцентом, работал заведующим кафедрой;

**Ибраим Ибраимов
(справа) и Абдулла Мамин
(также преподаватель КПИ). Симферополь.
16 ноября 1930 г.**

Асан Касымович Касымов (1907–1970): известный ученый-химик, учился в КПИ в 1929–1932 гг., преподавал здесь же в 1933–1941 гг., заочно окончил аспирантуру, в 1940 г. защитил в Москве диссертацию на соискание степени кандидата химических наук;

Усеин Османович Куркчи (1905–1996): выдающийся ученый-языковед и педагог; высшее образование получил на историко-филологическом факультете Азербайджанского государственного университета; вернувшись в Крым, в 1933 г. окончил аспирантуру при кафедре крымскотатарского языка и литературы КПИ, в 1934 г. защитил кандидатскую диссертацию, работал в должности доцента в КПИ, одновременно – научным сотрудником в НИИ крымскотатарского языка и литературы; в 1937 г. был репрессирован и осужден на восемь лет лагерей;

Эмирасан Куртмоллаев (1902–1973): известный ученый-языковед и педагог; закончил отделение крымскотатарского языка и литературы КПИ (1930 г.), аспирантуру, с 1933 по 1941 г. работал в КПИ в должности доцента, одновременно был сотрудником НИИ крымскотатарского языка и литературы;

Раиме Сафаевна Муллина (1908–1980): известный ученый-языковед, кандидат филологических наук (1945 г.); училась в КПИ, здесь же окончила аспирантуру, до 1941 г. работала доцентом на кафедре крымскотатарского языка и литературы, преподавала крымскотатарский язык и методику;

Рамазан Джелялович Османов (1906–1979): известный педагог; высшее образование получил в I Московском Государственном педагогическом университете иностранных языков; вернувшись в Крым, с 1935 г. преподавал в КПИ английский язык;

Алим Фетислямов (1905–1967): известный ученый-литературовед и педагог; выпускник КПИ (1930 г.), позже учился здесь же в аспирантуре (окончил в 1935 г.), защитил диссертацию на соискание степени кандидата филологических наук, стал доцентом, заведовал кафедрой крымскотатарской литературы;

Абдураим Шейх-заде (Алтанлы, 1898–1976): известный поэт и литературовед; высшее образование получил во II Московском Государственном университете; с 1931 г. преподавал в КПИ крымскотатарский язык и литературу;

Керим Решидов (Джаманаклы, 1905–1965): известный поэт и ученый-литературовед; учился в КПИ в 1929–1933 гг., в 1933–1936 гг. – в аспирантуре, в 1937 г. защитил в Казани кандидатскую диссертацию по творчеству У. Ш. Токтаргазы, одновременно преподавал в КПИ и работал в НИИ крымскотатарского языка и литературы;

Номан Шейх-заде (1899–1953): известный педагог, поэт, писатель; учился в КПИ в 1932–1937 гг. на факульте-

*Эмирасан Куртмоллаев
(1902–1973)*

Раиме Муллина (1908–1980)

Алим Фетислямов (1905–1967)

Крымский пединститут им. М. В. Фрунзе. Летняя сессия 1936 г. Преподаватели и студенты-заочники факультета татарского языка и литературы. В том числе: второй ряд снизу (слева направо) – [...], [...], Керим Решидов (Джаманаклы), Раиме Муллина, Абдульхамид Батырмурзаев, Асан Ислямов, Таип Сеит-Халиев, [...], Абдулла Лятиф-заде; третий ряд снизу – [...], Аблямит Шамилев, Зейнеп Аббасова, [...], Икрем Мустафа (директор Симферопольской крымскотатарской школы № 38); верхний ряд – [...], [...], Номан Шейх-заде, Умер Юнусов. Из фондов Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского

те крымскотатарской филологии, позже там же преподавал [8].

Что касается крымских татар-студентов и выпускников КПИ, необходимо отметить, что они учились на всех факультетах. При этом особенно популярным и востребованным у крымских татар был факультет крымскотатарского языка и литературы.

Среди наиболее известных выпускников КПИ мы видим, в частности, ряд имен, упоминавшихся выше, т. е. ставших преподавателями КПИ, состоявшихся как ученые: кандидаты наук А. Касымов, Р. Муллина, А. Фетислямов, С. Велиев, И. Ибраимов, К. Рашидов (Джаманаклы) и др. Помимо

них, необходимо упомянуть ученых, работавших вне КПИ. Одним из них был выпускник отделения биологии 1933 г. Сейтумер Османов. В 1934–1937 гг. он прошел обучение в аспирантуре Ленинградского педагогического института им. Герцена, на кафедре зоологии, и стажировался в лаборатории академика К. И. Скрябина. В 1938 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию, в 1938–1940 гг. работал доцентом и заведующим кафедрой зоологии Челябинского педагогического института, в 1940 г. возвратился в Крым и работал на Севастопольской биологической станции в должности старшего научного сотрудника. Впоследствии, в годы депортации в Узбекистане

С. Османов успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора биологических наук, удостоился звания профессора, работал в ведущих профильных учреждениях республики. Помимо этого, он был постоянным членом президиума АН Узбекистана, был удостоен высокого звания заслуженного деятеля науки Узбекистана и Каракалпакстана и т. д. [16].

Еще одной выпускницей КПИ, получившей известность вне стен КПИ, была Урие Азизова. В 1930 г. она окончила естественное отделение КПИ, работала заведующим сектором ботаники на Крымской зональной опытной станции Всесоюзного институ-

та лекарственных и ароматических растений (ВИЛАР), в 1939 г. была приглашена в ВИЛАР в Москву. Здесь она под руководством академика Б. А. Келлера участвовала в создании Московского ботанического сада при АН СССР, а с апреля 1941 по октябрь 1942 г. работала в нем в качестве младшего научного сотрудника [14].

Помимо этого, необходимо упомянуть и тех выпускников КПИ, которые состоялись как ученые уже после войны. Это, в частности, доктор философских наук, профессор Ахтем Мустафаев, доктор биологических наук Зоре Аблямитова, доктор наук, известный специалист в области физики

Крымский пединститут им. М. В. Фрунзе. Выпуск 1939 г. Факультет крымскотатарского языка и литературы. Профессорско-преподавательский состав (крымские татары): в верхнем ряду, в центре – декан факультета доцент А. Ислямов, во втором ряду справа – А. Фетислямов и Р. Муллина. **Выпускники:** верхний ряд (слева направо): В. Умеров, Ф. Селимова, С. Ислямов, Ш. Ресулев, Е. Юрушева, А. М. Мефаев, Алиева, А. Бекташев, [... ?], М. Ганиева; нижний ряд (слева направо): А. Абдураимов, М. Суутов, Ю. Темиркая, Ш. Алимджанова, В. Меджитов, З. Мефаева, А. Усеинова, Ш. Умерова, У. Алиева, М. Меметов.

Крымский пединститут им. М. В. Фрунзе. Факультет крымскотатарского языка и литературы. А. Ислямов ведет лекцию по общему языкознанию для студентов заочного отделения. Вторая справа – З. Аббасова. Лето 1936 г.

Урие Азизова (1908–1982)

Зоре Аблямитова (1916–1989)

ультразвука Сеитхалиль Халилов, кандидат филологических наук Басыр Гафаров, ученый-географ Осман Ваапов и многие другие.

Помимо этого, выпускниками и студентами КПИ были ряд известных крымскотатарских поэтов и писателей: Ыргат Кадыр (член Союза писателей СССР), Бекир Ваапов, Осман Амит, Максут Сулейман, Риза Халид, Джингыз Дагджи, Абдулла Дерменджи, Джемдет Аметов, Лёман Сулейман, Энвер Селямет, Амет Мефаев, Мемет Муединов (Севдияр), Керим Решидов (Джаманаклы) и др., известные журналисты Амет Озенбашлы, Джеппар Акимов (один из основателей национального движения крымских татар) и Абселям Ислямов, известный кинорежиссер Эмир Фаик, журналист, фольклорист и педагог Хыдыр Ильясов, педагоги и активные участники крымскотатарского национального движения Али Девлетов (заслуженный учитель Узбекской ССР), Аблямит Борсеитов, Абдуреим Аблякимов, Мевлют Измайлов, Фатма Языджиева, Фатиме Селимова, Ибраим Бешевли, Сеитхалиль Халилов, Осман Эбасанов, Мемет Умеров, известные педагоги Насиб Адиев, Эмир-Али Османов, Исмаил Сулейманов, Амет Муратов, Решиде Ибраимова, Нафе Мемиш и многие другие.

Преподаватели, выпускники и студенты КПИ – крымские татары приняли активное участие в борьбе с врагом в годы Второй мировой войны. Выпускник факультета крымскотатарской филологии гвардии майор Абдуль Тейфук (1915–1945) стал Героем Советского Союза – единственным, имеющим отношение к довоенной

истории КПИ. Среди выпускников и студентов вуза присутствуют многочисленные представители офицерского состава (более пятидесяти имен), включая полковника Рефата Османова, подполковника Хаяли Зейтуллаева, майоров Абселяма Ислямова, Ахтема Мустафаева, Зиядина Шейхаметова и др., капитанов Решата Садреддинова, Джемиля Велиляева, Амета Гемиджи (участник Парада Победы в Москве), Ибраима Ибраимова, Аппаза Салиева, Эмир-Али Османова, Аблямита Арсланова, Османа Эбасанова, Османа Ваапова и др., старшего лейтенанта Азиза Фазылова, лейтенантов Аблямита Борсеитова, Лёмана Эннанова, Велиулли Муртазаева, Абибулли Бекирова, Кадыра Асанова и др. Участниками войны были и многие из упомянутых выше представителей науки, образования, литературы и искусства: Б. Гафаров, Э. Фаик, Ы. Кадыр, Б. Ваапов, Р. Халид, Дж. Дагджи, А. Дерменджи, М. Сулейман, Дж. Акимов, А. Мефаев, А. Девлетов, А. Касымов, М. Куртбедин, Р. Османов, А. Аблякимов, М. Измайлов, С. Халилов и др. [5; 6]

Целый ряд крымских татар – преподавателей и выпускников КПИ были участниками партизанского движения и подполья в Крыму: О. Амит, Н. Халилов, А. Касымов, Дж. Акимов, Э. Куртмоллаев, М. Саранаев, Ф. Камилева и др.

Многие из крымских татар, имевших отношение к

Абдуль Тейфук (1915–1945)

Басыр Гафаров (1907–1991)

*Биргат Кадыр (1905–1945)
с сыном Эмилем*

Риза Халид (1919–2002)

истории КПИ, стали жертвами трагических событий 1941–1945 гг.: А. Тейфук, Ы. Кадыр, Б. Ваапов, О. Амит, М. Куртбедин, И. Ибраимов, М. Саранаев и др.

После освобождения Крыма от фашистских оккупантов в апреле 1944 г. коллектив Крымского пединститута им. М. В. Фрунзе вернулся в Симферополь и продолжил работу по прежнему адресу. Единственно, после 18 мая того же года в его составе не осталось педагогов и учащихся из числа крымских татар – вместе со своим народом они все подверглись насильственному выселению с исторической родины. В 1972 г. вуз был реформирован в Симферопольский государственный университет и переехал в новое здание на ул. Ялтинской (ныне проспект Вернадского).

В настоящее время в бывшем здании гимназии Станишевской, позже – Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе по адресу ул. Ленина, 17, располагается Главное управление капитального строительства при Совете министров Республики Крым. Согласно Решению Крымского облисполкома от 05.06.1984 г. № 284 здание является памятником архитектуры г. Симферополя.

Список использованных источников и литературы

1. **Абибуллаева Д. И.** Борьба Наркомпроса Крыма с «классово-чуждыми элементами» среди преподавательского состава в 1933 г. // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. – 2016. – Вып. 2. – С. 125–131.

2. **Абибуллаева Д. И.** Система народного образования Крымской АССР в начале 30-х годов XX в. // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. – 2016. – Вып. 3. – С. 133–136.

3. **Асанин И.** Адалет куреши сафларында (Хатире китабы). *Биринджи китап*. – Симферополь, 2002. – 624 с.

4. **Белова С. Л.** Симферополь: этюды истории, культуры, архитектуры. – Симферополь: Таврия-Плюс, 2001. – 184 с., илл.

5. **Велиев А.** Дженк офицерлери. Т. 2. – Симферополь, 2007. – 392 с.

6. **Велиев А.** Муаребе аскерлери: кырымтатарлар Экинджи дюнья дженкинде. Т. 3. – Симферополь, 2011. – 478 с.

7. **Деятели крымскотатарской культуры (1921–1944 гг.): биобиблиографический словарь** / гл. ред. и сост. Д. П. Урсу. – Симферополь: Доля, 1999. – 240 с.

8. **Змерзлый Б. В.** Политические репрессии

Нури Халилов (1917–2009)

среди крымскотатарских преподавателей Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 49, Т. 2. – С. 20–23.

9. **Змерзлый Б. В.** Привлечение крымских татар в вузы Крымской АССР в 1920–1930-х годах // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 52, Т. 1. – С. 26–30.

10. **История Таврического университета (1918–2003)** / под ред. Н. В. Багрова. – Киев, 2003. – 248 с.

11. **Керим И. А.** Меденый эснас, 1920–1938 гг. – Симферополь, 1997. – 496 с.

12. **Комиссарова В. В.** Крымская династия Шлее. – Симферополь: Н. Орианда, 2012. – 88 с., илл.

13. **Кондратюк Г. Н.** Система образования крымских татар в 1921–1941 гг. // Культура народов Причерноморья. – 2002. – № 31. – С. 92–100.

14. **Курбединова А.** Урие Азизова – исследователь лекарственных растений Крыма // Голос Крыма. – 2010. – 2 июля.

15. **Мустафаев А.** Это гордое слово «Учитель» // Голос Крыма. – 1999. – 27 августа.

16. **Уразбаев А. Н., Стрелков Ю. А.** К столетию профессора С. О. Османова // Паразитология. – 2007. – № 41. – С. 406–407.

Сеитумер Османов (1907–2008)

Абселям Ислямов (1907–1995)

Али Девлетов (1913–2007)

Научно-исследовательский институт при КПИ

При Крымском пединституте им. М. В. Фрунзе в период 1925–1941 гг. функционировал Научно-исследовательский институт. За время работы он пережил ряд реорганизаций, в результате чего каждый раз менял свое название и частично структуру.

Так, согласно Постановлению Совнаркома РСФСР от 11 сентября 1925 г. при КПИ был создан Крымский НИИ краеведения, утвержденный в 1926 г. Главнаукой РСФСР и СНК КрАССР в качестве краеведческого института с уклоном в сторону изучения природы Крыма и его естественных ресурсов. Директором НИИ был назначен известный педагог, будущий директор Крымского пединститута им. Фрунзе Мустафа Бекиров, находившийся на этой должности до 1929 г. [5, с. 240].

В 1929 г. начался процесс первой реорганизации НИИ, в результате чего научное учреждение стало состоять из следующих секций: химии, минералогии, геологии, почвоведения, астрономии, физики, физиологии растений, ботаники, зоологии, биологии, экономики, истории и археологии, этнографии и антропологии, крымскотатарского языка и литературы. Впрочем, работа общественно-научных секций до 1932 г., по словам наркома просвещения КрАССР тех лет Али Асанова, не велась «по причине недостатка средств» [3]. Директором НИИ в 1930–1934 гг. был П. А. Двойченко [5].

В 1932 г. произошла вторая реорганизация НИИ, в результате чего он был преобразован в НИИ национально-культурного строительства и краеведения при НКП КрАССР, с изменением структуры. Были определены и главные его задачи:

– быть центром собирания материалов и разработки проблем основных разделов национальных культур Кр.АССР;

– стать научно-исследовательской базой НКП КрАССР для разрешения вопросов народного образования в Крымской республике;

– изучать историю, экономику и природу Крыма в краеведческом разрезе;

– подготовить кадры научных работников, в первую очередь из коренных наций Крыма (такowymi в те годы были признаны крымские татары и караимы);

– популяризировать научные знания среди широких масс трудящихся КрАССР.

Для реализации этих задач предполагалось создание следующей структуры института. Во главе учреждения стоял директор, при нем существовало правление, состоящее из заместителя директора по научной части и заведующих секторами. Институт делился на пять секторов: 1) сектор марксистско-ленинской педагогики и народного образования; 2) сектор языка, литературы и искусства; 3) сектор истории, экономики и социальной антропологии; 4) сектор геофизики и минералогии; 5) сектор биологии. Каждый сектор в свою очередь делился на две-три секции [3].

В 1934 г. структура НИИ вновь подверглась изменению. Сектор естественных наук был передан КПИ, функции сектора педагогики и педологии взяла на себя лаборатория НКП Крымской АССР, при этом был добавлен сектор искусств. В результате НИИ стал состоять из четырех секторов: 1) языкового строительства; 2) литературы и фольклора; 3) истории; 4) искусства. Его директором вначале стал бывший нарком просвещения КрАССР Али Асанов, однако через год, в 1935 г., его сменил А. Н. Батырмурзаев [5, с. 240].

Наконец, в 1937 г. НИИ был реорганизован в четвертый раз. Из НИИ национально-культурного строительства он был преобразован в НИИ татарского языка и литературы им. А. С. Пушкина (имя великого русского поэта было присвоено крымскотатарскому НИИ в связи со 100-летней годовщиной смерти А. С. Пушкина), при этом был ликвидирован сектор искусств [3].

В таком виде НИИ просуществовал до начала Великой Отечественной войны.

Война остановила его работу, насильственное же выселение крымских татар в 1944 г. сняло с повестки вопрос его восстановления (более чем на полвека).

В период работы НИИ его сотрудниками был осуществлен ряд комплексных экспедиций (в частности, в 1929, 1930, 1935, 1936 и 1939 гг.) по сбору языкового и фольклорного материала. В ходе этих экспедиций была создана сеть корреспондентских пунктов «для систематической связи с районами Крыма в целях изучения языка и сбора фольклора». Работниками НИИ проводилась большая работа по обработке материалов данных экспедиций, а также по исследованию литературы и истории крымских татар [там же].

В результате указанной работы только в 1936 г. были изданы: сектором языка – орфографический словарь крымскотатарского языка, терминологические словари по химии, физике, геологии, математике, географии, анатомии и физиологии человека, языку и языкознанию, литературе и литературоведению, подготовлены к печати терминологические словари по ботанике, сельскому хозяйству, биологии и психологии, русско-крымскотатарский словарь; сектором литературы и фольклора – сборники «Чин-мане» и «Сказки крымских татар», сданы в печать сборники детских загадок, песен крымских татар и советского фольклора на крымскотатарском языке, подготовлены к изданию эпосы «Эдиге» и «Чора-Батыр» с приложениями. Сектором истории был подготовлен очерк «О феодальных отношениях в Крымском ханстве»; кроме того, заведующим сектором А. Бекировым велась работа по сбору материалов для учебника по истории народов Крыма [там же].

И в последующие годы продолжалась работа по широкому спектру проблем крымскотатарского и караимского языкознания, крымскотатарской литературы, истории Крыма и крымских татар. При этом одним из главных направлений деятельности НИИ была подготовка двуязычных словарей, перевод крымскота-

тарского на латинскую, а вскоре – и на кириллическую азбуку.

К сожалению, значительная часть подготовленных сотрудниками НИИ материалов так и не увидела свет. Так, остается неизвестной судьба вышеупомянутых материалов по истории Крымского ханства и Золотой Орды. Помимо этого, в плане выпуска на 1941 г. был целый ряд значительных литературных памятников, в том числе трехтомник произведений поэта и писателя У. Ш. Тохтаргази, стихотворная поэма автора XVII в. Джанмухаммеда «Тогай-бей» и др. – они также остались неизданными по причине начавшейся войны. Ситуацию усугубляет и то, что судьба рукописей значительной части материалов НИИ до настоящего времени также остается неизвестной. Это же касается и основной части его производственных архивов.

Работа НИИ в течение всего периода его существования велась в достаточно сложных условиях: в распоряжении НИИ не было нормального помещения (он занимал одну комнату площадью 18 кв. м), низкая заработная плата вынуждала сотрудников работать по совместительству, научные исследования проводились в условиях постоянного отвлечения сотрудников на другую работу (в частности, составление школьных учебников).

Явно недостаточен был и штат НИИ. Так, в 1934–1935 гг. он состоял из четырех научных сотрудников. В 1936 г. их число было доведено до 10. В публикации центральной крымскотатарской газеты «Енъи дюнъя» от 2 октября этого года приводятся имена некоторых сотрудников института на тот момент, в частности, заведующего сектором истории Аппаза Бекирова и старшего научного сотрудника Зиядинова, работающих над темами, связанными с историей Крыма периода, соответственно, Крымского ханства и Золотой Орды. Историей Крымского ханства занимался также и внештатный сотрудник Института Ибраим Усеинов [1, с. 278].

Еще одним сотрудником Института в этом же году был выдающийся

крымскотатарский языковед, кандидат филологических наук У. Куркчи, однако в апреле 1937 г. он был репрессирован и осужден на восемь лет лагерей [2, с. 119–120].

В 1937 г. штат НИИ был следующим. Директором учреждения был А. П. Батырмурзаев (окончил аспирантуру при КПИ, в 1934 г. был утвержден доцентом кафедры общего языкознания, исполнял обязанности профессора), ученым секретарем – Р. М. Муллина (также окончила аспирантуру при КПИ, одновременно работала доцентом на кафедре крымскотатарского языка и литературы). Сектором языкового строительства заведовал А. К. Ислямов (окончил аспирантуру при КПИ, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета крымскотатарского языка и литературы), старшими научными сотрудниками этого сектора были А. И. Баккал и Э. Куртмоллаев (окончил отделение крымскотатарского языка и литературы (1930 г.) и аспирантуру (1933 г.) при КПИ, с 1933 по 1941 г. совмещал научную работу с преподавательской деятельностью в КПИ). Сектором крымскотатарской литературы и фольклора заведовал К. Решидов (выпускник КПИ, в 1933–1936 г.

учился в аспирантуре при кафедре русской литературы, подготовил здесь диссертацию по творчеству поэта Ш. Тохтаргази и в 1937 г. защитил ее в Казанском университете), старшим научным сотрудником этого сектора был О. И. Ибраимов (окончил сектор госторговли турецкого отделения Института востоковедения), инструктором корреспондентских пунктов при этом же секторе был И. Бахшишев (также выпускник КПИ). Наконец, сектором истории заведовал вышеупомянутый А. Бекиров (еще один выпускник КПИ) [3].

Как было указано выше, в 1941 г. с началом Великой Отечественной войны деятельность НИИ [крымско]татарского языка и литературы им. А.С. Пушкина была приостановлена. Эта пауза растянулась на многие десятилетия. Учреждение было восстановлено спустя более 60 лет, в 2004 г., в форме Научно-исследовательского центра крымскотатарского языка, литературы, истории и художественной культуры при Крымском инженерно-педагогическом университете (г. Симферополь). Ныне (с 2015 г.) это НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма при указанном вузе.

Список использованных источников и литературы

1. Керим И. А. Медений эснас, 1920–1938 гг. – Симферополь: Таврия, 1997. – 496 с.
2. Деятели крымскотатарской культуры (1921–1944 гг.): биобиблиографический словарь / гл. ред. и сост. Д. П. Урсу. – Симферополь: Доля, 1999. – 240 с.
3. Сейтягьяев Н. Нужен ли нам научно-исследовательский институт национально-культурного возрождения? // Голос Крыма. – 1999. – 24 сентября.
4. Мусаева У. К. Деятельность Крымского научно-исследовательского института языка и литературы по изучению крымских татар (1925–1940) // Етнічна історія народів Європи: Національні меншини. Етноархеологія: Зб. наук.праць / Київський нац. ун-т ім. Тараса Шевченка. – Київ, 1999. – С. 52–56.
5. Мусаева У. К. Внесок Кримського науково-дослідного інституту в історико-етнографічні дослідження (1925–1941) // Збірник наукових праць: Педагогічні науки. – 2005. – Вип. XL. – С. 239–243.

И. Керимов, Н. Абдульвапов

КРЫМСКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ ИНСТИТУТ

бул. Ленина, 5/7

История высшего медицинского образования в Крыму начинается в 1918 году – с открытием Таврического университета, в составе которого был и медицинский факультет. Он был закрыт к 1925 г., когда университет был реформирован в Крымский педагогический институт им. М. В. Фрунзе.

Закрытие медицинского факультета (вопрос решался на союзном уровне) вызвало негативную реакцию руководства Крымской АССР. Особо необходимо отметить деятельность наркома просвещения тех лет – Усеина Балича, который даже после закрытия факультета активно выступал с различными предложениями по восстановлению высшего медицинского образования в Крыму [1, с. 14].

Позже, в 1929–1930 гг., эти инициативы активно продвигались председателем Совнаркома Крымской АССР Абдураимом Самединовым и наркомом просвещения Рамазаном Александровичем. Ими, в частности, было направлено в Москву предложение об открытии в Крыму университета, в состав которого вошли бы четыре факультета, в том числе медицинский [там же, с. 16–17].

Проблема заключалась в том, что Крым ощущал значительную нехватку специалистов-медиков с высшим образованием. Особо остро это чувствовалось среди крымских татар и нацменьшинств полуострова. Так, на 1 января 1930 г. в периферийных учреждениях Народного комиссариата здравоохранения из общего числа 1116 врачей крымских татар было только 13 человек [12].

В 1930 г. Народный комиссариат здравоохранения Крымской АССР к десятилетию установления на полуострове Советской власти предложил открыть в Симферополе медицинский институт. Вуз задумывался как учебное заведение, ориентированное на осуществление задач национальной политики – более половины его абитуриентов должны были составлять крымские татары.

В том же 1930 г. постановлением СНК Крымской АССР и СНК РСФСР решение о создании в Крыму медицинского института было принято. Для проведения подготовительной работы при Наркомздраве Крымской АССР в мае 1930 г. были созданы организационное бюро во главе с заместителем

*г. Симферополь,
Крымский медицинский институт. Корпус № 2.
30-е гг. XX в.*

наркома здравоохранения Крыма Б. М. Волошиным и три комиссии. Их членами стали видные ученые, врачи, представители партийных и общественных организации [13, с. 269]. Особую роль в подготовительных мероприятиях по открытию мединститута сыграл будущий нарком здравоохранения – Билял Мамут Чешмеджи.

С сентября 1930 г. начали рабо-

Билял Чешмеджи (1899–1938)

ту подготовительные курсы, и уже в начале 1931 г. был сделан первый набор – 100 студентов. В августе 1931 г. на первый курс были приняты ещё 90 студентов. В последующем, на протяжении первых трех лет, наборы проводились в январе и августе. Лишь начиная с сентября 1935 г. прием стал осуществляться один раз, однако количество поступающих значительно возросло (до 350 человек) [там же, с. 270, 273].

Директором КМИ был назначен Б. М. Волошин, его заместителем стал Мамут Гафарович Умеров, в свое время учившийся на медицинском факультете Новороссийского университета в Одессе [15]. Кафедры института возглавили такие известные ученые, как профессора В. В. Бобин, Ю. Л. Кривский, Н. Ф. Флеров, Я. Е. Браул и др. В качестве ассистентов к работе были привлечены многие бывшие преподаватели медицинского – факультета Крымского университета и практикующие врачи Симферополя.

Торжественное открытие Крымского медицинского института, состоявшего из одного – лечебно-профилактического факультета, состоялось 1 апреля 1931 г., когда были прочитаны первые три лекции – по химии, физике и анатомии [13, с. 269].

Открытие вуза стало важнейшим событием в истории крымскотатарского национального образования. Так, заместитель директора института М. Умеров в статье, напечатанной в 1931 г. в партийном журнале «Большевик ёлу» («Большевицкий путь»), отмечал, что «Крымский медицинский институт является одним из национальных вузов» республики, основными целями его деятельности являются «обеспечение сети

городских и сельских учреждений здравоохранения врачами, прежде всего из числа крымских татар и представителей нацменьшинств, а также подготовка кадров для Крыма как всесоюзной здравницы» [17, с. 25–26]. В этой же статье были приведены цифры первых двух наборов 1931 г. (весенний и осенний), согласно которым в КМИ было зачислено 245 студентов, из которых 105 были крымскими татарами.

Впрочем, высокий процент крымскотатарского студенчества в мединституте сохранялся лишь в первой половине 1930-х годов. С середины десятилетия он неуклонно уменьшался, что объяснялось целым рядом причин (слабость школьной подготовки, алфавитная реформа 1938 г., незначительность представительства крымских татар среди научно-педагогического состава вуза и др.), среди которых одной из наиболее важных была причина окончательного свертывания политики коренизации в регионе [10, с. 29].

Говоря о развитии материально-технической базы института, необходимо отметить, что решением Совнаркома Крымской АССР от 20 октября 1930 г. вузу было предоставлено здание акушерско-гинекологической клиники на ул. Речной, 8 (бывший госпиталь, основанный знаменитым русским хирургом Н. И. Пироговым). В нем разместились административные органы и несколько теоретических кафедр: нормальной анатомии, биологии и гистологии. Кафедры физики и химии первое время находились при Крымском педагогическом институте [13, с. 269].

Позже, в июле 1931 г., Совнарком Крыма передал в совместное пользование двум новым институтам (медицинскому и сельскохозяйственному) здание бывшего женского епархиального училища на бульваре Ленина, 5/7 (ныне – основное здание Медицинской академии имени С. И. Георгиевского). Здесь разместились теоретические кафедры: биологии, гигиены, гистологии и т. д. Сюда же переехали и административно-хозяйственные службы. При этом некоторые кафедры остались на ул. Речной, клинические же кафедры функционировали на

базе ряда городских больниц и родильного дома.

На новой территории института находились также небольшое общежитие для студентов и квартиры для профессорско-преподавательского состава. Однако проблема с жильем была весьма острой. Учитывая это обстоятельство, ректорат института обратился в СНК Крыма с просьбой об оказании помощи в строительстве нового общежития. Это ходатайство было удовлетворено, необходимые средства были выделены, в строительстве общежития принимали участие и сами студенты (завершено в 1935 г.) [там же, с. 270–272].

В августе 1935 г. в распоряжение института полностью перешло здание на бульваре Ленина, 5/7. Тогда же под руководством известного симферопольского архитектора Б. И. Белозерского начинается реконструкция всего институтского комплекса (завершена в 1938 г.), а также строится новое здание – корпус № 2. В новом корпусе первоначально разместился и кабинет ректора, а также жили семьи многих преподавателей института. В его строительстве, опять же, участвовали и сами студенты.

За неполных пять лет КМИ стал лучшим вузом Крыма, а по некоторым показателям одним из лучших в РСФСР [там же, с. 273].

17 февраля 1936 г. в институте состоялся первый выпуск. Торжества состоялись в здании Крымского государственного драматического театра им. А. М. Горького. Дипломы врачей получили 97 студентов, в том числе – 37 крымских татар. 18 выпускников стали обладателями дипломов 1-й степени (с отличием) и были приглашены в Москву – на прием к наркомому здравоохранения РСФСР Г. Н. Каминскому. Известно, что в приеме приняли участие 12 выпускников-делегатов, среди которых были и крымскотатарские девушки: З. М. Джепарова, А. Б. Муминова и Л. Р. Медиева. Нарком вручил каждому именные часы [там же, с. 273].

В июле того же года дипломы получили ещё 94 выпускника вуза. Большинство из них были направлены на работу в города и районы Крыма.

Преподаватели и выпускники Крымского медицинского института. 1-й выпуск. Февраль 1936 г. 12 февраля 1936 г. газета «Красный Крым» в статье «Первый выпуск Крымского медицинститута им. Сталина» сообщала: «17 февраля исполняется пять лет работы и состоится первый выпуск Крымского медицинского института им. Сталина. Институт дает стране 97 новых врачей, которые будут работать в районных и колхозных больницах и поликлиниках. 50 врачей направляются в крымские совхозы и колхозы. Среди них 37 врачей – крымских татар». На данной виньетке, датированной февралем 1936 г., в настоящее время удалось определить следующих выпускников с крымскотатарскими фамилиями: Р. Джемилева, А. Хатипова, Г. А. Абибуллаева, У. Б. Асанов, К. Аметов, Г. Муртазаева, О. Курт-Умеров, Х. А. Умеров, Ф. Р. Шерфединова, П.[?] Муминова, З. М. Джеппарова, Л. Р. Медиева, Мумджи, Б. Аблялимов, М. Измайлова, А. Р. Акимова, З. Халидова, У. Абибуллаев, З. Кудусова, С. А. Абхаиров, А. Аблямитова, С. Джемилев, Э. Муратов, С. Тынчеров, Ф. Чубарова, С. М. Чамбель, Э. Османова, Х. Абибуллаев, Ш. Девлетов, Ш. Барамыкова, М. Н. Куркчи, Халилов. Еще две выпускницы – Габидулина и Сераджидинова, по некоторым сведениям, были казанскими татарками. Фото из личного архива З. Асановой.

На виньетке, датированной февралем 1936 г., можно видеть фотографии руководства и членов профессорско-преподавательского состава института (в верхнем ряду): директора института В. А. Таргулова (слева шестой), профессоров Б. С. Тарло, Э. А. Мелик-Гюльназарьяна, И. Н. Окулова, Р. Е. Гинзбурга, Н. И. Балабана и других. Многие из них были учеными с мировым именем. В самом центре этого ряда обращает внимание

женская фотография – наркома здравоохранения Крымской АССР в 1934–1937 гг. Ребии Беккировой, получившей известность в том числе и постоянной помощью, которую она как нарком оказывала молодому вузу [9, с. 56–57].

В 1938 г. в КМИ был открыт педиатрический факультет. К 1940 г. в институте насчитывалось уже полторы тысячи студентов, на 32 кафедрах работали 23 профессора, 16 доцентов, более 100 ассистентов.

Из вузовских преподавателей – крымских татар в настоящее время известны лишь несколько имен. **Садык Джемилев** (1904–1952) после окончания КМИ (февраль 1936 г.) некоторое время работал заведующим врачебным участком в с. Капсихор (ныне Морское) Судакского р-на, позже был направлен в Ленинград – слушателем курсов усовершенствования по хирургии; наконец, в 1939 г. был приглашен на работу клиническим ординатором при факультете хирургии Крымского мединститута. Впоследствии, с началом войны С. Джемилев ушел на фронт и в чине капитана медицинской службы исполнял обязанности ведущего хирурга 422-го медсанбата 339-й дивизии. По завершении войны продолжил работать хирургом в Узбекистане [16].

Еще одним сотрудником КМИ в эти годы стал выпускник Ленинградской военной медицинской академии **Осман Аблаев** (1907–1980). По завершении в 1936 г. указанного престижного вуза он некоторое время работал военным врачом в Севастополе и Полтаве, однако по состоянию здоровья был переведен в гражданскую медицину. Вернувшись в Крым, стал работать в 1-й Советской больнице им. Н. А. Семашко в Симферополе (ныне Республиканская клиническая больница им. Н. А. Семашко), а также ассистентом на кафедре терапии Крымского медицинского института. В депортации О. Аблаев работал главой отделения терапии в Наманганской город-

Преподаватели и выпускники Крымского медицинского института. 2-й выпуск (фрагмент). В верхнем ряду второй справа – А. Куюмджи. Июль 1936 г.

г. Симферополь, Крымский медицинский институт. Корпус № 2. 30-е гг. XX в.

Садык Джемилев (1904–1952)

ской больнице, а также преподавал в местном медицинском техникуме [14].

В 1930-х гг. в должности ассистента в КМИ работала и выпускница медицинского факультета Азербайджанского госуниверситета Айше Рефатова. Родилась она в 1907 г. в Бахчисарае, в семье известного педагога (сподвижника И. Гаспринского) и народ-

ного музыканта Мамута Рефатова. Братьями Айше были известные представители крымскотатарской интеллигенции первой половины XX в.: Мидат Рефатов (журналист, переводчик, известный революционер), Решат Рефатов (педагог, музыкант), Асан Рефатов (выдающийся композитор). В 1926 г. А. Рефатова поступила на медицинский факультет Азербайджанского государственного университета, который окончила в 1930 году.

По завершении учебы, А. Рефатова вернулась в Крым и была принята на работу в новосозданный Крымский мединститут. Проработала здесь, по некоторым сведениям, до 1933 г., по другим – до самого начала войны. Впоследствии, в годы высылки, А. Рефатова работала в г. Сырдарья Узбекской ССР, умерла в 1990 г. в Новороссийске [11, с. 346].

Надо отметить, что в 1920–1930-е гг. в азербайджанских вузах училось довольно много крымскотатарских студентов. Ряд из них учились на том же медицинском факультете Бакинского университета: Умер Куркчи, Ахмед Зухди Тарпи, Сафие Кани (Канеева), Решид Мумджи, Смаил Амет, Эсма Аметова, Земине Дагджи, Осман Шейхамет, Хатидже Шейхамет, Якуб Зекки, Билял Байасан, Азиз Менакаев и др. [там же, с. 344–348]. Многие из них по завершении учебы вернулись на родину, посвятили себя работе по специальности, некоторые стали известными медицинскими работниками Крыма.

Крымскотатарские ученые и педагоги – участники Тюркологического съезда в Баку в 1926 г., а также крымскотатарские студенты азербайджанских вузов. Во втором ряду снизу, вторая справа – студентка медицинского факультета Азербайджанского государственного университета Айше Рефатова. Баку. 1926 г.

Учеба в Баку большого количества молодых крымских медиков была во многом результатом закрытия в 1925 г. медицинского факультета в Крымском университете и последующего реформирования вуза в целом. Это же обстоятельство вызвало отток из Крыма и многих авторитетных медицинских кадров. Одним из них, в частности, был доцент медицинского факультета Умер Байрашевский, после закрытия Крымского университета переехавший в Баку и ставший наставником, в том числе и вышеперечисленных крымских студентов.

Умер Али Байрашевский (1874–1949) имел непосредственное отношение к становлению высшего медицинского образования в Крыму. Он родился 24 декабря 1874 г. в г. Волковыске Гродненской губернии, происходил из литовских татар, был мусульманином по вероисповеданию. В 1897 г. с отличием окончил Петербургскую военно-медицинскую академию, долгие годы служил врачом в различных воинских подразделениях, в том числе в г. Керчи. В 1906–1908 гг. был в научной командировке за границей, изучал организацию военно-санитарной службы в европейских армиях. В 1910 г. защитил диссертацию «Организация санитарной службы в главнейших европейских армиях», стал доктором медицины. В 1913 г. был направлен на три месяца в Париж для ознакомления с новыми принципами лечебно-эвакуационного обеспечения раненых во французской армии. На различных медицинских должностях участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах.

В 1921 г. У. Байрашевский по семейным обстоятельствам уволился из армии, переехал в Крым и поступил на работу на медицинский факультет Крымского университета. Здесь он организовал кафедры общей гигиены и госпитальной терапии (в 1921 г.) и экспериментальной гигиены (в 1925 г.), с 1922 г. был доцентом. Помимо этого, был заведующим отделом социальной гигиены Ялтинского туберкулёзного института.

В это время имя У. Байрашевского пользовалось большой известностью и признанием. Он был членом Совета Наркомпоса Крыма, членом редакционной коллегии журнала НКП «Просвещение», председателем Научно-медицинского общества, много печатался по проблемам гигиенического воспитания в школе, борьбы с туберкулезом и т. д.

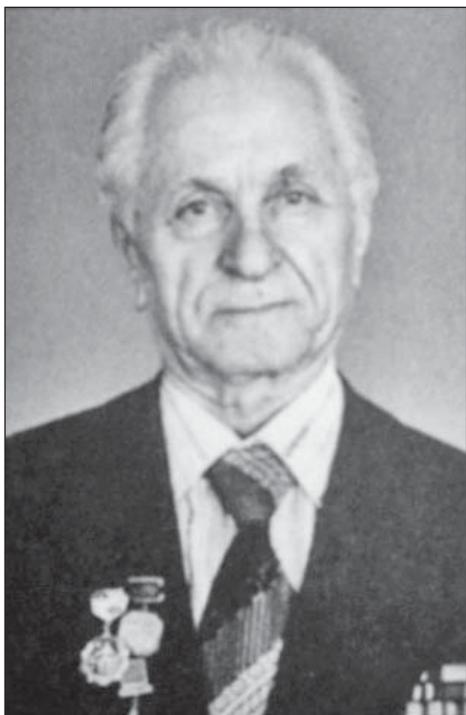
После закрытия Крымского университета У. Байрашевский переехал в Баку и был назначен профессором кафедры социальной гигиены медицинского факультета

Умер Байрашевский (1874–1949)

Азербайджанского университета (с 1926 г.). Помимо университетской работы, он вел большую общественную работу: был членом Ученого медицинского совета Наркомздрава, малярийного комитета, Высшего научного пищевого совета, Высшего совета физкультуры и т. д.

После шестилетнего пребывания в Баку в июне 1932 г. У. Байрашевский принял предложение правительства Дагестана участвовать в организации мединститута в г. Махачкале. Здесь он работал заместителем директора по учебно-научной работе (в 1932–1940 гг.), заведующим кафедрой общей гигиены с курсом социальной гигиены (в 1934–1949 гг.), а с 14 ноября 1937 г. по 10 апреля 1939 г. исполнял обязанности директора вуза. В 1935 г. У. Байрашевский был удостоен звания доктора медицинских наук и избран профессором. Позже, во время Великой Отечественной войны, У. Байрашевский был консультантом по санитарии и лечебному питанию

Эскендер Кайтазов (1915–1994)

раненых и больных в эвакуогоспиталях Дагестанской АССР.

Автор около 40 научных работ, в том числе 10 монографий, У. Байрашевский был удостоен званий «Заслуженный деятель науки ДАССР» и «Заслуженный деятель науки РСФСР», награжден знаком «Отличник здравоохранения СССР». Умер в феврале 1949 года [5].

Возвращаясь к истории Крымского мединститута, отметим, что с началом Великой Отечественной войны 240 выпускников были призваны в армию, одновременно с ними на фронт добровольцами ушли и многие преподаватели. В середине сентября 1941 г., когда фашисты приблизились к Крыму, институт стал готовиться к эвакуации. В конце сентября почти все преподаватели и более 500 студентов старших курсов были расселены в г. Армавире Краснодарского края и приступили к занятиям. Впрочем, вскоре пришлось

оставить и Армавир. Скитания длились почти год, за это время институт поменял несколько городов: Джамбул, вновь Армавир, Орджоникидзе, Баку, Краснодарск, Кызыл-Орда. Но учебный процесс не прекращался: с июня 1941 г. по июль 1944 г. институт выпустил 850 врачей.

Тем временем сотни выпускников, студентов и преподавателей института, как было указано выше, сражались на фронте. Среди них было значительное число и крымских татар. Так, в настоящее время только из представителей офицерского состава известно более тридцати имен: полковник медицинской службы Кайтазов Эскендер (выпускник 1938 г.), подполковники Асанов Усеин Булатович (выпуск 1936 г.), Асанов Мемет, Мамин Умер, Муратов Энвер (выпуск 1936 г.), Хыярджи Кадыр (выпуск 1940 г.), Абляимов Бекир (выпуск 1936 г.), майоры Алимова Фатиме (выпуск 1937 г.), Аметов Ибраим (выпуск 1936 г.), Куюмджи Суваде (выпуск 1936 г.), Селимов Мидат (выпуск 1940 г.), Зоре Халидова (выпуск 1936 г.), Джевдет Абдул-Решид (гвардии майор), капитаны Джемилев Садык (выпуск 1936 г.), Аблямитова Фатма, Асанов Осман (выпуск 1936 г.), Османова Гульсум, Османова Лейля, Хайретдинов Иззет, Джемилева Сыдыка (выпуск 1939 г.), Кечеджиева Зера (выпуск 1937 г.), старший лейтенант Эмиров Аджи-Абла (выпускник 1938 г.), Абибуллаев Амет (выпуск 1943 г.), лейтенанты Хайбуллаева Медине (выпуск 1940 г.), Мазинава Ава и т. д. Многие из них, в частности, Э. Кайтазов, А.-А. Эмиров, У. Асанов, С. Куюмджи и др., отличились особыми воинскими заслугами, некоторые, например, Б. Абляимов, Ф. Алимова, А. Измайлова не вернулись с войны. Алиме Измайлова, выпускница 1938 г., добровольцем ушла на фронт и погибла от немецкого снаряда в Сталинграде – у операционного стола со скальпелем в руках [7, с. 374].

Среди крымскотатарских выпускников КМИ – участников войны – немало обладателей весьма драматических судеб. В качестве примера можно привести судьбу выпускника 1936 г. Сеид-Али Абхаирова (*см. вилньетку*). Уроженец дер. Буюк-Калач Евпаторийского р-на Крымской АССР, он по окончании института год проработал в должности терапевта и заведующего Керменчикским врачебным участком Куйбышевского р-на Крымской АССР. В 1937 г. был призван в ряды Красной Армии, год прослужил в танковой бригаде в г. Харькове, после чего вновь продолжил работу по месту первого назначения. В 1939 г. С.-А. Абхаиров был назначен главврачом районной больницы в с. Коккоз (ныне с. Соколиное) того же района, где проработал вплоть до начала войны. 23 июня 1941 г. С.-А. Абхаиров призван в ряды действующей ар-

мии, был начальником госпитального взвода в различных воинских частях. В 1942 г. на территории Ростовской области его часть оказалась в окружении, Сеид-Али с товарищами попал в плен. Несколько месяцев находился в г. Владимирске, в лагере военнопленных, работал врачом в лазарете. В конце 1943 г. С.-А. Абхаиров был направлен в немецкий город Айзенах, в международный концлагерь, где также работал врачом в лазарете для военнопленных. Наконец, в феврале 1945 г. он оказался в печально известном концлагере Бухенвальд, из которого и был освобожден американскими солдатами в апреле того же года. Демобилизовавшись в 1946 г., С.-А. Абхаиров отправился на поиски депортированных из Крыма семьи и родственников. Последующие годы прожил в поселке Джума Самаркандской области Узбекистана, где работал врачом-рентгенологом в районной больнице. Там же и умер в 1977 году [2].

Среди крымских татар – выпускников КМИ мы видим и участников крымского подполья. Так, **Хатидже Чапчакчи** стала одной из наиболее известных симферопольских подпольщиц. Она была членом группы Абдуллы Дагджи (подпольная кличка – Дядя Володя) – одной из наиболее крупных подпольных групп города. Работая в военном госпитале, выполняла задания по снабжению партизан медикаментами и различными документами, способствовала освобождению из немецкого плена многих советских солдат и т. п. После того как летом 1943 г. группа Абдуллы Дагджи была раскрыта фашистами, вместе со многими другими подпольщиками была арестована и Х. Чапчакчи. Осенью 1943 г., после полутора месяцев допросов и пыток она была расстреляна гестапо [3, с. 29–40].

Хатидже Чапчакчи (1912–1943)

Весной 1944 г. Крым был освобожден, и Крымский медицинский институт вернулся в Симферополь. За годы оккупации главный учебный корпус, клуб, спортзал, общежитие были разрушены. Нужно было возрождать к жизни институт. Ценой огромных усилий коллективом вуза в короткие сроки было сделано все, чтобы учебный год начался

С.-А. Абхаиров с товарищами по учебе (выпуск КМИ 1936 г.). Фото 1935 г.

Мидат Селимов (1918–2001)

вовремя. Однако в этом процессе уже не участвовали крымские татары – народ был огульно обвинен в измене и подвергнут насильственному выселению с исторической родины.

Несмотря на все превратности судьбы, крымские татары – выпускники КМИ и в годы высылки достойно проявили себя как на профессиональной ниве, так и в общественной жизни. Так, Мидат Селимов (выпуск 1940 г.) стал выдающимся ученым, профессором вирусологии Института полиомиелита и вирусного энцефалита им. М. П. Чумакова РАН, д. м. н., заслуженным деятелем науки РСФСР. Дочь известного педагога и общественного деятеля, бывшего депутата Государственной думы, издателя газеты «Ватан хадими» Решида Медиева – Лейля Медиева (выпуск 1936 г.) защитила диссертацию, тридцать лет преподавала в сельхозинституте г. Гянджа (Аз.ССР). Усеин Булатович Асанов (выпуск 1936 г.), первый в истории вуза секретарь комсомольской организации (1931–1935 гг.), всю свою жизнь посвятил военной медицине, прошел путь до подполковника медицинской службы. Аджи-Абла Эмиров (выпуск 1938 г.) прошел всю войну, более двадцати лет служил в различных частях во многих уголках страны, закончил путь офицера медицинской службы в звании полковника. Помимо военной медицины, А.-А. Эмиров многие годы проработал в системе здравоохранения г. Ташкента, пользовался заслуженным авторитетом среди коллег и друзей, получил известность на литературном поприще (его перу принадлежит ряд повестей и книг, главным образом военной тематики). Сулейман Халилов в 1941 г. окончил хирургический факультет КМИ, с первых дней войны служил в военных госпиталях, вышел в отставку в 1947 г. в звании майора медицинской службы; позже работал главврачом и заведующим больницей г. Ногинска под Москвой, неоднократно избирался депутатом Ногинского городского и Московского областного Советов [4, с. 514–518].

Аджи-Абла Эмиров (1920–1971)

Крымский медицинский институт продолжает функционировать поныне, на прежнем месте. 26 января 1998 г. он был преобразован в Крымский государственный медицинский университет имени С. И. Георгиевского, ныне же является Медицинской академией имени С. И. Георгиевского в составе Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Решением Крымского облисполкома от 20.02.1990 г. № 48 комплекс исторических зданий бывшего Крымского мединститута – 1-й и 2-й учебные корпуса были признаны памятниками архитектуры.

*Усеин Асанов
(выпуск КМИ 1936 г.),
с женой, известной
актрисой Сание Нал-
бандовой, и детьми
Заремой и Русланом.
1948 г.*

Список использованных источников и литературы

1. **Абибуллаева Д.** Жизнь и деятельность министров просвещения Крымской АССР // Крымское историческое обозрение. – 2014. – № 2. – С. 6–22.
2. **Абхаиров С.-А.:** архивные документы, фотографии и воспоминания. – Личный архив П. Абхаировой.
3. **Аналар яш экенде:** джесюр къадынларымыз акъкъында очерклер / тертип эткен ве неширге азырлагъан Р. Фазыл. – Ташкент, 1977. – 294 с.
4. **Асанин И.** Адалет куреши сафларында (Хатире китабы). Китап 1. – Симферополь, 2002. – 624 с.
5. **Байрашевский Омар Алиевич** – врач / Наш Баку: история Баку и бакинцев. – Режим доступа: <https://www.ourbaku.com/index.php>
6. **Велиев А.** Боевые офицеры. Т. 2. – Симферополь, 2013. – 404 с.
7. **Велиев А.** Герои бессмертны: крымские татары во Второй мировой войне. Т. 1 / пер. с крымскотат. Э. Валиевой. – Симферополь, 2009. – 392 с.: фото.
8. **ГАРК**, ф. Р-26, оп.1, д. 505, л. 41.
9. **Деятели крымскотатарской культуры (1921–1944 гг.):** биобиблиографический словарь / гл. ред. и сост. Д. П. Урсу. – Симферополь, 1999. – 240 с.
10. **Змерзлый Б. В.** Привлечение крымских татар в вузы Крымской АССР в 1920–1930-х годах // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 52, Т. 1. – С. 26–30
11. **Керим Я.** Улу-узень ве улу-узеньлилер. – Симферополь, 2009. – 524 с.
12. **Кондратюк Г. Н.** Система образования крымских татар в 1921–1941 гг. // Культура народов Причерноморья. – 2002. – № 31. – С. 92–100
13. **Образование и педагогическая мысль Крыма:** [в 2 т.] Т. II: XX – начало XXI столетия / под ред. А. В. Глузмана, Л. И. Редькиной. – Киев: Знания Украины, 2008. – 359 с.
14. **Османов Д.** Биньлернен инсанларны тедавийлеген доктор Осман // Къырым. – 2011. – Апрель 27.
15. **Урсу Д. П., Винцковский Т. С.** Крымские татары – выпускники Новороссийского (Одесского) университета и их судьбы // Культура народов Причерноморья. – 2011. – № 199, Т. 1. – С. 68–74.
16. **Чилингинова Г.** Письмо и мечты о доме фронтового хирурга // Голос Крыма. – 2016. – 11 ноября.
17. **М. Ё.** Qьгъmmed.institutъ Savlyq saqlav kadrolaъ hazrlavda // Bolşevik jolъ. – 1931. – № 22–23. – С. 24–27.

Н. Абдульвапов, Г. Кондратюк

КРЫМСКИЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ

им. М. И. КАЛИНИНА

ул. Киевская, 75 / пр. Победы, 1

Подготовка специалистов с высшим образованием сельскохозяйственного профиля в Крыму началась на аграрном факультете Таврического университета, открытого в 1918 г. в Симферополе. Указанный факультет с 1 мая (по другим данным, с июня) 1922 г. был преобразован в самостоятельный Крымский высший институт сельскохозяйственных отраслей (или же Крымский сельскохозяйственный институт специальных отраслей), а с 1923 г. – Крымский институт специальных культур.

Основными направлениями подготовки специалистов и развития научных исследований в эти годы были отрасли сельского хозяйства, специфические для Южного берега Крыма и Черноморского побережья Кавказа: плодоводство, виноградарство, табаководство, культурные растения субтропической сферы, ландшафтное садоводство, культуры вкусовых и лекарственных растений, овощеводство, цветоводство, селекция сельхозкультур, виноделие, переработка плодовых и овощных культур.

В 1923 г. вуз выпустил первых специалистов-аграриев. Одним из них был выдающийся в будущем крымскотатарский ученый-агроном Мамут Исмаилович Баясанов (1900–1963). Уроженец с. Корбек (ныне Изобильное) Алуштинского р-на, он получил образование в школе-рушдие в Симферополе, позже учился здесь же в коммерческом училище. В 1919 г. поступил на агрономический факультет Таврического университета, который окончил в 1923 году. С 1921 г. М. Баясанов, одновременно, работал секретарем и делопроизводителем в Крымском представительстве Наркомнаца в Москве, а в 1923 г. был назначен заведующим агрономическим бюро Центрального дома крестьянина в Симферополе. На протяжении 1924–1928 гг. талантливый аграрий руководил известной сельскохозяйственной школой южных специальных культур «Чаир» (под Ялтой). В 1928 г. М. Баясанов переехал в Азербайджан, где работал в аппарате Народного комиссариата земледелия и Бакинском сельхозинституте, внес огром-

г. Симферополь. ул. Киевская, 75 / пр. Победы, 1. Бывший Доходный дом Г. Н. Христофорова, в 1930-х – нач. 1960-х гг. – Крымский сельскохозяйственный институт им. М. И. Калинина.

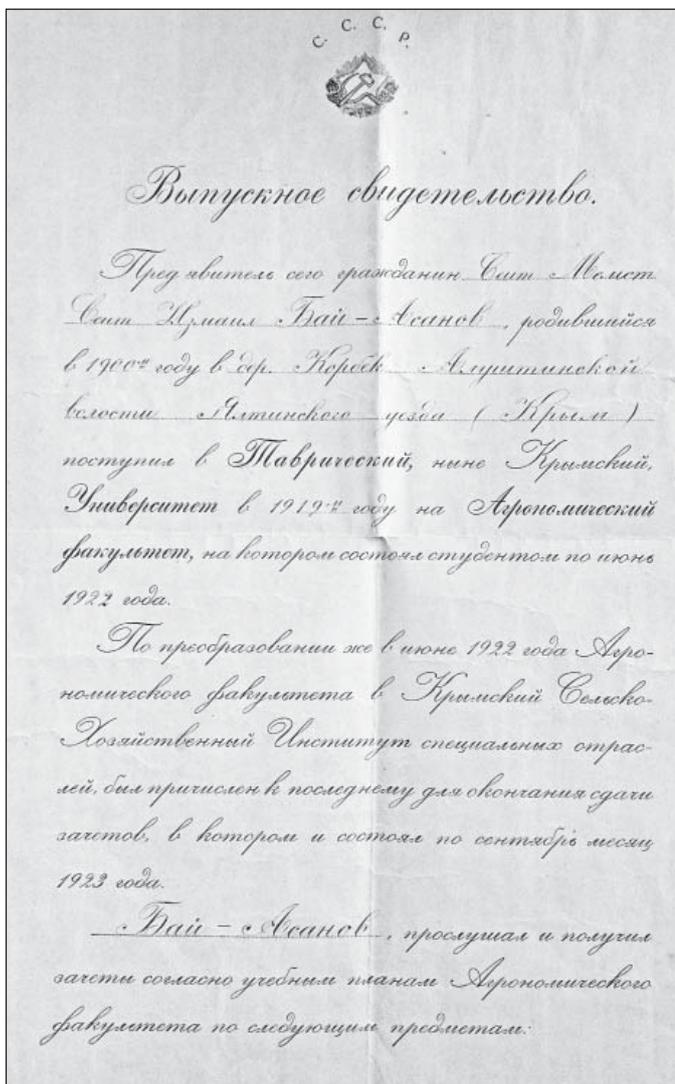
**Мамут (Сеит-Мемет) Баясанов
(1900–1963)**

ный вклад в развитие сельскохозяйственной отрасли республики, удостоился почетного звания «Заслуженный агроном Азербайджанской ССР» [1].

Возвращаясь к истории высшего сельскохозяйственного образования в Крыму, отметим, что, несмотря на большую необходимость специалистов соответствующего профиля для народного хозяйства Крымской АССР, к середине 1920-х гг. Крымский институт специальных культур прекратил свое существование – решением СНК РСФСР № 54 в августе 1924 г. он волился в Кубанский сельскохозяйственный институт.

Высшее сельскохозяйственное образование в Крыму было воссоздано в 1931 году. Одним из важных факторов этого была организация в эти годы в Крыму колхозов, что требовало значительного увеличения числа специалистов в области сельского хозяйства. При этом особый акцент делался на необходимость подготовки специалистов из представителей коренного этноса Крыма.

Задачей вновь открытого в Симфоро-

Свидетельство об окончании М. Баясановым агрономического факультета Крымского сельскохозяйственного института специальных отраслей. 1923 г.

поле Крымского института специальных культур была определена подготовка специалистов по садоводству-огородничеству, виноградарству, виноделию, табаководству, лекарственным культурам. С 1933 г. в программу вуза была введена подготовка специалистов полевых культур. В том же 1933 году институт уже именовался Крымским сельскохозяйственным институтом, а в 1935 г. ему было присвоено имя М. И. Калинина.

К этому времени институт уже располагался по адресу ул. Битакская, 2 (ныне ул. Киевская, 75 / пр. Победы, 1). До этого он дважды менял место расположения; в частности, в начале 1930-х гг. вместе с Крымским мединститутом

г. Симферополь. Парк «Салгирка». Бывший Дом графа М. С. Воронцова, в 1930-е гг. – в пользовании Крымского сельхозинститута им. М. И. Калинина.

занимал здание бывшего женского епархиального училища на бульваре Ленина, 5/7 [8, с. 270].

Новое здание Крымского сельхозинститута ранее было домом известного симферопольского винодела Г. Н. Христофорова (1833–1902). Данная территория была приобретена им в годы Крымской войны (1853–1856 гг.), позже здесь были сооружены винные подвалы; наконец, в 1891 г. был построен и сам дом – внушительное по размерам угловое здание в два этажа, приобретшее известность как «доходный дом Христофорова». После Октябрьской революции 1917 г. хозяева (дети Г. Н. Христофорова) вынуждены были оставить дом. В начале 1920-х гг. зда-

ние было муниципализировано; чуть позже, в период с 1924 по 1931 г., здесь функционировал Крымский татарский (Тотайкойский) педагогический техникум.

Помимо здания бывшего Дома Христофорова, в 1935 г. Крымскому сельхозинституту было полностью передано хозяйство «Салгирка» (бывшая усадьба графа М. С. Воронцова), а в 1937 г., после ликвидации Высшей коммунистической школы, – и учебное хозяйство «Возрождение».

В 1938 г. в Крымском сельхозинституте было открыто заочное отделение, введены в эксплуатацию студенческое общежитие и столовая. В те же годы в вузе была открыта и аспирантура.

В предвоенное десятилетие вузом руководили директора А. Аджиумеров, В. М. Габилев, А. А. Акимов, И. М. Череп, В. А. Кудрявцев. Что касается профессорско-преподавательских кадров, в вузе работали как профессорский состав двадцатых годов –

Н. П. Клепинин, С. Л. Стрелин, М. Ф. Щербаков, П. Т. Болгарев, так и преподаватели, пришедшие в вуз в 1930-е гг.: В. А. Колесников, П. М. Христюк, П. И. Богдан, И. П. Сарахов, С. К. Чаянов, А. И. Павлов, Л. М. Ро (лауреат Государственной премии), Н. И. Дубровский и др. Многих из этих известных ученых-педагогов можно видеть на вузовских виньетках 1936 и 1937 гг., помещенных в данной статье.

Весьма интенсивное развитие института в 1930-е гг. было прервано Великой Отечественной войной. С ее началом более 600 студентов и сотрудников были мобилизованы в армию и отправлены на фронт. Сам же вуз, с приближением боевых действий к

Крыму, был эвакуирован в г. Кировобад, на базу Азербайджанского сельхозинститута.

После освобождения полуострова Крымский сельскохозяйственный институт им. М. И. Калинина вернулся на прежнюю базу в Симферополе и продолжил свою деятельность (с июля 1944 года). В 1965 г. он перебазировался на территорию учебно-опытного хозяйства «Коммунар» в окрестностях Симферополя, где впоследствии был построен поселок Аграрное.

За последние десятилетия вуз несколько раз реорганизовывался и менял названия. Ныне это Академия биоресурсов и природопользования КФУ им. В. И. Вернадского.

Говоря о месте Крымского сельхозинститута в истории крымскотатарского высшего образования, необходимо отметить, что институт воссоздавался в контексте политики т. н. коренизации (или «татаризации»), проводившейся в Крыму в 1920–1930-х годах. Целью указанной политики было максимальное привлечение в народное хозяйство республики представителей коренного народа полуострова (жившего к тому же в основном в сельских районах), а также представителей национальных меньшинств Крымской АССР. В соответствии с этим, одной из основных задач Крымского сельхозинститута была подготовка кадров прежде всего из среды крымских татар и представителей нацменьшинств. Это многократно отмечалось в многочисленных партийных директивах, различных управленческих и экономических отчетах, материалах прессы и т. д.

Так, в статье «Крымский институт спецкультур и подготовка кадров», опубликованной в январе 1932 г. в крымском партийном журнале «Большевик ёлу» («Большевицкий путь»), первый директор Крымского сельхозинститута Асан Аджиумеров особо

г. Симферополь. Бывший Дом Г. Н. Христофорова. Фото 2-й пол. XX в.

акцентировал внимание на принципах национальной политики советского государства в области высшего образования, в результате чего, в частности, из принятых в 1931 г. на учебу в Крымский сельхозинститут 118 человек 49% составляли крымские татары и еще 33% – представители нацменьшинств [14, с. 32].

Добавим, что на 1934/35 учебный год был утвержден общий контингент набора на 1-й курс с еще большим процентом крымских татар: было запланировано принять на учебу 125 человек, из них не менее 65% должны были составлять крымские татары [6, с. 28].

С целью увеличения численности крымских татар в составе студентов вуза специально для них при институте было открыто подготовительное отделение на 30 человек. Это решение снимало также проблему плохого знания русского языка некоторыми абитуриентами.

Принятые меры по привлечению крымскотатарской молодежи в сельскохозяйственный институт приносили соответствующие результаты. Так, например, в 1934 г. в вузе насчитывалось крымских татар 50% от общего количества студентов [там же, с. 29].

В 1936 г. состоялся первый выпуск специалистов института: дипломы получил 71 человек, из которых 28, т. е. 40% были крым-

Первый директор Крымского института специальных культур (позже – Крымского сельхозинститута им. М. И. Калинина) Асан Аджиумеров (? – ?). Фото с виньетки 1936 г.

*Вели Габилев (1898–1945)
Фото с виньетки 1936 г.*

скими татарами (по меньшей мере, 21 из них можно видеть на виньетке выпускников этого года, см.) [там же].

Однако во второй половине 1930-х гг. процент крымскотатарского студенчества в вузе стал уменьшаться. В период

же репрессий 1937–1939 гг. он и вовсе упал до считанных процентов. Так, в 1937–1938 гг. вуз принял на обучение 77 человек, из них лишь восемь были крымскими татарами. Всего же в этом году в вузе училось 405 человек, из которых лишь 65 (16,2%) были крымскими татарами [там же].

Политические репрессии конца 1930-х гг. не обошли стороной и Крымский сельхозинститут. Отзвуки соответствующих событий хорошо прослеживаются в архивных материалах, касающихся истории функционирования вуза. Так, 28 апреля 1937 г. в рамках одного «следственного дела» был арестован ряд крымских татар – педагогов и студентов института: преподаватели химии Якуб Аблямитов (см. ниже) и Зубеир Байрамов (см. ниже), студенты Аметов Аким (1910 г. р., м. р. Балаклавский р-н) [11, с. 93] и Бекиров Энвер Эмирович (1914 г. р., м. р. Бахчисарайский р-н) [там же, с. 116]. Решением суда Я. Аблямитов был осужден и расстрелян 17 апреля 1938 г., остальные трое были освобождены «за недоказанностью обвинения». И надо полагать, это были не единственные жертвы т. н. «Большого террора» из числа крымскотатарских студентов и сотрудников Крымского сельхозинститута.

Несмотря на весьма значительное уменьшение количества крымскотатарских студентов в вузе в конце 1930-х гг., можно с уверенностью говорить о том, что в период 1931–1941 гг. Крымский сельхозинститут был наиболее значительной кузницей крымскотатарских сельскохозяйственных кадров в Крыму (в 1930-е гг. на полуострове существовала также Высшая коммунистическая школа сельского хозяйства (в г. Симферополе), а также несколько крымскотатарских сельскохозяйственных техникумов). За десять предвоенных лет в вузе получили образование сотни крымскотатарских юношей и девушек, активно влившихся в народное хозяйство республики и преданно служивших избранной профессии в течение многих десятилетий.

Говоря о руководстве Крымского сельскохозяйственного института, необходимо отметить, что первыми тремя директорами учебного заведения были крымские татары (фотографии всех троих можно видеть на виньетке 1936 г.). К сожалению, сведения о них в настоящее время достаточно ограничены.

Так, первым директором института был **Асан Джелилович Аджиумеров (?–?)**. Помимо работы в сельхозинституте, он преподавал историю и географию в Крымском пединституте им. М. В. Фрунзе и Симферопольской партийной школе. Позже участвовал в Великой Отечественной войне [4, с. 52]. В 1972 г. А. Дж. Аджиумеров присутствовал на 40-летнем юбилее института в Симферополе [2].

Вторым директором вуза был **Вели Муратович Аби-лев (Габилев, 1898–1945)**. Он получил образование в сельской школе, в 1914–1919 гг. учительствовал в селах Мырзабек и Баим Евпаторийского уезда, в 1920–1923 гг. учился в Комвузе в Москве, по возвращении работал в Наркомпросе, был директором Крымского татарского (Тотайкойского) педтехникума, много публиковался в местной печати. В эти годы проявился и литературный талант В. Абилева, его пьесы ставились на сцене Крымского государственного татарского драматического театра в Симферополе. В 1928 г. он поступил в Ленинградский институт политпросвета им. Крупской, после окончания которого был назначен директором Крымского сельхозинститута. Известно также, что во второй половине 1930-х гг. он некоторое время исполнял обязанности редактора газеты «Янъы дюнъя» («Новый мир»).

В. Абилев стал жертвой политических репрессий конца 1930-х годов. Он был арестован 18 сентября 1937 г., обвинялся по ст. 58-6, 10, 11 УК РСФСР как «член контрреволюционной миллифирковской организации», 14 августа 1938 г. был осужден к восьми годам исправительно-трудовых лагерей. Однако вернуться в Крым В. Абилеву было не суждено: в 1945 г. он погиб в тюрьме [5, с. 14; 11, с. 251].

О третьем директоре – **Ариф Акимовиче Акимове**, которого можно видеть на виньетках и 1936, и 1937 гг. (с.м.), сведения в настоящее время практически отсутствуют. Известны лишь отдельные его публикации в журнале «Окув ишлери» («Проблемы образования») за 1926 и 1927 гг., а также то, что в 1937 г. он был назначен директором новосозданного Крымского государственного татарского театра оперы и балета [13, с. 46].

Также весьма недостаточны в настоящее время сведения и о крымскотатарских преподавателях вуза. Судя по архивным материалам, из 52 преподавателей института в 1934 г. 10% составляли крымские татары [6, с. 28]. Одним из них был молодой ученый-химик **Якуб Меметович Аблямитов (1900–1938)**. Он родился в 1900 г. в дер. Бешкуртка Сейтлерского р-на, в середине 1930-х гг. работал в сельхозинституте в должности ассистента кафедры земледелия. В конце 1930-х гг. Я. Аблямитов стал жертвой репрессий: 28 апреля 1937 г. был арестован и через год расстрелян в трагический для крымскотатарской культуры день – 17 апреля 1938 г. (впоследствии был реабилитирован «за отсутствием состава преступления») [5, с. 15].

Зубеир Меджитович Байрамов также был преподавателем химии. Родился он в 1906 г. в Феодосии, окончил Крымский татарский (Тотайкойский) педагогический тех-

*Ариф Акимович Акимов (?– ?).
Фото с виньетки 1937 г.*

*Якуб Меметович Аблямитов
(1900–1938)*

никум. С 1930 по 1934 г. учился в Ленинградском педагогическом институте (по материалам следствия: в ЛГУ) на химическом факультете. Был арестован 28 апреля 1937 г., обвинялся по ст. 58-10 УК РСФСР как «член контрреволюционной националистической организации».

1-й выпуск Крымского сельхозинститута им. М. И. Калинина. 1936 г. В верхнем ряду, в центре – директор А. Акимов, второй слева – первый директор А. Аджумеров, второй справа – второй директор В. Габилев. Выпускники – крымские татары: У.[?] Абибуллаева, А.[?] Меметов, Д.[?] Меджитов, Г. Османова, Меметов, Д. Асанова, М. Ишниязова, Я. Алиев, Ш. Мамутов, А. З. Мурзаев, З. Касимова, З. Шукуров, Д. Асанов, Р. Апазов, Ибраимова, Арсланов, Ш. Сулейманов, А. Акимов, С. С. Алиев, А. Усеинов, Э. Сейдаметов. Из архива Э. Абибуллаева.

23 февраля 1938 г. З. Байрамов был освобожден из-под стражи за недоказанностью обвинения [11, с. 93]. После этого он вместе с супругой – молодым ученым-биологом Урие Азизовой покинул Крым и поступил в аспирантуру Московского пединститута. С началом войны З. Байрамов ушел добровольцем на фронт, 4 октября 1941 г. погиб в бою под селом Уварово (г. Ельня, Смоленская обл.) [8].

Во второй половине 1930-х гг. среди выпускников – крымских татар появились и первые вузовские аспиранты. Так, газета «Кызыл Крым» в номере за 5 января 1939 г. сообщала, что аспирант Крымского сельхозинститута **Р. Аппазов** (присутствует на вивьютке 1936 г. – Н.А.) готовится к защите дис-

сертации на соискание степени кандидата сельскохозяйственных наук [7, с. 223].

Что же касается крымскотатарских студентов и выпускников Крымского сельхозинститута, то среди них мы видим, в частности, целый ряд имен, получивших известность как на профессиональном поприще, так и активным участием в общественной жизни. Ниже будут даны краткие сведения о некоторых из них.

Бекир Османов родился в 1911 г. в д. Буюк-Озенбаш (ныне с. Счастлиное Бахчисарайского р-на) в семье преподавателя местного медресе – Османа-эфенди. Учился в начальной школе, далее – в сельскохозяйственной школе «Чаир» и табаководческом техникуме в Ялте. В 1937 г. окончил Крым-

ский сельхозинститут, где встретился со своей будущей супругой – Марией Гущинской, ставшей его верным другом и соратницей. После института работал в с. Буюк-Каралез, а также на Топлинской селекционной станции.

Всю войну Б. Османов прошел разведчиком Центрального штаба партизанского движения Крыма, заслужил поистине легендарную славу (впоследствии на основе своих воспоминаний он напишет талантливую повесть «Боевые будни партизанского отряда»). После освобождения Крыма был назначен на должность первого заместителя наркома Крымской АССР по сельскому хозяйству.

Позже, в годы высылки, Б. Османов за-

рекомендовал себя как высокопрофессиональный агроном широкого профиля (виноградарство, табаководство, плодоовощеводство, виноделие). Сортоиспытательный участок, где он работал, находился в подчинении Министерства сельского хозяйства СССР и всегда демонстрировал высокие результаты. Приказом Министерства сельского хозяйства СССР от 17 августа 1976 г. Б. Османов был признан автором сортов груш «Гаврическая», «Золотистая», «Отечественная» и «Десертная» с выдачей авторских свидетельств.

Помимо профессиональных достижений, Б. Османов был весьма активен и в общественной жизни. Он является одним из основателей национального движения крым-

2-й выпуск Крымского сельскохозяйственного института им. М. И. Калинина. 1937 г. В верхнем ряду, в центре – директор А. Акимов. Выпускники – крымские татары: Б. Османов, А. А. Самединов, Л.[?] Ибраимов, Р. У. Арабаджи, М. Ф. Ширинская, Х. Асанова, Немитуллаева, М. А. Мазина, Музафаров, А. М. Языджи, У. Злюфаров, Ф. Аблаев, А. Халидов, С. Бекиров, З. Абдураман, Умерова, Рустемов, А. Меразимов[?], Ф. Курт-Саитова, А. Сеттаров, Канеева, Ф. Рессулев, У. Кендже, Адильшаев, Темирова[?]. Из архива Т. Османовой-Ткаченко.

Бекир Османов (1911–1983)

Умер Злюфаров (1913–1990)

ских татар за возвращение на историческую родину и восстановление поправленных прав, ему принадлежит авторство ряда фундаментальных документов национального движения и т. д. Б. Османов обладал и недюжинным литературным талантом, что продемонстрировали его воспоминания о родной деревне Буюк-Озенбаш [10]. Любовь к родине он передал своим детям, его сын Юрий стал известным деятелем крымскотатарского национального движения. Умер Б. Османов в 1983 г. в Крыму. В 2000 г. на его родине, в деревне Буюк-Озенбаш в его честь был установлен памятный знак.

Умер Злюфаров родился в 1913 г. в с. Кучюк-Озенбаш (ныне Многогоречье Бахчисарайского р-на). После сельской школы, как и Б. Османов, поступил в сельскохозяйственную школу «Чаир» под Ялтой, по окончании которой работал окультуривщиком в питомнике по выращиванию фруктовых деревьев в Симферополе. Позже учился в Карасубазарском плодоовощном техникуме, а в 1932–1937 гг. – на факультете виноградарства и виноделия Крымского сельхозинститута. По окончании вуза работал по специальности в Судак. В 1937–1939 гг. служил в армии. В 1940 г. был назначен на должность главного винодела легендарного завода «Масандра». С началом войны был мобилизован в армию, в звании гвардии лейтенанта прошел с боями Украину, Болгарию, Венгрию и Австрию, неоднократно был ранен, удостоился многочисленных боевых наград. В годы депортации, с 1946 по 1949 г. У. Злюфаров работал на Киргизской плодоовощной станции заведующим химико-технологической лабораторией, а с 1949 по 1962 г. – главным виноделом на Киргизском шампанвинкомбинате. В 1952 г. был награжден знаками «Отличник пищевой промышленности СССР» и «Отличник Совнархоза Киргизской ССР». В 1958 г. за успехи в народном хозяйстве был удостоен Большой серебряной медали ВДНХ СССР, а шампанвинкомбинат Киргизской ССР на дегустации шампанских вин среди европейских государств в Будапеште за его «Киргизское сухое шампанское» полу-

Студенты Крымского сельхозинститута им. М. И. Калинина. В первом ряду, четвертый справа – Абдураман Сеттаров (выпуск 1936 г.).

чил Большую Золотую медаль. В 1968 г. У. Злюфаров одним из первых среди крымских татар вернулся с семьей в Крым, в Симферополь, с большими сложностями сумел здесь прописаться и устроиться на работу, и еще десять лет проработать по специальности [2; 12].

Эдем Алиев родился в 1919 году. Будучи студентом Крымского сельхозинститута, в 1941 г. ушел на фронт, в звании старшего лейтенанта и в должности командира артиллерийской батареи участвовал в Керченском десанте, в боях за Харьков и Полтаву, форсировании Днепра, Яско-Кишиневской операции, освобождении Румынии и Венгрии. За боевые заслуги был удостоен многих наград. В послевоенный период долгие годы работал на ниве народного хозяйства, был награжден орденом «Знак Почета», за вклад в изучение проблем агрохимической и промышленной гидропоники удостоился одной золотой и двух серебряных медалей на Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства СССР [3, с. 208–209].

Велиулла Музаффаров окончил Крымский сельхозинститут в 1937 г., после чего работал главным агрономом в Судакском и Карасубазарском районах. Прошел войну в звании лейтенанта, командовал взводом в Прибалтике, на 2-м и 3-м Белорусских фронтах, был неоднократно ранен, награжден многочисленными орденами и медалями. В послевоенное время работал агрономом и главным агрономом в ряде хозяйств под Ташкентом, неоднократно избирался поселковым и районным депутатом [там же, с. 326–327].

Шемшедин Сеитаблаев родился в 1914 году. После завершения учебы в Крымском сельхозинституте прошел краткосрочные курсы при интендантской академии. С началом войны в звании лейтенанта интендантской службы воевал на Западном, Воронежском и 1-м Украинском фронтах, дошел до Берлина, был ранен, удостоился наград [там же, с. 346].

Возвращаясь к зданию бывшего Дома Христофорова, добавим, что в настоящее

время оно занято под частное жилье, магазины и офисы различных учреждений. Согласно решению Крымского облисполкома от 15.01.1980 г. (№ 16) и Приказу Министерства культуры и туризма Украины

от 24.09.2008 г. (№ 1001/0/16-08) бывший Доходный дом Г.Н. Христофорова признан памятником истории г. Симферополя (учетный № 153-АР).

Список использованных источников и литературы

1. **Архив** документов и фотоматериалов М. И. Баясанова. – Личный архив Р. Баясана.
2. **Белялова Н.** Мастер вкуса винодел Умер // Голос Крыма. – 2013. – 29 марта.
3. **Велиев А.** Боевые офицеры. Т. 2 / пер. с крымскотат. Э. Велиевой. – Симферополь, 2013. – 404 с.
4. **Велиев А.** Муаребе аскерлери: кырымтатарлар Экинджи донья дженкинде. Т. 3. – Симферополь, 2011. – 478 с.: фото.
5. **Деятели** крымскотатарской культуры (1921–1944 гг.): биобиблиографический словарь / гл. ред. и сост. Д. П. Урсу. – Симферополь: Доля, 1999. – 240 с.
6. **Змерзлый Б. В.** Привлечение крымских татар в вузы Крымской АССР в 1920–1930-х годах // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 52, Т. 1. – С. 26–30
7. **Керим И. А.** Библиографический указатель печатных книг, статей и произведений на крымскотатарском языке: 1618–1944 гг. – Симферополь, 2009. – 324 с
8. **Курбединова А.** Урие Азизова – исследователь лекарственных растений Крыма // Голос Крыма. – 2010. – 2 июля.
9. **Образование и педагогическая мысль Крыма:** [в 2 т.] Т. II: XX – начало XXI столетия / под ред. А. В. Глузмана, Л. И. Редькиной. – Киев: Знания Украины, 2008. – 359 с.
10. **Османов Б., Османов Ю.** «Не о спокойной жизни мы мечтали...». – Симферополь, 2001. – 192 с.
11. **Реабилитированные историей.** Автономная Республика Крым: Кн. 8. – Киев, 2014. – 448 с.
12. **Сулейманова Г.** Дорогами войны и возвращения // Голос Крыма. – 2016. – 13 мая.
13. **Урсу Д. П.** Национальная культура в системе тоталитарного государства (на примере Крымской АССР) // Очерки истории культуры крымскотатарского народа (1921–1941). – Симферополь, 1999. – С. 13–47.
14. **Аджиумеров А.** Кырым спецкультура институты ве кадр хазырлав // Большевик ёлу. – 1932. – № 24(28). – С. 32–33.

Н. Абдульвапов

**КРЫМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТАТАРСКИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР.**
Крымский татарский
театрально-музыкальный техникум
ул. Пушкина, 15

г. Симферополь. Бывший Театр Таврического дворянства, позже – Крымский государственный драматический театр им. М. Горького, ныне – Крымский академический русский драматический театр им. М. Горького. В этом здании в 1920–1940-х годах, наряду с театром русской драмы, размещался и Крымский государственный татарский драматический театр. Здесь же 1930-е гг. работал Крымский татарский музыкально-театральный техникум. Фото 2018 г.

Одной из наиболее ярких страниц истории крымскотатарской культуры периода Крымской АССР явилась деятельность Крымскотатарского государственного драматического театра (точное название: Крымский государственный татарский драматический театр). С 1923 по 1944 гг. данный театр делил одну сцену с театром русской драмы, размещаясь в здании Крымского государственного драматического театра им. М. Горького по адресу: ул. Пушкина, 15 (бывший Театр Таврического дворянства, ныне – ГБУ РК «Крымский академический русский драматический театр имени М. Горького»). В этом же здании в 1930-е гг. работал и Крымский татарский театрально-музыкальный техникум.

Крымский государственный татарский драматический театр был учрежден в Симферополе постановлением КрымЦИК от 15 октября 1923 года. До этого начиная с 1880-х гг. в различных городах Крыма существовали любительские

крымскотатарские театральные коллективы, часть из которых с установлением Советской власти получила государственную поддержку.

На должность главного режиссера Крымского государственного татарского театра был приглашен один из наиболее талантливых крымскотатарских артистов – актер и режиссер, юрист по образованию Джелял Меинов, его помощником стал молодой представитель театральной школы Казани Джелял Байкин. В первую театральную труппу вошли как уже известные актеры: Умер Ипчи (известный поэт и писатель), Айше Тайганская, Асан Чергеев (поэт), Эмине Челебиева и др., так и молодые, например, Ибраим Халилев [12, с. 208]. В качестве балетмейстера театра был приглашен известный танцовщик Хайри Эмир-заде [16, с. 16–17]. Первым директором был назначен У. Ипчи.

Еще до официального открытия крымскотатарского театра встал вопрос обеспечения

*Слева направо:
О. Акчокраклы,
Дж. Меинов,
А. Рефатов,
У. Боданинский.
1920-е гг.*

его собственной сценой. Рассматривались различные варианты. Один из них предусматривал предоставление крымскотатарскому театру здания бывшей гостиницы «Метрополь» по адресу ул. Пушкина, 8 (на тот момент – Клуб Красной Армии; ныне Гарнизонный Дом офицеров). Известно, в частности, что именно здесь в сентябре 1923 г. состоялась премьера первой крымскотатарской оперы «Чора-Батыр» (автор музыки – А. Рефатов, либретто – О. Акчокраклы, консультант – У. Боданинский)

Однако сцена бывшего «Метрополя» не соответствовала необходимым условиям для полноценной работы большого творческого коллектива. В результате крымскотатарский театр начал свою деятельность в здании бывшего Театра Таврического дворянства, на ул. Пушкина, 15, вместе с труппой русского театра¹.

¹ Постановки крымскотатарского театра в помещении Клуба Красной Армии имели место в 1927 г. Согласно крымскотатарской прессе того времени, спектакли крымскотатарской труппы происходили дважды в неделю – по одному разу в зданиях Крымского государственного драматического театра и Клуба Красной Армии. Однако такое положение не удовлетворяло общественность и специалистов, которые предлагали вернуть «прежнюю» практику, в частности, 1924–1926-х годов, когда постановки

Одновременно на повестку дня был поставлен вопрос строительства нового, собственного здания. Однако на протяжении многих лет никаких практических действий в этом направлении предпринято не было.

В начале 1930-х гг. дело, казалось, сдвинулось с места. 20 мая 1933 г. Президиумом КрымЦИКа было принято постановление, согласно которому ставилась задача:

«1. Определить место постройки татарского театра в Симферополе, на участке между кинотеатром «Большевик» (ныне кинотеатр им. Шевченко. – Р. А.) и 1-й Гостипографией по ул. Советской (ныне ул. Горького. – Н. А.).

2. Предложить Симферопольскому горсовету совместно с Народным комиссариатом коммунального хозяйства и Народным комиссариатом просвещения в месячный срок представить эскиз и не позднее трех месяцев – проект и смету постройки театра.

3. Приурочить открытие театра к годовщине освобождения Крыма – к 14 ноября 1934 года.

4. Обязать Госплан КрымАССР приурочить строительство театра по снабжению де-

в городе происходили раз в неделю – в здании Государственного драматического театра на ул. Пушкина, 15. При этом второй спектакль в неделю предлагалось давать в различных городах и селах Крыма [16, с. 160–162].

фицитными материалами к ударной стройке.

К работе по строительству привлечь архитектора Ковальского, главного режиссера Бертельса, директора Шейх-заде, заведующего Татарским клубом Ахметову. <...>» [1, с. 151–152].

Однако и данный план реализован не был. В 1934 г. по инициативе председателя КрымЦИК И. Тархана вопрос строительства лишь удалось согласовать с Москвой, тогда же было объявлено и о новой дате торжественного открытия театра – к 15-летию установления Советской власти в Крыму, т. е. в октябре 1936 г. [11, с. 323].

Впрочем, начало строительства было отложено и на этот раз. Лишь в 1936 г. Совнарком Крымской АССР сумел выделить первые 500 тыс. рублей для начала работ.

В 1937 г. работы по строительству здания для крымскотатарского театра начались, однако продолжились они лишь до февраля следующего года. Обстоятельства дела проясняет текст обращения правительства Крымской АССР к председателю правительства РСФСР Н. Булганину, подписанное председателем Совнаркома Крымской АССР М. И. Ибраимовым и управляющим делами СНК Крыма М. Лоссовским. Данное обращение интересно тем, что содержит конкретные сведения о практических шагах по началу строительства здания театра:

«Строительство Татарского театра в г. Симферополе было начато в 1937 году и продолжалось до 19 февраля 1938 года. С указанного числа работы по строительству театра приостановились из-за отсутствия лимитов на 1938 год.

На день прекращения работ с начала строительства выполнено следующее:

- а) подготовительные работы и освоение участка – на сумму 188,5 тыс.;
- б) проектно-сметные работы – 90,0 тыс.;
- в) земляные и каменные работы – 469,0 тыс.;
- г) заготовлено стройматериалов – 200,0 тыс..

В том числе с 1 января с/г в счет лимита 1938 года (из расчета ассигнований 4-го квартала 1937 года) строительство было профинансировано и выполнено работ на сумму 148,0 тыс. руб. <...>» [11, с. 323].

Далее в документе правительство просило утвердить лимит на 1938 год.

Судя по всему, реакции на данное обращение не последовало, поскольку известно финансирование проекта продолжено не было, и стройка остановилась.

Ныне в распоряжении исследователей имеется эскиз здания крымскотатарского театра, датированный 1937 г. По некоторым сведениям, над данным проектом работала груп-

г. Симферополь, ул. Пушкина, 8. Бывшая гостиница и театр «Метрополь», в 20–30-е гг. XX в. – Дом просвещения и искусств, 2-й Советский театр, Дом Красной Армии имени Красных героев Перекopa, ныне – Гарнизонный Дом офицеров.

Проект Крымскотатарского государственного драматического театра в г. Симферополе. 1937 г.

па архитекторов под руководством известного архитектора, академика А. В. Щусева.

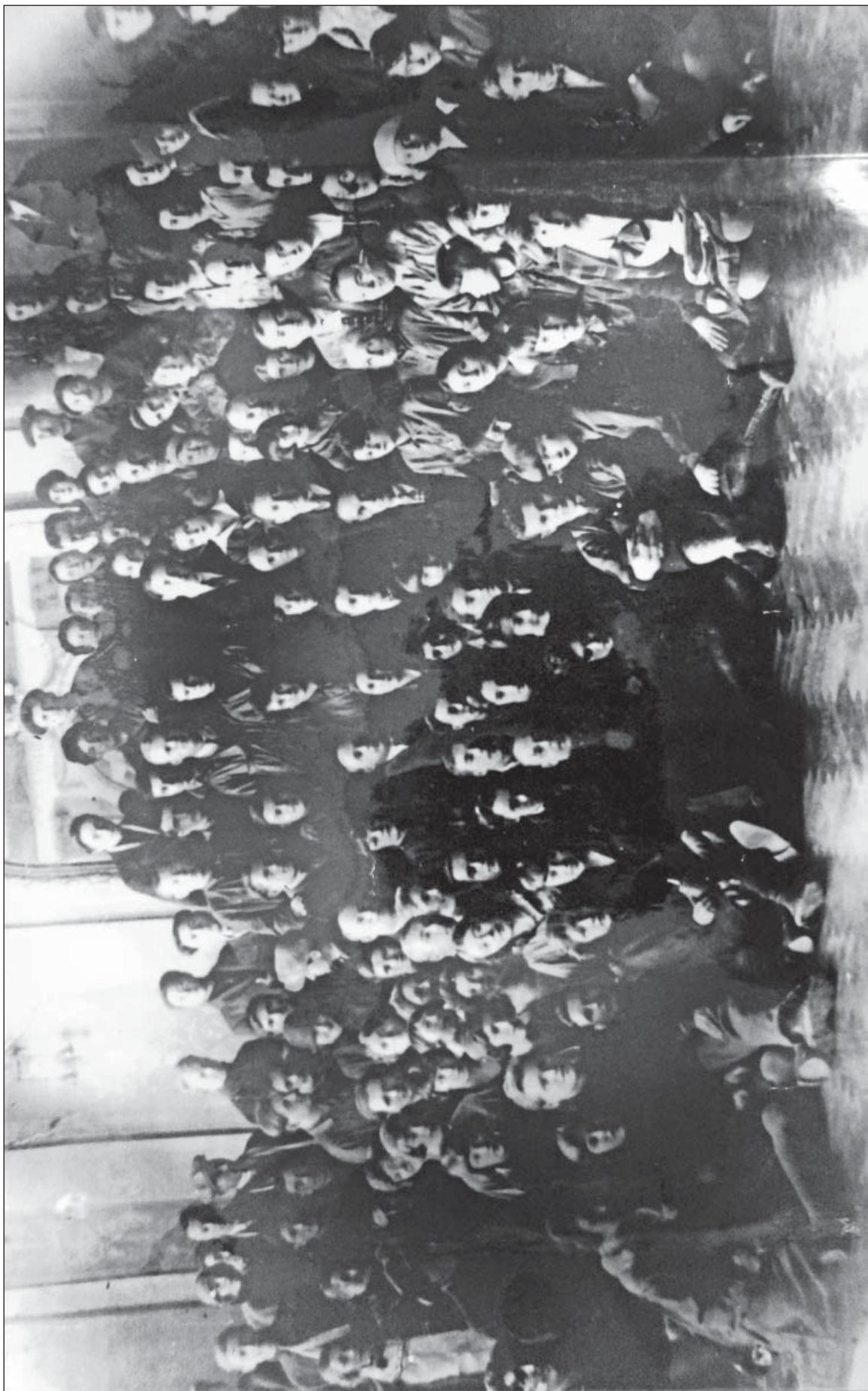
Таким образом, проект строительства собственного здания для крымскотатарского драматического театра так и не был реализован. В итоге вплоть до 18 мая 1944 г. (день насильственного выселения крымских татар

с исторической родины) крымскотатарская труппа продолжала работать на сцене Крымского государственного драматического театра им. Горького вместе с русской труппой.

Театр русской драмы в Симферополе возник в 1821 г. С 1888 г. он именовался Симферопольским Дворянским, впо-

г. Симферополь. Театр Таврического дворянства (позже – Крымский государственный драматический театр им. Горького). Открытка нач. XX в. 14 октября 1918 г. в этом здании прошло торжественное открытие Таврического университета (с приветственным словом выступил премьер-министр Крымского краевого правительства М. А. Сулькевич). 7–11 ноября 1921 г. здесь же проходил Первый Всекрымский учредительный съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и флотских депутатов, принявший Конституцию Крымской ССР.

Коллективы русского и крымскотатарского театров в зеркальном фойе Крымского государственного драматического театра им. М. Горького. Сезон 1928/29 гг. Фото: Ю. И. Вилейкис.

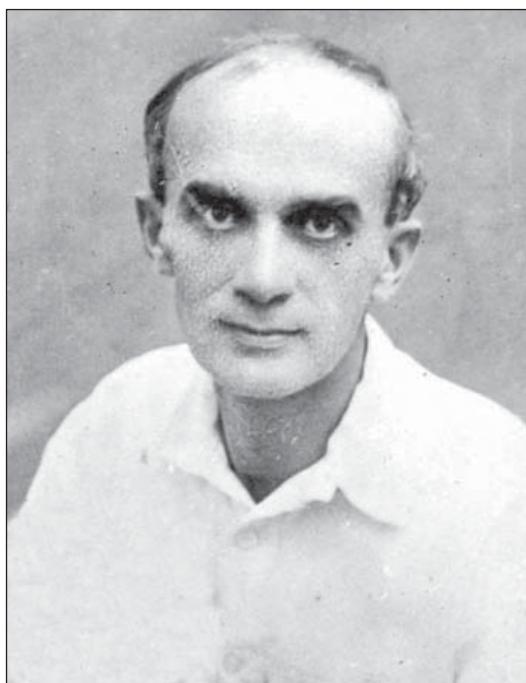

Умер Инчи (1897–1955)

следствии – Театром Таврического дворянства. В 1920 г. он был переименован в 1-й Советский театр, с 1921 по 1931 г. существовал как Крымский государственный драматический театр, а 20 сентября 1932 г., в ознаменование 40-летнего юбилея литературной и общественной деятельности М. Горького, он был назван Крымским государственным драматическим театром им. М. Горького. На этом изменения в названии театра не закончились. В 1942–1944 гг. – это Симферопольский русский театр драмы и комедии, в 1946–1954 гг. – Крымский областной драматический театр им. А. М. Горького, в 1960–1968 гг. – Крымский русский драматический театр им. М. Горького, в 1968–1978 гг. – Крымский государственный русский драматический театр им. М. Горького, в 1979–2014 гг. – Крымский академический русский драматический театр им. М. Горького, с 2014 г. – ГБУ РК «Крымский академический театр имени М. Горького», с 2016 г. – ГБУ РК «Крымский академический русский драматический театр имени М. Горького».

Говоря о помещении театра, известно, что здание первого крымского театра не сохранилось. На его месте ныне располагается один из корпусов нового театра, возведенный в период строительно-реставрационных работ 1979–1995 гг. Основное же здание современного театра было построено в 1911 г. по проекту академика архитектуры А. Н. Бекетова [3, с. 162–175]. Здание выполнено в стиле неоклассицизма с элементами стиля модерн. Фронтон и портик его богато украшены скульптурой (фигуры Аполлона Мусагета, Мельпомены, львов-грифонов, бюсты), зрительный зал и фойе – лепниной и росписью, мраморные лестницы – бронзовыми скульптурными изображениями рыцарей. Скульптор – О. И. Якобс.

С симферопольским драматическим театром связана деятельность ряда выдающихся режиссеров и актеров. Здесь выступали легендарный русский актер М. С. Щепкин, основатели украинского театра М. Л. Кропивницкий, Н. К. Садовский, М. К. Заньковецкая, выдающийся американский актер-трагик Айра Олдридж. Здесь проходили гастрели Ф. П. Горева, П. А. Стрепетовой, П. Н. Орленева, братьев Адельгейм, М. Г. Савиной, труппы Московского Художественного театра с чеховскими спектаклями. На сцене симферопольского театра начинали свой творческий путь М. И. Царёв,

Джелял Меинов (1881–1938)

Ф. Г. Раневская, Н. Соснин, В. В. Кенигсон, Д. Н. Журавлёв, М. М. Названов, А. Голобородько, блистали А. Переговец (заслуженная артистка Крымской АССР, в период 1930–нач. 1940-х гг. сыграла на сцене театра десятки ролей), А. Добкевич, Я. Смоленский, Л. Риттер, М. Куликовский и др. В сезоне 1925/26 гг. музыкальной частью театра руководил И. О. Дунаевский.

Главными режиссерами театра в период 1923–1944 гг. были П. А. Рудин (заслуженный артист КрАССР), Р. А. Унгерн, Я. А. Варшавский, Б. А. Бертельс (заслуженный артист КрАССР), П. А. Полевой (заслуженный артист КрАССР), З. М. Славянова (заслуженная артистка РСФСР), Б. В. Харламов, Л. М. Эльстон (заслуженный артист РСФСР, заслуженный деятель искусств Крымской АССР).

Именно с этими известными режиссерами и артистами в течение двух десятилетий делили одну сцену выдающиеся театральные мастера из состава крымскотатарской труппы, вернее – Крымского государственного татарского драматического театра. В 1920–1940-х гг. под руководством режиссеров Дж. Меинова, У. Ипчи, У. Девишева, И. Халилева, С. Джетере, Е. А. Бегак, Г. Исмагилова и др. на сцене Крымского государственного драматического театра были поставлены сотни спектаклей – как крымскотатарских авторов (У. Ипчи, Дж. Меинов, С.-А. Озенбашлы, О. Акчокраклы, Ю. Болат, Р. Тынчеров, А. Тайганская, М. Нузет, М. Бекиров, С. Абдуллаев, И. Грабов, К. Усеинов, А. Лятиф-заде, Я. Н. Байбуртлы, Х. Гурджу, И. Тархан, И. Аппазов, У. Сами, В. Абилов, А. Алим, А. Пармаксыз, С. Джетере, А. Алтанлы, И. Бахшиш и др.), так и европейских (Шекспир, Мольер, Лопе де Вега, К. Гольдони, Бомарше, Шиллер, К. Гоцци, Г. Хейерманс и др.), русских (Н. Гоголь, А. Н. Островский и др.) и советских (М. Горький, К. Тренев, А. Корнейчук, В. Вишневский, В. Киршон, В. Иванов, А. Афиногенов, Б. Лавренев, Д. Фурманов, Н. Погодин, Ю. Яновский и др.) драматургов. Особое место в репертуаре театра занимали произведения авторов из национальных республик – татарских,

Хайри Эмир-заде (1893–1958)

азербайджанских, узбекских, грузинских, армянских и др. драматургов первой половины XX в. (К. Тинчурин, З. Фатхуллин, А. Кутуй, У. Гаджибеков, Дж. Джабарлы, А. Шаиг, Ф. Бурнаш, Г. Мдивани, А. Ширванзаде, Ш. Дадиани, Т. Гиззат и др.) [15, с. 22–47].

При этом все произведения не крымскотатарских авторов ставились, в том числе, и на крымскотатарском языке, для чего осуществлялись соответствующие переводы. В этой области плодотворно работал целый ряд крымскотатарских литераторов (А. Алим, Э. Шемьи-заде и др.), особо активен был Умер Ипчи [там же, с. 45].

В спектаклях крымскотатарского театра принимали участие актеры, составившие цвет крымскотатарского театрального искусства тех лет: Айше Тайганская, Эмирамет и Билял Париковы, Хайри Эмир-заде, Саре Байкина, Халид Гурджи, Эмине Челебиева, Ава Клычева, Ибадулла Грабов, Эмине Фейзуллаева, Магинур Ишниязова-Мустафаева, Айше Пармаксызова, Усеин Баккал (выдающийся танцор, балетмейстер, участник I Всемирного фестиваля народного творчества во Франкфурте-на-Майне (Германия)

Хайри Эмир-заде в роли Алима Азамат-оглу в художественном фильме «Алим». (1926 г., Ялтинская киностудия, режиссер Г. Тасин)

в 1927 г. (1-е место)), Сервер Джетере (выпускник Государственного института театрального искусства им. А. В. Луначарского (ГИТИС, Москва), режиссер, драматург), Али Теминдар (также выпускник ГИТИСа, режиссер), Гани Мурадов (режиссер, драматург), Асан Ногаев, Сейтхалиль Османов (актер и режиссер), Джумазие Трупчу, Нурие Джетере (участница и победительница конкурсов танцовщиц в Москве и Ростове), Асан Джелялов (еще один выпускник ГИТИСа), Эгдем Ниметулла, Зоре Билялова, Ибраим Халилев, Мурат Измайлов, Айше Диттанова, Мерьем Ибраимова, Рейан Арифова, Фатъма Аметова, Рефат Челебиев, Асие Эмир-заде, Гани Мурад, Абдураман Джелилов, Сание Налбандова, Айше Менаметова и др. Благодаря их таланту крымскотатарский театр получил известность не только в Крыму, но и далеко за его пределами.

В 1923 г. артист театра, выдающийся актер и танцор Хайри Эмир-заде впервые в истории автономии был удостоен звания народного артиста Крымской АССР. Хайри Османович Эмир-заде (1893–1958) родился в дер. Дереккой (ныне в черте Ялты) Ялтинского уезда. Начальное образование получил в Ялте, позже учился живописи в Петербурге, шоферскому делу – в Казани, в торговой школе в Одессе. Был человеком разносторонних способностей: прекрасно рисовал, писал стихи, пел, танце-

вал. С 1921 г. выступал с ансамблем песни и танца Ялтинской филармонии. В 1923–1924 гг. работал в Крымском государственном театре, исполнял ведущие роли. В 1925 г. снялся в главной роли в кинофильме «Алим» режиссера Г. Тасина по сценарию У. Ипчи (Ялтинская киностудия), эта роль снискала ему всенародную славу. С 1932 г. жил в Баку, снимался на студии Азеркино, с успехом сыграл десятки ролей. Умер в 1958 г. [10, с. 218–221].

В последующем почетного звания заслуженного деятеля искусств Крымской АССР были удостоены Сервер Джетере (1940 г., по другим сведениям, в этом году он стал заслуженным артистом КрымАССР), Магинур Ишниязова-Мустафаева (1940 г., по другим сведениям, в 1941 г. ей было присвоено звание заслуженной артистки КрымАССР), Али Теминдар, Халид Гурджи (1940 г.), Ибраим Халилов, а ведущая актриса Саре Байкина (по национальности казанская татарка) в 1940 г. была удостоена звания заслуженной артистки РСФСР.

Директорами Крымского государственного татарского драматического театра в разные годы были: У. Ипчи, Ы. Кадыр, С. Г. Джекнаваров, А. Шейх-заде, Абибулла Баккал, В. А. Ветко, Г. Девишев, И. Грабов. Главными режиссерами – Дж. Меинов, Струев, Г. Девишев, С. Джетере, Е. А. Бегак, З. М. Славянова, Г. Исмагилов.

К работе в театре, в частности, с костюмами и декорациями, привлекались известные крымскотатарские этнографы и художники, такие как У. Боданинский, О. Акчокраклы, А. Хусни, С. Бадраклы [15, с. 166]. Для отдельных проектов приглашались такие известные специалисты, как академик Н. Н. Болдырев из Одессы, проф. Строганов, хорошо знавший крымскотатарскую жизнь, и др.

В повышении мастерства актеров крымскотатарского театра особую роль сыграли различные стажировки за пределами Крыма. Так, в 1923–1924 гг. У. Ипчи побывал в Москве, Казани, Уфе, познакомился с состоянием театрального дела, а также виднейшими театральными деятелями в этих городах, привез с собой целый ряд пьес из репертуаров других театров [там же, с. 167].

Главный режиссер крымскотатарского театра Дж. Меинов 25 мая 1927 г. принял участие в съезде работников искусства Советского Союза в Москве, после чего отправился в Казань, где имел встречу с деятелями татарского театрального искусства и представителями интеллигенции, такими как Г. Девишев, Ф. Бурнашев, Ш. Камал, Г. Камал, А. Кутуй, И. Кудашев-Ашказарский, Х. Такташ, С. Сайдашев и др. Эти встречи способствовали укреплению связей между театральными коллективами Симфе-

Учащиеся театральной студии при Крымском государственном татарском драматическом театре. Слева внизу – Зейнеп Люманова. Фото 1933 г.

Коллективы русского и крымскотатарского театров Крымского государственного драматического театра им. М. Горького в день 8 Марта. Фото 1936 г.

Группа крымскотатарских учащихся театральной студии при Крымском государственном татарском драматическом театре. Фото нач. 1930-х гг.

рополя и Казани, а также обмену опытом между режиссерами и актерами [там же].

С момента открытия Крымскотатарского государственного театра сценическое искусство среди крымских татар получило большую популярность. Многочисленные спектакли сопровождались неизменным успехом. Очередные постановки Крымского татарского театра активно освещались и обсуждались в печати. В центральной крымскотатарской газете того времени «Енъи дюнъя» («Новый мир») существовала постоянная рубрика с театральной хроникой, в которой публиковались статьи многочисленных авторов о достижениях и проблемах крымскотатарского театрального искусства. Среди наиболее авторитетных и плодovitых авторов театральных рецензий можно отметить известного критика, редактора ряда крымскотатарских изданий того времени, наркома просвещения в 1928–1929-х гг. М. Недима. Исследования материалов крымскотатарской периодической печати 1920-х гг. свидетельствуют, что театральная жизнь среди крымских татар в тот

период (в меньшей степени – в 1930-х гг.) может быть признана одной из наиболее ярких страниц крымскотатарской культуры того времени.

Огромный урон творческой деятельности Крымскотатарского драматического театра был нанесен репрессиями конца 1920-х гг. В июне 1928 г., после судебного процесса, завершившегося гибелью председателя КрымЦИК Вели Ибраимова, в рамках политического дела против членов партии «Миллий фирка» началась грубая кампания по дискредитации руководства театра и его достижений. В октябре того же года был арестован главный режиссер театра Джелял Меинов. Обвиненный в сфабрикованных преступлениях, он был осужден к пяти годам заключения в лагерях и сослан на Соловки. Аналогичная участь постигла и одного из ведущих артистов театра Асана Ногаева. Это вызвало определенный кризис в театральном коллективе, его покинуло несколько талантливых актеров, театр оказался в весьма затруднительном положении.

г. Симферополь. Актеры крымских государственных русского и крымскотатарского, а также Якутского драматических театров. Верхний ряд: А. Добкевич (в центре); Э. Париков (крайний справа); нижний ряд (слева направо): Э. Фейзуллаева, А. Перегонец, С. Байкина. 1936 г.

Несмотря на значительные творческие потери, ситуацию в театре в короткий срок удалось стабилизировать. В частности, за счет студентов и выпускников театральной студии, которая была открыта при Крымском государственном татарском театре в ноябре 1929 г. Данная студия (срок обучения – три года) размещалась по адресу ул. Кантарная, 20, в помещении татарского клуба. В первый год работы в студию было принято 25 студентов. Им преподавали такие известные личности, как У. Ипчи, О. Акчокраклы, П. А. Полевой, Б. А. Бертельс, У. Боданинский, проф. И. Чернов, А. Лятиф-заде и др. [там же, с. 182]. В студии получили образование

многие впоследствии известные крымскотатарские актеры, такие как М. Ишниязова-Мустафаева, З. Билялова, А. Пармаксызова, Н. Джелилова (Джетере), А. Джелялов, Г. Мурадов, известная певица З. Люманова и др. Многие из них с первых же месяцев учебы получали приглашение в труппу Государственного крымскотатарского театра. В 1934 г. студия была преобразована в Крымский татарский театрально-музыкальный техникум (см. ниже).

Таким образом, в результате предпринятых мер творческая деятельность коллектива вновь оживилась. Так, если в сезоне 1929/30 гг. им было поставлено 19 спектаклей, ко-

г. Симферополь. Крымский государственный драматический театр им. М. Горького. Коллективы Крымскотатарского и Дагестанского театров. 1936 г. Из фондов Крымскотатарского музея культурно-исторического наследия (г. Симферополь).

Гумер (Умер) Девишев (1897–1964)

торые просмотрели 11 тысяч зрителей, то в сезоне 1930/31 гг. основная труппа сыграла уже 29 спектаклей, с которыми познакомились более 14 тыс. зрителей. Если в 1931 г. за один месяц ставилось

шесть спектаклей, то в 1932 г. – уже девять [17, с. 151–152].

В 1930-е гг. наблюдается активизация контактов крымскотатарского театра с театрами национальных республик. Так, в 1932 г. Симферополь посещает с гастролями коллектив Узбекско-Бухарского театра [15, с. 37]. В 1934 г. состоялся ответный визит Крымскотатарского театра в Узбекистан. В апреле 1935 г. гостями Крымскотатарского театра стала труппа Бурят-монгольского театра, – в помещении театра на ул. Пушкина, 15, артисты двух коллективов провели совместный театральный вечер [там же, с. 42]. В 1936 г. такое же мероприятие было проведено совместно с актерами из Дагестана [14, с. 128].

Помимо этого, в здании театра постоянно проводились мероприятия в рамках собственного многонационального коллектива. Так, в мае 1933 г. силами крымскотатарской, украинской и русской трупп был проведен совместный театральный вечер [15, с. 38]. Коллективы вместе устраивают различные торжественные мероприятия, юбилеи, праздники и т. п. Данные мероприятия широко освещаются в печати, запечатлеваются на многочисленных фотографиях.

В 1937–1938 гг., после небольшого периода относительного спокойствия в политическом плане, коллектив Крымскотатарского драматического театра накрывает очередная волна репрессий. На этот раз ее жертвами становятся, в частности, директор театра Абибулла Баккал (17 апреля 1938 г. был осужден к 15-летнему за-

Оркестр Крымского государственного ансамбля песни, музыки и пляски крымских татар. 1938 г. Фойе («зеркальный зал») Крымского государственного драматического театра им. М. Горького. Из фондов Крымскотатарского музея культурно-исторического наследия (г. Симферополь).

ключению, последующая судьба неизвестна), режиссер и художественный руководитель Умер Девишев, актеры Эмине Фейзуллаева, Ибадулла Грабов, Мурат Измайлов, Нурие Джетере (была уволена, от ареста актрису спасла ее беременность).

Чтобы как-то спасти ситуацию и усилить руководящий состав Крымскотатарского театра, в 1938 г. на должность режиссера, а затем художественного руководителя и директора театра был приглашен талантливый актер и режиссер из Казани – Гумар Исмагилов. Ему в значительной степени удалось стабилизировать ситуацию; более того, с его приходом, по воспоминаниям Г. Мурада, в театре начался период интересного художественного творчества [12, с. 201].

В том же 1938 г. небольшой коллектив театра из четырех актеров – А. Диттанова, С. Байкина, Х. Гурджи и С. Джетере – приняли участие во Всесоюзной конференции театральных деятелей СССР в Москве, с успехом выступив с отрывком из спектакля Р. Беняша «Бахчисарайский фонтан».

В 1941 г. «в связи с празднованием 20-летия Советского Крыма» планировались гастроли Крымскотатарского драматического театра в Москве или в одной из братских республик. Этим планам помешала начавшаяся Великая Отечественная война.

С годами войны и оккупации связана весьма драматичная страница додепортационной истории крымскотатарского театра. С началом боевых действий ряд крымскотатарских актеров, в том числе И. Муратов, С. Джетере, Я. Дибаг, А. Умеров, С.-Н. Абдураимов и др., были призваны в ряды Красной Армии и отправлены на фронт. Оставшиеся участвовали в агитбригадах – выступали с концертами на фронте и в госпиталях. Эти концерты проводились совместно с артистами Государственного ансамбля песни и танца крымских татар и солистами и оркестрантами Радиокomiteта Крымской АССР – хореографом У. Баккал, танцорами и музыкантами Р. Баккал, П. Баккал, Ш. Мамутовым, А. Мамутовым, Э. Шакировым, И. Ибраимовым, К. Попандопуло, Ф. Умеровой, С. Челебие-

Аким Джемилев. г. Ялта. 5 июня 1938 г.

вой, М. Абселямовым, молодым композитором А. Каври. В качестве солистки в агитбригаду была включена выдающаяся певица, заслуженная артистка Крымской АССР С. Эреджепова, в качестве руководителя оркестра – композитор, заслуженный деятель искусств Крымской АССР И. Бахшиш [там же, с. 13].

В период оккупации полуострова крымскотатарская театральная труппа, не успевшая эвакуироваться, продолжила свою работу. В конце 1941 г. на должность художественного руководителя и директора Крымскотатарского драматического театра был назначен И. Грабов, куратором – М. Велиджанов, главным режиссером – Г. Исмагилов, главным балетмейстером – У. Баккал, зав. музыкальной частью – И. Бахшиш, зам. зав. музыкальной частью – А. Каври [там же, с. 27]. Репетиционная деятельность ансамбля проходила в здании Татарского клуба, на ул. Канатарной, 20 [там же, с. 41]. По требованию оккупационных властей из репертуара труппы были исключены пьесы политиче-

Крымский государственный ансамбль песни, музыки и пляски крымских татар. 1938 г. Фойе («зеркальный зал») Крымского государственного драматического театра им. М. Горького. Из фондов Крымскотатарского музея культурно-исторического наследия (г. Симферополь).

ского и социального характера, ставились в основном русская и, частично, европейская классика, музыкальные спектакли на основе крымских и восточных легенд, комедии и музыкальные пьесы из народной жизни.

В этот период деятельность театральной труппы проходила в неразрывной связи с оставшимися в городе членами других крымскотатарских творческих коллективов. В частности, в ней принимали участие артисты Государственного ансамбля песни и танца крымских татар, как это было во время агитбригад.

Государственный ансамбль песни и танца крымских татар был создан решением Крымского правительства в мае 1940 г. путем слияния двух песенно-танцевальных коллективов – симферопольского Крымского государственного ансамбля песни, музыки и пляски крымских татар (созданного, в свою очередь, в 1938 г. на базе Симферопольского танцевального ансамбля под руководством Усеи-

на Баккала и Крымскотатарского оркестра народных инструментов под руководством Я. Шерфединова при Доме народного творчества) и Ялтинского ансамбля песни и пляски крымских татар (худ. рук. – хореограф Иззет Добра) [12, с. 249]. Художественным руководителем ансамбля был назначен известный композитор Ильяс Бахшиш, хормейстером – Орлянский, балетмейстером – Усеин Баккал.

Одним из главных проектов новосозданного коллектива были подготовка и проведение Декады искусства Крымской АССР, которая должна была пройти через некоторое время в Москве [1, с. 160]. Для этого коллективу выделили здание симферопольского Дома колхозника (или Дома крестьянина), укомплектовали художественно-руководящими кадрами, увеличили штат ансамбля до 75 человек, выделили материалы для шитья костюмов и т. д. [9].

Дом колхозника располагался на территории Симферопольского городского рын-

ка, по адресу ул. Кирова (до 1935 г. – Салгирная), 22. Прежде это была гостиница «Гранд-Отель», здание располагало залом, общежитием, сельскохозяйственным и ветеринарным музеем, агрономическим, юридическим и справочным бюро, библиотекой и читальней. В 1920–1930-е гг. Дом колхозника был местом проведения самых разнообразных мероприятий: театральных постановок, торжественных юбилеев, творческих встреч и т. д. В частности, именно здесь 22 февраля 1925 г. состоялась прощальная встреча с выдающимся поэтом и ученым-филологом Б. Чобан-заде перед его отъездом в Баку [16, с. 45] и т. д. После войны в здании была открыта гостиница «Симферополь», еще позже здесь разместился ряд магазинов. В начале 1970-х гг. здание было снесено в связи с обустройством нынешней площади им. Ленина, на его месте было построено здание Крымского академического украинского музыкального театра.

Помимо артистов Государственного ансамбля песни и танца крымских татар, в состав театра в годы оккупации вошли и артисты (певцы, оркестранты) Крымского радиокомитета (см. соответствующую статью данного «Свода»).

Таким образом, коллектив театра обогатился за счет таких талантливых артистов, как С. Эреджепова, С. Челебиева, Б. Аединов, М. Аппазов и др. [12, с. 275–276].

Говоря о работе театра в период оккупации, необходимо отметить, что многие актеры и сотрудники театра в эти годы участвовали в подполье, некоторые из них стали жертвами тех трагических лет. Активными участниками подполья были, в частности, композитор Абибулла Каври (был оставлен для подпольной работы, расстрелян в 1943 г.), актеры Али Теминдар (замучен в застенках гестапо в 1942 г.), Решит Асанов (расстрелян в 1943 г.), Эгдем Ниметулла (был членом легендарной группы Абдуллы Дагджи – «Дяди Володи»). Уже перед самым освобождением Симфе-

Усеин Баккал с супругой Зоре Измайловой.

рополя от фашистских захватчиков особую известность получили самоотверженные действия двух крымскотатарских артистов – актера Асана Джелялова и артиста танцевального ансамбля Рустема Сейдаметова – по спасению здания театра, подожженного фашистами перед отступлением. В результате их действий пожар удалось погасить, здание театра не пострадало [там же, с. 135–146].

В конце 1943 г. почти половина творческого коллектива Крымскотатарского театра (как актеры, так и танцоры и музыканты) – И. Бахшиш, У. Баккал, С. Османов, С. Эреджепова, М. Абселямов, С. Трупчу, З. Муратова и др. – были насильно вывезены фашистами из Крыма в качестве оstarбайтеров [там же, с. 125]. Однако, благодаря усилиям представителей крымскотатарской диаспоры в Румынии, крымские артисты в конце концов оказались в румынском городе Констанца, а чуть позже были поселены в селении Азаплар, где проживала значительная крымскотатарская община [там же, с. 158]. В Румынии крымскотатарские артисты некоторое время выступали с концертами перед соотечественниками, обслуживали различные торжества и свадьбы, однако позже оказались брошенными на произвол судьбы, испытали многочисленные трудности и ли-

г. Симферополь, ул. Салгирная (с 1935 г. – ул. Кирова), 22. Гостиница «Гранд-Отель», в 20-30-е гг. XX в. – Дом колхозника (или Дом крестьянина). Открытка нач. XX в.

шения. Руководителем коллектива в это время был один из наиболее ярких представителей крымскотатарской интеллигенции довоенного периода, знаток крымскотатарского фольклора и музыкант, педагог по образованию Муртаза Велиджанов [там же, с. 159].

Что касается той части коллектива, что оставалась в Симферополе, она продолжала работу в оккупированном городе, пока в апреле 1944 г. в него не вошли части Красной Армии. В том же апреле 1944 г. СНК Крымской АССР принял постановление о восстановлении деятельности учреждений искусств в Крымской АССР. В нем речь шла и о Крымском республиканском ансамбле песни и пляски крымских татар, в котором планировалось объединить все имевшиеся на тот момент в городе артистические и театральные силы, в том числе и артистов предвоенного театра. Поми-

г. Симферополь. Территория нынешней площади В. И. Ленина, на заднем плане, слева – гостиница «Гранд-Отель», позже – Дом колхозника. Фото 50-х гг. XX в.

мо этого, согласно отдельным документам, предусматривалось восстановление деятельности и самого театра. Однако в ночь на 18 мая 1944 г. все эти планы потеряли силу – крымскотатарские артисты, как и весь народ, были насильно выселены далеко за пределы исторической родины – Крыма. При этом некоторые из артистов подверглись индивидуальным репрессиям.

Почти спустя год, а именно в марте 1945 г. к артистам, находившимся в местах высылки, присоединились и их коллеги, остававшиеся на территории Румынии, а позже, после занятия Румынии войсками Красной Армии, три месяца проведенные в проверочно-фильтрационном лагере города Болграда (в Одесской области) [там же, с. 190–191]. При этом некоторые из них, а именно директор М. Велиджанов, художественный руководитель И. Грабов, администратор Хатипов и бывшая работница театра Э. Бекирова также подверглись репрессиям и были осуждены к различным срокам тюремного заключения [там же, с. 190, 195].

В первые годы высылки практически всем крымскотатарским актерам и артистам пришлось забыть свои театральные специальности. Многие из них работали на самых тяжелых работах, в том числе на урановых рудниках [там же, с. 292]. Более того, в 1948 г. еще одна группа крымскотатарских артистов и актеров, в том числе У. Баккал, С. Эреджепова и др., были осуждены на различные сроки лагерей [там же, с. 298]. Крымскотатарский театр на многие годы прекратил свое существование.

Крымскотатарский национальный драматический театр был возрожден в 1989 г., в период массового возвращения крымских татар на историческую родину. Это стало возможным благодаря инициативной группе, в которую входили А. Диттанова, М. Османов,

С. Османов, И. Бахшиш и др. Со временем театру (полное название: Крымскотатарский академический музыкально-драматический театр) было выделено в пользование здание по адресу ул. Менделеева, 5/1, где он располагается и поныне.

Фрагмент воспоминаний известного крымскотатарского ученого-физика профессора Р. Аппазова из книги «Следы в сердце и памяти»:

«День уже клонился к концу, когда я, прощавшись с Ильёй Серафимовичем, двинулся в обратный путь, который решил проделать по Кантарной улице. Добрый старый трамвай всё ещё ходил взад и вперёд, но мне захотелось пройти пешком, чтобы наедине с самим собой осмыслить события этих первых нелёгких часов пребывания в чужом Крыму, а заодно осмотреть ещё одну улицу. Без всяких приключений добрался до самого центра города, остановился на некоторое время

у здания драмтеатра на Пушкинской улице, и опять нахлынули воспоминания. В этом театре работала моя тётя, Зоре Билялова, блестящая исполнительница роли свахи в очень популярной пьесе тех лет «Аршин мал алан». Демонстрации отдельных сцен из этой пьесы в её исполнении в домашних условиях я хорошо помню до сих пор. В театре ставили «Къой чокъракъ» («Овечий источник») (пьеса Лопе де Вега. – Н. А.), «Уджюм» («Атака») (пьеса И. Тархана. – Н. А.), «Зенгер шал» («Зелёный платок») и много других пьес. Здесь работали такие признанные народные артисты, как Сара Байкина, Билял Парыков, Ибадулла Грабов, которых я знал в основном только по фамилиям и рассказам Зоре-апти и других родственников. Это был очень талантливый коллектив, находившийся на большом творческом подъёме. Многие реплики из любимых постановок становились чуть ли не народными поговорками» [2, с. 30].

Государственный татарский театрально-музыкальный техникум

С 1929 г. при Крымском государственном татарском драматическом театре работала театральная студия (см. выше). Постановлением Совнаркома Крымской АССР от 27 мая 1934 г. она была реорганизована в самостоятельный Крымский татарский театрально-музыкальный техникум. Совнарком Крыма в 1934 г. выделил техникуму на обустройство 106 тысяч рублей. Техникум начал работу с 1 сентября того же года. В его составе функционировали актерское, клубно-режиссерское, музыкальное и балетное отделения [11, с. 182].

В сентябре 1935 г. в театральном музыкальном техникуме обучалось две группы студентов актерского отделения, одна – музыкального и одна – балетного. Директором техникума был Э. Мустафаев.

Эннан Сеит-Меметович Мустафаев (1908–1981) был уроженцем дер. Керменчик (ныне Высокое) Бахчисарайского р-на. По

некоторым сведениям, был выпускником Крымского пединститута. Перед назначением на должность директора техникума преподавал историю на Симферопольском педрабфаке. Преподавательскую деятельность по данной дисциплине продолжил и в техникуме (одновременно преподавал курс эстетики). С началом Великой Отечественной войны Э. Мустафаев был при-

Эннан Мустафаев и Магинур Ишниязова-Мустафаева

Преподаватели и студенты Крымского татарского театрально-музыкального техникума. В среднем ряду – директор Э. Мустафаев, завуч Абдураманова, режиссер Крымскотатарского театра Г. Девишев, актер А. Теминдар, балетмейстер Е. Бабкова, преподаватель вокала Богуславский, концертмейстер и преподаватель фортепиано В. К. Ханбекова, гример П. Е. Соколов и др. Среди студентов – М. Асанов, А. Джелилев, А. Диттанова, Ф. Аметова, Р. Арифова, И. Ибраимов, Э. Эюпов, А. Османов и др. 1935 г. Из архива А. Диттановой.

Студент Крымского татарского театрально-музыкального техникума Эдем Шакиров на страницах довоенной прессы. Текст: «Симферопольский музыкально-театральный техникум готовит работников сцены. В техникуме обучаются 96 человек татар. На снимке: ударник учебы, студент балетного отделения Эдем Шакиров исполняет танец чабана». Фото Грибовского (СФ).

зван в Красную Армию и отправлен на фронт. В боях под Никополем получил тяжелое ранение, после лечения признан инвалидом и отправлен в Среднеазиатский военный округ, на должность начальника клуба САВО. В 1944 г. был награжден орденом Красной Звезды. В период ссылки жил в Фергане, в 1965 г. переехал в молдавский город Бендеры, где работал в системе кинофикации [там же, с. 182–183].

Что касается преподавательского состава театрального техникума, известно, что в нем преподавали такие яркие личности, как выдающийся композитор А. Рефатов (теория музыки), писатель и ученый О. Акчокраклы (этнография), режиссер У. Девишев (актерское мастерство), режиссер П. А. Полевой (актерская этика), ученый-языковед и педагог У. Аджи-Асан (крымскотатарская литература), поэт О. Амит (художественное (выразительное) чтение), актер А. Теминдар (театр-рассказ), балетмейстер Е. Бабкова (балет), К. В. Свицерский (вокал), Богуславский (вокал), В. К. Ханбекова (фортепиано), П. Е. Соколов (грим), поэт З. Джавтобели (обществоведение) и др. [18, с. 117].

В техникуме получило образование около 100 молодых людей. Многие из них стали впоследствии известными артистами, в частности, Нури

Джетере, Айше Диттанова, Фатъма Аметова, Меръем Ибраимова, Рейан Арифова, Алиме Акимова, Джумазиэ Трупчу, Хатидже Арифова, Эдем Шакиров, Ибраим Ибраимов, Меджит Асанов, Абдураман Желилев, Сейтхалиль Османов, Якуб Дибаг, Сание Налбандова, Ремзиэ Баккал, Айше Менаметова, Рефат Аблаев, Хатидже Асанова и др.

Одна из выпускниц техникума, впоследствии известная актриса, диктор Крымскотатарского радио Фатъма Аметова спустя почти 60 лет так вспоминала свои студенческие годы:

«Мне исполнилось шестнадцать лет. Самое время определить свой дальнейший путь. Кем быть? Вот вопрос, который нам необходимо решить в этом возрасте. Игра героини Сашеньки (из спектакля «Егор Булычев и другие» М. Горького в исполнении актеров Симферопольского театра. – Н. А.), блестяще исполненная актрисой А. Перегонец, потрясла меня своей достоверностью, красочностью. <...>

Посещение театра явилось поворотным моментом в моей дальнейшей судьбе. Вместо того чтобы поступать в медицинский техникум на зубоветеринарное отделение, как того жаждали мои родители, я под строжайшим секретом отдала документы в

театральный техникум, на артистическое отделение. И меня приняли. <...>

Театр и техникум находились в одном здании, где и сегодня, на улице Пушкина. И мы, студенты, все свое свободное и несвободное время проводили в его стенах, выбегая только перекусить в кафе, через дорогу. Когда не было занятий, смотрели спектакли – русские или крымскотатарские, иногда принимали участие в массовках. Спектакли чередовались: один день шел крымскотатарский, следующий – русский. А мы с удовольствием наблюдали за игрой и наших, и русских артистов, среди которых были большие мастера: всем известный ныне знаменитый Царев, Названов тоже вышел из нашего театра, Перегонец и ее муж Добкевич и другие. И эти большие, знаменитые актеры, здороваясь с нами, молоденькими артистками, в коридорах театра, непременно снимали перед нами шляпы, заставляя нас краснеть от удовольствия и смущения» [13].

В 1937 г. был открыт Крымский государственный татарский театр оперы и балета (см. соответствующую статью данного «Свода»). Ядром его стали выпускники и студенты **Крымского татарского театрально-музыкального техникума**. Само учебное заведение было реорганизовано. 20 июня 1937 г. Совнарком Крыма АССР принял постановление, в котором, в частности, ставилась задача: «Имеющееся Крымское татарское театральное училище к концу учебного года реорганизовать, подчинив учебные планы училища создаваемому Крымскому Государственному Татарскому театру оперы и балета. Учащихся театрального и балетного отделений училища, имеющих данные для работы во вновь создающемся Крымском Государственном Татарском театре оперы и балета, передать последнему» [11, с. 115].

Первые выпускники Крымского татарского театрально-музыкального техникума. В том числе (второй ряд, слева направо): С. Бекиров, Р. Арифова, И. Ибраимов, Г. Девишев (гл. режиссёр театра и одновременно преподаватель техникума), М. Мустафаев, А. Диттанова, М. Асанов, Ф. Аметова. 1936 г. Из архива А. Диттановой.

Список использованных источников и литературы

1. **Аирчинская Р.** Незавершенный альбом (хроника архивных данных о крымскотатарских культурных учреждениях 1923–1944 гг.) // Материалы международной научной конференции «Репрессированное поколение крымскотатарских общественно-политических деятелей, подвижников науки и культуры» (28–29 мая 1999 г.) / Международный фонд «Відродження», Благотворительный фонд им. А. Медиева. – Симферополь, 2001. – С. 150–160.
2. **Аппазов Р.** Следы в сердце и в памяти. – Симферополь, 2001. – 416 с.
3. **Белова С. Л.** Симферополь: этюды истории, культуры, архитектуры. – Симферополь: Таврия-Плюс, 2001. – 184 с., ил.
4. **ГАРК**, ф. Р-652, оп. 10, д. 33, л. 15.
5. **ГАРК**, ф. Р-652, оп. 10, д. 258, л. 3.
6. **ГАРК**, ф. Р-652, оп. 11, д. 9, л. 83.
7. **ГАРК**, ф. Р-663, оп. 5, д. 93, л. 1.
8. **ГАРК**, ф. Р-663, оп. 7, д. 110, л. 3.
9. **ГАРК**, ф. Р-3076, оп. 1, д. 46, л. 7.
10. **Деятели крымскотатарской культуры (1921–1944 гг.): биобиблиографический словарь /** гл. ред. и сост. Д. П. Урсу. – Симферополь: Доля, 1999. – 240 с.
11. **Заатов И.** Крымский государственный татарский театр оперы и балета в материалах архивов и довоенной прессы 1937–1938 гг. – Симферополь: Доля, 2016. – 360 с., илл.
12. **Заатов И.** Крымскотатарское сценическое искусство в материалах архивов и оккупационной прессы 1941–1944 гг. – Симферополь: Доля, 2015. – 348 с., илл.
13. **«Как молоды мы были, как искренне любили...»** Из воспоминаний бывшей актрисы Государственного драматического театра (г. Симферополь) Фатьмы Аметовой / Записала Л. Шамиль // Голос Крыма. – 1998. – 16 января.
14. **Керимова С., Заатов И., Велиев А.** Къырымтатар миллий театри. (Тарих саифелери). – Симферополь, 2003. – 264 с.: илл.
15. **Керимова С.** Страницы истории крымскотатарского довоенного театра и драматургии. – Симферополь: Доля, 2002. – 189 с.
16. **Керимов И. А.** Медений эснас, 1920–1938 гг. – Симферополь: Таврия, 1997. – 497 с.
17. **Крымская АССР (1921–1945) /** Сост. Ю. И. Горбунов. – Симферополь: Таврия, 1990. – 320 с. – (Серия: «Вопросы – ответы»; Вып. 3).
18. **Мурат Гъ.** Театр санъатымызнынъ саифелеринден. – Ташкент, 1990. – 152 с.

Н. Абдульвапов, Р. Аирчинская

**КРЫМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТАТАРСКИЙ
ТЕАТР ОПЕРЫ И БАЛЕТА**
ул. Желябова, 17

Крымский государственный татарский театр оперы и балета просуществовал в Крыму с июня 1937 года по февраль 1938 года. Несмотря на столь недолгую историю, опыт его создания явился одним из важнейших в истории развития крымскотатарского сценического искусства довоенного периода. Основное здание театра располагалось в Симферополе, по адресу ул. Желябова, 17 (адрес не изменился), помимо этого, в распоряжении театра находились и некоторые помещения Крымского государственного драматического театра им. М. Горького.

В 1937 г., на фоне проводимой из Москвы центральным аппаратом партии большевиков политики ужесточения репрессий, а также усиления идеологической составляющей в национальной политике сталинского режима, в качестве моральной компенсации по отношению к чаяниям творческой интеллигенции национальных

республик в Советском Союзе развернулась кампания по созданию национальных театров оперы и балета. Коснулась она и Крымской АССР.

На тот момент республикой руководили ответственный (первый) секретарь Крымского обкома ВКП(б) Л. И. Картвелишвили, председатель КрымЦИК И. Тархан и председатель Совнаркома Крымской АССР А. Самединов. Среди них Ильяс Умерович Тархан, руководивший республикой с 20 марта 1931 г. по 9 сентября 1937 г. и бывший, как известно, талантливым поэтом и драматургом (некоторое время даже возглавлял Союз писателей Крыма), может по праву считаться главным вдохновителем идеи создания Крымскотатарского театра оперы и балета. Еще одним инициатором проекта, представлявшим в процессе организации театра творческие силы, был известный московский композитор Лев Константинович Книппер [7, с. 128].

Ариф Акимович Акимов. 1936 г.

Что же касается практических шагов, основная роль в деле организации Крымского государственного татарского театра оперы и балета выпала на долю второго секретаря Крымского обкома ВКП(б) Сервера Трупчу. Известно, что даже преподаватели Московской консерватории для работы с артистическим составом нового театра, а также студентами оперной школы-студии при нем были приглашены им лично [6, с. 181].

Крымский государственный татарский театр оперы и балета был открыт на основании постановления Совнаркома Крымской АССР за № 1029 (протокол № 016) от 20 июня 1937 г., подписанного председателем правительства Абдураимом Самединовым [7, с. 115]. Тогда же приказом Управления искусств при Совнаркомке Крымской АССР Л. К. Книппер был назначен художественным руководителем новосозданного театра. Его заместителем стал известный крымскотатарский композитор Ягъя Шерфединов [там же, с. 124]. Заведующим труппой и учебной частью театра был назначен директор Крымского государственного татарского театральном-музыкального техникума **Эннан Мустафаев**, балетмейстером – прославленный крымскотатарский танцор, хореограф, актер и театральный деятель **Усеин Баккал** [там же, с. 291]. Директором театра стал **Ариф Акимович Акимов**, до этого бывший директором Крымского сельскохозяйственного института [8, с. 44]. Заместителем директора был **С. А. Томский** (с началом 1938 г. он временно исполнял обязанности директора) [7, с. 291].

Активное участие в создании театра приняли также крымскотатарский драматург **Умер Ипчи** и молодой поэт **Эшреф Шемьи-заде** – авторы либретто написанной к его открытию крымскотатарской оперы «Арзыкъыз». Автором музыки к этой опере был выдающийся крымскотатарский композитор, автор первой крымскотатарской оперы «Чора-батыр» (1923 г.) – **Асан Рефатов**, в 1935 г. по приглашению руководства Крыма вернувшийся на родину из Баку.

Юридическим адресом театра оперы и балета был определен адрес Крымского государственного драматического театра: г. Симферополь, ул. Горького, 10/15 [там же, с. 196]. Основное же здание, в котором располагался театр, находилось в Симферополе, на улице Желябова, 17 [там же]. Данное здание располагало довольно вместительным, примерно 250–300 квадратных

Эннан Мустафаев (1908–1981)

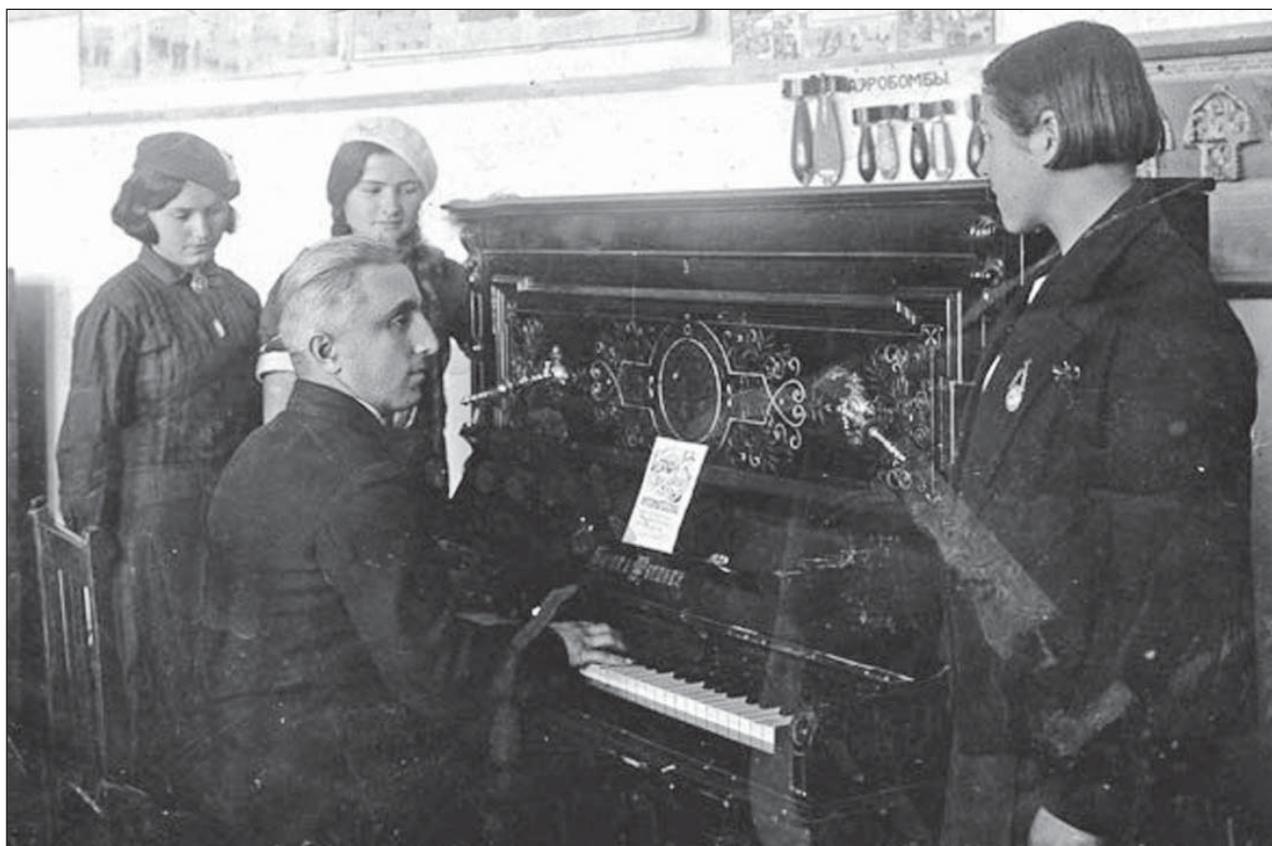
метров, актовым залом (на первом этаже, справа от парадного входа), а также несколькими вместительными репетиционными классами и аудиториями для занятий [там же, с. 301]. До этого в здании располагался Центральный дом юных пионеров, открытый в 1923 г. [9, с. 57]. (Указанное учреждение в 1939 г. получило новое, более благоустроенное здание на ул. Советской (ныне ул. Горького).

К осени 1937 г. в здании на ул. Желябова был произведен ремонт [7, с. 212]. Согласно архивным материалам, всего в 1937 г. по статье «приобретение оборудования, музыкальных инструментов и ремонт выделенного для размещения театра оперы и балета здания» было ассигновано 78 601 руб., из них на различные приобретения было израсходовано 33 417 руб., на ремонт помещений – 42 970 руб. [там же, с. 220].

Через несколько дней после выхода постановления об основании театра, 25 июня, начала свою работу конкурсная приемная комиссия под руководством Л. К. Книппера. Комиссия располагалась в здании Крымского государственного татарского театрально-музыкального техникума на ул. Горько-

Ягья Шерфединов (1894–1975)

А. Рефатов с учениками. Фото 1920–1930-х гг.

Группа артистов балета и вокала Крымского государственного татарского театра оперы и балета. Слева направо: вторая в первом ряду (сидит) Эльмаз Алиева, пятая – Сание Налбандова, первая во втором ряду (стоит) Эмине Смедляева, третья – Джумазиэ Трупчу, четвертая – Маматказина. Фото 1938 г.

го, 10. Конкурс вокалистов проходил в здании Высшей школы коммунистического сельского хозяйства (ул. Карла Либкнехта, 35). Конкурс артистов балета состоялся 14 июля 1937 г. в балетном классе на втором этаже Крымского государственного татарского драматического театра на ул. Пушкина, 15 [7, с. 133]. Помимо специалиста из Москвы, танцоров просматривали балетмейстер Крымскотатарского театра оперы и балета Усеин Баккал, композитор Ягъя Шерфединов и концертмейстер Варвара Карловна Ханбекова [там же, с. 134].

Все эти мероприятия проходили на фоне начавшейся очередной, на этот раз – наиболее массовой волны политических репрессий в СССР, получившей название «Большой террор». Эти трагические со-

бытия значительно повлияли на дальнейшую историю развития театра, они, образно выражаясь, обесточили энергию людей, стоявших у истоков его создания. Так, огульно обвиненные, осенью 1937 г. были арестованы практически все высокопоставленные чиновники и представители творческой интеллигенции Крымской Автономной Республики, бывшие инициаторами и активными участниками проекта. В частности, 8 сентября был арестован И. Тархан, 17 сентября – А. Самединов, 23 ноября – С. Трупчу. Все они были расстреляны через несколько месяцев, в трагический для крымскотатарской культуры день – 17 апреля 1938 года.

Весьма существенными были потери и в творческих рядах: в сентябре 1937 г.

был обвинен в «буржуазном национализме» и исключен из состава Союза писателей Крыма Э. Шемьи-заде, 22 октября – арестован У. Ипчи. Особо необходимо сказать об А. Рефатове, который был арестован еще в апреле 1937 г. и все это время находился в тюрьме.

Помимо этого, к 5 сентября 1937 г. – началу непосредственно практической деятельности театра – был заменен его художественный руководитель: после увольнения и отъезда в Москву Л. Книппера временно исполняющим обязанности художественного руководителя и, по некоторым сведениям, режиссера театра был назначен Резник [7, с. 288, 291].

Несмотря на это, театр продолжал бороться за свое существование. 20 августа 1937 г. руководство театра вместо арестованного А. Рефатова заключило договор на создание музыки оперы для постановки в театре с московским композитором Николаем Карповичем Чемберджи [там же, с. 307–308]. Помимо него, к работе были привлечены еще два столичных композитора – К. Д. Макаров-Ракитин и Ф. Е. Витачек [там же, с. 214–215]. К написанию нового либретто, вместо У. Ипчи и Э. Шемьи-заде, был привлечен также московский поэт Георгий Аркадьевич Шенгели [там же, с. 232–233].

Согласно архивным сведениям, на 3 января 1938 г. труппа театра состояла из 64 человек: 37 артистов составляли вокальную и 24 – балетную группу. В том же документе присутствует указание, что состав труппы был недоукомплектован к этой дате на 29 человек, что позволяет определить запланированную руководством общую штатную численность его артистического состава в 90 человек [там же, с. 217].

Театр имел свой жилой фонд при зданиях на ул. Желябова, 17, и ул. Горького,

Эдем Шакиров. Фото 1938 г.

10/15, – по первому адресу располагалось женское общежитие, по второму – мужское [там же, с. 298].

Что касается занятий, то, по воспоминаниям бывшей актрисы театра Э. Смедляевой, балетная группа занималась в здании Крымского государственного драматического театра на улице Горького, 10/15, а вокальная – в помещении театра на ул. Желябова, 17 [там же, с. 288].

В коллективе, помимо специальных артистических предметов, изучался национальный крымскотатарский танец, в ряду общеобразовательных дисциплин преподавался крымскотатарский язык – как для владеющих, так и не владеющих языком [там же, с. 210]

Труппу театра составляли представите-

Сание Налбандова. Фото 1930-х гг.

Эмине Смедляева. Фото 1938 г.

ли более десяти национальностей. При этом интернациональный коллектив Крымскотатарского театра оперы и балета на 60% состоял из крымских татар. Второе место по численности занимали русские, их было 17%. Третьими были армяне – 9%. Обращает внимание, что четвертое место по численности в театре занимали крымчаки – 5%. Из представителей автохтонных народов Крыма в труппе, помимо крымских татар и крымчаков, были также одна караимка и одна крымскотатарская цыганка – чингене. По одному в труппе были представлены евреи, белорусы, латыши и украинцы [там же, с. 252–253].

В Государственном архиве Республики Крым сохранился «Список работников (артистов) крымскотатарской национальности Крымского государственного татарского театра оперы и балета на 19 марта 1938 года». В этом списке, в частности, присутствуют имена таких известных артистов, как М. Абселямов, Сание Налбандова, С. Османов, А. Джемилев, Дж. Трупчу, Ш. Кудусова, А. Крымтаева, Э. Алиева, Э. Шакиров, Э. Смедляева и др. Помимо этого, артистами театра были Х. Абибуллаев, Р. Аблаев, Ш. Мамутова, А. Акимова, Х. Асанова, Р. Алиев, С. Сулейманов, М. Фейзуллаева, Абдул Джемиль, Куртсеитова, Мамутова, Ф. Османова, Д. Османова, Ягъяев, Раиме Эбулейсова, Х. Баденко, С. Алиева, Бейтулаев, А. Сулейманов, Ш. Галиева, Р. Ислямов, У. Ислямова, Ф. Умерова, А. Абдулмеджитова, Ф. Маматказина, М. Мустафаева, А. Меджитов, Ф. Халилева, С. Леви [там же, с. 257–258]. Значительную часть коллектива составляли выпускники Симферопольского татарского музыкально-театрального техникума.

К сожалению, этому талантливому коллективу не довелось показать свои возможности в полную силу. К моменту закрытия театра в конце зимы 1938 г. артисты успели лишь несколько раз выступить в составе хора и балета, а также с сольными номерами на концертах 7 ноября 1937 г. (к 20-летию Октябрьской революции), 24 января и 23 февраля 1938 г.,

получившими высокую оценку общественности и руководящих органов республики [там же, с. 217]. По целому ряду причин судьба театра была предreshена [там же, с. 299–332].

Крымский государственный татарский театр оперы и балета был расформирован постановлением СНК Крымской АССР от 28 февраля 1938 г. «О ликвидации Крымского Государственного Татарского Театра Оперы и Балета» [там же, с. 248].

Что же касается здания по адресу ул. Желябова, 17, согласно постановлению Совнаркома Крымской АССР № 431 от 21 марта 1938 г., оно передавалось для размещения в нем аппарата Наркомпроса Крымской АССР и Крымской областной детской технической и сельскохозяйственной станции [там же, с. 318]. Впоследствии в здании располагались торговое училище [9, с. 57] и Крымский институт экономики и хозяйственного права. Ныне здесь размещается филиал Крымского юридического института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Джумазие Трупчу. Фото 1930-х гг.

Список использованных источников и литературы

1. ГАРК, ф. Р-652, оп. 8, д. 124, л. 8.
2. ГАРК, ф. Р-652, оп. 10, д. 33, л. 15.
3. ГАРК, ф. Р-652, оп. 11, д. 11, л. 26, 52, 203, 271.
4. ГАРК, ф. Р-663, оп. 7, д. 108, л. 52.
5. ГАРК, ф. Р-3076, оп. 1, д. 14, л. 2, 60.
6. **Деятели** крымскотатарской культуры (1921–1944 гг.): биобиблиографический словарь / гл. ред. и сост. Д. П. Урсу. – Симферополь: Доля, 1999. – 240 с.
7. **Заатов И. А.** Крымский государственный татарский театр оперы и балета в материалах архивов и довоенной прессы 1937–1938 гг. – Симферополь: Доля, 2016. – 360 с., илл.
8. **Урсу Д. П.** Очерки истории культуры крымскотатарского народа (1921–1941). – Симферополь, 1999. – 144 с.
9. **Широков В. А., Широков О. В.** Симферополь: улицы рассказывают. – Симферополь: Таврия, 1983. – 208 с., 16 л. илл.

И. Заатов, Н. Абдульвапов

**ДВОРЕЦ ТРУДА,
в котором в 1930–1936 гг. располагался
Крымский областной радиокомитет
ул. Гоголя, 14**

*г. Симферополь.
Здание бывшего
Окружного суда
Таврической губернии,
в 1920–1930-е гг. –
Дворец Труда, ныне –
Центральный музей
Тавриды.*

Предвоенная история Крымского областного радиокомитета, располагавшегося в столице Крымской АССР – городе Симферополе, является весьма важной страницей истории культуры Крыма в целом и крымскотатарской культуры в частности. Имеющиеся в настоящее время сведения свидетельствуют о чрезвычайно интересных процессах, имевших место в деятельности творческого коллектива этого учреждения и позволяющих сделать вывод о том, что Крымский радиокомитет в указанный период был в значительной степени крымскотатарским национальным учреждением.

Крымский радицентр был открыт в 1930 году. Его редакция и творческие студии вначале располагались в здании Дворца Труда по адресу ул. Гоголевская, 14. Работа в этом здании продолжалась до 1936 г., когда все сотрудники (на тот момент уже областного радиокомитета) были переведены в другое здание – бывшей кенасы на ул. Караимской.

Здание Дворца Труда к началу 30-х гг. XX в. считалось одним из наиболее приметных и

интересных своей архитектурой исторических строений Симферополя. Оно было возведено в начале XX в. (по другим сведениям, в 1890 г.) по проекту губернского архитектора В. Геккера как здание Окружного суда Таврической губернии. После революционных событий 1917 г., в январе 1918 г., здесь располагался Симферопольский Совет рабочих и солдатских депутатов, а в первую неделю после освобождения Крыма от Врангеля, в ноябре 1920 г., – Крымский ревком.

В 1920-е гг. в здании был открыт Дворец Труда, в нем разместился Крымский Совет профсоюзов. В 1934 г. сюда же были переведены Крымский обком ВКП(б), позже отдельные службы Совнаркома Крымской АССР и Обком комсомола.

После Великой Отечественной войны в здании продолжил работу Крымский обком ВКП(б) (позже Крымский обком Компартии Украины). В настоящее время здесь располагается Центральный музей Тавриды (бывший Крымский краеведческий республиканский музей). Согласно решениям Крымского облисполкома от 05.09.1969 г. (№ 595)

г. Симферополь. Здание окружного суда Таврической губернии. Фото нач. XX в.

и 22.05.1979 г. (№ 284) здание является памятником истории и монументального искусства.

Первым директором Крымского радиоцентра был Суфьян Бекиров, сведения о котором в настоящее время практически отсутствуют. Первое время работа на радио ограничивалась в основном чтением новостей на крымскотатарском языке. Это были материалы из центральной крымскотатарской газеты полуострова «Енъи дюнъя» («Новый мир»), с ними слушателей знакомил журналист А. Озенбашлы. Амет Озенбашлы (1907–1982), однофамилец и тезка известного общественного деятеля Амета Озенбашлы (1893–1958), был выпускником Симферопольской девятилетней образцовой крымскотатарской школы (впоследствии «№ 13»), три года проучился на историческом факультете Крымского пединститута им. М. В. Фрунзе, дважды проходил курсы редакторов в Москве, с 1928 по 1941 г. работал в ряде крымскотатарских газет, прежде всего «Янъи дюнъя» (в 1936–1938 гг. был ее редактором) [3, с. 151–152].

В 1931 г. на должность режиссера драматического отдела на радио был приглашен известный театральный деятель, актер и драматург Гани Мурат (1910–2007), до этого учившийся в крымскотатарской театральной студии. Одновременно с работой на радио, Г. Мурат выступал в спектаклях Крымского татарского государственного драматического театра. На радио он проработал до 1940 г., здесь им были подготовлены, в том числе, ряд радиопостановок

на крымскотатарском языке – как крымскотатарских, так и других авторов [там же, с. 137]. Среди радиопьес особое место занимали произведения У. Ипчи.

Крымское радиовещание, начав с новостных программ, со временем обогатилось и музыкальными передачами. Заведовал

Гани Мурат (1910–2007)

*г. Симферополь.
Дворец труда.
Открытка
30-х гг. XX в.*

музыкальным отделом радио в эти годы был талантливый музыкант и композитор Я. Шерфединов (1894–1975). Уроженец Феодосии, он в 1931 г. окончил научно-композиторский факультет этнографического отделения Московской консерватории. В этом же году в Симферополе был издан его сборник «Песни и пляски крымских татар», а в 1936 г. – сборник массовых песен «Кутлеви йырлар». Я. Шерфединов проработал на радио до 1937 г., когда был назначен на должность заместителя художественного руководителя Крымского татарского театра оперы и балета [5, с. 124].

Первыми артистами крымского радиоцентра были Э. Алиева и М. Абселямов. Эльмаз Алиева была уроженкой Симферополя. Известно, что она вскоре покинула радиоцентр, в 1937–1938 гг. работала вокалисткой в Крымском государственном татарском театре оперы и балета, после его закрытия в 1938 г. вновь вернулась в радиокomitee, однако в 1939 г. перешла на работу солистки-вокалистки Ансамбля песни и пляски крымских татар при Крымской госфилармонии [там же, с. 259].

Коллега Э. Алиевой Мемет Абселямов (1911–1988), помимо вокального таланта,

обладал и выдающимися способностями художника. Работая на радио, он в 1934 г. с отличием окончил Симферопольскую художественную студию академика М. С. Самокиша. Позже, в 1937–1938 гг., М. Абселямов, как и Э. Алиева, работал солистом-вокалистом Крымского татарского театра оперы и балета, а после его закрытия также вернулся к основной деятельности в радиокomitee. До начала войны артист вел успешную концертную деятельность по Крыму и за его пределами. Не забывал и о живописи – его работы занимали призовые места как на всекрымских, так и на всесоюзных художественных выставках [там же, с. 260–261].

В помощь указанным солистам, а также для сольных выступлений на радио привлекались народные музыканты из Бахчисарая, специально приезжавшие в Симферополь в день эфира. Среди них были, в частности, талантливый исполнитель на кавале Эннан Керменчикли и известный музыкант и педагог Мамут Рефатов. Мамут Рефатов (1860–1940), в свое время бывший одним из наиболее известных сподвижников И. Гаспринского (возглавлял новометодную школу в Бахчисарае), был при этом очень талантливым музыкантом, в частности, пре-

красно владел народными крымскотатарскими инструментами сазом и сантыром. Двое из сыновей М. Рефатова также стали музыкантами – Асан Рефатов приобрел известность как первый профессиональный крымскотатарский композитор, Решат же несколько лет проработал редактором Крымского радиокomiteта [11].

В 1932 г. в радиокomiteт была приглашена выдающаяся в будущем крымскотатарская певица Сабрие Эреджепова (1912–1977). Она родилась в Бахчисарае, в семье учителя Керима Джемилева, ее мать, Саиде-апте, писавшая стихи, знавшая много народных песен и любившая петь, привила любовь к народным песням и своей дочери. В 1924 г., после окончания начальной школы, девочка продолжила учебу в известной Симферопольской крымскотатарской образцовой школе-девятiletке, где учителем музыки была известная пианистка В. К. Ханбекова. Еще будучи учащейся, Сабрие в 16 лет впервые вышла на сцену в составе хора

Мамут Рефатов (1860–1940)

Сотрудники и вокалисты Крымского радиокomiteта. Нижний ряд (слева направо): З. Люманова, Б. Муртазаева, С. Эреджепова, С. Берман, Асанова; средний ряд: Тарнапольский, Эсире Шемьи-заде, Я. Шерфединов, В. К. Ханбекова, Р. Рефатов; верхний ряд: Ш. Ислямова, М. Абселямов, А. Сулейманова. 1932[?] г.

Я. Шерфединов и группа крымскотатарских народных музыкантов. Слева направо: Зейдин (Зиядин) Мемишев (скрипка), Ахтем-уста (труба), Ягья Шерфединов (композитор), Исмаил Меджитов (кларнет), Аппаз-уста (скрипка), Сулейман Мемишев (даре – бубен), Байрам Мурадасилов (скрипка). 1930-е гг.

на юбилее известной актрисы Сары Байкиной. В 1932 г. она успешно прошла прослушивание и была приглашена для работы в радиокомитет [12, с. 52–53.]. (Спустя сорок лет в книге своих воспоминаний она очень подробно опишет все эти события, в частности, первое свое прослушивание в студии на ул. Гоголевской.)

С. Эреджепова исполняла на радио крымскотатарские народные песни. Исполнение осуществлялось вживую. Сопровождали выступления известные народные музыканты из Бахчисарая: Аппаз-уста (скрипка), Зейдин (Зиядин) Мемишев (скрипка), Ахтем-уста (труба), Исмаил Меджитов (кларнет), Сулейман Мемишев (даре – бубен), Байрам Мурадасилов (скрипка).

В этом же 1932 г. на радио в качестве диктора на конкурсной основе был принят выдающийся в будущем композитор Ильяс Бахшиш (1912–2000), до этого некоторое время

проучившийся в Московском институте инженерно-коммунального хозяйства. Именно в эти годы работы на радио И. Бахшиш написал музыку к своим первым песням. С 1934 по 1937 гг. он одновременно учился в Симферопольском музыкальном техникуме (в классе проф. И. И. Чернова), по завершении которого был назначен главным музыкальным редактором Крымского радиокомитета. В это же время И. Бахшиш активно сотрудничал с известным композитором Л. Книппером, прибывшим в 1937 г. в Симферополь для создания Крымского государственного татарского театра оперы и балета. Все в том же 1937 г. И. Бахшиш принял также предложение возглавить новосозданный Музыкальный фонд Крымской АССР (в 1940 г. фонд был преобразован в Союз композиторов Крыма на правах отделения Союза композиторов СССР, его председателем вновь был избран И. Бахшиш) [5, с. 150–151].

Помимо И. Бахшиша, дикторами на радио в эти годы (и вплоть до начала войны) работали Сафие Ибраимова и Эсире Шемьи-заде – родная сестра выдающегося поэта Э. Шемьи-заде, до этого некоторое время работавшая суфлером в Крымскотатарском драматическом театре.

Еще одним сотрудником радиокomiteта в эти годы был молодой крымскотатарский поэт и журналист **Раим Тынчеров** (1908–1973). Впоследствии он получит признание и как талантливый писатель, драматург и переводчик, будет активно сотрудничать с рядом крымскотатарских изданий, в том числе, газетой «Къызыл Къырым» («Красный Крым») [3, с. 181].

В 1933 г. на работу в Крымский радиокomiteт был принят известный музыкант и педагог Решат Рефатов (1897–?). Уроженец Бахчисарая, он в начале 1920-х гг. учился в Крымском университете, а в 1924–1928 гг. продолжил образование на педагогическом факультете Бакинского университета. Вернувшись в Крым, преподавал на рабфаке и в Ялтинском крымскотатарском педтехникуме. На радио Р. Рефатов был принят в качестве редактора музыкальных передач, коллеги особо отмечали его глубокие знания в области крымскотатарского музыкального

фольклора и методики исполнения народных песен [там же, с. 163–164].

В том же 1933 г., после окончания Крымскотатарской театральной студии при Крымском государственном татарском театре в радиокomiteте в качестве солистки хора крымскотатарского ансамбля была приглашена еще одна известная в будущем певица – Зейнеп Люманова (1918–1992). Она родилась в с. Сарайлы-Кият под Симферополем (ныне с. Мирное), училась в крымскотатарских образцовых школах № 12 и 13, в 1932 г. была зачислена на второй курс Крымскотатарской театральной студии. В радиокomiteте З. Люманова проработала до начала Великой Отечественной войны, а также в период с апреля по 18 мая 1944 года. Впоследствии, как и С. Эреджепова, в своих воспоминаниях она особо коснется событий, связанных с работой на Крымском радио [6].

Через год, в 1934 г., в радиокomiteте были приглашены еще несколько талантливых вокалистов: Алимe Сулейманова, Муневер Алиева, Бейе Муртазаева, Ильми Джемилев и др. [там же].

В 1935 г. на радио в качестве солистки была принята еще одна восходящая звезда крымскотатарского народно-

И. Бахшиш (крайний слева) и композитор Р. М. Глиэр (второй справа). Москва, 1940 г.

го исполнительства, певица с особым, проникновенным голосом – Э. Топчи (1919–1967). Она проработала на радио вплоть до начала Великой Отечественной войны, с 1940 г., параллельно, обучаясь на вокальном отделении Симферопольского музучилища [3, с. 177–178].

В 1935 г. директором (председателем) радиокомитета был назначен Зекирья Шерфединов.

В середине 1930-х гг. в жизни отдельных сотрудников Крымского радиокомитета произошел ряд интересных событий всесоюзного масштаба. Так, в 1935 г. солистка радиокомитета С. Эреджепова была привлечена к съемкам на Ялтинской киностудии достаточно популярного в будущем фильма «Запорожец за Дунаем» (режиссер И. Кавалеридзе). В фильме певица исполнила за кадром две крымскотатарские народные песни: «Пенджерен кьар гелир» («За окном падает снег») и «Меджбур олдым» («Я вынужден был»), исполнение сопровождал ансамбль Аппаза-уста под руководством Я. Шерфединова [12, с. 66–67].

Через год, в марте 1936 г. С. Эреджепова приняла участие в Первом всесоюзном радиофестивале народного творчества в Москве. По воспоминаниям певицы, заклю-

чительный концерт фестиваля проходил в Концертном зале им. П. Чайковского. Среди слушателей присутствовали такие известные музыканты, как дирижер Большого театра Н. С. Голованов, а также выдающиеся представители крымскотатарской интеллигенции – бывший нарком просвещения Крымской АССР Мамут Недим, композитор Асан Рефатов и его брат, музыкальный редактор Крымского радиокомитета Решат Рефатов и др. На сцене выступали такие талантливые исполнители, как Ирма Яунзем, Шара Тальян и др. С. Эреджепова навсегда запомнила этот концерт. На нем она исполнила две крымскотатарские народные песни – «Эки пугъу» («Два филина», в обработке А. Рефатова для голоса, фортепиано и виолончели) и «Ногай бейитлери» («Ногайские частушки»). Исполнение прошло очень успешно, вызвало бурю аплодисментов, Н. С. Голованов лично подошел поздравить молодую певицу [там же, 59].

В 1936 г. Крымский радиокомитет поменял адрес прописки – его творческий коллектив был переведен в здание бывшей городской караимской кенасы на улице Караимской (ныне ул. Караимская, 6).

Данное здание кенасы было открыто для верующих летом 1896 г., до этого на том

Зейнеп Люманова (крайняя слева). 1932 г.

Слева: Эдие Топчи (1919–1967); справа: Эдие Топчи и Мемет Абселямов. 1937 г.

же месте существовало более старое здание того же храма. Новое здание было построено на средства караимской общины, значительные пожертвования на строительство были внесены такими известными личностями, как Ю. Шапшал, А. Пастак, А. Прик и др. При работе над проектом кенасы был использован эклектический стиль, популярный в архитектуре конца XIX в. – начала XX в., в облике храма были объединены характерные черты готической, византийской и восточной школ зодчества.

Судьба здания кенасы, как и всех культовых строений в советское время, сложилась непросто. В 1930 г. кенаса была закрыта, здание некоторое время использовалось как клуб, при этом подверглось перестройке – с частичным уничтожением культового декора. С 1936 г. в здании работала редакция Крымского областного радиокomiteта. Во время Великой Отечественной войны оккупанты устроили здесь конюшню. После войны в здании вновь продолжила работу редакция Крымского радио.

После распада СССР религиозная караимская община стала активно добиваться возвращения своей святыни. Осенью 2012 г. состоялась первая за 82 года служба в храме, приуроченная к празднику Кущей. Летом

же 2014 г. по решению властей караимская кенаса окончательно была передана общине «Чолпан». В настоящее время, согласно решению Крымского облисполкома от 22.05.1979 г. (№ 284), здание симферопольской кенасы является памятником архитектуры и градостроительства.

После переезда в новое здание главным редактором Крымского радиокomiteта был назначен Абдураман Арифов. В эти годы штат оркестра народных инструментов и хора крымскотатарского ансамбля радиокomiteта составлял 60 человек [5, с. 150–151]. Всего же в учреждении работало, по некоторым сведениям, около 200 человек, две трети из которых были крымские татары.

На этот момент сеть крымского радиовещания уже охватывала практически весь Крым. Все радиорубки находились в ведении инструктора радиокomiteта, им в середине 1930-х гг. был известный знаток крымскотатарского фольклора Мамут Бекиров.

Репрессии 1937–1938 гг. не обошли стороной и Крымский радиокomiteт. Так, в апреле 1937 г. был арестован Р. Рефатов. 21 декабря 1937 г. ему было предъявлено обвинение в том, что он является «активным участником контрреволюционной миллифирковской националистически-

г. Симферополь. Здание караимской кенасы, в котором в 1936–2014 гг. располагался Крымский радиокomitee. Фото 2000-х гг.

шпионской организации и был тесно связан с агентами разведывательных органов Турции С. Айвазовым и Б. Чобан-заде». Особым совещанием при НКВД СССР от 14 февраля 1938 г. Р. Рефатов был приговорен к восьми годам исправительно-трудовых лагерей, отбывал на-

Сулейман Тауров (1907–1984)

казание в Архангельской области. Согласно архивным сведениям, 20 января 1944 г. Р. Рефатов был освобожден из мест заключения, однако последующая судьба его остается неизвестной. Дело в отношении Р. Рефатова было пересмотрено 23 ноября 1956 г. – решением Военного трибунала Одесского военного округа он был реабилитирован [11, с. 113].

Еще одной жертвой репрессий стал литературный работник (так записано в следственных документах) Аблямит Абляев. О нем в настоящее время известно немного. Согласно тем же следственным документам, родился в 1896 г. в Евпатории, был служащим, беспартийным, женатым, образование имел

незаконченное высшее. А. Абляев был арестован 23 сентября 1937 г. по сфабрикованному обвинению. Спустя семь месяцев, в особо трагический для крымских татар день – 17 апреля 1938 г. он был приговорен как «член антисоветской организации» к расстрелу, последовавшему в тот же день. 20 августа 1963 г. А. Абляев был реабилитирован [8, с. 26].

Наконец, 12 декабря 1937 г. УГБ НКВД Крыма был арестован Зекирья Шерфединов, бывший на тот момент председателем Крымского радиокomitee. О нем также известно немного. Согласно, опять же, следственным материалам, родился в 1905 г. в Сейтлерском р-не, в крестьянской семье, с 1927 г. был членом ВКП(б), женат. Обвинялся по ст. 58-10 УК РСФСР («контрреволюционная деятельность»), 2 июня 1940 г. ОС при НКВД СССР был осужден к пяти годам исправительно-трудовых лагерей. Дальнейшая его судьба в настоящее время неизвестна. Был реабилитирован 12 мая 1962 г. [7, с. 161].

Несмотря на это, жизнь продолжалась. В 1938 г. коллектив Крымского радиокomitee пополнился целым рядом талантливых артистов и литературных работников. Так, на должность главного редактора крымскотатарских передач Крымского радио был назначен известный писатель и литературный критик Абдулла Дерменджи (1905–1976). В свое время он учился в КПИ, позже окончил курсы при Московском институте журналистики, с 1926 г. работал в ряде

крымскотатарских газет и журналов, в том числе с 1934 по 1937 г. – в газете «Янъы дюнъя» (литературным сотрудником, заведующим отделом, заместителем редактора). На радио А. Дерменджи проработал до 1940 года [3, с. 81–82].

В том же 1938 г. на должность заведующего новостным отделом крымскотатарской редакции Крымского радиокomiteта был назначен журналист, партийный работник Сулейман Таиров (1907–1984). На радио он проработал до октября 1941 г., вплоть до занятия Симферополя фашистскими войсками. В годы войны С. Таиров был участником подполья и партизанского движения, в депортации же стал активным участником крымскотатарского национального движения [1, с. 465].

В этом же году в хор при радиокomiteте приглашается певица Алиме Акимова, до этого работавшая в Крымском государственном татарском театре оперы и балета, а еще ранее окончившая татарский музыкально-театральный техникум [5, с. 282–283].

Наконец, в том же 1938 г. в коллектив в качестве диктора вливается и талантливая актриса Фатъма Аметова (1920[?]-2008). Она родилась в дер. Корбек Алуштинского р-на, в 1933–1936 гг. училась в Крымском татарском музыкально-театральном техникуме. В 1936 г. была приглашена в Крымский татарский государственный театр, проработала здесь до 1938 г., с успехом сыграла множество ролей. В радиокomiteте Ф. Аметова работала до самого начала войны, а также после освобождения города от фашистов, в апреле – мае 1944 года. В депортации она продолжила свою деятельность в качестве диктора – в 1957 г. была принята на работу диктором радио крымскотатарской редакции Госкомитета по телевидению и радиовещанию Узбекистана, проработала здесь 30 лет, воспитав ряд молодых крымскотатарских дикторов [3, с. 38–39].

Следующий, 1939 г. в жизни коллектива Крымского радиокomiteта также был отмечен целым рядом важных и интересных событий. Так, в этом году в радиокomiteт был приглашен известный в будущем поэт и общественный деятель Мемет Муединов (Севдияр, 1913–1999). Он родился в Симферополе, учился в местной школе рушдие, далее – в Крымскотатарской образцовой школе № 13. В 1931 г. поступил в Казанский архитектурный институт, однако из-за нехватки средств вынужден был вернуться в Крым. Позже М. Муединов поступил и в 1935 г. окончил вечернее отделение Крымского пединститута, после чего был

Фатъма Аметова. 1930-е гг.

призван в армию. После демобилизации был принят на работу в радиокomiteт заведующим литотделом, проработал на радио до самого начала войны [там же, с. 164–165].

В том же 1939 г. в радиокomiteт на должность диктора был принят поэт и журналист Амет Мефаев (1917–1976). В 1936 г. он окончил крымскотатарское отделение Крымского педагогического института, учился в аспирантуре. Впоследствии, в депортации А. Мефаев многие годы возглавлял отдел крымскотатарского вещания Республиканского радио УзССР [там же, с. 134–135].

Еще одной яркой личностью, пополнившей коллектив в 1939 г., была выдающаяся в будущем классическая певица и пианистка Шафика Кутдусова (1910–1956). Она родилась в Севастополе, в семье главного имама города Юсуфа Рахимова. С 1936 г. с семьей проживала в Симферополе. Училась

Шафика Кутдусова (1910–1956)

в Симферопольском музыкальном училище на двух отделениях: фортепианном (в классе Е. П. Сефировой) и вокальном (в классе директора училища К. А. Ардатова). Одновременно, в 1937–1938 гг., работала вокалисткой в Крымском татарском театре оперы и балета, после его закрытия – в Государственном ансамбле песни и пляски крымских татар при Крымской государственной филармонии в Симферополе. После окончания в 1939 г. фортепианного отделения музучилища Ш. Кутдусова была принята пианистом-аккомпаниатором в крымскотатарский ансамбль Крымского радиокомитета, а после окончания в 1940 г. вокального отделения стала солисткой этого же ансамбля и начала выступать перед публикой с самостоятельными концертными программами. В радиокомитете Ш. Кудусова проработала до начала 1941 г., когда была приглашена в качестве ве-

дущей солистки в Татарский государственный театр оперы и балета в Казани. Дальнейшая ее жизнь успешной оперной и эстрадной певицы была связана с Казанью и Москвой. В 1950 г. она была удостоена звания заслуженной артистки Татарской АССР [5, с. 275–277].

В 1939 г. в жизни некоторых сотрудников Крымского радио вновь произошли события всесоюзного масштаба. Прежде всего, ряд солисток крымскотатарского ансамбля Крымского радиокомитета под руководством Я. Шерфединова приняли участие в записи крымскотатарских народных песен на Апрелевском заводе грампластинок в Москве. Среди них были Э. Алиева, Э. Топчи, З. Люманова, А. Сулейманова и др. [4, с. 222].

Помимо этого, в декабре 1939 г. солистка радиокомитета С. Эреджепова приняла участие в I Всесоюзном конкурсе артистов эстрады, состоявшемся в Москве и собравшем более трехсот артистов со всей страны. Конкурс проводился по разговорному, вокальному и танцевальному жанрам. Председателем жюри был И. Дунаевский, заместителем – Л. Утесов, членами – В. Ардов, М. Зощенко, И. Ильинский, А. Мессерер, И. Моисеев, Н. Смирнов-Сокольский, В. Яхонтов. Крым в номинации «танец» представляли артисты Крымского татарского театра Нурие Желилова (Джетере) и Рефат Асанов, в номинации «вокал» – Сабрие Эреджепова. Певица исполнила песню «Меджбур олдым» под аккомпанемент народного музыканта Аппаза-уста, а также легендарные «Ногъай бейитлери». Несмотря на строгие правила конкурса, зрители устроили молодой певице овации, требовали повторения частушек, председателю жюри И. Дунаевскому пришлось успокаивать зрителей. По итогам конкурса С. Эреджепова была награждена дипломом «Талантливой молодой певице» [12, с. 71–72]. В том же году она впервые выступила и по Центральному телевидению [там же, с. 64].

В 1940 г. за многолетний творческий труд и высокие профессиональные достижения ряд крымскотатарских деятелей искусств были удостоены высоких государственных званий. Среди них были и сотрудники Крымского радиокомитета (бывшие и работающие): Я. Шерфединов и И. Бахшиш были удостоены звания заслуженного деятеля искусств Крымской АССР, С. Эреджепова – заслуженной артистки Крымской АССР.

Список использованных источников и литературы

1. **Асанин И. Ч.** Адалет куреши сафларында. Китап 1. – Симферополь, 2002. – 624 с.
2. **Бекиров С.** Къырым радиосы, иншалла, джанланыр: бу сене «Къырым» радиосынынъ чалышып башлагъанына 84 йыл олды // Авдет. – 2014. – 21 июля.
3. **Деятели крымскотатарской культуры (1921–1944 гг.): биобиблиографический словарь /** гл. ред. и сост. Д. П. Урсу. – Симферополь: Доля, 1999. – 240 с.
4. **Заатов И.** Крымскотатарское сценическое искусство в материалах архивов и оккупационной прессы 1941–1944 гг. – Симферополь: Доля, 2015. – 348 с., илл.
5. **Заатов И.** Крымский государственный татарский театр оперы и балета в материалах архивов и довоенной прессы 1937–1938 гг. – Симферополь: Доля, 2016. – 360 с., илл.
6. **Люманова З.** Кечкен омюримни хатырлап... // Йылдыз. – 2006. – № 5. – С. 57–85.
7. **Реабилитированные историей.** Автономная Республика Крым. Кн. 7. – Симферополь: АнтикВА, 2006. – 328 с.
8. **Реабилитированные историей.** Автономная Республика Крым. Кн. 8. – Киев, 2014. – 448 с.
9. **Рефатова А.** Куреш мейданында // Йылдыз. – 1989. – № 6. – С. 104–116.
10. **Усеинова Г.** Мир радио и мир литературы в одной судьбе // Голос Крыма. – 2016. – 21 октября.
11. **Хаяли Р. И.** Судьба семьи учителя Мамута Амета-оглу Рефатова // Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым. Кн. 1. – Симферополь: Магистр, 2004. – С. 109–115.
12. **Эреджепова С.** Меним энишли-ёкъушлы ве чечекли ёлларым. Хатыра китабы. – Акъмесджит, 2012. – 248 с.

Н. Абдульвапов, С. Бекиров

КРЫМСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО (КрымГИЗ).
Редакции ряда крымскотатарских периодических изданий
ул. Горького, 5

Крымское государственное издательство («Крымгосиздат», *крымтат.*: «Къырым-девлетнешир») было создано распоряжением Крымского ревкома в феврале 1921 г. Вначале оно существовало как Крымское отделение центрального государственного издательства – ГИЗа, а с 1922 года – как самостоятельная организация – КрымГИЗ.

В начальный период работы издательство располагалось, судя по всему, на территории бывшей усадьбы И. И. Бреннера – во внутреннем дворе здания по адресу ул. Советская (до 1924 г. – ул. Дворянская, ныне ул. Горького), 8 [2, с. 54]. В этом же здании на протяжении 20–30-х гг. XX в. располагался и магазин Крымгосиздатторга [там же, с. 52].

Позже, в конце 1920-х гг., коллектив Крымгосиздата переехал в здание напротив, по адресу ул. Советская, 5. Новое здание издательства было одним из наиболее примечательных строений в городе. Построено оно было в 1915–1916 гг. на средства круп-

ного землевладельца Симферопольского уезда, гласного Симферопольской городской думы Ф. Ф. Шнейдера на территории усадьбы, принадлежавшей роду Шнейдеров. Автором проекта предположительно был известный архитектор академик Н. П. Краснов. Строение состояло из двух массивных, развитых вглубь участка корпусов, соединенных полуциркулярной аркой. В правом из них размещался Симферопольский городской общественный банк, в левом – кинематограф (кинотеатр) «Баян» [там же, с. 34–43]. Коллектив Крымгосиздата расположился на третьем этаже правого корпуса здания, выходящего на улицу (справа от арки).

Крымское государственное издательство выпускало литературу самого различного содержания: правительственные постановления, партийные директивы, хозяйственные сводки, произведения художественной литературы, научные монографии и сборники исследовательских статей, учеб-

ники и учебно-методические пособия. Кроме того, большой популярностью пользовались различные краеведческие материалы, карты Крыма, открытки с видами природы и исторических достопримечательностей полуострова и т. д.

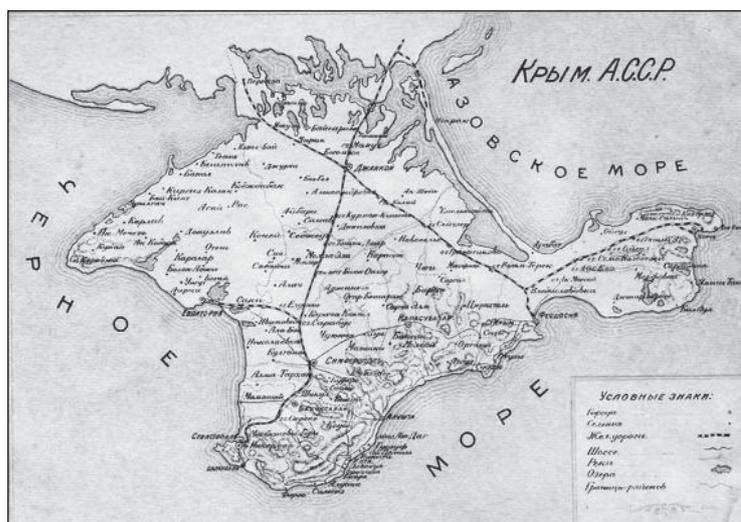
Об общем объеме и предметном содержании этой продукции дают представленные несколько каталогов, изданных КрымГИЗом, в частности, в 1928, 1930 и 1941 гг., а также другие библиографические издания, вышедшие как в Крыму, так и за его пределами.

На основании указанных источников, а также архивных сведений и данных из периодической печати довоенного времени можно представить цифры изданных Крымгосиздатом материалов за отдельные периоды его деятельности. Так, в 1925/26 г. было издано 188 книг [9, с. 484], в 1926/27 г. – 128, 1927/28 г. – 145, в 1928/29 г. – 273 [7, с. 351] и т. д. За период 1923–1928 гг. имеются сведения и об изданной продукции в печатных листах: 1923/24 г. – 77 п. л., 1924/25 гг. – 221 п. л., 1925/26 гг. – 365 п. л., 1927/28 – 432 п. л., всего – 1095 п. л. [там же]. При этом общий тираж изданий, например, в 1940 г. составил около 1 млн. экземпляров.

Значительную часть продукции КрымГИЗа составляла литература на крымскотатарском языке. Так, согласно сведениям, опубликованным в газете «Яш къувет» («Юная сила») от 11 мая 1929 г., за последние три года издания на крымскотатарском языке составляли 66,2% от общей продукции Крымгосиздата [7, с. 351]. В плане же на 1930 г. этот показатель еще более увеличивался: из 3 000 000 печатных страниц 86% должны были составить издания на крымскотатарском языке [6, с. 7]. И если в первые годы работы, в период 1922–1925 гг., в условиях голода и трудностей последующего периода восстановления народного хозяйства, на крымскотатарском

2. Симферополь, ул. Горького, 8. Бывший Симферопольский городской общественный банк (территория усадьбы Шнейдеров). В этом здании в 1920–1930-е гг. располагалось управление Крымского государственного издательства (КрымГИЗ). Фото 2018 г.

Открытое письмо с картой Крымской АССР. Симферополь, Крымгосиздат, 1920-е гг.

2. Симферополь. Бывший дом Ф. Ф. Шнейдера, в котором в 20–30-е гг. XX в. располагались Управление Крымгосиздата, кинотеатр «Большевик» (бывший «Баян») и Крымский коммунальный банк. Открытка 1930-х гг.

Путеводитель по Крыму / под ред. А. И. Маркевича. – Симферополь: Крымгосиздат, 1925. – 267 с.

языке было издано лишь несколько десятков книг (36 названий), то лишь за 1925/26 отчетный год их было уже 131 [9, с. 484], за 1929/30 г. – 168 единиц [8, с. 171], в каталоге же за 1938–1941 гг. (издан в 1941 г.) присутствуют сведения о 222 изданиях на крымскотатарском языке [6, с. 9].

В целом с 1922 по 1941 г. Крымгосиздатом было издано, по меньшей мере, 1300 книг на крымскотатарском языке [6]. При этом основной объем, как было указано выше, приходился на период с 1926 г. В таком случае, в среднем в год издавалось от 90 наименований и выше.

Для сравнения: в местах депортации в 1957–1991 гг. в среднем в год издавалось 12 названий книг на крымскотатарском языке, количество же изданий за 1967–1989 гг. (23 года) примерно равнялось объему двухлетней книжной продукции в последние предвоенные годы [11, с. 53].

Значимость приведенных цифр хорошо видна также и в сравнении с изданиями на языках национальностей Крыма. Так, согласно Справке информационного сектора Крымского обкома ВКП(б) об издании литературы на национальных языках за

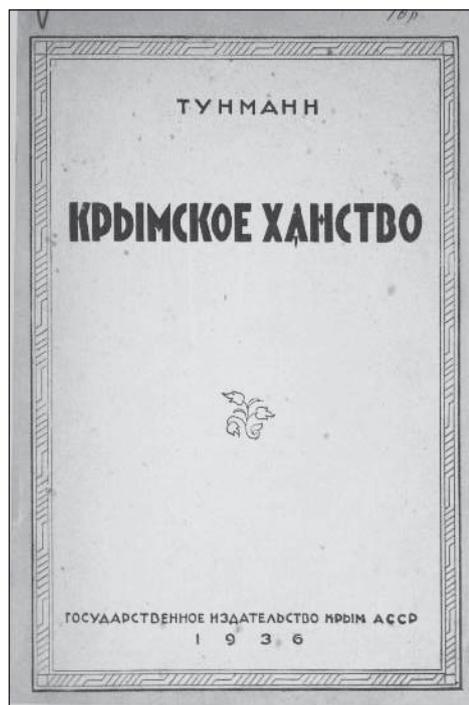
1930 г., в 1929–1930 гг. Крымгосиздатом на крымскотатарском языке было издано, как было указано выше, 168 книг, а на немецком языке за этот же период было издано лишь четыре названия, на крымчакском – четыре, на греческом – одно. На языках других национальностей никакой литературы издано не было [8, с. 171–172].

Эта ситуация объясняется разницей в статусе крымскотатарского языка в Крымской АССР (один из двух государственных), как и, собственно, самого народа – коренного этноса в Крыму. Совершенно очевидно, что литература на крымскотатарском языке в таком преобладающем количестве могла издаваться исключительно в Крыму.

О значимости крымскотатарской проблематики в деятельности Крымгосиздата может свидетельствовать и следующий факт. В 1926 г. сотрудниками СНК СССР (управляющим делами Ильченко и заведующим общим отделом Тархановым) для организуемой в Брюсселе Выставки советской печати был подготовлен список книг – изданий Крымгосиздата. Для предоставления в распоряжение Бельгийского общества друзей СССР было выбрано 39 наименований изданий – все исключительно на крымскотатарском языке, в том числе: «Природные богатства Крыма» А. Озенбашлы, «Женщины Востока» О. Ипчи, «Крымская трагедия при царизме, или Эмиграция крымских татар» А. Озенбашлы, «Крымскотатарские детские песни (с нотами и иллюстрациями)» А. Одабаша и З. Бахаревиц, «Букварь для школ I ступени» Я. Байбуртлы, «Турецко-татарский язык. Первая после букваря книга для чтения для 2-й группы школ I ступени» А. Одабаша и О. Аджи-Асана, «Школьная гигиена» Я. Байрашевского, «Крымскотатарская этимология» Б. Чобан-заде [3].

Значительную часть указанного списка составляли школьные учебники. Этому направлению издательской деятельности в КрымГИЗе уделялось особое внимание, поскольку речь шла об обеспечении учебной литературой более трехсот (в 1940–1941 гг. – 371) крымскотатарских национальных школ автономии. В результате, в том же каталоге за 1938–1941 гг. из 222 изданий на крымскотатарском языке около 100 составляли учебники и программы для крымскотатарских школ [6, с. 9–10].

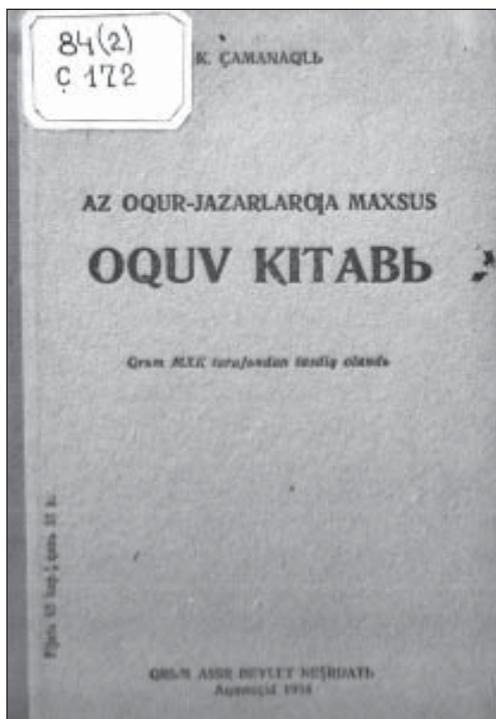
Среди изданий Крымгосиздата особо необходимо отметить значительное количество переводов на крымскотатарский язык произведений мировой классики. Данные издания исчисляются сотнями названий, при этом неко-

Тунманн [Г. Э.] Крымское ханство / пер. с нем. Н. Л. Эрнста, С. Л. Белявской; предисл., прим. Н. Л. Эрнста. – Симферополь: Госиздат Крым. АССР, 1936. – 104 с.

Бахаревиц З., Одабаш А. Крымско-татарские детские песни. – Симферополь: Крымгосиздат, 1926. – 48 с.: илл., с нотами (на крымскотатарском языке, с подстрочным переводом текстов песен на русский язык).

Джаманаклы К. Книга для чтения для школ малограмотных. – Акмессджит: Крымгосиздат, 1934. – 104 с. Из фондов Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского.

Сказки крымских татар в передаче М. Г. Кустовой / вступ. ст. М. Г. Кустовой; подгот., ред. М. В. Вуль.; илл. А. Варфоломеева. – Симферополь: Крымгосиздат, 1941. – 120 с.: илл.

торые произведения переводились дважды и, иногда, трижды. Из русской, украинской, а также советской классики присутствуют произведения А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого, Н. Гоголя, Н. Некрасова, Д. Фонвизина, И. Тургенева, И. Крылова, А. Чехова, А. Куприна, М. Салтыкова-Щедрина, А. Толстого, М. Горького, Д. Мамина-Сибиряка, Т. Шевченко, В. Винниченко, М. Коцюбинского, А. Барто, С. Сергеева-Ценского, Д. Бедного, В. Бианки, В. Маяковского, А. Гайдара, А. Фадеева, М. Шолохова, Н. Островского, В. Гаршина, Ф. Гладкова, А. Серафимовича, В. Катаева, Л. Кассиля, К. Чуковского, Н. Венкстерн и др. Западно-европейская литература представлена такими авторами, как Мольер, Шекспир, Гюго, Мопассан, Шиллер, Дефо, Золя, Лондон, Генри, Распе, Роллан, Сервантес, Киплинг, Свифт, Костер, Гамсун, Брет-Гарт, Войнич, Верга и т. д.

Переводчиками данных произведений были многочисленные крымскотатарские литераторы, в том числе весьма известные поэты и писатели: А. Кадри-заде, Дж. Гафар, А. С. Айвазов, О. Акчокраклы, М. Нузет, Я. Байбуртлы, У. Ипчи, Амит Лятиф-заде, Я. Мусанниф, М. Бекиров, Ф. Аблямитов, Б. Умеров, М. Муждабаев, А. Дерменджи, И. Бешевли, У. Фаик, З. Келямов, А. Алим, Ш. Алядин, Р. Тынчеров, А. Озенбашлы, М. Куртиев, В. Абилов, Б. Аббасов и многие другие [6].

Данные факты свидетельствуют о весьма активной переводческой деятельности, имевшей место в крымскотатарской литературе и образовании в то время, и очень важном месте, которое занимал в этих процессах Крымгосиздат.

Разумеется, в большом количестве издавались и оригинальные художественные произведения крымскотатарских авторов, в первую очередь наиболее талантливых: Б. Чобан-заде, А. Лятиф-заде, А. Ильми (Алтайлы), У. Ипчи, А. Чергеева, Дж. Гафара, Э. Шемьи-заде, Ш. Алядина, Ю. Болат, А. Алтаньлы, Ы. Кадыра, Ф. Акима, Ибраима Бахшиша и многих других.

Все вышеприведенные факты не оставляют сомнений в том, что Крымгосиздат в довоенный период являлся в значительной степени национальным крымскотатарским издательством. На это, к слову, присутствуют многочисленные указания и в публикациях тех лет. Отметим, в частности, ряд статей Е. Петропавловской, опубликованных в 1926 г. в га-

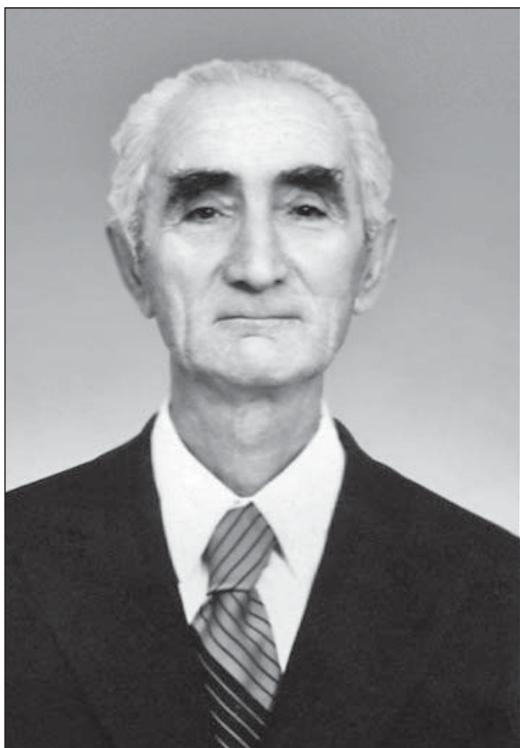
Коллектив сотрудников Крымгосиздата. 1 мая 1934 г. Сидят (слева направо): Якуб Куркчи, Керим Джемалединов, Исмаил Ушаков, Джеппар Акимов, Таур[?] Тынчеров, Мемедулла Усеинов, [... ?], Волошин (поэт), [... ?]. Стоят (слева направо): Шерфединов, [...]. Из фондов Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского.

зете «Красный Крым», а также ее же статью под названием «Достижения и недочеты Крымгиза как национального издательства», вышедшую в том же году в № 12(22) журнала «Пути коммунистического просвещения» [9, с. 484]. Данный вопрос требует особого рассмотрения. К сожалению, исследования по истории деятельности Крымского государственного издательства до сих пор практически отсутствуют.

Как было указано выше, за почти двадцать межвоенных лет на крымскотатарском языке Крымгосиздатом было издано по меньшей мере 1300 различных книг. Значительная часть этих изданий имеет большую историческую ценность, многие из них не потеряли актуальности и поныне. Однако в результате насильственного выселения крымских татар в 1944 г., вплоть до последнего времени лишь малая часть этого фонда была доступна исследователям и простым читателям. Ныне значительная часть этих материалов сохраняется в Российской государственной библиотеке (Москва), Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург), а также в Республиканской

Логотип Государственного издательства Крымской АССР на крымскотатарском языке («Кърым-нешир»). 1937 г.

Дженнар Акимов (1909–1983)

Биял Чешмеджи (1899–1938)

крымскотатарской библиотеке им. И. Гаспринского (Симферополь).

Говоря о трудовом коллективе Крымгосиздата, необходимо отметить, что на протяжении всего периода деятельности он в значительной степени состоял из крымских татар. Среди них особую известность приобрел талантливый журналист и педагог Дженнар Акимов, проработавший в издательстве с 1933 (по другим сведениям, 1935) по 1941 г., а в последние годы бывший и его директором. Дж. Акимов родился в 1909 г. в селе Тувак (ныне с. Рыбачье) между Алуштой и Судак. Окончил Крымский татарский (Тотайкойский) педагогический техникум, некоторое время работал в родном селе учителем, затем был приглашен на работу в Государственное издательство Крымской АССР. С началом войны Дж. Акимов был эвакуирован в Краснодарский край, в конце 1941 г. (по другим сведениям, в 1942 г.) – назначен главным редактором центральной республиканской газеты на крымскотатарском языке «Кызыл Кырым» («Красный Крым»). В конце 1942 г. Дж. Акимов был направлен в один из партизанских отрядов Крыма, где продолжил издание газеты в виде листовок. В апреле 1944 г., после освобождения Крыма от оккупантов, он вернулся в Симферополь, где продолжил редактировать «Кызыл Кырым». 18 мая 1944 г. Дж. Акимов вместе с семьей был сослан в узбекский город Бекабад, где прожил до своей смерти в 1983 году.

В годы депортации Дж. Акимов стал одним из основателей национального движения крымских татар за возвращение на историческую родину, за что подвергался многочисленным гонениям и репрессиям. Так, в 1972 г., в возрасте 63 лет, он был осужден Ташкентским городским судом к трем годам лишения свободы по обвинению в составлении и распространении документов, «порочащих советский государственный строй». Свое участие в национальном движении Дж. Акимов совмещал с научно-исследовательской работой: занимался составлением русско-крымскотатарского и крымскотатарско-русского словарей, изысканиями в области истории крымскотатарского народа и его литературы.

10 ноября 2009 г., к 100-летию со дня рождения Дж. Акимова, в Симферополе состоялось торжественное открытие мемориальной доски в его честь. Доска была установлена на стене кинотеа-

Амит Лятиф-заде с супругой, педагогом и поэтессой Зейнеп Аббасовой. 1930-е гг. Из архива С. Лятиф-заде.

тра им. Т. Г. Шевченко (ул. Горького, 5), где в 1920–1930-х гг. располагались помещения Крымгосиздата.

Помимо Дж. Акимова, в разное время руководителями и сотрудниками КрымГИЗа были следующие представители крымскотатарской интеллигенции:

Бекиров Мустафа Бекирович (1900–1975[?]): известный педагог, с 1923 г. директор Крымского НИИ краеведения, в 1925–1928 гг. (предположительно) редактор Крымгосиздата, в 1934–1937 гг. директор Крымского пединститута; стал жертвой политических репрессий конца 1930-х гг: был обвинен в «участии в антисоветской пантюркистской националистической организации» и проведении в пединституте «вредительской работы», осужден 02.11.1938 г. к 12 годам тюремного заключения с поражением в правах на пять лет (реабилитирован 22 декабря 1956 г.) [5, с. 54–55];

Ушаков Исмаил Усеинович (1902–?): публицист; по некоторым данным, был одним из руководителей КрымГИЗа; также стал жертвой репрессий: был арестован 24 января 1937 г., обвинен в том, что якобы участвовал в «пантюр-

кистской террористической организации» и занимался «вредительством в области издательского дела»; был приговорен к 12 годам исправительных трудовых лагерей с поражением в правах на пять лет (реабилитирован 23 мая 1956 г.) [там же, с. 188–189];

Джемалединов Абдулькерим (1893–1938): известный ученый-языковед и педагог, работал редактором в КрымГИЗе в 1934–1936 гг.; также стал жертвой репрессий – расстрелян 17 апреля 1938 г. (реабилитирован в 1958 г.) [там же, с. 89–90];

Чешмеджи Билял Мамут (1899[?]-1938): видный государственный и общественный деятель, в 1920-х гг. заведующий Симферопольским рабфаком, в начале 1930-х гг.

г. Симферополь, ул. Горького, 5. Памятная доска в честь Дж. Акимова. Фото 2018 г.

нарком здравоохранения КрАССР, позже – управляющий Крымгосиздатом; также стал жертвой политических репрессий – расстрелян в 1938 г.;

Ляtif-заде Амит (1899–1955): родной брат поэта и педагога А. Ляtif-заде; получил образование на рабфаке при Крымском университете, позже – в Крымском пединституте; работал редактором в КрымГИЗе в 1930-х гг., его перу принадлежат десятки переводов самых различных произведений, включая образцы мировой литературной классики; в годы «Большого террора» подвергался репрессиям;

Усеинов Мемедулла Усеинович (1907–1940): писатель, переводчик; получил образование на рабфаке и в Ленинградском горном институте, в 1930-х гг. работал в КрымГИЗе редактором по выпуску учебников, переводил на крымскотатарский язык школьные учебники и художественную литературу; в конце 1930-х гг. учительствовал в Туркмении, участвовал в советско-финской войне 1939–1940-х гг. [там же, с. 185–186];

Усеинов Ибраим Халилович (1903–?): ученый-языковед, педагог; окончил Академию ком воспитания в Москве, в 1935–1937 гг. работал в КПИ деканом ф-та крымскотатарского языка и литературы, позже был назначен в КрымГИЗ редактором переводов на крымскотатарский язык произведений марксизма-ленинизма; в ноябре 1938 г. был арестован как «член контрреволюционной организации» и осужден к пяти годам лагерей, дальнейшая судьба неизвестна [там же, с. 184–185];

Ильясов (Шейх-заде) Сеит-Ибраим (1894–1985): педагог, журналист, работал в КрымГИЗе в середине 1930-х гг.;

Куркчи Якуб Сулейманович (1903–1943): крымскотатарский ученый-языковед, образование получил в Москве (Школа профдвижения, 1928 г.), на факультете крымскотатарского языка и литературы КПИ, университете г. Баку; в 1930-е гг. работал в КрымГИЗе редактором отдела учебной литературы; погиб во время Великой Отечественной войны [там же, с. 121–122];

Гафаров Басыр (1907–1991): известный ученый и педагог, кандидат филологических наук; выпускник Крымского татарского (Тотайкойского) педтехникума и Крымского пединститута им. М. В. Фрунзе, в КрымГИЗе работал в 1938–1939 гг. начальником издательского управления; участник Великой Отечественной войны, позже – национального движения крымских татар;

Шемьи-заде Эшреф (1908–1978): выдающийся поэт и литературовед; работал редактором КрымГИЗа в 1938–1941 гг.;

Азизов Рахми Гани (1905–?): выпускник Крымского татарского (Тотайкойского) педтехникума; в Крымгосиздате работал корректором; 28 июля 1938 г. был арестован и 29 декабря 1939 г. осужден по ст. 58-10,11 УК РСФСР (как «член миллифирмовской группировки и пантюркистской организации Вели Ибраимова») к пяти годам исправительно-трудовых лагерей (реабилитирован 29 мая 1961 г.) [10, с. 150].

Сотрудниками КрымГИЗа были также Сейдаметов, Таир Тынчеров, Шерфединов и др. – сведения о них в настоящее время крайне недостаточны. Помимо крымских татар, в издательстве работали представители и других национальностей: Киселев, Волошин, Бочагов и др.

Список использованных источников и литературы

1. **Асанин И. Ч.** Адалет куреши сафларында. Китап 1. – Симферополь, 2002. – 624 с.
2. **Вьюницкая Л., Эйлер А.** Прогулки по Симферополю: улица Горького. – Симферополь, 2016. – 152 с.
3. **ГАРК**, ф. Р-652, оп. 1, д. 1086.
4. **Граннес А.** Опыт библиографии советской художественной литературы на крымскотатарском языке с первых изданий в ссылке до конца советского периода (1957–1991). – Берген: Изд-во Бергенского университета, 1994. – 27 с.

5. **Деятели** крымскотатарской культуры (1921–1944 гг.): Биобиблиографический словарь / Гл. ред. и сост. Д. П. Урсу. – Симферополь: Доля, 1999. – 240 с.

6. **Керим И. А.** Библиографический указатель печатных книг, статей и произведений на крымскотатарском языке: 1618–1944 гг. – Симферополь, 2009. – 324 с.

7. **Керимов И. А.** Медений эснас: 1920–1938 гг. – Симферополь: Таврия, 1997. – 497 с.

8. **Крымская АССР (1921–1945)** / Сост. Ю. И. Горбунов. – Симферополь: Таврия, 1990. – 320 с. – (Серия: «Вопросы – ответы»; Вып. 3).

9. **Непомнящий А. А.** История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945). – Симферополь: Антиква, 2015. – 936 с.

10. **Реабилитированные историей.** Автономная Республика Крым. Кн. 1. – Симферополь: Магистр, 2004. – 408 с.: илл.

11. **Эмирова А. М.** Крымскотатарский язык: последствия геноцида // Кримські татари: Історія і сучасність (До 50-річчя депортації кримськотатарського народу): Матеріали міжнародної наукової конференції (Київ, 13–14 травня 1994 р.). – Київ, 1995. – С. 50–53.

Журнал «Большевик ёлу» («Большевицкий путь»)

В здании на ул. Советской, 5, помимо Крымгосиздата, в 1920–1930-х гг. располагались редакции и ряда крымскотатарских изданий, в частности, журнала «Большевик ёлу» («Большевицкий путь»).

Данный журнал издавался с 1930-го по 1936-й год, тематически он был определен как «общественно-политический, культурно-массовый и литературный журнал», с 1934 г. был органом ОК ВКП(б). Выходил на латинской графике,

Известно, что длительное время не удавалось наладить нормальную работу этого издания. В частности, авторы неохотно сотрудничали с журналом по причине того, что были значительные задержки с изданием материалов, в результате чего они теряли свою актуальность [1, с. 29].

Планировалось, что журнал будет выходить дважды в месяц (это указано, в частности, в логотипе издания за тот же 1931 г.), однако в 1934 г. была установлена систематичность его выхода 1 раз в месяц.

На 1 января 1936 г. тираж издания составлял 1505 экз., при среднем объеме 3 п. л. Партийные указания о необходимости увеличения тиража до 4000 экз. в месяц остались невыполненными.

В редакционную коллегию журнала в разные годы входили Я. Мусаниф, И. Тархан (Председатель КрымЦИК в 1930–1937 гг., в 1934 г. некоторое время был редактором издания), Р. Александрович (нарком просвещения Крымской АССР в 1929–1930 и 1934–1937 гг.), А. А. Асанов (нарком просвещения в 1930–1934 гг.), К. Дже-

Логотип журнала «Большевик ёлу» («Большевицкий путь»). 1931 г. В логотипе присутствует указание на адрес издания: «ул. Советская, 5». Из фондов Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского.

малединов, Дж. Гафаров, З. Джавтобели, Э. Шемьи-заде (редактор издания с 19 января 1935 г.).

В журнале публиковались материалы, касающиеся проблем крымскотатарского образования (включая высшее), развития крымскотатарской литературы, сценического искусства и т. д. Особый интерес представляют фотоматериалы, публиковавшиеся на страницах издания, в частности, фотографии наркома

здравоохранения Крымской АССР в начале 1930-х гг. Б. Чешмеджи, первого директора Крымского сельхозинститута им. М. И. Калинина А. Аджиумерова, выпускниц татарского областного медтехникума и т. д.

Оригиналы нескольких номеров журнала «Большевик ёлу» хранятся ныне в фондах Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского в Симферополе.

Список использованных источников и литературы

1. **Змерзлый Б. В.** Создание и деятельность журналов на крымскотатарском языке в Крымской АССР // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «История». – Т. 18 (57). – 2005. – № 1. – С. 25–30.

2. **Керимов И. А.** Крымскотатарская периодическая печать довоенного времени // Труды НИЦ крымскотатарского языка и литературы. КИПУ. Сборник. Т. 1 / [Сост. Керимов Т. Н.]. – Симферополь: КРИ Издательство Крымучпедгиз, 2011. – С. 449–459.

3. **Юксель Г.З.** Крымскотатарская пресса конца 1910-х–начала 1930-х годов: организационно-функциональный и идейно-содержательный аспекты. – Симферополь, 2014. – 168 с.

В настоящее время в историческом здании по адресу ул. Горького, 5, располагаются залы кинотеатра им. Т. Г. Шевченко, Республиканская научная медицинская библиотека, другие учреждения и частные домовладения. Решением Крымского облисполкома от 5 июня 1984 г. № 284 здание бывшего синематографа «Баян» признано памятником архитектуры г. Симферополя.

И. Керимов, Н. Абдульвапов

**РЕДАКЦИИ РЯДА КРЫМСКОТАТАРСКИХ
ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ ПЕРИОДА КРЫМСКОЙ АССР:
газет «Янзы дюнья» («Новый мир»),
«Яш кьвет» («Юная сила»), «Ильк адым» («Первый шаг»)
и журналов «Илери» («Вперед»), «Козьайдын»
(«Радостная весть»), «Тырнавуч» («Грабли»)
*ул. Ленина, 11***

Здание в Симферополе по адресу ул. Ленина, 11, ныне занимаемое факультетом иностранной филологии Таврической академии КФУ имени В. И. Вернадского, известно среди симферопольцев как бывший Дом Дувана. Оно было построено в 90-х годах XIX в. и принадлежало члену Симферопольской городской думы, представителю известной семьи крымских каримов – адвокату Ш. В. Дувану [13, с. 148].

В непосредственной близости от бывшего Дома Дувана на той же улице располагался еще целый ряд зданий с богатой историей, в том числе бывший Дом губернатора, в котором в начале 1920-х гг. располагались ЦИК и Совнарком Крымской АССР, позже – Татарский фельдшерско-акушерский техникум и др. учреждения, а также здание бывшей гимназия В. А. Станишевской, в котором с 1925 г.

располагался Крымский пединститут им. М. В. Фрунзе.

Улица Ленина получила свое нынешнее название в 1924 г., до этого, с 1902 г., она называлась Лазаревской (в честь Таврического губернатора в 1889–1901 гг. П. М. Лазарева), еще ранее, с 1876 г., – Бульварой [10, с. 141–142].

С установлением Советской власти в Крыму бывший Дом Дувана превратился в один из наиболее важных центров по принятию решений, касавшихся общественно-политической, экономической и культурной жизни республики: с 1920 по 1934 г. здесь располагался Крымский обком ВКП(б), а с 1934 г. – Крымский Совет профессиональных союзов [13, с. 148–150].

С точки зрения непосредственно крымскотатарской истории и культуры, здание

Логотип газеты «Енъи дунья». Номер за 17 апреля 1928 г. В левом верхнем углу надпись на крымскотатарском языке (перевод): «Правление. Крым. Акмесджит. Улица Ленина, 11, в здании Областкома». Из фондов Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского.

интересно тем, что на протяжении 1920-х гг. здесь размещались редакции сразу нескольких крымскотатарских изданий – газет «Енъи дунья» (позже «Янъы дунья» – «Новый мир»), «Яш къувет» («Юная сила»), «Ильк адым» («Первый шаг») и журналов «Илери» («Вперед»), «Козъайдын» («Радостная весть») и «Тырнавуч» («Грабли»). Творческий коллектив указанных изданий состоял из наиболее известных в то время крымскотатарских литераторов, многие из них стали классиками крымскотатарской литературы и журналистики.

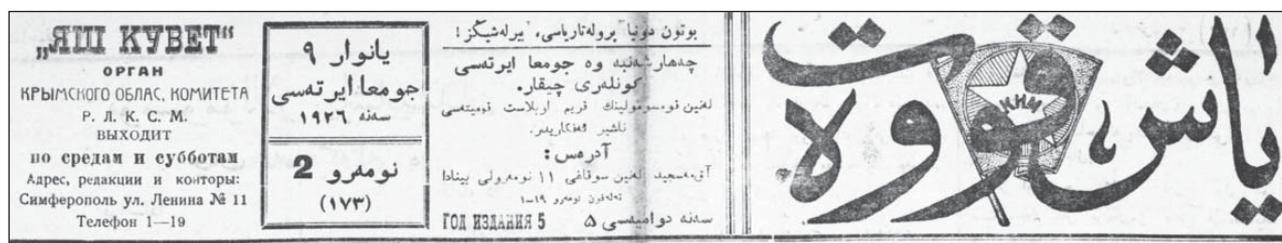
Газета «Енъи дунья» («Новый мир», 1918–1929 гг., с 1929 г. – «Янъы дунья», с 1938 г. – «Къызыл Къырым» («Красный Крым»). Данное издание было центральной крымскотатарской газетой периода Крымской АССР и считается одним из наиболее авторитетных крымскотатарских периодических изданий всей истории крымскотатарской журналистики.

В додепортационный период редакция газеты несколько раз меняла свой адрес и название. В бывшем Доме Дувана она издавалась, судя по всему, с 1920 года – с момента окончательного установления Советской власти в Крыму. В начале 1930-х гг. редак-

ция газеты располагалась уже по адресу ул. Карла Маркса, 6.

По причине высокого официального статуса и богатой истории, газете «Енъи дунья» посвящен отдельный очерк в данном «Своде» (см.). Необходимо лишь отметить, что в период работы в здании на улице Лазаревской, позже – ул. Ленина, сотрудниками газеты были такие известные крымскотатарские журналисты, поэты и писатели, как А. С. Айвазов, М. Недим, Дж. Гафаров, О. Зекки, Я. Мусаниф и др. О работе редакции газеты в данном здании сохранились воспоминания А. С. Айвазова, Э. Шемьи-заде, З. Джавтобели и других представителей крымскотатарской интеллигенции того времени.

Газета «Яш къувет» («Юная сила», 1922–1938 гг., с 1938 г. – «Комсомолец»). Начала издаваться в 1922 г. в Бахчисарае (в бывшей типографии И. Гаспринского) как орган районного комитета комсомола [16, с. 153]. В 1923 г. стала органом Крымского областного комитета комсомола и переведена в Симферополь. Вначале выходила раз в неделю, с декабря 1930 г. стала ежедневной. В 1926 г. тираж газеты составил 2000 экз. [там же, с. 154].

Логотип газеты «Яш къувет» («Юная сила») за 2 января 1926 г. (№ 2 (173)). В левой части указан адрес редакции: «ул. Ленина, 11».

Обложка и одна из страниц журнала «Илери» («Вперед»).
 Март – апрель 1928 г.
 Из фондов Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского.

В начальный период в издании газеты принимали участие Я. Мусаниф, Б. Чагар, Аппазов, И. Тархан, А. Баккал, ответственным секретарем был Б. Умеров [4, с. 183]. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. газету редактировал С. Трупчу, бывший в 1928–1931 гг. первым секретарем Крымского обкома комсомола [там же, с. 180]. Позже главным редактором стал Исмаил Ирсамбетов [2, с. 61]. В газете работали поэт Ф. Аким, журналист С.-Х. Сейдаметов, молодой студент-филолог Р. Садреддинов, в будущем выдающийся романист Дж. Дагджи и др.

В газете «Яш кувет», помимо официальных сведений и новостей культурной жизни и образования, публиковались материалы по истории крымскотатарского фольклора и литературы, крымскотатарского театрального искусства, литературные и театральные рецензии, литературно-критические материалы и т. п. Их авторами были как уже известные, так и молодые крымскотатарские литераторы: Дж. Меинов, А. Озенбашлы, А. Лятиф-заде, А. Теминдаров, А. Челебиев, У. Ипчи, У. Баккал, С.-Х. Сейдаметов (Т. Бике), Ф. Абдульхай, А. Алим, А. Дерменджи и др. На страницах газеты впервые увидели свет многие художественные произведения А. Герайбая, Ю. Болата, У. Ипчи, Э. Шемьи-заде и других авторов [8].

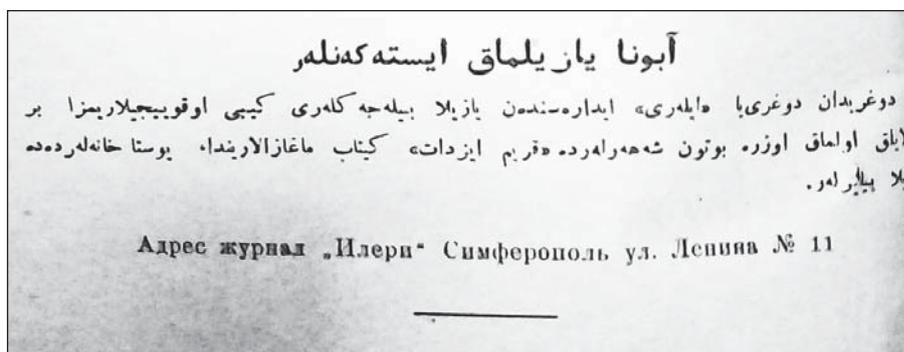
Газета «Ильк адым» («Первый шаг»). Издавалась с 1928 г. как орган Наркомпроса Крымской АССР. Была еженедельной, печаталась на латинской графике и слу-

жила задаче содействия скорейшему переходу крымскотатарской письменности на латиницу [7, с. 455]. С 19 марта 1930 г. редактором газеты был А. Джемалединов [6, с. 90].

Журнал «Илери» («Вперед»). Этот журнал, наряду с газетой «Еньи дюнья», был ведущим крымскотатарским издани-

Мамут Недим (1893–1938)

Фрагмент страницы с объявлениями из журнала «Илери» (2-я пол. 1920-х гг.), в котором присутствует указание на адрес месторасположения редакции издания. Из фондов Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского.

ем своего времени. Издавался в 1926–1930 годах. В 1927 г. его издателем стал Союз крымскотатарских писателей. Адрес издания – «ул. Ленина, 11» – указан, в частности, в одном из номеров журнала за 1927 год. О нахождении редакции «Илери» в одном здании с творческими коллективами ряда других крымскотатарских изданий («Еньи дюнья», «Ильк адым», «Козьайдын» и др.) пишет в своих воспоминаниях и Э. Шемьзаде [12, с. 131–132]. При этом правление и контора журнала располагались по адресу ул. Советская, 5, судя по всему, в одном здании с Крымгосиздатом [9, с. 492].

До 1929 г. журнал выходил на арабской графике (только № 5 за 1928 г. вышел латиницей), однако с первого номера 1929 г. полностью перешел на латиницу [там же].

Обязанности редактора издания на общественных началах исполнял известный журналист Мамут Недим (1893–1938). Будучи одним из авторитетнейших деятелей крымскотатарской культуры того периода, он в 1928 г. возглавлял Наркомпрос, однако через год подвергся травле и был уволен с этой должности. М. Недим был обвинен, в том числе за «открытую защиту Чобан-заде», за то, что «не оказывал помощи и контроля Союзу писателей, созданному при журнале «Илери», не заметив антисоветчины в публикации Чобан-заде, опубликовал ее в журнале, не встретил делегацию писателей из Татарстана на должном уровне» и т. п. [1, с. 16].

С 1929 г. в журнале появилась должность ответственного секретаря, которую сначала исполнял Дж. Гафар, позже – Джемиль Сейдамет [9, с. 492].

Других собственных штатных работников журнал не имел, а содержание номеров формировалось из публикаций, представленных в редакцию как

известными крымскотатарскими деятелями, так и начинающими авторами. Так, за первый год (12 номеров) в журнал обратились 138 авторов, приславших 431 материал, из них был опубликован 291 материал 89 авторов [там же, с. 493].

В поле зрения авторов издания находился самый широкий круг актуальных вопросов: политическое положение в стране и мире, проблемы национального образования и просвещения, литературоведения и языкознания, культуры и искусства, развитие народного хозяйства, земледелия, животноводства, здравоохранения. Журнал информировал своих читателей о результатах этнографических и археологических экспедиций, об истории национальной печати, о проблемах национального театра и кинематографа, о конференциях по языкознанию, о ликвидации безграмотности в Крыму, публиковал большое количество исторических материалов, представлял библиографию книг, изданных в Крыму, и т. д. Среди его постоянных авторов можно отметить имена Б. Чобан-заде, О. Акчокраклы, А. С. Айвазова, М. Недима, Дж. Гафара, В. Танабайлы, О. Фаика [9; 14].

Особая роль в «Илери» отводилась публикации литературно-художественных произведений: в журнале печатались многие произведения Б. Чобан-заде, А. Ляtif-заде, А. С. Айвазова, А. Герайбая, У. Ипчи, Я. Шакир-Али, М. Нузета,

К. Джаманаклы, З. Джавтобели, Дж. Кендже, Э. Шемьи-заде, А. Кадри-заде, Джемиля Сейдамета, Дж. Меинова, В. Абилева, М. Куртиева и др. [там же]. Одним из наиболее ярких произведений, увидевших свет на страницах «Илери», была повесть А. Ильми «Ачлыкъ хатирелери. Сюдюсин хатире дефтеринден» («Воспоминания о голодоморе. Из дневника Сюдюс», 1927–1928 гг.).

Помимо произведений крымскотатарских авторов, в журнале «Илери» публиковались и переводы на крымскотатарский язык произведений русской и европейской классики.

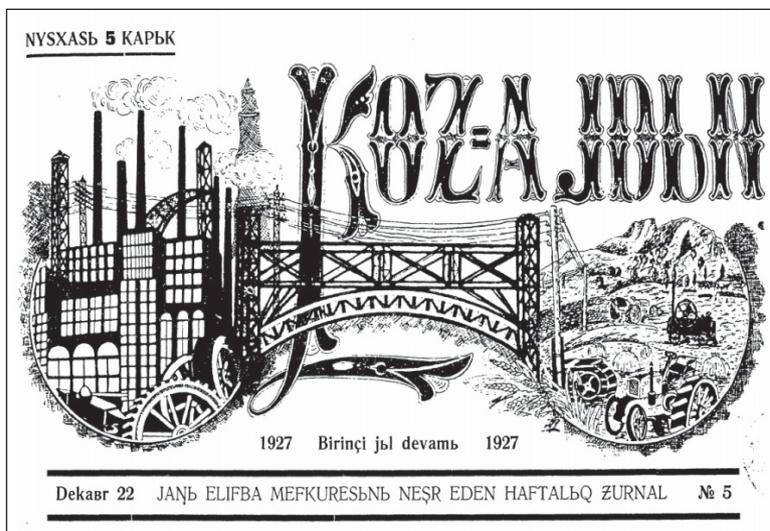
Огромную ценность представляют также фотоматериалы, опубликованные на страницах журнала.

В 1927 г. при участии известного театрального деятеля Дж. Меинова при журнале «Илери» был создан Союз крымскотатарских писателей [9, с. 494]. Этот Союз стал издателем журнала, определив свою задачу как «объединение старшего и молодого поколения крымскотатарской творческой интеллигенции» [15, с. 105]. Судя по всему, заседания членов Союза крымскотатарских писателей в эти годы также проходили по адресу ул. Ленина, 11.

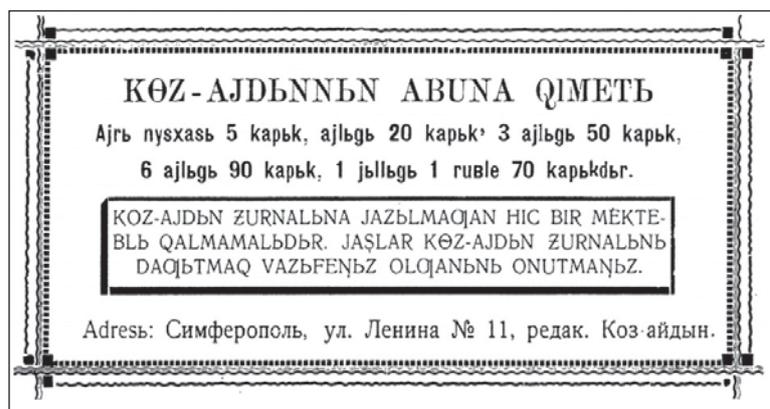
Журнал первые два года издавался раз, затем – два раза в месяц. Максимальный его тираж составил 1500 экземпляров. Издание выходило форматом А4, средний объем каждого номера составлял 80–90 стр. Всего вышло 68 номеров, их полный комплект ныне хранится в Российской государственной библиотеке в Москве. Помимо этого, отдельные номера и копии публикаций имелись в частном архиве известного крымскотатарского филолога Б. Гафарова, ныне они переданы в фонд библиотеки им. И. Гаспринского [там же].

А. С. Айвазов (1878–1938)

Логотип журнала «Козъайдын» («Радостная весть») за 22 декабря 1927 г. (№ 5). Из фондов Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского.

Логотип журнала «Козьайдын» за январь 1929 г. (№ 1) Из фондов Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского.

Журнал «Козьайдын» («Радостная весть»). Издавался в 1927–1930 гг., претерпев значительную трансформацию в своей направленности. В первый период издания, в 1927–1928 гг., был главным печатным органом Крымского центрального комитета нового тюркского

алфавита, издавался еженедельно, в основном для молодежной аудитории. Главным редактором журнала был известный крымскотатарский общественный деятель, писатель и журналист, глава областного совета Общества нового тюркского алфавита А. С. Айвазов, должность ответственного секретаря занимал молодой, но уже получивший известность поэт Э. Шемьизаде, членами редколлегии были М. Недим, У. Балич, А. Лятиф-заде, А. Джемалединов [7, с. 457].

Журнал «Тырнаувуч» («Грабли»). 1925 г., № 1, 22 мая. Из фондов Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского.

Издание популяризировало новый, латинский алфавит, оно выгодно отличалось нестандартным для крымскотатарских изданий дизайном, большим количеством иллюстраций [15, с. 57]. В журнале публиковались в том числе поэтические произведения М. Нузета и А. Кадризаде, проза М. Куртиева и Ф. Абляя, публицистика А. С. Айвазова, статьи и произведения других авторов. «Козьайдын» был популярнейшим из «тонких» журналов на крымскотатарском языке, его тираж доходил до 3500 экземпляров [7, с. 458].

После политических репрессий в Крыму в конце 1920-х гг. – процессов против Председателя КрымЦИК В. Ибраимова и деятелей партии «Миллий фирка» – направленность журнала резко изменилась. С 1929 г. издание стало органом Пионерского бюро при Крымском областном комитете комсомола, в 1930 г. поменялся состав его редакции (ответственным редактором стал А. Ислямов, в редакционную коллегию вошли Девлетов и Велиулаев), значительно изменился и характер самих публикаций [16, с. 166]. Издание начало выходить раз в две недели.

Журнал «Тырнавуч» («Грабли»). Это был сатирико-юмористический журнал, издававшийся в 1925–1926 гг. в форме приложения к газете «Яш кьвет» [11, с. 43].

Помимо здания по адресу ул. Ленина, 11, для размещения редакций отдельных вышеперечисленных изданий в разные годы использовалось и здание под № 9, располагающееся во внутреннем дворе основного здания (№ 11).

С началом Великой Отечественной

войны в бывшем доме Дувана размещался штаб Отдельной 51-й армии, после войны, с 1952 г., – ректорат и библиотека Крымского пединститута им. М. В. Фрунзе. Ныне здесь располагается факультет иностранной филологии Таврической академии КФУ имени В. И. Вернадского. Здание внесено в реестр памятников архитектуры местного значения (приказ Министерства культуры и туризма Украины от 24.09.2008 г. № 1001/0/16-08).

Список использованных источников и литературы

1. **Абибуллаева Д.** Жизнь и деятельность министров просвещения Крымской АССР // Крымское историческое обозрение. – 2014. – № 2. – С. 6–22.
2. **Велиев А.** Дженк офицерлери. – Симферополь, 2007. – 392 с.
3. **ГАРК**, ф. Р-998, оп. 1, д. 143, л. 26.
4. **Деятели** крымскотатарской культуры (1921–1944 гг.): биобиблиографический словарь / гл. ред. и сост. Д. П. Урсу. – Симферополь, 1999. – 240 с.
5. **Джавтобели З.** Ильки инкьялябий адымлар... // Йылдыз. – 1987. – № 5. – С. 22–26.
6. **Змерзлый Б. В.** Издание районных газет на крымскотатарском языке в Крымской АССР // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 81. – С. 88–90.
7. **Керимов И. А.** Крымскотатарская периодическая печать довоенного времени // Труды НИЦ крымскотатарского языка и литературы / Крымский инженерно-педагогический университет. Сб. Т. 1 / [Сост. Керимов Т. Н]. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2011. – С. 449–459.
8. **Керимов И. А.** Медений эснас: 1920–1938 гг. – Симферополь: Таврия, 1997. – 497 с.
9. **Керимов И. А.** «Окьув ишлери» ве «Илери» дергилери мундериджат итибарыле / Труды НИЦ крымскотатарского языка и литературы / Крымский инженерно-педагогический университет. Сб. Т. 1 / [Сост. Керимов Т. Н]. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2011. – С. 472–526.
10. **Поляков В. Е.** Улицами Симферополя. – Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 2005. – 320 с.
11. **Селимова Л.** Кьырымтатар миллий матбуаты тарихына бир назар. – Акьмесджит, 2008. – 124 с.
12. **Шемьи-заде Э.** Сарп, тик кьялар арасындан чыкькьан гурь дагь озени / Эдебий ве тенкьидий макьалелер. – Симферополь, 2000. – С. 131–143.
13. **Широков В. А., Доля А. И.** Симферополь: улицы и дома рассказывают... – Симферополь, 2008. – 276 с.
14. **Юксель Г. З.** Выборочный библиографический указатель содержания крымскотатарского журнала «Илери» («Вперед») (№ 1–20) // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 56. – Т. 2. – С. 175–183.
15. **Юксель Г. З.** Крымскотатарская пресса конца 1910-х – начала 1930-х годов: организационно-функциональный и идейно-содержательный аспекты. – Симферополь, 2014. – 168 с.
16. **Яблоновська Н. В.** Етнічна преса Криму: історія та сучасність. – Симферополь, 2006. – 312 с. – 10 іл.

Н. Абдульвапов

РЕДАКЦИИ КРЫМСКОТАТАРСКИХ ИЗДАНИЙ:

газеты «Янъы дюнъя» («Новый мир», с 1938 г. — «Къызыл Къырым» («Красный Крым»)) в 1933 [?]-1941 гг. и апреле-мае 1944 г.,
журнала «Къадынлыкъ социализм ёлунда» («Путь женщины к социализму», с 1936 г. — «Совет Къадынлыгъы» («Советская женщина»)) в 1932-1941 гг.

ул. Карла Маркса, 6

Газета «Янъы дюнъя» («Новый мир») занимает особое место в истории крымскотатарской журналистики и культуры в целом. Основанная в 1918 г. в Москве, она с 1920 по 1944 год, с небольшим перерывом, пришедшимся на годы фашистской оккупации крымской столицы, издавалась в Симферополе и была центральной крымскотатарскоязычной газетой периода Крымской АССР. За все годы издания газеты в ней работало значительное число наиболее известных крымскотатарских журналистов, поэтов, писателей, литературных критиков. С первых лет выхода газета приобрела статус эталонного крымскотатарского издания, который сохранялся на протяжении всей истории существования газеты.

Была основана в 1918 г. в Москве как орган Народного комиссариата национальностей (Наркомнаца) РСФСР (первоначальное название издания: «Енъи дюнъя»). Инициатором и первым редактором издания

был Мустафа Субхи (1883-1921) – турецкий журналист, революционер, основатель и первый председатель Коммунистической партии Турции.

М. Субхи с 1914 г. находился в России, в 1915 г. он сблизился с большевиками, стал членом РСДРП(б), проводил пропагандистскую работу среди турецких военнопленных, оказавшихся в годы Первой мировой войны на российской территории. После революции 1917 г. был на партийной работе в Москве, Казани, Крыму, Ташкенте.

В апреле 1919 г., в период установления в Крыму Советской власти (апрель – июнь 1919 г. – Крымская ССР в составе РСФСР), М. Субхи с группой турецких и татарских товарищей переехал в Крым, вместе в ними в Симферополь была переведена и газета «Енъи дюнъя». Редакция расположилась в усадьбе известного крымскотатарского мур-

Мустафа Субхи (1883–1921)

зы, мецената, бывшего депутата Государственной думы полковника И. Муфти-заде на ул. Кладбищенской, 29 [6, с. 120].

Архивные материалы дают представление о составе редакции газеты в это время. Согласно «Ведомости служащих при редакции и конторе газеты «Новый мир» на 1 мая 1919 г.», коллектив издания состоял из следующих сотрудников: редактор – Мустафа Субхи (с окладом 1200 руб.), секретарь – Мидхат Рефатов (1000 руб.), курьер – Асим Неджат (900 руб.), конторщик – Ибраим Ахмед (900 руб.), машинист – Рустем Мустафа Ибраимов (900 руб.), экспедитор – Сабри Реджаб (825 руб.) [2].

В этом документе обращают на себя внимание некоторые турецкие имена – судя по всему, их обладатели были именно из тех соотечественников М. Субхи, с которыми, как было указано выше, он приехал в Крым из Москвы. Также привлекает внимание имя Мидхата Рефатова – известного крымскотатарского журналиста и революционера, возглавлявшего Мусульманское бюро при Крымском ОК РКП(б) и через год, в апреле 1920 г., расстрелянного в Симферополе по приговору военно-полевого суда штаба белогвардейского добровольческого корпуса.

С июня 1919 по ноябрь 1920 г., в период крымских краевых правительств С. Сулькевича и С. Крыма, газета не издавалась. В ноябре 1920 г., после окончательного установления Советской власти в Крыму, «Енъи дюнъя» вновь продолжила свою работу в Симферополе. Издание приобрело статус печатного органа КрымЦИК, ОК РКП(б) и КрымПрофсовета (на что есть указание в логотипе газеты), изменился и адрес ее редакции: отныне газета издавалась в бывшем «Доме Дувана» на ул. Лазаревской, где разместился Крымский обком ВКП(б).

Редакцию «Енъи дюнъя» возглавил **Мамут Мурадович Недим** (1893–1938) – известный в будущем общественно-политический деятель, журналист и театральный критик. Родился он в 1893 г. в Карасубазаре (ныне г. Белогорск), после окончания школы на средства благотворительного общества был отправлен в Турцию для продолжения обучения. Окончил учительскую семинарию в Бурсе, затем учился в Высшей экономиче-

*г. Симферополь,
ул. Крылова, 37.
Бывший дом
И. Муфти-заде,
в котором в 1919
г. располагалась
редакция газеты
«Енъи дюнъя»
(«Новый мир»)
Фото 2017 г.*

г. Симферополь, ул. Ленина, 11. Бывший Дом Дувана, в котором в 1920-е гг. располагалась редакция газеты «Енъи дюнъя» («Новый мир»).

ской школе в Берлине. В ноябре 1920 г. был принят в ряды Коммунистической партии и назначен редактором газеты «Енъи дюнъя».

В 1920-е гг., помимо «Енъи дюнъя», М. Недим редактировал журналы «Енъи Чолпан» («Новая Венера») и «Илери» («Вперед»). В 1928–1929 гг. он был наркомом просвещения Крымской АССР, зарекомендовав себя последовательным защитником политики коренизации, человеком, всемерно содействовавшим развитию крымскотатарского языка и национального образования. После снятия с должности наркома подвергся

травле по идеологическим мотивам. С 1930 г. работал в Москве научным сотрудником НИИ национального строительства. В конце 1930-х гг. стал жертвой политических репрессий, развернувшихся в СССР: 26 мая 1937 г. был арестован в Симферополе и спустя одиннадцать месяцев, 17 апреля 1938 г., расстрелян в составе большой группы представителей крымскотатарской интеллигенции [4, с. 141–143].

М. Недим был талантливым публицистом, на страницах газеты «Енъи дюнъя» часто печатались его основательные рецензии на постановки Крымского государственного татарского драматического театра, редактор всячески старался поддерживать крымскотатарских артистов и режиссеров в их творческих поисках.

В 1920-е гг. в газете «Енъи дюнъя» работали многие известные крымскотатарские литераторы тех лет. Штатными сотрудниками газеты были, в частности, Дж. Меинов, А. С. Айвазов, У. Ипчи, постоянными авторами – О. Акчокраклы, У. Боданинский, И. Леманов. На одной из фотографий творческого коллектива газеты, датированной

Коллектив редакции газеты «Енъи дюнъя»: в нижнем ряду (слева направо) – Дж. Гафаров, Б. Умеров, М. Недим, О. Зеки, в верхнем ряду – У. Ипчи (третий слева), А. Кадри-заде (второй справа). 5 мая 1925 г.

1925 г., можно видеть М. Недима, Дж. Гафарова, А. Кадри-заде, У. Ипчи, Б. Умерова, О. Бекирова, И. Нури, О. Зекки. Период издания газеты «Енъи дюнья» до 1928 г., когда состоялся политический процесс над председателем КрымЦИК В. Ибраимовым, следует признать наиболее ярким, качественным и объективным в истории издания.

После М. Недима, в 1928 г. редактором газеты «Енъи дюнья» стал талантливый писатель, поэт и журналист Джафер Гафаров (1898–1938), до этого работавший в газете «Яш къуввет» и журнале «Илери» [там же, с. 72–74]. Он возглавлял редакцию до 1931 г., в этот период, в 1929 г., название газеты было откорректировано на «Янъы дюнья» (согласно нормам орфографии крымскотатарского литературного языка, утвержденным в те годы), с того же 1929 г. газета начала издаваться на латинице.

В начале 1930-х гг. редакция газеты поменяла адрес – переехала в здание под № 6 на ул. Карла Маркса. Этот адрес указан, в частности, в номерах газеты, датированных 1933-м годом. Выбор нового места расположения редакции был не случайным – в этом здании с 1924 г. находилась редакция центрального русскоязычного издания Крыма, органа Крымского ВКП(б) – газеты «Красный Крым».

Здание редакций отныне двух центральных газет Крыма было построено во второй половине XIX в. выходцем из Кенигсберга Фридрихом Папе. В свое время оно было одним из архитектурных украшений города. Верхний этаж здания занимала семья Папе, в нижнем же располагался магазин по продаже продукции его предприятия (по производству колбас). В 1888 г. Ф. Папе умер, оставив все свое имущество жене и детям. В начале XX в. в доме был открыт магазин готового платья «прочной и изящной работы».

В начале 1918 г., с приходом к власти большевиков, хозяева дома были выселены, в здании же расположился комиссариат по продовольствию города. Еще через

Джафер Гафаров (1898–1938)

год, в апреле – июне 1919 г. здесь размещались городская продовольственная управа и городской продовольственный комиссариат.

С окончательным установлением Советской власти в Крыму в ряде помещений бывшего «Дома Папе» разместились редакция газеты «Красный Крым». Известно, что ее гостями здесь были Владимир Маяковский, Лев Кассиль и другие известные лица [7, с. 71–72].

В предвоенное десятилетие газету «Янъы дюнья» по новому адресу возглавляли: Тейфук Бояджиев (в 1931–1934 гг., одновременно был ректором Комвуза Крыма), Вели Габилев (в 1935 – нач. 1936 г.), Амет Озенбашлы (в 1936–1938 гг.), Исмаил Сей-

Логотип газеты «Янъы дюнья» за 21 августа 1935 г.

Умер Инчи (1897–1955)

Абдураман Кадри-заде (1876–1938)

фуллаев (будущий председатель Совнаркома Крымской АССР). Авторский состав издания включал штатных сотрудников-профессионалов, постоянных авторов и внештатных корреспондентов. Значительное внимание редакцией уделялось созданию сети корреспондентов и внештатных авторов, которые с постоянной регулярностью готовили материалы для центральных и областных изданий. Со своими

внештатными сотрудниками редакция вела работу через специальную рубрику [8, с. 101–102].

В эти годы в газете работали Абдураман Кадри-заде, Осман Зеки, Зиядин Джавтобели, Абдулла Дерменджи, Джемилей Сейдамет, Раим Тынчеров, Бекир Умеров, Решид Муррад, Юсуф Болат, Осман Бекиров, Иззет Нури, Сеитумер Эмин, Амет Камилев и др. Данный перечень имен показывает, что с историей здания по адресу ул. Карла Маркса, 6, в 1930-е гг. переплелась судьба большого числа крымскотатарских литераторов, значительная часть которых являлась элитой крымскотатарской интеллигенции того времени [4].

В июне 1938 г. название газеты изменилось на «Къызыл Къырым», т. е. «Красный Крым». Таким образом были унифицированы названия центральных крымскотатарского и русскоязычного печатных органов республики. С этого же года газета стала издаваться на кириллической графике.

Газета «Янъы дюнъя»/«Къызыл Къырым» издавалась форматом А2, объемом 4 полосы, с периодичностью от трех до пяти раз в неделю. Максимальный ее тираж в предвоенные годы составлял 10 000 экз.

Редакцией газеты была разработана разнообразная рубрикационная система, состоявшая из рубрик новостного, официального, событийного («ежедневные события и происшествия»), научно-познавательного, просветительского, информационно-справочного и т. п. характера. Издание предлагало своим читателям публикации на различные темы, среди которых можно выделить следующие основные группы: 1) политические события в стране: съезды, конференции, деятельность партийных органов, выборы и т. п.; 2) международная тематика: публикации о политических, экономических, военных событиях в мире; 3) сельскохозяйственная тематика: новые методы проведения посевной кампании, борьба за урожайность, механизация села; 4) вопросы культуры и искусства: становление и развитие крымскотатарского национального театра, кино, этнографические материалы; 5) образование и просвещение: открытие школ, вузов, клубов, центров досуга, кампания по ликвидации неграмотности, подготовка учительских кадров, переход на латинскую графику, выпуск новых учебников и т. п.; 6) вопросы науки и техники: информация о последних достижениях науки и техники; 7) медицинская тематика: эпидемии, новые лекарственные средства, вакцинация, профилактика заболеваний; 8) издательское дело, полиграфия, пресса: выпуск новых книг, учебников, отзывы и рецензии на них, сведения о новых национальных изданиях; 9) криминальная хроника и происшествия: ежедневные сведения о криминальных событиях в административном центре автономии и других районах Крыма [там же, с. 100–101].

Особое внимание в газете уделялось освещению событий литературной и театральной жизни, публикациям образцов

крымскотатарской художественной литературы, материалов литературно-критического содержания и т. п.

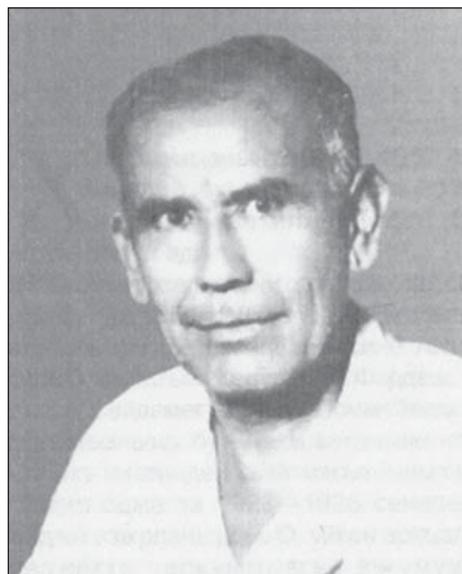
Будучи ведущей крымскотатарской газетой преддепортационного периода, «Янъы дюнья»/«Къызыл Къырым» может быть охарактеризована как сокровищница многочисленных и разнообразных сведений, сохраняющих свою ценность и поныне. Вместе с тем в газете нашли отражение и все перипетии, драматизм идеологической борьбы, развернувшейся на полуострове, как и во всем СССР, со второй половины 1920-х гг. [5].

Спустя несколько месяцев после начала Великой Отечественной войны редакция газеты была эвакуирована в Краснодарский край, в конце 1941 г. (по другим данным, в 1942 г.) ее редактором был назначен известный журналист, бывший редактор Крымского государственного издательства Джеппар Акимов. В конце 1942 г. Дж. Акимов был переброшен в Крым, в один из партизанских отрядов, где газета продолжала издаваться в виде листовок.

После освобождения Крыма от фашистских захватчиков (апрель 1944 г.) редакция газеты «Къызыл Къырым» вернулась в Симферополь и продолжила работу по прежнему адресу.

Выход газеты был прерван насильственным выселением крымскотатарского народа с исторической родины 18 мая 1944 года. По воспоминаниям Дж. Акимова, в ночь с 17 на 18 мая 1944 г., когда они вместе с писателем Сеитумером Эмином направлялись в редакцию для выпуска очередного номера газеты, они были задержаны советскими солдатами и препровождены к месту сбора крымских татар Симферополя для высылки из Крыма. Семья Дж. Акимова была сослана в г. Бекабад Узбекской ССР, где он прожил до конца своих дней.

Впервые годы депортации издания на крымскотатарском языке отсутствовали полностью. Лишь в 1957 г., после издания Указа Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений по спецпоселению с крымских татар, балкарцев, турок – граждан СССР, курдов, хемшилов и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны» от 28 апреля 1956 г., было принято решение об издании газеты на крымскотатарском языке – как органа ЦК КП Узбекской ССР. Газета была названа «Ленин байрагы» («Ленинское знамя»). Редак-

Бекир Умеров (1900–1983)

тором ее был назначен известный журналист и педагог, участник Великой Отечественной войны Абселям Ислямов, в коллектив же редакции вошли ряд журналистов, поэтов и писателей, работавших ранее в Крыму в газете «Янъы дюнья»/«Къызыл Къырым». «Ленин байрагы» на долгие годы стала единственным официальным крымскотатарским газетным изданием. В 1970-е гг. она выходила три раза в неделю тиражом 23 тыс. экземпляров.

В конце 1990 г., в разгар массового возвращения крымских татар на историческую родину, коллектив редакции газеты «Ленин байрагы» принял решение изменить название издания на «Янъы дюнья» – в память об одноименной газете, центральном крымскотатарском печатном органе периода Крымской АССР.

Журнал «Къадынлыкъ социализм ёлунда» («Путь женщины к социализму», с 1936 г. — «Совет къадынлыкы» («Советская женщина»))

Первый номер обновленной газеты вышел 1 января 1991 г. В конце того же года редакция газеты «Янъы дюнья» переехала в Сим-

ферополь. Нынешний адрес ее расположения – ул. Горького, 23/3.

Помимо газеты «Янъы дюнья», в том же

здании по адресу ул. Карла Маркса, 6, опять же как орган ОК ВКП(б), с 1932 по 1941 г. издавался ежемесячный, общественно-политический и литературный женский журнал на крымскотатарском языке, до 1936 г. носивший название «Къадынлыкъ социализм ёлунда» («Путь женщины к социализму»), а с 1936 г. – «Совет къадынлыгы» («Советская женщина») [3, с. 25–26].

5 января 1932 г. Крымским ОК ВКП(б) было принято решение: «Учитывая растущую потребность татарок работниц и колхозниц в литературе на татарском языке, в целях усиления их обслуживания считать необходимым издать женский журнал на татарском языке в 1,5 п. л. один раз в месяц с 3000 тиражом» [там же]. Тогда же было решено издавать журнал при редакции газеты «Янны дюнья» с тем, чтобы организовать помощь со стороны опытных работников редакции.

27 февраля того же года, на очередном заседании вышеупомянутого органа, было утверждено название журнала – «Къадынлыкъ социализм ёлунда» («Путь женщины к социализму»), а также утверждён состав его редколлегии. В нее вошли Р. Б. Бекирова (представитель ОК ВКП(б)), на тот момент нарком здравоохранения

Крымской АССР), Джаферова, И. Баккал и Чолпаева [там же, с. 26].

Редакция журнала была тесно связана с деятельностью газеты «Янны дюнья» (с 1938 г. – «Къызыл Къырым» («Красный Крым»)). Более того, после репрессий 1937–1938 гг. журнал «Совет къадынлыгы» был лишен своей редакции и издавался силами коллектива газеты «Къызыл Къырым».

В 1936 г. разовый тираж журнала составлял 1490 экз., через два года – 1210 экз. Таким образом, запланированный тираж в 3000 экз. за шесть лет так и не был достигнут. При этом необходимо отметить систематичность и стабильность работы издания. Так, практически ежегодно (кроме 1932, 1937 и 1941 гг.) выходило строго по 12 номеров, при том что, в частности, в 1938 г. в журнале работало всего шесть человек. В общей сложности вышло 96 номеров журнала [там же, с. 25].

В послевоенный период в здании по адресу ул. Карла Маркса, 6, продолжила работу редакция центральной областной газеты «Красный Крым». В 1952 г. издание получило новое название – «Крымская правда», а также поменяло свой адрес. Ныне в бывшем Доме Папе располагаются частные домовладения и несколько магазинов.

Список использованных источников и литературы

1. ГАРК, ф. Р-998, оп. 1, д. 143, л. 26.
2. **Деятели** крымскотатарской культуры (1921–1944 гг.): биобиблиографический словарь / гл. ред. и сост. Д. П. Урсу. – Симферополь: Доля, 1999. – 240 с.
3. **Змерзлый Б. В.** Создание и деятельность журналов на крымскотатарском языке в Крымской АССР // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: «История». – 2005. – Т. 18 (57), № 1. – С. 25–30.
4. **Керимов И. А.** Крымскотатарская периодическая печать довоенного времени // Труды НИЦ крымскотатарского языка и литературы / Крымский инженерно-педагогический университет. Сб. Т. 1 / [сост. Керимов Т. Н]. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2011. – С. 449–459.
5. **Керимов И. А.** Медений эснас, 1920–1938 гг. – Симферополь: Таврия, 1997. – 497 с.
6. **Последняя рукопись** Сабри Айвазова. Дело партии «Миллий Фирка» / под общ. ред. В. В. Пшеничного, Р. Н. Лесюка, С. В. Лунина, И. И. Полякова; сост. А. В. Валякин, Р. И. Хаяли. – Симферополь: «ДОЛЯ», 2009. – 352 с., илл. (Из серии «Рассекреченная память». Крымский выпуск. Т. 1).
7. **Широков В. А., Доля А. И.** Симферополь: улицы и дома рассказывают... – Симферополь, 2008. – 276 с.
8. **Юксель Г. З.** Крымскотатарская пресса конца 1910-х – начала 1930-х годов: организационно-функциональный и идейно-содержательный аспекты. – Симферополь, 2014. – 168 с.

И. Керимов, Н. Абдульвапов

КИНОТЕАТР им. СУБХИ ул. Крылова, 37

Кинотеатр им. Субхи, располагавшийся в Симферополе по адресу ул. Субхи, 27 (ныне ул. Крылова, 37), был одним из весьма самобытных очагов крымскотатарской культуры города додепортационного периода. Учреждение было открыто в июне 1927 г. на территории бывшей усадьбы известного крымскотатарского мурзы, мецената, полковника И. Муфти-заде, в здании, специально построенном для этих целей. Это здание сохранилось до наших дней.

Название свое кинотеатр им. Субхи, как и улица (до 1924 г. – ул. Кладбищенская), получил в честь известного турецкого революционера, основателя коммунистической партии Турции – Мустафы Субхи (1883–1921). М. Субхи с 1914 г. находился на территории России и активно участвовал в революционных событиях конца 1910-х годов. В 1918 г. в Москве им была основана газета «Енъи дюнъя» («Новый мир») – орган Наркомнаца РСФСР. Через год, в период Крымской Советской Социалистической Республики (апрель – июнь 1919 г.), редакция газеты была переведена

в Симферополь и продолжила свою работу именно на территории усадьбы И. Муфти-заде [4, с. 90].

С окончательным установлением Советской власти в Крыму в 1920 г. газета «Енъи дюнъя» стала центральным крымскотатарским периодическим изданием республики. В 1924 г., принимая во внимание революционные заслуги М. Субхи, его этническую принадлежность, а также факт кратковременного проживания и работы на ул. Кладбищенской в Симферополе, было принято решение увековечить его имя в названии этой одной из самых оживленных улиц Старого города, имевшей яркий национальный (крымскотатарский) колорит.

Одно из наиболее ранних сообщений в крымской прессе о готовящемся открытии кинотеатра в старой части города датируется 24 апреля 1927 года. В достаточно объемной статье, опубликованной в газете «Енъи дюнъя» и подписанной неким «Хаберджи» (что можно перевести как «корреспондент»), автор акцентировал внимание на крайней

Афиша художественного фильма «Алим» (Ялтинская киностудия, режиссер Г. Тасин, 1926 г.).

Афиша художественного фильма «Алим» (Ялтинская киностудия, режиссер Г. Тасин, 1926 г.).

необходимости открытия специального кинотеатра для жителей «татарского квартала» города. «Хаберджи», в частности, отмечал, что в городе живет около 13 тысяч крымских татар, однако в районе проживания значительной части из них, а вместе с ними и тысяч представителей армянского, греческого, караимского и крымчакского населения города, отсутствуют какие-либо условия для проведения культурной и просветительской работы. Все большие залы, театры, кинотеатры, клубы, библиотеки, даже скверы и парки сосредоточены в некотором отдалении, в центре Симферополя, что делает невозможным или же значительно усложняет возможность их посещения жителями Старого города. К тому же, если взять кинотеатры, клубы и другие заведения, то все объявления, титры и доклады в них делаются лишь на русском языке, что опять же создает определенные сложности для жителей окраинных кварталов города.

Исходя из этого, продолжал автор, городской Совет Симферополя, на протяжении последних лет активно занимавшийся хозяйственными вопросами (дорогами, водопроводом, освещением), убедившись, что пришло время и духовного просвещения горожан, принял решение «об открытии в центральной части татарского квартала города кинотеатра на 680 мест».

В конце статьи отмечалось, что открытие кинотеатра приурочено к 10-й годовщине Октябрьской революции, при этом к указанному времени (осень 1927 г.) планировалось завершить работу лишь над интерьером кинотеатра, а расходы на проведение внешних работ предлагалось внести в бюджет следующего года. Также предполагалось, что в целом затраты на кинотеатр составят от 35 до 50 тысяч рублей [3, с. 105–106].

Упомянутые внутренние работы, судя по всему, были завершены ранее юбилейных октябрьских торжеств. Та же газета «Енъи дюнъя» уже в номере за 15 июня 1927 г., в заметке за подписью того же «Хаберджи» сообщала (перевод с крымскотатарского):

«Кино на открытом воздухе. (Хаберджи). Для татарского квартала, а также жителей окраины города, испытывавших неудобства как от посещения удаленных от них кинотеатров, так и их цен, в данных вопросах сегодня созданы благоприятные условия. 10 июня по адресу ул. Субхи, 27 (на территории бывшей усадьбы

Кинотеатр «Родина» (бывший кинотеатр им. Субхи). 70-е гг. XX в.

Муфти-заде), начал функционировать летний кинотеатр на открытом воздухе на 600 мест. Каждый вечер его посещает большое количество женщин и детей. Стоимость билета весьма приемлемая – всего от 5 до 15 копеек. Крымскотатарские женщины, ранее не имевшие возможность посещать городские кинотеатры, пользуются новыми возможностями: подобно квочкам с птенцами, в окружении 3–4 детей они приходят посмотреть кино. Единственный недостаток заключается в том, что надписи на афишах не пишутся на крымскотатарском языке, а если и пишутся, то весьма неразборчиво. Думаем, что администрация кинотеатра примет это во внимание» [там же, с. 135].

Кинотеатр им. Субхи в короткий срок приобрел большую популярность среди жителей окружающих кварталов и со временем стал одной из наиболее популярных культурных площадок Старого города. Городские газеты того времени очень часто публиковали объявления и отчеты о различных мероприятиях, проходивших в его стенах, и прежде всего, разумеется, показах различных кинофильмов, что в то время еще было внове.

Одним из таких кинофильмов, к слову, была кинокартина «Алим», созданная в 1926 г.

на Ялтинской киностудии под руководством режиссера Георгия Тасина. Фильм был снят по мотивам преданий о легендарном крымскотатарском народном герое Алиме Азамат-оглу. Главную роль в фильме сыграл не менее легендарный крымскотатарский актер и танцовщик Хайри Эмир-заде, за несколько лет до этого, в 1923 г., первым в республике удостоившийся высокого звания народного артиста Крымской ССР (так республика именовалась в 1921–1923 гг.). Кинофильм, охарактеризованный в те годы как «одна из лучших картин народов Востока», демонстрировался в кинотеатре им. Субхи неоднократно, с неизменным успехом [там же, с. 231].

Помимо кинофильмов, в помещении кинотеатра им. Субхи проводились концерты крымскотатарских исполнителей. Так, в воспоминаниях выдающейся крымскотатарской певицы С. Эреджеповой присутствует фрагмент, в котором она делится впечатлениями о концерте, состоявшемся предположительно в конце 1920-х – начале 1930-х гг. По словам певицы, это был первый крымскотатарский концерт, на котором она присутствовала. В нем приняли участие талантливый музыкант и композитор, выпускник Московской консерватории Ягья Шерфединов (испол-

нивший на скрипке знаменитую крымскотатарскую мелодию «Тым-тым»), его супруга танцовщица Сафие Шерфединова, молодая певица Эльмаз Алиева и другие артисты. Завершившийся продолжительными овациями концерт оказал неизгладимое впечатление на молодую певицу [5, с. 44–45].

Помещение кинотеатра им. Субхи стало популярной площадкой для проведения и различных общественных мероприятий.

В этой связи не может не обратить на себя внимание то, что упоминание кинотеатра им. Субхи встречается, как правило, во всех мемуарах деятелей крымскотатарской культуры предвоенного периода [1; 2].

Предположительно, в 1930-е гг. кинотеатр им. Субхи подвергся реконструкции, в результате чего, в частности, было перекрыто пространство над рядами для зрителей и кинотеатр превратился в учреждение с закрытым, стационарным залом. В таком виде кинотеатр просуществовал до начала 1990-х годов, когда перестал функционировать по назначению, со временем потеряв как перекрытие над зрительным залом, так и сами зрительные ряды.

Необходимо также добавить, что по соседству со зданием кинотеатра, на территории той же усадьбы И. Муфти-заде, в прежнем господском доме в 1930-е гг. был открыт городской трест (управление) кинофикации, функционировавший здесь вплоть до последнего времени. Ныне в указанном здании размещается Крымский киномедиацентр.

В 1944 г., сразу же после насильственного выселения крымских татар с исторической родины, название улицы Субхи было изменено на «ул. Крылова», поменял название и сам кинотеатр – стал называться «Родина».

Кинотеатр «Родина» функционировал до начала 1990-х годов. Позже его здание было передано в собственность банку «Крым». Ныне здесь располагается Крымскотатарский фольклорный ансамбль «Къырым» («Крым», художественный руководитель – заслуженный деятель искусств Украины и Татарстана С. Какура).

Объектом историко-культурного наследия г. Симферополя бывшее здание кинотеатра им. Субхи официально не является.

Список использованных источников и литературы

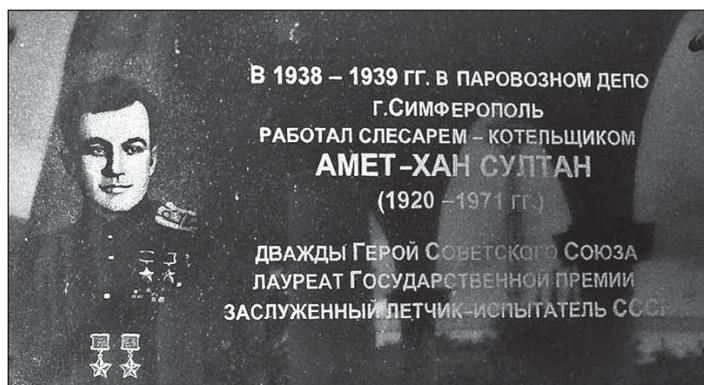
1. **Аппазов Р.** Следы в сердце и в памяти. – Симферополь, 2001. – 415 с.
2. **Бекиров Я.** Незабываемые годы. – Симферополь, 2001. – 155 с.
3. **Керим И. А.** Медений эснас: 1920–1938. – Симферополь: Таврия, 1997. – 497 с.
4. **Последняя рукопись** Сабри Айвазова. Дело партии «Миллий Фирка» / Под общ. ред. В. В. Пшеничного, Р. Н. Лесюка, С. В. Лунина, И. И. Полякова; сост. А. В. Валякин, Р. И. Хаяли. – Симферополь: «ДОЛЯ», 2009. – 352 с., илл. (Из серии «Рассекреченная память». Крымский выпуск. Т. 1).
5. **Эреджепова С.** Меним энишли-ёкьюшлы ве чечекли ёлларым. – Акъмесджит, 2012. – 248 с.

Н. Абдульвапов, Р. Аирчинская

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ СТАНЦИЯ «СИМФЕРОПОЛЬ», в паровозном депо которой работал выдающийся летчик, дважды Герой Советского Союза Амет-Хан Султан пл. Привокзальная, 1

Амет-Хан Султан (1920–1971) – легендарный военный летчик-ас, участник Великой Отечественной войны, дважды Герой Советского Союза. С Симферополем его связывали годы учебы в железнодорожной школе ФЗУ, работы в паровозном депо Симферопольской железнодорожной станции, а также учебы в Симферопольском аэроклубе.

Амет-Хан Султан родился 20 октября 1920 г. в г. Алупке, в семье рабочего. Отец его был лакцем по национальности, юношей приехавшим в Крым и осевшим в Алупке, мать – крымской татаркой. Учился Амет-Хан в алупкинской семилетней школе, Симферопольском железнодорожном училище и 1-й Качинской Краснознаменной военной авиационной школе. В феврале 1939 г. он вступил в ряды РККА, а в 1940 г., по окончании Качинской школы, в звании младшего лейтенанта был направлен в 4-й истребительный авиационный полк (Одесский военный округ), дислоцировавшийся под Кишиневом. Встретил войну в Молдавии.

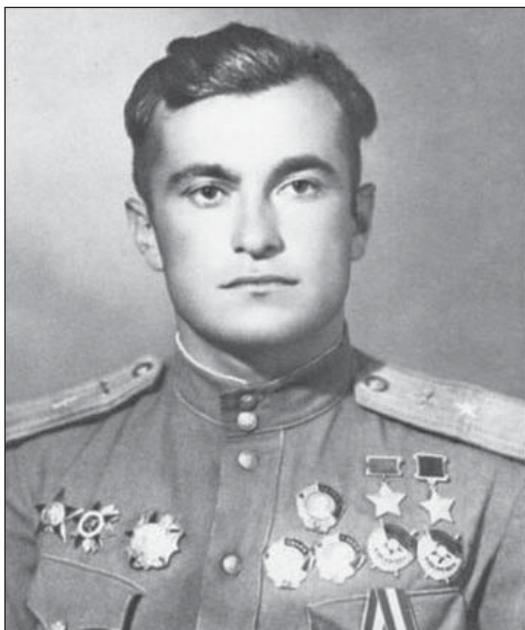

Памятная табличка в честь Амет-Хана Султана на территории Симферопольского железнодорожного вокзала. Фото 2018 г.

В годы войны Амет-Хан Султан прошел путь от лётчика до командира эскадрильи 9-го гвардейского истребительного авиационного полка. 31 мая 1942 г. в небе над Ярославлем он совершил свой первый воздушный таран немецкого бомбардировщика «Юнкерс-88». С августа 1942 г. на самолёте Як-7Б участвовал в Сталинградской битве, зарекомендовал себя как признанный ас и был включён в состав 9-го гвардейского истребительного авиационного полка – особого летного подразделения, специально созданного для противодействия немецким асам. В октябре того же года Амет-Хан стал командиром 3-й авиаэскадрильи 9-го гвардейского истребительного авиационного полка, в составе которого воевал до конца войны.

24 августа 1943 г. командир эскадрильи 9-го Одесского Краснознаменного гвардейского истребительного авиационного полка капитан Амет-Хан Султан был удостоен звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 1136).

*Дважды Герой Советского Союза
Амет-Хан Султан (1920–1971)*

Позже легендарный ас участвовал в освобождении Ростова-на-Дону, в воздушных боях на Кубани, в освобождении Таганрога, Мелитополя, Крыма. 18–20 мая 1944 г., во время отпуска в Алушке Амет-Хан Султан стал свидетелем насильственного выселения исторической родины родного, крымскотатарского народа.

После этого он воевал в Восточной Пруссии, участвовал во взятии Берлина. Последний свой воздушный бой Амет-Хан провёл 29 апреля 1945 г. над нахо-

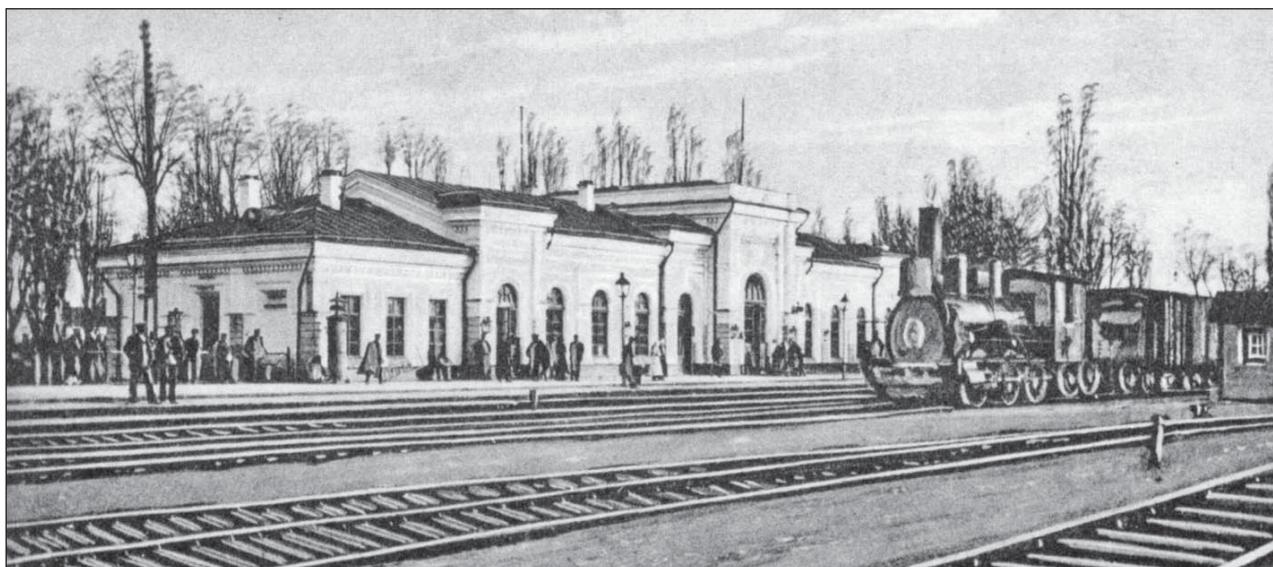
дящимся в черте Берлина аэродромом Темпельхоф, сбив «Фокке-Вульф 190». Закончил войну в звании гвардии майора.

Всего за время войны Амет-Хан Султан совершил 603 боевых вылета (из них 70 – на штурм живой силы и техники противника), провёл 150 воздушных боёв, в которых сбил лично 30 и в составе группы – 19 самолётов противника. 29 июня 1945 г. он был награжден второй медалью «Золотая Звезда».

После войны Амет-Хан Султан был летчиком-испытателем Летно-исследовательского института в г. Жуковском (под Москвой). За время лётной работы он освоил около 100 типов летательных аппаратов, его налёт составил 4237 часов. В 1946 г. Амет-Хану было присвоено звание подполковника, в 1953 г. он был удостоен Государственной премии СССР, а в 1961 г. – звания заслуженного летчика-испытателя СССР.

Погиб легендарный летчик 1 февраля 1971 г. при выполнении испытательного полёта на летающей лаборатории Ту-16, предназначенной для испытания нового реактивного двигателя. Был похоронен в Москве, на Новодевичьем кладбище.

С Симферополем Амет-Хана Султана связывали годы учебы и работы. В 1937 г., после окончания семи классов алушкинской школы, он поступил в Симферопольскую железнодорожную школу ФЗУ. Это учебное заведение было создано в октябре 1922 г. с целью подготовки рабочих железнодорожных профессий. Первоначально численность учащихся была 200 человек. Большую помощь в создании материально-технической базы оказало

Симферопольский железнодорожный вокзал. Открытка нач. XX в.

локомотивное депо. В училище получали профессии слесаря по ремонту паровозов, слесаря по ремонту железнодорожных вагонов, помощника машиниста, кузнеца ручнойковки. Перед войной, в 1940 г., ФЗУ было реорганизовано в Железнодорожное училище № 2. Все учащиеся были переведены на полное государственное обеспечение. В мастерских (располагавшихся там, где сейчас находится привокзальный рынок) начали готовить токарей по металлу. Численность учащихся выросла до 300 человек.

С началом Великой Отечественной войны в мастерских ЖУ № 2 было налажено изготовление труб для легких минометов. Позже училище было эвакуировано в г. Балашов, где находилось до 1944 года. Учащиеся здесь проходили практику на авиационном заводе, выполняя фронтные заказы. Выпускники же училища не только трудились в тылу, но и сражались в действующей армии. Одним из таких выпускников – участников войны был Амет-Хан Султан, ставший гордостью учебного заведения.

После освобождения Крыма училище вернулось в

Амет-Хан Султан и его товарищ по школе ФЗУ и аэроклубу Фахри Билялов. Из книги Е. Белоусова «Амет-Хан Султан. Жизнь как подвиг». Харьков, 2012.

Группа выпускников Симферопольской железнодорожной школы ФЗУ. В центре – Амет-Хан Султан. 1938 г. Из книги Е. Белоусова «Амет-Хан Султан. Жизнь как подвиг». Харьков, 2012.

Симферополь и продолжило работу. За 70 послевоенных лет оно несколько раз реорганизовывалось, меняло название и адрес расположения. Ныне это Симферопольское высшее профессиональное училище железнодорожного транспорта, расположенное по адресу: ул. Марка Донского, 4 (р-н ул. Героев Сталинграда). В училище существует музей, в котором помнят и чтят своего легендарного выпускника.

В железнодорожной школе ФЗУ Амет-Хан учился с сентября 1937 г. по март 1938 г. По окончании учебы ему выдали свидетельство, где в графе «специальность» было записано: «слесарь по ремонту подвижного состава». После этого Амет-Хан был направлен на работу в железнодорожное депо г. Симферополя. Здесь он некоторое время поработал слесарем, а позже был переведен подручным котельного мастера.

Указанное здание паровозного депо сохранилось до настоящего времени. Ныне оно является практически единственным фрагментом первоначального комплекса Симферопольской железнодорожной стан-

Амет-Хан Султан

ции и вокзала, построенных в 1870-х гг. (историческое здание вокзала было взорвано фашистскими оккупантами при отступлении из города в апреле 1944 г.).

Когда в конце 1990-х гг. встал вопрос о месте увековечения памяти Амет-Хана Султана, была выбрана Симферопольская железнодорожная станция. В 2000 году здесь была открыта памятная доска в его честь. Табличка была установлена на здании вокзала, под табло объявлений. Надпись на ней гласит: «В 1938–1939 гг. в паровозном депо г. Симферополь работал слесарем-котельщиком Амет-Хан Султан (1920–1971 гг.) – дважды Герой Советского Союза, лауреат Государственной премии, заслуженный летчик-испытатель СССР».

Одновременно с учебой в ФЗУ и работой в паровозном депо, Амет-Хан Султан учился в Симферопольском аэроклубе, который окончил в 1938 г. Клуб был создан в 1931 г., тогда это было солидное учебное заведение оборонного значения, просуществовавшее до июня 1941 года. За это время аэроклуб подготовил сотни парашютистов и летчиков, многие из которых сражались с врагом во время Великой Отечественной войны. Так, из выпускников Симферопольского АСК в 1943 г. был сформирован отряд летчиков-истребителей, прославивший себя подвигами в небе и участием в штурме Берлина. Одиннадцать воспитанников авиаклуба стали Героями Советского Союза, среди них и дважды Герой Советского Союза Амет-Хан Султан.

После войны Симферопольский аэроклуб продолжил свою работу на прежнем месте. Ныне это территория аэропорта Заводское, расположенного на юго-западной окраине Симферополя, у границы промышленной зоны, возле отстойника железнодорожных товарных вагонов на линии Симферополь – Севастополь, у железнодорожной станции Чистенькая. В 2008 г. Симферопольскому аэроклубу было присвоено имя его легендарного выпускника – Амет-Хана Султана. Подробные сведения о знаменитом летчике можно получить в музее, существующем при клубе.

Примечательно, что уже в годы обучения в аэроклубе Амет-Хан обратил на себя внимание своими способностями и любовью к специальности летчика. Так, 18 августа 1938 г. в центральной русскоязычной газете автономии «Красный Крым» было опубликовано первое интервью с молодым курсан-

Почтовая открытка «На аэроплан имени Кр.ССР». Конец 20-х гг. XX в. Из книги Е. Белоусова «Амет-Хан Султан. Жизнь как подвиг». Харьков, 2012.

том аэроклуба – будущим дважды Героем Советского Союза. «Готовясь к призыву в армию, – рассказывал корреспонденту Амет-Хан Султан, – я решил овладеть какой-нибудь специальностью. Работал слесарем в железнодорожном депо и пошел на учебу в аэроклуб... Имею уже 20 самолетных поле-

тов и уверен, что <...> смогу влиться в ряды ВВС РККА» [1, с. 429].

Помимо вышеуказанных памятных мест, связанных с годами жизни Амет-Хана Султана в Симферополе, его именем в 1993 г. была названа улица в микрорайоне Ак-Мечеть, а в 2000 г. – одна из городских площадей.

Список использованных источников и литературы

1. Бабенко Г. А., Дюличев В. П. Симферополь – город пользы. – Симферополь, 2007. – 516 с., илл.
2. Белоусов Е. Амет-Хан Султан. Жизнь как подвиг. – Харьков, 2012. – 208 с.: илл.
3. Бессчетнов Е. И. Звезды в ладонях. Документальная повесть о дважды Герое Советского Союза Амет-Хане Султане. – Симферополь, 2000. – 272 с.

Н. Абдульвапов

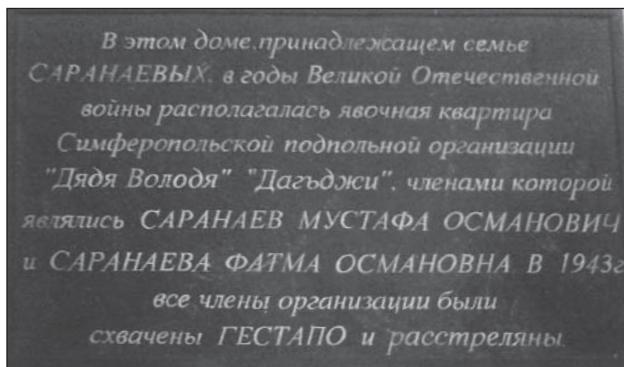

Портрет и памятная доска в честь Амет-Хана Султана на городской площади, носящей имя прославленного летчика. Фото 2017 г.

ДОМ, В КОТОРОМ ЖИЛИ УЧАСТНИКИ
СИМФЕРОПОЛЬСКОГО ПОДПОЛЬЯ
МУСТАФА И ФАТЬМА САРАНАЕВЫ
(группа Абдуллы Дагджи)
ул. Воровского, 11

Дом Мустафы и Фатьмы Саранаевых – участников симферопольского подполья в годы Великой Отечественной войны – расположен в восточной части города, по адресу ул. Воровского, 11. Саранаевы были членами одной из наиболее крупных подпольных организаций, действовавших в Симферополе в период фашистской ок-

Любительская памятная доска на доме по ул. Воровского, 11, в память членов симферопольского подполья в годы Великой Отечественной войны Мустафы и Фатьмы Саранаевых. Фото 2017 г.

купации. Руководителем организации был Абдулла Дагджи, более известный по подпольной кличке Дядя Володя, вследствие чего в литературе организация часто упоминается как «группа дяди Володи».

Подпольная организация Абдуллы Дагджи состояла из более 10 патриотических групп, с октября 1942-го по июнь 1943-го действовавших на заводе им. 1

Мая, в электромеханических мастерских, больнице, крымскотатарской библиотеке, двух «крымскотатарских» добровольческих батальонах, на кожкомбинате, в деревне Сарайлы-Кият и т. д. Штаб организации находился в деревне Кара-Кият в 3 км от Симферополя. Группа насчитывала 78 членов, две трети которых составляли крымские татары. Помимо крымских татар, в группу входили также русские, украинцы, евреи [2].

Члены подпольной организации совершали диверсии на железной дороге, добывали ценные разведданные, снабжали партизан оружием, продовольствием, медикаментами, организовывали побеги советских военнопленных из концлагерей и т. п.

Из-за недостаточной конспирации, в мае – июне 1943 г. организация была раскрыта. Значительная часть подпольщиков – от 25 до 35 человек – были подвергнуты аресту, многие из них были впоследствии расстреляны. Так, 26 июня 1943 г. (по другим данным, 24 июля) без отправления в концлагерь (совхоз

«Красный») фашистами были расстреляны Абдулла Дагджи, Эдие Дагджи (родная сестра А. Дагджи, проживала в г. Симферополе, по адресу ул. Подгорная, 11), Е. Пархоменко, П. Маланин, Эдуард Касабов, супруги Мустафа и Фатма Саранаевы (по официальным сведениям). Были отправлены в концлагерь совхоза «Красный» и расстреляны в ноябре 1943 г. А. Марковин, М. Сафьянова, Л. и Т. Бутусовы, Гульзаде Софу, Хатидже Дагджи, по некоторым сведениям – Мустафа и Фатма Саранаевы.

Из оставшейся части арестованных, некоторые получили срок от двух до шести месяцев заключения, другие же были освобождены за недоказанностью вины. Среди последних был подпольщик Григорий Орленко, больше месяца находившийся в тюрьме. Чудом остались живы и брат и сестра Измайловы – Абибулла и Мусимме (Мусимме ранее работала в женотделе обкома партии). Они продолжили работу в подполье.

О руководителе организации – Абдулле Сейдаметовиче Дагджи известно следующее. Родился он в 1900 (или 1902) г. в дер. Корбек (ныне с. Изобильное) Алуштинского района. На 22 июня 1941 г. был секретарем Балаклавского райкома партии. Перед самой оккупацией Крыма по решению бюро Крымского обкома ВКП(б) был направлен в распоряжение Главного штаба партизанского движения в Крыму (командующий – А. Мокроусов). С 1 ноября 1941 г. А. Дагджи – боец Ялтинского партизанского отряда 4-го партизанского района, базировавшегося на территории Ялтинского, Куйбышевского и Бахчисарайского районов Крымской АССР. Этим отрядом было совершено 67 боевых операций, в ходе которых было уничтожено 19 автомашин, взорвано несколько мостов, захвачена радиостанция, повреждены десятки километров линий связи, уничтожено свыше 200 гитлеровцев. Как свидетельствуют архивные документы, во многих из этих боев, проявив «личное мужество», принимал участие и А. Дагджи [2].

Помимо участия в боевых операциях, А. Дагджи неоднократно поручалось проводить разведку в занятых врагом населенных пунктах, а также агитационно-пропагандистскую работу среди населения, находившегося в оккупации [там же].

В июле (по другим сведениям, сентябре) 1942 г. подпольным обкомом партии А. Дагджи был направлен в Симферополь для создания и руководства подпольной организацией.

А. Дагджи был арестован в начале июня (по другим сведениям, 31 мая или же в начале июля) 1943 года, на момент ареста он проживал по адресу: Эскадрон-

*Абдулла Дагджи (Дядя Володя)
(1900? –1943)*

ный переулоч, 6. Вместе с ним были арестованы его мать, а также сестра – Гафарова Мусимме (хозяйка дома). На следствии А. Дагджи, несмотря на жестокие побои и истязания, не назвал ни одного участника организации. 26 июня (по другим сведениям, 24 июля) 1943 г. он был расстрелян с группой товарищей по подполью.

Имя Абдуллы Дагджи было внесено в Книгу памяти Республики Крым [там же].

Членами организации А. Дагджи («Дяди Володи»), помимо указанных выше, были Юрий Рыжков, Энвер Нуриев, Ф. Мустафаева, Ш. Мустафаев, М. Процко, Д. Пархоменко, Эсма Азизова (1905 г. р., связная, работала учителем начальных классов, хорошо владела немецким языком), а также бойцы 157-го и 147-го добровольческих батальонов: Байбулатов Дюсен, Газизов Бахи, Досламбетов Ариф (29 лет), Тураев Мурат (25 лет, туркмен), В. Маленко (22 года,

Хатидже Чапчакчи (1912–1943)

Мустафа и Фатма Сараневы с сыном Вельором перед началом Великой Отечественной войны

украинец), Сермухамбетов Абдулла (23 года, казах) и др. [там же].

Одним из наиболее известных членов группы А. Дагджи была легендарная крымскотатарская подпольщица Хатидже Чапчакчи. Хатидже Азизовна Чапчакчи родилась в 1912 г. в с. Юкары Аутка близ Ялты. Окончила Крымский мединститут. В период оккупации работала в Симферополе, в военном госпитале. Пользуясь служебным положением, передавала через связных в партизанские отряды медицинские препараты, снабжала партизан различными документами, способствовала освобождению из плена красноармейцев и т. д. Была арестована в июне 1943 г., два с половиной месяца провела в гестапо. Не выдал никого из своей группы, была расстреляна осенью того же года. У Х. Чапчакчи остались две маленькие дочери, которых воспитала ее родная сестра [1, с. 29–40].

Ряд членов группы Абдуллы Дагджи действовали в Крымском государственном татарском драматическом театре. Среди них необходимо особо выделить

молодого крымскотатарского композитора Абибуллу Каври (расстрелян фашистами в 1943 г.), актеров Али Теминдара (замучен в застенках гестапо в августе того же года), Решида Асанова (расстрелян после длительных пыток) и Эгдема Ниметуллу (в конце 1942 г. был схвачен гестапо, однако через некоторое время освобожден за отсутствием улик) [3, с. 136–144]. Известно также, что членом организации был талантливый журналист Осман Батыров (супруг известной певицы Э. Топчи), он также был расстрелян гестаповцами [там же, с. 234].

Одними из наиболее активных членов группы А. Дагджи были и супруги Сараневы. Мустафа Османович Саранев (1902–1943), родом из Бахчисарая, был выпускником Крымского пединститута, работал директором школы в с. Кучук-Озен Алуштинского района. В этой же школе преподавала родной язык и литературу и его супруга Фатма. В начале 1941 г. они были переведены в г. Алушту: Мустафа был назначен заведующим горно, а Фатма – директором школы. После начала войны семья Сараневых перебирается в Ялту, а оттуда – в Симферополь. В крымской столице они жи-

вут по адресу ул. Воровского, 11, в доме, в середине 1930-х гг. купленном родителями Мустафы. Этот дом стал одной из явочных квартир группы Абдуллы Дагджи [4]. Мустафа и Фатъма Саранаевы были схвачены гестапо и расстреляны летом 1943 года.

После гибели четы Саранаевых их единственный сын Вельор воспитывался у бабушки в с. Коклуз Куйбышевского р-на. Позже со всем народом он оказался в депортации, в Узбекистане, жил у родственников в городах Янгиюле и Самарканде. Еще позже окончил школу, строительное отделение гидромелиоративного техникума, долгие годы работал по специальности на руководящих должностях. В 1990 г. ему посчастливилось вернуться в Симферополь.

Все эти годы Вельор Саранаев вместе с родственниками искал сведения о погибших в годы войны родителях. В 1965 г. им удалось получить архивную справку за подписью заведующего Партийным архивом Крымского обкома КП Украины И. Кондранова, где говорилось, что согласно документам партархива: «Саранаев Мустафа Османович, 1902 г. рождения, член КПСС, Саранаева Фатъма, 1911 г. рождения, в период Великой Отечественной войны, с октября 1942 г. по июнь 1943 г., были членами подпольной

Мустафа Саранаев (1902–1943)

Пролетарии всех стран, соединитесь!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ УКРАИНЫ
КРЫМСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ
Партийный архив

№ 98-545 и ю н я 1965 г.

АРХИВНАЯ СПРАВКА

По документам партархива Крымского обкома КП Украины установлено, что САРАНАЕВ Мустафа Османович, 1902 года рождения, член КПСС, САРАНАЕВА Фатъма, 1911 года рождения, в период Великой Отечественной войны с октября 1942 г. по июнь 1943 г. были членами подпольной организации г.Симферополя Крымской области, в июне 1943 г. были арестованы гестапо и расстреляны.

Зав. партархивом Крымского обкома КП Украины (И. Кондранов)

ни.2

Справка из Партийного архива Крымского областного комитета КП Украины от 23 [?] июня 1965 г., подтверждающая, что Мустафа и Фатъма Саранаевы с октября 1942 г. по июнь 1943 г. были членами подпольной организации в Симферополе и расстреляны гестапо в июне 1943 г.

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ
АВТОНОМНОЙ
РЕСПУБЛИКИ КРЫМ**

г.Симферополь,
пер.Туристов, II
Саранаеву В.М.

333680, г. Симферополь, ул. Кеңкметская, 3
Телефоны: 22-84-05, 22-82-61

II.09.1998г. № С-II3

на № _____

Архивная справка

В фондах Крымского обкома партии и Крымской комиссии по истории Великой Отечественной войны имеются сведения, что Саранаев Мустафа Османович, 1902 года рождения и Саранаева Фатъма, 1911 года рождения, с октября 1942 года по июнь 1943 года были членами подпольной организации Дагджи ("дяди Володи") в г.Симферополе. После провала организации арестованы и расстреляны оккупантами.

Основание: ф.П-156, оп.1, д.91, л.6,70,86,96; д.116, л.13,20; д.200, л.12,13; ф.1, оп.1, д.2398, л.88.

Директор Л.В.Гурбова

Гл. специалист Г.М.Полташова

организации г. Симферополя Крымской области (так в документе. – Сост.), в июне 1943 г. были арестованы гестапо и расстреляны» (см.).

В другой архивной справке, уже от 11 сентября 1998 г., присутствует указание на то, что «Мустафа Османович Саранаев и Фатъма Саранаева с октября 1942 г. по июнь 1943 г. были членами подпольной организации Дагджи (Дяди Володи) в г. Симферополе. После провала организации арестованы и расстреляны оккупантами» [4].

В 2009 г. на здании дома, в котором жили М. и Ф. Саранаевы, была открыта любительская памятная доска в честь его довоенных жильцов, ставших жертвами фашистской оккупации города в 1941–1944 гг.

Справка из Государственного архива при Совете министров Автономной Республики Крым от 11 сентября 1998 года, удостоверяющая, что Мустафа и Фатъма Саранаевы были членами симферопольской подпольной организации Абдуллы Дагджи («Дяди Володи»).

Список использованных источников и литературы

1. Аналар яш экенде. Джесюр къадынларымыз акъкъында очерклер / тертип эткен ве неширге азырлагъан Р. Фазыл. – Ташкент, 1977. – 296 с.
2. Брошеван В. Подпольщик Абдулла Дагджи (Дядя Володя) // Голос Крыма. – 2001. – 8 мая.
3. Заатов И. Крымскотатарское сценическое искусство в материалах архивов и оккупационной прессы 1941–1944 гг. – Симферополь: Доля, 2015. – 348 с., илл.
4. Сеитбекиров А. Именем родителей! // Голос Крыма. – 2009. – 27 февраля.

Н. Абдульвапов, Р. Саранаев

УСАДЬБА ИСМАИЛА МУФТИ-ЗАДЕ ул. Крылова, 37

г. Симферополь, ул. Крылова, 37. Бывшая усадьба И. Муфти-заде: справа – господский дом, слева – здание открытого в 1927 г. кинотеатра им. Субхи (позже – «Родина»). Фото 2018 г.

Исмаил Муфти-заде (1851–1917) был одним из наиболее известных представителей крымскотатарского дворянства (мурзачества), активно участвовавших в общественно-политической и культурной жизни Крыма и крымских татар в конце XIX – нач. XX в. Возглавив в 1897 г. созданное во многом его же усилиями Общество пособия для бедных мусульман Крыма, он долгие годы был в центре всех процессов, происходивших в области крымскотатарской благотворительности и просвещения. Предположительно с середины 1880-х годов И. Муфти-заде жил в Симферополе, в особняке по адресу ул. Кладбищенской, 29. Данный дом сохранился, его нынешний адрес: ул. Крылова, 37.

Исмаил Муфти-заде родился 3 мая 1841 г. в Евпатории (Кезлев), в семье известного крымскотатарского мурзы, генерал-майора российской службы Батыра Челеби Муфти-заде (1817–1886). Семья принадлежала к известному роду крымского муфтия конца XVIII – нач. XIX в. Мусаллафа Эфенди. Матерью И. Муфти-заде была Хакиме Мехдиева.

И. Муфти-заде получил воспитание в 1-й Санкт-Петербургской гимназии. В 1857 г. он

поступил на службу унтер-офицером в лейб-гвардии крымскотатарский полуэскадрон, в 1862 г. произведен в корнеты. В первые же годы службы зарекомендовал себя как искусный стрелок и фехтовальщик. В частности, в 1866 г. на состязаниях офицеров по прицельной стрельбе и фехтованию на штыках в Высочайшем присутствии был удостоен почетных призов – двуствольного ружья с императорским вензелем и шашки в серебряной оправе.

По упразднении лейб-гвардии крымскотатарского полуэскадрона, 10 мая 1864 г. Высочайшим приказом И. Муфти-заде был переведен в лейб-гвардии 3-й Кавказский казачий эскадрон Собственного Его Величества конвоя. 30 августа 1865 г. за отличие по службе был произведен в поручики. С 1 мая по 31 октября 1867 г. состоял на службе в Ливадии. С 1867 по 1870 гг. нес службу при штабе Одесского военного округа. В 1869 г. за усердную службу был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени (учрежденным для нехристиан).

В 1870 г. с 1-й сменой лейб-гвардии Команды крымских татар И. Муфти-заде при-

Исмаил Муфти-заде (1841–1917)

был на службу в Санкт-Петербург. В 1871 г. за отличие по службе он был произведен в штабс-ротмистры.

В 1872 г. И. Муфти-заде был прикомандирован на службу в Крымский дивизион, в 1875 г. – награжден орденом Святого Станислава 2-й степени.

В 1876 г. он вновь прибыл на службу в Санкт-Петербург с 1-й сменой лейб-гвардии Команды крымских татар. В 1878 г. был произведен в ротмистры с отчислением от конвоя по Армейской кавалерии с переименованием в подполковники и с сохранением содержания в виде пенсии. В 1879 г. был прикомандирован к штабу Одесского военного округа, а в 1879 г. – штабу 7-го Армейского корпуса.

В 1893 г. И. Муфти-заде был произведен в полковники с увольнением от службы с мундиром и пенсией. В этом же году по выборам дворянства он был избран депутатом от дворянства Бердянского уезда на трехлетие с 1894 г. и утвержден Таврическим губернатором [3; 12].

По завершении воинской службы

И. Муфти-заде более активно включился в общественную жизнь Крыма, в частности, предметно занялся решением наиболее актуальных проблем крымскотатарского общества. Надо отметить, что он и ранее уделял этому внимание. Так, весьма значительным был его вклад в развитие земского движения в Таврической губернии. Известно, что И. Муфти-заде долгие годы был гласным Евпаторийского уездного и Таврического губернского земских собраний, а также кандидатом в евпаторийские уездные предводители дворянства. В 1885 г. он был избран председателем Евпаторийской уездной земской управы и находился на этой должности до 1888 года. Впоследствии, в декабре 1906 г., от имени общего собрания Евпаторийского земства И. Муфти-заде была выражена благодарность за его внимание к проблемам местного самоуправления региона [8, с. 164–165].

Весьма значительным был вклад И. Муфти-заде в развитие местного самоуправления и непосредственно крымской столицы – г. Симферополя. С 1879 г. он на протяжении семи каденций (по четыре года) избирался членом (гласным) Симферопольской городской думы и пробыл на этом посту, с небольшим перерывом в 1890–1893 гг., в общей сложности 29 лет – до 1908 года. [6]. Он с энтузиазмом воспринял городскую реформу в России, проведение которой было регламентировано «Городовым положением 16 июня 1870 г.», после чего главным городским распорядительным органом стала Симферопольская городская дума, а исполнительным – избранная ею Симферопольская городская управа. За достаточно длительный период своей деятельности И. Муфти-заде работал в многочисленных комиссиях: санитарной, бюджетной, оценочной, комиссии по проблемам расквартирования в городе офицеров различных воинских подразделений, в том числе Крымского дивизиона, санитарно-исполнительной комиссии, комиссии по оценке недвижимого имущества и распределению городского налога, упорядочению избирательных списков в Государственную думу, а также в комитете по охране общественного порядка в городе. На всех направлениях работы И. Муфти-заде демонстрировал свои высокие моральные качества и организаторский талант, чем заслужил огромный авторитет и уважение коллег и общества [там же].

Добавим, что как гласный городской думы он принимал участие в различных торжествах, офи-

циальных церемониях, делегациях и т. д., имевших место в жизни столицы губернии и государства в целом.

Особыми были заслуги И. Муфти-заде в сфере благотворительности, что снискало ему славу одного из наиболее известных меценатов в среде крымскотатарской знати. Так, с самого начала деятельности И. Гаспринского он всемерно помогал ему во всех его начинаниях, о чем И. Гаспринский считал своим долгом каждый раз сообщать на страницах газеты «Терджиман».

В 1891 г. И. Муфти-заде был избран почетным попечителем Симферопольской татарской учительской школы. Пробыв на этой должности до 1903 г., он сумел реализовать ряд важных проектов. В частности, благодаря его усилиям в курс обучения были введены крымскотатарский и арабский языки, а также усилено преподавание мусульманского вероучения. На свои средства И. Муфти-заде приобрел землю для расширения школьного двора и разрешил пользоваться ею безвозмездно с правом постепенного выкупа. Благодаря его усилиям из различных источников было собрано 15 000 рублей, на которые школа смогла выстроить двухэтажное здание [1, с. 33].

Еще одним крупным начинанием И. Муфти-заде явилось создание Крымского благотворительного общества («Общество для пособия бедным мусульманам Крыма»). Оно было открыто в 1897 г. в Симферополе, на первом же его собрании И. Муфти-заде был избран председателем Общества и долгие годы руководил его деятельностью. Собственное здание Общества (свидетель очень интересных процессов в сфере крымскотатарской благотворительности в конце XIX – начале XX в.) сохранилось до наших дней и находится по адресу ул. Крылова (во времена И. Муфти-заде – Кладбищенская, 20).

В короткие сроки аналогичные общества были открыты во многих городах и крупных сельских населенных пунктах Крыма: Бахчисарае, Евпатории, Карасубазаре (ныне Белогорск), Алуште и т. д. – и оказали значительное влияние на развитие общественной и культурной жизни среди крымских татар.

В 1905 г., главным образом благодаря уси-

лиям И. Муфти-заде, в Симферополе была открыта первая в Крыму школа нового типа – **рушдие**. В короткий срок (четыре месяца) для нее было построено и оборудовано здание на той же улице Кладбищенской (сохранилось до наших дней, ныне здесь размещается Республиканская крымскотатарская библиотека им. И. Гаспринского), приглашены преподаватели, проведен набор учащихся и организован учебный процесс. Данный опыт, как и в случае с благотворительным обществом, сразу же был использован представителями крымскотатарской интеллигенции и деловых кругов из других регионов Крыма – аналогичные учебные заведения были открыты в Бахчисарае, Евпатории, Карасубазаре, а также в деревнях Дереккой (близ Ялты), Сараймине (близ Керчи) и т. д. Особенностью рушдие было то, что они полностью содержались на народные средства и их программа основывалась в первую очередь на потребностях крымскотатарского национального образования

В связи с рушдие необходимо отметить крайнюю принципиальность, продемонстрированную И. Муфти-заде в вопросах развития этих учебных заведений, а также в период борьбы за сохранение их статуса. Когда правительством был поднят вопрос о переподчинении рушдие Министерству народного просвещения или же их полном закрытии, И. Муфти-заде со своими единомышленниками всячески старался не допустить этого, объясняя чиновникам важность существования рушдие в том статусе, в котором они были открыты, а именно с акцентом на родной язык как залог максимальной эффективности процесса обучения. 19 июня 1910 г., на одном из последних совещаний перед окончательным закрытием рушдие, он со всей откровенностью сказал, что уполномочен татарским обществом заявить совещанию о том, что «существующие мектебе-рушдие будут закрыты и что общество не согласно на передачу их в ведение Министерства народного просвещения, которое в течение 40 лет решительно ничего не сделало для просвещения татарского населения» [11, с. 20]. Подобные обвинения в адрес МНП звучали из уст И. Муфти-заде даже с трибуны Го-

2. Симферополь, ул Пушкина, 3. Бывшая Симферопольская городская дума и управа, в период Крымской АССР – Симферопольский городской Совет, ныне – Крымская государственная филармония.

сударственной думы III созыва, депутатом которой он был [8, с. 204]. Такая позиция характеризует И. Муфти-заде как человека, глубоко переживавшего за судьбу родного народа, будущего его языка и образования.

Совершенно новый по качеству период деятельности И. Муфти-заде последовал в период и после Русской революции 1905 г. В эти годы, в частности, раскрылся его талант на политической стезе. Так, весной 1905 г. И. Муфти-заде вошел в состав представительской делегации крымских татар, которая отправилась в Санкт-Петербург для ознакомления высших чиновников империи с проблемами крымскотатарского народа. В состав делегации вошли И. Гаспринский, А. Карашайский (Таврический муфтий), М. Кипчакский (председатель Симферопольского уездного дворянства), М. Давидович (голова Бахчисарая) и многие другие видные представители народа. Делегация посетила председателя Комитета министров С. Ю. Витте, военного министра генерала В. В. Сахарова, министра внутренних дел А. Г. Булыгина, министра народного просвещения В. Г. Глазова, председателя комиссии по печати Д. Ф. Кобеко, председателя ко-

миссии по веротерпимости П. Н. Игнатьева, митрополита Антония и довела до их сведения содержание народной петиции, поддержанной Собранием мусульман Крымского полуострова и скрепленной 25 тысячами подписей [4, с. 29–30]. Этот акт имел очень большое значение для формирования национального самосознания крымских татар.

В августе того же года И. Муфти-заде вместе с И. Гаспринским, М. Давидовичем и рядом других представителей крымских мусульман стал делегатом I Всероссийского мусульманского съезда, приведшего к созданию первой общероссийской мусульманской политической партии – «Иттифак аль-муслимин» («Союз мусульман»). Позже И. Муфти-заде стал одним из членов крымского филиала этой партии (председателем был И. Гаспринский [7, с. 193]).

Наконец, в 1907 г. И. Муфти-заде был избран **депутатом** в Государственную думу Российской империи III созыва (1907–1912 гг.), что можно считать пиком его политической деятельности. И. Муфти-заде стал вторым после А. Медиева (и последним) крымскотатарским депутатом в этом высоком законодательно-представительном орга-

не Российского государства. В период своей работы в Думе И. Муфти-заде работал в ряде комиссий: по вероисповедным вопросам, продовольственной, по переселенческому делу, по исполнению государственной росписи доходов и расходов. В целом же его внимание было сосредоточено на наиболее острых общих проблемах мусульманского населения Российской империи. Среди непосредственно крымских проблем он занимался вопросами реформы системы национального образования, вакуфной собственности, возрождения выборности духовных лиц и т. д. Депутатство И. Муфти-заде в Государственной думе – весьма интересная страница истории крымскотатарской политической активности в начале XX века.

Помимо общественно-политической деятельности, И. Муфти-заде был членом весьма авторитетной научной организации Крыма – Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК). С конца XIX в. он увлекся исследованиями истории крымскотатарских военных подразделений на службе Российской империи. Результатом этой работы явились два труда: «Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899 год (по архивным материалам)» (издан в № 30 ИТУАК за 1899 г., 24 стр. печатного текста) и «Очерк столетней военной службы крымских татар с 1784 по 1904 г. (по архивным материалам)» (отдельное издание: Симферополь, 1905 г. 73 стр. печ. текста). Несмотря на некоторые фактические неточности, данные работы характеризуют автора как скрупулезного исследователя и служат важным подспорьем для других исследователей указанной проблематики.

В заключение перечисления заслуг и наиболее интересных фактов из биографии И. Муфти-заде добавим, что он был одним из основателей Таврического скакового общества, избирался почетным мировым судьей [6, с. 178], а также в составе крымской делегации, в которую входили И. Гаспринский и командир Крымского конного полка Н. А. Княжевич, 3 февраля 1910 г. участвовал в церемонии закладки Соборной мечети в Санкт-Петербурге [17, с. 256].

Умер И. Муфти-заде в апреле 1917 года.

13 апреля этого года на заседании Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК) патриархом крымского исторического краеведения А. И. Маркевичем был зачитан доклад «Памяти Измаила Мурзы Муфти-заде», в котором были отмечены его заслуги как общественно-политического деятеля, мецената, особо – члена комиссии и выражено глубокое соболезнование в связи с его кончиной [12, с. 3].

И. Муфти-заде был похоронен на Старом татарском кладбище в Симферополе. Данное кладбище находилось в 100 м от дома И. Муфти-заде – выше по той же улице Кладбищенской. Известно, что семья мецената долгие годы занималась благоустройством этого кладбища. К сожалению, после депортации крымских татар в 1944 г. данное место было полностью застроено, могила И. Муфти-заде, как и могилы тысяч горожан-мусульман, в том числе представителей дворянства, духовенства, деятелей образования, культуры, искусства и т. д., была утеряна.

И. Муфти-заде был женат на Саиде-ханым Болатуковой – внучке известного боевого генерала, героя Отечественной войны 1812 г. Кая-Бека Болатукова. Она родилась в 1859 г. в Евпатории в семье Мемет-Бея Болатукова, имя ее матери было Зейнеп Султан. Отличавшаяся властным характером, Саиде-ханым стала надежным другом своего мужа во всех его начинаниях. Так, известно, что она активно занималась благотворительностью. Один из ее проектов в этой сфере, в частности, касался строительства дома «для совершения обрядностей при погребении умерших на старом магометанском кладбище г. Симферополя». Дом планировалось построить в Вакуфном переулке, в нем должны были разместиться квартиры смотрителя и сторожа кладбища, а также школа-мектеб для детей этого района. Судя по архивным сведениям, проект (к которому был приложен план постройки) не встретил возражений Губернского правления, однако судьба его остается неизвестной [3].

Под особым патронатом Саиде Муфти-заде находился Крымский конный полк, в котором некоторое время служил и сам И. Муфти-заде. Она оказывала материаль-

Саиде-ханым Муфти-заде (Болатукова) (1859–?)

ную помощь нижним чинам полка, на праздники делала всему полку подарки, а в период Первой мировой войны организовывала для нужд полка сбор средств и неоднократно за свой личный счет посылала на фронт различную помощь [17, с. 260–261].

Известно также, что Саиде Муфти-заде имела доступ к императрице Александре Федоровне и даже оказывала влияние на принятие монаршей супружеской парой некоторых решений по Крыму и крымским татарам. Александра Федоровна неоднократно упоминает ее в своих письмах к императору [15, с. 22, 24, 32].

В революционные годы Саиде Муфти-заде была вынуждена покинуть усадьбу на Кладбищенской, часто меняла адрес проживания [3]. Однако к началу 1920-х гг., по некоторым данным, она сумела вернуться в свой симферопольский дом. В частности, по воспоминаниям известного крымскотатарского актера и режиссера Г. Мурата, в 1921 г. Саиде-ханым проживала именно на территории собственной усадьбы [13, с. 6]. Судя по всему, в 1920-х годах она здесь же

и упокоилась и, вполне вероятно, была похоронена рядом с супругом на Старом татарском кладбище.

В семье Исмаила и Саиде Муфти-заде было семеро детей: трое сыновей – Селим (1884 или 1885 г. р.), Мемет (Мамет-Бек, 1888 г. р.), Якуб (1893 г. р.) и четверо дочерей – Зейнеп (1876 г. р.), Лейля (1878 г. р.), Хатидже (1882 г. р.) и Мерьем (1894 г. р.). Их судьбы после событий 1917 г. сложились весьма драматически. В частности, по воспоминаниям дочери Мерьем Муфти-заде, Нияр Босняковой, некоторые из них были вынуждены эмигрировать за пределы Родины [2].

Так, бывший офицер Крымского конного полка Селим Муфти-заде уехал во Францию, в Париж, где и умер в 1930-х гг. (по другим сведениям, в 1945 г.). Там же, в Париже, прошли последние годы жизни и дочери Лейли. По воспоминаниям племянницы, вышеупомянутой Нияр Босняковой, после того как двое из сыновей Лейли Тайганской, курсанты Крымского кадетского корпуса, погибли от рук большевиков, она уехала в Турцию. Позже, возможно, при содействии брата Селима Лейля оказалась в Париже. Как вспоминала известная крымская аристократка, бывшая владелица имения-курорта Суук-Су близ Гурзуфа О. М. Соловьева, знавшая Лейлю Тайганскую еще по жизни в Крыму и отмечавшая ее необычайную красоту, последняя жила в Париже весьма скромно, по воскресеньям встречалась с друзьями по Крыму, в том числе – в Русском доме в Сент-Женевьев-де-Буа, где доживал свой век последний Таврический губернатор, а до этого, в 1908–1912 гг., – командир Крымского конного полка генерал Н. А. Княжевич. Там же, в Париже, она и была похоронена [19].

В Турцию вместе с мужем Джангир-Бекем Казумбековым сначала уехала и мать Нияр Босняковой – Мерьем. Однако через некоторое время вернулась, чтобы забрать дочь (Нияр), оставшуюся в Крыму, у бабушки Саиде, а позже – у тети Зейнеп. По приезде, Мерьем была арестована ГПУ, однако через некоторое время, после вмешательства председателя КрымЦИК Вели Ибраимова, была освобождена. Вернуться в Турцию она уже не смогла, брак распался. В 1927 г. Мерьем вышла замуж за Османа Боснякова, однако в 1929 г. его как «кулака» выслали в Пермскую область. В том же году подверглись «раскулачиванию» и Мерьем с дочерью.

Третья дочь И. Муфти-заде, Хатидже, была замужем за представителем еще одной известной крымскотатарской дворянской фамилии – Крымтае-

вых. Она умерла в Крыму, в с. Эски-Сарай, в окрестностях Симферополя. У нее было двое детей: дочь Шефика и сын Ильяс.

Еще одна дочь, Зейнеп, жила в Симферополе, снимала квартиру на ул. Кантарной (ныне Чехова), 75. Две ее дочери, Ава Клычева (от первого брака) и Асие Карашайская (от брака с представителем известной дворянской фамилии – Исмаилом мурзой Карашайским, жившим по соседству с Муфти-заде – по адресу ул. Кладбищенская, 30) стали актрисами Крымского государственного татарского драматического театра. Асие была замужем за Народным артистом Крымской ССР (так именовалась республика в 1921–1923 гг.), известным артистом театра и кино, легендарным танцовщиком Хайри Эмир-заде. Помимо них, в семье был еще сын Якуб.

Из младших сыновей Муфти-заде – Мемет умер в Симферополе, на руках у матери, судьба Якуба остается неизвестной [2].

Что касается собственности Исмаила Муфти-заде, известно, что ему принадлежала деревня Токсаба в Евпаторийском уезде, доставшаяся ему в наследство от отца Батыра Челеби Муфти-заде [3]. Помимо этого, он владел усадьбой в г. Симферополе.

Симферопольская усадьба И. Муфти-заде располагалась в одном из наиболее оживленных крымскотатарских кварталов города, что

не оставляет сомнений в том, что семья Муфти-заде прекрасно знала быт и обычаи, а также все нужды и чаяния крымских татар. Время и обстоятельства приобретения семьей Муфти-заде участка на ул. Кладбищенской и постройки здесь дома в настоящее время остаются неизвестными. Обращает внимание, что «собственным домом в 3-й части города Симферополя» (именно там, где располагался и дом И. Муфти-заде) владел уже его отец – генерал-майор Батыр Челеби Муфти-заде. На это указывает текст его прошения на имя императора о внесении в родословную книгу дворянства Таврической губернии, датированного 30 апреля 1884 г. [12, с. 2]. При этом, согласно тексту положительного ответа на это прошение, отправленного в начале 1886 г. уже на имя его сына – полковника Исмаила Муфти-заде (по причине смерти Батыра Челеби), сам Исмаил Муфти-заде в эти годы проживал в Евпатории [там же, с. 3].

Таким образом, можно предположить, что И. Муфти-заде после смерти отца (в 1886 г. или чуть позже) переехал в Симферополь и занял отцовский дом. Вполне возможно, что вскоре на том же месте он построил новый (или же перестроил старый) дом – уже в соответствии с собственным вкусом и потребностями. Впрочем, тот факт, что И. Муфти-заде уже с 1879 г. был гласным Симферопольской

Представительницы известных крымскотатарских дворянских фамилий, слева направо: Джеваир и Эсма Улановы, Ава Клычева (дочь Зейнеп Муфти-заде), Мерьем Муфти-заде, Зейнеп Карашайская (урожденная Муфти-заде), Хатидже Кипчакская (жена Селима Муфти-заде), в центре девочка – Асие Карашайская (дочь Зейнеп Муфти-заде). Фото нач. XX в. Личный архив Зейнеп Босняковой.

Айше Тайганская (? –1925)

городской думы (см выше), позволяет сделать и другие предположения. Вопрос остается открытым.

Усадьба Муфти-заде занимала достаточно большую территорию – более одной десятины (более 1 га), ограниченную улицами Кладбищенской (ныне ул. Крылова), Софиевской (ул. Клары Цеткин) и Кадиаскерской (ул. Краснознаменная). В архивных материалах за 1914 г. усадьба отмечена и по ул. Кладбищенской (№ 29), и по ул. Кадиаскерской (№ 40). По соседству с усадьбой находились домовладения представителей целого ряда других известных крымскотатарских дворянских фамилий: Айше-ханым Булгаковой (ул. Кадиаскерская, 41), Исмаила-мурзы Карашайского (ул. Кладбищенская, 30), Амета-мурзы Ногаева (ул. Кладбищенская, 37) и др. [18].

В упомянутых архивных материалах владельцами усадьбы Муфти-заде указаны Исмаил Мурза и его сын Селим. В связи с этим можно предположить, что на территории усадьбы был еще один дом, в котором жил Селим Муфти-заде. Поми-

мо этого известно, что здесь же располагались и другие строения: флигель для прислуги, кузня, конюшни и т. д.

В начале 1920-х годов усадьба была национализирована. К этому времени, судя по всему, ее покинули все прежние хозяева.

Говоря о новых «владельцах» усадьбы, необходимо отметить, что еще в 1919 г. на ее территории, возможно, в господском доме, некоторое время располагалась редакция газеты «Енъи дюнъя» [16, с. 90]. Эта газета была основана в 1918 г. в Москве как орган Народного комиссариата национальностей (Наркомнац). Редактором ее был турецкий революционер-большевик Мустафа Субхи. В период Крымской ССР (апрель – июнь 1919 г.) редакция переехала в Симферополь и разместилась на территории усадьбы И. Муфти-заде. После занятия Крыма войсками А. Деникина редакция прервала свою деятельность, чтобы возобновить ее через полтора года – после возвращения Советской власти в Крым в ноябре 1920 г., но уже в другом здании (см. соответствующую статью данного «Свода»). В связи с этим можно предположить, что именно по причине работы редакции газеты на территории усадьбы И. Муфти-заде улица Кладбищенская в 1924 г. была переименована в ул. Субхи.

В 1927 г. на территории усадьбы, вдоль улицы Софиевской (ныне ул. Клары Цеткин) был построен кинотеатр, также названный именем Мустафы Субхи. В самом же доме И. Муфти-заде, предположительно в эти же годы, был открыт Симферопольский трест кинификации.

Говоря о преддепортационной истории дома Муфти-заде, необходимо отметить еще один весьма интересный факт. Дело в том, что с историей усадьбы начала 1920-х годов (а возможно, и более ранней) связана биография еще одной известной личности – одной из первых крымскотатарских актрис, артистки, вошедшей в первый состав новосозданного Крымского государственного татарского драматического театра (1923 г.), автора ряда пьес и педагога Айше Тайганской (ум. в 1925 г.). Указание на это присутствует в вышеупомянутых воспоминаниях Г. Мурата, который в 1921 г. жил по соседству с усадьбой Муфти-заде, в семье своего двоюродного брата, выдающегося крымскотатарского поэта А. Герайбая [13, с. 6]. Этот факт заслуживает особого внимания, в том числе в свете практической неизученности частной жизни легендарной актрисы. Надо отметить, что проживание А. Тайганской в доме И. Муфти-заде представляется вполне вероятным, исходя из того, что дочь Муфти-заде Лейля была замужем за представителем семьи Тайганских – Исой Тайган-

ским. Можно даже предположить, что Айше была сестрой этого крымскотатарского мурзы, погибшего в Японскую войну.

После депортации крымских татар в господском доме И. Муфти-заде продолжало работать Управление кинофикации. Ныне это ГБУ РК «Крымский киномедиацентр».

Что же касается кинотеатра, после депортации он получил новое название – «Родина» и просуществовал до конца 1980-х гг. В начале 1990-х его здание было передано банку «Крым», а в 2005 г. здесь разместился крымскотатарский фольклорный ансамбль «Къырым» («Крым»).

Список использованных источников и литературы

1. **Абибуллаева Д.** История формирования и развития Симферопольской татарской учительской школы и русско-татарских министерских училищ (1870–1920). – Симферополь, 2016. – 172 с.
2. **Аирчинская Р.** ...И мне ответит эхо // Голос Крыма. – 1997. – 4 августа.
3. **Аирчинская Р.** Муфти-заде и меценаты // Голос Крыма. – 1997. – 10 января.
4. **Ганкевич В. Ю.** На службе правде и просвещению: краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского (1851–1914) / вступ. статья А. Р. Эмирова. – Симферополь: Доля, 2000. – 328 с.
5. **Ганкевич В. Ю.** Очерки истории крымскотатарского народного образования. (Реформирование этноконфессиональных учебных заведений мусульман в Таврической губернии в XIX – начале XX века.) – Симферополь: Таврия, 1998. – 164 с.
6. **Ганкевич В. Ю.** Служба Ісмаїла Муфтії-заде в органах міського самоврядування Сімферополя // Українська орієнталістика. – 2009–2010. – Вип. 3–4. – С. 178–181.
7. **Исхаков С. М.** Первая русская революция и мусульмане Российской империи. – Москва, 2007. – 400 с.
8. **Керимов И. А.** Гаспринскийнинь «джанлы» тарихы: 1883–1914. – Симферополь: Тарпан, 1999. – 408 с.
9. **Королева Л. И.** Общественно-политическая и просветительская деятельность Исмаила Муфтий-заде (1841–1917). – Симферополь, 2017. – 192 с.
10. **Корольова Л. Й.** Суспільно-політична діяльність Ісмаїла Муфтія-Заде // Культура народів Причорномор'я. – 2002. – № 33. – С. 100–102.
11. **Кричинский А.** Очерки политики российского царизма на окраинах. Ч. 2: К истории борьбы с просвещением и культурой крымских татар. (С приложением секретных документов). – Баку, 1920. – 192 с.
12. **Масаев М. В.** Из истории рода Муфти-заде // Культура народов Причерноморья. – 2001. – № 24. – С. 114–123.
13. **Мурат Гъ.** Театр санъатымызнынъ саифелеринден. – Ташкент, 1990. – 152 с.
14. **Муфтий-заде И.** Очерк столетней военной службы крымских татар с 1784 по 1904 г. (по архивным материалам). – Симферополь, 1905 г. – 73 с.
15. **Письма** Императрицы Александры Федоровны к Императору Николаю II. Том I. – Берлин, 1922. – 642 с.
16. **Последняя рукопись** Сабри Айвазова. Дело партии «Миллий Фирка» / Под общ. ред. В. В. Пшеничного, Р. Н. Лесюка, С. В. Лунина, И. И. Полякова; сост. А. В. Валякин, Р. И. Хаяли. – Симферополь: «ДОЛЯ», 2009. – 352 с., илл. (Из серии «Рассекреченная память». Крымский выпуск. Т. 1).
17. **Сакович А.** Крымские татары на военной службе Российской империи. – М., 2016. – 316 с.: илл.
18. **Сведения** о населенных местах Таврической губернии. Списки владельцев дворовых и усадебных участков Симферопольского уезда. 3 августа 1914 г. – ГАРК, ф. 39. оп. 1, д-69.
19. **Соловьев Г. Н.** Скрещение судеб. – СПб.: Алетейа, 2010. – 232 с.

Н. Абдульвапов, Р. Аирчинская

УСАДЬБА САИД-БЕЯ БУЛГАКОВА ул. Горького, 22 / ул. Желябова, 14

Бывшая усадьба Саид-бея Булгакова (1859–1939) – крупного мецената, одного из наиболее известных крымскотатарских дворян (мурз) конца XIX – первой четверти XX в. – располагается на углу улиц Горького и Желябова (бывших улиц Советской и Губернской) и состоит из двух домов: одноэтажного (на углу), выходящего на обе улицы, и двухэтажного (далее от угла), выходящего на ул. Горького, – с надворными постройками за ними.

Дома, составляющие фасад усадьбы, были возведены в начале 90-х гг. XIX в. по проекту городского архитектора Б. А. Зайончковского. Особый интерес вызывает двухэтажное здание – прямоугольное в плане строение с симметричным фасадом и балконами, богато украшенное различными архитектурными деталями (полуколоннами с капителями, розетками, пилястрами и т. п.) [4, с. 119]. Ныне это здание используется под жилье и магазины, что же касается одноэтажного строения, в нем располагается отделение гарнизонного госпиталя.

Усадьба была выкуплена Саид-беем Булгаковым, судя по всему, в период между 1908

и 1914 гг. [16, л. 5а]. До этого, с конца XIX в., она принадлежала перекопскому купцу И. Л. Ляске и, чуть позже, его наследникам – дочери Марии и Елене, бывшим хозяйками усадьбы в 1908 году [4, с. 118]. Таким образом, Саид-бей Булгаков стал последним владельцем усадьбы до ее муниципализации в начале 1920-х годов.

Помимо данной усадьбы, известно, что Саид-беем Булгаковым был построен (или же куплен) дом для его родной сестры – Айше-ханым Булгаковой, располагавшийся по адресу ул. Кадиаскерская (ныне ул. Краснознаменная), 41 [16, л. 63б].

Сведения о появлении предков мурз Булгаковых на полуострове присутствуют, в частности, в известном исследовании полковника И. Муфти-заде – «Очерке военной службы крымских татар с 1783 по 1899 год», впервые опубликованном в 1899 г. в № 30 «Известий Таврической ученой архивной комиссии». Касаясь вопроса происхождения отдельных крымскотатарских дворянских родов, автор отмечает: «Родоначальник фамилии Булгаковых Абдульлатив-ага (правильнее: Абдулля-

г. Симферополь, ул. Горького, 22 / Желябова, 14. Бывшая усадьба Саид-бея Булгакова: левый, двухэтажный корпус, выходящий на ул. Горького. Фото 2018 г.

г. Симферополь, ул. Горького, 22 / Желябова, 14. Бывшая усадьба Саид-бея Булгакова. Фото 2018 г.

тиф. – Н.А., Р.А.) прибыл со своим отцом Темиром-агой из Турции и закупил массу земель в разных частях Крыма, между прочим и дер. Булгак Евпаторийского уезда, которая была избрана местом постоянного их жительства. Абдульлатив-ага, по принятии присяги на русское подданство, в 1783 году умер, а Меметша-бей, его сын, женился на дочери князя Кантакузина и переехал в Коккоз, приняв фамилию по родовому имени» [10, с. 24].

Эти данные подтверждаются архивными документами, согласно которым предки Булгаковых – отец и сын Усеин-бей (прапрадед Меметша-бея) и Булат-бей (прадед) служили при османских султанах, соответственно Сулеймане II (годы правления: 1687–1691) и Мустафе III (1757–1774) [6, с. 43]. Согласно этим же документам, вышеупомянутый Абдуллятиф-бей (Лятиф-ага, отец Меметша-бея) служил уже при крымском дворе в должности казнадара [там же].

Родство Али-бея, Меметша-(Мехмедшах)-бея и Абдуллятиф-бея подтверждается и текстом на каменной табличке, датированной 1848 г. и располагающейся над входом во одноэтажное строение на территории бывшей усадьбы Али-бея Булгакова в дер. Коккоз (ныне Соколиное Бахчисарайского р-на).

Что же касается князя Кантакузина, с которым породнился Меметша-бей, им был дворянин (мурза) с аналогичным именем – Мегметча (или Мегметша – от «Мехмед-шах» или «Мухаммед-шах».

– Сост.) – полковник российской службы, в конце 1780-х гг. командовавший III, а затем I Таврическим татарским гарнизоном. После расформирования указанных гарнизонов в 1796 г. Меметша Кантакузин служил в Государственной конной экспедиции, в том же 1796 г. ему было пожаловано 30 000 десятин земли в Симферопольском уезде. В 1800 г. он был назначен смотрителем Симферопольского конного завода, а в 1803 г. был избран предводителем Симферопольского уездного дворянства. Умер Меметша Кантакузин в 1805 году [15, с. 302].

Именно Меметша Кантакузин, судя по всему, упоминается у знаменитого ученого Петера Симона Палласа в его «Путешествиях по разным провинциям Российского го-

с. Соколиное (Коккоз). «Флигель» Али-бея Булгакова (1848 г.).

сударства» (1793–1794 гг.). П. С. Паллас отмечал: «Татары Коккоза очень состоятельны, занимаясь торговлей лесом, спускаемым ими с ужасно крутых гор на вышеупомянутых саях; живут они в хороших чистых домах, имеют прекрасно устроенные сады, а владелец этой деревни, самой большой на всем полуострове, коллежский советник Меметша-бей, имеет здесь построенные в турецком вкусе трактир и гарем, а также хорошую мельницу» [13, с. 79].

Впрочем, это мог быть уже и новый хозяин Коккоза – Меметша Булгаков, взявший в жены дочь Кантакузина – Девлет-султан-ханым.

Меметша-бей (в оригинале – «Мемеч-Мурза») как «богатый и очень гостеприимный» помещик Коккоза упоминается и в известном труде французского путешественника Ш. Монтадона, датированном 1834 г. [9, с. 211]. На этот раз это однозначно Меметша Булгаков.

В 1837 г. Меметша-бей Булгаков (в оригинале – «Мемет-мурза») принимает в Коккозе известного русского поэта В. А. Жуковского, о чем остается соответствующая запись в дневнике поэта [14, с. 298].

Меметша-бей Булгаков к этому времени уже был хорошо известен в Крыму. Он служил заседателем по выборам дворянства в Симферопольском земском суде, позже был депутатом Евпаторийского дворянства в составе Дворян-

ского депутатского собрания Таврической губернии. Его земельные владения находились в Евпаторийском и Перекопском уездах, помимо этого, владения Кантакузиных-Булгаковых были в Коккозе и окрестных селах – Богатыре и Озенбаше [6, с. 43].

У Меметши Булгакова и его жены Девлет-султан-ханым было десять детей: сыновья Халил-бей, Шагин-бей, Селямет-бей, Ибрагим-бей, Кая-бей, Али-бей и сестры: Зейнеп-султан, Шемше[?]-султан, Джефер (вероятно, Джевхер. – *Сост.*), Бебей-султан. Из них наибольшую известность получил Али-бей – отец Саид-бея Булгакова.

Али-бей Булгаков родился примерно в 1810-х годах. В 1832 г. он закончил обучение в Дворянском полку в Санкт-Петербурге, после чего был определен в канцелярию Таврического гражданского губернатора по Феодосийскому градоначальству. Позже Али-бей служил в Таврическом словесном суде. В 1836 г. он был губернским секретарем, в 1842 г. – коллежским секретарем, в 1845 г. – депутатом дворянства Ялтинского уезда, в 1847 г. – титулярным советником, через год – депутатом Таврического дворянского собрания. В 1849 г. Али-бей Булгаков был избран Ялтинским уездным предводителем дворянства и в этой должности оставался много лет подряд. В 1867 г. он был избран депутатом Дворянского депутатского собрания от Бердянского уезда.

г. Симферополь, ул. Горького, 22 / Желябова, 14. Бывшая усадьба Саид-бея Булгакова: правый, одноэтажный корпус – вид со стороны ул. Желябова. Фото 2018 г.

Саид-бей Булгаков с семьей. Деревня Коккоз (ныне с. Соколиное Бахчисарайского р-на). Фото 1899 г.

В 1883 г. Али-бей Булгаков, как один из наиболее известных крымских мурз, был включен в состав делегации от Таврической губернии, поехавшей на коронацию императора Александра III [там же, с. 45].

Умер Али-бей Булгаков 3 января 1892 г. в дер. Коккоз [7, с. 60].

Имя Али-бея Булгакова часто проходит в краеведческой литературе о Крыме, в частности, в связи с рядом архитектурных объектов, возведенных им на территории родового поместья – дер. Коккоз. К сожалению, не сохранился двухэтажный особняк, в котором он жил. Однако до сих пор сохраняется другое строение («одноэтажный дом» или же «флигель с верандой», – см. ниже) с каменной табличкой над входом, датированной 1848 г. (ныне находится в распоряжении Соколинского лесничества). Помимо этого, в 1867–1868 гг. в непосредственной близости от дома Али-беем была построена мечеть, сохранившаяся поныне и известная под именем Булгаковской. Наконец, 1883 годом датируется фонтан, построенный рядом с указанными домом и мечетью и также сохранившийся до наших дней. Русскоязычный текст на фонтане гласит: «*Сей фонтан 1883 года построен надворным советником и кавалером Князем Али Беем Булгаковым*

собственно своим иждивением для общего блага».

Помимо этого, есть сведения о строительстве Али-беем Булгаковым по меньшей мере еще одного объекта в Коккозе – т. н. «новометодной школы», которую в 1889 г. посетил сам основатель подобных учебных заведений И. Гаспринский и лестно о ней отзывался [11, с. 236–237].

Также известно о многочисленных отдельных финансовых пожертвованиях Али-бея Булгакова. В частности, в газете «Терджиман» за 12 мая 1889 г. сообщалось о том, что он пожертвовал довольно внушительную сумму – более 1000 рублей – для строительства мечети в Санкт-Петербурге [7, с. 42].

Али-бей Булгаков был дважды женат. Первой женой его была Решиде – «дочь муфтия Крыма», второй – Эмине Дуду, дочь коккозского муллы [6, с. 45]. Что касается детей, в настоящее время известно лишь об одном – сыне Саиде, от брака с Решиде-ханым.

Саид-бей Булгаков родился 21 февраля 1859 г. в дер. Коккоз. Получил домашнее образование, в 18 лет поступил на службу и до достижения совершеннолетия (21 год) был под опекой отца. В начале карьеры служил в канцелярии предводителя дворянства Пере-

копского дворянства, затем работал в штате канцелярии Дворянского собрания.

В 1883 г. Саид-бей вместе с отцом Али-беем Булгаковым был в составе делегации Таврической губернии на коронации императора Александра III.

В 1886 г. за выслугу лет Саид-бей был переведен в коллежские регистры, позже стал предводителем Евпаторийского уездного дворянства. Кроме этого, по мере необходимости, замещал предводителя дворянства Ялтинского уезда.

Саид-бей Булгаков дослужился до чина действительного статского советника, что соответствовало званию генерал-майора в армии. 16 мая 1916 г. он в числе других высших должностных лиц Таврической губернии встречал семью Николая II на вокзале в Евпатории.

Говоря об общественной деятельности Саид-бея Булгакова, необходимо отметить, что он получил известность как крупный меценат и член ряда благотворительных организаций. Так, он был почетным членом Губернского попечительства детских приютов, существовавшего в Симферополе с 1849 г. и открытого в период, когда Симферопольским головой был известный купец Сеит-Сеттар Челеби (устроитель одноименной симферопольской мечети).

Помимо этого, Саид Булгаков был членом Крымского (Симферопольского) мусульман-

ского благотворительного общества (Общества для пособия бедным мусульманам Крыма), открытого в 1897 г. по инициативе И. Гаспринского и полковника И. Муфти-заде. Его имя присутствует, в частности, в одном из списков членов благотворительного общества за 1906 г. [12, с. 39].

В 1897 г. Саид-бей Булгаков был избран на должность второго почетного попечителя Симферопольской татарской учительской школы (первым был И. Муфти-заде). Благодаря его пожертвованиям данное учебное заведение имело, в частности, свой ученический духовой оркестр, который являлся гордостью школы и был одним из лучших в г. Симферополе. Средствами Булгакова также оплачивалось жалование учителя пения, частично – учителя музыки, приобретались ноты и музыкальные инструменты, осуществлялся ремонт последних. Известно также, что для учебных экскурсий Саид-бей Булгаков предоставлял свое имение в Коккозе. С. Булгаков оставался на должности почетного попечителя СТУШ до 1907 г. и пользовался огромным уважением со стороны педагогов и воспитанников школы [2, с. 33–34].

В 1905 г. Саид Булгаков был избран почетным попечителем Симферопольской школы-рушдие – первой школы данного типа в Крыму. Отстаивая право существования подобных учебных заведений, в 1909 г. в составе авторитетной группы, в которую входили также И. Гаспринский, А. Карашайский, М. С. Карашайский, М. Тайганский, он участвовал в поездке в Санкт-Петербург на прием к премьер-министру П. А. Столыпину. В 1910 г., когда встал вопрос о закрытии рушдие и возможности его реформирования в медресе, Саид-бей Булгаков обязался в течение трех лет оплачивать зарплату мудerrиса из собственных средств [1].

г. Симферополь. Бывший Дом Дворянского собрания. Фото 2014 г.

Семья Мустафы мурзы Кипчакского. Справа на- лево: сидят – Мустафа мурза Кипчакский, его внук Мустафа (от брака сына Исмаила с Дилярой Булгаковой, дочерью Али Мурзы Булгакова), дочь Хатидже, дочь Ильяса Кипчакского Катидже (Булгакова) и ее мать Джеваир (Уланова), стоят – Исмаил (сын Мустафы Кипчакского) и его сестра Идае. Фото 1-й пол. 1920-х гг.

С 12 апреля 1912 г. Саид-бей Булгаков был действительным членом Таврической учебной архивной комиссии (ТУАК) [8, с. 386]. В октябре 1923 г., в связи с изменением названия ТУАК на Таврическое общество истории, археологии и этнографии (ТОИАЭ), он был переизбран в состав этой знаменитой краеведческой организации [17, с. 160].

Саид-бей Булгаков систематически, с момента основания газеты «Терджиман», помогал ее издателю – И. Гаспринскому [7, с. 110]. Известно также, что при содействии газеты им была учреждена премия в размере 500 рублей – для автора лучшего сборника материалов этико-дидактического содержания на общедоступном крымскотатарском языке [там же, с. 193–194].

Саид-бей Булгаков был трижды женат. От первого брака (имя супруги не установлено) он имел дочь Шахсине (1881 г. р.), от второго – с Эльмас-ханым (дочерью мусульманского священника Фейзуллы эфенди) – дочь Девлет-ханым (1886 г. р.), от третьего – с Фатиме Кадыевой – дочерей Эмине (1895 г. р.), Зеги-де (Заиде [?], 1902 г. р.) и Решиде (1910 г. р.), и сыновей Хуршида (1899 г. р.) и Бегадина (1907 г. р.) [3].

Из них сын Бегадин в конце 1930-х гг. взял в жены представительницу ещё двух известных крымскотатарских дворянских (мурзаческих) родов, дочь Ильяса Кипчакского и Джеваир Улановой – Катидже Кипчакскую. Одна

из дочерей от этого брака – Элеонора Аббасова (Булгакова) ныне живет в Симферополе.

После октябрьских событий 1917 г. судьба семьи Саида Булгакова сложилась весьма драматично. В революционные годы семья в полном составе выехала в Турцию, однако вскоре вернулась в Симферополь. Во второй половине 1920-х гг. Булгаковы вновь вынуждены были покинуть Крым, но на этот раз практически все – навсегда. Булгаковы поселились в Кисловодске (за исключением Бегадина с семьей, осевших в Пятигорске), который стал для них последним пристанищем. Здесь, в частности, в 1939 г. умер и сам глава семьи – Саид-бей Булгаков.

Из всей семьи Булгаковых лишь сыну Бегадину и членам его семьи было суждено вновь увидеть Крым: Бегадин навестил его в 1967 г. (умер в 1982 г. в Пятигорске), его супруга же Катидже вместе с дочерьми Эльмирой и Элеонорой в 1996 г. вернулись в Симферополь на постоянное место жительства.

Говоря о собственности Саид-бея Булгакова, необходимо отметить, что с приходом Советской власти все принадлежавшие ему земли (сады, лес, пахотные участки, различные постройки и т. п.) и имение в Коккозе (жилой двухэтажный дом из семи комнат, жилой одноэтажный дом рядом с ним, флигель с верандой, летняя кухня, каретный сарай, гараж, дом для рабочих, конюшня, амбар, сарай для

животных, птичник) были национализированы. Из коккозского дома Булгаковых было вывезено семь расписных шкафов, комод, один большой деревянный стол, 11 раскладных деревянных столов, два мягких дивана, диван деревянный, три мягких кресла, кресло-качалка, восемь венских стульев, 11 кроватей, два зеркала, 12 настенных картин, посуда и прочее имущество [6, с. 47].

В 1922 г. была муниципализирована и симферопольская усадьба Саид-бея Булгакова [5].

В настоящее время, как было указано выше, в Симферополе проживают отдельные потомки Саид-бея Булгакова. В 2002 г. по результатам республиканского телевизионного конкурса крымскотатарский род Булгаковых-Муфти-заде был признан старейшей дворянской династией Симферополя.

Список использованных источников и литературы

1. **Абдуллаев И.** Мектебе-рушдие – крымскотатарская школа начала века // Голос Крыма. – 2013. – 7 июня, 21 июня.
2. **Абибуллаева Д.** История формирования и развития Симферопольской татарской учительской школы и русско-татарских министерских училищ (1870–1920). – Симферополь, 2016. – 172 с.
3. **Архивные документы**, исторические материалы и воспоминания, касающиеся истории семьи Саид-бея Булгакова. – Личный архив Э. Аббасовой.
4. **Вьюницкая Л., Эйлер А.** Прогулки по Симферополю: Улица Горького. – Симферополь, 2016. – 152 с.
5. **ГАРК.** ф. Р-114, оп. 2, д. 338, л. 21
6. **Желтухина О. А.** Беи Булгаковы и их усадьба в Коккозе // Бахчисарайские научные чтения памяти Исмаила Гаспринского «Исмаил Гаспринский и мусульманский мир России». Материалы научно-практической конференции. – Выпуск 1. – Бахчисарай, 2014. – Вып. 1. – С. 43–47.
7. **Керимов И. А.** Гаспринскийнинъ «джанлы тарихы». 1883–1914. – Акъмесджит: Тарпан, 1999. – 408 с.
8. **Личный состав** Таврической ученой архивной комиссии // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – 1918. – № 55. – С. 385–390.
9. **Монтадон Ш.** Путеводитель путешественника по Крыму украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым / Пер. с франц. – Киев: «Издательский дом «Стилос»», 2011. – 416 с.
10. **Муфти-заде И.** Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899 год // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – 1899. – № 30. – С. 1–24.
11. **Оджалар: биобиблиографик косьтергич / тертип эткенлер:** Хайбуллаева Л., Ислямова З. – Симферополь: КъДжДММ «И. Гаспринский адына медиамеркез», 2015. – 288 с.: фото.
12. **Отчет** правления Общества для пособия бедным мусульманам Крыма за 1905 г. – Симферополь, 1906. – 55 с.
13. **Паллас, Петр Симон.** Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным местностям Русского государства в 1793–1794 годах / Пер. с нем. – М.: Наука, 1999. – 246 с., илл. – (Науч. наследство; Т. 27).
14. **Петрова Э. Б., Прохорова Т. А.** Крымские путешествия: Н. Н. Мурзакевич, А. Н. Демидов (К 200-летию юбилею Н. В. Гоголя). – Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. – 328 с., цв. илл.
15. **Сакович А.** Крымские татары на военной службе Российской империи. – М., 2016. – 316 с.: илл.
16. **Сведения** о населенных местах Таврической губернии. Списки владельцев дворовых и усадебных участков Симферопольского уезда. 3 августа 1914 г. – ГАРК. ф. 39. оп. 1. д. 69.
17. **Филимонов С. Б.** Хранители исторической памяти Крыма: О наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887–1931). Изд. 2-е, перераб. и доп. – Симферополь: ЧерноморПРЕСС, 2004. – 316 с.

Н. Абдульвапов, Р. Аирчинская

ДОМ, В КОТОРОМ В 1924–1937 гг. ЖИЛ ВЫДАЮЩИЙСЯ
ПИСАТЕЛЬ И ЖУРНАЛИСТ, КЛАССИК
КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИЗВЕСТНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ
АСАН САБРИ АЙВАЗОВ
ул. Чехова, 25

Выдающийся писатель, журналист, литературный критик, публицист, переводчик, педагог, общественный деятель Асан Сабри Айвазов (1878–1938) является одной из наиболее значительных фигур в общественно-политической и культурной жизни крымских татар первой трети XX века. Последние два десятилетия его весьма активной и разносторонней деятельности были связаны с Симферополем, где он жил по адресу ул. Кантарная (ныне ул. Чехова), 25.

А. С. Айвазов родился 6 мая (по другим сведениям, 26 февраля) 1878 г. в Алушке, в крестьянской семье [6, с. 11–12]. Получил начальное образование в местной школе и медресе, после чего один из родственников увёз его в Стамбул, где Асан в 1892–1898[?] гг. учился, по одним сведениям, в педагогическом институте, по другим – посещал занятия по литературе и истории ряда известных педагогов. Во время учёбы в Турции А. С. Айвазов начинает проявлять интерес к журналистике, публикует статьи в газете И. Гаспринского «Терджиман», прессе Стам-

була и Баку. Там же, в Стамбуле, увлекается идеями младотурок о переустройстве общества на принципах справедливости и прогресса.

По возвращении в Крым А. С. Айвазов работает учителем в Алушке – по программе новометодной школы (*усул-и джедид мектеби*), разработанной И. Гаспринским. Помимо этого, включается в активную общественно-политическую деятельность, став членом, а чуть позже и возглавив общество «Неджат» («Спасение»).

В 1906 г., в период Первой русской революции, А. С. Айвазов вместе с известным крымскотатарским общественно-политическим деятелем, журналистом и педагогом, будущим депутатом Государственной думы Российской империи II созыва и председателем городской управы (головой) Карасубазара (ныне г. Белогорск) А. Медиевым начинает издавать в г. Карасубазаре газету «Ветан хадими» («Слуга Отечества») [5, с. 451–452]. В 1907 г. в г. Баку отдельным изданием публикуется его пьеса «Неден бу ала

А. С. Айвазов (1878–1938)

кьалдыкъ?» («Как дошли мы до жизни такой?»). В этом же году в бакинском журнале «Фиюзат» печатается ряд его публицистических статей, а также рассказ «Эсарет кьурбанлары» («Жертвы неволи»), посвященный проблеме женского бесправия.

Сведения о следующем периоде жизни А. С. Айвазова довольно противоречивы. Согласно некоторым источникам, в 1907 г., с наступлением реакции, за антисамодержавные призывы он был подвергнут высылке за пределы Крыма и сумел вернуться в Крым только в 1913 г., попав под амнистию в связи с празднованием 300-летия дома Романовых [8].

Однако многочисленные данные, в том числе архивные, свидетельствуют, что по меньшей мере значительную часть этого времени он провел в Крыму, в частности в Алушке. Так, в 1908 г. А. С. Айвазов подавал прошение на имя Таврического губернатора об открытии в г. Карасубазаре и чуть позже в Ялте газеты «Крым седасы» («Крымский голос»). Помимо этого,

в 1910 г. он строил планы преподавания в Симферопольской татарской учительской школе (СТУШ), тогда же вел переписку из Алушки и т. д. Эти вопросы требуют отдельного изучения.

Одновременно с этим долгое время пребывания А. С. Айвазова за пределами Крыма также не вызывает никаких сомнений. Известно, в частности, что в 1908 г. он совершил поездку в Египет, где лечился от астмы. Чуть позже, в 1909 г., вернувшись в Москву, давал частные уроки нескольким студентам Лазаревского института восточных языков, одновременно посещая лекции в Московском городском народном университете имени А. Л. Шанявского [11].

Известно также, что в 1910 г. за распространение младотурецких идей он действительно был арестован и некоторое время провел в Бутырской тюрьме, а в 1911 г. посетил Швейцарию.

В эти же годы А. С. Айвазов дважды посетил Турцию. Во время этих поездок он общался с видными деятелями пантюркистского движения (Ю. Акчурин, М. Эмин, Али-Бек Гусейн-Заде, А. Субхи и др.), вместе с ними принял участие в создании организации «Тюрк Дернеги» («Тюркское общество»), которая впоследствии под названием «Тюрк Оджагы» («Тюркский очаг») стала одним из крупных филиалов партии «Иттихад ве Теракки» («Единение и прогресс»).

С апреля 1913 г. А. С. Айвазов живет в Бахчисарае, сотрудничает, а в 1914 г., после смерти И. Гаспринского, становится редактором газеты «Терджиман». В том же 1914 г. в Бахчисарае публикуется его перевод драмы венгерского драматурга М. Лендьеля «Тайфун».

После Февральской революции 1917 г. А. С. Айвазов избирается членом Временного Мусульманского Революционного Комитета и направляется в Петроград для работы в Мусульманском бюро по подготовке созыва Всероссийского мусульманского съезда. 25 марта 1917 г. на Всекрымском мусульманском съезде он был заочно введен в состав Центрального Крымского Мусульманского Временного Исполнительного Комитета.

В апреле 1917 г., по возвращении из Петрограда, Центральным Крымским Мусульманским Исполнительным Комитетом было предложено А. С. Айвазову организовать в Симферополе типографию и создать газету, которая должна была стать органом Мусисполкома. А. С. Айвазов активно включился в процесс подготовки издания газеты.

10–15 мая 1917 г. А. С. Айвазов был одним из

крымских делегатов на Всероссийском мусульманском съезде в Москве, на котором была, в частности, принята резолюция об образовании Всероссийского центрального мусульманского совета – «Совет российских мусульман» – для руководства и координации действий мусульман страны.

В июне 1917 г. вышел первый номер газеты «Миллет» («Нация») – печатного органа Крымского мусисполкома (позже – Крымскотатарской директории) под редакторством А. С. Айвазова. Писатель находился на этой должности до середины 1919 г., проявив себя как яркий публицист и вдохновенный патриот.

Позже А. С. Айвазов принял активное участие в подготовке и проведении I Курултая крымскотатарского народа (ноябрь – декабрь 1917 г.), по результатам которого он был избран одним из трех сопредседателей национального парламента. Позже, в 1918 г., он еще дважды (январь и май 1918 г.) избирался на этот высокий пост.

В 1918 г. Айвазов был некоторое время представителем Крымского краевого правительства С. Сулькевича в Турции. По возвращении жил в Алупке, подвергался гонениям со стороны белогвардейских властей.

После установления в Крыму Советской власти, в начале 1921 г. А. С. Айвазов был приглашен в Симферополь, на работу в газету «Енъи дюнъя» («Новый мир»), ставшую центральной крымскотатарскоязычной газетой на полуострове. В феврале 1922 г. он вновь направляется в Турцию – для организации помощи голодающим Крыма. По возвращении в Крым, в апреле 1923 г. поступает на работу ответственным секретарем в Переводческую татарскую коллегия при КрымЦИК.

В 1924 г. А. С. Айвазов поступает на работу в Крымский университет им. М. В. Фрунзе (с 1925 г. – Крымский педагогический институт им. М. В. Фрунзе), на должность старшего ассистента отделения востоковедения, где преподает арабский и турецкий языки.

В эти годы А. С. Айвазов работает над трехтомником по «истории тюрко-татарского языка и литературы» («Тюрк-татар дили ве эдебияты тарихы»). По информации в газете «Енъи дюнъя» за 19 июня 1923 г., на тот момент был уже готов первый том

и шла работа над остальными [6, с. 12]. Через год, по свидетельству самого автора, труд был завершен и насчитывал 1200 страниц текста [7]. Судьба его остается неизвестной.

В эти годы много публикуется в крымскотатарских изданиях: газете «Енъи дюнъя» («Новый мир»), журналах «Илери» («Вперед») и «Окъув ишлери» («Проблемы образования»). Участвует в работе I Всесоюзного тюркологического съезда в Баку (1926 г.), а также в двух языковых конференциях в Крыму (в 1927 и 1929 гг.). Будучи сторонником перевода крымскотатарского языка на латиницу, возглавляет областной совет «Общества друзей нового тюркского алфавита», позже является членом его президиума, а также – членом ЦК НТА. Крыма и членом Научного совета ВЦК НТА. Помимо этого, в 1927–1928[?] гг. редактирует крымскотатарский журнал на латинице «Козь-айдын».

А. С. Айвазов (справа), О. Акчокраклы (в центре) и Н. Юсуфбейли. 1910-е гг.

А. С. Айвазов (в первом ряду четвертый слева) среди представителей крымскотатарской интеллигенции. 20-е гг. XX в.

Одновременно А.С. Айвазов много занимается переводами из русской, западной и восточной классики. Публикует и свои оригинальные произведения, в том числе получивший большую известность рассказ «Мамочка, где ты, приди!» («Аннеджигим, нердесинь, гель!», 1927 г.).

В 1928 г. в Симферополе состоялся политический процесс над председателем КрымЦИК Вели Ибраимовым, завершившийся его показательной казнью. В этом же году более 60 представителей крымскотатарского национального движения были осуждены по т. н. «делу «Миллий Фирка». В 1930 г. подвергся аресту и А. С. Айвазов, однако спустя четыре месяца пребывания под стражей был освобожден.

С началом 1930-х гг., вследствие усиливающегося идеологического давления, для писателя настали тяжелые времена. Ситуация усугубилась с весны 1934 г., когда по решению Крымского обкома партии из пединститута были уволены наиболее опытные преподаватели, в том числе и А. С. Айвазов.

Писатель пытается выехать в Турцию (о чем свидетельствуют, в частности, два письма в адрес Дж. Сейдамета, датированные 1934 г., в одном из которых он пишет, что находится на «краю пропасти»), бежать в Польшу. Однако все попытки вырваться из

страны оказываются безуспешными.

А. С. Айвазов был арестован в апреле 1937 г. по стандартному обвинению в «контрреволюционной «миллифирковской» пропаганде». Через год, 17 апреля 1938 г. он был приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян в составе большой группы представителей крымскотатарской интеллигенции.

Писатель был реабилитирован спустя 22 года. Определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 21 января 1960 г. приговор Коллегии Верховного Суда СССР от 17 апреля 1938 г. был отменён и уголовное дело в отношении А. С. Айвазова прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

В доме по адресу ул. Кантарная, 25, А. Айвазов жил предположительно с 1917 года. В непосредственной близости к этому дому – по адресу ул. Кантарная, 20, располагалось здание Магометанского духовного правления (Махкеме-йи шерие), ставшее в 1917 г. офисом Временного центрального исполнительного мусульманского комитета (председатель Н. Челебиджихан), взявшего под свое управление все сферы общественно-политической и культурной жизни крымских татар в тот период. После I Курултая (ноябрь – декабрь 1917 г.) здесь располагался офис крымскотатарского национального правительства – Директории, а также проводились заседания президиума национального парламента, одним из председателей которого был А. С. Айвазов. С сентября 1918 г. здесь же располагалась и редакция газеты «Миллет» (орган Мусисполкома, позже – Крымскотатарской директории), редактором которой в 1917–1919 гг. также был А. С. Айвазов.

О семье А. С. Айвазова известно немного. Согласно архивным сведениям за 1924 г., в ее состав входило семь человек: жена Мерьем, мать Анифе и пять племянников-сирот: Хатидже, Зекие, Эмине, Абибулла и Мустафа. При этом мать и племянники жили в Алушке (все племянники там же и родились) и находились у А. С. Айвазова на иждивении [3].

В этих же архивных материалах присутствуют указания на адрес и условия проживания семьи писателя. В документах речь идет о двухкомнатной квартире («занимаю квартиру из двух комнат») по адресу ул. Кантарная, 25.

В 1926 г. А. С. Айвазов женился вторично – на Ольге Васильевне Макуриной (1902 года рождения). От этого брака у него был сын Рушен (Юрий), предположительно 1928 года рождения. Адрес проживания семьи на момент ареста (1937 г.) не изменился [1].

После ареста А. С. Айвазова, в ноябре того же 1937 г. была арестована и О. В. Айвазова (была вызвана на свидание к мужу и

домой не вернулась). Она была обвинена в том, что, «проживая вместе с мужем, укрывала его преступную деятельность и связи, не сообщила о его преступлениях Советской власти». 2 августа 1938 г. О. В. Айвазова как «член семьи изменника Родины» была приговорена к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере [там же].

Известно, что отбывала наказание О. В. Айвазова в Акмолинском лагере, в Казахстане (вышла на свободу 26 ноября 1942 г.), ее сын Рушен в это время воспитывался одной из ее сестер, проживавшей по адресу: г. Симферополь, ул. Малобазарная, 21а [там же].

В 1944 г., сразу после депортации крымских татар, название улицы Кантарной было изменено на ул. Чехова. Что же касается здания под № 25, ныне в нем располагаются частные домовладения, а также офис агентства путешествий «Общество с ограниченной ответственностью «Кайдзен. Туры и тренинги»».

Список использованных источников и литературы

1. **Аирчинская Р. Я** – жена врага народа // Голос Крыма. – 2016. – 12 августа.
2. **ГАРК**, ф. 26, оп. 3, д. 663.
3. **ГАРК**, ф. 111, оп. 1., д. 538.
4. **ГАРК**, ф. Р-663, оп. 1, д. 302.
5. **Керимов И. А.** Крымскотатарская периодическая печать довоенного времени / Труды НИЦ крымскотатарского языка и литературы. КИПУ. Сборник. Т. 1 / [сост. Керимов Т. Н]. – Симферополь: КРИ «Издательство Крымучпедгиз», 2011. – С. 449–459.
6. **Керимов И. А.** Меденый эснас: 1920–1938 гг. – Симферополь: Таврия, 1997. – 497 с.
7. **Письмо** А. С. Айвазова В. А. Гордлевскому от 2 октября 1924 г. // Архив РАН. – Фонд 688 (В. А. Гордлевский).
8. **Последняя рукопись** Сабри Айвазова. Дело партии «Миллий Фирка» / Под общ. ред. В. В. Пшеничного, Р. Н. Лесюка, С. В. Лунина, И. И. Полякова; сост. А. В. Валякин, Р. И. Хаяли. – Симферополь: «ДОЛЯ», 2009. – 352 с., илл. (Из серии «Рассекреченная память». Крымский выпуск. Т. 1).
9. **Урсу Д. П.** Айвазов Асан Сабри / Деятели крымскотатарской культуры (1921–1944 гг.): биобиблиографический словарь / гл. ред. и сост. Д. П. Урсу. – Симферополь, 1999. – С. 21–25.
10. **Урсу Д. П.** «Ангел культуры»: А. С. Айвазов / Очерки истории культуры крымскотатарского народа (1921–1941). – Симферополь, 1999. – С. 56–62.
11. **Hasan Savrı Bek Ayvazov** // Kırim Mecmuası. – 1918. – Mayıs 2 (№ 9). – С. 169–170.

Г. Сейтваниева, Н. Абдульвапов

**ДОМ, В КОТОРОМ В 1930-е гг.
ЖИЛ КЛАССИК КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЭТ, ЛИТЕРАТУРОВЕД И ПЕДАГОГ АБДУЛЛА ЛЯТИФ-ЗАДЕ**
ул. Героев Аджимушкая, 5

Абдулла Ляtif-заде (1890–1938) является одним из наиболее ярких представителей крымскотатарской культуры первой трети XX века. Он оставил заметный след в истории крымскотатарской поэзии этого периода, а также получил известность на педагогическом поприще. Родившись в Симферополе, поэт большую часть жизни прожил в крымской столице, последние годы его жизненного пути были связаны с домом по адресу Профсоюзный переулок, 15/5 (ныне ул. Героев Аджимушкая, 5).

Абдулла Абильевич Ляtif-заде родился 26 августа 1890 г. в семье учителя. Через некоторое время его отца перевели на службу в Перекопский уезд, мальчик рос в степной части Крыма [6, с. 19]. Начальное образование будущий поэт получил у отца, позже, по некоторым данным, учился в симферопольском медресе, еще позже, в 1905–1908 гг., – в симферопольской школе-рушдие. В 1908 г. Абдулла поступил в одну из симферопольских гимназий, однако вскоре был исключен «за бунтарство» [5, с. 219].

В 1909 г. А. Ляtif-заде уехал в Стамбул

и поступил в школу «идадие» (третий уровень традиционного мусульманского образования – после иптидаие и рушдие), однако через полгода, в 1910 г., был вынужден вернуться в Крым по причине смерти отца (за десять лет до этого, в 1900 г., умерла и мать Абдуллы).

Сразу после возвращения в Крым А. Ляtif-заде, по некоторым сведениям, уезжает в Уфу и учится в медресе «Галия» [Урсу, 20]. Вернувшись, учительствует в Евпатории и Симферополе, в частности, в 1913 г. приглашается преподавателем в открытую Крымским (Симферопольским) мусульманским благотворительным обществом новометодную школу в г. Симферополе. В 1915–1917 гг. служит в российской армии.

В ноябре 1917 г. А. Ляtif-заде избирается делегатом и участвует в работе 1 Курултая крымскотатарского народа. В это же время сотрудничает с органом Крымского мусисполкома (позже Крымскотатарской директории) – газетой «Миллет», некоторое время исполняет обязанности ее редактора. В 1918 г. в течение трех месяцев ра-

ботает секретарем Дирекции народного образования при Крымскотатарской директории. В том же году становится членом Татарской объединенной социалистической партии [6, с. 21].

После установления в Крыму Советской власти и создания Крымской АССР А. Ляtif-заде работает в отделе по культуре Наркомата просвещения. По свидетельству известного крымскотатарского актера и режиссера, автора книги по истории крымскотатарского театра Г. Мурата, А. Ляtif-заде, наряду с А. Тайганской, Дж. Меиновым и У. Ипчи, сыграл значительную роль в становлении Крымского государственного татарского драматического театра [4, с. 21–27].

В это же время А. Ляtif-заде активно публикуется в местной печати, в том числе и на театральные и языковедческие темы. Принимает активное участие в мероприятиях по переводу крымскотатарского языка на латиницу, в 1927–1930 гг. является ответственным секретарем областного комитета общества Нового тюркского алфавита (НТА). Одновременно участвует в разработке норм литературного языка, в 1927, 1929 и 1934 гг. участвует во Всекрымских научно-орфографических конференциях, в частности, на второй из них делает доклад по проблемам крымскотатарской терминологии [5, с. 220].

После расстрела в 1928 г. Председателя ЦИК Крымской АССР В. Ибраимова вместе с большой группой видных крымскотатарских деятелей А. Ляtif-заде подвергся идеологической проработке в партийной печати за «националистический уклон».

В 1930 г. поэт уехал в Москву и год учился в Институте народов Советского Востока. В 1931 г. поступил в аспирантуру Государственной академии искусствознания, в 1932 г. переведенной в Ленинград [6, с. 26].

В 1934 г., по окончании аспирантуры, А. Ляtif-заде возвращается в Крым и поступает на работу в Крымский пединститут им. М. В. Фрунзе – доцентом факультета татарского языка и литературы, где преподает историю западноевропейских литератур.

Через некоторое время А. Ляtif-заде вновь подвергается травле по политическим мотивам, будучи обвиненным в том, что «протаскивал в преподавании массу арабских, персидских и турецких слов», «предложил выписать в библиотеку литературу из Турции» и т. п. [там же, с. 28]. В результате в начале 1937 г. он был уволен из института, а 19 апреля того же года арестован по обвинению в «контрреволюционной миллифирковской деятельности».

Через год, 17 апреля 1938 г. А. Ляtif-заде был расстрелян в составе большой группы крымскота-

Абдулла Ляtif-заде (1890–1938)

тарской интеллигенции (предположительно, во дворе Симферопольской тюрьмы НКВД). Спустя 19 лет поэт был реабилитирован – определением Коллегии Верховного Суда СССР от 15 августа 1957 г. судебное дело производство в отношении А. Ляtif-заде было прекращено «за отсутствием состава преступления».

А. Ляtif-заде является признанным классиком крымскотатарской поэзии. Его первые известные стихотворения датируются 1910 годом. В 1921–1923 гг. творчество поэта достигает своего совершенства. А. Ляtif-заде является автором весьма ярких стихотворений в жанре гражданской и социальной лирики. Публиковался в местной печати (в газетах «Миллет», «Енъи дюнъя», журналах «Янъы Чолпан», «Илери» и др. изданиях), а также журнале крымскотатарской диаспоры в Румынии «Эмель» [1, с. 237–238]. Единственный прижизненный сборник поэзии «Янъы саз» («Новая музыка») увидел свет в 1928 г. в Симферополе.

Студенты и преподаватели Крымского пединститута им. М. В. Фрунзе. Во втором ряду снизу, крайний справа – А. Ляtif-заде. Фото 1936 г.

Помимо поэзии, перу А. Ляtif-заде принадлежит пьеса «Омюр баари» («Весна жизни»), поставленная в 1928 г. Крымским государственным татарским театром (главную роль в ней исполнил известный артист Б. Париков).

А. Ляtif-заде является автором ценного очерка «Къырымтатар эдебиятынынъ сонъки деври акъкъында» («О новейшем этапе крымскотатарской литературы»), опубликованного в 1927 г. в журнале «Окъув ишлери» («Проблемы образования»). В том же году в украинском журнале «Червоний шлях» была напечатана его статья «Короткий огляд

крымскотатарської и літератури». Через год статья Ляtif-заде об истории крымскотатарской литературы была опубликована на татарском языке и в известном казанском журнале «Безнен юл» («Наш путь») [там же, с. 238].

А. Ляtif-заде активно занимался переводческой деятельностью, его перу принадлежат, в частности, переводы на крымскотатарский язык произведений А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого. Помимо этого, в 1920-е гг. в крымскотатарской периодической печати публиковались его статьи и рецензии, посвященные постановкам Крымского татарского драматического театра.

Поэт был знаком со многими видными поэтами и литераторами своего времени: В. Брюсовым, В. Маяковским, С. Есениным и др., дружил с известным украинским поэтом П. Тычиной и академиком А. Крымским. По свидетельству известного крымскотатарского поэта Э. Шемьи-заде, в 1920-е гг. А. Ляtif-заде часто встречался в Крыму с В. Маяковским, на одной из таких встреч в Симферопо-

Абдулла Ляtif-заде с женой Региной Ляtif-заде-Зайонц и сыном Явером. 1930[?] г.

ле присутствовал и молодой Э. Шемби-заде [5, с. 231–232].

В доме по адресу Профсоюзный переулок, 15/5, А. Лятиф-заде жил, судя по всему, в 1930-е гг., после возвращения из Москвы. В документах следствия данный адрес проходит в двух вариантах: так, в постановлении об аресте он указан как «ул. Гоголевская, 15, кв. 17», в другом же документе проходит как «Профсоюзный переулок, 15/5» [6, с. 28–29]. Данная разница объясняется угловым расположением дома, выходящим как на ул. Гоголевскую (ныне Гоголя), так и на Профсоюзный переулок (ныне пер. Героев Аджимушкая).

О посещении в свое время данной квартиры пишет племянница поэта – Улькер Лятиф-заде. Согласно ее воспоминаниям, квартира А. Лятиф-заде располагалась на втором этаже дома № 5 по Профсоюзному переулку. Гостию поэта в те годы были многие известные представители крымскотатарской интеллигенции, в том числе выдающийся композитор А. Рефатов [3, с. 32–33].

А. Лятиф-заде был женат на Регине Яковлевне Лятиф-заде-Зайонц (1896 г. р., уроженка г. Варшавы), от этого брака у них был сын Явер. Через несколько месяцев после смерти мужа, 2 августа 1938 г. Регина Яковлевна также была арестована и осуждена к пяти годам исправительно-трудовых работ. С 12 октября 1938 г. по 5 августа 1939 г. она находилась в Акмолинском отделении Карагандинского ИТЛ («А.Л.Ж.И.Р» – Акмолинский лагерь жен изменников Родины), из которого освободилась 25 ноября 1942 г. [там же, с. 33]. Впоследствии Р. Я. Лятиф-заде-Зайонц вернулась в Симферополь, где прожила до своей кончины в 1973 году.

Абдулла Лятиф-заде с сыном Явером. 1930[?] г.

Что же касается Явера Лятиф-заде, по свидетельству, опять же, Улькер Лятиф-заде, после смерти отца и ареста матери он был вывезен в детдом г. Люблино, однако через несколько месяцев младший брат поэта, Амит Лятиф-заде, вернул его в Симферополь [там же, с. 33]. Известно также, что в 1970-х гг. Явер Абдуллаевич Лятиф-заде работал инженером-геологом в Казахстане [5, с. 229].

Список использованных источников и литературы

1. Керим И. А. Библиографический указатель печатных книг, статей и произведений на крымскотатарском языке: 1618–1944 гг. – Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография» (СГТ), 2009. – 324 с.
2. Лятиф-заде А. Янъы саз: Шиирлер меджмуасы. – Акъмесджит: Къырым Девлет нашрияты, 1928. – 60 с.
3. Лятиф-заде У. Хатырлавлар / Лятиф-заде А. Хаял-омюр. – Симферополь, 2005. – С. 30–34.
4. Мурат Гъ. Театр санъатымызнынъ саифелеринден. – Ташкент, 1990. – 152 с.
5. Нагаев С. Янъы омюр йырджысы / Ыылнамелердеки излер. – Ташкент, 1991. – С. 217–233.
6. Урсу Д. П. Жизнь и смерть поэта / Лятиф-заде А. Хаял-омюр. – Симферополь, 2005. – С. 16–29.

Н. Абдульвапов

ДОМ, В КОТОРОМ В 1933—1941 гг. ЖИЛ КЛАССИК
КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,
ПОЭТ И ЛИТЕРАТУРОВЕД Э. ШЕМЬИ-ЗАДЕ
бульв. Ленина, 1

Жилой дом по адресу бульвар Ленина, 1, известный как «Дом в память 1905 года» (на что указывает и соответствующая надпись на фасаде здания), был построен в 1922 г. методом народной стройки, по проекту известного симферопольского архитектора Б. И. Белозерского. 40-квартирный дом, выполненный в стиле сдержанного конструктивизма, предназначался для ветеранов Первой русской революции, активных участников революционного движения 1910-х гг. и Гражданской войны. В конце 1930 – нач. 1940-х гг. с историей дома переплелась судьба выдающегося крымскотатарского поэта, литературоведа и переводчика, классика крымскотатарской литературы Эшрефа Шемьи-заде.

Эшреф Абдураман-оглу Шемьи-заде родился 21 июня 1908 г. в г. Евпатории, в семье народного учителя Афуз Абдурамана Шемьи. Учился в местной школе рушдие, Евпаторийском реальном училище, на одногодичных курсах совпартшколы в Симферополе. Рано начал писать стихи; его талант был замечен, молодой поэт был приглашен в Симферополь, где приобщился к литературным кругам.

В сентябре 1927 г. Э. Шемьи-заде был из-

бран ответственным секретарем, а затем и редактором молодежного журнала «Козь айдын» («Радостная весть»). В том же году он был назначен ученым секретарем комиссии по переходу крымскотатарской письменности с арабской графики на латинскую.

В 1930 г. Э. Шемьи-заде поступает на литературно-сценарный факультет Государственного института кинематографии (с 1938 г. – ВГИК, г. Москва), оканчивает его в 1932 г. и возвращается в Крым.

С 1928 г. Э. Шемьи-заде состоял членом Крымского отделения Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП). В 1934 г. вместе с поэтами У. Ипчи, Ы. Кадыром и А. Дерменджи он был делегатом Первого съезда писателей СССР, в том же году был избран в члены Союза писателей СССР.

Уже в довоенные годы имя Э. Шемьи-заде, как глубоко лирического поэта, мастера художественного слова, ставилось в один ряд с такими классиками крымскотатарской литературы, как Б. Чобан-заде, Ш. Бекторе, А. Ляtif-заде, А. Герайбай. В 1933 г. имя молодого поэта было внесено в Большую советскую энциклопедию (Т. 62).

В мае 1935 г. в составе группы крымскота-

тарских писателей Э. Шемьи-заде участвовал в знаменитой встрече с М. Горьким на его даче «Тессели» на Южном берегу Крыма. Помимо этого, в эти годы он неоднократно встречался с В. Маяковским, К. Чуковским, С. Маршаком и другими видными деятелями советской литературы и искусства.

В 1935 г. увидела свет поэма Э. Шемьи-заде «Днепрельстан» (Днепрогэс), принеся автору широкую известность. В 1936–1937 гг. поэт избирался членом президиума и секретарем новосозданного Союза писателей Крыма. В 1937 г. стихотворения поэта в переводе Арсения Тарковского были изданы в сборнике «Крымские поэты».

В эти годы Э. Шемьи-заде много переводит на крымскотатарский язык произведения русской, украинской, зарубежной и советской классики (А. Пушкин, Т. Шевченко, В. Шекспир, А. Мицкевич, В. Маяковский, С. Есенин, А. Твардовский, и др.), а также издает (в том числе в соавторстве с М. Сулейманом) ряд хрестоматий по литературе для начальных классов крымскотатарских школ.

В сентябре 1937 г., с началом очередного витка политических репрессий в СССР, Э. Шемьи-заде с группой крымскотатарских писателей был обвинен в «буржуазном национализме» и исключен из состава Союза писателей Крыма. Более серьезных последствий на первый раз удалось избежать. В апреле 1938 г. Э. Шемьи-заде был вновь включен в состав Союза писателей и назначен редактором Крымского государственного издательства.

Əmir Şemî-zađe (1908–1978)

Однако с началом Великой Отечественной войны, 24 июня 1941 г. Э. Шемьи-заде все же был арестован, после чего три месяца провел в подвалах НКВД, а затем отправлен в тюрьму в г. Иркутск. Впрочем, в апреле 1942 г. судебное дело было прекращено «за недостаточностью собранных улик».

После освобождения, Э. Шемьи-заде некоторое время оставался в Иркутске, позже отбыл в г. Ош, далее – Ташкент. При содействии Союза писателей Узбекистана он некоторое время работал в ферганской газете «Коммуна», чуть позже был назначен на должность председателя Ферганского отделения Союза писателей Узбекистана.

После освобождения Крыма от фашистских захватчиков, по вызову Крымского обкома партии Э. Шемьи-заде 17 мая 1944 г. вернулся в Крым, однако утром 18 мая вместе со

г. Симферополь. Бульвар Ленина, 1. Дом, в котором в 1933–1941 гг. жил классик крымскотатарской литературы, поэт и переводчик Э. Шемьи-заде

Э. Шемьи-заде с сыном Айдыном. 1937 г.

всем крымскотатарским народом подвергся насильственной депортации. Поэт с семьей попадает в Чинабадский район Андижанской области Узбекистана.

В 1949 г. Э. Шемьи-заде был вновь арестован и, обвиненный в «контрреволюционной деятельности», приговорен Ташкентским областным судом к 25 годам тюремного заключения.

После смерти И. Сталина, в конце 1954 г. поэт был освобожден и вернулся к семье. В 1958 г. он переехал в Ташкент, где работал заведующим отделом литературы восточных стран издательства им. Г. Гуляма, затем выполнял обязанности руководителя в редакции отдела искусствоведческой и музыкальной литературы.

В 1960–1970-е гг. Шемьи-заде был занят активным литературным трудом: пишет рецензии и критические статьи на политико-исторические, литературно-художественные, мемуарные произведения, книги узбекских писателей; редактирует оригинальные произведения узбекских авторов, произведения, переведенные на узбекский язык. Также издает две книги литературно-критических статей «Омюр ве яратыджылыкь» («Жизнь и творчество») и «Халкъ хизметинде» («На службе народу»), посвященные истории крымскотатарской литературы. Особую известность

получает его исследование, посвященное жизни и творчеству легендарного крымского поэта XVII в. Ашык Умера.

Помимо этого, Э. Шемьи-заде переводит на крымскотатарский язык произведения русской и советской классики, особое внимание уделяет переводам из классиков национальных литератур (К. Кулиев, Р. Гамзатов, Зульфия и др.). В свою очередь стихи самого Шемьи-заде переводятся на русский, украинский, узбекский, армянский, венгерский языки.

Однако наиболее значительным является вклад Э. Шемьи-заде в развитие крымскотатарской литературы. В эти годы он создает целый ряд оригинальных поэтических произведений, вошедших в золотой фонд крымскотатарской литературы, в частности, поэмы «Алиме» и «Козьяш дивар» («Стена слез»), другие поэмы, а также многочисленные стихотворные миниатюры.

В 1968 г., в дни чествования 60-летия со дня рождения, Эшрефу Шемьи-заде за огромный вклад в развитие как крымскотатарской, так и узбекской литератур было присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Узбекской ССР».

Э. Шемьи-заде скончался 11 марта 1978 г. в Москве, не дожив три месяца до своего 70-летия, которое планировалось отметить торжественными мероприятиями. Перед смертью поэт завещал похоронить себя в Крыму. Местом его последнего упокоения было выбрано мусульманское кладбище в

г. Симферополь, бульвар Ленина, 1. Памятная доска в честь Э. Шемьи-заде. Фото 2018 г.

Крымскотатарская интеллигенция в минуты отдыха. Слева направо, сидят: Кенан Кутуб-заде, его жена Эсма, Абибулла Баккал, Зоре Боданинская, Эшреф Шемьи-заде, Абду-реим Алтанлы; стоят: Эмир Фаик, Саиде Боданинская (супруга Эшрефа Шемьи-заде), Альме Чамбель. Фото 1932 г.

с. Ак-Чора (Долинное) Кировского района. Похороны состоялись 14 марта 1978 года.

Э. Шемьи-заде был женат на дочери известного крымскотатарского общественного деятеля и педагога Али Боданинского – Саиде Боданинской. В 1933 г. у них родился сын – ныне известный крымскотатарский ученый, писатель и публицист, доктор физико-математических наук, профессор Айдын Шемьи-заде. Второй сын – в будущем также талантливый ученый-физик Вильдан Шемьи-заде (1946–2002) родился позже, уже после насильственного выселения крымских татар из Крыма в 1944 году.

С 1933 по 1942 гг. семья Шемьи-заде жила в доме на бульваре Ленина, 1. При этом, сам глава семьи, как было указано выше, был вынужден временно расстаться с семьей в июне

1941 г. По воспоминаниям Айдына Шемьи-заде, в предвоенные годы их квартиру посещали многие известные представители крымскотатарской интеллигенции тех лет.

30 октября 2008 г., по случаю 100-летней годовщины со дня рождения, на здании по адресу бульвар Ленина, 1, в торжественной обстановке была открыта мемориальная доска в память Э. Шемьи-заде.

В настоящее время, согласно решению Крымского облисполкома от 20.02.1990 г. № 48 и приказу Министерства культуры и туризма Украины от 25.10.2010 № 957/0/16-10, дом по адресу бульвар Ленина, 1 («Дом в память 1905 года») является памятником архитектуры и градостроительства г. Симферополя (учетный № 4706-АР).

Список использованных источников и литературы

- 1. Симферополь:** Фотоальбом / сост. В. И. Жерибор. авт текста В. Н. Гуркович. – Симферополь, 2007. – 132 с., илл.
- 2. Шаир намын** халкъ сакълар / тертип-этиджи муэллиф Р. Фазыл. – Симферополь, 2008. – 248 с.: ресимлер.
- 3. Шем А.** Крымские хроники: новеллы, эссе, стихотворения. – Симферополь, 2002. – 130 с.: илл.
- 4. Эмиров А.** Шемьи-заде Эшреф Абдураманович / Деятели крымскотатарской культуры (1921–1944 гг.): библиографический словарь / гл. ред и сост. Д. П. Урсу. – Симферополь: Доля, 1999. – С. 208–212.
- 5. Эшреф Шемьи-заде.** 1908–1978: К 100-летию со дня рождения. Фотоальбом / автор-сост. Р. Фазыл, ред. А. Шемьи-заде, худ. А. Иванченко. – Симферополь: Доля, 2008. – 108 с.

Н. Абдульвапов

**ДОМ, В КОТОРОМ ЖИЛ ВЫДАЮЩИЙСЯ
МАСТЕР-ОРУЖЕЙНИК
И ХУДОЖНИК-ОРНАМЕНТАЛИСТ АМЕТ КАЛАФАТОВ
ул. Краснознаменная, 104, кв. 3**

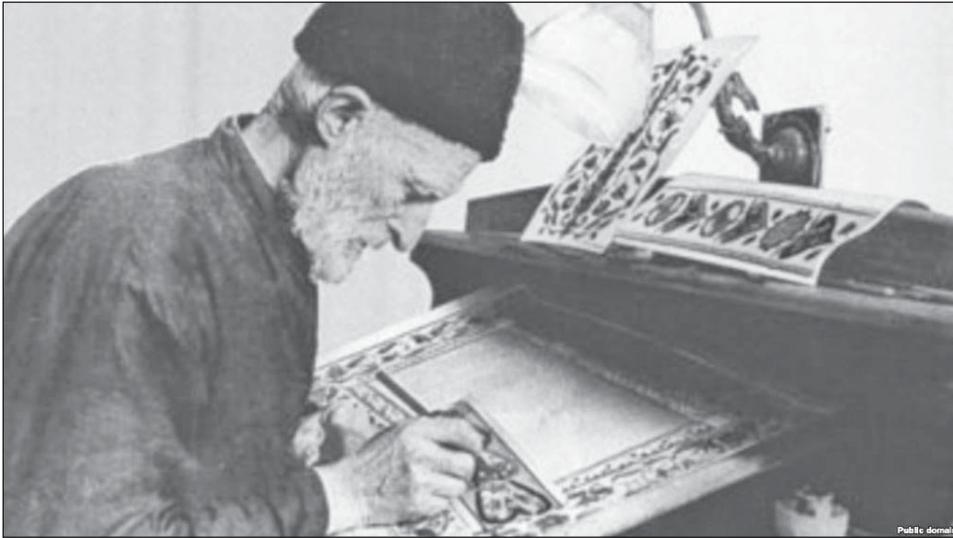

Талантливый мастер-оружейник, чеканщик, орнаменталист Амет Османович Калафатов (1860–1942) был одним из наиболее ярких представителей крымскотатарского декоративно-прикладного искусства первой половины XX века. За полувековой период творчества им было создано около 300 высокохудожественных орнаментов для настенных росписей, тканей, вышивок, чеканных работ, а также другие многочисленные образцы художественно-прикладного искусства, ружья и т. п. А. Калафатов был участником крымских, всесоюзных и зарубежных выставок, членом Союза советских художников Крымской АССР (1940 г.). Его работы хранятся в фондах государственных музеев и частных коллекциях Симферополя, Москвы, Санкт-Петербурга, Тулы, Парижа, Лондона, Пекина и других городов. Последние два десятилетия жизненного пути мастера прошли в Симферополе, где он жил в доме по адресу: ул. Кадиаскерская, 76 (ныне ул. Краснознаменная, 104).

Согласно семейным преданиям, предки Амета Калафатова по материнской линии были из деревни Корбек под Алуштой

(ныне с. Изобильное), по линии отца – из Карасубазара (ныне г. Белогорск). В течение последних столетий они занимались врачеванием и ремеслами. Родился Амет Калафатов в г. Карасубазаре, в семье кузнеца Османа Калафата, в 1860 (по официальным источникам) или же 1850 (по утверждению одного из внуков мастера – Исмаила Османова) году. Был очень способным от природы, читать и писать научился у соседа-гимназиста. С раннего возраста проявлял стремление к рисованию, со временем стал отдавать предпочтение орнаменту, поскольку в исламе изображение людей и животных не поощрялось. Как отмечал позже в автобиографии мастер, его «орнаменты распространялись среди татарских женщин для вышивок головных платков, полотенец, подушек и т. д.» [2].

Согласно опять же семейному преданию, записанному известным авторитетом в области крымскотатарского народно-прикладного искусства П. Чепуриной в статье о творчестве А. Калафатова в журнале «Творчество» за 1939 г., способностями мальчика заинтересовался великий маринист И. К. Ай-

*Амет Калафатов
за работой.*

вазовский, согласившийся на его обучение. Однако мать Амета, воспитанная в строгих мусульманских традициях, не дала согласия на обучение сына живописи. В знак уважения перед талантом юноши И.К. Айвазовский подарил ему свой этюд с изображением ручья и Чатырдага [4].

После смерти отца, с 12 лет Амет стал работать чеканщиком, позже – подмастерьем в мастерской сундучника. Мастерских по изготовлению сундуков в Крыму было много, сундуки инкрустировались перламутром, металлическими накладками, а также моржовой и слоновой костью. Овладевая этим древним ремеслом, Амет параллельно увлеченно рисовал орнаменты для головных покрывал «марама», манжетов «эль-капак», декоративных полотенец для убранства комнат «эвджияр», мужских поясов «учкур» и т. п. Постепенно он стал известным в своей округе.

Овладев мастерством «сандыкчы» – сундучника, А. Калафатов перешел работать в оружейную мастерскую. Внучка Калафатова Диляра Галактионова, врач по основной специальности, однако ставшая известным художником декоративно-прикладного искусства, в своих воспоминаниях отмечала: «<...> Дед изготовлял ружья изумительной красоты, покрытые золотым узором <...> далее ствол ружья и «щечки», которые монтировались по обеим сторонам, в его умелых руках постепенно превращался в приклад. Видела, как дед красил и полировал его до блеска, прикрепляя к нему узорчатые пластинки» [5, с. 89]. В начальный и зрелый период своего творческого пути Калафатов получил известность в Крыму и за его пределами именно как мастер-оружейник.

Одно из ружей, украшенных Калафатовым, ныне хранится, в частности, в Музее оружия г. Тулы [там же, с. 90].

В начале 1922 г., в период массового голода, А. Калафатов был вынужден оставить Карасубазар и переехать в Симферополь. Здесь он поселился в доме № 76 на ул. Кадискерской (ныне ул. Краснознаменная). В одном из домов на ул. Кантарной (ныне ул. Чехова) им была

Калафатов А. Орнаментальное панно.

Амет Калафатов. 1903 г.

Калафатов А. Орнаментальное панно.

открыта оружейная мастерская. В автобиографии по этому поводу имеется следующая запись: «С 1922 г. по 1930 г. работал слесарем, помогал сыну-слесарю, сын в это время имел одиночный патент кустаря» [2].

Одновременно с этим А. Калафатов продолжал и работу чеканщика. П. Чепурина по этому поводу замечает: «Проходя весь путь освоения ремесла, начиная от слесарного и оружейного дела, А. Калафатов постепенно освоил всю технику чекана. Он обладал острым чутьем формы и рисунка, богатой памятью узора и живой творческой фантазией. Создавая свои узоры, чеканя их на металле, мастер выработал безошибочно точный глазомер, твердую руку, довел до предельной четкости свои декоративные композиции» [4].

В 1925 г. работы А. Калафатова были отобраны на Всемирную выставку народного творчества в Париже [5, с. 91].

В начале 1930-х гг., в период борьбы с «кулачеством», у А. Калафатова была отобрана его мастерская. После этого, с 1934 г. он занимался главным образом орнаментом. Несмотря на свой пожилой возраст, в короткий срок мастер добился на этом поприще выдающихся результатов. «За два года (1937–1938 гг. – Э. Ч., Н. А.) А. Калафатов дал около трехсот полихромных и монохромных композиций узора. В этой большой серии трудолюбивый рисовальщик показал себя первоклассным орнаменталистом», – пишет П. Чепурина [4].

Далее исследовательница характеризует некоторые особенности стиля мастера: «Для Калафатова характерна чрезвычайная широта стилистических поисков, указывающая на то, что он хорошо знаком с различными национальными орнаментами народов Востока. На этом знакомстве базируется его новаторство. Но мастер, как это показывает его графика, превосходно знает и историю своего искусства, обладающую такими замечательными произведениями, как росписи Ешил-Джами и памятники Азиза близ Бахчисарая, как резьба Эски-Крыма и Чуфут-Кале» [там же].

В высокохудожественную традицию крымско-татарского узора А. Калафатов внес много нового. Его орнаменты, создаваемые на основе крымско-татарского народного искусства, широко использовались в Крыму художественными кустарями, артелями, отдельными ткачихами и вышивальщицами.

Значительное число орнаментов А. Калафатова использовалось и в периодической печати Крыма.

В частности, по заданию центральной крымскотатарской газеты «Янъы дюнья» им было выполнено орнаментное оформление для ряда номеров газеты, а именно № 126 за 1936 г., № 235 за 1937 г., № 49 за 1938 г. и специального номера с Конституцией Крымской АССР 1937 года. Кроме того, его же орнаментами был оформлен специальный номер журнала «Совет къадынлыгы» с Конституцией Крымской АССР (№ 6 за 1937 г.). Помимо этого, в 1940 г. по заданию редакции газеты «Къызыл Къырым» (бывшей «Янъы дюнья») А. Калафатов выполнил два красочных орнамента для оформления комплекта газеты, посланного на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку в Москве (ВСХВ).

А. Калафатов активно участвовал в крымских выставках 1937 г. и 1938 г., а также 1939 г. в Москве. В 1938 г. некоторые из его орнаментов приобрел отдел восточных культур Третьяковской галереи, пять орнаментальных композиций, выполненных на деревянных досках, приобрел Государственный музей этнографии (Ленинград), 10 орнаментальных композиций дополнили Симферопольский художественный музей. Помимо этого, много орнаментов было приобретено П. Чепуриной для Московского дома народного творчества [5, с. 91].

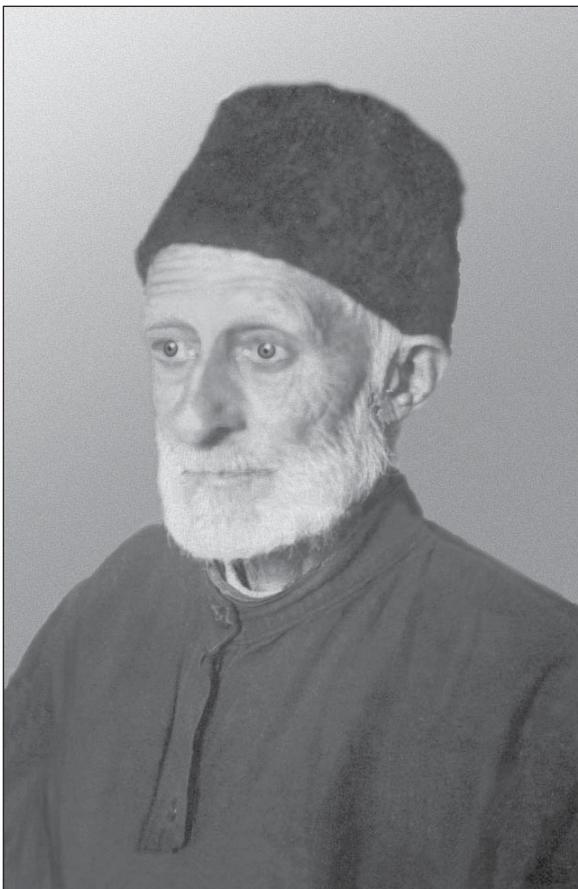
В конце 1930-х гг. Калафатова приглашают в г. Бахчисарай для создания орнаментальных росписей в период реставрации Ханского дворца-музея. В 1939 г. он работает для Ялтинской выставки народных ремесел [2].

Кроме орнаментальных работ, в эти годы им были созданы ружье с чеканным оформлением (1939 г., Музей народов Востока, г. Москва), ружье с нарезным стволом (Музей оружия, г. Тула), сундук с чеканкой (Государственный музей этнографии, Ленинград) и др. [6, с. 113].

В предвоенные годы творчество А. Калафатова активно изучалось этнографами, искусствоведами, его работам был посвящен ряд очерков в крымской и центральной печати. В частности, в 1939 г. в № 11 журнала «Творчество» была напечатана статья П. Чепуриной, цитировавшаяся выше. В ней известная исследовательница дала очень высокую оценку таланту мастера и указала на большой потенциал художественного направления, которое он развивал. «Амет Калафатов, – отмечала она, – мо-

Калафатов А. Орнаментальное панно.

Амет Калафатов.

Амет Калафатов среди коллег по творчеству. г. Бахчисарай. 1 мая 1941 г. Первый ряд, слева направо: П. Я. Чепурина, М. А. Камынина (скульптор), А. Калафатов, В. И. Яновский (художник), К. Я. Рыбальская (художник-прикладник).

жет быть, лично не сознает истоков многих своих рисунков. Но он создает их так, как вплела их народная традиция в свой стиль. Анализируя рисунки мастера, нетрудно заметить, что целый ряд новых композиций не уступает по своему эстетическому совершенству высокохудожественной традиции народного узора. Старость мастера стала молодостью одного из новых видов народного творчества Крыма. Новая узорная графика – это чрезвычайно ценная ветвь преобразующегося искусства. У нее самые широкие возможности для применения в архитектурной росписи, в керамике, в текстиле. При правильном руководстве художниками-орнаменталистами (а это действительно художники) можно ожидать самых блестящих результатов в области создания новой национальной орнаментики» [4].

В 1940 г. А. Калафатов был принят в члены Союза советских художников Крымской АССР [3]. Помимо этого, в том же году за большие достижения в области художественно-прикладного искусства решением

Верховного Совета Крымской АССР ему было присвоено звание «Заслуженный народный орнаменталист Крымской АССР».

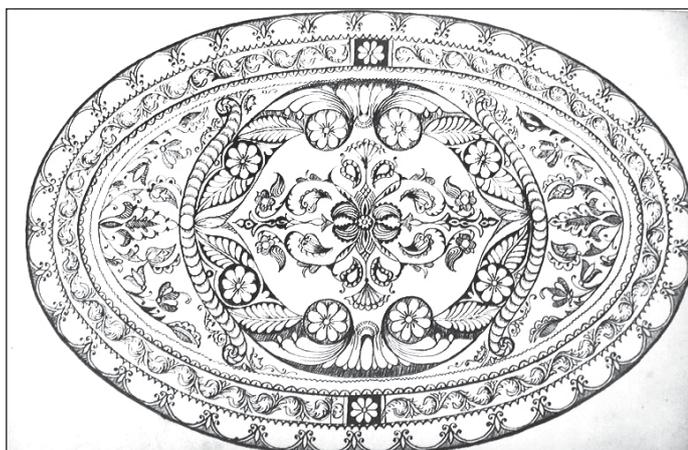
А. Калафатов умер в 1942 г., по одним сведениям, в Симферополе, по другим, в г. Карасубазаре, куда вынужден был переехать с началом Великой Отечественной войны. К сожалению, альбом его орнаментов и отдельные крупные работы погибли в результате насильственного выселения крымских татар с их исторической родины, последовавшей через два года после смерти мастера, 18 мая 1944 г.

Говоря о личной жизни А. Калафатова, необходимо отметить, что, воспитывавшийся в многодетной семье, он и сам стал главой большого семейства. В семье Амета и Уркие Калафатовых было восемь детей: сыновья Мустафа, Рефат и дочери Анифе, Гулизар, Абибе, Зоре, Хатидже, Мосне.

Как часто бывает, талант мастера передан его наследникам. Целый ряд внуков и правнуков А. Калафатова продолжили и продолжают его традиции. Среди них – из-

вестные в Узбекистане и Крыму мастера декоративно-прикладного и изобразительного искусства Мансур Ваапов, Д. Галактионова, А. Галимов, Риза Ваапов, Рустем Ваапов, М. Галимов, Р. Галимов и др.

Из них Асан Галимов, вернувшись из депортации в Крым, выкупил квартиру в доме на ул. Краснознаменной, в которой жил А. Калафатов, и планирует открыть здесь музей памяти выдающегося мастера.

Калафатов А. Орнаментальное панно на металле.

Список использованных источников и литературы

1. **Ваапов М.** Орньек тылсымджысы // Ленин байрагы. – 1971. – Июль 8.
2. **Калафатов А.** Автобиография. 23 апреля 1939 г. Копия. – Личный архив Э. Черкезовой.
3. **Справка** о прохождении А. О. Калафатовым перерегистрации членов Союза советских художников Крымской АССР. 19 сентября 1941 г. Копия. – Личный архив Э. Черкезовой.
4. **Чепурина П.** Амет Калафатов // Творчество. – 1939. – № 11. – С. 13.
5. **Черкезова Э.** Амет Калафатов – мастер-самородок, лучший орнаменталист Крыма // Джоюлгъан аэнклилик ве уйгъунлыкъ изинден. – Акъмесджит, 2009. – С. 88–92.
6. **Черкезова Э.** Калафатов Амет Османович // Деятели крымскотатарской культуры (1921–1944 гг.): библиографический словарь / гл. ред. и сост. Д. П. Урсу. – Симферополь: Доля, 1999. – С. 112–114.

Э. Черкезова, Н. Абдулвапов

Амет Калафатов с детьми. 1900[?] г.

ДОМ СПЕЦИАЛИСТОВ,
в котором в 1930—1940-е гг. жил ряд выдающихся
крымскотатарских государственных и культурных деятелей:
поэты и писатели У. Ипчи, Ю. Болат,
Ш. Алядин и М. Сулейман, композиторы А. Рефатов, И. Бахшиш,
Я. Шерфединов, артисты С. и Н. Джетере, заместитель председателя
Верховного суда Крымской АССР Г. Хайрединов и др.
ул. Жуковского, 20

Дом с двойной нумерацией: ул. Жуковского, 20/ул. Самокиша, 9, – в свое время был хорошо известен среди симферопольцев. В довоенное время в нем жили многие известные деятели культуры и государственные чиновники, в том числе из числа крымских татар.

Дом был построен в 1935 г. по проекту архитектора П. К. Кржижановского. Относился к категории т. н. деэсов – «домов специалистов», строившихся в 1930-е гг. по индивидуальным спецпроектам (с улучшенной планировкой) по всему СССР (аббревиатуру «ДС» можно видеть и на доме на ул. Жуковского, 20) [11, с. 92, 96]. Во второй половине 1930-х гг. в этом доме проживали известный архитектор, ученый, реставратор и краевед П. И. Голланд-

ский, художник Я. Бирзгал, профессор медицины Н. Балабан и многие другие известные личности. В 1983 г., на основании факта проживания здесь в 1937–1940 гг. архитектора П. И. Голландского, решением Крымского облисполкома от 21.06.1983 г. № 362 здание было признано памятником истории г. Симферополя.

Что касается крымских татар, с домом на ул. Жуковского, 20, связаны биографии целого ряда видных деятелей культуры, а также государственных чиновников периода Крымской АССР. Ниже будут кратко представлены некоторые из них.

Умер Ипчи (1897–1955). Известный крымскотатарский писатель, драматург, поэт, переводчик, театральный режиссер и актер. Родил-

Группа крымскотатарских поэтов и писателей. В центре (сидит) Умер Ипчи. 1935 г.

ся в Бахчисарае, начальное образование получил в местной новометодной школе, в 1914–1917 гг. учился в медресе «Галия» в Уфе, где его преподавателем литературы был известный татарский писатель, ученый и общественный деятель Галимджан Ибрагимов. В 1917 г. вернулся в Крым и несколько лет работал учителем. С началом 1920-х гг. жизнь и деятельность писателя была тесно связана с Симферополем.

С середины 1920-х гг. У. Ипчи становится одним из наиболее ярких представителей крымскотатарской творческой интеллигенции: работает актером, режиссером, директором Крымского государственного татарского драматического театра, является сотрудником газеты «Енъи дюнъя» («Новый мир»), участвует в различных научных форумах, связанных с проблемами развития крымскотатарского языка и литературы, перехода крымскотатарской письменности на латинский алфавит и т. д. Одновременно очень плодотворно трудится на ниве крымскотатарской литературы: пишет и публикует многочисленные стихи (некоторые из них в 1930-е гг. были опубликованы в переводах на русский язык А. Тарковского и Б. Брика), рассказы, повести, романы, пьесы, много переводит с рус-

ского на крымскотатарский язык (произведения Л. Толстого, Н. Гоголя, А. Островского, Н. Некрасова, М. Горького, У. Шекспира, Ж.-Б. Мольера, Ф. Шиллера, А. Барбюса и др.) [6, с. 273–274].

27 июня 1936 г. в здании Крымского государственного драматического театра им. М. Горького в торжественной атмосфере был отмечен 20-летний юбилей творческой деятельности У. Ипчи.

Однако через год, 22 октября 1937 г. писатель был арестован, обвинён в «национализме» и через несколько месяцев, 17 апреля 1938 г., приговорен

Умер Ипчи с семьей. Вторая пол. 1930-х гг. Из книги И. Керимова «Теренлик». Ташкент, 1988.

Шамиль Алядин (1912–1996)

к 12 годам исправительно-трудовых лагерей с поражением в политических правах на 5 лет и конфискацией всего лично ему принадлежавшего имущества. Вернуться к семье и родным писателю было не суждено: 11 января 1955 г. он умер в психиатрической больнице города Томска [13, с. 95–96]. В 1958 г. У. Ипчи за отсутствием состава преступления был полностью реабилитирован.

Перед арестом У. Ипчи жил в симферопольском «Доме специалистов» на ул. Жуковского, 20. Он был женат на Фатиме Мударисовой, до ареста в семье было трое детей: сын Бекир, дочери Лейля и Джевер. Еще до завершения следствия жена У. Ипчи, будучи в положении, с дочерьми была выселена из занимаемой квартиры. В феврале 1938 г., за два месяца до отправления У. Ипчи в лагерь, в семье родился еще один сын – Якуб [5, с. 132].

По словам Я. Ипчи, в Доме специалистов семью посещали многие известные личности тех лет, в частно-

сти, председатель КрымЦИК И. Тархан, бывший нарком просвещения Крымской АССР М. Недим, поэты и писатели Э. Шемьи-заде, Ы. Кадыр, Р. Тынчеров, жившие в этом же доме композиторы А. Рефатов и Я. Шерфединов и др. [там же, с. 131].

Супружеская пара Шамиль Алядин и Фатъма Аметова. Выдающийся прозаик, поэт, классик крымскотатарской литературы Шамиль Алядин (Алядинов Шамиль Сеитович, 1912–1996) родился 12 июля 1912 г. в селении Махульдур Ялтинского уезда (ныне с. Нагорное Бахчисарайского р-на). Начальное образование получил в местной школе, позже окончил семилетку в Бахчисарае. После окончания школы в 1928 г. поступил в Крымский татарский (Тотайкойский) педагогический техникум, по окончании которого в 1931 г. был зачислен студентом заочного отделения Московского литературного института.

В 1932 г. увидела свет первая книга стихов Ш. Алядина «Улыбнулась земля, улыбнулось небо» («Топракъ кульди, кок кульди»). В том же году он был призван в ряды Красной Армии, проходил службу в 7-м полку Червоного казачества в городе Старый Константинов (УССР), там же окончил полковую школу и командовал кавалерийским взводом.

В 1936 г. Ш. Алядин становится заместителем редактора крымской газеты «Янъы дюнъя», а в 1937 г. – членом Союза писателей СССР. Затем он, неожиданно, с друзьями уезжает в Дагестан и работает там школьным учителем в горном селе, а еще чуть позже по комсомольской путёвке выезжает на главную стройку второй пятилетки – Чирчикстрой, где работает экскаваторщиком.

В 1939 г. Ш. Алядин вернулся в Крым и был избран председателем правления Союза писателей Крыма.

26 июня 1941 г. Ш. Алядин уходит добровольцем на фронт, командует взводом на Юго-Западном фронте. В феврале 1943 г. он получает тяжелое ранение, два с половиной месяца лечится в госпитале, после чего направляется в штаб Северо-Кавказского фронта, а оттуда – в распоряжение штаба партизанского движения в Крыму. Имеет ряд боевых наград. В апреле 1944 г., после освобождения Крыма, Ш. Алядин возвращается в Симферополь и назначается членом Комиссии по оценке ущерба, нанесенного Крыму войной.

В депортации Ш. Алядин некоторое время живет в г. Чинабаде, далее с семьёй переезжает в Андижан, где работает в местной газете. Через полгода, в мае 1945 г., благодаря содействию председателя Союза писателей СССР А. Фадеева, он получает разрешение на переезд в Ташкент. Там работает директором Театра юного зрителя, директором Дворца железнодорожников, а с 1949 г. –

ответственным секретарём правления Союза писателей Узбекистана. В 1953–1957 гг. обучается на вечернем отделении Ташкентского педагогического института им. В. Белинского.

В Узбекистане Ш. Алядин становится активным членом инициативной группы, боровшейся за возвращение крымских татар на родину. Организовав и возглавив группу представителей крымскотатарской интеллигенции, используя своё влияние и авторитет, он добивается разрешения и принимает активное участие в создании ансамбля «Хайтарма», газеты «Ленин байрагы», организации радиопередач на крымскотатарском языке, редакции крымскотатарской поэзии и прозы в издательстве им. Г. Гуляма. Ш. Алядин добивается восстановления в Союз писателей и реабилитации исключённых после депортации из Союза писателей СССР крымскотатарских писателей. По его инициативе и при непосредственном участии создается секция крымскотатарских писателей при Союзе писателей Узбекистана, которую он возглавляет в течение ряда лет. С 1980 по 1985 год Ш. Алядин является главным редактором крымскотатарского журнала «Йылдыз».

Ш. Алядин дважды избирался председателем Литфонда СП Узбекистана, в период его председательствования эта организация достигла пика своего благосостояния. За заслуги в области литературы был удостоен звания «Заслуженный работник культуры Узбекской ССР» (1973 г.) и «Заслуженный деятель искусств Узбекской ССР» (1982 г.), а также ордена «Знак Почета».

В 1994 г. писатель с семьёй возвратился в Крым, поселился в городе Симферополе. 21 мая 1996 г. скончался и был похоронен на кладбище Абдал.

Ш. Алядин является автором более 70 произведений, в том числе трех романов, многочисленных повестей, рассказов, очерков, эссе. Данные произведения неоднократно публиковались, многие из них были переведены на различные языки.

12 июля 2012 г., в связи со столетием писателя, на стене дома на улице Жуковского, 20, была открыта памятная доска в честь Ш. Алядина. Инициатором установки доски стал «Фонд имени Шамиля Алядина», который возглавила его дочь Лейля Алядинова.

Супруга Ш. Алядина – актриса **Фатма Аметова (1920–2008)** родилась в многодетной семье в дер. Корьбек Ялтинского уезда (ныне с. Изобильное Алуштинского р-на). Была отдана на воспитание род-

Шамиль Алядин с женой Фатмой Аметовой и дочерью Диларой. Ташкент, 22 сентября 1947 г.

г. Симферополь, ул. Жуковского, 20. Мемориальная доска в честь Ш. Алядина (1912–1996).

ственникам, в Симферополь. В 1932 г. окончила среднюю школу и поступила в Крымский татарский театрално-музыкальный техникум в Симферополе. В 1936 г., после окончания техникума, была принята актрисой в Крымский государственный татарский драматический театр, проработала здесь до конца 1938 г., с успехом сыграла множество ролей. В 1938 г. была приглашена на работу диктором в Крымский радиокомитет, где проработала до начала войны. В период депортации, с 1957 г. в течение 30 лет работала диктором Крымскотатарского отдела Государственного комитета по телевидению и радиовещанию Узбекской ССР (Ташкент). В конце июля 1994 г. с семьей вернулась в Крым, в г. Симферополь. Здесь же и скончалась в 2008 году.

Ш. Алядин и Ф. Аметова поженились в 1939 г., после возвращения Ш. Алядина из Средней Азии. Ему вместе с писателем Ю. Болатом и поэтом М. Сулейманом была предоставлена одна общая квартира в симферопольском «Доме специалистов». После ухода Ш. Алядина на фронт Фатма Аметова с дочерью Дилярой, родившейся в августе 1941 г., продолжала жить по прежнему адресу. Сюда же вернулся и Ш. Алядин в апреле 1944 г., после освобождения Крыма от оккупантов.

За несколько дней до депортации крымских татар с исторической родины 18 мая 1944 г. писатель был направлен в командировку. Вернувшись в Симферополь, Ш. Алядин не застаёт семьи, их квартира в Доме специалистов уже была занята другими людьми. Писателя-фронтовика задерживают органы НКВД и выдворяют его за пределы Крыма – в Среднюю Азию. Там Ш. Алядин пытается найти жену и трехлетнюю дочь. Через некоторое время он находит их, почти умирающих от голода, в Узбекистане, в городе Чинабад.

Последнее перед высылкой посещение квартиры в доме на ул. Жуковского, 20, Ш. Алядин в художественной форме описал в автобиографической повести «Я – ваш царь и бог» [1].

Юсуф Болат (Юсуф Мемет-оглу Болат) (1909–1986). Известный писатель и драматург. Родился 16 марта 1909 г. в г. Алуште. После окончания сельской школы, в 1924 г.

поступил в Ялтинский татарский педагогический техникум. После завершения обучения работал в Ялтинском районном комсомольском комитете. В 1931 г. стал студентом факультета крымскотатарского языка и литературы Крымского педагогического института в Симферополе. Затем здесь же учился в аспирантуре.

В период с 1929 по 1941 г. Ю. Болат написал множество пьес, рассказов, очерков, первую часть романа «Алим». Его пьесы и музыкальные комедии («Той девам эте», «Арзы-кьыз», «Соньки гедже») ставились на сцене Крымского татарского драматического театра. Из них пьеса «Арзы-кьыз», музыку к которой написали Я. Шерфединов и И. Бахшиш, имела значительный успех (не сходит со сцены и по сей день).

С 1937 г. Ю. Болат – член Союза писателей СССР, в 1937–1939 гг. – ответственный секретарь Союза писателей Крымской АССР, в 1939–1941 гг. – редактор журнала «Совет эдебияты». Во время Великой Отечественной войны работал ответственным редактором крымскотатарской редакции при Всесоюзном радиокомитете в Москве (редакция начала свою работу 8 сентября 1942 г.).

В мае 1944 года Ю. Болат вместе со всем крымскотатарским народом подвергся насильственному выселению с исторической родины. В депортации жил в Булунгурском районе Самаркандской области, затем переехал в Ташкент. В 1961–1984 гг. был заведующим отделом, позже – ответственным секретарем, наконец, заместителем редактора газеты «Ленин байрагы» («Ленинское знамя»). Одновременно продолжал литературную деятельность, издал ряд произведений. Умер писатель в 1986 г. в Ташкенте в возрасте 77 лет, так и не дождавшись возвращения на родину.

Ю. Болат жил в Симферополе, в доме на ул. Жуковского, 20, с 1939 года. В 1940 г. он женился на Сыдыке Умеровой. После освобождения Симферополя от оккупантов Ю. Болат вернулся в собственную квартиру в Доме специалистов. В момент депортации он, как и писатель Ш. Алядин, находился в командировке [4, с. 233]. Вернувшись в Симферополь, так же не застал семьи и, будучи высланным из Крыма, нашел родных уже в Булунгурском районе Самаркандской области Узбекской ССР.

Максуд Сулейман (1909–1953). Талантливый поэт. Родился в с. Беген Джурчинской волости Перекопского уезда. Учился в Симферопольской образцово-показательной 9-летней школе, позже – в Крымском педагогическом институте. По завершении учебы работал ответственным секретарем журналов «Яш ленинджилер» («Юные ленинцы») и «Совет эдебияты» («Советская литература»).

Писать стихи начал еще в студенческие годы. В своем творчестве опирался на традиции крымскотатарской народной поэзии. Произведения М. Сулеймана часто печатались в различных крымскотатарских газетах и журналах. Поэма «Насибе», написанная в 1934 г., получила высокую оценку критики. В 1935 г. вышел первый поэтический сборник «Воспоминания о Сиваше». В 1937 г. стихотворения М. Сулеймана «Сиваш» и «Субботники» в переводе Арсения Тарковского были опубликованы в сборнике «Поэты Крыма». В 1940 г. был опубликован второй сборник стихов. В том же году совместно с Э. Шемьи-заде М. Сулейман издал хрестоматию по крымскотатарской литературе для 6-го класса.

С началом Великой Отечественной войны М. Сулейман ушел на фронт, командовал артиллерийским расчетом. В одном из боев был тяжело ранен, попал в плен, некоторое время находился в концлагере. После освобождения из плена был репрессирован.

В последние годы жил в депортации в г. Андижане Узбекской ССР, где и скончался после тяжелой болезни в 1953 году [2, с. 171–172].

В симферопольском Доме специалистов М. Сулейман жил с 1939 г. Из этого дома он ушел на фронт и назад уже не вернулся.

Асан Мамутович Рефатов (1902–1938). Известный крымскотатарский композитор, музыкант, педагог. Родился в 1902 г. в Бахчисарае, в семье народного учителя и музыканта Мамута Рефатова. С раннего детства внимательно наблюдал за игрой отца и других народных музыкантов-исполнителей Бахчисарая. Самостоятельно выучился играть на многих струнных инструментах и фортепиано. Будучи юношей организовал оркестр, исполнявший национальные мелодии, а также произведения русских композиторов.

Учился в бахчисарайской гимназии, по завершении которой в 1921 г. поступил в музыкальный техникум в Симферополе, усиленно занимался гармонией и фортепьяно, очень много работал над совершенствованием своего музыкального стиля. С 1922 г. включился в актив-

Юсуф Болат (1909–1986)

Юсуф Болат с супругой Сыдыкой Умеров. 1941 г.

Максуд Сулейман (1909–1953)

ную педагогическую работу в Крымском татарском (Тотайкойском) педагогическом техникуме, Совпартшколе и других учебных заведениях Симферополя. В педтехникуме при поддержке известной пианистки В. К. Ханбековой организовал духовой оркестр и хор, пользовавшиеся большой популярностью и поддержкой, в том числе со стороны ЦИК и Совнаркома Крымской АССР.

В этот же период А. Рефатов активно занимается творчеством: им написаны сюита для солистов, хора и оркестра на слова О. Акчокраклы «Бахчисарайский фонтан», музыка к спектаклям «Лейла и Меджнун», «Таир и Зоре», ряд песен (на слова Б. Чобан-заде, Ш. Бекторе, У. Ипчи и др.), мелодий (в частности, известный «Тотайкойский марш»), сделаны обработки народных песен и т. д. В 1923 г. он завершает работу над созданием первой крымскотатарской оперы – «Чора-Батыр», пре-

ьера которой состоялась в ноябре того же года в Симферополе, на сцене Клуба Красной Армии (до этого – театр «Метрополь», ныне Дом офицеров по адресу ул. Пушкина, 8).

В 1925 г. вместе с У. Боданинским, О. Акчокраклы и другими коллегами А. Рефатов участвует в историко-этнографической экспедиции по Крыму, в результате которой был собран значительный музыкально-фольклорный материал. На основании этого материала в 1928 г. в Москве и в 1931 г. в Симферополе композитором был издан сборник крымскотатарских народных песен и мелодий, получивший большую популярность.

В 1926–1930 гг. А. Рефатов учится на композиторско-дирижерском факультете Бакинской консерватории. Будучи студентом, преподает в музыкальном техникуме при консерватории, дирижирует оркестром Бакинской филармонии.

В 1929 г. в Баку организовывается Театр рабочей детворы, со временем преобразованный в Театр юного зрителя. А. Рефатов вплоть до 1935 г. руководит его музыкальным отделом. В эти же годы он работает в Бакинской консерватории – вначале заведующим учебной частью, а вскоре – проректором. Одновременно преподает здесь же на кафедре теории музыки и композиции. Среди его учеников – многие в будущем известные музыканты, теоретики и композиторы (Кара Караев, Тейфук Сеид др.). В 1933 г. А. Рефатов назначается музыкальным редактором тюркского сектора Азербайджанского комитета радиофикации и радиовещания при СНК АЗССР. Все это время он продолжает активно творить. Помимо этого, им подготовлен и издан ряд теоретических работ [10, с. 193].

Асан Рефатов с сестрой Айше (оба слева). Фото 20-х гг. XX в.

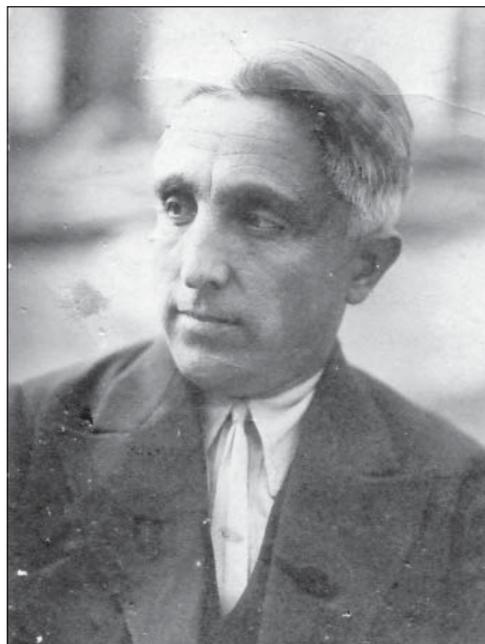
В 1935 г. по приглашению КрымЦИК А. Рефатов возвращается в Крым и приглашается на работу в Татарский театрально-музыкальный техникум в Симферополе. В этот период (1935–1937 гг.) он пишет музыку к пьесе Ю. Болата «Той девам эте» («Свадьба продолжается»), совместно с Я. Шерфединовым, в 1936 г. исполнялась на Всесоюзном радиофестивале в Москве, в том же году вышла в записи на граммпластинке), создает музыкальную комедию «Насреддин оджа», пишет «Крымскую сюиту», обрабатывает много крымскотатарских мелодий для исполнения симфоническим оркестром, создает попури на тему национальных мелодий. В 1936–1937 гг. он работал над созданием оперы «Арзы-къыз» на основе народной легенды, которая должна была быть исполнена на сцене открытого в 1937 г. в Симферополе Крымского государственного татарского театра оперы и балета, однако завершению работы помешал арест композитора [3, с. 235].

Согласно следственным документам, постановление об аресте А. Рефатова было подписано 27 апреля 1937 года. На следующий день на квартире композитора, проживавшего по адресу ул. Жуковского, 20, кв. 5, был произведен обыск. А. Рефатов был арестован, после чего последовали 553 долгих дня пребывания в застенках НКВД и бесконечных допросов [10, с. 194].

5 января 1938 г. А. Рефатову было предъявлено обвинительное заключение, в котором говорилось, что он «являлся участником контрреволюционной пантюркистской организации, ставившей целью реставрацию частнокапиталистических отношений и установление буржуазно-националистического строя», а также «был связан со шпионами турецкой разведки Чобан-заде Бекиром и Айвазовым Асаном Сабри, по заданию которых вел контрреволюционную националистическую деятельность» [там же, с. 197]. 1 ноября 1938 г. состоялось закрытое судебное заседание выездной сессии военной коллегии Верховного Суда Союза ССР, дело слушалось без участия защиты и вызова свидетелей. Суд начался в 18.00 и закончился в 18.20. А. Рефатов был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьями 58-7, 58-8 и 5-11 УК РСФСР. Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила его к высшей мере уголовного наказания – расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежавшего имущества.

Приговор был исполнен в тот же день. 10 октября 1957 г. решением коллегии Верховного Суда СССР последовала посмертная реабилитация А. Рефатова [там же, с. 198].

В доме на ул. Жуковского, 20, А. Рефатов жил после

Асан Рефатов (1902–1938)

возвращения в Крым из Баку. Известно, что он был женат на Марьям Ефимовне Рефатовой, которая, согласно следственным документам, присутствовала при обыске в квартире композитора 28 апреля 1937 года. Опять же, из показаний композитора на следствии известно, что в семье воспитывался шестилетний сын Тальат [9]. При аресте все произведения композитора были конфискованы, их судьба остается неизвестной и поныне

Супружеская пара Ягья и Сафие Шерфединовы. Ягья Шерфединов (1894–1975) – известный композитор, собиратель и издатель народных песен. Родился 16 марта 1894 г. в Феодосии, в семье бедняка. Учился в известной Симферопольской татарской учительской школе, по окончании которой был принят в петербургскую «Школу поощрения художеств». Через два года, из-за нехватки средств, был вынужден оставить учебу и вернуться в Крым. Работал учителем в с. Сараймен Керченского района, затем в Феодосии. Тогда же познакомился

Ягья Шерфединов (1894–1975)

с известным армянским композитором А. Спендиаровым, жившим в те годы в Крыму.

В 1927–1931 гг. Я. Шерфединов учился в Московской консерватории на теоретико-композиторском факультете, его наставниками были: по композиции – М. Ф. Гнесин, по народному творчеству – С. Н. Василенко и А. Н. Александров.

По возвращении в Крым с 1931 г. работал музыкальным редактором Крымского радиокомитета, затем в 1937–1938 гг. – заместителем художественного руководителя Крымского государственного татарского театра оперы и балета. С 1938 г. он был художественным руководителем Дома народного творчества при Управлении по делам искусств при СНК Крымской АССР, а с 1939 по 1941 гг. – художественным руководителем Ансамбля песни и пляски крымских татар Крымской госфилармонии [И. З., Дженк, с. 203–204].

В эти годы им был написан ряд крупных произведений: музыка к спектаклю Ю. Болатя «Ишлеген тишлер» («Ест тот, кто работает»), музыкальной пьесе «Арзы-кыыз» (совместно с И. Бахшишем по пьесе

Ю. Болатя), музыкальной драме Ю. Болатя «Алим», хоровая сюита «Юзюк оюн йырлары» («Песня для танца с обручальными кольцами») и «Крымская сюита» для симфонического оркестра. В 1940 г. за высокие достижения в профессиональной деятельности Я. Шерфединову было присвоено звание заслуженного деятеля искусств Крымской АССР.

В период войны вместе с семьей композитор был в эвакуации в г. Ташкенте. После освобождения Крыма, 17 мая 1944 г. вернулся в Симферополь, однако на следующее утро вместе со всем народом был подвергнут насильственному выселению из Крыма.

В депортации жил и работал в Ташкенте. Осуществил запись 70 народных песен и инструментальных мелодий. В 1971 г. Я. Шерфединову было присвоено звание «Заслуженный деятель искусств Узбекской ССР». В 1975 г. им был издан сборник фольклорной музыки «Янърай Хайтарма» («Звучит хайтарма»), получивший широкую известность.

Я. Шерфединов умер 29 января 1975 г. и был похоронен на знаменитом кладбище Минор в центре Ташкента.

Композитор был женат на Сафие Крымтаевой (по отцу, по матери – из известного дворянского рода мурз Ширинских). Она родилась в 1910 г. в Симферополе, в 1937–1938 гг. работала в Крымском татарском театре оперы и балета, с начала войны была с мужем в эвакуации. В ноябре 1943 г. Управлением по делам искусств при СНК Крымской АССР была отозвана из узбекского города Андижан в Краснодар. В феврале – марте 1944 г. принимала участие в выступлениях концертно-эстрадной бригады Крымской филармонии в Краснодаре и Ахтырке. После освобождения Симферополя работала в Ансамбле песни и пляски крымских татар [4, с. 222]. В местах депортации по специальности не работала. Умерла в 1974 г., похоронена в Ташкенте.

В симферопольском доме на ул. Жуковского, 20, Ягья и Сафие Шерфединовы жили с 1939 г., на тот момент семья состояла из трех человек: супругов и сына – Зальфегерата Шерфединова, родившегося в 1930 г. в Москве. Из этого же дома семья была депортирована 18 мая 1944 г. [там же, с. 204].

Супружеская пара Сервер и Нурие Джетере. Сервер Джемилевич Джетере (1906–1980) – известный крымскотатарский актер, режиссер и драматург. Родился 16 февраля (1 марта) 1906 г. в с. Буюк-Ламбат Ялтинского уезда (ныне с. Малый Маяк Алуштинского района). В 1928 г. окончил театральный техникум в Казани, в 1940 г. – режиссерский факультет ГИТИСа. С 1924 по 1941 гг. выступал на сцене Крымского государственного татарского драматического театра, играл главные роли

во многих пьесах классического репертуара, а также в пьесах крымскотатарских авторов. Одновременно получил известность как режиссёр и драматург. В 1940 г. был удостоен звания «Заслуженный деятель искусств Крымской АССР».

С началом Великой Отечественной войны С. Джетере ушел на фронт, участвовал в обороне Севастополя, был ранен. Лечился в госпитале в Дагестане, после чего был признан негодным к службе. С 1942 г. работал актером и режиссером, позже – директором Кумыкского драматического театра (г. Махачкала). Сыграл множество ролей, поставил ряд спектаклей, в том числе собственных: «Свадьба продолжается» (1946), «Сестры» (1953), «Счастливыцы» (1958). С 1946 г. вел педагогическую работу, руководил двумя выпусками студии Кумыкского театра. В 1966 г. стал членом Союза писателей СССР.

С. Джетере был удостоен званий народного артиста и заслуженного деятеля искусств ДАССР, награжден почетными грамотами Президиума Верховного Совета Дагестанской АССР и медалью «Ветеран труда». Ушел из жизни в 1980 г. в Дагестане.

Супруга С. Джетере – Нурие Джелиловна Джетере (в девичестве Джелилова) родилась 11 января 1912 г. в Бахчисарае. Получила образование в Татарском театральном-музыкальном техникуме в Симферополе. С 1925 по 1941 гг. работала на сцене Крымского государственного татарского драматического театра, в короткий срок вошла в число ведущих артистов театра. Ею были сыграны главные роли в таких спектаклях, как «Собака на сене» Лопе де Вега (Диана), «Последние» М. Горького (Настя), «Гамлет» Шекспира (Офелия), «Намус» Ширван-заде (Севиля), «Бахчисарайский фонтан» Р. Бенъяша (Зарема) и т. д.

Помимо таланта драматической актрисы Н. Джетере обладала прекрасными хореографическими данными, являлась блестящей исполнительницей сольных крымскотатарских народных танцев. В 1939 г. она вместе с певицей Сабрие Эреджеповой и партнером по танцам из Ялтинского ансамбля Рефатом Асановым становится лауреатом сначала отборочного тура Всесоюзного конкурса артистов эстрады в г. Ростове-на-Дону, а затем и финала конкурса в Москве [4, с. 229–230].

18 мая 1944 г. Н. Джетере разделила участь родного народа – вместе с дочерью Дженни (1938 г. р.) была выслана в Свердловскую область. Позже ей удалось перебраться в Узбекистан, однако выйти на сцену уже не удалось. Умерла Н. Джетере в 1991 году в Ташкенте.

В симферопольском Доме специалистов супруги Джетере с дочерью жили с 1939 по 1941 гг. Из этого же дома Н. Джетере с дочерью были высланы 18 мая 1944 года.

Сервер Джетере (1906–1980)

Нurie Джетере (1912–1991)

И. Бахшиш с детьми. Конец 1950-х гг.

Ильяс Темирович Бахшиш (1912–2000). Выдающийся композитор и музыкант. Родился в Симферополе, на ул. Кантарной (ныне ул. Чехова). С детства проявил большие способности к музыке. В конце 1920-х гг. некоторое время учился в Москве и Казани. В 1932 г. на конкурсной основе был принят на работу диктором в Крымский радиокomitee. В 1934 г. поступил в Симферопольский музыкальный техникум, в класс проф. И. И. Чернова. После окончания техникума (1937 г.) был назначен главным музыкальным редактором Крымского радио. В 1937 г. активно сотрудничал с известным композитором Л. Книппером, прибывшим в Симферополь для создания Крымского государственного татарского театра оперы и балета. В 1940 г. был назначен художественным руководителем Крымского государственного ансамбля песни и пляски крымских татар, созданного путем объединения симферопольского и ялтинского ансамблей. Одновременно возглавил новообразованный Союз композиторов Крыма. В этом же году был удостоен почетного звания «Заслуженный деятель искусств Крымской АССР» [3, с. 150–151].

В предвоенные годы И. Бахшиш пишет музыку к спектаклю Р. Беньяша «Бахчисарайский фонтан», к постановке А. Эльтона «Ходжа Насреддин», в соавторстве с Я. Шерфединовым пишет музыку к спектаклю Ю. Болата и Иб. Бахшиша «Арзы кыыз», создает «Крымскую кантату» для хора и симфониче-

ского оркестра на слова М. Сулеймана [4, с. 256]. Одновременно работает в песенном жанре.

С первых дней войны до прихода немцев в Симферополь И. Бахшиш в составе ансамбля обслуживал прифронтовые воинские части на Перекопе и военные госпитали Южного побережья. В период оккупации заведовал музыкальной частью Крымско-татарского театра, готовил музыкальное оформление

всех постановок, шедших в театре с 1942 по 1943 г. В 1943 г. совместно с молодым крымскотатарским композитором А. Каври написал музыку к спектаклю «Алтын бешик» («Золотая колыбель») Иб. Бахшиша и Гумара Исмагилова [там же, с. 257].

В конце 1943 г. И. Бахшиш с группой артистов театра подвергся насильственному вывозу за пределы Крыма. На территории Румынии они были брошены на произвол судьбы и более года боролись за выживание. В 1945 г. артисты вернулись на территорию Советского Союза и сразу же были депортированы в Таджикистан, к своим соотечественникам, высланным из Крыма 18 мая 1944 года. Личное письмо М. Калинину спасло музыканта от опасной работы на урановых рудниках и вскоре И. Бахшиш вернулся к творческой деятельности. До 1956 г. он работал заведующим музыкальной частью Ферганского узбекского и русского театров.

В 1957 г. в Ташкенте И. Бахшиш создает крымскотатарский ансамбль «Хайтарма», артистами которого стали депортированные в республики Средней Азии соотечественники. Большую роль композитор уделяет развитию и крымскотатарской симфонической музыки. Так, в 1970-е гг. он создает «Пять вариаций на крымскотатарские народные мелодии» для симфонического оркестра, «Татарскую рапсодию», музыкальную сюиту «Ватан тюркюси» («Песня о Родине») и др. произведения. В 1967 г. композитор доста-

ивается звания заслуженного артиста Узбекистана, а в 1973 г. – заслуженного учителя Узбекистана, в 1988 г. он становится членом Союза композиторов СССР.

В 1989 г. И. Бахшиш вернулся на родину, в Крым. Здесь он принял активное участие в возрождении крымскотатарского драматического театра. В 1993 г. композитор был удостоен звания заслуженного деятеля искусств Украины.

И. Бахшиш умер в 2000 г. в Симферополе, похоронен на кладбище Абдал. В том же году решением Президиума Верховной Рады АР Крым от 7 августа 2000 г. № 1330-2/2000 за значительный вклад в развитие и пропаганду многонациональной культуры и театрального искусства Крыма, создание самобытных музыкальных произведений и высокий профессионализм Ильясу Темир-Кая Бакшишеву (Бахшишу) было посмертно присвоено звание «Почетный крымчанин».

Квартира в симферопольском Доме специалистов семье И. Бахшиша была предоставлена после присвоения ему почетного звания «Заслуженный деятель искусств Крымской АССР». Здесь же семья – сам композитор, его супруга Эсма и две дочери Эльзара (1937 г. р.) и Лейла (1940 г. р.) – жили в период оккупации. В результате депортации 1944 г. Эсма Бахшиш с двумя дочерьми попала в один из кишлаков Чинабадского района Андижанской области (Узбекистан). В крайне тяжелых усло-

виях невыносимой жары, голода и болезней им удалось выжить, а через некоторое время, уже живших в Андижане, их нашел глава семейства И. Бахшиш. Впоследствии в семье родились еще двое детей – сын Эскендер и дочь Гульнара.

Саидов Ахмед Билялович (1911–?). Артист-вокалист. О нем в настоящее время известно немного. В апреле 1944 г. был принят в состав Крымского республиканского ансамбля песни и пляски крымских татар солистом-вокалистом. В войну служил на Черноморском флоте рядовым корабельной службы, воевал, попал в немецкое окружение, бежал. В мае 1944 г. был депортирован из дома № 20 на ул. Жуковского. О судьбе певца в местах депортации данных нет [4, с. 205].

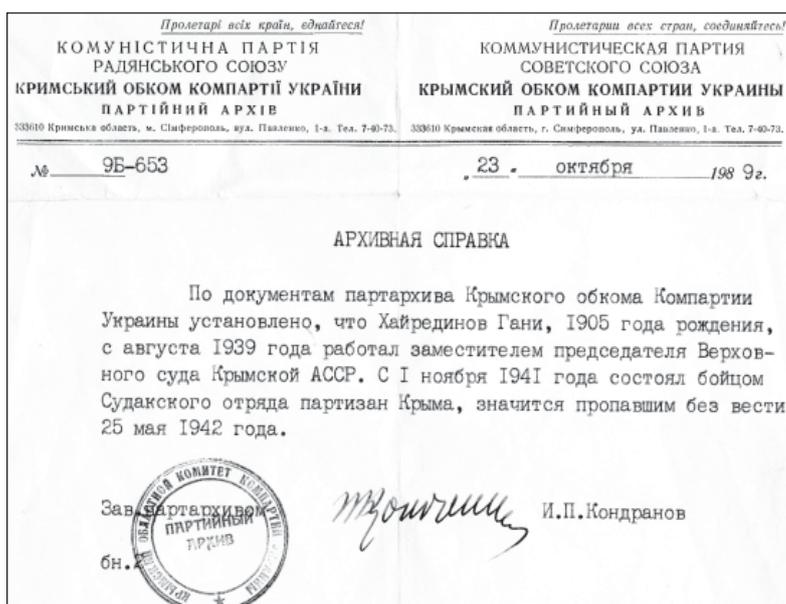
Из крымских татар – высокопоставленных чиновников Крымской АССР, живших в Доме специалистов, в настоящее время известно о семье Хайрединовых. **Гани Хайрединов (1905–1942)** родился в дер. Отузы Феодосийского уезда (ныне с. Щebetовка Судакского района). До войны работал в органах юстиции и адвокатуры: с 1932 по 1933 г. – народным судьей, с 1933 по 1939 г. – членом Верховного суда, с 1939 по 15 января 1941 г. – заместителем председателя Верховного суда Крымской АССР. В феврале 1941 г. был принят в Крымскую коллегия адвокатов и назначен заведующим Карасубазарской юридической конторой. С 1 ноября 1941 г. Г. Хайрединов

Семья Хайрединовых: супруги Гани и Амиде, дочь Урие, сыновья-близнецы Энвер и Нариман. 1937 г.

находился в составе Судакского партизанского отряда. Погиб (по другим сведениям – пропал без вести) в мае 1942 года.

В предвоенные годы семья Хайрединовых жила в симферопольском Доме специалистов и состояла из главы семейства, его жены Амиде и троих детей: дочери Урие (1931 г. р.) и братьев-близнецов Энвера и Наримана (1937 г. р.). 18 мая 1944 г. жена и дети Гани Хайрединова разделили судьбу своего народа – были подвергнуты репрессиям по национальному признаку и высланы за пределы исторической родины [12].

Архивная справка о предвоенном месте работы и участии в партизанском движении Г. Хайрединова. 23.10.1989 г.

Список использованных источников и литературы

1. **Алядин Ш.** Я – ваш царь и бог. Автобиографическая повесть. – Симферополь, 2004. – 380 с.
2. **Деятели крымскотатарской культуры (1921–1944 гг.): биобиблиографический словарь /** гл. ред. и сост. Д. П. Урсу. – Симферополь: Доля, 1999. – 240 с.
3. **Заатов И.** Крымский государственный татарский театр оперы и балета в материалах архивов и довоенной прессы 1937–1938 гг. – Симферополь: Доля, 2016. – 360 с., илл.
4. **Заатов И.** Крымскотатарское сценическое искусство в материалах архивов и оккупационной прессы 1941–1944 гг. – Симферополь: Доля, 2015. – 348 с., илл.
5. **Ипчи Я.** Бадам акъкъында... // Ыылдыз. – 1992. – № 5-6. – С. 262–267.
6. **Керимов И. А.** Медений эснас: 1920-1938 гг. – Симферополь: Таврия, 1997. – 497 с.
7. **Керимов И.** Теренлик: эдебий библиографик очерк. – Ташкент, 1988. – 144 с.
8. **Меджитова М.** Фукъаре омюр кечирди, амма зенгин асабалыкъ къалдырды // Янъы дюнья. – 1999. – Апрель 3.
9. **Сеитбекиров Э.** Дань памяти композитору Асану Рефатову // Голос Крыма. – 2017. – 29 сентября.
10. **Сеитбекиров Э.** Прерванная мелодия жизни композитора Асана Рефатова / Материалы международной научной конференции «Репрессированное поколение крымскотатарских общественно-политических деятелей, подвижников науки и культуры» (28–29 мая 1999 г.) – Симферополь, 2001. – С. 191–198.
11. **Симферополь:** Фотоальбом / сост. В. И. Жерибор, авт. текста В. Н. Гуркович. – Симферополь, 2007. – 132 с., илл.
12. **Хайрединов Н.** Никто не забыт и ничто не забыто? // Голос Крыма. – 2005. – 29 апреля
13. **Хаяли Р. И.** Умер Ипчи – крымскотатарский прозаик и драматург // Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым: Кн. 1. – Симферополь: Магистр, 2004. – С. 92–96.

Н. Абдульвапов

СИМФЕРОПОЛЬСКИЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ВОКЗАЛ,

с которого осуществлялась депортация крымских татар — жителей города и отдельных районов полуострова 18-20 мая 1944 г.

пл. Привокзальная, 1

Одними из наиболее драматичных событий истории Крыма периода Второй мировой войны стали массовые депортации с территории полуострова представителей ряда национальностей, прежде всего, крымских татар, немцев, греков, болгар и армян. Данные акции были осуществлены в 1941 и 1944 гг., всего из Крыма было депортировано 261 267 человек [5, с. 71].

Одним из пунктов массового сбора и отправки людей в места высылки во время указанных депортаций стал железнодорожный вокзал г. Симферополя. Ныне здесь об этом напоминают два мемориальных знака — один непосредственно на территории вокзала, другой — в сквере напротив (на бульваре Ленина).

Наиболее трагичной из крымских депортаций 1940-х гг. была поголовная депортация из Крыма представителей крымскотатарского народа, осуществленная 18–20 мая 1944 г. Это объясняется как формой проведения акции — наиболее жесткой из всех, указанных выше, а также тем, что, в отличие от депортации представителей других этносов, бывших относительно немногочисленными диаспорами своих, имевших государственность народов, в лице крымских татар насильственному выселению с исторической родины подвергся весь (целый) народ, являвшийся коренным этносом Крыма и титульной нацией Крымской АССР.

Депортация крымских татар с исторической родины была осуществлена на основании Постановления Государственного Комитета обороны № 5859сс «О крымских татарах», подписанного И. Сталиным 11 мая 1944 г. Документ был подготовлен на основе проекта решения ГКО о выселении всех крымских татар с территории Крыма («учитывая предательские действия крымских татар против советского народа и исходя из нежелательности дальнейшего проживания крымских татар на пограничной окраине Советского Союза»), внесенного на рассмотрение И. Сталину министром внутренних дел СССР Л. Берия [1, с. 89].

Решение о выселении крымских татар, как и их предшественников по несчастью — балкарцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, корейцев, немцев, финнов-ингерманландцев, чеченцев и др., принималось в атмосфере высокой секретности. В соответствующие планы были посвящены лишь наиболее избранные люди из ближайшего окружения И. Сталина [там же, с. 90].

2. Симферополь. Железнодорожный вокзал. Мемориальный знак в память жертв депортаций из Крыма крымскотатарского народа и представителей ряда других национальностей — немцев, армян, болгар и греков — в 1941 и 1944 гг. Фото 2018 г.

Симферопольский железнодорожный вокзал (старое здание). Фото 1930-х гг.

Операция по выселению была тщательно подготовлена. Детально были расписаны время на сборы и маршруты следования, заранее, под благовидными предлогами, уточнены адреса проживания крымскотатарских семей в городах и поселках со смешанным населением, а во всех селах, населенных крымскими татарами, размещены войска НКВД [там же].

Непосредственно сама акция была начата в ночь с 17 на 18 мая 1944 г. Во всех населенных пунктах Крыма (несколько сот сел, поселков и городов полуострова) к изгнанию крымских татар одновременно приступили более 32 тысяч оперативников, офицеров и бойцов НКВД-НКГБ. Со всех сторон полуострова к узловым железнодорожным станциям потянулись грузовики с людьми, которых далее силой загоняли в товарные вагоны. Куда их увозили, люди не знали [там же, с. 96].

Уже 20 мая местные партийные функционеры рапортовали в Крымский обком компартии об успешном проведении акции выселения и сообщали сведения об оставшемся имуществе крымских татар [там же]. В результате депортации в течение трех дней со всех регионов Крыма было выслано в общей сложности 190 371 человек (по другим сведениям, 191 044 чел.) [5, с. 71; 3, с. 279]. Абсолютное большинство подвергшихся депортации составляли дети, женщины и старики.

По данным Отдела спецпоселений НКВД СССР, в ноябре 1944 г. в местах выселения находились уже 193 865 крымских татар, из них в Узбекской ССР – 151 136 чел., в Марийской АССР – 8 597 чел., в Казахской ССР – 4 286

чел., остальные были распределены «для использования на работах» в Молотовской (10 555 чел.), Кемеровской (6 743 чел.), Горьковской (5 095 чел.), Свердловской (3 594 чел.), Ивановской (2 800 чел.), Ярославской (1 059 чел.) областях РСФСР [1, с. 102].

Позже, после завершения Второй мировой войны, к спецпереселенцам присоединились и их родственники, в частности, тысячи фронтовиков (в том числе офицерского со-

става), которым, согласно директивам НКВД СССР № 1/21826 от 16.11.1944 г. и № 1/1559 от 12.08.1945 г., было категорически воспрещено возвращаться на территорию Крыма [там же, с. 102–103]. Та же участь постигла и крымских татар, в период оккупации полуострова насильно угнанных в Германию, а также юношей, призванных после освобождения Крыма в апреле 1944 г. в т. н. «трудовую армию».

Добавим также, что через сорок дней после депортации крымских татар, 27–28 июня 1944 г. последовала депортация представителей греческой, болгарской, армянской и ряда других национальностей – всего 42 448 чел. [5, с. 73]. Еще раньше, в августе 1941 г., из Крыма были выселены представители немецкой национальности – 27 300 чел. [там же, с. 71]. Все это отразилось на демографической ситуации в Крыму: согласно архивным данным, в результате войны, оккупации и насильственных депортаций население Крыма уменьшилось почти втрое – с 1 126 426 (по Всесоюзной переписи 1939 г.) до 379 000 человек (данные Крымского обкома на 14.10.1944 г.) [1, с. 99].

Вскоре последовали и другие результаты преступных депортаций. Так, через год после выселения крымскотатарского народа, представителей греческой, болгарской и армянской национальностей был изменен статус Крыма: Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 июня 1945 г. Крымская АССР была преобразована в рядовую Крымскую область в составе РСФСР. Еще через 9 лет, в 1954 г., это новое административное образование было передано в состав Украинской ССР.

Помимо этого, в течение 1944–1948 гг. в Крыму были изменены названия практически всех деревень и поселков городского типа, а также ряда городов. Одновременно с этим был дан старт кампании по фальсификации истории Крыма, в частности, умалению или же полному игнорированию места и значимости как тюркской истории полуострова в целом, так и многовековой истории крымскотатарской государственности в частности.

Наконец, еще одним трагическим результатом депортации непосредственно крымских татар явилось катастрофическое уменьшение численности крымскотатарского этноса: так, в результате болезней, голода, необустроенности, изнуряющего труда и других причин в первые годы высылки погибло от 20–25% (по официальным данным) до 46% (по результатам народной «самопереписи») от общей численности народа [там же, с. 110–113].

Говоря непосредственно о событиях, которые имели место 18–20 мая 1944 г. на территории Симферопольского железнодорожного вокзала, необходимо отметить, что столица Крыма составляла отдельный сектор – один из восьми, на которые был разделен полуостров для проведения акции по выселению крымскотатарского народа (другие: Ялтинский, Джанкойский, Севастопольский, Симферопольский (район), Евпаторийский, Керченский, Феодосийский). Согласно «Справке об операции по выселению из Крыма лиц татарской национальности» от 12 августа 1956 г., в течение трех вышеуказанных трагических дней из Симферополя было выслано 10 905 чел. (или 3 400 семей) [5, с. 73].

Впрочем, с Симферопольского вокзала высылались не только лишь крымские татары – жители столицы Крыма. Согласно многочисленным воспоминаниям участников тех событий, отсюда же были депортированы крымскотатарские жители многих окрестных сел, а также города Алушты и сел Алуштинского района. Так, известны соответствующие воспоминания жителей прибрежных сел Ускут (ныне с. Приветное), Тувак (с. Рыбачье), Кучюк-Озен (с. Малореченское), Куру-Озен (с. Солнечногорское), Улу-Озен (с. Генеральское), Демерджи (с. Лучистое), Корбек (с. Изобильное), Кучюк-Ламбат (с. Кипарисное), Дегирменкой (с. Запрудное) и др.

Особо необходимо отметить и то, что с территории Симферопольского вокзала выселялись многие представители крымскотатарской политической и культурной элиты тех лет, после освобождения Симферополя от фашистских оккупантов в апреле 1944 г. приступившие к восстановлению народного хозяйства полуострова. Так, известно, что именно из Симферополя были отправлены в высылку наивысшие должностные лица Крымской АССР из числа крымских татар, начиная с председателя Президиума Верховного Совета Крымского АССР А. Х. Менбариева и Председателя Совнаркома (Правительства) Крымской АССР И. С. Сейфуллаева [6, с. 238]. Что касается представителей культуры, известно, что из Симферополя выселялись поэт Э. Шемьи-заде, композитор Я. Шерфединов (оба прибыли в Симферополь по приглашению Совнаркома Крыма за день до депортации), артисты воссозданного в апреле 1944 г. в Симферополе Ансамбля песни и пляски крымских татар, в частности, актрисы М. Ишниязова, Н. Джетере, Ф. Аметова, певицы З. Люманова, Э. Топчы, танцоры Ш. Мамутов, Ш. Арсланов, Р. Челебиев, музыканты Б. Аединов, М. Аширов и др., редактор газеты «Къызыл Къырым» Дж. Акимов, поэт С. Эмин и многие другие известные личности.

Спустя 47 лет на основании Решения Симферопольского городского совета народных депутатов Крымской области от 31 мая 1991 г. в сквере напротив вокзала (на бульваре Ленина) был установлен закладной камень с текстом на двух языках (крымскотатарском и русском): «На этом месте будет сооружен монумент жертвам депортации крымскотатарского народа». Еще через три года, согласно Постановлению Правительства Крыма от 11 мая 1994 г., мемориальный камень в память преступной депортации из Крыма крымскотатарского народа и представителей ряда других национальностей в 1941 и 1944 гг. был установлен и на территории самого Симферопольского железнодорожного вокзала. Ежегодно, в частности, в день 18 мая у этих памятных знаков проводятся официальные и общественные мероприятия в память жертв тех трагических событий.

Символично, что в непосредственной близости от памятного знака на территории вокзала располагается и памятная доска в честь

легендарного летчика-аса времен Великой Отечественной войны, дважды Героя Советского Союза Амет-Хана Султана.

Из воспоминаний Председателя Совнаркома Крымской АССР в 1942–1944 гг. Исмаила Сейфуллаевича Сейфуллаева:

«В 5 часов вечера 17 мая 1944 года меня, Председателя Совнаркома Крымской АССР, пригласили в кабинет первого секретаря Крымского обкома партии В. С. Булатова. Одновременно был приглашен в обком и председатель Президиума Верховного Совета Крымской АССР Абдулджемиль Менбариев. В кабинете у секретаря обкома сидели представители МГБ СССР Кобулов и Абакумов, а также нарком Госбезопасности Крыма Фокин.

Слово было предоставлено Кобулову. Он в своем кратком выступлении сообщил, что есть Постановление Государственного Комитета обороны СССР, подписанное Сталиным, от 11 мая 1944 года о выселении крымских татар из Крыма, и зачитал Постановление ГКО. При этом в грубой форме подчеркнул, что выселению подлежат все без исключения лица крымскотатарской национальности, включая руководство республики. Он потребовал, чтобы руководители республики, актив вели себя достойно и показали пример организованности и дисциплины. На этом краткое заседание закончилось.

После этого я приехал на квартиру, где охрана уже знала о выселении татар. На следующий день рано утром за мной заехал управляющий делами Совнаркома В. Г. Булаев. Я положил в сумку несколько личных вещей, и на машине мы выехали на железнодорожный вокзал – товарную станцию. Здесь шла погрузка людей, прибывших ночью, в товарные вагоны. Стояли стон, крики, плач. Грузовики с людьми продолжали подъезжать к погрузплощадке. Их сопровождали солдаты и офицеры войск НКВД и других воинских частей. Людей быстро выгружали и тут же уезжали обратно. Основная масса людей была без одеял, теплой одежды. Их заставляли быстро, за 10–15 минут, собраться и выйти на погрузплощадки. Очень многие выехали, в чем их застали. Дети плакали, просили пить, кушать. Но на это никто не обращал внимания. Главная задача состояла в том, чтобы никто не убежал, чтобы быстрее погрузить людей в теплушки. Случалось, что члены од-

ной семьи попадали в разные машины, а следовательно, погружались в разные вагоны. Умоляющие просьбы родителей погрузить детей с ними в один вагон офицерами во внимание не принимались. Вечером эшелоны начали один за другим отходить от станции Симферополь на север. Никаких эксцессов, никакого сопротивления со стороны крымских татар. Как выяснилось потом, не было фактов отказа, сопротивления и в местах погрузки – в городах и селах. Зато орденов и медалей за героические действия в борьбе с вооруженными крымскими татарами, оказывавшими сопротивление при выселении, было роздано немало.

Я попрощался с провожавшими меня работниками Совнаркома и поднялся в вагон-теплушку, занял место на второй полке. Со мной по соседству расположился председатель Президиума Верховного Совета Крымской АССР, депутат Верховных Советов СССР и РСФСР, заместитель председателя Президиума Верховного Совета Российской Федерации А. Д. Менбариев.

Начался тяжелый, трагический путь. Многие, особенно пожилые, больные, дети не выдерживали мучений и страданий, перенесенных в долгой дороге. Умирали от болезней и голода. В пути приходилось наспех хоронить умерших. Люди голодали, мучились от жажды. В нашем эшелоне умирали не только от голода, но и от желудочн-кишечных заболеваний, так как по дороге пили сырую воду из любых источников. Медицинской помощи не было.

Как уже было отмечено, отдельные семьи были разделены, некоторые члены семьи попадали в Удмуртскую или Марийскую республики, другие – в Среднюю Азию и Казахстан. Это серьезно осложняло жизнь переселенцев в дальнейшем.

Люди ежедневно видели смерть, вынуждены были привыкать к безысходности. Месячный путь из Крыма в Узбекистан был усеян трупами детей и стариков. Из Крыма было выселено не менее 192 тыс. человек. Сколько погибло в дороге, сколько прибыло на места поселений, я не знаю. По-моему, точного учета умерших, похороненных в пути следования никто не вел. Сопровождающие нас охранники бдительно несли службу, следили за тем, чтобы никто не убежал. Они нас предупредили: «За побег – выстрел без предупреждения».

Наш эшелон прибыл в Узбекистан, г. Бекабад. Стояла непривычная жара. Многие не в состоянии были самостоятельно выйти из вагонов. Нас разместили в пустующих земляных бараках.

Прибывшие в Бекабад спецпереселенцы были определены на работу на строительство Фархадской ГЭС. Все здоровые, трудоспособные мужчины и женщины руководством строительства были закреплены за строительными объектами. Работающие получали еду, членам семьи выдавался по карточке хлеб. Люди жили в земляных бараках, спали на земляном полу. Непривыкшие к жарким климатическим условиям, измученные в пути следования, многие люди не выдерживали. Особенно много стариков, больных, детей умирало в землянках. В один из дней июля 1944 года я зашел в землянку на правом берегу в районе котлована ГЭС и увидел 7 трупов, укрытых рогожей. Оказал необходимую помощь в организации похорон.

Справедливости ради надо сказать, что руководство строительством (начальник А.А. Саркисов) делало все возможное для облегчения жизни переселенцев. Но главную роль играли комендатуры НКВД, судьбы людей решали они. Были установлены строжайшие правила надзора за переселенцами. Участь спецпереселенцев была хуже, чем заключенного в тюрьме. Работники комендатуры издевались над людьми, как хотели. Надо было регулярно ходить в комендатуру отмечаться: выезжать за пределы местожительства категорически запрещалось. <...> Спецпереселенцы не имели права выезжать из Бекабада в Фергану или Андижан, чтобы разыскать своих родных и близких. Только в сентябре 1944 года я разыскал свою мать в одной из больниц Андижанской области. Она была при смерти. 14-летний племянник обессилел так, что на ногах не мог стоять. Мать и племянника я забрал и привез в Бекабад,

г. Симферополь. Мемориальный знак в память жертв депортации крымскотатарского народа 18–20 мая 1944 г. на бульваре Ленина (напротив железнодорожного вокзала).

а двух сестер так и не нашел, они умерли в первые же месяцы прибытия, где похоронены – мне и их детям так и не удалось установить. В Узбекистане умерли и похоронены в разных местах 14 моих родственников. Таких, как я, – тысячи. Смерть косила спецпереселенцев повсюду, особенно в первый год поселения. По отдельным источникам, за это время от голода, жары, непосильного труда и различных болезней погибло в Средней Азии до 46 процентов спецпереселенцев – крымских татар» [там же, с. 237–239].

Список использованных источников и литературы:

1. **Бекирова Г.** Крымские татары, 1941–1991: Опыт политической истории. – Симферополь: Издательский дом «Тезис», 2008. – Том 1. – 408 с. (илл.)
2. **Депортация** крымских татар 18 мая 1944 года. Как это было: воспоминания депортированных. – Симферополь: Оджакъ, 2004. – 252 с.
3. **Депортация** крымских татар 18 мая 1944 года. Как это было: воспоминания депортированных. – Симферополь: Оджакъ, 2005. – Ч. 2. – 304 с.
4. **Депортация** крымских татар 18 мая 1944 года. Как это было: воспоминания депортированных. – Симферополь: Оджакъ, 2005. – Ч. 3. – 316 с.
5. **Крим** в умовах суспільно-політичних трансформацій (1940–2015). Збірник документів і матеріалів. Друге видання / уряд.: О. Г. Бажан, О. В. Бажан, С. М. Блащук, Г. В. Боряк, С. І. Власенко, Н. В. Маковська. – К.: ТОВ «Видавництво “Кліо”», 2016. – 1092 с.
6. **Сейфуллаев И.** Выселение крымскотатарского народа на основе огульных обвинений / Материалы международной научной конференции «Репрессированное поколение крымскотатарских общественно-политических деятелей, подвижников науки и культуры» (28–29 мая 1999 г.) / сост. Э. Сеитбекиров. – Симферополь, 2001. – С. 237–244.

Н. Абдульвапов

БРАТСКАЯ МОГИЛА В КОМСОМОЛЬСКОМ (СЕМИНАРСКОМ) СКВЕРЕ *пересечение улиц Героев Аджимушкая, Пушкина и Самокиша*

Братская могила с обелиском, именуемым как «Памятник в честь борцов революции», располагается в центральной части г. Симферополя, на территории Комсомольского сквера (более известного как Семинарский). Сквер занимает городской квартал, ограниченный улицами Героев Аджимушкая, Пушкина и Самокиша и зданием Центрального музея Тавриды. Он был разбит в 1871 г. как один из городских садов. За свою долгую историю сквер имел множество названий: Семинарский, Пушкинский, Летний сад, Коммунаров, Профсоюзный, Сквер обкома ВКП(б), Комсомольский. Из них наиболее прижилось первое название – Семинарский сквер, возникшее по причине построенной здесь в 1873 г. Духовной се-

минарии (ныне Епархиальное управление).

Памятное место было открыто сразу после Гражданской войны как «братская могила коммунаров». 5 декабря 1920 г. здесь состоялся траурный митинг по поводу перезахоронения на территории сквера 66 участников антибелогвардейского подполья и красногвардейцев Гражданской войны. При этом достоверно были известны имена лишь 27 захороненных. Среди них наибольшую известность получили бывшие члены Мусульманского коммунистического бюро при Крымском окружном комитете РКП(б) Мидат Рефатов, Мурад Решид Асанов, Асан Иззет Урманов, Асан Усеин Сакаев, Абдулла Мустафа Баличиев, Евгения Лазаревна Жигалина.

В 1930 г. на братской могиле по проекту художника А. Н. Глаголева был сооружен памятник. Основу его составил трехгранный обелиск. К его лицевой стороне примыкали три плиты. На нижней, положенной горизонтально, была высечена надпись: «Павшим в борьбе за диктатуру пролетариата». Слева от нее располагалась вертикальная плита, на которой были обозначены даты гражданской войны: 1917–1920. Центром композиции являлась плита с изготовленным скульптором Медведовским барельефом рабочего на фоне перекрещивавшихся серпа и молота [2].

В предвоенные годы, в дни памяти октябрьских событий 1917 г., у памятника проходили многолюдные митинги. Осенью 1941 г. близ могилы коммунаров были похоронены погибшие в боях на Перекопе генерал-майор

бронетанковых войск С. В. Борзилов и зам. командира истребительного авиаполка Герой Советского Союза В. П. Трубаченко. Еще позже, в 1944 г., здесь были похоронены генерал-майор авиации И. П. Вилин и командир партизанского отряда Г. Ф. Грузинов.

В ноябре 1941 г., сразу после оккупации города нацистами, вышеуказанный памятник на братской могиле был разрушен. После войны, в 1957 г., на его месте был сооружен новый обелиск – восьмиметровая четырехгранная стела из крымского диорита, с надписью: «Героям, павшим за власть Советов в 1918–1920 гг., от комсомольцев г. Симферополя».

В первой половине 1970-х гг. сквер подвергся реконструкции: была убрана ограда, проложены дорожки из плит, разбиты цветники и газоны. Прах С. В. Борзилова, И. П. Вилина и Г. Ф. Грузинова был перенесен на реконструированный Воинский мемориал на ул. Старозенитной.

Говоря о Мусульманского бюро (или же Татарской секции) при Крымском окружном комитете РКП(б), необходимо отметить, что оно было создано в апреле 1919 г. (по другим сведениям, в январе 1920 г.) – в период установления на территории полуострова Крымской Советской Социалистической Республики (апрель – июнь 1919 г.). Целью создания бюро было проведение работы с местным населением по привлечению его в политическую жизнь на стороне Советской власти. Активное участие в этом играл видный турецкий революционер Мустафа Субхи, прибывший на полуостров из Москвы в составе большой группы татарских и турецких товарищей. М. Субхи одновременно продолжил издавать в Симферополе газету «Енъи дюнъя» («Новый мир»), основанную им в 1918 г. в Москве.

Среди членов бюро особую известность получил один из его руководителей – талантливый журналист и переводчик Мидат Рефатов (1893–1920). Он родился в Бахчисарае, в семье известного учителя (сподвижника И. Гаспринского) и народного музыканта Мамута Рефатова. Начальное образование получил в школе отца, позже учился в Бахчисарайской земской школе, в местном медресе,

2. Симферополь. Комсомольский сквер. Памятник жертвам Революции. Фото 30-х гг. XX в.

школе-рушдие. С 1909 г. (по другим сведениям, с 1908 г.) учился в Стамбуле, параллельно занимался журналистикой и переводами русской классики (Л. Толстой, Н. Гоголь и др.) на турецкий язык. Здесь же, в Стамбуле, произошло его знакомство с революционными идеями (в 1908 г. в Турции произошла т. н. Младотурецкая революция).

В 1912 г. М. Рефатов вернулся в Крым, затем некоторое время жил в Санкт-Петербурге, вновь вернулся в Крым и работал в редакции газеты «Терджиман». Позже уехал в Баку, где работал в редакции журнала «Шеляле», а также корреспондентом журнала «Русские ведомости». В 1916 г. М. Рефатов был направлен на фронт, где был военным чиновником в саперных войсках. В этот период он знакомится с различными российскими революционными движениями и партиями, ведет агитационную работу среди солдат. Перед Февральской революцией возвращается в Бахчисарай.

После революции М. Рефатов вновь работает в «Терджимане», позже – в газете Крым-

Мидат Рефатов (1893–1920)

ского мусисполкома «Миллет» («Нация»), основанной в июне 1917 г. в Симферополе. В 1918 г. некоторое время работает в дирекции юстиции Крымскотатарской национальной директории.

В апреле 1919 г. М. Рефатов принял участие в издании газеты «Енъи дюнъя», основанной в 1918 г. в Москве и через год переведенной в Симферополь, а также краткосрочных политкурсов при ее редакции (он же был одним из лекторов). В это же время он был избран главой Мусульманского бюро при ОК РКП(б) [8].

Во время занятия Крыма войсками А. И. Деникина (с июля 1919 г.) руководители ОК РКП(б) и Мусульманского бюро (татсекции) ушли в подполье, продолжая борьбу против белогвардейцев. К весне 1920 г., с приближением частей Красной Армии, подпольщики еще более активизировали свою деятельность. При этом, на М. Рефатове лежало общее и идейно-литературное руководство секцией, а всей практической работой руководил Урманов (Урманер) – рабочий, человек со значительными организаторскими способностями [3, с. 84].

В конце марта 1920 г. в результате про-

вокации группа была разоблачена врангелевской контрразведкой, в результате чего большая часть бюро была схвачена (первые аресты произошли вечером 28 марта). Суд проходил 21 апреля в Симферополе в здании гостиницы «Петроградская» (ныне отсутствует, адрес бывшего расположения: ул. Пушкина, 2). Согласно приговору военно-полевого суда штаба белогвардейского добровольческого корпуса, шесть руководителей организации – Мидат Рефатов, Мурад Решид Асанов, Асан Иззет (Мухаметджан) Урманов (Урманер), Асан Усеин Сакаев, Абдулла Мустафа Баличиев, Евгения Лазаревна Жигалина – были приговорены к смертной казни. Помимо этого, один член бюро – Ислям Умеров – был приговорен к бессрочной каторге, еще трое – Амет Батталов, Сеит-Ислям Аппаз-оглу (Аппазов) и Ярко-Аптекман – к восьми годам каторжных работ [там же, с. 87].

Объявление приговора вызвало широкий резонанс в самых разных слоях населения Симферополя и Крыма в целом. 22 апреля (5 мая по новому стилю) к командиру 1-го Армейского (Добровольческого) корпуса генерал-лейтенанту А. П. Кутепову с ходатайством о смягчении приговора обратился председатель уездной земской управы, представитель одной из наиболее известных крымскотатарских дворянских семей – Мустафа мурза Кипчакский (это был его второй визит, первый состоялся еще 1 апреля – во главе крымскотатарской делегации, вместе с лидером «Миллий Фирка» С. Дж. Хаттатовым), а также Совет профсоюзов и Симферопольский союз татарских учителей. Призвала к милосердию в статье «Око за око» и газета «Южные ведомости». О смягчении участи осужденных просил (по телефону) А. П. Кутепова председатель губернской земской управы кадет князь В. А. Оболенский, а также Симферопольский городской голова С. А. Усов [там же, с. 87–88].

Все эти усилия не имели успеха. Газета «Таврический голос» сообщала: «22-го вечером был приведен в исполнение смертный приговор над шестью осужденными военно-полевым судом по делу «О Мусульманском бюро коммунистической партии». Все шесть

осужденных были расстреляны» [там же]. По другим сведениям, в этот день были расстреляны пять жертв (крымские татары), а Е. Жигалина была расстреляна позже. Казнь состоялась на местности за еврейским кладбищем в Симферополе.

Как было указано выше, первым в списке приговоренных было имя 27-летнего руководителя организации Мидата Рефатова. Необходимо отметить, что все его имущество, библиотека, труды и переписка были конфискованы. Согласно воспоминаниям одного из современников этих событий, перед арестом он заканчивал работу над трехтомным русско-турецким словарем, однако в результате допросов этот труд оказался разбросанным в помещениях врангелевской контрразведки [там же, с. 84].

В период Крымской АССР имена членов Мусульманского бюро были хорошо известны среди симферопольцев и крымчан в целом. Именем М. Рефатова, в частности, был назван один из крымскотатарских детских домов, открытых в начале 1920-х годов на улице Дворянской (ныне ул. Горького) [1, с. 232]. Имя Урманера носил один из симферопольских переулков (до 1930 г. – Минарет-

ный, с 1948 г. – Холмистый), имя Сакаева в 1930 г. получил бывший пер. Конный, имя Жигалиной до сих пор носит одна из городских улиц (до 1930 г. – 2-я Будущая) [5, с. 44].

Помимо этого, в 1926 г. известным крымскотатарским писателем, драматургом, режиссером и актером Умером Ипчи в соавторстве с Ислямом Аппазовым (судя по всему, одним из членов бюро) была написана пьеса «Мусульман бюросы» («Мусульманское бюро»), посвященная вышеописанным событиям. Пьеса была поставлена 5 ноября того же года силами Крымского государственного татарского драматического театра на сцене Крымского государственного драматического театра (ныне Крымский академический русский драматический театр имени М. Горького) и получила признание публики. 14 ноября того же года пьеса была показана в Бахчисарае – на родине главного героя пьесы М. Рефатова, а 18 февраля 1927 г. – вновь на сцене госдрамтеатра в Симферополе [4, с. 79–83].

Решением Крымского облисполкома от 05.09.1969 г. № 595 братская могила в Комсомольском сквере г. Симферополя была признана памятником истории (учетный № 43).

Список использованных источников и литературы

1. **Абдулхаиров А. З.** Новое в исследованиях истории голодомора на Украине / Сборник материалов международной научной конференции «Голод в Казахстане: трагедия народа и уроки истории». – Астана, 2012. – С. 226–233.
2. **Андросов С. А.** Осуществление в Крыму плана монументальной пропаганды (1921–1940 гг.) // Историческое наследие Крыма. – 2005. – № 11. – С. 107–119.
3. **Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.** Мусульманское бюро и его судьба // Историческое наследие Крыма. – 2003. – № 1. – С. 84–89.
4. **Керимов И. А.** Медений эснас : 1920–1938 гг. – Симферополь: Таврия, 1997. – 497 с.
5. **Поляков В. Е.** Историческая эволюция городской топонимии Симферополя. – Симферополь: СОНАТ, 2001. – 224 с.
6. **Рефат А.** Куреш мейданында // Ыылдыз. – 1989. – № 6. – С. 104–116.
7. **Рефатов Р.** Некоторые моменты из биографии моего брата Мидхата Рефатова, оставшиеся в моей памяти // Голос Крыма. – 2015. – 29 мая.
8. **Умеров И.** Работа татсекции при ОК РКП(б) (1919–1920 годы) // Голос Крыма. – 2015. – 20 марта (перепубликация из сборника «Революция в Крыму». Симферополь, 1930. Вып. 9. 172 с.).
9. **Хаяли Р. И.** Судьба семьи учителя Мамута Амета-оглу Рефатова // Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым: Кн. 1. – Симферополь: Магистр, 2004. – С. 109–115.

Н. Абдульвапов

**ТЕРРИТОРИЯ БЫВШЕГО СТАРИННОГО
ГОРОДСКОГО МУСУЛЬМАНСКОГО КЛАДБИЩА
ВДОЛЬ ЛЕВОГО БЕРЕГА РЕКИ САЛГИР.
АЗИЗ САЛГИР-БАБА. ИСТОЧНИК «АЗИЗ СУВ»**

*г. Симферополь,
ул. Воронцовская
(с 1924 г. –
Воровского).
Открытка нач.
XX в.*

Старинное мусульманское кладбище вдоль левого берега реки Салгир является наиболее ранним известным крымскотатарским кладбищем Симферополя. В настоящее время его территория является практически полностью застроенной, остался лишь небольшой фрагмент, находящийся во дворе домовладения по адресу ул. Воровского, 7, и известный как «азиз¹ Салгир-Баба» (см. ниже).

Наиболее раннее из известных упоминаемый кладбища датируется 1780-ми годами. Один из русских чиновников, назначенных тотчас после посещения императрицей Екатериной II Крыма в 1787 г., описывая город Акмесджит (Симферополь), в частности, от-

мечал: «За дворцом Калги-Султана, невдали от Салгира, расположено кладбище, среди которого торчит белая ограда, а в ней навес с зеленым значком, под которым в течение целого дня сидит мулла и нашептывает молитвы...» [12, с. 45].

Значительно более подробные сведения о кладбище присутствуют в известном труде крымского краеведа В. Х. Кондараки «Универсальное описание Крыма», увидевшем свет в 1873–1875-х гг. В главе, посвященной истории Симферополя (Часть 14), автор, в частности, отмечает:

«Симферополь всегда считался в Крыму вторым городом после Бахчисарая. Он был

¹ Азиз – с араб.: святой, священный; уважаемый, ценный. Культ святых в исламе, трансформировавший многие элементы предшествовавших ему религиозных традиций, наделил определенную категорию духовных праведников сверхъестественными способностями после смерти творить чудеса. Данный культ в Крыму получил форму почитания «азизов» (слово азиз означает как самого «святого», так и место его захоронения). Целью паломничества к подобным местам (могилам) было стремление выразить почтение к азизу, желание заслужить его покровительство, попросить о заступничестве, получить помощь в избавлении от различных заболеваний и т.д. Считалось, что молитвы у могил азизов быстрее и благосклоннее принимаются Аллахом... В своей основе, данные представления противоречили ортодоксальной доктрине единобожия в исламе. По мнению известного востоковеда И. Гольдциера, культ святых стал удобным каналом для проникновения в ислам пережитков более древних языческих верований. В Крыму данное явление просуществовало вплоть до середины XX века.

резиденцией Калги-султана, главнейшего сановника в царстве, и местопребыванием беев и мурз. По преданиям, дошедшим до нашего времени, этот город расположен был на пространстве от нынешнего Старого собора до Цыганской улицы, идущей от базарной площади на востоке. Отсюда он поднимался на возвышенность и спускался к местности, занимаемой ныне пивоварнею. На с.-в. и ю.-з. сторонах его, где ныне казармы и прочие постройки, а также образовавшаяся ныне цыганская улица, существовали кладбища. На одном из них, именно прилегающем к Салгиру, преимущественно хоронились лица знатного происхождения, обитавшие по соседству с Калги-султаном, проживавшим в сарае, на месте, занимаемом ныне пивоварнею. Кладбища эти давно уже перерыты и на местах их воздвигнуты постройки, но следы их еще сохранились в некоторых местах на протяжении цыганской улицы. На северо-восточной же части города до настоящего времени остается нетронутой одна могила, где покоится, по убеждению мусульман, святой человек под именем *азис-Салгир-баба*, т. е. отец Салгира» [9, с. 38–40].

В данном фрагменте обращают внимание, в частности, два момента. Так, автор пишет, что на кладбище «преимущественно хоронились лица знатного происхождения, обитавшие по соседству с Калги-султаном, проживавшим в сарае». Можно предположить, что на кладбище могли находиться могилы людей, имевших отношение и к самому дворцу: как известно, в должности калгаев пребывало 79 представителей правившей фамилии Гераев, достаточно обширен был и штат

двора калга-султана, в значительной степени копировавший штат ханского двора в Бахчисарае.

Помимо этого, В. Х. Кондараки отмечает: «Кладбища эти давно уже перерыты, и на местах их воздвигнуты постройки». К этому замечанию можно добавить то, что работы по застройке территории бывшего кладбища продолжались и в последующие годы. Причем в процессе этих работ на окраине мусульманского кладбища были обнаружены и христианские захоронения более позднего периода. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы отчета «Третьей экскурсии Симферопольской мужской гимназии», увидевшие свет в 1890 году. В одной из глав указанного отчета, посвященной истории города, ее автор Г. И. Тимошевский отмечал:

«Северная часть горы, обращенная к Салгиру, и долина по Салгиру, т. е. от военного госпиталя до губернского правления, было кладбище. При постройке домов Черевко, Фурсенко, Базова и др., а также при рытье ямы для фундамента памятника Екатерине Великой (*установлен в 1890 г. – Н. А.*) и при расчистке сада вокруг на бульваре везде отрывали скелеты; там же, где русская гостиница, прежние владельцы Канивецкие нашли в гробницах архиерейскую оловянную панагию XVIII в. и булаву. Есть предположение, судя по надписи, что панагия была хор-епископа (викарному) Григория, – следовательно, на этом конце было кладбище православное» [12, с. 46].

Как следует из этого отрывка, старинное крымскотатарское кладбище вдоль левого берега реки Салгир простиралось от дворца

Фрагмент плана г. Симферополя за 1914 г. Источник: Крым: Путеводитель / под ред. К. Ю. Бумбера, Л. С. Вагина, Н. Н. Клетникова, В. В. Соколова. – Симферополь, 1914. – 688 с.

г. Симферополь, ул. Воронцовская (с 1924 г. – Воровского).
Открытка нач. XX в.

калга-султана до здания бывшей городской управы – ныне железнодорожного техникума на ул. Р. Люксембург/Александра Невского (одной из наиболее ранних построек российского периода). Таким образом, территорией кладбища следует признать земли вдоль нынешней ул. Воровского (от бывшего дворца калга-султана), значительную часть территории городского парка и кинотеатра «Симферополь», а также территории, примыкавшие к бывшей городской бане на ул. Кирова и гостинице «Украина».

Судя по всему, кладбище прекратило су-

г. Симферополь, ул. Воровского, 11. Азиз Салгир-Баба. 2014 г.

ществование в первой половине XIX века. Единственным его фрагментом, сохранившимся вплоть до настоящего времени (впрочем, без наземных сооружений) считается небольшой участок домовладения по адресу ул. Воровского, 7, упомянутый выше.

В завершение необходимо отметить, что несмотря на очевидную ценность любых сведений, касающихся истории наиболее раннего из известных мусульманских кладбищ города, никаких археологических исследований на его территории

не проводилось, неизвестно о существовании и каких-либо материалов специальных историографических исследований по данной теме.

Азиз Салгир-Баба. На территории нынешнего Симферополя в свое время располагалось около десяти мест, главным образом могил, которые крымскими татарами воспринимались как места захоронения праведников – т. н. «азизы». Среди них наибольшей известностью пользовался азиз Салгир-Баба.

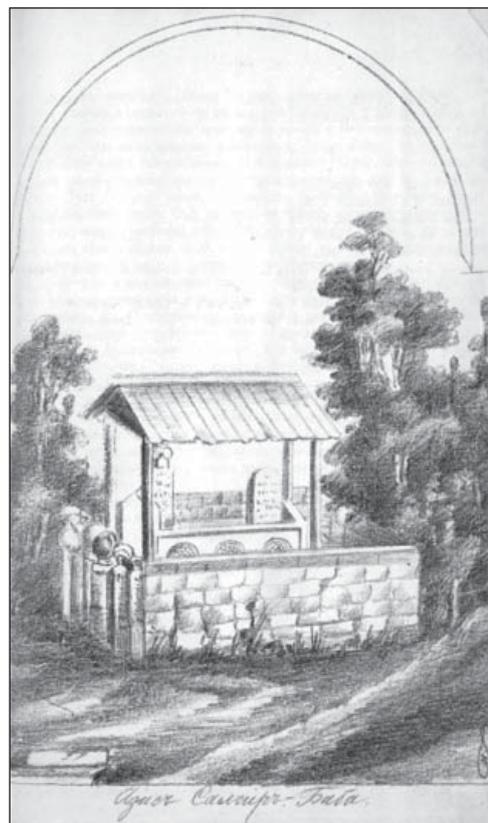
Указанное место, как правило, обращало на себя внимание различных путешественников и исследователей истории города. Так, в вышеупомянутом «Универсальном описании Крыма» В. Х. Кондаки отмечает: «Могила эта (Салгир-Баба. – Н. А.) ограждена со всех сторон высокою каменною стеною и покрыта зеленым досчатым навесом. При нем постоянно находится афуз (здесь: смотритель могилы. – Н. А.) <...>. Мне как-то случайно пришлось зайти во дворик, где находилась могила знаменитого азиса-Салгир-баба. Прежде всего, я заметил налево от входа множество человеческих голов,

рук, ног и проч. На вопрос мой афуз объяснил, что эти кости собраны его предместниками при постройке соседних домов, когда строители, разрывая землю для фундаментов, выбрасывали их безо всякого внимания; <...>.

О том, каким образом прославился в народе Салгир-баба и кто он такой, я получил от афуза следующее объяснение: «Салгир-баба ведет начало от могущественных шейхов, прибывших в Крым в древние времена. Этот благочестивый мусульманин, по воле всемилостивейшего пейгамбера (пророка) жил в Акмечети в качестве экима (лекаря), врачующего страждущих различными болезнями, отчитывая их священными молитвами. Все зарабатываемые деньги он раздавал неимущим жителям, обитающим на протяжении Салгира, по которому он совершал свое постоянное путешествие, вследствие чего и прозван был в народе отцом Салгира. Слава его была велика. Не раз ханы посылали за ним богато убранных лошадей и исцелялись от болезней молитвами этого человека. Наконец, предание говорит, что, когда гяуры напали на Акмечеть, Салгир-баба, не трогаясь с места, молился Богу; в это время один из разбойников лишил его жизни. Так же точно гяуры поступили и с Мелек-султан, дочерью знаменитого бея, выбежавшей из города при слухе об их нашествии; <...> Пятьдесят лет спустя после этого кровавого нашествия гяуров на нашу страну Аллах милостивый <...> открыл правоверным могилы невинно павших на войне Салгир-бабы и Мелек-султан. Первый из них похоронен здесь, – сказал афуз, указывая мне на серую каменную плиту; а последняя – за городом, по перекопскому тракту, недалеко от деревни Кият» [9, с. 38–40].

Описание азиза присутствует и отчете Третьей учебной экскурсии Симферопольской мужской гимназии, также упоминавшемся выше. Согласно ему, место захоронения Салгир-Баба на момент экскурсии (1889 г.) выглядело следующим образом: «Это небольшой дворик на Воронцовской улице, саженей пять в длину и три в ширину, закрытый со стороны улицы высокой каменной стеной; небольшая дверь, которая ведет в этот двор с улицы, почти незаметна. Посредине дворика – гробница татарского святого Салгир-Баба, прикрытая плитой из известняка с арабской надписью. Над ней деревянный навес; кругом – кусты сирени <...>» [12, с. 65–66].

В этом же отчете (в «сообщении» Х. А. Монастырлы) присутствует указание на то, что могила была обустро-

Азиз Салгир-Баба. Рисунок А. Архипова. Из книги «Отчет Третьей учебной экскурсии Симферопольской мужской гимназии». Симферополь. 1890 г.

ена «боголюбивым шейхом Ассаном в 1257 (1841 г.)» [там же, с. 66–67]. Добавим, что к отчету Третьей экскурсии прилагался и рисунок могилы Салгир-Баба, являющийся на сегодня единственным известным ее изображением.

Об азизе Салгир-Баба имеются упоминания и в многочисленных поздних источниках, однако они большей частью уже вторичны и практически не несут в себе новой информации. Так, известный крымский краевед П. В. Никольский в брошюре «Симферополь и его окрестности», опубликованной в Симферополе в 1923 г., говоря о древней мечети (Кебир-Джами) и кладбище на берегу Салгира, касаясь могилы Салгир-Баба, лишь передает (в сокращении) вышеупо-

мянутое предание В. Х. Кондараки. Впрочем, в этом описании обращают внимание личные наблюдения П. В. Никольского о «полузабытой» к тому времени могиле [11, с. 7–8].

Тот же материал В. Х. Кондараки, но в более подробном изложении, был использован и А. И. Маркевичем в годом позже опубликованной книге «Симферополь. Его исторические судьбы, старина и недавнее прошлое» [10, с. 18–19].

Помимо вышеприведенных преданий и свидетельств краеведов, в настоящее время в распоряжении исследователей имеется и целый ряд архивных документов, связанных с историей функционирования азиза вплоть до его «ликвидации» в 1940 году.

Наиболее ранние из этих документов датируются 7 февраля 1841 г., когда жителем Симферополя, «духовного звания» шейхом Хаджи Абдулькеримом было подано прошение на имя Таврического гражданского губернатора М. М. Муромцева, следующего содержания: «Желая из собственного имущества моего употребить часть денег на сооружение памятника под мрамор Святого Салгир-Бабы по прилагаемому при сем моем прошении рисунку, покорнейше прошу Ваше Превосходительство приказать кому следует отвести мне на том месте, где теперь устроен памятник, сделанный весьма просто и непрочен, земли под упомянутый мною вновь предполагаемый памятник пятнадцать сажени в длину и ширину; хотя на прилагаемом мною рисунке места требуется меньше, но я намерен завести там маленький садик, что будет прилично при памятнике и украсит то место» [2].

Данное прошение было рассмотрено на заседании Таврической губернской строительной комиссии, после чего было передано Губернскому правлению. 24 марта 1841 г. правление постановило: «Место, на котором погребен угодник магометанский Салгир-Баба, состоит в городе Симферополе за городским садом и новым фонтаном по правую руку от шоссе и огорожено простою стеной и, как из дела видно, отведено коллежской асессорше Костенской, потому во уважение к богоугодному по религии магометанской

делу Губернское правление полагает отвести Керим Шейху для сооружения памятника нужное количество земли, а что касается до места для разведения на оном небольшого садика, то предоставить ему попросить на сие <...> /неразборчиво/ согласия госпожи Костенской <...>» [3, л. 135].

24 апреля того же года последовало заключение о командировании чиновника к губернскому архитектору М. Григорьеву с указанием отвести землю под памятник, из которого следует, что отвод площади, вероятно, состоялся. Это подтверждает и справка Таврического губернского архитектора, направленная в Симферопольскую городскую думу 24 мая 1841 г., об отведении Хаджи Абдул-Керим Шейху места «в длину и ширину по 4 сажени, всего в площади 16 квадр. сажени» [там же, л. 139].

После установления в Крыму Советской власти посещение могилы Салгир-Баба некоторое время не запрещалось. В 1926 г., при проведении муниципализации строений в г. Симферополе участок дома № 7 на ул. Воровского (где, собственно, и находился азиз) был определен как вакуф, однако указание, какому мусульманскому обществу он принадлежал, отсутствовало. В порядке ст. 68 ГК на основании циркуляра НКЮ и НКВД № 104/54 от 12 августа 1926 г. участок был муниципализирован [4].

3 августа 1936 г. Симферопольский горсовет выступил с ходатайством о ликвидации азиза. 7 марта 1937 г. исполняющий обязанности секретаря ЦИК Крымской АССР тов. Монатов перед ликвидацией памятника предложил провести ряд подготовительных мероприятий разъяснительного характера [6]. Данные мероприятия продолжались на протяжении еще трех лет. 9 мая 1940 г. ответственным секретарем исполкома Каплуном были направлены уполномоченному Комитета по делам искусств при СНК Крымской АССР тов. Камилеву переводы текстов на надгробных памятниках, обнаруженных на территории азиза (см. ниже). 15 мая, после рассмотрения представленных текстов, было вынесено следующее решение:

«В Симферопольский горсовет. <...>.

Надгробный памятник «Салгир-Баба» представляет собой незначительную историческую ценность (наиболее достоверные даты 1257–1260 гг. по Хиджре).

Ликвидация этого памятника может быть допущена, но при соблюдении следующих правил:

1. Научное изучение и фиксация (фотографирование, обмер и описание памятника).

2. Работы должны производиться под наблюдением специалистов (искусствоведа и археолога). Учитывая, что гробница некогда была местом поклонения части татарского населения, необходима точная фиксация содержимого гробниц и состояния погребенных.

3. Работа по фиксации производится за счет организации, использующей ликвидацию памятника (застройщик и т. д.).

4. Все находки, в том числе обычно встречающиеся в южной части мусульманских погребений, передаются в Музей Крымской АССР.

5. Ликвидация памятника оформляется постановлением Верховного Совета СНК [7, л. 51].

21 сентября 1940 года Симферопольский горсовет рассмотрел вопрос «О закрытии надгробного памятника «Салгир-Баба»». Было принято решение о ликвидации азиза; еще через неделю, 28 сентября 1940 г., данное решение было утверждено Распорядительным совещанием председателя Совнаркома Крымской АССР [5].

Официальная часть дела была завершена. Относительно же практических шагов по реализации принятых решений ни архивных документов, ни какой-либо информации другого рода до настоящего времени не обнаружено.

Между тем, через девять месяцев началась Великая Отечественная война. В годы же оккупации все решения, принятые ранее относительно азиза, потеряли силу, и он вновь был открыт для посещения.

Азиз был окончательно «ликвидирован» после депортации крымских татар в 1944 г.

В послевоенные годы данный участок входил во владение на ул. Воровского, 11, а с 1966 г. вновь был отнесен к домовладению под № 7.

После возвращения крымских татар из мест высылки, в 2003–2004 гг. мусульманская община Симферополя ходатайствовала перед администрацией города о выделении земли вокруг могилы Салгир-Баба. Первоначальный проект восстановления азиза предполагал строительство целого туристического комплекса. Однако для реализации этого проекта нужно было за счет заказчика снести несколько уже приватизированных строений, что оказалось невозможным. В результате инвесторы ограничились лишь одним участком на ул. Воровского, 17, где к тому времени уже был построен ресторан «Мараканд». Одновременно в течение нескольких лет продолжалось судебное разбирательство, касавшееся границ азиза. Наконец в августе 2013 г. сессия Симферопольского горсовета дала разрешение на разработку проекта землеустройства отвода в постоянное пользование участка площадью 0,01 га «для строительства и обслуживания культового здания».

Несмотря на данное решение, участок до настоящего времени продолжает оставаться неблагоустроенным в силу ряда юридических причин.

В завершение описания истории функционирования азиза Салгир-Баба предлагаются тексты надгробных памятников, перевод которых был осуществлен в конце 1930-х годов, а также некоторые комментарии к ним. Данные сведения могут иметь отношение как непосредственно к азизу, так и другим захоронениям существовавшего на данной территории старинного мусульманского кладбища.

Итак, в архивных материалах, упомянутых выше, присутствовали следующие тексты:

«1. Хозяин ремонта (гробницы) Хаджи Шейх Абдуль-Керим Заде Хасан шейх сын Ибраима. Год. 1026 по Хиджре. 1617.

2. Почтим память покойного Салгир-Баба сына Абдуллы чтением молитвы Фатиха. Год 1260 по Хиджре. (1844 г. – Н. А.).

3. Хозяин здания и хозяин благотворительности

Постоянно льются слезы из глаз

Эль-Хаджи Шейх Заде Хасан Шейх в одиннадцатилетнем возрасте построил камень /гробницу/ святого Салгир-Баба.

4. Почтим покойного и прощенного /Богом/ Сеит Абаз сына Сеит Мехмед чтением молитвы Фатиха. Год 1257 по Хиджре. (1841/42 г. – Н. А.).

5. Почтим память покойного и прощенного /Богом/ Салгир-Бабы чтением молитвы Фатиха. Год ремонта 1258 по Хиджре. (1842/43 г. – Н. А.).

6. Почтим память покойного и прощенного /Богом/ Эль-хаджи Шейха сына Ибраима чтением молитвы Фатиха. Год 12<...>.

7. Погибла как нераспустившаяся роза,

Даже соловей плачет горькими слезами о моей гибели.

Ушла я из мира, не достигши своей цели.

Пусть наши души будут радостны, а жилище наше раем.

Почтим память покойницы Шерифе Хаввы-ханым дочери имам Заде Сеит Хаджи Хасан Али. Год 1227 по Хиджре» (1812 г. – Н. А.) [7, л. 147].

Проанализировав содержание этих надписей, можно сделать следующие выводы. Во-первых, в первой надписи, судя по всему, присутствует опечатка: вместо 1260 года дан 1026-й (и его соответствие по григорианскому календарю: 1617). 1260 г. по Хиджре соответствует 1844 г., что совпадает с годами проведения обустройства могилы с участием Шейха Абдулькерима, упомянутого в этой же надписи.

Во-вторых, судя по содержанию надписи № 2, в ней присутствует указание на то, что Салгир-Баба был сыном Абдуллы. Однако словосочетание «Салгир-Баба» довольно трудно признать именем собственным. Таким образом, общий смысл фразы остается неясным.

В-третьих, несмотря на то что вся процедура подготовки к обустройству места, согласно архивным материалам, осуществлялась стараниями Шейха Абдулькерима, «хозяином ремонта» могилы объявляется его сын – одиннадцатилетний Шейх Хасан. Указание на это проходит в двух надписях, в

№ 1 и 3: словосочетания «Хаджи Шейх Абдуль-Керим заде» и «эль-Хаджи Шейх Заде» достаточно четко указывают на характер родственной связи. При этом вызывает интерес словосочетание «сын Ибраима» в надписи № 1: поскольку это не может относиться к Хасану, то надо полагать, Ибраим – это имя отца шейха Абдулькерима. В таком случае с этой надписью может быть связана и надпись № 6 (с несохранившейся полностью датой) – она может быть надмогильной надписью над прахом самого Шейха Абдулькерима.

К слову, указание на благоустройство могилы от имени малолетнего Шейха Хасана (Асана) совпадает со сведениями, приводимыми Х. А. Монастырлы: «Гробница этого азиса устроена «боголюбивым шейхом Асаном в 1257» (1841 г.)».

Таким образом, подтверждаются имена строителей могилы Салгир-Баба – шейха Хаджи Абдулькерима и его сына шейха Хасана (Асана).

В-четвертых, относительно времени обустройства азиса присутствуют три даты: год 1257-й (1841/42 г.) – указан у Х. А. Монастырлы, 1258-й (1842/43 г.) – присутствует в надписи № 5, 1260-й (1844 г.) – присутствует в надписи № 1. Согласно архивным материалам, приведенным выше, подготовительные документы оформлялись в первой половине 1841 г. Таким образом, можно предположить, что ремонт начат был сразу же и продолжался до 1844 г.

Наконец, комментарий, касающийся надписей № 4 и 7. Надмогильные камни с данными надписями могли принадлежать ближайшим родственникам строителей азиса. Впрочем, эти надписи могли относиться и к надмогильным камням с соседних участков исчезнувшего кладбища.

В заключение отметим, что судьба всех вышеупомянутых надмогильных камней в настоящее время остается неизвестной.

Источник «Азиз сув» («Азиз чешме»). В преданиях об азисе Салгир-Баба, как правило, фигурирует один из городских источников, известный ныне как «Фонтан Савопуло». Располагается он в непосредственной

близости от азиза – на территории Центрального парка культуры и отдыха Симферополя и в настоящее время является одной из достопримечательностей города. Крымские татары (и не только) называли этот источник «Азиз сув» или «Азиз чешме», что переводится как «святая (целебная) вода», «святой (целебный) источник». По преданиям, в том числе упомянутым выше, после посещения азиза Салгир-Баба паломники стремились именно к этому источнику, чтобы омыться его целительной водой (распространенный элемент практики посещения подобных мест). Х. А. Монастырлы в отчете Третьей учебной экскурсии Симферопольской мужской гимназии указывал на очевидную древность этого источника: «... родник, очевидно, существует с давних времен») [12, с. 66–67].

Свое нынешнее название – «Фонтан Савопуло» – источник приобрел после того, как, опять же по преданию, его водой в 1857 г. исцелился слепой грек Апостол Савопуло. После чудесного выздоровления Савопуло облагородил родник, соорудив фонтан с резным карнизом и надписью на известняковой плите: «Сей фонтан был сооружен греком Апо-

г. Симферополь. Центральный парк культуры и отдыха. Целебный источник «Азиз сув» («Азиз чешме»), или Фонтан Савопуло.

столом Савопуло в 1857 году». До революции 1917 г. фонтан дважды, в 1881 и 1906 гг., реставрировался. В последующем он был почти разрушен и лишь в 1994 г. вновь отреставрирован. Современный вид фонтан приобрел 5 октября 2007 года.

Список использованных источников и литературы

1. **Абдульвапов Н. Р., Ефимов А. В., Гуменюк Л. Н.** История Симферопольского азиза Салгир-Баба // КЛИО. – 1995. – № 1/4. – С. 20–22.
2. ГАРК, ф. 27, оп. 13, д. 481, л. 22.
3. ГАРК, ф. 183, оп. 1, д. 116, л. 135, 139.
4. ГАРК, ф. Р-114, оп. 2, д. 338.
5. ГАРК, ф. Р-625, оп. 15, д. 198.
6. ГАРК, ф. Р-663, оп. 18, д. 37, л. 179.
7. ГАРК, ф. Р-3076, оп. 1, д. 25, л. 51, 147.
8. **Дюбуа де Монпере, Фредерик.** Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. *В 6 томах. – Париж, 1843. Т. 5, 6.* – Симферополь: Бизнес-Информ, 2009. – 328 с., цв. вкл.
9. **Кондараки В. Х.** Универсальное описание Крыма. Ч. 14. – СПб., 1875.
10. **Маркевич А. И.** Симферополь: его исторические судьбы, старина и недавнее прошлое. – Симферополь, 1924. – 115 с.
11. **Никольский П. В.** Симферополь и его окрестности. – Симферополь, 1923. – 48 с.
12. **Третья** учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Симферополь: Отчет, составленный по поручению педагогического совета Ф. Лашковым. Приложения рисовал А. Архипов. – Симферополь, 1890. – 137 с.

Н. Абдульвапов

ТЕРРИТОРИЯ БЫВШИХ «СТАРОГО» И «НОВОГО» КРЫМСКОТАТАРСКИХ КЛАДБИЩ

*пересечение улиц Футболистов, Крылова, Курцовской,
Жидкова, Козлова и Училищной*

Так называемые «старое» и «новое» татарские кладбища были главными городскими мусульманскими кладбищами Симферополя в преддепортационный период. Они располагались в юго-западной части Старого города и занимали территорию, ограниченную с северной стороны улицей Татарской (ныне ул. Футболистов), восточной – Кладбищенской (позже Субхи, ныне Крылова) и Курцовской, южной – Выгонной (ныне Жидкова), западной – Ново-Садовой (ныне Козлова) и Училищной. Границей между обоими кладбищами служила улица Армейская (ныне Красноармейская).

Территория использовалась под кладбище по меньшей мере с первой половины XIX до середины XX вв. Указания на это присутствуют практически на всех картах и планах горо-

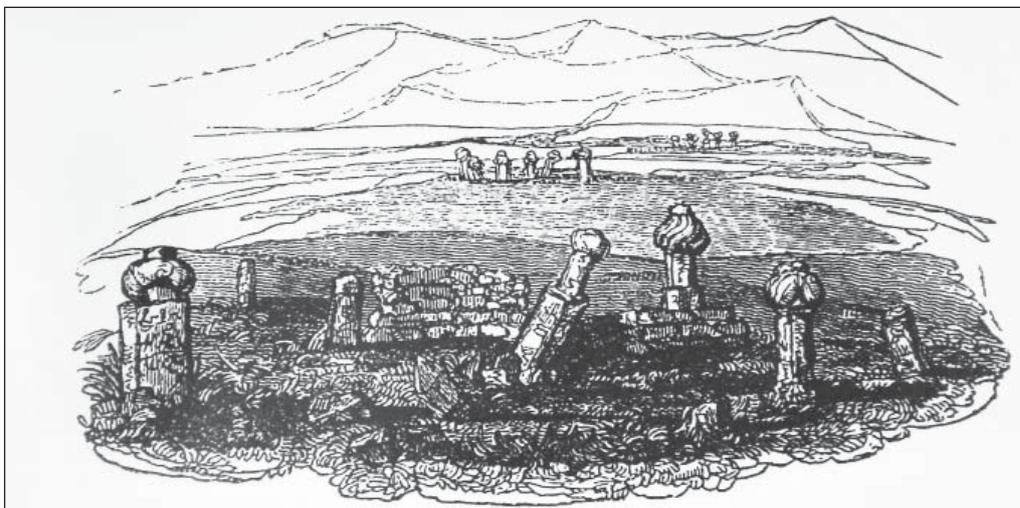
да этого периода, в краеведческой литературе и многочисленных воспоминаниях симферопольцев и гостей города.

Кладбища, занимавшие весьма значительную территорию, были ликвидированы в послевоенный период, их уничтожение стало одним из последствий депортации крымских татар с исторической родины. Какие-либо научные исследования на территории кладбищ не проводились.

Наиболее раннее упоминание о некоем старинном кладбище на окраине города Симферополя встречается в книге «Путешествие через Крым, Турцию и Египет...» английского путешественника, юриста и искусствоведа Джеймса Уэбстера (1802–1828), посетившего Крым в 1827 г. и оставившего ценные описания, в том числе и древностей города

План г. Симферополя. 1845 г. Из коллекции Российской национальной библиотеки (СПб). В верхнем левом углу (на самой окраине города) указано «татарское кладбище».

Татарское (в оригинале – «турецкое») кладбище в Симферополе. Гравюра Дж. Кларка с рисунка У. Ньюема. 1830 г. Из книги «Крымские путешествия: Джеймс Уэбстер и его вояж по Крыму в 1827 г.». Симферополь, 2016.

Симферополя-Акмесджита. Вот фрагмент этих описаний, касающийся вышеуказанного мусульманского кладбища:

«Симферополь, называемый татарами Ак-Мечеть, лежит в прекрасной долине возле цепи гор Южного побережья Крыма, на маленькой речке, называемой Салгир. Город состоит из двух частей – той, что была возведена русскими после их завоевания Крыма, и той, что осталась от старинного города татар. <...> Здесь построены новая церковь и несколько небольших мечетей с башнями. **В конце города виднеется кладбище с множеством памятников и могил на древних курганах (выделено нами. – Н. А.)**» [11, с. 106].

В книге Дж. Уэбстера присутствует и гравюра с изображением описанного кладбища. Данное изображение интересно тем, что надгробные памятники на ней выглядят довольно ветхими, что позволяет предположить, что кладбище было достаточно старым, возможно, даже относилось ко временам Крымского ханства.

Подтверждением сведений, приводимых в книге Дж. Уэбстера, может служить один из планов города Симферополя, датированный 1845 г. и ныне хранящийся в фондах Российской Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. В верхнем левом углу плана, на самой окраине города здесь отмечено расположение «татарского кладбища» (см.).

Следующее описание кладбища датировано 1870-ми годами и принадлежит известно-

му краеведу В. Х. Кондараки. В своем «Универсальном описании Крыма» автор отмечает наличие двух старинных татарских городских кладбищ – в северо-восточной и юго-западной частях Симферополя. При этом одно из них, располагавшееся вдоль Салгира, от дворца Калга-султана, на момент описания Кондараки уже не существовало (за исключением небольшого фрагмента – «святой могилы» или «азиза» Салгир-Баба, см. соответствующую статью данного «Свода»), а от второго лишь «сохранились следы». Вот соответствующий фрагмент указанного описания:

«На северо-восточной и юго-западной сторонах его (*Старого города. – Н. А.*), где ныне казармы и прочие постройки, а также образовавшаяся ныне цыганская улица, существовали кладбища. <...> Кладбища эти **давно уже перерыты (выделено нами. – Н. А.)** и на местах их воздвигнуты постройки, но следы их еще сохранились на некоторых местах на протяжении **цыганской улицы**» [10, с. 38].

На основании этого описания можно сделать следующие предположения относительно интересующего нас кладбища в юго-западной части города. Во-первых, «задолго» до времени описания кладбище уже располагалось вдоль нынешних улиц Нижнегоспитальной и Красноармейской – от телевышки (ул. Крымская – место прежнего расположения казарм) до улиц Крылова и Училищной.

План г. Симферополя. Кон. XIX – нач. XX в. В нижнем левом углу – «старое» и «новое» татарские кладбища.

Как известно, квартал, примыкающий к нынешней ул. Крылова, действительно назывался Цыганской слободкой, до 1948 г. здесь существовал и Цыганский переулок (ныне пер. Днепропетровский).

Во-вторых, некоторыми «следами» кладбища вдоль «цыганской» улицы могли быть, судя по всему, фрагменты будущего «старого» кладбища, располагавшегося, как было указано выше, между улицами Татарской (ныне ул. Футболистов) и Армейской (ныне ул. Красноармейская).

В таком случае логично также предположить, что эти «фрагменты» на протяжении последней четверти XIX в. – начала XX в. могли быть основательно «заполнены», что привело к необходимости расширения кладбища – на этот раз в южном направлении, в противоположную сторону от центра города – выше от улицы Красноармейской. В итоге образовалось т. н. «новое» татарское кладбище.

В Крымском государственном архиве присутствуют некоторые документы, касающиеся данных мусульманских кладбищ Симферополя. Согласно одному из документов, в 1913 г. женой известного крымскотатарского мурзы и мецената, полковника И. Муфти-заде – Саиде Муфти-заде (Болатуковой) было направлено в адрес строительного отделения Таврического губернского правления проше-

ние с просьбой разрешить ей построить определенное строение по Вакуфному переулку:

«Желая построить на свои средства одноэтажный дом для совершения обрядностей, при погребении умерших на старом кладбище гор. Симферополя по Вакуфному переулку с квартирами смотрителю, сторожу и помещением мектебе детям этого района, представляю при сем план постройки с копией. Прошу господ – членов Строительного отделения – рассмотреть таковое. Гор. Симферополь, сентября 9 дня 1913 г.» [2].

Судя по прилагаемому плану, сохранившемуся в деле, речь шла о месте, где нынешняя улица Генерала Еременко выходит на улицу Красноармейскую. Чиновниками строительного отделения проект С. Муфти-заде был одобрен, решение было положительным:

«... к устройству означенного дома препятствий не встречается. Проект, признанный в техническом отношении удовлетворительным, одобрить» [там же].

Судьба данного проекта в настоящее время остается неизвестной. Судя по всему, он не был реализован, возможно – по причине начавшейся Первой мировой войны.

Еще один архивный документ «Об уступке полосы улицы для татарского кладбища в гор. Симферополе», датированный уже 1915

годом, также касается Саиде Муфти-заде. Согласно ему, Саиде-ханым ходатайствовала перед Симферопольской городской управой вернуться к рассмотрению указанного в названии документа вопроса, поднятого в свое время Таврическим магометанским духовным правлением и отклоненного городской управой. Как явствует из документа, на испрашиваемой полосе улицы, которую предполагалось присоединить к кладбищу, должны были найти вечный покой нижние чины Крымского конного полка [там же].

Надо отметить, что внимание Саиде Муфти-заде к служащим Конного полка было не случайным. Как известно, полк был под ее особым патронатом [14, с. 260–261]. Помимо этого, офицером этого известного в Крыму воинского формирования был в свое время и сам полковник И. Муфти-заде.

К сожалению, судьба и этого проекта остается неизвестной.

Помимо архивных материалов, упоминания о симферопольских «старом» и «новом» татарских кладбищах встречаются и в довоенной крымскотатарской прессе – в основном в связи с теми или иными траурными церемониями, имевшими место в те годы. Также они присутствуют и в многочисленных воспоминаниях представителей крымскотатарской интеллигенции прошедшего века, в частности, у Дж. Дагджи, П. Кадри-

заде, Р. Аппазова, О. Османова, Я. Бекирова и др. Обращает внимание, что из указанных авторов первые четверо учились в Крымскотатарской образцовой школе-интернате № 12, располагавшейся по адресу ул. Субхи, 60, – непосредственно напротив «старого» кладбища.

Согласно этим воспоминаниям, кладбища были окружены стеной в рост человека и были весьма заполнены могилами. По воспоминаниям профессора Р. Аппазова, при входе на кладбище со стороны ул. Субхи располагалась сторожка-мастерская, в которой работал его дядя – Халил, наносивший (гравировавший?) тексты на надгробные камни (и одновременно работавший в вышеуказанной школе-интернате) [3, с. 26–30]. Весьма интересны и воспоминания выдающегося писателя Дж. Дагджи. Согласно им, он любил подолгу бродить среди могил, – впоследствии мотив «кладбища на ул. Субхи» займет очень важное место в его романе «Письма к матери» [15, с. 47].

Списки людей, похороненных на «старом» и «новом» мусульманских кладбищах г. Симферополя, остаются неизвестными. Можно лишь с определенной уверенностью предположить, что здесь нашел покой весь цвет крымскотатарской и, шире, мусульманской элиты города: дворяне (мурзы), интеллигенция, представители

«Старое» и «новое» крымскотатарские кладбища (выделяются темным цветом) на немецком аэрофотоснимке 1941 г. (см. <http://www.simfion.ru/drag/aerosimf.htm>)

Мусульманские надмогильные памятники искусной работы, предположительно, со «старого» крымскотатарского кладбища (были использованы при строительстве стены в одном из дворов по ул. Крылова № 60), расположенного напротив бывшего кладбища).

духовенства и деловых кругов, а также, разумеется, люди более низших сословий. Из персоналий же, чьим последним приютом однозначно явились данные кладбища, можно отметить вышеупомянутого полковника Исмаила Муфти-заде (1841–1917, был похоронен на «старом» кладбище, его супруга Саиде Муфти-заде, с большой до-

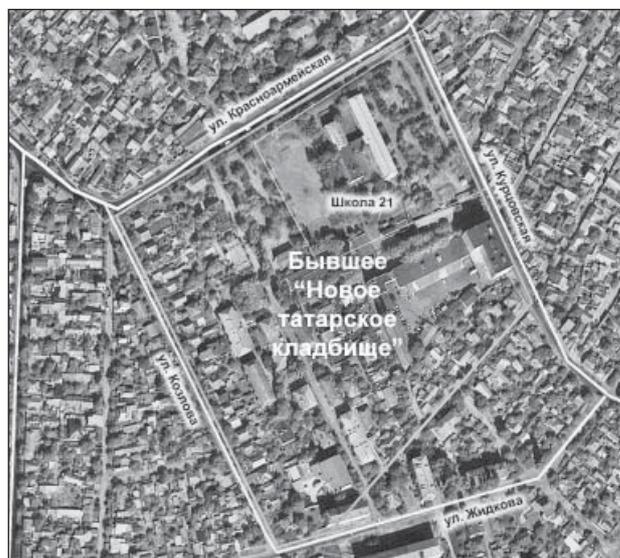

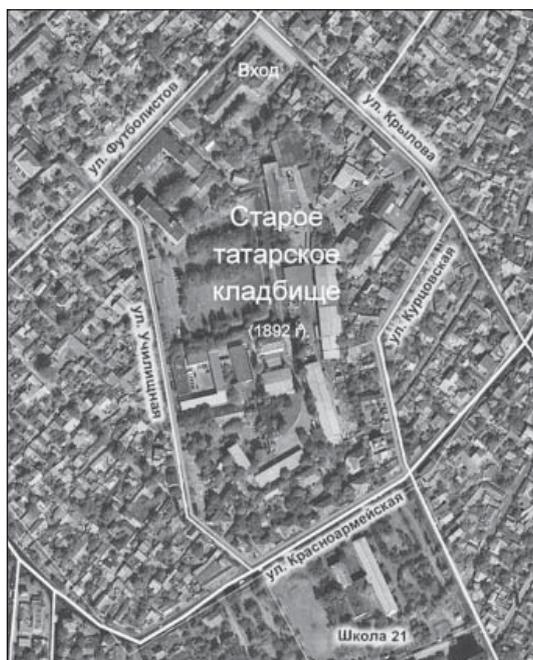
Территория бывшего «нового» крымскотатарского кладбища со спутника (справа). Симферопольская средняя школа № 21 (слева). (см: <http://www.simfion.ru/hist06.htm>).

лей вероятности, так же была похоронена здесь же), писателя и поэта, одного из сподвижников И. Гаспринского – Сейид-Абдуллу Озенбашлы (1867–1924), известную актрису Эмине Челебиеву (ум. 1927 г., была похоронена на «старом» кладбище), популярного актера Эмир-Амета Парикова (ум. в 1936 г.), известного поэта и переводчика Абдурамана Кадри-заде (1876–1938, был похоронен на «новом» кладбище).

Известно также, что на территории «нового» кладбища находились две могилы, получившие у крымских мусульман известность как «азизы» – святые: «Ваджипазиз» и «Джевад азизи» [1].

В послевоенный период, как было отмечено выше, оба кладбища были уничтожены, все могилы разорены. На месте кладбищ возник целый ряд учреждений. Так, на месте «старого» кладбища были построены здания детского сада, УВД, ОАО «Крымгаз», бань, автоцентра, ряд многоэтажных домов и др. На месте «нового» – средняя школа № 21 (с большим стадионом), еще один детский сад, база «Культорга» и частные дома [5; 6]. Указанные новые постройки хорошо заметны на спутниковых фотографиях, отчетливо выделяясь на фоне старой частной застройки города.

Территория бывшего «старого» крымскотатарского кладбища со спутника (слева). Детский сад № 66 «Барвинок» (справа) (см.: <http://www.simfion.ru/hist06.htm>).

Список использованных источников и литературы

1. Абдульвапов Н. Крымские азизы // Голос Крыма. – 2003. – 25 июля.
2. Аирчинская Р. Муфтий-заде и меценаты // Голос Крыма. – 1997. – 10 января.
3. Аппазов Р. Следы в сердце и в памяти. – Симферополь, 2001. – 415 с.
4. Бекиров Я. Незабываемые годы. – Симферополь, 2001. – 155 с.
5. Белов А. В. Бывшее «Старое татарское кладбище». – Режим доступа: <http://www.simfion.ru/hist06.htm>
6. Белов А. В. Бывшее «Новое татарское кладбище». – Режим доступа: <http://www.simfion.ru/hist07.htm>
7. Белов А. В. Симферополь с высоты птичьего полета вчера и сегодня. – Режим доступа: <http://www.simfion.ru/drag/aerosimf.htm>
8. ГАРК, ф. Р-3076, оп. 1, д. 25, л. 147.
9. Керимов И. А. Медений эснас: 1920–1938 гг. – Симферополь: Таврия, 1997. – 497 с.
10. Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. Ч. 14. – СПб., 1875.
11. Крымские путешествия: Джеймс Уэбстер и его вояж по Крыму в 1827 г. / вступ. статья Т. А. Прохоровой; пер. с англ., комм. Т. А. Прохоровой, О. Широкова; предисл. Э. Б. Петровой; под ред. Э. Б. Петровой. – Симферополь, 2016. – 224 с.
12. Османов О. Зынджырлы медресенинъ сонъки баш мудерриси. – Акъмесджит, 2004. – 79 с.
13. Поляков В. Е. Историческая эволюция городской топонимии Симферополя. – Симферополь: Сонат, 2001. – 224 с.
14. Сакович А. Крымские татары на военной службе Российской империи. – М., 2016. – 316 с.: илл.
15. Dağcı С. Hatıralarda Cengiz Dağcı: Yazarın Kendi Kaleminden. – İstanbul, 1998. – 271 s.
16. Kadrizade Р. Kırım–Romanya. İki Ülke: Yitik Vatan (Hatıralar, Şiirler, Tercümelere) / Naz. T. Ergen. – Ankara: Teknik Hazırlık, 2012. – 365 s.

Н. Абдульвапов

СОДЕРЖАНИЕ

О крымскотатарских историко-культурных памятниках Симферополя.....	3
Территория дворца калги-султана Крыма и мечети Менгли I Герая. ул. <i>Воровского</i> , 19–23.....	36
Соборная мечеть Кебир-Джами. ул. <i>Курчатова</i> , 4 – ул. <i>Володарского</i> , 3, литер «А»	60
Мечеть Ени-Джами ул. <i>Малофонтанная</i> , 1	67
Текие при мечети Ени-Джами. ул. <i>Малофонтанная</i> , 1.....	72
Мечеть Сейит-Халиль Челеби. пер. <i>Холмистый</i> , 7.....	77
Мечеть Хаджи Сейит-Нафе. пер. <i>Колодезный</i> , 3.....	80
Мечеть Сейит-Сеттар Челеби. ул. <i>Клары Цеткин</i> , 34	84
Мечеть «Чокурча джамиси». ул. <i>Луговая</i> , 44.....	90
Таврическое магометанское духовное правление. Временный крымско-мусульманский исполнительный комитет (1917 г.). Крымскотатарская директория (1917–1919). Редакции газет «Миллет» (1917–1920 гг.), «Крым», журнала «Янъы Чолпан». Татарский отдел Народного Комиссариата просвещения Крымской АССР (20-е гг. XX в.), Татарский клуб. Библиотека (20–30-е гг. XX в.). ул. <i>Чехова</i> , 20.....	92
Здание Крымского мусульманского благотворительного общества (Общество для пособия бедным мусульманам Крыма). ул. <i>Крылова</i> , 60	99
Здания Офицерского собрания и казармы Крымского конного полка. ул. <i>Калинина</i> , 6.....	104
Симферопольская мужская казенная гимназия (ныне Гимназия № 1 им. К. Д. Ушинского), в которой учились отец и сын Исмаил и Рефат Гаспринские. ул. <i>Карла Маркса</i> , 32	118
Симферопольская татарская учительская школа. Женское педучилище (Дарульмуаллимат) им. И. Гаспринского. Татарский фельдшерско-акушерский техникум. Девятилетняя образцово-показательная крымскотатарская школа (№ 13) ул. <i>Ефремова – Володарского</i> , 4/22.....	128
Симферопольская школа-рушдие (1905–1910, 1917–[?]). Медресе (1910[?]-1917[?]) ул. <i>Самокиша</i> , 8, литер «В».....	137
КрымЦИК и Совнарком Крымской АССР в первой половине 20-х гг. XX в. ул. <i>Ленина</i> , 15....	147
Наркомзем Крымской АССР. пер. <i>Совнаркомовский</i> , 3.....	156
Жилой дом Правительства Крымской АССР. ул. <i>Жуковского</i> , 5.....	164
Крымскотатарская образцовая школа-интернат № 12. ул. <i>Крылова</i> , 60.....	172
Крымскотатарская образцово-показательная школа № 13. ул. <i>Караимская</i> , 23а.....	179
Крымский татарский педагогический техникум. ул. <i>Киевская</i> , 75 / пр. <i>Победы</i> , 1.....	185
Татарский фельдшерско-акушерский техникум (позднее – Областной татарский медицинский политехникум). ул. <i>Володарского – Ефремова</i> , 4/22; ул. <i>Ленина</i> , 15	194
Крымский педагогический институт им. М. В. Фрунзе. Научно-исследовательский институт крымскотатарского языка и литературы. ул. <i>Ленина</i> , 17	201
Крымский медицинский институт. бул. <i>Ленина</i> , 5/7.....	219
Крымский сельскохозяйственный институт им. М. И. Калинина ул. <i>Киевская</i> , 75 / пр. <i>Победы</i> , 1	230

Крымский государственный татарский драматический театр. Крымский татарский театрално-музыкальный техникум. ул. <i>Пушкина, 15</i>	241
Крымский государственный татарский театр оперы и балета. ул. <i>Желябова, 17</i>	261
Дворец Труда, в котором в 1930–1936 гг. располагался Крымский областной радиокомитет. ул. <i>Гоголя, 14</i>	268
Крымское государственное издательство (Крымгиз). Редакции ряда крымскотатарских периодических изданий. ул. <i>Горького, 5</i>	280
Редакции ряда крымскотатарских периодических изданий периода Крымской АССР: газет «Янъы дюнъя» («Новый мир»), «Яш къувет» («Юная сила»), «Ильк адым» («Первый шаг») и журналов «Илери» («Вперед»), «Козьайдын» («Радостная весть»), «Тырнавуч» («Грабли»). ул. <i>Ленина, 11</i>	291
Редакции крымскотатарских изданий: Газеты «Янъы дюнъя» («Новый мир», с 1938 г. – «Къзыл Къырым» («Красный Крым»)) в 1933[?]-1941 гг. и апреле-мае 1944 г., Журнала «Къадынлыкъ социализм ёлунда» («Путь женщины к социализму», с 1936 г. – «Совет Къадынлыгъы» («Советская женщина»)) в 1932–1941 гг. ул. <i>Карла Маркса, 6</i>	298
Кинотеатр им. Субхи. ул. <i>Крылова, 37</i>	305
Железнодорожная станция «Симферополь», в паровозном депо которой работал выдающийся летчик, дважды Герой Советского Союза Амет-Хан Султан пл. <i>Привокзальная, 1</i>	309
Дом, в котором жили участники симферопольского подполья Мустафа и Фатъма Саранаевы (группа Абдуллы Дагджи). ул. <i>Воровского, 11</i>	314
Усадьба Исмаила Муфти-заде. ул. <i>Крылова, 37</i>	319
Усадьба Саид-бея Булгакова. ул. <i>Горького, 22 / ул. Желябова, 14</i>	328
Дом, в котором в 1924–1937 гг. жил выдающийся писатель и журналист, классик крымскотатарской литературы и известный общественно-политический деятель Асан Сабри Айвазов. ул. <i>Чехова, 25</i>	335
Дом, в котором в 1930-е гг. жил классик крымскотатарской литературы, поэт, литературовед и педагог Абдулла Лятиф-заде. ул. <i>Героев Аджимушкай, 5</i>	340
Дом, в котором в 1933–1941 гг. жил классик крымскотатарской литературы, поэт и литературовед Э. Шемьи-заде. ул. <i>Ленина, 1</i>	344
Дом, в котором жил выдающийся мастер-оружейник и художник-орнаменталист Амет Калафатов. ул. <i>Краснознаменная, 104, кв. 3</i>	348
Дом специалистов, в котором в 1930–1940-е гг. жил ряд выдающихся крымскотатарских государственных и культурных деятелей: поэты и писатели У. Ипчи, Ю. Болат, Ш. Алядин и М. Сулейман, композиторы А. Рефатов, И. Бахшиш, Я. Шерфединов, артисты С. и Н. Джетере, заместитель председателя Верховного суда Крымской АССР Г. Хайрединов и др. ул. <i>Жуковского, 20</i>	354
Симферопольский железнодорожный вокзал, с которого осуществлялась депортация крымских татар – жителей города и отдельных районов полуострова 18–20 мая 1944 г. пл. <i>Привокзальная, 1</i>	367
Братская могила в Комсомольском (Семинарском) сквере. <i>Пересечение улиц Героев Аджимушкай, Пушкина и Самокиша</i>	372
Территория бывшего старинного городского мусульманского кладбища вдоль левого берега реки Салгир. Азиз Салгир-Баба. Источник «Азиз сув»	376
Территория бывших «Старого» и «Нового» крымскотатарских кладбищ. <i>Пересечение улиц Футболистов, Крылова, Курцовской, Жидкова, Козлова и Училищной</i>	384

Научное издание

**СВОД ПАМЯТНИКОВ
ИСТОРИИ, АРХИТЕКТУРЫ
И КУЛЬТУРЫ
КРЫМСКИХ ТАТАР**

**Том III
г. Симферополь**

Корректор
В. Красиков

Подготовка оригинал-макета
М. А. Усеинов

Подписано в печать 19.07.2018. Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная 100 г/м². Печать офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 47,2.
Тираж 300 экз.

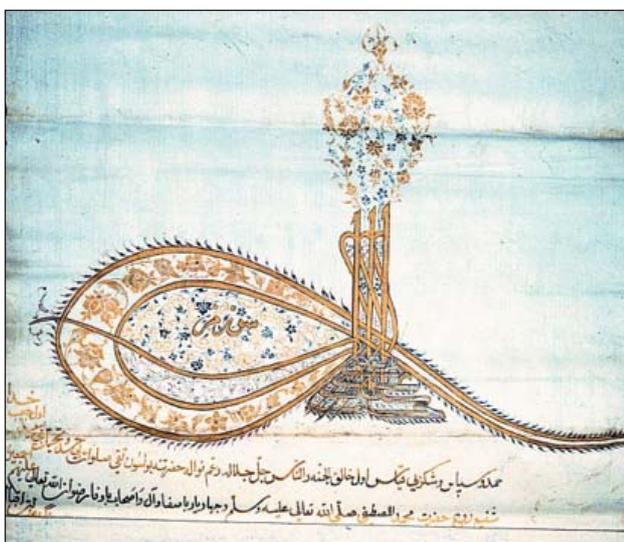
Отпечатано в типографии ООО «КОНСТАНТА»:
308519, Белгородская обл., Белгородский р-н,
пос. Северный, ул. Березовая, 1/12.
Тел./факс: (4722) 300-720, www.konstanta-print.ru

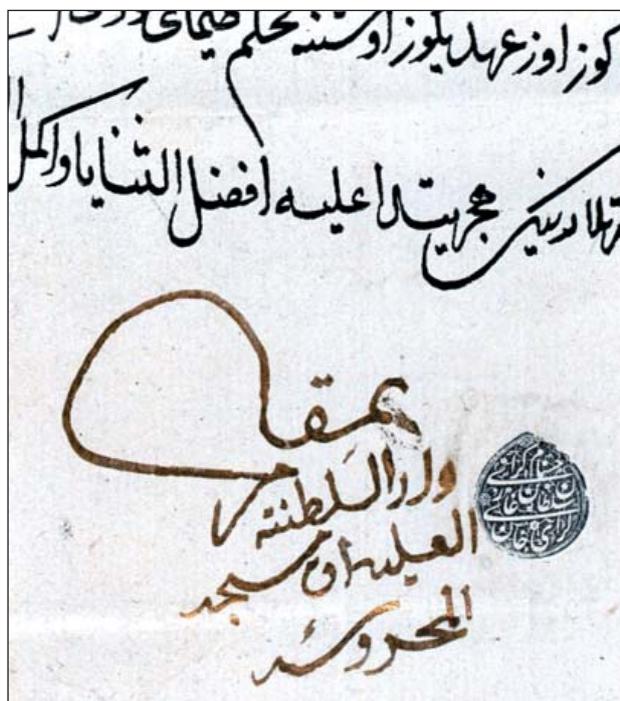
Крымский хан Менгли-Гирей I (в центре) в присутствии османского султана Баязида II во время похода на Молдавию в 1484 г. Фрагмент османской миниатюры. 1585–1588 гг.

Ханский визирь (баш ага, хан агасы) в середине XVII в. Сефер-Гази Ага. Картина неизвестного художника. 1670 г. Краеведческий музей, г. Птуй, Словения.

Мухаббет-наме (письмо) калги-султана Хусам Герая в адрес русского царя Михаила Федоровича. 1635 г. Фрагмент. Тугра.

Конечный протокол мухаббет-наме (письма) калги Хусам Герая (1635 г.) с указанием места написания документа: «Акмесджит богохранимый» («Aqmescid el-mahruse»).

г. Симферополь, ул. Курчатова, 4. Соборная мечеть Кебир-Джами.

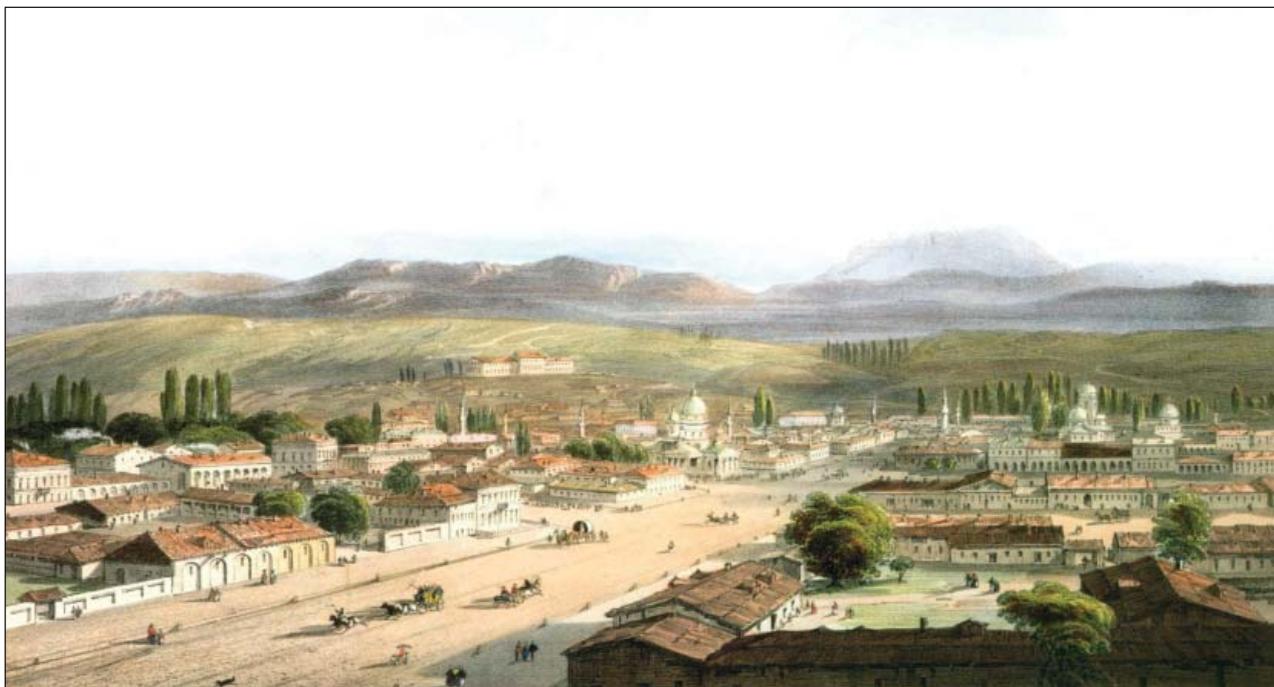
Каменная плита с текстом, указывающим на воссоздание мечети Кебир-Джами в 1740/41 гг.

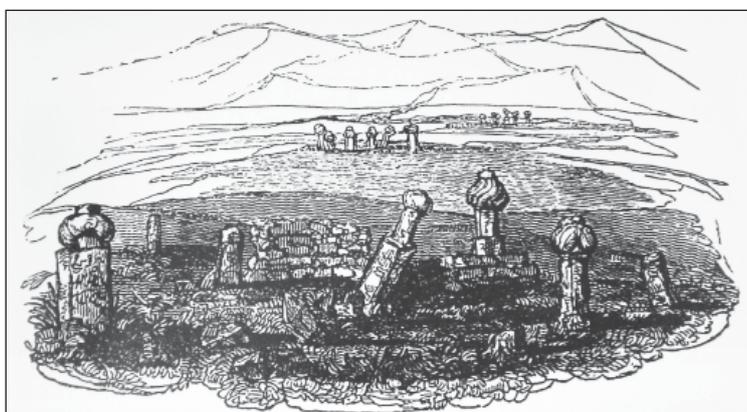
г. Симферополь, ул. Клары Цеткин, 34. Внутренний интерьер мечети Сейит-Сеттар Челеби (старое здание). Фото 2012 г.

г. Симферополь, пер. Колодезный, 3. Мечеть Хаджи Сеит-Нафе. Фото 2018 г.

Боссоли К. Симферополь в 1840–1842 гг. Литография.

Татарское (в оригинале – «турецкое») кладбище в Симферополе. Гравюра Дж. Кларка с рисунка У. Ньюема. 1830 г. Из книги «Крымские путешествия: Джеймс Уэбстер и его вояж по Крыму в 1827 г.». Симферополь, 2016.

Кизеветтер В. Внутренний интерьер крымскотатарской кофейни в Симферополе. 1845–1847 гг.

*Исмаил Муфти-заде
(1841–1917)*

*Гебенс А. И. Лейб-гвардии Крымскотатарский эскадрон.
1858 г.*

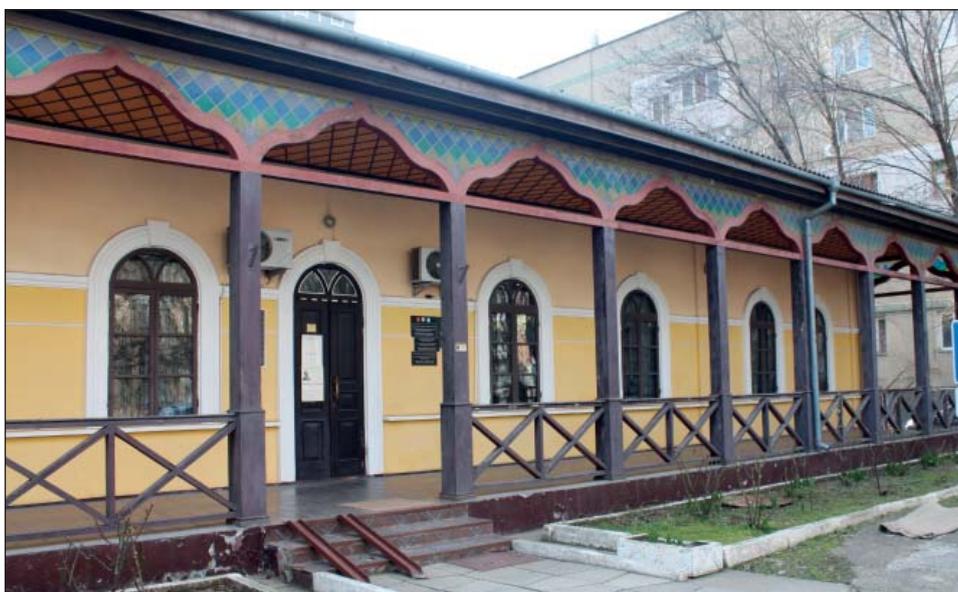
г. Симферополь, ул. Крылова, 37. Бывший дом И. Муфти-заде. Фото 2017 г.

г. Симферополь, ул. Горького, 22 / Желябова, 14. Бывшая усадьба Саид-бея Булгакова. Фото 2018 г.

г. Симферополь, ул. Ефремова – Володарского, 4/22. Бывшая Симферопольская татарская учительская школа. Фото 2017 г.

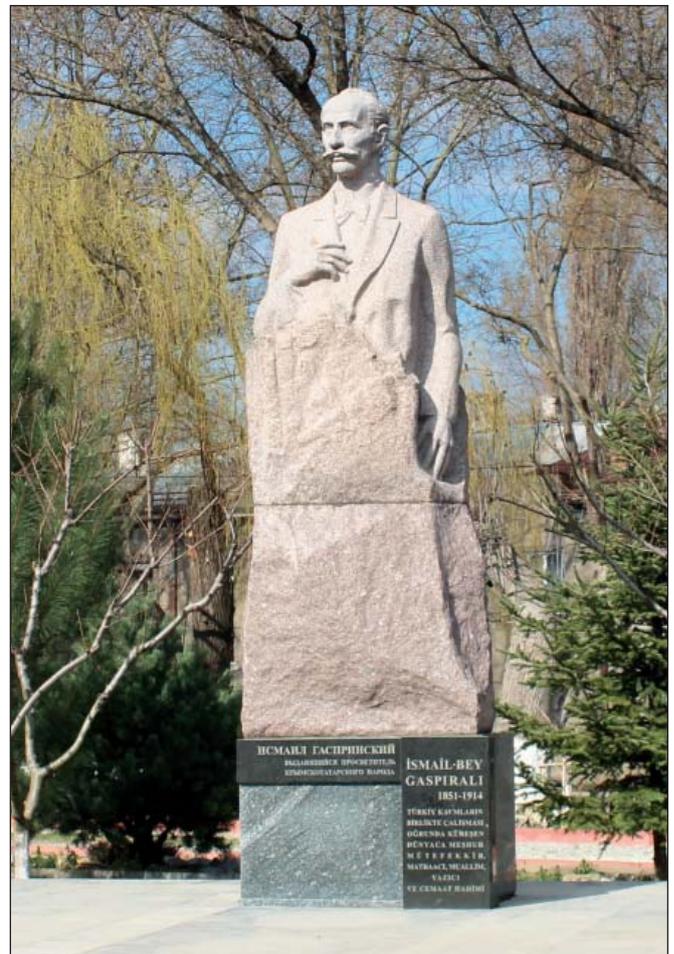
г. Симферополь, ул. Самокиша, 8. Здание бывшей Симферопольской школы-рушдие, ныне – Республиканская крымскотатарская библиотека им. И. Гаспринского. Фото 2018 г.

г. Симферополь, ул. Карла Маркса, 32. Бывшая Симферопольская мужская казенная гимназия, ныне – Гимназия № 1 им. К. Д. Ушинского. Фото 2018 г.

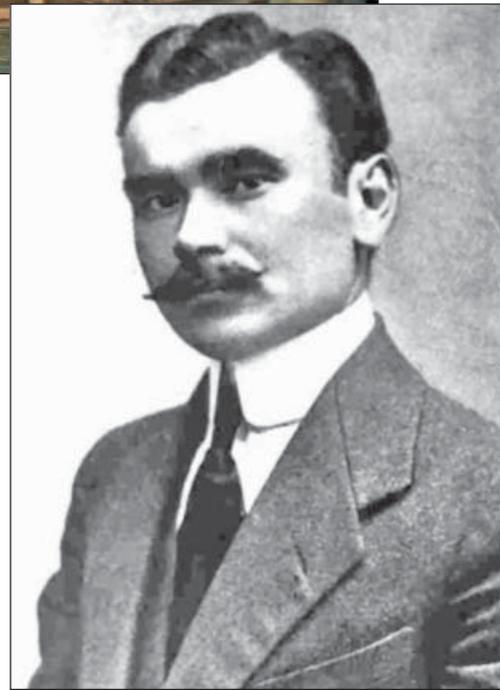
г. Симферополь, ул. Самокиша, 8. Бронзовый барельеф И. Гаспринского на стене перед входом в библиотеку, названную в честь выдающегося просветителя (Республиканская крымскотатарская библиотека им. И. Гаспринского).

Памятник И. Гаспринскому в Симферополе, (на ул. Воровского). Фото 2018 г.

*г. Симферополь, ул. Чехова, 20. Здание бывшего
Таврического магометанского духовного правления.
Фото 2018 г.*

Номан Челебиджихан (1885–1918)

Логотип газеты «Миллет» (1917–1920 гг.)

*г. Симферополь,
ул. Ленина, 11.
Бывший Дом
губернатора Тав-
риды, в котором
в первой половине
20-х гг. XX в. рас-
полагались Крым-
ЦИК и Совнарком
Крымской АССР.
Фото 2017 г.*

*г. Симферополь.
Гостиница
«Европейская»
(не сохранилась).
Открытка
нач. XX в.*

*г. Симферополь,
пер. Совнаркомовский, 3.
Бывший приют
А. Я. Фабра, в 1920–
1930 гг. – Наркомат земле-
делия Крымской АССР.*

*г. Симферополь,
ул. Жуковского, 5. Бывший
Жилой дом Правитель-
ства Крымской АССР.
Фото 2017 г.*

*г. Симферополь, ул. Крылова 60.
Здание бывших Крымского му-
сульманского благотворительного
общества и Крымскотатарской
образцовой средней школы-интер-
ната № 12. Фото 2017 г.*

*9-й класс Крымскотатарской образцовой
средней школы-интерната
№ 12. Фото 1941 г.*

9^й класс 72^е ТАТАРСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ. 1941 г.

*г. Симферополь, ул. Караим-
ская, 23а. Бывшая Крымско-
татарская образцово-показа-
тельная средняя школа № 13,
ныне – Общеобразовательная
школа № 14. Фото 2018 г.*

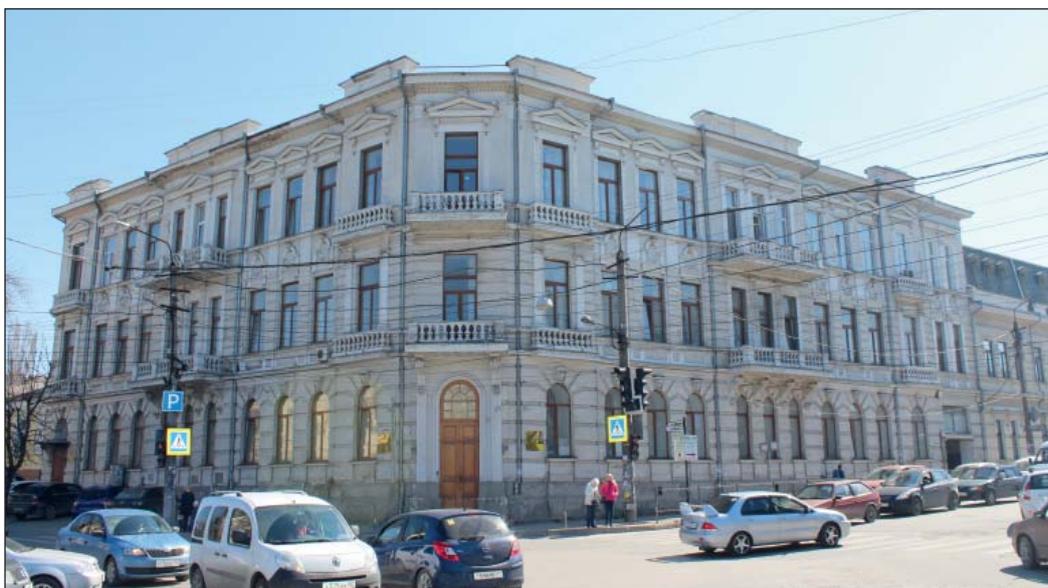
*Учащиеся Крымскотатарской
образцово-показательной средней
школы № 13. Фото 1938 г.*

г. Симферополь. ул. Киевская, 75 / пр. Победы, 1. Бывший Доходный дом Г. Н. Христофорова, в 1924–1931 гг. – Крымский татарский (Тотайкойский) педагогический техникум, в 1930–1960 гг. – Крымский сельскохозяйственный институт им. М. И. Калинина. Фото 2017 г.

г. Симферополь, ул. Александра Невского, 27а. Музей анатомии. В 1930 гг. в этом здании проходили занятия Областного татарского медицинского политехникума. Фото 2017 г.

г. Симферополь, ул. Ленина, 17. Бывшая гимназия В. А. Станишевской, в 1925–1972 гг. – Крымский педагогический институт им. М. В. Фрунзе. Фото 2017 г.

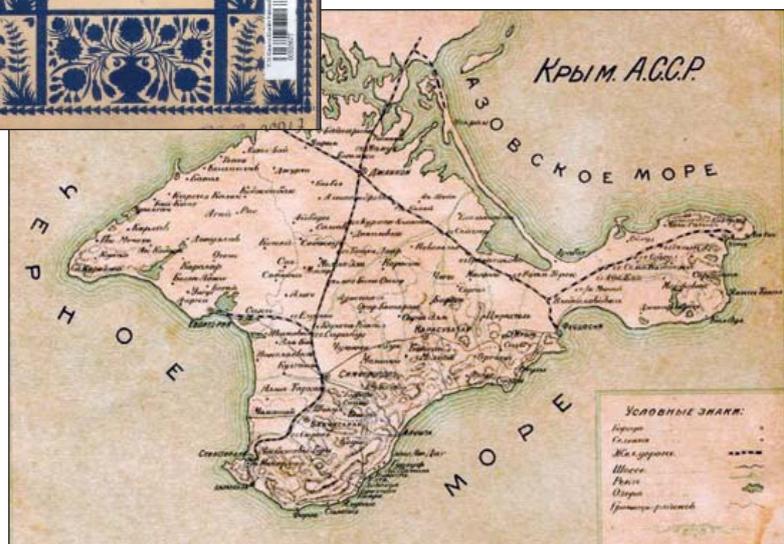
г. Симферополь, ул. Горького, 5. Бывший дом Ф. Ф. Шнейдера в котором в 1920–1930 гг. располагалось Крымское Государственное издательство (Крымгосиздат). Фото 2018 г.

Бахаревич З., Одабаши А. Крымско-татарские детские песни. – Симферополь: Крымгосиздат, 1926. – 48 с.: илл., с нотами (на крымско-татарском языке, с подстрочным переводом текстов песен на русский язык).

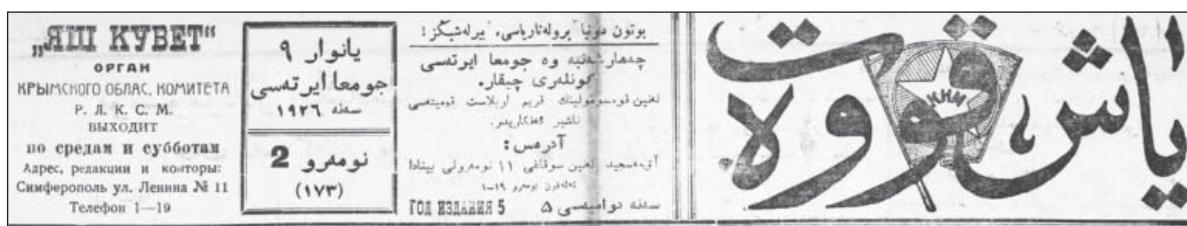
Сказки крымских татар в передаче М. Г. Кустовой / вступ. ст. М. Г. Кустовой; подгот., ред. М. В. Вуль.; илл. А. Варфоломеева. – Симферополь: Крымгосиздат, 1941. – 120 с.: илл.

Открытое письмо с картой Крымской АССР. Симферополь, Крымгосиздат, 1920-е гг.

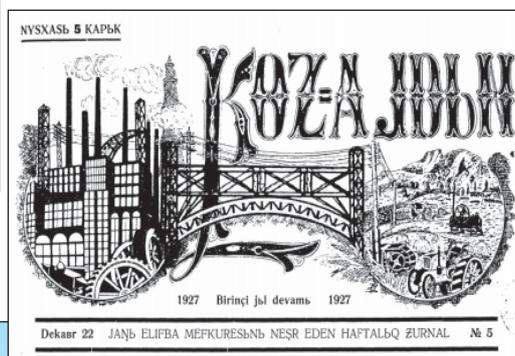
г. Симферополь, ул. Ленина, 11. Бывший Дом Дувана, в котором в 1920-е гг. располагалась редакция газеты «Енъи дюнъя» («Новый мир»).

Логотип газеты «Яш кувет» («Юная сила») за 2 января 1926 г.

Логотип газеты «Янъи дюнъя» («Новый мир») за 21 августа 1935 г.

Логотип журнала «Козъай-дын» («Радостная весть») за 22 декабря 1927 г.

г. Симферополь, ул. Карла Маркса, 6. Бывший Дом Папе, в котором в 1930–1940 гг. размещалась редакция газеты «Янъи дюнъя» («Новый мир», с 1938 г. – «Къызыл Къырым») («Красный Крым»). Фото 2018 г.

*г. Симферополь. Бывший Театр Таврического дворянства, позже – Крымский государственный драматический театр им. М. Горького, ныне – Крымский академический русский драматический театр им. М. Горького. В 1920–1940 гг. в этом здании работал Крымский государственный татарский драматический театр, а также Крымский татарский театрально-музыкальный техникум
Фото 2018 г.*

г. Симферополь., ул Желябова, 17. Здание бывшего Центрального Дома юных пионеров, в котором в 1937–1938 гг. размещался Крымский государственный татарский театр оперы и балета. Фото 2017 г.

*г. Симферополь, ул. Крылова, 37. Здание бывшего кинотеатра им. Субхи (территория усадьбы И. Муфти-заде).
Фото 2017 г.*

г. Симферополь, ул. Гоголя, 14. Здание бывшего Окружного суда Таврической губернии, в 1920–1930 гг. – Дворец Труда, в котором в 1930–1936 гг. размещался Крымский областной радиокомитет.

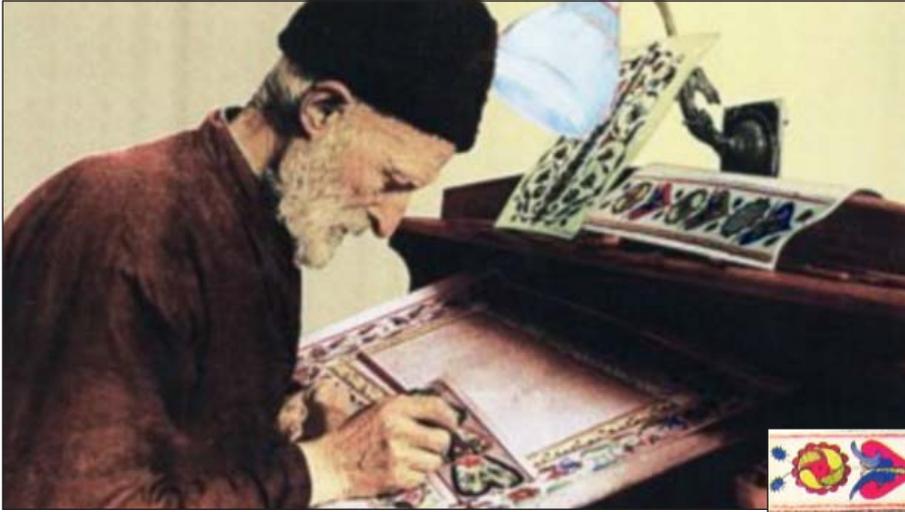
г. Симферополь, бульвар Ленина, 1. Дом, в котором в 1933–1941 гг. жил классик крымскотатарской литературы, поэт и литературовед Э. Шемьи-заде.

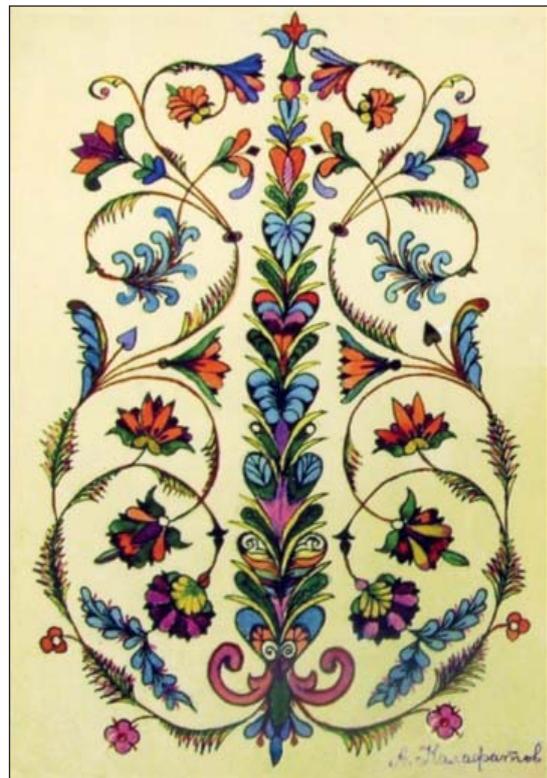
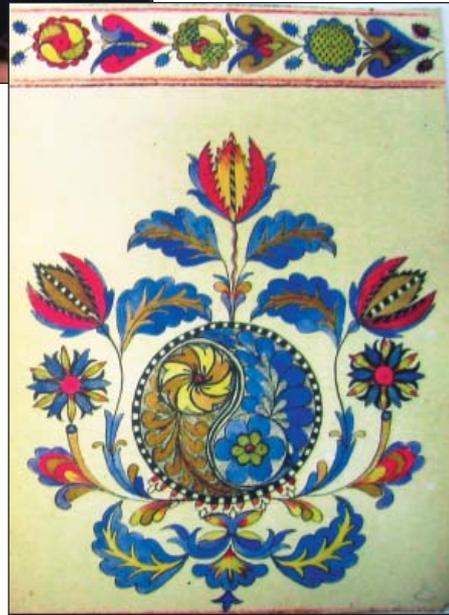
г. Симферополь, ул. Героев Аджимушкая, 5. Дом, в котором в 1930-е гг. жил выдающийся крымскотатарский поэт, литературовед и педагог Абдулла Лятиф-заде. Фото 2017 г.

г. Симферополь, ул. Жуковского, 20. Бывший Дом спецалистов, в котором в 1930–1940 гг. жил ряд известных крымскотатарских государственных и культурных деятелей. Фото 2017 г.

Выдающийся крымскотатарский мастер-оружейник, чеканищик и орнаменталист Амет Калафатов. 1930-е гг.

Орнаментальные панно А. Калафатова.

г. Симферополь. Железнодорожное депо, в котором в 1938–1939 гг. работал Амет-Хан Султан. Фото 2018 г.

Памятная табличка в честь дважды Героя Советского Союза Амет-Хана Султана на территории Симферопольского железнодорожного вокзала. Фото 2018 г.

г. Симферополь. Железнодорожный вокзал. Мемориальный знак в память жертв депортаций из Крыма крымских татар, немцев, армян, болгар и греков в 1941 и 1944 гг. Фото 2018 г.

г. Симферополь. Железнодорожный вокзал (старое здание). Фото 1930-х гг.